

ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»
Центр коллективного пользования «Военная история России»

ФГУБК «Государственный историко-мемориальный
музей-заповедник "Сталинградская битва"»

ГКУВО «Центр документации новейшей истории
Волгоградской области»

ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области»

Волгоградское региональное отделение
Академии военных наук РФ

Волгоградское региональное отделение
Российского военно-исторического общества

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

Материалы

*Международной научной конференции,
посвященной 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне*

Волгоград, 25—26 сентября 2015 года

В 2 частях

Часть 2

Волгоград 2015

ББК 63.3(2)

В63

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *С. Г. Сидоров* (отв. редактор);
д-р ист. наук, проф. *О. Ю. Редькина* (зам. отв. редактора);
канд. ист. наук, доц. *О. А. Гоманенко* (отв. секретарь);
канд. ист. наук, доц. *А. В. Луночкин*;
канд. ист. наук, доц. *Т. В. Нелин*;
д-р филос. наук, проф. *В. Н. Гуляихин*;
д-р полит. наук, проф. *С. А. Панкратов*;
д-р ист. наук, проф. *М. А. Балабанова*;
А. В. Васин; *Л. И. Будченко*; *А. И. Коломыткин*

Издание осуществлено в рамках проекта РГНФ №15-11-34501
«Международная конференция “Военная история России:
проблемы, поиски, решения”, посвященная 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Военная история России: проблемы, поиски, решения [Текст] :
Б63 материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Ве-
ликой Отеч. войне, Волгоград, 25–26 сент. 2015 г. В 2 ч. Ч. 2 / Федер.
гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр.
гос. ун-т». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. – 652 с.

ISBN 978-5-9669-1449-3 (ч. 2)

ISBN 978-5-9669-1447-9

Сборник содержит материалы докладов, представленных участниками
Международной научной конференции «Военная история России: пробле-
мы, поиски, решения», посвященной 70-летию Победы в Великой Отече-
ственной войне 1941–1945 годов. Конференция проводилась в Волгоградс-
ком государственном университете 25–26 сентября 2015 года.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9669-1449-3 (ч. 2)

ISBN 978-5-9669-1447-9

© Авторы статей, 2015

© ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный
университет», 2015

© Оформление. Издательство Волгоградского
государственного университета, 2015

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

УДК 94(470).01
ББК 63.3(2)2-9

«АМАЗОНКИ» РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Клепиков Валерий Михайлович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры археологии и зарубежной истории
Волгоградского государственного университета
valery.klepikov@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме интерпретации раннесарматских женских погребений Нижнего Поволжья с предметами вооружения. Эта группа немногочисленна и неоднородна. Первая часть представлена погребениями с единичными наконечниками стрел, во второй найдены наборы стрел и даже мечи с колчанами. Наличие отдельных наконечников стрел в погребении может нести самую разную смысловую нагрузку, не связанную с военным делом. Однако наличие колчана и меча должно свидетельствовать об отношении к военному делу. Этнографические параллели не позволяют определять эти погребения как отдельную социальную группу, но явно свидетельствуют об участии женщин в военных мероприятиях.

Ключевые слова: раннесарматская археологическая культура, Нижнее Поволжье, женские погребения, вооружение, меч, наконечники стрел, амазонки.

Погребения женщин с предметами вооружения в сопутствующем инвентаре хорошо известны в скифо-сарматской археологии степи

и лесостепи Евразии. К ним неоднократно обращались исследователи, анализируя социальные и гендерные проблемы кочевого общества. Однако немногочисленность антропологических определений зачастую не позволяла уверенно интерпретировать имеющийся материал, поскольку выводы зачастую делались исходя из набора инвентаря, определяемого как сугубо мужской или женский. В настоящее время ситуация постепенно меняется, что нашло свое отражение в новой серии работ в этом направлении. Поскольку античная письменная традиция в большей степени отражает скифо-савроматскую проблематику, неудивительно обращение археологов в первую очередь к этому материалу [1, с. 70–71; 2, с. 71–75; 3, с. 48–61], но аналогичные работы появились и в изучении саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири [4, с. 72–79].

В раннесарматских комплексах Нижнего Поволжья также обнаружены женские погребения с оружием. Из 157 погребений, определенных антропологами как женские, лишь в 17 зафиксированы предметы вооружения, представленные наконечниками стрел и короткими мечами. В литературе по таким погребениям традиционно определяли специфический статус женщин как воительниц, равноправных участниц боевых действий вплоть до женских военизированных отрядов или молодежных групп, проходящих обряд инициации [5, с. 47; 6, с. 248]. Однако набор вооружения представлен весьма разнообразно: как отдельными наконечниками, так и несколькими десятками (видимо, колчаном), коротким мечом и даже колчаном в сочетании с мечом.

Интерпретация единичных либо двух-трех наконечников стрел в качестве маркеров воинского статуса женщины обоснованно подвергалась сомнению как зарубежных, так и отечественных исследователей. И если в работе итальянских ученых М. Барнабея, Л. Бондиоле и А. Гуиди просто отрицалось понимание отдельного наконечника как «настоящего» оружия [7, с. 167, 173], то в статьях М.С. Стрижак, Т.В. Богаченко и В.Е. Максименко весьма подробно перечисляются иные смысловые контексты такого обычая [2, с. 74; 3, с. 54–55].

В нашей подборке из 17 погребений в 10 случаях оружие представлено отдельными бронзовыми наконечниками в количестве

от 1 до 3, железными втульчатыми (2 экз.), железными черешковыми (по 1 экз.) и даже костяным (1 экз.). Наличие бронзовых наконечников в погребениях II–I вв. до н. э., когда они уже вышли из употребления, является, на наш взгляд, дополнительным аргументом в пользу того, что их положение рядом с погребенной несло иную ритуальную нагрузку, нежели связь с военным делом. Да и обнаружение наконечников стрел в самых разных частях могилы не свидетельствует о едином стандарте, характерном для мужских воинских комплексов.

Однако в остальных семи погребениях ситуация выглядит иначе. У с. Ковалевка Октябрьского района Волгоградской области в двух соседних курганах найдены два впускные женские погребения с несколькими десятками железных наконечников стрел¹. Во впускном погребении 3 из кургана 3 в прямоугольной яме с заплечиками была похоронена женщина 25–35 лет, тело на спине вытянуто головой на Ю. Вместе с традиционным инвентарем, включающим лепной горшок, курильницы, обломок бронзового зеркала, бусы, куски мела и кости овцы в сопровождении железного ножа, справа от костяка найдено 27 железных черешковых наконечников стрел, видимо, лежавших в колчане.

Женское впускное захоронение в соседнем кургане 4, погребение 12, к сожалению, было ограблено. Однако оно, как и предыдущее, было впущено в центральную часть кургана, имело прямоугольную форму, а сама погребенная, судя по части непотревоженных костей, также была ориентирована головой в южный сектор. Среди сохранившихся вещей найден глиняный горшок, бусы, собрано 25 аналогичных железных наконечников стрел. Возраст погребенной также близок предыдущему – 20–25 лет.

Еще одно раннесарматское женское погребение с большим количеством стрел найдено в курганном могильнике Кривая Лука-VIII Астраханской области. Погребение 4 из кургана 4 было впущено в центральную часть кургана. Яма имела прямоугольную форму с ориентировкой С-Ю, захоронение тоже, к сожалению, было ограблено. На дне найдены кости женщины в возрасте около 20 лет, фрагменты керамики, бусы, бронзовое височное кольцо и 38 железных черешковых наконечников стрел [8].

В следующих трех погребениях колчаный набор был дополнен коротким мечом. Погребение 8 из кургана 10 могильника Барановка-I Камышинского района Волгоградской области было также впущено в центр насыпи и представляло собой узкую прямоугольную яму, на дне которой в колоде головой на Ю лежала женщина 20–25 лет. В ногах погребенной был положен младенец головой в ту же сторону. Вдоль правого бедра лежал железный кинжал, вдоль левой голени – колчан с 18 железными черешковыми наконечниками стрел. Еще в погребении было найдено две лопатки овцы и бусина [9, с. 30].

В Заволжье располагались могильники Калиновка, Бережновка-II и Молчановка-II. В погребении 22 кургана 3 Калиновского могильника, впущенном в стороне от центра, в прямоугольной яме, головой к Ю вытянуто лежал костяк женщины 18–20 лет в сопровождении меча справа, пачки спекшихся наконечников стрел в ногах, костяной бусины, куска халцедона и передней ноги овцы с железным ножом [10, с. 338].

Впускное погребение 2 кургана 63 могильника Бережновка-II также располагалось в поле насыпи. В прямоугольной яме находились скелеты женщины 20–30 лет и ребенка 3–4 лет головой к ЮЗ. У женщины справа лежал железный меч, слева – кожаный колчан с железными наконечниками стрел (около 30 штук). Кроме них, в погребении найдена костяная проколка, кости овцы и лепной горшок в ногах ребенка [11, с. 65–67].

Наконец, есть женское погребение 10 только с мечом, обнаруженное в кургане 1 могильника Молчановка-II. Впускная могила прямоугольной формы располагалась в западной части насыпи. На дне лежал скелет женщины зрелого возраста, тело вытянуто головой на С. Справа вдоль ноги находился меч. В погребении также обнаружены бусы, бронзовое зеркало, костяной игольник и кости передней ноги овцы [12, с. 133].

Заметим, что оружие, в отличие от одиночных наконечников стрел, располагалось в соответствии со стандартом, принятым в мужских захоронениях раннесарматского времени: меч справа вдоль ноги, колчан слева либо в ногах.

Определяя статус этих погребений, видимо, сразу следует отказаться от интерпретации их как девушек, находившихся в

процессе прохождения обряда возрастной инициации. Их вполне зрелый возраст (20–35 лет) и захоронения с ребенком в нескольких случаях не позволяют опереться на хрестоматийное свидетельство Псевдо-Гиппократов о том, что савроматские девушки «...замуж не выходят, пока не убьют трех неприятелей...» [13]. К тому же эта легендарная история не имеет ни одного этнографического подтверждения. Если юношеские инициации призваны включить молодого человека в социум прежде всего как воина, то обряды посвящения девушки во всех известных случаях связаны с ее половой ролью женщины, жены и матери [14].

В античных свидетельствах есть сообщения о воительницах-царицах у саков, массагетов, иксиматов (савроматов), юэчжей, аланов [15, с. 161–163]. Однако в нашем случае ни одно из вышеописанных погребений по оформлению и сопутствующему инвентарю не может претендовать на такой статус. К тому же все известные нам действительно богатые женские погребения раннесарматской культуры не имеют в сопутствующем инвентаре воинского снаряжения.

Вряд ли можно говорить о постоянных женских воинских подразделениях, которые определялись бы в виде специфической страты сарматского общества. Слишком невелико их число в общем массиве исследованных памятников.

В то же время участие женщин вместе с мужьями и самостоятельно в нападениях, набегах, обороне и охоте совсем не редкость. Этнографические наблюдения свидетельствуют о том, что во вполне патриархальных обществах осетин, абхазов, черкесов, индейцев и других женщины проявляли истинную воинскую отвагу наравне с мужчинами [15, с. 165–166]. Поэтому кажется вполне вероятным, что отдельные женщины, видимо, замужние, известные в обществе своими военными успехами, могли быть отмечены при погребении оружием в сопутствующем инвентаре погребения.

Примечание

¹ Выражаю искреннюю благодарность Е.П. Мыськову, А.С. Лапшину, А.В. Кияшко за возможность использовать материалы их раскопок в работе.

Список литературы

1. Бунятыян, Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии на материале скифских могильников IV–III вв. до н. э. / Е. П. Бунятыян. – Киев : Наукова думка, 1985. – 228 с.
2. Стрижак, М. С. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI – начале IV в. до н. э. / М. С. Стрижак // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / отв. ред. Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 71–75.
3. Богаченко, Т. В. Погребения «женщин с оружием» эпохи раннего железного века на Дону (методологические аспекты проблемы изучения) / Т. В. Богаченко, В. Е. Максименко // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 9. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 48–61.
4. Берсенева, Н. А. Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргатской культуры) / Н. А. Берсенева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 72–79.
5. Гуляев, В. И. Там, где жили амазонки: О работах Потуданской археологической экспедиции на Среднем Дону / В. И. Гуляев // Донская археология. – 2000. – № 3–4. – С. 38–50.
6. Богаченко, Т. В. Проблема интерпретации погребений «женщин с оружием» и обряды инициации / Т. В. Богаченко // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. – Вып. 21. – Азов : Азов. музей-заповедник, 2006. – С. 247–259.
7. Барнабей, М. Социальная структура кочевников савроматского времени / М. Барнабей, Л. Бондиоле, А. Гуиди // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха (V–IV вв. до н. э.). – М., 1994. – С. 159–184.
8. Федоров-Давыдов, Г. А. Отчет о раскопках курганов в урочище «Кривая Лука» в Черноярском районе Астраханской области в 1974 г. / Г. А. Федоров-Давыдов, В. В. Дворниченко, Н. В. Малиновская // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 5315.
9. Сергацков, И. В. Сарматские курганы на Иловле / И. В. Сергацков. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – 396 с.
10. Шилов, В. П. Калиновский курганный могильник / В. П. Шилов // Материалы и исследования по археологии СССР. № 60. Древности Нижнего Поволжья. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 323–523.

11. Сеницын, И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана / И. В. Сеницын // Материалы и исследования по археологии СССР. № 78. Древности Нижнего Поволжья. – Т. II. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – С. 10–168.
12. Сеницын, И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) / И. В. Сеницын // Материалы и исследования по археологии СССР. № 60. Древности Нижнего Поволжья. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 39–205.
13. Псевдо-Гиппократ, 24 // Вестник древней истории. – 1947. – № 2. – С. 295–296.
14. Богаченко, Т. В. Проблема интерпретации погребений «женщин с оружием» и обряды инициации / Т. В. Богаченко // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. – Вып. 21. – Азов : Азов. музей-заповедник, 2006. – С. 247–259.
15. Мирошина, Т. В. Амазонки у сарматов и проблема матриархата / Т. В. Мирошина // Проблемы скифо-сарматской археологии. – М. : Наука, 1990. – С. 159–176.

“AMAZONS” OF EARLY SARMATIAN AGE

Klepikov Valery Mikhailovich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of Archeology and Foreign History,
Volgograd State University
valery.klepikov@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article dedicates to the interpretation of Early Sarmatian female kurgan graves with armaments in the Lower Volga Region. This group isn't numerous and heterogeneous. In one part of these graves were found occasional arrowheads, in the second part were detected selections of arrows and even swords with quivers. Availability of occasional arrowheads in the grave can hold a lot of different meanings and not related to military affairs. However, the quiver and the sword shall indicate relation to military affairs. Ethnographic parallels don't allowed to determine the kurgan graves as a separate social group, but clearly indicate that women's took participation in military activities.

Key words: Early Sarmatian archaeological culture, Lower Volga Region, female kurgan graves, armaments, sword, arrowheads, Amazons.

УДК 94(470).01:623.444.1

ББК 63.3(2)2-9

ИЗ ИСТОРИИ САРМАТСКОГО КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ¹

Скрипкин Анатолий Степанович

Доктор исторических наук,
профессор кафедры археологии и зарубежной истории
Волгоградского государственного университета
anatoly.skripkin@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается дискуссионная проблема происхождения раннесарматских мечей прохоровского типа. Анализируются версии различных авторов в решении этой проблемы. Новые материалы археологических раскопок подтверждают версию о скифо-сарматских истоках в формировании мечей и кинжалов рассматриваемого типа.

Ключевые слова: сарматы, раннесарматская культура, мечи и кинжалы, происхождение, эволюция, инновации.

Клинковое оружие, мечи и кинжалы наряду с луком и стрелами являлись основным видом оружия сарматских воинов. Они представляют собой важную категорию находок, используемую не только в изучении военного дела сарматов, но и в разработке хронологии и периодизации их культуры, культурных взаимовлияний.

В данной статье речь пойдет о формировании клинкового оружия раннесарматской культуры. В сложившейся раннесарматской (прохоровской) культуре использовались мечи и кинжалы с серповидным навершием и прямым перекрестием (прохоровский тип). В процессе изучения этой культуры были выдвинуты две версии происхождения этого типа клинкового оружия: автохтонная и миграционная.

Впервые этот тип мечей был выделен М.И. Ростовцевым, он же высказал свое мнение об их происхождении, полагая, что

мечи прохоровского типа сложились на основе скифских мечей с сердцевидным перекрестием через промежуточный вариант, к которому он относил мечи со сломанным под тупым углом перекрестием и прямым навершием. Этот тип мечей он назвал переходным. М.И. Ростовцев обратил внимание и на другую возможность появления мечей прохоровского типа в эпоху эллинизма с Востока, например, Сибири, где клинковое оружие отличалось многообразием форм [1, с. 61].

Сторонником преимущественно автохтонного происхождения мечей прохоровского типа был известный специалист в области сарматской археологии К.Ф. Смирнов. Он считал, что согнутое под тупым углом перекрестие у переходных мечей могло сформироваться на основе узкого бабочковидного перекрестия более ранних мечей скифо-савроматского времени, которое трансформировалось в прямое перекрестие прохоровских мечей. Серповидное навершие этих мечей «развилося из древнего брусковидного через короткое, слегка изогнутое навершие, характерное для переходных мечей IV в. до н. э., и под влиянием волютного навершия» [2, с. 31]. Он также считал, что поскольку большинство мечей переходного типа происходит из Южного Приуралья, то здесь и произошло формирование мечей прохоровского типа. Версию о появлении этих мечей у сарматов с Востока он отрицал. Мечи переходного типа, по мнению К.Ф. Смирнова, в Южном Приуралье бытовали в основном в IV в. до н. э. К этому веку он относил и появление мечей собственно прохоровского типа.

В течение длительного времени точка зрения К.Ф. Смирнова на происхождение мечей прохоровского типа являлась господствующей. В конце прошлого века была предложена другая версия происхождения мечей рассматриваемого типа, автором которой был В.Ю. Зуев. Она основывалась на возрождении мнения М.И. Ростовцева о появлении у сарматов мечей прохоровского типа в результате восточного влияния. В.Ю. Зуев утверждал, что комплексы из Южного Приуралья, Поволжья и Подонья, содержащие мечи переходного типа, с одной стороны, и мечи прохоровского типа – с другой, разделены значительным

временным промежутком. Этот хронологический разрыв он определял в два-три века, что не подтверждало преемственность между этими типами мечей. В.Ю. Зуев считал, что позднее появление мечей прохоровского типа подтверждается совместными их находками с мечами с кольцевым навершием. Формирование мечей прохоровского типа, по его мнению, могло происходить в Восточном Прикаспии [3, с. 143–150]. Основные положения этой версии были поддержаны А.В. Симоненко [4, с. 19–24].

Накопившийся за последнее время материал позволяет утверждать, что единой однолинейной эволюции, завершившейся оформлением мечей прохоровского типа, не существовало. В процессе изучения скифо-сарматского клинкового оружия было выработано общепринятое правило считать типобразующими признаками форму навершия и перекрестия мечей. Наблюдения показывают, что на ранних этапах развитие форм наверший и перекрестий, приведших к появлению мечей прохоровского типа, шло независимо друг от друга.

В настоящее время известен ряд находок мечей и кинжалов, сочетающих в оформлении рукояти признаки как классического скифского, так и вполне сложившегося раннесарматского оружия. Два кинжала, случайно найденных у с. Челно-Вершины Самарской области и у с. Палимовка Оренбургской области, имели серповидные навершия и перекрестия, типичные для мечей скифо-савроматского времени, почковидной или сердцевидной формы [5, с. 39–45; 6, с. 62–75]. Еще одна случайная находка, но уже меча длиной 80 см, происходит из Верхнего Приобья (с. Горьковское). Меч имел серповидное навершие и сердцевидное перекрестие [7, с. 45, рис. 39, 1]. Диапазон датировок указанных находок, приведенных авторами публикаций, от VI до начала IV в. до н. э.

Случайные находки довольно точно датировать сложно. Однако известны случаи находок клинкового оружия аналогичных симбиозных форм и в погребальных комплексах. Так, в кургане 1 могильника Бесоба на Илеке был обнаружен кинжал с серповидным навершием и хорошо выраженным бабочковидным перекре-

стием. Погребение в кургане оказалось нарушенным, но на основании большого количества сопутствующих вещей авторы публикации датировали его второй половиной VI – началом V в. до н. э. [8, с. 103–115].

Еще одна ранняя находка кинжала с серповидным навершием происходит из меотского могильника (погребение 234в) Старокорсунского городища № 2 на Кубани. Дата погребения – конец VI – начало V в. до н. э. [9, с. 53, 123, рис. 66, 4].

Таким образом, уже этот небольшой перечень находок не подтверждает высказывавшуюся ранее версию о том, что серповидное навершие у раннесарматских мечей и кинжалов появилось под влиянием более ранних мечей с волутообразным навершием [1, с. 61; 2, с. 31]. Серповидное навершие существовало у мечей и кинжалов, датируемых VI–V вв. до н. э. задолго до широкого его употребления в раннесарматское время. Мечи и кинжалы с серповидным навершием в скифо-савроматское время сосуществовали с мечами с другими типами наверший, в том числе и с волутообразными.

Для мечей классического прохоровского типа характерно прямое перекрестие. Его происхождение – это отдельная линия развития, не связанная с появлением серповидного навершия. Прямое перекрестие в раннесарматское время приходит на смену разным вариантам фигурных перекрестий мечей скифо-савроматского времени. М.И. Ростовцев и К.Ф. Смирнов отмечали, что формирование перекрестия сарматских мечей происходило эволюционно от почковидных, через сердцевидные к бабочковидным и от них к прямому, через перекрестия, сломанные под тупым углом, характерные для мечей IV в. до н. э. Этот процесс протекал преимущественно в среде приуральских савроматов. С III в. до н. э. мечи с прямым перекрестием становятся ведущим типом клинкового оружия сарматов [10, с. 31].

Имеющийся на настоящее время материал позволяет утверждать, что изложенная выше версия формирования прямого перекрестия у сарматских мечей прохоровского времени является наиболее приемлемой. Уже неоднократно отмечалось, что у ме-

чей позднего скифо-савроматского времени преобладают перекрестия узкой бабочковидной формы [11, с. 50].

В настоящее время известны находки мечей с так называемым бабочковидным перекрестием, мало чем отличающиеся от перекрестия, сломанного под тупым углом. Причем как те, так и другие мечи встречаются в одних могильниках, погребальные комплексы которых близки по времени. В этом отношении показателен Филипповский курганный могильник, располагавшийся в Южном Приуралье. В погребениях этого могильника обнаружена целая серия мечей с узким бабочковидным и сломанным под тупым углом перекрестиями [12; 13]. Общая дата могильника, по последним данным, определяется в пределах рубежа V–IV вв. – третьей четверти IV в. до н. э. [14, с. 283–285].

Высказывавшееся ранее мнение о том, что появление прямого перекрестия у раннесарматских мечей не могло появиться в результате эволюции предшествующих форм перекрестий, навряд ли может быть принято безоговорочно. Причины эволюционного развития перекрестия у раннесарматских мечей были, видимо, чисто прагматическими. С IV в. до н. э. в Южном Приуралье значительно возрастает производство клинкового оружия. Более десяти лет назад здесь насчитывалось 44 находки мечей переходного типа [15, с. 153], которых в прошлой реальной действительности было во много раз больше. Производство мечей прохоровского типа осуществлялось в еще больших масштабах. Потребность во все большем количестве клинкового оружия приводила к упрощению его схемы, поскольку сломанное под углом или дуговидное перекрестие было легче изготовить, чем бабочковидное, а прямое – легче, чем сломанное или дуговидное перекрестие.

Археологические исследования в последние десятилетия, в том числе и в Южном Приуралье, раскопки эпонимного памятника – Прохоровского курганного могильника, Филипповских курганов убедительно доказывают постулат, сформулированный еще в конце прошлого века, о том, что на развитие культуры сарматов влияли два фактора: преемственность в отношении предшеству-

ющих местных традиций и инновации, привносимые обычно в результате миграционных процессов [16, с. 17–33]. Что касается раннесарматских мечей прохоровского типа, то они являлись продуктом развития скифо-савроматских традиций в более широком плане в отношении формирования наверхий и в более узком с локализацией в Южном Приуралье – в отношении происхождения перекрестий. В формировании и существовании мечей прохоровского типа никаких хронологических разрывов не существовало [17, с. 367–380].

Примечание

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-11-34002 а/р.

Список литературы

1. Ростовцев, М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма / М. И. Ростовцев // МАР. – № 37. – Пг., 1918. – 102 с.
2. Смирнов, К. Ф. Вооружение савроматов / К. Ф. Смирнов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 162 с.
3. Зуев, В. Ю. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа / В. Ю. Зуев // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе : материалы Междунар. конф., 2–5 сент. 1998 г. – СПб., 1998. – С. 143–150.
4. Симоненко, А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья / А. В. Симоненко. – СПб. : Фак. филологии и искусств СПбГУ : Нестор-История, 2010. – 328 с.
5. Мышкин, В. Н. Находки клинкового оружия савроматского времени в Самарском Поволжье / В. Н. Мышкин, А. В. Денисов, Д. А. Сташенков // Самарский край в истории России : материалы Межрегион. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня основания Самар. обл. ист.-краевед. музея им. П. В. Алабина. – Вып. 3. – Самара, 2007. – С. 39–45.
6. Денисов, А. В. Клинковое оружие кочевого населения бассейна реки Самары в VII–IV вв. до н. э. / А. В. Денисов, В. Н. Мышкин // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 9. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 62–75.

7. Могильников, В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. / В. А. Могильников. – М. : Пушкин. науч. центр РАН, 1997. – 195 с.

8. Кадырбаев, М. К. Материалы раскопок могильника Бесоба / М. К. Кадырбаев, Ж. Курманкулов // Археологические исследования в Отраре. – Алмата : Наука КазССР, 1977. – С. 103–115.

9. Лимберис, Н. Ю. Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережной Кубани) / Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко. – Краснодар : КубГУ, 2012. – 316 с.

10. Хазанов, А. М. Очерки военного дела сарматов / А. М. Хазанов. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2008. – 294 с.

11. Скрипкин, А. С. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н. э. / А. С. Скрипкин // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров (отв. ред.). – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 38–50.

12. Пшеничнюк, А. Х. Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале / А. Х. Пшеничнюк // Документы и материалы по истории Башкирского народа. – Уфа, 2012. – 275 с.

13. Яблонский, Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1 / Л. Т. Яблонский. – М. : ИА РАН, 2013. – 232 с.

14. Трейстер, М. Ю. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка I / М. Ю. Трейстер, Л. Т. Яблонский // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). – Т. I. – М. : Таус, 2012. – С. 282–284.

15. Васильев, В. Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса / В. Н. Васильев // Уфимский археологический вестник. Вып. 5 / В. Г. Котов (отв. ред.) [и др.]. – Уфа, 2004. – С. 153–172.

16. Скрипкин, А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории : науч. докл., представл. в качестве дис. на соискание науч. степени д-ра ист. наук / А. С. Скрипкин. – М., 1992. – 46 с.

17. Скрипкин, А. С. Клинковое оружие в разработке хронологии и некоторых вопросов этнополитической истории раннесарматской культуры Волго-Уральского региона / А. С. Скрипкин // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апр. 2014 г.) / отв. ред. С. И. Лукьяшко. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – С. 367–380.

FROM THE HISTORY
OF SARMATIAN BLADE WEAPON

Skripkin Anatoly Stepanovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Archaeology and Foreign History,
Volgograd State University
anatoly.skripkin@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article is about the discussion problem of the origin Early Sarmatian swords prokhorovkas type. This paper analyzes the different versions of the authors in solving this problem. New materials of archaeological excavations confirmed the story of the Scythian-sauromatian origins in the formation of swords and daggers of this type.

Key words: Sarmatians, Early Sarmatian culture, swords and daggers, origin, evolution, innovation.

УДК 94(3):355.318.1

ББК 63.3(0)323.4-35

ГВАРДИЯ ОКТАВИАНА АВГУСТА И ЕЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Дьяченко Алексей Юрьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории
Алтайского государственного университета
sqrg.1991@mail.ru
ул. Взлетная, 51-15, 656058 г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема эволюции преторианских когорт и преобразование в императорскую гвардию. Преторианская гвардия, созданная Октавианом Августом, по мнению ряда исследователей, вела свое начало от преторианских когорт периода гражданских войн. По мнению автора, нельзя назвать революционной деятельность Августа по созданию императорской гвардии, как это делает ряд представителей отечественной и зарубежной историографии. В случае с созданием гвардейских частей, как и во многих других предприятиях, деятельность Августа заключалась в том, чтобы приспособить институты республиканского периода в качестве основ зарождающегося нового политического строя.

Ключевые слова: Древний Рим, Октавиан Август, преторианская гвардия, гражданские войны, принципат, преторианские когорты.

Последнее время наблюдается повышенный интерес к изучению истории римской армии. По замечанию ряда исследователей как в отечественной, так и зарубежной историографии история отдельных родов войск изучена не в полной мере [1–3], и подразделения императорской гвардии, особенно в начальный период своего развития, принадлежат к числу малоизученных объектов военно-политической системы Рима [3–4].

Изучение истории римской армии, а, как следствие, и преторианской гвардии, пришло в Россию вместе с изучением античности с Запада. Вместе с тем в отечественную историографию перекочевал ряд положений, которые воспринимались как данное и не подвергались детальному рассмотрению как отдельная про-

блема. В современной исторической литературе широко распространено мнение о том, что преторианская гвардия зародилась в период гражданских войн I в. до н. э. [5–9]. Ряд представителей отечественной и зарубежной историографии считают деятельность Августа по созданию императорской гвардии революционной, разрушающей основы старого республиканского строя [5; 10; 11; 12]. На наш взгляд, деятельность Августа в отношении гвардии, как это было свойственно этому императору, была нацелена на то, чтобы приспособить институты республиканского периода к его политическим потребностям, а не совершить революцию в организации военно-политической системы Рима.

Личная охрана как институт сформировался у римлян задолго до периода гражданских войн I в. до н. э. Римские полководцы с давних времен, находясь в походе, окружали себя вооруженными людьми, которых использовали в качестве телохранителей, исполнителей своих личных поручений или как боевую единицу на поле боя. У Тита Ливия есть информация о том, что римский диктатор Авл Постумий в битве при Регилльском озере в 496 г. до н. э. держал при себе такое элитное подразделение (Liv. 2.20.2). От того же Ливия мы узнаем, что Сципион Африканский, находясь на острове Сицилия в 205 г. до н. э., имел личную охрану из трех сотен молодых бойцов. Их снаряжение и лошади были куплены самим полководцем (Liv. 29.1.2). Марк Веррий Флакк использует термин «Praetoria cohors», обозначая им отряд телохранителей Сципиона Африканского. Он указывает на то, что этот отряд был сформирован из самых смелых солдат армии; они освобождались от большинства служебных обязанностей, а жалование имели вполнину большее, чем у остальных солдат (Festus 1.7). Подобные отряды телохранителей, которые сопровождали римских патрициев, подобно Сципиону Африканскому и Сципиону Эмилиану, были сформированы из их клиентов и политических сторонников (App. Hisp. 84).

Римские полководцы при комплектовании отряда личной охраны ориентировались на профессиональные способности, а не на социальное происхождение кандидатов. В качестве телохранителей иногда использовали варваров и гладиаторов (Sall. Iug. 98.1; Caes. BG 1.39.2). Цицерон применяет термин «Praetoria cohors» для воин-

ских подразделений, которые воевали в Киликии (Cic. Ad Fam. 15.4.7), а также в Цизальпинской Галлии в армии Гая Мария (Cic. Verg. 2.1.36). В аналогичном смысле этот термин используется у Саллюстия, который сообщает, что Марк Петрей командовал преторианской когортой Гая Антония в битве при Пистории против сил Катилины (Sall. Cat. 60.5; 61.3). В период одной из своих компаний в Галлии Цезарь первым стал использовать в качестве конных телохранителей германцев [13, р. 12]. Таким образом, преторианские когорты при особах полководцев изначально были их личными военными подразделениями, а не частью республиканской армии.

В начале I в. до н. э. термин «Praetoria cohors» использовался не только в военном контексте. Он также применялся для обозначения группы приближенных, которую разрешалось набирать наместнику провинции для сопровождения и помощи во время его службы. Так, Цицерон пишет о преторианской когорте Лициния Верреса в Сицилии (Cic. Verg. 2.2.30; 2.2.34; 2.2.66; 2.3.70) и его брата Квинта в Греции (Cic. Ad Quint. Frat. 1.1.12). В своих речах он упоминает и преторианские когорты Катилины как группу его приспешников и последователей (Cic. Cat. 2.23). Подобное использование термина «Praetoria cohors» мы можем найти у поэта Катулла, который служил в преторианской когорте Гая Меммия в Вифинии (Catull. 10.9.–13). Получается, что термин «Praetoria cohors» традиционно употреблялся в отношении не только вооруженного отряда, но и помощников и приближенных магистрата. Очевидно, такая практика была заимствована римлянами у греков.

Процесс милитаризации преторианских когорт наиболее ярко проявился в период гражданских войн, последовавших за убийством Цезаря [14, р. 45]. Именно тогда использование преторианцев римскими военачальниками получило более широкое распространение [5]. Полководец, обладавший таким подразделением, получал очевидные преимущества, заключавшиеся в том, что под рукой находилось подразделение, способное исполнить специальный приказ наиболее быстро и точно. Нельзя отвергать и необходимость защиты своей персоны от возможного покушения со стороны агентов противника.

Антоний и Октавиан содержали большие отряды телохранителей, в источниках есть множество упоминаний об этом, особенно

у Аппиана (App. BC. 3.45; 3.52; 3.66). В битве при Мутине преторианские когорты соперников сражались друг против друга (App. BC. 3.67). В следующем году, перед битвой при Филиппах, флот под командованием Домиция Кальвина, который перевозил преторианские когорты Октавиану, затонул в Адриатическом море (App. BC. 4.115). Несмотря на отсутствие этих сил на поле боя, Антоний и Октавиан одержали победу и после битвы поделили между собой поровну 8 000 ветеранов, которые изъявили желание остаться на службе в преторианских когортах (App. BC. 5.3; Dio Cass. 48.2.3).

Когорты Октавиана приняли участие в кампании 41/40 г. до н.э. против Луция Антония в Перузии, но преторианские когорты с обеих сторон призвали урегулировать разногласия своих командиров без боя (App. BC. 5.24; 5.34). Их призыв был услышан, и конфликт оказался исчерпанным (App. BC. 5.59). Влияние преторианцев на выработку их патронами политических решений приобрело заметный масштаб именно в это время.

Нам известно, что Антоний пытался укрепить верность своих преторианских когорт путем выпуска монет с их изображением [15, р. 526]. Три его когорты участвовали в парфянском походе (Plut. Ant. 39).

После победы Августа все когорты его политических соперников вошли в состав армии победителя (App. BC. 4.50; Vell. Pat. 2.88; Dio Cass. 51.3.1-4). Октавиан осознал важность постоянного присутствия при своей персоне преторианцев [5]. Было бы удивительно, если бы он распустил их, особенно учитывая сложную политическую и экономическую ситуацию в самой Италии, связанную с массовой демобилизацией и конфискацией земель противников (Suet. Aug. 17; Dio Cass. 51.3.4), что привело к высокому уровню бандитизма (Suet. Aug. 32; Dio Cass. 52.27.5). К 31 г. до н. э. существующие преторианские когорты очень сильно отличались от своих предшественников. Они прошли путь от личной охраны и помощников представителей нобилитета до специфических сил правопорядка.

Можно предположить, что преторианская гвардия участвовала в подавлении наиболее известных заговоров против Августа – Варрона Мурена, Фанния Цепиона в 22 г. до н. э. и Юла Антония во 2 г. н. э. Как сообщает Светоний (Suet. Aug. 32), в Италии

царил разгул большого количества разбойничьих шаяк, которые беспокоили жителей и мешали нормальному функционированию местных администраций. Вполне вероятно, что преторианцы помогали городским когортам бороться с этими шайками разбойников. Кроме того, наличие сенатской оппозиции складывавшемуся режиму делало необходимым существование постоянной гвардии как института. Чтобы противостоять внутренним угрозам, Августу были необходимы силы внутренней безопасности. Одновременно перед ним стояла задача национального примирения после череды гражданских войн, которая не позволяла ему скрываться за мечами своих телохранителей, подобно греческим тиранам, что усугубило бы дальнейший раскол нации. Он не пошел по пути Суллы, противопоставившего одни слои населения другим (App. BC. 1.100; Plut. Sulla 34). Октавиан понимал, что только система управления, построенная на основе прочного социального мира способна сплотить общество. Август не мог позволить себе сделать гвардию устрашающей опорой своей власти, и тем самым потерять поддержку сенаторов (Suet. Aug. 51). Ему приходилось терпеть свист и выкрики, когда он выступал в Сенате (Suet. Aug. 54.), освободить Гнея Корнелия, внука Помпея, который участвовал в заговоре против него (Dio Cass. 55.14.1). Чтобы не раздражать и не оскорблять жителей Рима, он приказал преторианцам носить гражданскую одежду даже во время охраны ими его дворца (Tac. Ann. 16.27). Однако под своими тогами они по-прежнему носили мечи (Dio Cass. 54.3.2; Suet. Aug. 19).

У Тацита говорится, что Август организовал свою гвардию численностью в девять когорт (Tac. Ann. 4.5), что отличало ее от организации легиона с десятью когортами в основе. Это может быть простым совпадением: ему досталось именно столько преторианских когорт после победы над Антонием [5]. Когорт могло быть и больше, эпиграфические данные периода правления Нерона указывают на их количество численностью в двенадцать. Возможно, три новые когорты были сформированы во времена Калигулы (ILS 2701; 2032). Спор о численности преторианцев ведется в отечественной и западной историографии издавна [16]. Согласно Диону Кассию, численность когорт в эпоху Августа достигала

1 000 человек (Dio Cass. 56.24.6). В состав каждой когорты входил небольшой конный отряд, вероятнее всего для разведки и связи (Тас. Ann. 1.24). Изначально гвардия состояла из ветеранов гражданской войны. Новый набор и дальнейшая вербовка происходила на территории Италии (Verg. Aen. 8.678; Pliny, HN. 7.149). Некоторые из тех, кто несли службу в городских когортах, были переведены на службу в преторианскую гвардию. По предположению Марсея Дьюри, городские когорты были своеобразной курсантской школой для преторианцев [17, p. 170]. На наш взгляд, это не имеет под собой должных доказательств. В источниках нет указаний на то, что служба в городских когортах была обязательна для кандидата в гвардейцы; скорее всего, это был один из способов попасть в самую элитную воинскую часть.

У жителей Италии, проходивших службу в гвардии, имелся ряд привилегий в период прохождения службы и после отставки. Изначально гвардейцы служили 12 лет (против 16 лет у обычных легионеров) (Dio Cass. 54.25.6). Позже сроки были увеличены до 16 лет у преторианцев и 20 лет у легионеров (Dio Cass. 55.23.1). Подобная разница в сроках службы позволяла преторианским *evocati* получить продвижение по службе на командных должностях в легионах (Тас. Ann. 12. 69). Начиная с 27 г. до н.э. преторианцы получали жалование вдвое больше, чем легионеры, а в своем завещании Август оставлял каждому преторианцу по 250 денариев, тогда как легионерам только по 75 (Dio Cass. 53.11.5; 56.32.2; Тас. Ann. 1.8; Suet. Aug. 101). Денежные поощрения вскоре стали регулярной практикой в каждый из принципатов; это делалось для того, что бы обеспечить личную преданность гвардии.

Во времена Августа у преторианской гвардии не было единого места дислокации. Три когорты находились в Риме, а остальные были рассредоточены в близлежащих городах и поселениях (Suet. Aug. 49). Рассредоточение когорт было логичным, так как если бы одна из них была скомпрометирована или замешана в заговоре, вряд ли это распространилось на другие. Наиболее вероятной причиной такого рассредоточения могло быть стремление не вступать в конфликт с Сенатом, который, скорей всего, выступил бы против такой концентрации солдат внутри города и

соответственно против строительства для них укрепленного лагеря (Suet. Aug. 19; Dio Cass. 55.27.2-3).

Параллельно с преторианцами существовал отряд германских телохранителей, его можно рассматривать как своеобразную страховку на случай возможного мятежа преторианцев [9, p. 12]. В противовес преторианцам – уроженцам Италии, германские телохранители были завербованы на северных окраинах империи. Они не имели никаких политических и личных связей в Италии и Риме. Все это делало их зависимыми только от фигуры императора. Подобная практика была характерна для периода поздней республики (Suet. Jul. 86; App. BC. 2.107; Vell. Pat. 2.57).

Август не стал создавать системы командования гвардией, предпочитая, чтобы каждая когорта подчинялась своему трибуну (Dio Cass. 52.24.1). Видимо, он хотел сохранить себя в качестве главнокомандующего. Отсутствие должности префекта претория и постоянного лагеря не позволяло рассматривать несколько когорт как единое целое, чтобы не раздражать сенаторов. Все это продолжалось до 2 г. н. э., когда разразился политический скандал, связанный с дочерью Августа Юлией, и консулом 10 г. до н. э. Юлом Антонием (Dio Cass. 55.10.10). Скандал носил не только любовный характер и порочил семью принцепса, но имел политическую подоплеку. Юлию обвинили в прелюбодеянии, а затем и в заговоре против принцепса и попытке отцеубийства. Скорее всего, политическая составляющая стала главной причиной процесса против Юлии, ее любовные похождения до этого прощались отцом.

Изгнание собственной дочери, вероятно, нанесло тяжелую травму престарелому Октавиану. Возможно, он осознал уязвимость своего положения и своих наследников, увидел необходимость в увеличении роли и полномочий преторианского корпуса в политической жизни. Беспокойство по поводу грядущей передачи власти после его смерти и желание защитить своих внуков вызвали у Августа намерения усилить командную структуру гвардии. Принцепс поручил командование двум префектам, Квинту Осторию Скапуле и Публию Сальвию Аперу [17, p. 163]. Однако на момент смерти Августа префектом был один человек, Луций Сей

Страбон (Гас. Ann. 1.7). Возможно, имя второго префекта просто до нас не дошло, так как он не был вовлечен в политические интриги. Назначая двух префектов, Август мог руководствоваться тем, что один из них контролировал преторианцев в Риме, а другой вне стен города. Находящийся в Риме префект, приближен к особе императора, а второй осуществляет командование частями вне города.

На должность командующих гвардией были назначены представители всаднического сословия, это сводило к минимуму их притязания на престол в будущем. Потребовалось более двух сотен лет для того, что бы префект претория Макрин стал императором, но даже тогда это вызвало негодование со стороны многих сенаторов (Dio Cass. 78.4.1; SHA. Macr. 7.1-4).

В конце правления Августа роль гвардии значительно изменилась, в силу политических изменений и процессов в самом его принципате. Как нам видится, Август осознал надежность и функциональность такого военно-бюрократического органа, что и привело к усилению гвардии в дальнейшем.

К концу принципата Августа преторианцы не только выполняли функции телохранителей императора, но принимали участие в обеспечении внутренней безопасности в Риме и Италии, занимались политическими делами, сопровождали и охраняли политических преступников, исполняли приговоры. Они выполняли церемониальные функции, тем самым совмещая их с обеспечением безопасности. Они сопровождали тело Августа в Рим из Нола, присутствовали на его похоронах [18]. Гвардейцы явно оказывали знаки уважения к своему предводителю и создателю, но этот церемониальный акт можно рассматривать как попытку показать противникам Августа военную силу и опору его приемника, которая будет противостоять им в случае заговора (Suet. Aug. 99; Гас. Ann. 1.8).

Август пошел на многое ради того, чтобы свести к минимуму роль преторианцев в самом Риме. Он пытался избежать конфронтации с Сенатом. Он делал все что бы избежать впечатлений от того, что политической строй, установленный им, является военной тиранией. Однако репрессивный характер са-

мого зарождающегося принципата подразумевал существование такого полицейского и репрессивного органа, как императорская гвардия. Усиление роли преторианских когорт в политической жизни и их организация в такой институт как гвардия, дальнейшая милитаризация центральных органов власти, появление должностей префектов претория могло говорить современникам, что роль этой силы, скорее всего, увеличится в будущем. Чем больше росла власть и амбиции приемников Августа, тем больше преследовалось инакомыслие и соответственным был рост политического влияния гвардии, вызванный стремлением заручиться их поддержкой, задушить оппозицию и не допустить смены режима.

Список литературы

1. Махлаюк, А. В. Традиции, ментальность и идеология римской императорской армии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / А. В. Махлаюк. – Н. Новгород, 2004. – 47 с.
2. Нефедкин, А. К. Изучение античного военного искусства в российской историографии: историографический обзор / А. К. Нефедкин // *Studia historica*. Vol. III. – М., 2003. – С. 134–148.
3. Парфенов, В. Н. Римская армия и рождение империи: историография проблемы и перспективы исследования / В. Н. Парфенов // *Историографический сборник*. Вып. 15. – Саратов, 1991. – С. 81–94.
4. Парфенов, В. Н. Ранний принципат: военно-политический аспект : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / В. Н. Парфенов. – Саратов, 1995. – 34 с.
5. Парфенов, В. Н. К оценке военных реформ Августа / В. Н. Парфенов // *Античный мир и археология*. Вып. 7. – 1990. – С. 65–76.
6. Bingham, S. *The Praetorian Guard in the Political and Social Life of Julio-Claudian Rome* / S. Bingham. – Ottawa, 1997. – 282 p.
7. Campbell, B. *War and Society in Imperial Rome 31 BC–AD 284* / B. Campbell. L. and N. Y., 2004. – 223 p.
8. Keppie, L. *The Making of the Roman Army from Republic to Empire* / L. Keppie. – L., 2005. – 268 p.
9. Rankov, B. *The Praetorian Guard* / B. Rankov. – L., 1994. – 64 p.
10. Семенов, В. В. Преторианские когорты: модель и практика / В. В. Семенов // «*Para bellum!*». – 2000. – № 12. – С. 103–119.

11. Ушаков, Ю. А. Роль преторианской гвардии во внутриполитической жизни Римской империи при первых императорах / Ю. А. Ушаков // Античная гражданская община. – М., 1984. – С. 115–131.
12. Ушаков, Ю. А. Преторианская гвардия в политической жизни Римской империи в I в. н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Ю. А. Ушаков. – М., 1992. – 23 с.
13. Speidel, M. P. Riding for Caesar: The Roman Emperor's Horse Guards / M. P. Speidel. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1994. – 223 p.
14. Speidel, M. P. Guards of the Roman Armies. An Essay of the Singulares of the Provinces / M. P. Speidel. – Bonn, 1978. – 149 p.
15. Grueber, H. A. Coins of the Roman Republic in the British Museum. Vol. 2. / H. A. Grueber. – L., 1910. – 610 p.
16. Дрязгунов, К. В. К проблеме количества преторианских когорт в Риме / К. В. Дрязгунов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 2. – С. 32–34.
17. Durry, M. Les cohortes prétoriennes / M. Durry. – Rome, 1938. – 590 p.
18. Charlesworth, M. P. Tiberius and the Death of Augustus / M. P. Charlesworth // The American Journal of Philology. – 1923. – Vol. 44. – P. 145–157.

THE AUGUSTIAN GUARD AND ITS PREDECESSORS

Alexey Yurievich Diachenko

Graduate student, Department of General History,
Altai State University
spqr.1991@mail.ru
Vzletnaya St., 51-15, 656058 Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article deals with the evolution of the praetorian cohorts in to the Imperial Guard. According to some researchers Praetorian Guard, which was created by Octavian Augustus, led back to the praetorian cohorts during the Civil War, but its precursors had actually existed much earlier. The author's opinion, August's activities can not be called revolutionary, as the number of modern scholars does it. In case of the creation of Guard units, like many other enterprises as well, the activity in August was to adapt the institutions of the republican period.

Key words: Ancient Rome, August, the Praetorian Guard, Civil Wars, Principate, Praetorian Cohorts.

УДК 94(3)«03»
ББК 63.3(0)329.4

КТО РАЗГРОМИЛ ЮТУНГОВ? К СОБЫТИЯМ СЕРЕДИНЫ III ВЕКА

Куликова Юлия Викторовна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории древнего мира
и средних веков им. проф. В.Ф. Семенова
Московского педагогического государственного университета
glanam_yul@mail.ru
просп. Вернадского, 88, 119571 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В середине III в. н. э. Римскую империю охватил кризис, причинами которого были нестабильность политической власти, инфляция и социальная дезинтеграция, а также вторжения германских племен, наносивших значительный урон инфраструктуре, оборонительным сооружениям, городам и сельскому хозяйству. Неспособность римской власти справиться с этой ситуацией привела к проявлению сепаратизма. Наместники провинций провозглашаются императорами. Именно в это время германское племя ютунгов вторглось в Северную Италию и, возвращаясь с добычей, было разгромлено. Источники приписывают победу римскому императору Аврелиану, восстановившему единство Империи. Однако находка победного алтаря из Аугсбурга, вероятно, может опровергнуть общепринятый взгляд на события этого периода и изменить его датировку.

Ключевые слова: Римская империя, император, ютунги, Постум, Аврелиан, германские племена, варвары.

В середине III в. н. э. Римская империя подверглась сильным потрясениям. Несоответствие существующей системы государственного управления – принципата, реалиям и требованиям времени оказывало негативное влияние на государство в целом. Нестабильность политической власти, быстрая смена императоров, отсутствие действенных реформ, инфляция и социальная дезинтеграция являлись характерными чертами этого периода. Неспособность центральной власти справиться с ситуацией при-

вела к обособлению ряда провинций, провозгласивших собственных императоров. Так, в 258 г. образовалась «Галльская империя», в состав которой вошли провинции Галлии, Верхняя и Нижняя Германия, Испания, Британия и Реция. На Востоке обособилось Пальмирское царство, правители которого, в частности, царица Зенобия, сумели взять под свой контроль Сирию, Палестину, Египет и большую часть Малой Азии.

Римскими императорами предпринимались неоднократные попытки вернуть эти земли под свою власть, однако удалось это только императору Аврелиану в 274 г., восстановившему целостность Римской империи. На монетах он носит титулы «*RESTITVTOR ORIENTIS*», «*RESTITVTOR ORBIS*» [12, 62; 139].

Провозглашенный собственными солдатами император Аврелиан способствовал стабилизации положения в Римском государстве. Однако значительная роль в этом плане принадлежит галльским императорам, которые за время своего правления провели ряд мероприятий, направленных на оздоровление экономики, активизацию торговых отношений с другими провинциями и регионами, восстановление оборонительной системы и рейнского лимеса, благодаря чему фактически прекратились нашествия германских племен, наносившие столь значительный урон всей инфраструктуре государства. И хотя это продолжалось недолго, Аврелиану достался вполне жизнеспособный регион, внутри которого были преодолены кризисные явления.

Нашествия германских племен становились все интенсивнее, в связи с этим участились военные столкновения, а для защиты границ Римской империи требовалось больше сил и средств, которых, порой, не хватало. О наиболее значительных вторжениях III в. нам известно из источников, например, о вторжении франков, аламаннов, готов и других варварских племен [10, IX.8.2; IX.11.2; 13. XXIII.6; 15. XII.24; 16. I.38].

Германское племя ютунгов имеет спорное происхождение. Некоторые исследователи считают, что ютунги являлись частью племенного союза свевов [1, с. 415], с которыми рим-

ляне столкнулись еще в эпоху Республики. В правление Октавиана Августа мы вновь встречаем это племя, ставшее на какой-то период союзником Рима и выходцы из которого служили во вспомогательных отрядах римской армии. После этого сведения о ютунгах появляются только в 179–180 гг. во время 2-й Маркоманнской войны, которую вел римский император Марк Аврелий. Упоминание об этом племени относится и к сообщению античного историка Публия Геренния Дексиппа, который написал о проникновении ютунгов в 270 г. в Северную Италию [8, VI.1.4].

И действительно, активизация их вторжений приходится именно на III – IV вв. н.э., когда местом их обитания была верхнедунайская территория, находившаяся на пути движения варварских племен в этот период, движения, названного в историографии Великим переселением народов. С другой стороны, заметны попытки ютунгов заключить союз с другими племенами, вызванного, видимо, как раз активизацией переселения народов, в частности, сближение ютунгов с аламаннами, с которыми в IV в. н.э. был заключен союз.

Римский император Валериан, отправляясь на Восток, передал управление провинциями своим наиболее преданным военачальникам, одним из которых был Марк Кассиан Латиний Постум, под контролем у которого оказались Галлия и обе Германии [3, с. 36]. Сам император Валериан, вступив в войну с шахом Шапуром, оказался в плену, где и окончил свои дни [13, XXII.IV. 1-2].

Оставшийся у власти сын Валериана Галлиен пытался стабилизировать внутреннее положение, которое все более осложнялось, в том числе и постоянными вторжениями варварских племен, которых уже не мог сдерживать рейнский лимес. Отказ Галлиена предпринять какие-либо меры для освобождения своего отца вызвал негативную реакцию со стороны наместников, которые один за другим стали провозглашаться своими войсками и местным населением императорами. Зимой 258–259 гг. первым галльским императором избирается Постум. Одним из направлений его внутренней политики было восстановление

и укрепление оборонительной системы региона, включая рейнский лимес.

В 1997 г. в г. Аугсбурге, в римское время являвшемся столицей провинции Реция *Augusta Vindelicum*, был найден прекрасно сохранившийся победный алтарь, установленный в 260 году. Согласно надписи на аугсбургском алтаре, о которой более подробно было написано отдельно [4, с. 140], именно в этот период вторглись ютунги. Проникнув на территорию Реции, они нанесли значительный урон, а затем устремились в Северную Италию. Наместник провинции Реция Симплициний Гениалис обратился за помощью к наиболее опытному и авторитетному военачальнику, ставленнику императора Валериана Постума, в распоряжении которого было достаточно военных сил, чтобы оказать содействие и не оставлять собственными регионы без защиты [4, с. 141–142]. Был ли на тот момент Постум уже провозглашен императором, можно только предполагать. В таком случае Симплициний Гениалис осмелился пойти против легитимного римского императора Галлиена, а в дальнейшем и признать Постума императором, о чем свидетельствует надпись на алтаре, именуемая Постума Августом [4, с. 141].

Марк Кассиан Латиний Постум немедленно устремился в Рецию, где умело организовал засаду, воспользовавшись привычкой германцев возвращаться тем же путем, что и пришли. Отягощенные награбленным, ютунги не смогли оказать сопротивление, и были уничтожены военными силами под командованием Постума. При этом была отбита значительная добыча германцев и освобождены тысячи пленников из Италии. Историк и христианский теолог V в. Павел Орозий оказался единственным, кто упоминает о вторжении ютунгов в правление Галлиена. По его сведениям, ютунги, проникнув через территорию Реции, вторглись в Италию, достигнув Равенны [11, VII.7]. Любопытно, что Орозий также дает положительную оценку не только самому Постуму, но и его правлению, отметив, что первый галльский император много полезного сделал для государства [11, VII.7]. Таким образом, информация, предоставленная Павлом Орозием, и надписи с аугсбургского победного алтаря полностью совпадают.

Вероятной причиной вторжения ютунгов может быть как неурожай в их регионе, приведший к голоду, так и отказ римлян в уплате традиционной субсидии [5, с. 188]. Подобными мерами римляне пытались справиться с все более осложнявшейся ситуацией и предотвратить нашествия уже знакомых им представителей некоторых варварских племен. Нужно отметить, что такие выплаты, подарки и даже раздача земель уже в IV в. повлекут за собой засилье германцев в европейской части Римской империи, что в дальнейшем станет причиной крушения Западной Римской империи.

Согласно сообщению античного историка Дексиппа, германское племя ютунгов, воспользовавшись сложным внутренним положением в Римской империи, ослаблением власти и враждой между Аврелианом и Квинтилло, вторглось через провинцию Реция в Италию [7, fr. 22]. Немецкий исследователь А. Альфельди вполне обоснованно утверждает, что это было единственное в правление Аврелиана нападение ютунгов [6, с. 21]. Думается, эта точка зрения является наиболее верной, и отвергать ее не стоит [5, с. 189].

Данное событие датируется зимой 270–271 гг. Заметим сразу, что в 270 г. Аврелиан был только провозглашен императором. Еще в качестве военачальника предыдущего императора Клавдия II Готского, Аврелиан был занят отражением нападений германских племен на границы и дунайские регионы Рима, что он и продолжил сразу же после своего провозглашения. Источники и современная историография единодушно упоминают один интересный факт, относящийся именно к этому времени: о разгроме племени ютунгов, знаменательную победу, над которым одержал император Аврелиан [7, fr. 22].

До находки в Аугсбурге такая точка зрения являлась основной и единственной в современной историографии. Однако надпись на победном алтаре внесла сомнения в датировку события, тем более, что и античные авторы напрямую не упоминают о нем.

События, как ни странно, почти в точности повторяются. Ютунги, проникнув через территорию провинции Реция, вступили

в Северную Италию, и были разгромлены при возвращении на Верхний Дунай. Прежде уже высказывались сомнения о принадлежности провинции Реции юрисдикции римских императоров [4, с. 145]. Однако неясно, когда эти территории были возвращены под контроль Рима, видимо, как раз в первые годы правления императора Аврелиана.

Конечно, вполне могли быть и еще вторжения этого верхнедунайского племени германцев, не нашедшие отражения в источниках. Аврелиану за время его правления пришлось столкнуться с разными варварскими племенами, в числе которых были сарматы, готы, вандалы, франки и многие другие. Римскому императору приходилось решать задачи, исходя из сложившейся ситуации, и, как говорят источники, Аврелиан помимо военных действий вынужден был заключать и союзы с германскими племенами [2, с. 148], хотя на выплату субсидий по старым договорам средств в казне не было [5, с. 189]. Но уж слишком вся последовательность действий, включая время года – зима, в случае с ютунгами повторяется, кроме одного маленького нюанса – Аврелиан не завершил разгром ютунгов, поспешив на другой театр боевых действий, чтобы противостоять сарматам, однако в результате в битве при Плаценции римляне потерпели поражение. Неужели этот факт стал причиной того, что победа над ютунгами 260 г. была приписана Аврелиану, как одержанная в 270 г., чтобы скрыть сокрушительный провал военной кампании римского императора?

Не доверять надписи мы не можем, поскольку эпиграфические данные являются одними из самых достоверных источников. Рассмотрим, что же произошло в 270–271 годы.

Общепринятое мнение, сложившееся в историографии, стоит на том факте, что угроза Италии и непосредственно Риму со стороны ютунгов и других варварских племен заставила Аврелиана предпринять экстренные меры, в том числе и строительство знаменитой стены в столице, частично сохранившейся до наших дней. Аврелиан провел несколько военных операций, одержал несколько побед [14, XXVI.33.4], хотя потерпел поражение при Плаценции и потерял Дакию [10, IX.15; 14, XXVI.39.7].

Однако ютунги – не очень большое германское племя, в тот момент, видимо, еще не находившееся в союзе (или постоянном союзе) с другими германцами. Поэтому причиной возведения оборонительной стены Аврелианом стала, видимо, активизация движений варварских племен в целом и, в частности, серьезные столкновения с готами и вандалами, которые представляли наибольшую, с военной точки зрения, опасность для Римской империи. Кроме того, о ютунгах в это время упоминает только Дексипп, который, являясь современником «Галльской империи», мог знать и о более раннем вторжении этого германского племени, тогда как поздние античные авторы сообщают о столкновении с совершенно другими племенами: Евтропий пишет о разгроме готов [10, IX.13.1], анонимный продолжатель Диона Кассия и неизвестный Аноним – о победе над варварами [9, СХХVI.125; 7, 10.6], Петр Патрикий – о вандалах [12, XII], Зосим и Зонара – о скифах [16, I.42-43; 15, XXVII.10], под которыми в этот период понимались все народы Причерноморья. Предположительно, это была вандальско-сарматская коалиция [2, с. 142; 5, с. 189].

Таким образом, непосредственно о ютунгах больше никто не упоминает. Из биографии Аврелиана нам известно, что в триумфе императора принимали участие в качестве пленников аланы, роксоланы, готы, а также пленные женщины-воительницы, возможно, из сарматов, у которых сохранился обычай ношения оружия и участия в войне женщин [13, XXVI.34.1]. Можно согласиться с предположением А. Ременникова о складывании в этот период военного союза варварских племен [6, с. 191]. И понятно тогда становится опасение Аврелиана, ведь такой союз действительно способен нанести чувствительный удар по Римскому государству. Но вопрос стоит только о ютунгах и событии, определившем проблему исследования.

Вряд ли настолько выдающемуся императору требовалось приписывать себе чужие победы и заслуги, но оставлять память о таком явлении, как «Галльская империя», римская власть не желала, подвергнув галльских императоров *damnatio memoriae* (забвению памяти), о чем ярко свидетельствует по-

бедный алтарь из Аугсбурга с нарочито уничтоженным именем Постума, наместника Реции Симплиция Гениалиса и товарища первого галльского императора по консульству Гонорациана, а также отсутствие каких-либо подробностей фактического существования «Галльской империи» в поздних источниках. Поэтому, вероятно, можно предположить, что свидетельство о сражении с ютунгами, произошедшем в 260 г. было соотнесено в античной историографической традиции с таким же крупным военным столкновением, произошедшим десятилетие спустя – в 270 году. Сделано это было по нескольким причинам. Прежде всего, чтобы стереть память о первом галльском императоре, и тем самым повысить роль и значимость легитимной власти римского императора в борьбе с германскими племенами по защите Империи. Но совсем отбросить это событие было невозможно, поскольку ютунги нанесли значительный ущерб и пленили огромное количество населения Италии, среди которых, предположительно, были и люди достаточно высокого происхождения и положения. Когда в 270 г. римским императором стал Аврелиан, уже прославившийся своими победами, то после очередного успешного сражения и отражения опасности от Рима, события, так похожие друг на друга, могли быть изложены как одно. Намеренным ли было это, или множество сражений и одержанных побед Аврелиана действительно слились с предыдущими, выяснить теперь невозможно, но, связывая с основной политикой, проводимой римскими императорами, можно говорить о намеренном перенесении событий.

Таким образом, реальные сражения 260 и 270 гг., нарочито соотнесенные друг с другом, стали восприниматься как сражение, произошедшее в 270 г. и в котором блистательную победу одержал римский император Аврелиан. В действительности же, наиболее значимым из них была победа галльского императора Постума, без сомнений, разгромившего вторгшихся ютунгов, тогда как Аврелиан сумел догнать это племя в верхнедунайских землях, то есть фактически, застав их уже дома. Но римский император был отвлечен более масштабной

опасностью, что и спасло ютунгов от окончательного истребления [5, с. 188].

Безусловно, если бы не находка победного алтаря из Аугсбурга, заслуги Марка Кассиана Постума, первого галльского императора, вычеркнутого официальной римской властью из общеимперской истории, оставались бы, по-прежнему, нам неизвестны, как, например, блистательная победа 260 г. над ютунгами, приписанная позднее римскому императору Аврелиану.

Список литературы

1. Буданова, В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов / В. П. Буданова ; отв. ред. В. И. Уколова. – М. : Наука, 2000.
2. Колосовская, Ю. К. Рим и мир племен на Дунае в I–IV вв. н. э. / Ю. К. Колосовская ; отв. ред. В. И. Кузищин. – М. : Наука, 2000.
3. Куликова, Ю. В. «Галльская империя» от Постума до Тетриков / Ю. В. Куликова. – СПб. : Алетейя, 2012. – (Античная библиотека. Исследования).
4. Куликова, Ю. В. Победный алтарь из Аугсбурга и территориальный состав «Галльской империи» в правление Постума / Ю. В. Куликова // Древний Восток и Античный мир: труды кафедры истории древнего мира. Вып. V / отв. ред. И. А. Гвоздева. – М. : ЭкоПресс-2000, 2002. – С. 140–150.
5. Ременников, А. Борьба племен Подунавья с Римом в 70-х гг. III в. н. э. / А. Ременников // Античное общество: труды конференции по изучению античности : междунар. конф. по изучению проблем античности. Ленинград, 9–14 апр. 1964 г. – М. : Наука, 1967. – С. 188–192.
6. Alföldi, Á. Über die Juthungeneinfälle unter Aurelian / Á. Alföldi. – София, 1950.
7. Anonym. Fragmentae // FGH. – 1851. – Vol. IV. – P. 191–192.
8. Dexippus, Fragmentae // FHG. – 1841. – Vol. III. – P. 606–687.
9. Dionis Cassii Cocceiani. Historiarum Romanarum quae supersunt: X lib. Liber. IX: Post Dionem Excepta ex Anonymo. – Lipsiae, 1843.
10. Eutropius Eutropius. Breviarium Ab urbe condita / ed. C. Santini (Teubner). – Leipzig, 1979.
11. Orosius Paulus. Historiae adversus paganos: I–VII / ed. C. Zangemeister. (Teubner). – Leipzig, 1889.
12. Petrus Patricius. Fragmentae // FGH. – 1851. – Vol. IV. – P. 181–199.

13. The Roman Imperial Coinage: in 6 vol. / H. M. A. Mattingly, E. A. Sydenham, P. Webb. – L., 1968. – Vol. V, p. 2: Aurelianus.
14. Scriptores Historiae Augusti / ed. P. Magie. (Loeb). – L., 1954.
15. Zonaras Zonaras. Epitome Historiarum / ed. Dindorf. – Leipzig, 1870.
16. Zosimus. Historia Nova / ed. F. Paschoud. – P., 1971.

WHO DEFEATED JUTHUNGI? TO THE EVENTS OF THE MIDDLE OF THE III A. D.

Kulikova Julia Victorovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of Historical Ancient World and Middle Ages
Moscow State Pedagogical University
glanam_yul@mail.ru
Prosp. Vernadskogo, 88, 119571 Moscow, Russian Federation

Abstract. In the middle of III A. D. Roman Empire enveloped the crisis, reasons for which were the instability of political authority, inflation and social disintegration, and also intrusions of German tribes, which inflicted significant loss to infrastructure, to defensive installations, to cities and to agriculture. The incapacity of Roman authority to manage this situation led to the manifestation of separatism. The deputies of provinces proclaim emperors. Specifically, at this time the German tribes invade into North Italy and, returning from the outputs, it was defeated. Sources assign victory to roman emperor Aurelianus, who restored the unity of Empire. However, finding victorious altar from Augsburg, probably, can refute the conventional view on the events of this period and change its dating.

Key words: Roman Empire, emperor, Juthungi, Postumus, Aurelianus, German tribes, barbarians.

УДК 94(470).01«03/04»

ББК63.3(2)2,1

К ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ СТОЛКНОВЕНИЯХ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В III–IV вв. н. э.

*Кривошеев Михаил Васильевич*¹

Кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры археологии и зарубежной истории
Волгоградского государственного университета
tyaf@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Балабанова Мария Афанасьевна

Доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой
археологии и зарубежной истории
Волгоградского государственного университета
mary_balabanova@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

*Перерва Евгений Владимирович*²

Кандидат исторических наук, начальник
научно-организационного отдела Волгоградского филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
perervafox@mail.ru
ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена анализу археологических комплексов позднесарматской культуры второй половины III–IV вв. н. э. из могильников Волго-Донского междуречья. Исследуемая группа погребений обладает значительным сходством в археологическом и антропологическом планах. В данной работе рассматривается несоответствие, связанное

с высокой долей травм боевого характера на костях и небольшим количеством находок вооружения в погребениях.

Ключевые слова: сарматы, позднесарматская культура, курган, меч, травмы, раны рубленые.

Милитаристский характер большинства кочевых обществ был давно подмечен исследователями. Для успешного ведения войн, а также совершения набегов кочевникам была необходима мощная военно-политическая организация, которая, видимо, у сарматов реализовывалась на уровне союза племен с экспансией не в рамках временных военных структур, а в виде строго организованной дисциплинированной дружины, прообразом которой могли стать мужские союзы и связанные с ними возрастные группы молодежи. Не исключено, что из мужских союзов постепенно формировалась особая прослойка воинов-профессионалов, которым походы и грабежи давали главный, иногда единственный источник существования [1, с. 13]. Такая ситуация может быть прослежена для раннего этапа позднесарматской культуры второй половины II – первой половины III вв. н.э. на всей территории ее распространения [2; 3].

В середине III в. н. э. в Волго-Донских степях происходят серьезные этнополитические изменения, повлекшие за собой крушение Танаиса под ударами населения Центрального Предкавказья. После этого в нижнедонском регионе получают распространение погребения в Т-образных катакомбах.

Изменения коснулись и глубинных районов Волго-Донского междуречья, что нашло отражение в появлении серии некрополей финального этапа позднесарматской культуры второй половины III–IV вв. н. э. Это курганные могильники у села Абганерово (II, III, IV) и Купцын Толга [4; 5; 6], которые находятся в 120 км друг от друга, практически находятся на одной широте: абганеровские группы в верховьях Есауловского Аксая, Купцын Толга на правом берегу Волги.

В археологическом плане рассматриваемые комплексы этого периода близки и выглядят достаточно единообразно. В серию вошли 64 погребения, которые находились под индивидуальными насыпями небольших размеров. Большая их часть – 69 %, совершена в подбоях. В 26 % случаев могилы устроены в узких прямоугольных ямах. Во всей выборке только 5 % захоронений совер-

шено в катакомбах. Как показал половозрастной анализ костяков оттуда мужских погребений в данной выборке значительно больше, чем женских – 79 % и 21 % соответственно.

В подавляющем большинстве случаев преобладает ориентировка погребенных в северный сектор – 74 %. Лишь в 9 % комплексов зафиксирована южная ориентировка. Обращает на себя внимание наличие в подбойных могилах западной ориентировки, отмеченной в 6 %, что не характерно для позднесарматской культуры в целом.

Близость этих могильников выражается не только в их хронологической позиции и схожести археологических комплексов, но и в данных антропологии, которые указывают на близость населения, оставившего их [7, рис. 2]. Не исключено, что данные некрополи оставлены единой племенной группой на пути кочевания. Это обстоятельство позволяет нам рассматривать погребения из Абаганеро-ро и Купцын Толга как единый культурно-хронологический массив. Интересно и то, что по сравнению с другими группами позднесарматских памятников доля черепов со следами преднамеренной искусственной деформации в этих могильниках значительно ниже (Абаганеро-ро II – 33,3 %; Купцын Толга – 50,0 %).

Археологические материалы из указанных комплексов не выделяются богатством погребального инвентаря, который представлен в основном керамическими сосудами, предметами бытового характера, деталями ременной гарнитуры и редкими украшениями.

В связи с темой нашего исследования рассмотрим предметы вооружения и уровень травмированности костяков. Все виды вооружения связаны с мужскими подбойными погребениями различных возрастных когорт взрослого населения. В двух комплексах зафиксированы единичные находки наконечников стрел, что характерно для позднесарматской культуры в целом [8, с. 69]. Крайне редко встречаются наборы стрел, что было характерно для предшествующей среднесарматской эпохи.

В семи погребениях найдены мечи, относящиеся к одному типу без металлического навершия и перекрестия. Находки клинков в погребениях данной группы показывают, что уровень вооруженности значительно ниже (11 %), чем в целом для позднесар-

матской культуры на всех ее этапах (21,3 %) [9, с. 65]. Обращает на себя внимание отсутствие среди находок кинжалов, которые в сочетании с мечами нередко составляли наборы вооружения профессиональных воинских захоронений [10].

Редкая встречаемость различных категорий оружия в исследуемой группе памятников сочетается с высоким, по сравнению с другими сарматскими сериями, травматизмом, отмечаемым на костях, в первую очередь, в абганеровской серии [11].

Данные о степени травматизма в исследуемой группе были получены при анализе костных останков 25 индивидов из погребений могильников Абганерово II, III, IV. Из 25 изученных черепов 14 носят на себе следы преднамеренной искусственной деформации, что составляет 56 % от общего числа. Чаще всего фиксировалась лобно-затылочная и кольцевая деформация по Е.В. Жирову [12]. Одновременно с этим на ряде черепов был отмечен смешанный тип деформации головы – лобно-затылочный с кольцевым, описанный В.В. Гинзбургом на сарматском материале из Калиновского могильника [13, с. 572]

Из 25 исследованных костяков 19 (80 %) принадлежали мужчинам, 6 (20 %) женщинам. Примечателен факт высокого возраста дожития в этой группе. Доля населения, умершего в возрасте *Maturus-Senilis*, составляет 72 %; в возрасте – *Juvenis-Adultus* – 28,0 %.

Так как исследуемый материал был в основном представлен черепами и лишь в 8 случаях тазовыми костями и фрагментами посткраниального скелета, то степень травматизма осевого скелета у поздних сарматов могильников у с. Абганерово проследить практически не удалось.

Травмы черепа были разделены на повреждения свода черепа (рубленные раны и компрессионные переломы) и лицевого скелета (переломы носа, дефекты верхней и нижней челюстей, переломы коронок). Итого в группе у 13 индивидов были отмечены различные повреждения (52,0 %).

К лицевым травмам были отнесены переломы носовых костей, повреждения верхней и нижней челюстей с утратой зубов и последующей облитерацией альвеол. Подобного рода состояния были обнаружены у 8 индивидов.

Практически все травмы носа, выявленные в 7 случаях, характеризуются переломом нижнего края носовых костей или лобного отростка скуловой кости. Большинство таких костных дефектов было нанесено с правой стороны, поэтому деформации и смещению чаще подвергались левые носовые кости.

К лицевым повреждениям также можно отнести 6 случаев преждевременной утраты передних верхних резцов и костной ткани на переднем крае альвеолярной дуги, деформации верхнего альвеолярного края с дефектами костей верхней челюсти, а также переломы корней передних зубов.

В ряде случаев у нескольких индивидов выявляются множественные лицевые повреждения, захватывающие носовой отдел черепа, переломы корней зубов и дефекты верхнего альвеолярного отростка (3 наблюдения).

Хорошо известно, что лицевые травмы достаточно сложно отождествить с какими-либо случаями повседневной жизни. Существует вероятность неправильной идентификации костных дефектов, которые можно спутать с воспалительными процессами носовой и ротовой полости, а также с посмертными деформациями [14, р. 453; 15, с. 370]. Тем не менее, факт фиксации множественных повреждений костей лицевого отдела черепа и зубов дает возможность предположить, что эти дефекты имеют явный насильственный характер.

Травмы костей свода черепа различной этимологии выявлены у 8 индивидов (42,1 %, от общего количества мужчин). Большинство из них локализуется сзади, и лишь несколько было нанесено сбоку и спереди. Всего на костях сарматов могильника Абганерово II было обнаружено 4 рубленых ранения. Примечательно то, что только два из них привели к смертельному исходу (курганы 19, 28).

Так, на черепе молодого мужчины из кургана 19 на левой теменной кости обнаружено продольное повреждение размером 102 мм, проходящее по диагонали и краями, затрагивающее височную и затылочную кости. На внешней поверхности поперечные края раны ровные и заостренные, на внутренней поверхности черепа, в месте повреждения, заметны следы прободения внутренней компакты в полость черепа, края неровные, заостренные.

На продольных краях травмы остались следы от острого, режущего края оружия, от них же отходят трещины, что свидетельствует о большой силе удара. Следы воспалительной реакции на костной ткани не обнаружены, поэтому можно предположить, что смерть в результате ранения наступила мгновенно. Судя по форме повреждения, можно также высказать предположение, что ранение было нанесено тяжелым, острым, рубящим предметом.

Особое внимание обращают на себя травмы на черепе молодого мужчины из кургана 28, на котором обнаружено три повреждения. Первая рубленая рана длиной 67 мм затрагивает правую половину лобной и правую теменную кости. В результате нанесенного повреждения часть верхней компакты размером 54 × 36 мм отслоилась, обнаружив губчатый слой кости и образовав отверстие овальной формы, затрагивающее лобную и теменную кости. Отколовшаяся наружу вследствие удара костная пластинка держалась на мягких тканях. Второе повреждение затрагивает обе теменные кости и располагается сзади в области затылочных краев теменных костей. Костный дефект с характерной плоскостью разруба длиной 120 мм проходит поперек свода черепа, пересекая стреловидный шов, не затрагивая затылочной кости. Края повреждения острые. Следов облитерации ни в первом, ни во втором случаях не обнаружено. Третье повреждение локализуется на правой ветви нижней челюсти. В результате удара острым режущим предметом посередине ветви нижней челюсти был утрачен почти весь ее угол. Длина рубленого края 45 мм, ширина утраченного осколка 22 мм. С внешней стороны хорошо заметен след режущего края. Судя по форме травм, они были нанесены одним и тем же оружием, предположительно острым рубящим предметом, возможно, мечом. Скорее всего, сначала было нанесено первое повреждение, после чего человек потерял сознание и способность к сопротивлению, и затем был нанесен второй удар в область теменных костей и, наконец, третий удар, который повредил ветвь нижней челюсти, голова была отделена от тела.

Наряду с рублеными дефектами на костях позднесарматского времени из Абганерова выявлены на черепных коробках и компрессионные переломы (5 случаев). Чаще всего встречаются оваль-

ные дефекты верхнего кортикального слоя кости. Локализация их на своде черепа разнообразна. В большинстве случаев они находятся на задней части теменных костей или сбоку справа или левой стороны. На черепах из курганов 8, 30 могильника Абганерово II костные вдавления неправильной формы локализованы на левой половине лобной кости, обнаружены костные вдавления неправильной формы. В случаях нанесения данных травм противники находились лицом к лицу. На черепе из кургана 8 на правой теменной кости обнаружен другой перелом, округлой формы, размером 20 × 15 мм. Как и в первом повреждении, края его сглажены, следов воспалительной реакции нет. Похожие повреждения с подобной локализацией были отмечены на черепах из курганов 21, 25 могильника Абганерово II.

Следует указать, что травмы костей свода черепа и лицевого отдела зафиксированы как в мужской, так и в женской выборке, свидетельствуя в пользу того, что представительницы слабого пола наряду с мужчинами принимали участие в травмоопасных действиях. Чаще у женщин фиксируются лицевые повреждения – два наблюдения (33,3 %). А у женщины из кургана 34 могильника Абганерово II, наряду с повреждениями лицевого отдела черепа, выявлены следы касательных рубленых ранений.

Таким образом, анализ травматических повреждений на костях сарматов из могильников близ села Абганерово, свидетельствует о явном преднамеренном и насильственном характере их происхождения. Рубленые ранения, вероятно, были получены в результате воздействия тяжелого предмета с острым краем, предположительно меча. Компрессионные переломы костей свода черепа, также могут быть как результатом удара рубящим оружием, так и следствием использования тяжелого дробящего оружия булавы, дубины, праща и т. д. Благоприятный исход подавляющего большинства ранений может указывать на использование сарматами защитного доспеха, кожаных или металлических шлемов. Боевые ранения, а также лицевые повреждения характерны как для мужской части позднесарматского общества, так и для женской.

Уровень боевого травматизма в исследуемой группе в совокупности с широким распространением насильственных повреждений лицевого отдела черепа, дает возможность предполагать

высокую степень агрессивности части населения погребенного в абганеровских могильниках, а также рассматривать эту группу как крайне милитаризованную.

Что касается материалов из могильника Купцын Толга, то там было изучено 16 черепов из которых 13 мужских и 3 женских. На 2 мужских черепах также были обнаружены следы от рубленых ран со следами облитерации. Так, на черепе мужчины 40–50 лет из кургана 2 был обнаружен след от обширной раны, проходящий от венечного шва по правой теменной кости до бугра и протяженностью 7,2 см. Второе ранение было обнаружено на черепе молодого мужчины 20–25 лет из кургана 31 и локализовано в области левого ушного отверстия.

Чтобы понять ситуацию, которая наблюдается на представленных материалах, где высокая степень травмированности погребенных не соответствует уровню их вооруженности, нужно обратиться к анализу ситуации этого времени. Известно, что для финала позднесарматской культуры Волго-Донского региона фиксируется территориальная неоднородность в характере памятников. Начиная с сер. III в. н. э. в нижнедонских степях закрепляется группировка племен – носителей обряда погребений в Т-образных катакомбах, принесенного сюда с территории Северного Кавказа. К IV в. н. э. катакомбные конструкции практически вытесняют погребения в подбойных могилах [16, с. 134].

Однако в глубинных районах Волго-Донского междуречья, в бассейне Есауловского Аксая, на Правобережье Волги традиции использования катакомбного обряда проникают в значительно меньшей степени. К примеру, в абганеровских могильниках и в Купцын Толге катакомбы встречены всего в 4 курганах. Столь серьезные различия в погребальном обряде в группах памятников Волго-Донского междуречья и Нижнего Дона может свидетельствовать о проживании на этих территориях различных этнополитических групп населения, которые могли участвовать в военных конфликтах, о чем свидетельствуют данные антропологии. Но их активность военных действий не подтверждается количеством находок вооружения, что, видимо, связано с переоценкой материальных ценностей.

Ситуация в группе памятников Абганерово-Купцын Толга финала позднесарматской культуры не уникальна. В верховьях Сала в могильниках Большая Мазанка II, III, где все погребения позднесарматского времени совершены в катакомбах наблюдается близкая картина: фиксируемый травматизм близок к 100 % [17, с. 253; табл. 1]. При этом вооружение представлено единичными находками мечей. Это можно объяснить несколькими вариантами развития событий. Ситуация в волго-донских степях во второй половине III–IV вв. н. э. была напряженной и приводила к военным столкновениям различных групп кочевников, в том числе с территории Волго-Донского междуречья и Нижнего Дона. Ценность оружия при такой военной активности была крайне высока, возможно, по этой причине помещали оружие в могилу крайне редко.

Открытым остается вопрос об интерпретации компрессионных переломов, фиксируемых на костях позднесарматского населения. Предположение об использовании булав или дубин, которые могли бы оставить такие травмы, пока не находит подтверждения на археологических материалах. Нельзя исключать и появление компрессионных переломов не в результате военных действий, а в процессе бытовой деятельности.

Таким образом, результаты исследования позднесарматского материала из могильников Волго-Донского междуречья второй половины III–IV вв. н. э. на наличие предметов вооружения и уровня травматических повреждений боевого характера позволяют сделать ряд выводов.

Исследуемая группа характеризуется повышенным травматизмом, в том числе и со смертельным исходом и уменьшением числа находок элементов вооружения в погребениях.

В исследуемой серии фиксируется высокая частота травм свода черепа и лицевых повреждений, с преобладанием рубленых ран и компрессионных переломов на мозговой коробке.

Идентификация оружия, которым могли быть нанесены компрессионные переломы, осложняется отсутствием подобных находок среди погребального инвентаря. Не исключено, что компрессионные переломы могли появляться вследствие нанесения рубящим оружием не проникающих ударов.

Высокий мужской травматизм абганеровской группы при редких находках оружия, на наш взгляд, все же может указывать на военную активность и агрессивность позднесарматского населения в этот период. В военных сражениях принимают участие обычно мужчины, а традиция помещения вооружения в могилу могла измениться в связи с сложившейся ситуацией. Возможно, у воинов позднесарматского времени, как и у линейных (кавказских) и кубанских казаков считалось за позор покупать кинжал. У них кинжал, по обычаю, или передавался по наследству, или давали в качестве подарка, никогда не покупали, а крали или добывали в бою. Этим и ценилось оружие.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-11-34001а (р).

² Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-01-00063.

Список литературы

1. Балабанова, М. А. Военное дело сармато-алан и гуннов по данным античных письменных источников / М. А. Балабанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – № 1 (21). – С. 13–19.
2. Безуглов, С. И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова / С. И. Безуглов // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. – Азов, 1997. – Вып. 14. – С. 133–142.
3. Кривошеев, М. В. Позднесарматские комплексы с наборами клинков с территории Нижнего Поволжья / М. В. Кривошеев // Нижневолжский археологический вестник, 2014. – Вып. 14. – С. 87–91.
4. Шнайдштейн, Е. В. Раскопки курганной группы Купцын Толга / Е. В. Шнайдштейн // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1981. – 120 с.
5. Клепиков, В. М. Позднесарматский могильник Абганерово II / В. М. Клепиков, О. А. Шинкарь // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье : сб. науч. ст. – Волгоград, 1997. – Вып. 2. – С. 81–101.

6. Дьяченко, А. Н. Исследование курганного могильника Абганеро-во II в Октябрьском районе Волгоградской области / А. Н. Дьяченко // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. – Волгоград, 1999. – Вып. 3. – С. 31–45.

7. Балабанова, М. А. Краниология сарматского населения, оставившего курганные группы Абганеровского могильника / М. А. Балабанова, О. М. Цыганова // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье : сб. науч. ст. – Волгоград, 1997. – Вып. 2. – С. 267–287.

8. Кривошеев, М. В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья / М. В. Кривошеев // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 65–70.

9. Там же.

10. Кривошеев, М. В. Позднесарматские комплексы с наборами клинков с территории Нижнего Поволжья / М. В. Кривошеев // Нижневолжский археологический вестник, 2014. – Вып. 14. – С. 87–91.

11. Балабанова, М. А. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов / М. А. Балабанова, Е. В. Перерва // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 173–181.

12. Жиров, Е. В. Об искусственной деформации головы / Е. В. Жиров // Краткие сообщения о полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 8. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – С. 80–87.

13. Гинзбург, В. В. Этнические связи древнего населения / В. В. Гинзбург // МИА. – 1959. – № 60. – С. 563–575.

14. Ortner, D. J. Identification of Pathological Conditions in Humam Skeletal Remains / D. J. Ortner, W. G. J. Putschar. – Washington : Smithsonian Institution Press, 1981. – 479 p.

15. Larsen, C. S. Bioarchaeology: interpreting behavior from the human skeleton / C. S. Larsen. – Cambridge University Press, 1997. – 461 p.

16. Кривошеев, М. В. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития / М. В. Кривошеев, А. С. Скрипкин // Российская археология. – 2006. – № 1. – С. 124–136.

17. Батиева, Е. Ф. Травматические поражения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время / Е. Ф. Батиева // Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 1. – М. : Старый сад, 2003. – С. 250–267.

**ABOUT THE MILITARY CLASHES
OF THE NOMADIC POPULATION
OF THE VOLGA-DON INTERFLUVE
IN THE III-IV CENTURIES**

Mihail Vasil'evich Krivosheev

Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer,
Department of Archaeology and Foreign History,
Volgograd State University
tyaf@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Balabanova Maria Afanasyevna

Doctor of Sciences (History), Professor, Head
of the Department of Archaeology and Foreign History,
Volgograd State University
mary_balabanova@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 600062 Volgograd, Russian Federation

Pererva Evgeny Vladimirovich

Candidate of Sciences (History),
Head of Scientific-Organizational Department,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd Branch
perervafox@mail.ru
Gagarina St., 8, 400131 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of archaeological complexes of the Late Sarmatian culture of the second half of the III-IV centuries A.D. from the burial grounds of the Volga-Don interfluve. The study group of burials has considerable similarities in the archaeological and anthropological terms. This paper examines the mismatch associated with a high proportion of injuries combat character on bones and a small number of finds of weapons in burials.

Key words: the Sarmatians, the Late Sarmatian culture, the mound, the sword, trauma, chopped wound.

УДК 94(575):355

ББК 63.3(5Азе)3

ВОЕННОЕ ДЕЛО КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Кириченко Дмитрий Александрович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Института археологии и этнографии

Национальной академии наук Азербайджана

dmakirichenko@mail.ru

просп. Г. Джавида, 115, AZ 1143 г. Баку, Азербайджан

Аннотация. В представленной статье рассмотрены вопросы истории военного дела античной Кавказской Албании, которые рассматриваются на основе письменных источников и археологических материалов. Античная Кавказская Албания занимала территорию нынешней Азербайджанской Республики и некоторых других регионов. О военном деле, количестве, родах и видах албанских войск нам сообщают греческие и римские авторы. Такие, как Арриан, Страбон, Плутарх и др. Археологические материалы подтверждают и дополняют сведения письменных источников о военном деле Кавказской Албании. Среди оружия кавказских албан следует отметить мечи, копья, кинжалы, боевые вилы, лук и стрелы. Из оборонительного вооружения – щиты, шлемы, доспехи.

Ключевые слова: Азербайджан, Кавказская Албания, античность, археология, письменные источники.

Античная Кавказская Албания, охватывавшая территорию современной Азербайджанской Республики и некоторые соседние территории, является одним из древнейших государств и занимает значительное место в древней и средневековой истории Кавказа. Первые упоминания о Кавказской Албании содержатся в трудах греческих и римских авторов. Некоторые древние авторы относительно подробно описывают Албанию на основании более ранних и недошедших до нас письменных источников. Они сообщают о природных богатствах страны, о населении, о языках, на которых оно говорило, о его занятиях, о войске, вооружении и т. д.

Первые сведения об албанах и албанском войске относятся к IV в. до н.э., когда Арриан (II в.), повествуя о битве при Гавгамелах в рядах правого крыла многочисленного персидского войска Дария III Кодомана (336–331 гг. до н. э.) отмечает и албан [2, с. 110]. О количестве и видах родов албанских войск нам сообщает Страбон: «Войско они выставляют более многочисленное, чем иберийцы. Именно они вооружают 60 000 пехотинцев и 20 000 всадников; со столь многочисленными войсками они выступали против Помпея. Албанцы вооружены дротиками и луками; они носят панцири и большие продолговатые щиты, а также и шлемы из шкур зверей подобно иберийцам [7, с. 476]. Албаны вероятно покрывали броней и лошадей [2, с. 168]. Плутарх сообщает нам о «своего рода» оборонительных сооружениях албан, для противодействия врагу при переправе через реку. «Помпей... снова перешел реку Кирн (Кура) – с трудом и, подвергая войско опасности, ибо (албаны) возвели на реке длинный частокол» [1, с. 62]. По Плутарху количество албанского войска составляло 72 000 (из них 60 000 пешего войска и только 12 000 конницы), в другом случае 40 000 человек [2, с. 174]. Албаны в войне применяли тактику «ложного» отступления.

Археологические материалы помогают нам более подробно осветить военное дело Кавказской Албании. В ходе археологических раскопок поселений, городов и погребений времен античной Кавказской Албании были выявлены многочисленные предметы вооружения древних албан.

Судя по количеству найденных экземпляров, в продукции албанских оружейников преобладали копья [6, с. 140]. Богатая коллекция железных наконечников копий была найдена в погребениях Габалинского, Гырлартепинского, Мингечаурского, Ньюдинского, Узунбойларского и Хыныслинского некрополей (иногда до четырех наконечников в погребении). Выявленные наконечники копий относятся к двум основным типам. К первому типу относятся наконечники с листовидным пером и ребром посередине для прочности. Наконечники насаживались на древко с помощью вытянутой конусовидной полый изнутри втулки, нижние края которой неплотно прилега-

ли один к другому. В месте соединения пера наконечника и втулки копье имеет форму овала или реже квадратного и листовидного сечения. Наконечники копий имеют различную длину от 12 до 28–30 см. Второй тип наконечников – ромбовидные в плане с укороченной конусовидной втулкой и ребром прочности посередине пера. Интересно отметить, что наконечники копий встречались не только в мужских, но и в женских погребениях [6, с. 140].

Мечи представлены нескольких разновидностей [8, с. 136]. Одну группу составляют узколезвийные с заостренными концами длинные мечи, с рукоятками в костяных или деревянных заклепаных обкладках. Лезвие таких мечей обоюдоострое. Ножны были деревянные, обтянуты кожей и окованы бронзой. Другую группу довольно редко встречающихся мечей составляют сравнительно короткие прямые мечи с кольцевым навершием. Они находят себе близкую аналогию среди сарматского оружия [8, с. 136]. Эти мечи можно связать с контактами албан с сарматами, с сарматскими походами на юг, либо же они изготавливались на месте по сарматским образцам. Третью разновидность мечей составляют длинные и широкие массивные железные мечи, происходящие в основном из ямных и грунтовых погребений древней Шемахи. Длина этих мечей иногда более одного метра, ширина лезвия в верхней части 6–8 см, концы заострены. По сохранившимся остаткам видно, что рукоятки имели деревянные обкладки. Ножны – деревянные, обтянутые кожей, украшенной бронзовыми пуговками, в нескольких местах на ножны надеты железные ободки.

Дж. А. Халилов предполагал, что эти мечи не были массовым оружием, а принадлежали войнам тяжелой конницы, может быть военачальникам [8, с. 137]. Кинжалы, обнаруженные на раннеалбанских памятниках, были тоже железные. По сравнению с мечами их гораздо больше. Г.М. Асланов выделяет четыре характерных типа кинжалов: с разъединителем, с односторонним лезвием, без разъединителя, мечевидной формы [8, с. 138]. Рукоятки всех кинжалов – деревянные или костяные, ножны их – деревянные, обтянутые кожей.

В составе оружия имеются наконечники стрел, которые делятся на костяные и железные. Костяные наконечники стрел имеют втулку, они трех- и четырехгранные, а в сечении ромбические. Они в основном характерны для северных приморских районов Кавказской Албании, где встречаются сравнительно чаще. Железные наконечники стрел – трехгранные и трехлопастные, черешковые, отличаются только размерами. По своей форме такие наконечники стрел очень сходны с железными наконечниками стрел из сарматских памятников Северного Кавказа и Поволжья [8, с.138–139]. К.А. Алиев предполагает существование на вооружении албан легких скифских и тяжелых гуннских луков [2, с. 171].

В Мингечауре были обнаружены в ходе археологических раскопок остатки небольшого железного щита [2, с. 172]. Доспехи при раскопках встречаются довольно редко. Это можно объяснить тем, что они возможно были изготовлены из кожи и войлока и вследствие этого не сохранились. Представители знати носили металлические доспехи. Иногда к кожаным доспехам-панцирям пришивали пуговицы, которые напоминали чешуйчатые пластинчатые панцири, широко распространенные в то время на обширной территории. Например, в Мингечауре в одном погребении, на скелете обнаружены сотни металлических пуговиц. По мнению С.М. Казиева, эти пуговицы пришивались в качестве брони к кожаной одежде [4, с. 134–135].

Археологические находки говорят о том, что в античную эпоху в Албании имелись кольчужные панцири, изготовленные из железной проволоки. Одна такая кольчуга была выявлена Дж.А. Халиловым в погребении I–II вв. н. э. могильника Рустов в Губинском районе Азербайджана [4, с.135]. В погребальном обряде Рустовского могильника отмечено сарматское влияние [5, с. 135].

По свидетельству Страбона, албанские воины носили и шлемы. Албанская знать, вероятно, носила металлические шлемы. Поэтому особый интерес представляет находка бронзового шлема (см. рисунок) из погребения Ньюди (Агсуинский район Азер-

байджана), датируемого автором раскопок Ф.Л. Османовым в пределах II–I вв. до н. э.

Вооружение кавказских албан

Шлем был изготовлен из трех отдельных частей – собственно шлема, наушников и втульчатого навершия длиной 15 см, диаметром 4–5 см. Края шлема, навершие и наушники имели окантовку, а в затылочной части и на концах наушников имелись небольшие отверстия для крепления застежек. Высота лицевой части шлема до затылочной части составляет 30 см. Описанный шлем является пока единственной находкой подобного рода на

территории Азербайджана [6, с. 140]. Следует отметить, что вероятно, подавляющее большинство воинов носило шлемы из кожи и войлока, которые не сохранились.

В погребениях Ньюди были найдены два бронзовых умбона. Умбоны в плане круглые, в продольном и поперечном сечении плосковыпуклой формы. С внутренней стороны сохранилось миниатюрное железное ушко, а с внешней стороны в центре – шишковидный выступ. Очевидно, такие умбоны нашивались на кожаный панцирь и во время сражения защищали грудь воинов [6, с. 141].

Среди оружия албан следует отметить также и боевые вилы. Образцы четырех-, трех- и двузубых вил обнаружены в Мингечауре.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о развитом военном деле античной Кавказской Албании и о связях албан с сарматами, что касалось вопросов вооружения. Данные выводы подтверждаются как письменными источниками, так и археологическими материалами.

Список литературы

1. Алиев, К. А. Античные источники по истории Азербайджана / К. А. Алиев. – Баку : Элм, 1990. – 132 с.
2. Алиев, К. А. Античная Кавказская Албания / К. А. Алиев. – Баку : Азернешр, 1992. – 238 с.
3. Арриан. Поход Александра / Арриан. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 384 с.
4. Бабаев, И. А. Города Кавказской Албании в IV в. до н. э. – III в. н. э. / И. А. Бабаев. – Баку : Элм, 1990. – 236 с.
5. Гошгарлы, Г. О. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана / Г. О. Гошгарлы. – Баку : Елм, 2012. – 248 с.
6. Османов, Ф. Л. История и культура Кавказской Албании IV в. до н. э. – III в. н. э. / Ф. Л. Османов. – Баку : Тахсил, 2006. – 288 с.
7. Страбон. География в 17 книгах / Страбон. – М. : Наука, 1964. – 941 с.
8. Халилов, Дж. А. Материальная культура Кавказской Албании / Дж. А. Халилов. – Б. : Элм, 1984. – 236 с.

MILITARY AFFAIR OF CAUCASIAN ALBANIA

Kirichenko Dmitriy Aleksandrovich

Candidate of Sciences (History), Senior Scientific Worker,
Institute of Archaeology and Ethnography,
Azerbaijan National Academy of Sciences
dmakirichenko@mail.ru
H. Javid St., 115, AZ 1143 Baku, Azerbaijan

Abstract. In previous article are discuss questions of history military affair of Antic Caucasian Albania, which are seen with helping of writing sources and archaeological materials. Antic Caucasian Albania was wide by territories of Azerbaijan Republic and others neighboring regions. About military affair, numbers, kinds, sorts of Albanian forces to us are inform Greek and Roman authors. Such as: Arrian, Strabo, Plutarch and others. Archaeological materials are confirmed and supplement information of writing sources about military affair of Caucasian Albania. Among weapons of Caucasian Albanians it should be noted swords, spears, dirks, fighting forks, bow and arrows. In defensive weapons – shields, helmets, armors.

Key words: Azerbaijan, Caucasian Albania, antic times, archaeology, writing sources.

УДК 94«10/12»: 398.8

ББК 63.3(0)4-92

СИМВОЛИКА ОРУЖИЯ В АКРИТСКИХ ПЕСНЯХ X–XII ВЕКОВ

Стельник Евгений Викторович

Магистрант кафедры археологии и зарубежной истории
Волгоградского государственного университета
steleugen1969@gmail.com
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Акритские песни – это своеобразная знаковая система, в которой, зачастую, второстепенные формы (жесты, атрибуты) имеют ключевое значение для понимания содержания песни. Оружие является одним из таких знаков. Золотой нож Константина, копье, меч, булава Дигениса Акрита, меч и лук Хароса – формы, в которых укрывается византийское фольклорное мировоззрение, наполненное архаичными элементами представлений. Так, оружие Дигениса Акрита передает в опосредованной форме идею жестокой схватки со смертью, а оружие Хароса оказывается различными византийскими концепциями смерти.

Ключевые слова: акритские песни, знаки, символы, Дигенис Акрит, Константин, Харос, копье, меч, дубинка/булава.

Акритские песни как религиозная система

Происхождение византийских акритских песен точно не установлено, предполагается, что они происходят из песен апелатов [3, р. 35], но очевидно, что они имеют древнее происхождение [3, р. 90]. Греческий демотический язык песен достаточно четко относится к X–XII векам. К этому же времени относится и стихотворный размер песен. В современной историографии существует консолидированное мнение, что акритские песни берут свое начало в IX–XII вв. и непосредственно отражают византийские представления. Так, Г. Сонье писал, что песни акритского цикла

«без сомнения относятся к X веку» [15, р. 336]. Г. Боель, также, склонялся к X в., как времени возникновения мотива сражения Хароса с Дигенисом [5, р. 26]. У М. Алексиу песни аналогичны древнегреческим гимнам и носят архаичный характер [1, р. 177].

Акритские песни – это стихия массового сознания, это всегда многовариантность и разнообразие. Г. Сонье писал о византийских песнях, как о «сложном материале», состоящем из множества отдельных тем, со своей историей и эволюцией, который исследователю нужно «привести в порядок» [15, р. 119]. М. Алексиу обращала внимание на «бесконечное разнообразие» крестьянских верований, о характерном беспорядке «народной религии» [1, р. 24].

Религиозные представления фиксируемые в акритских песнях являются отражением массовых ментальных конструкций. Их повседневный, бытовой характер не просто форма «низкого» жанра, но форма модели мышления, за которой стоит «низшая» бытовая мифология. В этом смысле акритский быт – это форма представлений.

Оружие как важнейший атрибут акритских мифологических персонажей

Структура акритских песен – это не что иное, как форма мышления широких слоев византийского населения. Так, ключевое значение образа, вокруг которого, в основном, и организуется повествование – это важное свойство народного мифологического мышления. Зачастую получается, что именно образ организует вокруг себя типичные события. Выходит, что фактическая, событийная сторона песни не так важна, а подчиняется силе того или иного типичного образа, его типичных характеристик или его атрибутов.

Песни обладают особой фольклорной структурой, которую определяет устный характер их существования. Необходимость запоминания определяет «формульный» характер песен. Певец составляет песню «на ходу» уже из готовых блоков/формул, знаков, символов. Отсюда, по замечанию Р. Батона – многовариантность греческих песен [3, р. 21–22], многочисленные повторы, характерные для устной речи. В основе такого формульного состава песен

лежит своеобразный ментальный «фонд», готовых схем, блоков, типичных сюжетов, образов, зачинов или концовок.

Таким образом, акритские песни – это своеобразная знаковая система, в которой, зачастую, второстепенные формы (жесты, позы, атрибуты) имеют ключевое значение для понимания содержания песни и интерпретации ее смысла. Оружие, безусловно, является одним из таких знаков, рассмотрение которого раскрывает скрытое истинное содержание акритского религиозного мировоззрения.

В византийской религиозной иконографии оружие было важнейшим атрибутом ангелов и святых, причем христианские образы представлялись в традиционно римских доспехах и вооружении. Так, архангел Михаил в византийской иконографии изображался с обнаженным мечом, что должно было свидетельствовать о готовности сразу прийти на помощь страждущим [14, р. 154].

Так, меч в византийской религиозной традиции являлся символом власти и суда. В библейской традиции меч часто воспринимался как инструмент наказания находящийся в руках Бога. Слово Господа считалось подобным «острому мечу» и часто несло гибель.

Необходимо учитывать, что акритские песни наполнены архаичными представлениями, древнегреческим и ветхозаветным фольклором. Главные персонажи песен существуют по правилам архаичной логики и оружие в их руках часто оказывается самостоятельным персонажем с самостоятельным контекстом и значением.

Золотой кинжал Константина

В цикле песен «Н Εὐγενούλα», описывается золотой нож (χρυσομάχαρα) или кинжал (χαυτσάρι) Константина, которым он убивает себя, когда узнает, что его молодую жену забрал Харос. Константин, прославленный герой, разъезжал в поле со своим войском (40 архонтов и 100 богатырей), вместе с музыкантами. Но его конь начинает бить копытом, предупреждая о надвигающейся смерти его жены [18, σ. 297]. Герой спешит домой, но находит свою любимую уже мертвой. Тогда он достает из золо-

тых ножен золотой нож (или кинжал) наносит себе смертельный удар прямо в сердце [18, ст. 294; ст. 295; ст. 296; ст. 297]. После смерти он воссоединяется со своей любимой, оказываясь кипарисом в саду Хароса.

Золотой нож Константина вызывает интерес, так как отсылает нас к мифологическим значениям оружия Афродиты, основной эпитет которой у Гомера – «золотая». Любовь в древнегреческом фольклоре представлялась результатом воздействия оружия Афродиты, которая наносила влюбленным чувствительные раны прямо в сердце. Здесь можно вспомнить эпизод из «Повести о любви Херея и Каллирои» Харитона (II в. н. э.), когда при первом взгляде на Херея, Каллироя «получает удар в диафрагму» [19, с. 28] и даже «теряет дыхание» [19, с. 50] влюбляясь в героя. То есть, любовные дела Афродиты оказываются своеобразной войной, где оружие представляется действенным инструментом власти этой богини. Показательно, что при окончательной встрече с Хереем после долгой разлуки, Каллироя испытывает такой избыток чувств, будто «как мечом ударило в сердце» [19, с. 125].

Таким образом, в цикле песен «Н Ευγενουλα» золотой нож Константина находится в контексте античного фольклора, когда избыток чувств символически превращается в острое оружие. Константин, убивая себя ножом/кинжалом (прямо в сердце), гибнет от чрезмерной любви. В буквальном смысле его убивает Афродита, которая в древнегреческом фольклоре имела явные хтонические черты.

Копье, меч, булава Дигениса Акрита

Дигенис Акрит – главный герой акритских песен, поэтому не случайно этот персонаж наделяется целым набором оружия. Дигенис Акрит отличался удивительными подвигами и полным игнорированием морали. Но в X–XI вв. именно Дигенис стал идеалом аристократической силы и доблести [7, р. 56]. Характерно, что этот идеал никак не связан с христианскими ценностями, а выражает своеобразную эстетику «аристократического насилия» [6, р. 2]. Герой-аристократ выдающийся своим благородным рождением и честью, с детства упражняющийся во владении оружи-

ем, разъезжающий по сельской округе на коне со своей свитой все время нуждался в «подвигах». Насилие – важнейшая часть его жизни. Оружие Дигениса подчеркивает его высокий социальный статус и раскрывает важнейшие стороны этого образа.

Прежде всего, Дигенис Акрит, как аристократ, является всадником на коне вооруженный копьем [15, р. 151]. Копье было самым популярным оружием в византийской религиозной иконографии. Святые войны вооружались чаще всего именно копьем, причем копье это имело традиционный римский характер (*hasta*). По замечанию М. Парани, даже библейские образы осмысливались в римских военных образах [14, р. 148]. Копья в руках святых воинов, по ее мнению, означали борьбу против духовных врагов и силу помощи, которую они оказывали верующим. Их военный статус был гарантией победы.

Византийская символика копья имела римские корни и связывалась с императорской властью [11, s. 211]. Копье было наглядным знаком присутствия Бога и его помощи [10, р. 331]. Так, смерть Юлиана Отступника от брошенного в него копья, однозначно связывалась с прямым вмешательством Бога. Копье – знак высшей власти. Не случайно на одной из миниатюр из Псалтыря Василия II император получает копье из рук Христа, как знак божественной власти [10, р. 332].

Важно, обратить внимание, что копье у Дигениса Акрита «зеленое, арабское», с позолотой [8, р. 121; р. 149]. *Διγενής* – буквально переводится как «двуродный», принимая во внимание, что его отец являлся арабским эмиром, а так как герои акритских песен часто выходят на арену с оружием отца [16, р. 55], то арабское копье Акрита является его родовым признаком. С другой стороны, восточное оружие пользовалось заслуженной славой в Византии и владение им могло быть свидетельством одержанных военных побед (и как следствие – трофейного оружия).

Важно обратить внимание, что копье у Дигениса играет роль, скорее, престижного атрибута. Все свои подвиги Дигенис совершает с помощью меча или палицы/дубинки. Характерно, в этом контексте, описание боя Дигениса Акрита с амазонкой Максимо. Схватка начинается со сшибки на копьях, которая не выявляет победителя [8, р. 187], а уже после этого начинается «настоящий»,

упорный бой на мечах. Подобно происходит бой Константина с эмиром, когда после первого столкновения ломаются копья – начинается многочасовая рубка на мечах, которая громом раздавалась среди холмов и гор [8, p. 13].

Во многом это объясняется символикой меча в византийской культуре.

Меч – это символ борьбы и один из самых популярных символов смерти. Но и символ власти и господства, знак правосудия [11, s. 154]. Но меч, также – знак самовластья и насилия, не случайно Исаак I Комнин изображался на монетах с обнаженным мечом в руках, как знаком узурпации власти [10, p. 361].

В иконографии меч считался аристократическим оружием и был символически связан с императорской властью. Именно меч вручал святой Феодор Терон императору Мануилу Комнину, чтобы тот одержал победу над врагами [10, p. 366].

Меч Дигениса Акрита является знаком его удивительной, божественной силы. Это меч длиною четыре фута [17, с. 223], или это прославленный «меч Хосрова» [8, p. 121]. Меч Акрита разрубает льва на две части, легко отсекает у коня голову, отрубает головы у Дракона [8, p. 157]. Акрит вооруженный мечом выражает главное свойство акритской мифологии – эмоциональное переживание боя лицом к лицу с противником, упоение схваткой, переживание близости смерти и игра с ней. В каждой такой жестокой схватке Дигенис Акрит подготавливается к своему самому главному бою с Харосом, который может происходить вообще без оружия, «голыми руками».

Акрит принципиально выходит на бой против всадников, беря с собой только меч или дубину, так как его сила и смелость исключает другое оружие. Так, песни описывают лук Акрита, но как он им пользуется, упоминаний нет. Дистанционное оружие ставит под сомнение его доблесть. Именно рукопашный бой отражает византийское представление о решительном, жестоким сражении. В этом контексте характерно описание Никиты Хониатом одного упорного сражения с венграми в 1167 г., когда после того как были сломаны в бою копья, ромеи пустили в ход мечи, а когда в ходе жестокого боя вышли из строя и они, то

взяли в руки булавы [13, p. 156–157]. То есть, у Никиты Хониата жестокость сражения передается через идею все большего и большего сближения в бою с противником.

Именно поэтому булава (ράβδος), меч-дубинка (σπαθροράβδιν) или простая дубина (λίτον ράβδιζιν) – любимое оружие Дигениса Акрита. Булава Акрита «дикой яростью дышит» [8, p. 171], она может разбить череп «до последней косточки» [8, p. 165]. Дигенис Акрит выходит на бой пешим, практически без оружия, только со своей булавой и неизменно побеждает, так как за ним стоят могущественные сакральные силы. Его Булава/дубина эти силы выражает [12, p. 1563]. С другой стороны, булава – аристократическое оружие [11, s. 182–183], знак социального превосходства. Тогда как дубина – самое народное оружие, но с глубоким фольклорным контекстом. Таким образом, булава/дубина Акрита определенный ментальный компромисс.

Оружие Дигениса Акрита раскрывает его основную мифологическую функцию – выражение идет борьбы в максимально конкретных символах. Ключевая точка акритских песен – это борьба Акрита с Харосом, которая носит сложный солярный контекст, упорство в которой имеет фундаментальное значение.

Меч и лук Хароса

Главное оружие Хароса – это меч (σπαθί, ξίφος) или длинный нож/кинжал (μάχαρα). Что совсем неудивительно, так как меч по статистике Д. Бинкенмейера был основным византийским смертельным оружием [4, p. 221].

Появляющийся вместе с Харосом архангел Михаил так же был вооружен «огненным мечом», или даже тремя сразу; один для умерщвления архонтов, другой – для бедняков, а третий, отравленный, для богатырей [17, с. 223].

Харос вооруженный мечом выражал эту идею расплаты в буквальном виде. Расплата это кровавая. «Резня» (σπασει) которую устраивает Харос – это реализация власти хтонических сил или наказание посланное суровым Богом [9, p. 224]. Недаром, иногда описывается, что меч у Хароса «кривой» [2, p. 445], эта

кривизна коварное свойство темного Аида, отражение несправедливости и жестокости смерти.

Перерезание горла мечом/ножом является ключевым моментом представлений о Харосе и шире – византийских представлений о смерти. В песнях часто описывается, что Харос хватается героя и утаскивает в свой шатер, где несчастному перерезает горло, выпуская вместе с кровью душу [18, с. 305].

Иной контекст имеет лук в руках Хароса. В византийском обществе до XIII в. лук воспринимался однозначно, как оружие врагов [10, р. 371]. В X–XII вв. лук в руках арабов принес немало страданий византийцам и особенно акритам. Лук имел плохую репутацию еще в античной традиции, так как герои всегда сражались в строю лицом к лицу с врагом, а лук считался оружием слабых и трусливых (вроде Париса). В римское время сложилась целая мифология вокруг удивительных свойств парфянского лука, стрелы которого, как считалось, были не видимы в полете и пробивали любую броню.

Нельзя забывать, что лук был основным оружием античного Эроса, в средневековом контексте становилось основным оружием Дьявола, который соблазняет на грех подвижников. Не случайно, в агиографии луками часто вооружались бесы, которые нападали на святых, пуская в них «злые стрелы» [10, р. 378].

Харос вооруженный луком представляет уже иную концепцию смерти. Он не вступает в «честный» бой с героем, а нападает неожиданно и не справедливо. Часто нападает из засады, оставаясь невидимым для своей жертвы. Эта особенность дистанционного оружия определяет и особенности представлений о смерти, которая происходит как бы «без причины».

Подводя итог, необходимо заметить, что оружие в руках героев акритских песен является ключевым знаком, который раскрывает подтекст мифологического содержания этих образов. При этом, само оружие оказывается наполненным символическим содержанием, которое определяет свойства Акрита или Хароса, их поведение в рамках мифологического сюжета. В этом смысле, разное оружие в руках Хароса оказывается разными византийскими концепциями смерти, а разное оружие Дигениса Акри-

та – оказывается знаком степени ожесточения сражения и его мифологической значимости. Золотой нож Константина в этом контексте является элементом архаического мировоззрения, в котором причина и действие еще не различаются.

Список литературы

1. Alexiou, M. *The Ritual Lament in Greek Tradition* / M. Alexiou. – Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, 1974. – 294 p.
2. Angold, M. *Church and Society: Iconoclasm and After* / M. Angold // *The Social History Of Byzantium* / ed. J. Haldon. – Oxford : Blackwell Publishing, 2009. – 300 p.
3. Beaton, R. *Folk Poetry of Modern Greece* / R. Beaton. – Cambridge : Cambridge University Press, 1980. – 229 p.
4. Birkenmeier, J. W. *The Development of the Komnenian Army 1081–1180* / J. W. Birkenmeier. – Leiden/Boston ; Brill, 2002. – 264 p.
5. Boel, G. de. *La Mort de Digénis Akritis dans le Roman et dans les Chants* / G. de. Boel // *Byzantion*. – 1999. – Т. 69. – V. 1. – P. 24–58.
6. Bonner, M. *Aristocratic Violence and Holy War: Studies in the Jihad and the Arab-Byzantine Frontier* / M. Bonner. – New Haven : American Oriental Society, 1996. – 222 p.
7. De Vries-Van Der Velden, E. *L'Elite Byzantine Devant l'Avance Turque a l'Epoque de la Guerre Civile de 1341 d 1354* / E. De Vries-Van Der Velden. – Amsterdam : J.T. Gieben, Editeur, 1989. – 298 p.
8. *Digenis Akritis. The Grottoferrata and Escorial Versions* / ed. and transl. by E. Jeffreys. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 400 p.
9. Du Boulay, J. *The Greek Vampire: A Study of Cyclic Symbolism in Marriage and Death* / J. Du Boulay // *Man. New Series*. – 1982. – V. 17. – I. 2. – P. 219–238.
10. Grotowski, P. *Arms and Armour of the Warrior Saints. Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261)* / P. Grotowski. – Leiden/Boston : Brill, 2010. – 630 p.
11. Koliass, G. T. *Byzantinische Waffen. Ein Beitrag zur byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung* / G. T. Koliass. – Wien: Österreichische Akademie Wissenschaften, 1988. – 284 S.
12. Liddell, H. G. *Greek-English Lexicon* / H. G. Liddell, R. Scott. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 2436 p.

13. Nicetae Choniatae. Historia / Nicetae Choniatae. – ed. I.A. van Dieten. – Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1975. – 780 p.
14. Parani, M. Reconstructing the Reality of Images. Byzantine Material Culture and Religious Iconography (11 th – 15th Centuries) / M. Parani. – Leiden : Brill, 2003. – 364 p.
15. Saunier, G. Le combat avec Charos dans les chansons populaires grecques / G. Saunier // Ellinika. 1972. – 25. – 119–370 pp.
16. Saunier, G. Quelques Personnages de la Poésie Épique / G. Saunier / Les mythes et les legends que partagent les peuples de l'Europe. – Paris: Université de l'Europe, 2003. – 52–59 pp.
17. Πολίτου, Ν. Γ. Άκριτικά ᾄσματα. ὉΘάνατος τοῦ Διγενῆ / Ν. Γ. Πολίτου // Λαογραφία 1. Ἀθήναι: Τύποις Π. Δ. Σακκλαρίου, 1909. 169–275 σ.
18. Τραγοῦδια ρωμαίικα = Popularia carmina Graeciae recentioris / edidit A. Passow. – Lipsiae; B.G. Teubner, 1860. – 650 y.
19. Харитон. Повесть о любви Херея и Каллирои / Харитон // Греческий роман. – М. : Правда, 1988. – 528 с.

THE WEAPON'S SYMBOLISM IN ACRITIC SONGS X-XII CENTURY

Stelnik Evgeny Victorovich

Postgraduate Student, Department of Archaeology and Foreign History,
Volograd State University
steleugen1969@gmail.com
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volograd, Russian Federation

Abstract. Religious ideas presented in Acritic songs are a reflection of the mass mental constructions. Thus, Acritic songs are a sign system, in which often secondary forms (gestures, attributes) have the key meaning for understanding of the content of the song and interpretation its meaning. The weapon is one of these signs, which consideration reveals the hidden truth content of Acritic religious worldview. Constantine's gold knife is in the context of ancient folklore, when an excess feeling symbolically turns into a sharp weapon. This is a different concept of death in which Charos is a hunter living people.

Key words: Acritic songs, signs, symbols, Digenes Akritas, Constantine, Charos, spear, sword, stick / club.

УДК 94«1321/1328»: 341.321.3

ББК 63.3(0)4-93

К ПРОБЛЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ И РОЛИ НАЕМНЫХ ВОЙСК В СОСТАВЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ДВУХ АНДРОНИКОВ В ПЕРИОД «МЕЖДОУСОБИЦЫ» (1321–1328 гг.)

Лысиков Павел Иванович

Магистрант кафедры археологии и зарубежной истории
Волгоградского государственного университета
blademaster18@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В рамках данного изыскания исследована проблема значения и роли наемных войск в составе вооруженных сил Андроника II и Андроника III в ходе междоусобного конфликта 1321 – 1328 гг., включенная в комплекс проблем, объединенных тематикой военной организации Византийской империи в период правления первых Палеологов. Изучены вопросы, связанные с причинами и обстоятельствами привлечения наемников на службу, а также с организацией и функционалом наемных подразделений в войсках, соперничающих за византийский престол императоров.

Ключевые слова: Византийская империя, междоусобная война 1321–1328 гг., Андроник II, Андроник III, наемные войска.

Цель данного изыскания имеет отношение к проблеме военной организации Византии в период правления первых Палеологов и заключается в выяснении значения и роли наемников в военно-организационной структуре византийского государства в течение времени междоусобного конфликта 1321–1328 годов. Специфика службы наемных войск в составе противоборствующих армий двух Андроников, полагаем, изучена недостаточно, ввиду общего характера подавляющего большинства работ, посвященных вышеозначенной проблеме. В этой связи следует определить

задачи, решение которых необходимо для достижения поставленной цели:

- каузальный аспект: причины и обстоятельства привлечения наемников на службу империи;
- организационный аспект: принципы комплектования, содержания и управления наемными войсками;
- функциональный аспект: роль наемных подразделений в событиях междоусобной войны.

Решение вопроса о причинах набора наемников на службу империи в годы междоусобицы 1321–1328 гг. находится в прямой связи с определением специфики военно-политического положения и военной организации византийского государства в первой четверти XIV столетия.

К началу междоусобицы Византия представляла собой государство, с военно-политической точки зрения уже долгое время полагавшееся в значительной степени на услуги наемнических подразделений в составе ее армий. С усугублением внутриполитического кризиса после смерти Михаила VIII силы империи, необходимые для борьбы против своих внешнеполитических врагов, все более истощались. Это, в свою очередь, влекло за собой постоянное сокращение вооруженных сил, что нашло отражение, прежде всего, в неуклонном разорении автохтонного стратегического контингента, в течение XIII–XIV вв. продолжавшего терять свое значение [1, с. 209], и роспуске флота [4, с. 121; 13, с. 393]. Вследствие этого количество наемных подразделений в составе византийского войска беспрестанно увеличивалось, что оказывало значительное влияние на оскудение византийской казны, на которую тяжелым бременем ложилось дорогостоящее содержание наемников.

Весь национальный контингент византийского войска, так или иначе, был связан с землей, поэтому его содержание обходилось империи сравнительно недорого. Речь идет, прежде всего, о воинах-держателях проний – пожалований *в попечение* отдельному лицу или группе лиц части доходов фиска [5, с. 52–53; 6, р. 1; 11, р. 75]. Прониары были и среди латинских наемников; латиняне-владельцы проний известны в историографии под именем *каваллари-*

ев (от соответствующего титула) [7, р. 347; 11, р. 108]. Таким образом, государство сокращало часть расходов на содержание наемных воинов, а также содействовало их заинтересованности в защите источников своих доходов и связывало их обязательствами долговременной службы государству. В этих же целях некоторым группам наемников (вроде куманов) отводились земли на поселение на правах условного держания [6, р. 12].

В 1320 г. Андронику II удалось собрать миллион (*тысячу тысяч* [12, р. 817]) иперпиров дохода с налоговых поступлений. На часть из этих денег император намеревался содержать 3 тыс. конного войска и 20 кораблей [3, с. 242] (по подсчетам У. Трэдголда, ок. 388 тыс. иперпиров ежегодно, а также расходы на обмундирование, лошадей, фураж и пр. [15, р. 843, tab. 18]). Речь идет, разумеется, о привлечении на службу государству наемников на правах долгосрочной службы, так как внешнеполитическое положение Византии подразумевало скорое начало нового витка военных действий против турок.

Как бы то ни было, вспыхнувшая междоусобица между императором и его внуком помешала проведению этих планов в жизнь. Отметим, что в условиях внутривизантийского кризиса привлечение на службу наемников превращалось для Византии в единственное решение ее внешнеполитических задач, главной из которых с недавних пор, безусловно, стала задача обеспечения безопасности в условиях давления противников с Востока и Запада. Тем не менее следует заметить к концу первого десятилетия XIV в. Византии наконец-то удалось выйти из обороны и организовать даже некое подобие наступления. Таким образом, заключим, что обстоятельства и причины привлечения наемников на службу государству в последние годы перед междоусобной войной складывались из прямой зависимости между ухудшением внутривизантийской ситуации (что отразилось и на состоянии военно-организационной модели византийского государства) и нестабильным положением Византии на внешнеполитической арене.

Тем более интересны новые условия вербовки наемных подразделений, возникшие в годы междоусобицы 1321–1328. Исклю-

чая немецкий корпус, который был привлечен в Византию, судя по всему, еще до войны, все остальные наемные воинские контингенты, комплектовавшиеся уже в ходе конфликта, вербовались не в целях проведения в жизнь внешнеполитических устремлений, а с намерением сторон противостоять своим внутривизантийским противникам. Обозначенная задача являлась первоначальной причиной привлечения турецких, сербских или болгарских наемников на службу государству.

Отметим и еще одно условие: ввиду падения политического авторитета Андроника II и постоянной нехватки воинов, которых его внук успешно привлекал к себе обещаниями значительных провиантных пожалований [12, р. 397] (пронии обозначены обычным для них термином «доходы» (τροσόδοι); относительно этого эпизода см., к примеру, у П. Мутафчиева [2, с. 529]), Андроник II находил выход в привлечении иностранного войска, которое готово было воевать на его стороне, требуя взамен лишь своевременные выплаты положенного жалования.

Условия ведущейся войны внутри Византии определяли специфику не только фактора причинности, но и организационного аспекта вербовки наемных сил.

Прежде всего, отметим главную особенность комплектования наемников в 1321–1328 гг., заключающуюся в его краткосрочном характере. Все наемные войска, которые когда-либо привлекались Византийским государством, принято подразделять на две категории по принципу продолжительности их использования, а именно: на иностранные воинские контингенты, нанятые на службу на долговременной или краткосрочной основе [1, с. 212–223; 11, р. 104]. Как уже было отмечено, стремление Андроника II приобрести для империи постоянно оплачиваемый наемный воинский контингент, обязанный византийскому государству долговременной службой, оказалось бесплодным в условиях вспыхнувшей междоусобицы с присущим ей колоссальным напряжением ресурсов.

Впрочем, отметим и единственное исключение в виде пресловутого немецкого корпуса, которое, по всей видимости, не является таковым при ближайшем рассмотрении. Отсутству-

ют данные, которые бы прояснили момент привлечения этих наемников на службу империи. Первое упоминание о присутствии в войсках Андроника III οὐ ἕκ Γερμανῶν μεθοφόροι Λατῖνοι относится уже к периоду, непосредственно предшествующему походу мятежной армии на Константинополь [10, р. 98]. К тому же, неясно, каким образом они оказались в войсках мятежников. Предположим (опираясь на рассуждения С. Киракидиса [11, р. 113]), что они были наняты (одолжены, borrowed) у Сербии или Италии, которые в большом количестве привлекали их для службы в своих войсках. Такой способ вербовки наемников представлен далеко не в единичном случае: к примеру, в 1313 г. сербский король Стефан Милутин отправил в поддержку Византии против турок вспомогательный корпус в 2 тыс. человек [3, с. 206], состоящий из наемных куманов [9, р. 18–19; 6, р. 13; 16, р. 118–119]. Отметим, что последние были обязаны Византии лишь краткосрочной службой (в рамках отдельно взятой кампании), однако остались в империи надолго. Вполне возможно, что вышеозначенный немецкий корпус первоначально привлекался на краткосрочной основе, однако в условиях вспыхнувшей междоусобицы остался на службе одного из государей.

Комплектование армии Византии наемными подразделениями осуществлялось, как и прежде, посредством механизма установления добрососедских отношений с окружающими империю государствами, в частности, путем заключения брачных союзов [1, с. 207]. До времени междоусобицы 1321–1328 гг. проведение в жизнь подобного политического курса заключало в себе, прежде всего, стремление обезопасить византийские границы от вторжения извне. Кроме того, постоянная необходимость комплектовать свои силы за счет наемников стимулировала развитие имперской дипломатии в рамках вышеозначенного направления. Посредством установления дипломатических отношений с государствами Востока и Запада Византии удавалось привлекать в свою армию разнородные наемнические силы, которые переходили под управление византийского правительства и содержались за счет имперской казны.

В годы междоусобной войны указанная политическая линия не претерпела каких-либо значительных изменений. Единственным нюансом в механизме ее проведения явилась подмена понятия внешнеполитической необходимости на новое явление, заключавшееся в стремлении противоборствующих сил воспользоваться помощью извне для решения своих внутривосточных задач. В условиях внутреннего конфликта любая иностранная помощь имела свою цену и могла стать решающей в борьбе за престол. Отметим, что именно в годы военно-политической уособицы в Византии снова появляются латиняне [8, р. 86].

Принципы содержания наемных подразделений в составе войск двух Андроников также не остались неизменны. Как и прежде, помимо основного средства обеспечения наемников – выплаты положенного договором жалованья – проводилась в жизнь и политика поощрения особо отличившихся воинов, заключавшаяся в увеличении размера вышеозначенных выплат [10, р. 164, 287], а также раздач среди них имущества своих врагов (в данном случае, политических противников) [9, р. 177].

Впрочем, денег на содержание наемной армии катастрофически не хватало. Когда положение стало критическим, Иоанн Кантакузин, верный соратник Андроника III, при поддержке своей матери Феодоры любезно предложил ему позволить их семье оплатить услуги наемников [9, р. 84–85]. Молодой император принимает и следующий шаг: он жалует наемникам небольшие земельные участки с ежегодным доходом в 10 иперпиров (чсху-Ящн дЭкб) [10, р. 164], вдобавок освобождая их [участки] от налогов [9, с. 104–105; 6, р. 10]. Как бы то ни было, указанный доход с земли был неспособен в полной мере заменить полагающуюся оплату услуг наемных подразделений (которые по разным подсчетам варьируются в пределах от 24 до 72 иперпиров в год [4, с. 119; 15, р. 842]. Вследствие этого, младший Андроник, по мирному договору в Эпиватах от 17 или 18 июля 1322 г., добивается от своего деда ежегодных выплат размером в 81 тыс. иперпиров в год, 45 000 из которых уходило бы на содержание его наемной армии. Впрочем, Андроник II выплатил лишь 77 тыс., то есть меньше той суммы, которая полагалась в год, а за пять лет и

четыре месяца, прошедших с Эпиватского мира до начала третьей кампании (декабрь 1327 г.), общая сумма невыплат достигла колоссальной цифры – ок. 351 тыс. иперпиров [14, р. 59, 62].

Таким образом, отметим, что в годы междоусобицы 1321–1328 гг. со стороны молодого императора был вновь предпринят шаг (по всей видимости, беспрецедентный в отношении латинских наемных отрядов), заключавшийся в пожаловании каждому наемнику небольшого земельного участка на правах условного держания. В обстановке постоянного напряжения сил в борьбе со своими политическими противниками Андроник III увидел в этой мере средство для компенсации части содержания наемного контингента, а также основу для поощрения моральной заинтересованности наемников защите своих земельных держаний.

Касательно вопроса организации управления наемными подразделениями в составе армии междоусобной войны следует сказать следующее. Безусловно, и Андроник II, и Андроник III опасались известного своеволия наемников и повторения событий каталанского мятежа. Так, контроль над наемными турками, посланными одним из эмиров Малой Азии (возможно, эмиром Караси [14, р. 58]) в войско Андроника II, получает один из двух командующих армией старого императора в ходе второй кампании – мегадука Сиргианн [3, с. 272]. Немцы в составе вооруженных сил Андроника III подчиняются некоему кавалларию Перрино де Пиньоло (φρατζιέρην τεμπλινιόλ) [10, р. 100], которого М. Бартусис называет «рыцарем какого-то религиозного ордена» [7, р. 347]. Предположим, судя по его званию, что он – прониар, следовательно, ко времени начала междоусобицы находился в Византии уже достаточно длительное время; поставленный во главе отряда немцев, он, по всей видимости, осуществлял коммуникативные (так как последние, разумеется, совершенно не владели греческим языком [10, р. 98]) и управленческие функции. Болгарское наемное подразделение, служившее в войсках старого императора, находилось, по всей видимости, под управлением прото-вестиария Андроника Палеолога [10, р. 275].

Тем не менее, иностранные вооруженные силы, посланные в Византию в рамках союзных договоров (сербы и болгары), со-

ставляли в определенном смысле независимый контингент войск под управлением собственных командиров – воеводы Хреля (Χρέλης) [10, р. 261] и руса Ивана (Ἰβάνης ὁ Ῥώς) [10, р. 295] соответственно. Более того, по сообщению Кантакузина, в ходе блокады Андроником III городка Серры военачальники македонского войска старого императора, запершиеся там вместе со своими вооруженными силами, совещаются с Хрелем по поводу того, следует ли им дать сражение [9, р. 166] (впрочем, немецкие командиры тоже вовлекались молодым императором в процесс обсуждения стратегических планов). Таким же образом сербы свободно покинули ряды армии Андроника III, когда положение последнего стало критическим [3, с. 314]. Что касается болгарского корпуса из трех тысяч всадников (περὶ τρισχιλίους Ἴππους [10, р. 295]), Андроник II, опасаясь мятежа в пользу царя Болгарии Михаила Шишмана, вообще не воспользовался его услугами, не пустив в Константинополь [3, с. 319].

Таким образом, отметим, что наемные иностранные контингенты в составе армий междоусобной войны, несмотря на попытки поставить их под контроль со стороны верховного командования, в известной степени не утратили свою самостоятельность. Особенно это касается упомянутых сербских и болгарских контингентов, а также турецкого корпуса [9, р. 95] и еще одного болгарского подразделения в составе армии Андроника II [10, р. 275]. Всякий раз, когда старый император находился в кризисной ситуации, от него отступались не только автохтонные вооруженные полки, но даже и наемные подразделения, которые зачастую предавались грабежу византийских территорий, демонстрируя оборотную сторону механизма привлечения в государство наемнических сил на краткосрочной основе.

Относительно вопроса о степени участия и роли наемных воинских подразделений в событиях междоусобицы 1321–1328 гг. следует прояснить следующие детали. То значение, которое имели немецкие части в составе войска Андроника III, раскрывает эпизод с нехваткой денег у молодого императора для выплаты положенного им жалованья. Фактически мятежник был поставлен в критическое положение и не знал, что предпринять. Возник-

ла угроза срыва контрнаступления, чего бы, разумеется, не случилось, если бы Андроник опирался в первую очередь на автохтонные войска. Помимо кавалерийских частей, немецкая дружина включала в себя, судя по всему, стрелков, вооруженных арбалетами (у византийских авторов, начиная с Анны Комниной, арбалет обозначался термином «цангра» [10, р. 174]), а также инженера(ов?). Последний в сцене осады молодым императором захваченного болгарами города Филиппополя конструирует для Андроника III осадное деревянное сооружение [9, р. 109–110].

Для войска Андроника II вспомогательные иностранные силы были также жизненно необходимы. В ходе междоусобицы он привлекает их постоянно. Вероятно, лишь первая кампания обошлась без участия наемников на стороне императора, и именно вследствие этого Андроник II не смог оказать в отношении своего внука равным счетом никакого сопротивления. В условиях полного поражения и дезорганизации македонской и константинопольской армий в конце третьей кампании те наемные болгары в количестве трех тысяч человек, будучи приняты пригласившей их стороной, являлись бы единственным боеспособным подразделением в ведении старого императора.

На основе двух главных источников относительно периода междоусобной войны между Андрониками – сочинений Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина – невозможно определить соотношение наемных и автохтонных частей византийской армии за отсутствием достаточного количества указаний подобного рода. Впрочем, можно попытаться установить приблизительное число боевых столкновений и отдельных военных предприятий, в которых принимали участие наемные части, относительно их общего количества в течение времени междоусобицы.

Итак, из условно четырнадцати боевых операций внутреннего конфликта 1321–1328 гг. в шести из них, несомненно, участвовали наемные подразделения либо на стороне старого императора, либо в составе войск его внука. Кроме того, их участие в остальных военных событиях, не отмеченное источниками прямо, подразумевается на основе ряда косвенных упоминаний. Фигурируют наемники и в эпизодах борьбы Византии

с внешними противниками в указанный период времени (к примеру, в сцене осады Филиппополя, завоеванного болгарами [9, р. 109–110]).

Участники междоусобной войны осознавали зависимость своих успехов от услуг наемнических подразделений и на идеологическом уровне стремились подчеркнуть значение именно национальных полков в ключевых событиях междоусобицы. К примеру, в сцене взятия Константинополя в ночь на 24 мая 1328 г. Кантакузином отмечено, как молодой император приказывает, чтобы две осадные лестницы несли только ромеи, из опасения, что иноземцы (= немцы) «будут принимать участие в столь памятных событиях» [9, р. 190].

Итак, следует сделать несколько выводов о значении и роли наемников в годы междоусобной войны 1321–1328 гг.:

– условия привлечения наемных воинских подразделений в годы междоусобицы заключались в стремлении двух императоров применить их не в сфере внешней политики, а в борьбе за престол внутри византийского государства, что, как и прежде, являлось следствием нехватки автохтонных боевых подразделений в составе сторон-участников конфликта (в особенности в составе армии Андроника II);

– специфику организации наемных формирований в годы междоусобной войны можно обозначить следующими принципами: привлечение иностранных подразделений на службу империи на краткосрочной основе; расширение механизмов их содержания за счет возвращения к практике многочисленных земельных пожалований (теперь в отношении латинских наемников) на правах держания в большом количестве; стремление поставить наемные силы под контроль византийских (или лояльных им) командиров, впрочем, в большинстве случаев обреченное на неудачу;

– важная роль и заметное участие наемников в составе армий междоусобного конфликта в боевых действиях на протяжении всего периода войны между двумя Андрониками.

Таким образом, сделаем вывод об основополагающем значении иностранных наемников в войсках, соперничавших за престол императоров, в военно-организационной структуре Византии

в течение времени междоусобной войны 1321–1328 годов. Специфика конфликта отразилась на направлении, обстоятельствах и целях применения, а также в сфере организации наемных контингентов в вооруженных силах империи, что демонстрирует тесную зависимость византийской войны от внешнего военного содействия в различном спектре внешне- и внутривизантийских условий, которая с течением времени будет лишь упорчиваться.

Список литературы

1. Золотовский, В. А. Византийская армия при первых Палеологах: наемники на службе империи / В. А. Золотовский // Византия: общество и церковь. – Армавир : Армавир. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 206–239.
2. Мутафчиев, П. Войнишки земи и войници във Византия през XIII–XIV в. / П. Мутафчиев // Избрани произведения: проф. Петър Мутафчиев. В 2 тома. Т. 1. – София : Наука и Изкуство, 1973. – С. 518–652.
3. Григора, Никифор. История ромеев / Никифор Григора ; пер. с греч. Р. В. Яшунского ; вступ. ст. Л. Герд. – СПб. : Свое изд-во, 2013. – Т. 1. – Р. 3–434.
4. Сметанин, В. А. Расходы Византии на армию и флот (1282–1453 гг.) / В. А. Сметанин // Античная древность и средние века. – 1975. – Вып. 12. – С. 117–125.
5. Хвостова, К. В. Византийская цивилизация как историческая парадигма / К. В. Хвостова. – СПб. : Алетейя, 2009. – 207 с.
6. Bartusis, M. C. On the problem of smallholding soldiers in Late Byzantium / M. C. Bartusis // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1990. – Vol. 44. – P. 1–26.
7. Bartusis, M. C. The *kavallarioi* of Byzantium / M. C. Bartusis // *Speculum*. – 1988. – Vol. 63. – No. 2. – P. 343–350.
8. Bartusis, M. C. The Late Byzantine army: arms and society, 1204–1453 / M. C. Bartusis. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1997. – 438 p.
9. Histoire de Constantinople / trad. de Monsieur Cousin. – Paris : Chez Damien Foucault, Imprimer & Libraire ordinaire du Roi, 1685. – Т. VII: I. L’Histoire des Empereurs Androniques écrite par Cantacuzene. – P. 1–344.
10. Ioannis Cantacuzeni eximperatoris. *Historiarum libri IV* / ed. L. Schopen. – Bonn [Bonn] : Impensis Ed. Weberi, 1828. – Vol. I. – P. 3–560.
11. Kyriakidis, S. Warfare in Late Byzantium, 1204–1453 / S. Kyriakidis. – Leiden-Boston: BRILL, 2011. – 254, [20] p.

12. Nicephori Gregorae. Byzantina Historia / ed. L. Schopen. – Bonnae [Bonn] : Impensis Ed. Weberi, 1829. – Vol. I. – P. 3–568.
13. Ostrogorsky, G. Geschichte des Byzantinischen Staates / G. Ostrogorsky. – München: C.H. Beck'she Verlagsbuchhandlung, 1963. – 514 S.
14. Parisot, V. Cantacuzène, homme d' état et historien / V. Parisot. – Paris: Chez Joubert, Libraire, 1845. – 336 p.
15. Treadgold, W. A history of Byzantine state and society / W. Treadgold. – Stanford: Stanford University Press, 1997. – 1020 p.
16. Vásári, I. Cumans and Tatars / I. Vásári. – N. Y. : Cambridge University Press, 2005. – 230 p.

**ON THE PROBLEM OF SIGNIFICANCE
AND THE ROLE OF MERCENARY TROOPS
IN THE ARMED FORCE OF TWO ANDRONICI
DURING THE INTERNAL WAR 1321-1328**

Lysikov Pavel Ivanovich

Postgraduate, Department of Archaeology and Foreign History,
Volgograd State University
blademaster18@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The problem relating to importance and the role of mercenary troops as a part of the armed forces of Andronicus II and Andronicus III during the internal war 1321-1328, included in the complex of problem with the subject-matter of the military organization of the Byzantine empire in the early Palaeologian period, has been examined within the framework of the present research work. We studied the issues connected with the reasons and the circumstances of the recruiting of mercenaries in the Byzantine state, and with the organization and the functional of mercenary troops in the armies of the emperors struggling for the Byzantine throne.

Key words: The Byzantine empire, the internal war 1321-1328, Andronicus II, Andronicus III, mercenary troops.

УДК 94(470)«08/13»

ББК 63.3(2)42-99

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ И ВРЕМЕНИ ЗАХВАТА ЗОЛОТООРДЫНЦАМИ ЧУФУТ-КАЛЕ

Герцен Александр Германович

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
gertsenag@yandex.ua
просп. Вернадского, 4, 295000 г. Симферополь, Российская Федерация

Могаричев Юрий Миронович

Доктор исторических наук, профессор кафедры социального и гуманитарного образования
Крымского республиканского института
постдипломного педагогического образования
mogaga@rambler.ru
ул. Ленина, 15, 295001 г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема времени и обстоятельств включения центра Крымской Алании – Кырк-ера в состав золотоордынских владений на Крымском полуострове. Авторы отвергают традиционную точку зрения о том, что это явилось следствием карательного похода в Крым темника Ногая в конце XIII века. Скорее всего татары захватили поселение на Чуфут-кальском плато в период правления золотоордынского хана Джанибека в первой половине 40-х гг. XIV века.

Ключевые слова: Крым, Чуфут-кале, Кырк-ер, Золотая Орда, аланы.

Городище Чуфут-кале (в переводе с крымскотатарского – иудейская крепость) находится на юго-восточной окраине г. Бахчисарая, на плато столовой горы, на высоте более 500 м над уровнем моря.

Люди облюбовали это место еще в неолите. В первом тысячелетии до нашей эры здесь, видимо, жили носители кизил-кобин-

ской археологической культуры. Посещали Чуфут-кале и в позднеантичное время (III в. до н. э. – III в. н. э.). Крепость была основана в конце VI–VII вв. и принадлежала гого-аланам – федератам Византийской империи. В то время в ней находился небольшой гарнизон. Но в случае военной опасности здесь могли укрыться, вместе со своим имуществом, жители густозаселенных окрестных долин. Нам практически ничего не известно о начальном этапе истории поселения, особенно с IX по конец XIII века. Не сохранили источники и первоначальное его название. Документы XIII–XVII вв. называют это место Кырк-ер или Кырк-ор, что в переводе с крымскотатарского означает «сорок укреплений» или «сорок мужей». Со второй половины XIV в. городище – центр золотоордынского бейлика, возглавляемого беками Яшлау. В XV в., в период образования Крымского ханства, Чуфут-кале становится первой столицей этого государства. Здесь устроили свою резиденцию первые крымские ханы – Хаджи-Гирей и Менгли-Гирей. Но Чуфут-кале не суждено долго оставаться столицей. В начале XVI в. строится Бахчисарай. Туда переезжает хан со свитой, а за ним и почти все мусульмане. Уже к XVII в. татарами в крепости были лишь начальник и кади. Появляется и новое название: Чуфут-кале – иудейская крепость, по имени большинства населения. Но она еще долго продолжает использоваться ханами как склад оружия и убежище на случай междоусобиц. После ухода татар здесь, в основном, жили караимская и немногочисленная армянская общины, а после вывода христиан из Крыма в 1778 г. – одни караимы. После присоединения Крыма к России в 1783 г. жители начинают постепенно покидать Чуфут-кале, и к началу XX в. городище было практически необитаемым [см. подр.: 1–5].

В современной историографии сложилось устойчивое представление, что до момента вхождения Чуфут-кале в состав золотоордынский владений на полуострове, здесь был центр крымской Алании.

О проживании в горном Крыму алан-асов свидетельствуют различные источники [2, с. 39–57; 6]. Это: «Аланское послание епископа Феодора», составленное около 1225 г. и повествующее о

событиях 1223 г.; сочинение «Упорядочение стран» арабского историка и географа Абу-ль-Фиды (1321 г.); информация арабского географа Ал-Калкашаиди (1355–1418 гг.); послание кардинала Германа II, патриарха константинопольского (1237 г.); сообщение Вильгельма (Гильома) де Рубрука, посланника французского короля Людовика XI к монгольскому хану (1253 г.); информация Георгия Пахимера (конец XIII – начало XIV вв.); письмо Марино Санудо французскому королю Филиппу IV (1344 г.). Венецианский купец и дипломат Иософат Барбаро в 1436–1437 гг. сообщает: «Вокруг, за островом Кафы, которая расположена на большом море, находится Готия, а затем Алания, которая простирается через остров в направлении Монкастро... Готы говорят на немецком языке... Из-за этого соседства готы и аланы, я считаю, должно происходить имя готаланы; ибо аланы были первыми на этом месте; однако затем пришли готы и завоевали эти страны, смешивая свое имя с аланами» [цит. по: 7, с. 237].

Вопрос о времени и обстоятельствах присоединения Кыркера к золотоордынским владениям во многом остается дискуссионным.

Турецкий историк XVIII в. Сеид Мухаммед Риза передает легенду: «В прежние времена непохвальный народ из племен Могульских, называемый Ас, вследствие полной своей уверенности в неприступности замка, проявлял непокорность и сопротивление Крымским ханам. Один из потомков Чингиз-хановых, Шейбек-хан, напрягал все усилия, чтобы осадить и стеснить его, но не в состоянии был завоевать и покорить его». И только применив хитрость, татары взяли крепость. В.Д. Смирнов, детально разобрал эту легенду, посчитал ее сплошным вымыслом. Отрицает он и существование хана Шейбека: «Под этим именем (Шейбек) истории известен Мухаммед-бек, один из ханов династии шейбанидской, погибший в сражении с Исмаил Шахом в 1510 году. Но в то же время господствовал Менгли-Гирей» [8, с. 119].

Похожий рассказ присутствует в хронике «Чингиз-наме», составленной Утемиш-Хаджи ибн Маулана Мухаммада Дости. Написан этот текст был по поручению Шайбанида Иш-султана (погиб в 1558 г.) в первой половине XVI в. [9, с. 7].

Многие исследователи склонны связывать захват Кырк-ора татарами с походом Ногая в 1299 г. [см. напр: 8, с. 118–121; 10, с. 88; 11, с. 99]. По мнению Ю.А. Кулаковского, это произошло в 1428 г. и совпало с переносом ханской ставки из Солхата в Бахчисарай [12, с. 193].

О походе Ногая в Крым в 1299 г. сообщает летопись Рукнедина Бейбарса, умершего в 1325 году. Золотоордынский темник (эмир) Ногай, правивший в Добрудже, начал борьбу за власть с законным правителем, чингизидом ханом Токтой. В 1299 г. он направил в Крым для сбора дани своего внука Акгаджи, который был убит генуэзцами в Каффе. По словам Бейбарса, Ногай в ответ на это обрушился со своим войском на Крым и разорил многие поселения: «Известие об умерщвлении его дошло до Ногая, деда его, который отправил в Крым огромное войско. Оно ограбило его (Кафу)... ограбило Сарукеминь, Кырк-ери, Керчь и др.» [13, с. 112].

А.П. Григорьев по данному поводу сделал следующее замечание: «Этот рассказ был опубликован В.Г. Тизенгаузенем в арабском написании и русском переводе. В арабском тексте название города Кырк-ери только наполовину принадлежит перу Байбарса (Кырк). Вторую его половину (ери) домыслил уже сам В.Г. Тизенгаузен, и потому заключил ее в круглые скобки. Зачем он это сделал? Видимо, публикатор арабского текста, достаточно хорошо знакомый с арабскими источниками по истории Крыма, счел этот вариант названия единственно верным. Тюркское числительное *кырык*, или *кырк* (сорок) в арабском написании обозначалось тремя буквами – *крк*. Тюркское название Кырым (Крым) транслитерировалось арабами, как правило, также тремя буквами – *крм*. Не исключено, что обозначение Байбарсом второго города из трех, ограбленных Ногаем в 1299 г., литерами *крк* было просто опиской, вместо *крм*. Несколько ниже тот же автор обозначал название Крымского полуострова согласными *крм*. Два названия городов, расположенных слева и справа от загадочного *Крк*, обозначали крайние западный и восточный населенные пункты Южного берега Крыма. На одной линии с этими городами, на практически равном расстоянии от обоих, располагался город Крым (Старый Крым). Его-то, возможно, и имел в виду Байбарс. Так что безого-

ворочно принимать спорное название Крк за первое и несомненное упоминание Кырк-ора в источниках, по нашему мнению, преждевременно» [14, с. 25].

Ибн-Хальдунь в сообщении о походе Ногая говорит, что внука его убили не в Каффе, а в Крыму, и озлобленный темник захватил «этот город да окрестные села и поля, и разрушил их» [13, с. 383].

В любом случае, в тексте источника не сообщается о покорении Кырк-ера (если конечно речь идет именно о нем) татарами, а только об его ограблении. Под этим можно понимать разрушение окрестных селений и вымогание дани. Отметим, что, через 22 года после похода Ногая Абу-аль-Фида пишет, что крепость находится в стране алан [2, с. 39–40].

Описывая владения хана Узбека в 1334 г., Ибн Батута сообщает: «Владения его обширны, и города велики. В числе их: Кафа, Крым, Маджар, Азов, Судак, Хорезм и столица его (султана) Сарай. Он один из тех семи царей, которые величайшие и могущественнейшие цари мира» [15, с. 217]. Как видим, из крымских городов здесь перечислены Каффа, Судак, Крым (Солхат). Кырк-ера в этом списке нет, хотя он был важным пунктом и, следовательно, если бы принадлежал татарам, то, несомненно, был бы упомянут. Из всего сказанного напрашивается вывод, что во время правления Узбека (до 1342 г.) Кырк-ер был вне золотоордынской территории.

Вероятным первым письменным свидетельством о вхождении Кырк-ора во владения татар является упоминание о битве на Синих водах литовского князя Ольгерда, с одной стороны, и ханов Крымского, Манкопского и Киркельского, с другой, закончившейся победой Ольгерда. Следовательно, в 1362/3 г. Кырк-ор уже принадлежал татарам и являлся центром одного из уделов Золотой Орды. Что касается данного события, то оно получило неоднозначную оценку в историографии. Ряд литовских и русских летописей повествуют о том, что литовский князь Ольгерд в 1362 г. или 1363 г. разбил в битве на Синих водах объединенное войско трех татарских князей – Кутлубуга, Хачибя и Димитрия. А.П. Шлецер в описании подвигов литовского князя Витовта сообщал, что тот разбил трех татарских ханов Крымского, Киркельского и Монлопского. Ф.К. Брун, сопоставив все источники, пришел к заключению,

что все они говорят об одном событии: литовский поход датируется 1397 г., а крымский, киркельский и манлопский князья есть упоминаемые Кутлубуг, Хаджибек и Димитрий. М.С. Грушевский выступил категорически против объединения свидетельств об Ольгерде и Витовте. Н.В. Малицкий, сопоставив рассматриваемые сведения с информацией мангупской надписи 1361/62 г., упоминавшей некоего сотника Хуитани [16, с. 8–14; 17, с. 31–37], предположил, что тот имел и христианское имя Димитрий. Следовательно, он и есть известный по летописям манлопский князь. Данная точка зрения получила наибольшее распространение среди современных исследователей. В.Л. Мыц, специально исследовавший данный вопрос, попытался предоставить новые аргументы в поддержку точки зрения М.С. Грушевского. При этом он считает, что Димитрий никакого отношения к Мангупу не имеет [17, с. 13–25; 18].

По нашему мнению, несмотря на возражения уважаемых авторов, оснований для отказа от традиционной точки зрения пока не достаточно. Вероятно, упоминаемые источники повествуют об одном событии – победе литовцев над объединенной коалицией крымских ханов на Синих водах в 1363/63 гг. [19, с. 517].

Другим источником, подтверждающим татарскую принадлежность Кырк-ера является ярлык Тимур – Кутлука (1397 г.), где упомянут Крым и Кырк-ер [20, с. 11].

Эти сведения подтверждает и Иоганн Шильтбергер (1394–1427 гг.), сообщавший о стране Суди (Гогии) в которой находится Керкери (Каркери) и «которую язычники называют Тат. Она населена греческими христианами и производит отличное вино» [7, с. 232; 21, с. 45]. Здесь вполне можно согласиться с Ф.К. Бруном, что под термином «тат» татары понимали покоренную страну.

Итак, письменные источники позволяют предположить, что Кырк-ор был взят татарами между 1342 и 1363 годами.

В пользу этой даты свидетельствуют и караимские источники, собранные Э. Дейнардом. Согласно им в 1358 г. (5118 г. от сотворения мира) город Кале был захвачен «армией исмаильтян». Интересно, что самое раннее из сохранившихся надгробий, эпитафия которого не вызывает сомнений в подлинности, на иудейском кладбище в Иософатовой долине датируется 1364 г. [22, с. 130–131].

Подтверждают этот вывод археологические и эпиграфические источники. Наиболее ранние памятники Чуфут-кале, принадлежащие татарам, датируются серединой XIV века. Так, согласно строительной надписи, в 1346 г. на городище строится мечеть [23, с. 166–168]. Как видим, эпиграфические источники позволяют отнести захват татарами Кырк-ора ко времени Джанибека (1342–1357), сына Узбека, что вполне соответствует политической обстановке того времени. Джанибек выступает как агрессивный правитель. Он захватывает земли Молдавии, ведет войну с Кафрой. Возможно, что жертвой такой завоевательной политики явился и Кырк-ер. Тем более, что имя Джанибек могло к XVI–XVIII вв. трансформироваться в Шейбек (Шайбан по Утемиш-Хаджи) и в этом виде попасть в легенду, приведенную поздними авторами.

Вышеизложенное хорошо согласуется с данными, полученными при исследовании первого татарского поселения в Юго-Западном Крыму – Эски-юрта, расположенного в 4 км от Чуфут-кале: оно возникает не ранее второй половины XIV в. [24, с. 30; 25, с. 72]. То есть, захват Кырк-ора не мог произойти ранее этого времени. Скорее всего, появление Эски-юрта и подчинение Кырк-ора – звенья одной цепи – проникновения золотоордынцев в Юго-Западный Крым, своего рода нейтральную территорию между Золотой Ордой и генуэзскими владениями. В 40-х гг. XIV в. хан Джанибек начал войну с генуэзцами [19, с. 516]. Но попытка захватить Кафру кончилась провалом. В период этой военной кампании войску Джанибека удалось продвинуться в юго-западную часть полуострова и даже захватить Чембало (совр. Балаклава) [26; 27, с. 32–33]. Но в итоге, он потерпел поражение в войне и, возможно, довольствовался только Кырк-ерской областью.

Возникает вопрос: каковы же причины, заставившие татар направить свою экспансию в Юго-Западный Крым? Очевидно, здесь надо выделить две: во-первых, экономическую – постепенное оседание кочевников на земле и, следовательно, стремление татарской знати к захвату земель в Горном и Предгорном Крыму, которое стимулировалось наличием старого земледельческого населения [28, с. 128], во-вторых, политическую – начало междоусобиц в Золотой Орде во второй половине XIV в. привело к тому,

что часть татар продвинулась в Юго-Западный Крым, менее доступный для вторжений со стороны степей и имеющий хорошо укрепленную крепость Кырк-ор.

После включения Кырк-ера во владения Золотой Орды он становится центром бейлика беков Яшлау, имевших, очевидно, относительную независимость от Орды [2, с. 57–58].

Список литературы

1. Герцен, А. Г. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь : Таврия, 1992. – 316 с.
2. Герцен, А. Г. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. – Симферополь : Таврия, 1993. – 126 с.
3. Герцен, А. Г. Чуфут-кале – Иудейская крепость / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Евреи Крыма. Очерки истории. – Симферополь : Иерусалим : Мосты, 1997. – 128 с.
4. Герцен, А. Г. Этническая история Чуфут-кале / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. – Симферополь : Изд-во Крым. отделения Ин-та востоковедения НАН Украины, 1999. – 176 с.
5. Герцен, А. Г. Восточная оборонительная стена Чуфут-кале / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. – Симферополь : Таврия-Плюс, 2008. – 492 с.
6. Могаричев, Ю. М. Крымская Алания и Чуфут-кале / Ю. М. Могаричев // Херсонесский сборник. Вып. XIV. – Севастополь : Максим, 2005. – 348 с.
7. Байер, Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро / Х.-Ф. Байер. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 478 с.
8. Смирнов, В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской империи до XVIII в. / В. Д. Смирнов. – СПб. : Универ. тип., 1887. – 768 с.
9. Утемиш-Хаджи ибн Маулана Мухаммад Дости. Чингиз-наме. – Алма-Ата : Гылым, 1992. – 236 с.
10. Егоров, В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / В. Л. Егоров. – М. : Наука, 1995. – 246 с.
11. Зайцев, И. В. Кырк-Йер / Кырк-ор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства / И. В. Зайцев // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXIV. – М. : Изд-во Ин-та Всеобщ. истории РАН, 2012. – 334 с.

12. Кулаковский, Ю. А. Прошлое Тавриды / Ю. А. Кулаковский. – Киев : Стилюс, 2002. – 226 с.
13. Тизенгаузен, В. Г. Материалы, относящиеся к истории Золотой Орды. Т. 1 / В. Г. Тизенгаузен. – СПб. : Тип. Император. Акад. наук, 1884. – 564 с.
14. Григорьев, А. П. Прежнее название Чуфут-кале / А. П. Григорьев // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3 (№ 16). – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. – 136 с.
15. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Перераб. и доп. изд. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 714 с.
16. Малицкий, Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа / Н. В. Малицкий // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 71. – Л. : Изд-во ГАИМК, 1933. – 48 с.
17. Мыц, В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты / В. Л. Мыц. – Симферополь : Универсум, 2009. – 528 с.
18. Мыц, В. Л. Битва на Синей воде 1363 г., турмарх Хуитани мангупской надписи 1361/62 гг. или мнимый князь Феодоро Димитрий / В. Л. Мыц // Античная древность и средние века. Вып. 32. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 430 с.
19. Крамаровский, М. Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. / М. Г. Крамаровский // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. – Симферополь : Изд-во Крым. отд-ния Ин-та востоковедения НАН Украины, 2003. – 704 с.
20. Березин, И. Тарханные ярлыки Тохтамышша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея / И. Березин. – Казань : Тип. ун-та, 1851. – 24 с.
21. Шильтбергер, И. Путешествие по Европе, Азии и Африке / И. Шильтбергер. – Баку : Элм, 1984. – 86 с.
22. Кизилов, М. Б. Крымская Иудея / М. Б. Кизилов. – Симферополь : Доля, 2011. – 336 с.
23. Акчокраклы, О. Новое из истории Чуфут-кале / О. Акчокраклы // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 2. – Симферополь : Тип. Крымполиграфтреста, 1928. – 196 с.
24. Иванов, А. А. Надписи из Эски-Юрта / А. А. Иванов // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1989. – 152 с.
25. Карлов, С. В. Новые данные о средневековом поселении Эски-Юрт в Бахчисарае / С. В. Карлов // Откровения древнего Солхата : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Симферополь : Тип. Прага, 2010. – 202 с.

26. Мыц, В. Л. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз или археология против историографической традиции / В. Л. Мыц // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Казань : Симферополь : Кишинев : Изд-во ун-та Вышш. антрополог. шк., 2015. – 740 с.

27. Адаксина, С. Б. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году / С. Б. Адаксина, В. П. Кирилко, В. Л. Мыц. – СПб.: Симферополь: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2005. – 182 с.

28. Якобсон, А. Л. Средневековый Крым / А. Л. Якобсон. – М. : Л. : Наука, 1964. – 232 с.

ON CURCUMSTANES AND TIME OF GOLDEN HORDE'S CONQUERING OF CHUFUT-CALE

Gertsen Aleksandr Germanovich

Candidate of Sciences (History), Docent Holder of Chair,
Department of Ancient and Medieval History,
Crimean Federal V.V. Vernadsky University
gertsenag@yandex.ua
Prosp. Vernadsky, 4, 295000 Simferopol, Russian Federation

Mogarychev Yuriy Mironovich

Doctor of Science, Professor,
Department of Social and Economic Education,
Crimean In-Service Teacher Training Institute
mogara@rambler.ru
Lenin St., 15, 295001 Simferopol, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to problematic of time and circumstances of inclusion Crimean Alania center – Qırq Yer in the Golden Horde's holding. Authors rejected that point, that it was consequence of punitive expedition of Nokhai in late XIII century. It rather Tatars captured settlement on Chufut-Cale's plateau in the time of Jani Beg ruling in first part of 40-years of XIV century.

Key words: Crimea, Chufut-Cale, Qırq Yer, Golden Horde, Alans.

УДК 94«13/15»: 341.321.3

ББК 63.3(0)4-93

ВОЕННО-ТАКТИЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РАННЕПАЛЕОЛОГОВСКОГО ПЕРИОДА

Золотовский Владимир Алексеевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры
археологии и зарубежной истории
Волгоградского государственного университета
zolotovskiy.azi@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В рамках исследования раскрыта проблема специфики военно-тактической специализации вооруженных сил Византийской империи раннепалеологовского периода. Выбор конницы в качестве ударной силы был обоснован рядом условий. Основной состав конницы был сформирован из стратиотов. Роль пехоты в поздневизантийский период оставалась существенной. Помимо введения в состав пехотных подразделений акритов, пехота комплектовалась посредством принудительного набора и найма на службу добровольцев из числа местных жителей и мигрантов.

Ключевые слова: история Византии, раннепалеологовский период, военная организация, вооруженные силы, средневековая пехота, конница.

С момента реставрации в 1261 г. Византийская империя вела непрерывающуюся борьбу за свое существование, усугубленную сложным переплетением негативных экономических и внутривнутриполитических явлений. Перманентная напряженность внешнеполитической обстановки оказала существенное влияние на развитие Византийской империи в поздний период.

Неизменно высокое значение внешних функций византийского государства раннепалеологовского периода, неоднократно подчеркнутое историками [8, с. 90; 9, с. 99–100; 10, с. 117; 11, с. 335, 338; 12, р. 332, 347; 13, р. 119–121; 14, р. 209–211; 28, р. 25, 27; 30,

р. 452], обуславливает наше внимание к вопросу о специфике военно-тактической специализации вооруженных сил. Организация военной системы Византии позднего периода становится предметом изучения в отечественной и зарубежной историографии лишь в последнее время. За предшествовавшие десятилетия появилась серия работ, касающихся принципов формирования и роли отдельных частей армии в никейское и палеологовское время. Однако следует заметить, что, за единичными исключениями, ученые ограничились простым указанием о наличии в армии проиаров, наемников, малых держателей [1, с. 143–151; 2, с. 57–65; 15, р. 182–201; 16, р. 1–26; 17, S. 75–89; 18, р. 343–350; 19, р. 139–190, 213–233; 20, р. 183–207; 29, р. 353–371]. Вместе с тем вопросы структуры организации, выявления места, функций и военно-технической специализации отдельных частей армии, так и не получили должного внимания.

В свете вышеуказанного цель настоящей статьи – раскрытие специфики военно-тактической специализации вооруженных сил Византийской империи с учетом актуальной боеспособности в условиях постоянного противоборства различным по форме и природе формированиям вооруженных сил противников.

Конница, являвшаяся главным видом войск с VII в., не потеряла свое значение и в эпоху Палеологов. При малой численности отрядов, с которыми выступали в походы или вели военные действия, во многих кампаниях конница была основным видом войск. По мнению Л.-П. Рейбо, при Михаиле VIII кавалерийское войско достигло своего наивысшего расцвета – процветало применение отрядов конных копейщиков и конных лучников [34, р. 250].

Михаил Палеолог до венчания на трон организовал поход против эфирцев, главным образом укомплектовав армию пафлагонийской конницей. Лагерь был разбит при Водине, так как местность была ровной и «имела пищу для коней»¹. Подкрепление, полученное там императором, также состояло из конных воинов [21, р. 147⁶]. Полагаем, что в данном случае выбор конницы в качестве ударной силы был обоснован двумя условиями. Во-первых, полевая армия противника состояла из кавалерии. Это пре-

допределило ведение военных действий на открытой местности, которая, в отличие от горной местности, предполагает преимущество конницы. Во-вторых, конные отряды были намного мобильнее пехоты. Здесь следует подчеркнуть, что в условиях ведения военных действий с равным по численности и составу войском противника именно мобильность позволяла рассчитывать на победу в столкновениях за счет фактора внезапности.

По сообщению Кантакузина, в первую экспедицию против столицы Андроник III повел за собой 50 000 конных воинов [23, vol. 1. p. 108¹²]². Немного позднее его войска уничтожили отряды (конные) татар и турок, грабивших фракийскую территорию³. Три года спустя, когда император решил наказать виновных албанцев, последние, зная состав армии Андроника, основной ударной силой которой являлась конница, приняли решение об отступлении в труднодоступные для конных воинов горные ущелья⁴. Малый отряд, с которым Андронику III удалось захватить столицу, наполовину состоял из конных воинов [23, vol. 1. p. 301¹⁸⁻²³]. Завоевание Одрин в 1342 г. войсками Кантакузина не состоялось из-за тонкого льда, покрывшего р. Марица и не способного выдержать переправу конницы [23, vol. 2. p. 187²²⁻²⁵–188²].

Значение конницы подчеркивает сообщение Пахимера. Историк указал, что выделение аланам лошадей и вооружения, изъятых у стратиотов, «сделало из конницы пехоту и обрекло ромейскую армию на поражения» [31, т. IV. p. 353]. Подчеркнем, что историк противопоставляет боеспособность конницы и тяжеловооруженной пехоты – легкой пехоте [31, т. IV. p. 367²³⁻²⁴]. Также, существенная роль конницы подчеркивается тем фактом, что при необходимости ее численность увеличивали, снабжая пехотинцев лошадьми и тяжелым вооружением. Так, по сообщению Пахимера, чтобы усилить свое войско, Филанфропин «посадил тяжеловооруженную пехоту на лошадей» [31, т. III. p. 247³⁻⁴].

Следует заметить, что такое предпочтение конным воинам оказывала не только Византия, но и ее балканские соседи. Так, во время войны с внуком Андроник II обратился за помощью к Михаилу Шишману, предложившему императору трехтысячный кон-

ный отряд [27, vol. 1. p. 418⁴⁻⁶; 23, vol. 1. p. 295¹³]. В войне между Кантакузином и Иоанном Палеологом последнему сербы предоставили помощь отрядом численностью 4 000 конных воинов [27, vol. 3. p. 181¹²; 23, vol. 3. p. 246²²].

Примеров применения кавалерии в военных операциях можно представить еще множество. Здесь следует подчеркнуть, мы встречаем упоминание о коннице в описании практически всех военных операций периода правления Михаила VIII и Андроника II. Полагаем, что такая частота применения кавалерии вызвана географией военных действий, требовавшей от имперской армии высокой мобильности. Конкретная роль конницы подчеркивается тем, что все боевые сопровождения осуществляемые византийской армией в ходе операций осуществлялись исключительно конницей. Кроме того, выбор конного войска в качестве ударной силы определялся составом войск противников и характеристикой военных действий. Как показывает анализ военной практики [4, с. 21–26], практически все военные операции сопровождались полевым сражением.

В ряде случаев они происходили сразу же после марша, в других – после перерыва на отдых и оборудование лагеря. В качестве примера следует привести характеристику битвы у Неопатра и Апроса. В первом случае на византийский лагерь напал отряд из трехсот латинских рыцарей. Учитывая особенности их вооружения и тактики боя, можно предположить, что куманы, входившие в состав войска Иоанна Палеолога, были основным звеном, организовавшим сопротивление [6, с. 35–45; 7, с. 65–68]. В сражении у Апроса византийские войска, согласно Пахимеру противостоявшие латинской коннице каталонцев, выступили в следующем боевом порядке [31, т. IV. з. 599¹⁶⁻²³–601¹⁻⁵; 5, с. 324–341]: в центре расположились конные отряды алан и турок под командованием Войсила. Вторую линию составили отряды македонцев под началом великого примикирия, расположившиеся на левом фланге, и отряд «анатолийцев» – воинов, пришедших с востока, очевидно беженцев, составивших немногочисленный пехотный отряд под командованием Феодора. Третью линию составила четвертая группа, в которую вошли сербы под началом вели-

кого этериарха и добровольцы, вероятно, пехота во главе с деспотом Константином и пинкерном Сенахиримом Ангелом. Арьергард был представлен пятой группой, находившейся под началом Михаила IX, в которую вошли «самые воинственные». Также следует отметить, что иногда ромейские войска сталкивались с армией противника по ходу маршей. В этих случаях основной силой, способной нанести урон противнику, остановить его продвижение и сократить собственные потери, была именно конница.

Главной обязанностью стратиотов, была постоянная готовность к выступлению в поход с собственной лошадейю. Наличие хорошего коня было основным признаком профессионального и должного военного обеспечения воина. В тоже время слабый контингент отличался плохими лошадейю⁵. Как сообщает Кантакузин, одной из причин уничтожения сербского отряда при Димотике было то, что кони воинов были значительно хуже, чем турецкие⁶. При необходимости лошадей завозили из других государств. Так, по Нимфейскому договору Михаил Палеолог предъявил требование на разрешение ввоза лошадей из генуэзских владений⁷.

В книге византийских придворных должностей XIV в. упоминается должность «стратопедарха монокаваллона» (στρατοπεδάρχη τῶν μονοκαβάλλον) [33, р. 42; 36, с. 28], что объясняется тем, что в предшествующее время различные провинции предоставляли отряды, одни из которых назывались трикаваллы (у воинов было по три коня), другие дикаваллы (по два коня), а третьи монокаваллы (по одному коню), и упомянутая должность относилась к стратопедарху, осуществлявшему надзор за последними [33, р. 42¹⁰]. В этой связи хотелось бы заметить, что в палеологовскую эпоху наличие одного коня у воина не постулировалось как непреложное правило. Как упоминалось ранее, император Андроник II после принятия на службу многочисленного отряда алан был вынужден лишить собственных воинов коней [27, vol. 1. р. 205¹⁸⁻¹⁹]. Здесь следует обратить внимание на том, что наличие воинов с тремя и двумя лошадейю вновь подчеркивает значение конницы. Полагаем, что в первом случае воины выступали в дальние походы, которые были обычными для военных действий периода правления Михаила VIII

и Андроника II Палеологов. В то же время воины с двумя лошадьми могли использоваться в операциях на более близкое расстояние. Однолошадные применялись в локальных операциях на территориях фем, в которых они проживали.

Несмотря на значение конницы, нельзя умалять роль пехоты как отдельного рода войск в поздневизантийский период. Многочисленные свидетельства современников о применении отрядов пехоты в качестве ударной силы в отдельных кампаниях свидетельствуют об их значительной роли в составе византийской армии. Так, поддержка пехоты, находившейся под командованием Иоанна Палеолога, оказала существенную помощь ромейскому флоту в сражении с латинянами у Димитриады [32, т. II. р. 429¹⁷⁻²¹]⁸. Пехотные подразделения также использовались и при недостатке конного войска. В начале бунта против Андроника II, раздав лошадей пехотинцам, Алексей Филанфропин образовал значительную конницу⁹. В сражении с каталонцами при Апросе существенную часть византийской армии составляла пехота¹⁰. В данном случае пехота могла быть выставлена против пешего отряда альмугавар, о котором сообщает Пахимер [31, т. IV. р. 601²⁷⁻²⁹]. В сражениях с турецкой конницей побеждала каталонская пехота [31, т. IV. р. 489].

Полагаем, что в условиях горной войны именно пехота могла составлять существенную угрозу конным отрядам турок. Кроме того, очевидно, что пехота была основной боевой силой при осаде и обороне крепостей. Учитывая тот факт, что большинство военных операций византийской армии осуществлялось с целью захвата крепостей или усиления оборонительной способности пограничных укреплений, полагаем, что на завершающем этапе результат военных действий определялся именно пехотой. По данным Пахимера, пехотинцы обеспечивали оборону Константинополя в столкновениях с венецианцами [31, т. III. р. 267⁴⁻⁷]. Во время ведения переговоров с Михаилом Шишманом Андроник III получил подкрепление из Константинополя, включавшее как конных воинов, так и пехоту [23, vol. 1. р. 326²¹⁻²²]. Примеров такого рода можно предоставлять еще множество, однако наиболее важным является не вопрос роли в военных действиях, а проблема социальной базы контингентов пехоты.

Мнение ряда исследователей о проблеме социальной базы византийской пехоты заключалось в том, что основной составляющей этого вида войск в предшествующие палеологовскому времени периоды были преимущественно акриты. Не вызывает никаких сомнений, что условия несения воинской службы, проходившей преимущественно в горной местности, непосредственным образом способствовали распространению этого вида тактического применения отрядов акритов. В период правления Михаила Палеолога византийские акриты, расселенные от Санганрия до Меандра, возможно, также пополняли состав ударной части контингентов пехоты. Во время бунта против Михаила VIII, заняв ущелья, пехотинцы-пограничники вели столь ожесточенное сопротивление императорским войскам, что византийское правительство было вынуждено разрешать проблему не силовым методом, а посредством традиционной для Византии организации заговора среди противников [32, т. I. р. 267¹⁴⁻¹⁸]. Очевидно население юга малоазийских территорий империи также, как и вифинцы, пополняло отряды пехоты¹¹.

В связи с особым значением акритов в структуре пехоты следует подчеркнуть их существенное отличие от рядовых пехотинцев. Передислокация отрядов, состоявших из воинов-пограничников, на западный театр военных действий, влекла за собой опасность создания благоприятных условий для проникновения вражеских контингентов на восточных рубежах. Как сообщает Пахимер, византийские василевсы осуществляли успешную политику на западе и военные действия в борьбе с латинянами за столицу благодаря безопасности восточных границ, обеспеченной акритскими войсками [32, т. I. р. 29¹⁰⁻¹³, 267²¹⁻²²]. Таким образом, обеспечивая оборону малоазийских владений, в ряде случаев пограничники принимали непосредственное участие в отдельных военных кампаниях на западном направлении. Об этом свидетельствует масштабная экспедиция против деспота Иоанна Ангела. При ее организации были собраны многочисленные контингенты, укомплектованные представителями населения малоазийских владений – ализонцев, вифинцев, пафлагонцев, жителей земель по р. Меандр [32, т. II. р. 403⁹⁻¹⁶]. Описание сражения при Новых

Патрах указывает на большую пехотную составляющую византийской армии. При этом исходя из того, что командовавший армией Иоанн Палеолог включил в нее мобилизованных военнотружущих подконтрольной ему «восточной армии» [32, т. I. р. 271²²⁻²³], можно с уверенностью говорить, что многие из пехотинцев являлись акритами.

Вполне очевидно, что помимо акритов среди пехотинцев были военнотружущие, не имевшие столь привилегированного положения. Вместе с тем отсутствие в источниках сообщений о землях, пожалованных воинам-пехотинцам, вероятно, было определено либо абсолютным отсутствием таковых, либо тем, что пехота в Византии не образовывала особую часть среди сословия стратиотов. Также это могло быть следствием относительной дешевизны службы пехотинца. Воин-пехотинец нес сравнительно малые затраты на экипировку и вооружение, следовательно, мог получать небольшое по масштабам земельное владение. В том случае, когда конный воин по тем или иным причинам разорял свое владение, доходы от которого не восполняли затрат на воинскую службу, земельный участок зачислялся в категорию пехотных. Однако источники не содержат данных, явно свидетельствующих о подобных случаях. Сообщения современников о пехотинцах также не сопровождаются упоминанием о земельных участках. При этом стратиоты не являлись представителями социальной группы, обладавшей земельными владениями, условием *пожалования* которых была пехотная служба. Таким образом, пехота была организована с основой не на землевладения, как конница и флот, и пехотинцы комплектовались иным способом. Первым из них являлся принудительный набор.

Сообщения об обязанности провинций предоставлять определенное количество пеших воинов встречаются уже в средневизантийскую эпоху¹². Анализ данных источников палеологовского времени указывает на сохранение традиционной практики указанной повинности. В грамоте Гаврилопуло все торговцы обладали привилегией не принимать участие в военных походах¹³. Это означает, что они не были обязаны повинностью, возложенной на все население. Аналогичные привилегии, как указывалось ранее,

получили и жители крепости Янины. В соответствующей грамоте сообщается, «что сами воины, зачисленные в отряды и имевшие икономии, должны служить» [22, р. 81], однако то обстоятельство, что от обязанности служить освобождаются все остальные жители города, означает, что все они не были обязаны рекрутской повинностью.

Наряду с принудительными наборами в палеологовский период практиковался найм на службу добровольцев (наемников) из числа местных жителей [25, р. 95–96]. Полагаем, что при малочисленности ромейского войска в сравнении с отрядами противников императоры пополняли войско за счет местного населения. Эти группы могли комплектоваться из мигрантов – обезземелившихся крестьян и невоеннообязанных патриотов. Они принимались на службу без составления договоров, как это было с наемниками. Главным средством обеспечения служили деньги и, очевидно, часть трофея. Здесь следует подчеркнуть, что война, сопряженная с грабежами, являлась основным источником доходов для маргинальных элементов.

Сообщения о привлечении добровольцев к службе встречаются в источниках неоднократно. Как пишет Пахимер, отправляясь в поход на восток с аланами сразу после Пасхи 1302 г., Михаил IX планировал усилить войско отрядами ромеев [31, т. IV. р. 341^{22–25}]. Известно еще несколько случаев набора ромеев-добровольцев. В последние годы XIII в., в то время, когда турецкие отряды свободно передвигались по малоазийским владениям, Андроник II направил малый отряд, снабдив стратопедарха арбалетчиков Сгура деньгами для набора воинов¹⁴. С этой же целью был отправлен в малоазийские владения отряд великого архонта Моурулеса [31, т. IV. р. 459^{16–19}]. В сражении при Апросе Михаил IX располагал контингентами добровольцев¹⁵. Исходя из анализа данных о тактике боя становится определенно явным, что они были пехотинцами¹⁶.

Конница, упомянутая в описаниях практически всех военных операций периода правления Михаила VIII и Андроника II, во многих кампаниях была основным видом войск. Выбор конницы в качестве ударной силы был обоснован рядом условий: во-первых,

составом войск противников и характеристикой военных действий; во-вторых, конные отряды были намного мобильнее пехоты; в-третьих, при необходимости численность конницы увеличивали, снабжая пехотинцев лошадьми и тяжелым вооружением.

Главной обязанностью стратиотов, была постоянная готовность к выступлению в поход с собственной лошадью. В палеологовскую эпоху наличие одного коня у воина не постулировалось как непреложное правило. В дальние походы направлялись воины с тремя лошадьми, воины с двумя лошадьми могли использоваться в операциях на более близкое расстояние, однолошадные применялись в локальных операциях на территориях фем, в которых они проживали.

Несмотря на значение конницы, нельзя умалять роль пехоты как отдельного рода войск в поздневизантийский период. В условиях горной войны именно пехота могла составлять существенную угрозу конным отрядам турок. Кроме того, пехота была основной боевой силой при осаде и обороне крепостей.

В период правления Михаила Палеолога византийские акриты-пограничники, расселенные от Санганрия до Меандра, в ряде случаев принимали непосредственное участие в отдельных военных кампаниях на западном направлении.

Помимо акритов среди пехотинцев были военнослужащие, не имевшие столь привилегированного положения. Пехота была организована с основой не на землевладения, как конница и флот, и пехотинцы комплектовались иными способами: 1) принудительный набор; 2) найм на службу добровольцев из числа местных жителей и мигрантов.

Примечания

¹ «ὄμαλόν τε ὄντα καὶ εἰς τροφὴν ἴπλων χρήσιμον»: [21, p. 146¹⁶].

² Цифра безусловно преувеличена, однако, вне всякого сомнения, поход против богатой столицы привлек внимание многих воинов из западных владений империи. Вместе с тем Григора сообщает, что в армии Андроника III находились и пешие воины – стрелки и пращники. «καὶ πεζῶν, τοξοτῶν καὶ σφενδονητῶν»: [27, vol. 1. p. 319²³].

³ «ἔφιπποι γινόμενοι, ἐπήεσαν τοῖς βαρβάροις»: [23, vol. 1. p. 190¹⁵⁻¹⁶]; «μετὰ ἀδείας ἀπαλλάξεσθαι αὐτῶν ἔφιπποι ὄντες πεζῶν»: [23, vol. 1. p. 206¹⁹⁻²⁰].

⁴ «πυθόμενοι γὰρ τὴν βασιλέως ἔφοδον καὶ νομίσαντες μόνην ἐκ Ρωμαίων ἵπτικὴν εἶναι στρατιάν, πρὸς τὰ ὄρη κατέφυγον καὶ τὰς δυσχωρίας, οἰόμενοι διαφεύξεσθαι τὸν ὄλεθρον»: [23, vol. 1. p. 496¹⁷⁻¹⁹].

⁵ Отряд Лампарда (τὸν Λαπαρδῶν Μανουῆλ) представлен историком как хаотичное скопление сил: воины передвигались на лошадях, бессистемно собранных с пастбищ (φορβάσι) от плохих и слабых пород (ἀγεννέσι καὶ θήλειας), в то время как эпирыцы были с ὑναύχεσιν ἵπποις [21, p. 146¹⁹⁻²⁵].

⁶ «ἐπὶ πεδία γὰρ τραπόμενοι βαθέα καὶ γυμνὰ καὶ οὐδεμίαν ἔχοντα καταφυγὴν καὶ ἵπποις φαυλοτάτοις χρώμενοι, οἱ μὲν ἔθνησκον, οἱ δ' ἡλίσκοντο, ὑπὸ τῶν βαρβάρων καταλαμβανόμενοι. ἐκ διαμέτρου γὰρ οἱ τῶν βαρβάρων ἵππου»: [23, vol. 3. p. 249⁹⁻¹³].

⁷ 24, p. 579¹⁵⁻¹⁶.

⁸ Описание сражения см.: [32, Т. II. p. 429–433].

⁹ «τοὺς δέ γε πεζοὺς ἐπιβήσας ἵππων ἱκανοὺς ὀπλίτας ἐζητοιμάζετε»: [31, Т. IV. p. 247³⁻⁴].

¹⁰ «τό πεζόν»: [27, vol. 1. p. 231⁷; 31, Т. IV. p. 599, 601].

¹¹ «ὁ δέ γε βασιλεύς... ἐπὶ Φιλαδέλφειαν ἦλθαι καὶ δὴ ἐπιστάς τῇ πόλει, ἐκεῖθεν τὰς ἄκρας ὠχύρου, τοὺς μὲν πέμπων, ἄλλους δ' ἐκεῖθεν δεχόμενος κατιόντας»: [31, Т. I. p. 141¹⁻⁴]. Несмотря на отсутствие в источниках точных данных о размерах акритских владений, как упоминалось выше, нет никаких оснований полагать, что они были меньше, чем земли обыкновенных конных воинов. Едва ли византийское правительство, пожаловавшее акритам особые привилегии, не характерные для стратиотов, могло пойти на обострение с ними отношений.

¹² «Ἐλεεθῆτο γοῦν ἐπὶ τῇ τῶν πεζῶν ἐκβολῇ ὑπο τῆς δικτίρμονος σου καὶ οικονομικῆς ἐξουσίας καὶ ὁ ἀριθμὸς ὑφαίρεθῆτω. Πῶς γὰρ οἱ ἐντεῦθεν ἐκλήθ-έντες οὐχ ὅλω τῷ θέματι τὴν μείωσιν λαμπρὰν ἐνημαινοῦσιν»: [35, col. 532].

¹³ «ἀλλὰ οὐδὲ νᾶ ἀπαιτήσω τοὺς αὐτοὺς Φαναριώτας ἅπαντας εἰς ταξ-ήδιόν που τότε εἰς χρόνους τρεῖς»: [26, p. 260⁸].

¹⁴ «συνάμα τισὶ καὶ μερικαῖς ἐξόδοις χρημάτων, ἐφ' ᾧ καὶ ἄλλους ἐκεῖθεν πρὸς τὸ στρατεύεσθαι ἰκαώσειε»: [32 Т. IV. p. 455¹⁸⁻¹⁹].

¹⁵ «καὶ ὅσον ἄλλο ἐκ θεληματαρίων συγκροτούμενον»: [32, Т. IV. p. 599²¹].

¹⁶ «καὶ τοῦ πεζοῦ τὸ πλεῖστον ἀφειδῶς ὑπὸ τῶν πολεμίων κατακοπτόμενόν»: [27, vol. 1. p. 231⁷⁻⁸]. Значение участия отрядов телематариев в военных действиях империи подтверждает их роль в операции по отвоеванию столицы, предпринятой отрядами Алексея Стратигопула [3, с. 96–126].

Список литературы

1. Жаворонков, П. И. Военное искусство Никейской империи / П. И. Жаворонков // Византийские очерки : тр. рос. ученых к XIX Междунар. конгр. византинистов : посвящ. акад. Г. Г. Литаврину в честь его 70-летия / редкол. : В. И. Уколова [и др.]. – М. : Индрик, 1996. – С. 143–151.
2. Жаворонков, П. И. Структура и командный состав сухопутных сил Никейской империи: традиции и новации / П. И. Жаворонков // Ἀντίδορον. К 75-летию акад. РАН Г. Г. Литаврина. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 57–65.
3. Золотовский, В. А. «Константинопольская кампания» Михаила Палеолога: военно-историческая реконструкция / В. А. Золотовский // ΠΟΛΕΜΟΛΟΓΟΣ : сб. ст. памяти проф. В. В. Кучмы / сост. и общ. ред. Н. Д. Барабанова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 96–126.
4. Золотовский, В. А. Военная организация Византии при первых Палеологах (1259–1328 гг.) : принципы формирования и сферы функционирования : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Золотовский Владимир Алексеевич. – Волгоград, 2009. – 29 с.
5. Золотовский, В. А. Вооруженные силы Византии в начале XIV в. (принципы комплектования и боевое применение на примере битвы при Апросе) / В. А. Золотовский // Античная древность и средние века. – Екатеринбург, 2011. – Вып. 40: К 50-летию Уральской школы византиноведения. – С. 324–341.
6. Золотовский, В. А. Высший командный состав византийской армии при первых Палеологах / В. А. Золотовский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 1 (15) – С. 35–45.
7. Золотовский, В. А. К истории византийской армии в XIII в. Реформа акритской службы Михаила VIII Палеолога / В. А. Золотовский // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2009. – № 6. – С. 65–68.
8. Сметанин, В. А. О специфике перманентной войны в Византии в 1282–1453 гг. / В. А. Сметанин // Античная древность и средние века. – Вып. 9. – Свердловск, 1973. – С. 89–101.
9. Сметанин, В. А. Оттенциях идеологической и социальной динамики поздневизантийского общества в период перманентной войны / В. А. Сметанин // Античная древность и средние века. – Вып. 11. – Свердловск, 1975. – С. 99–109.

10. Сметанин, В. А. Расходы Византии на армию и флот (1282–1453) / В. А. Сметанин // *Античная древность и средние века*. – Вып. 12. – Свердловск, 1975. – С. 117–125.
11. Успенский, Ф. И. История Византийской империи. В 5 т. Т. 5 : Отдел VIII. Ласкари и Палеологи / Ф. И. Успенский. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 560 с.
12. Ahrweiler, H. Byzance et la mer, la marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VII–XV-e siècles / H. Ahrweiler. – P. : Presses universitaires de France, 1966. – 506 p.
13. Ahrweiler, H. L'idemologie politique del'Empire byzantine / H. Ahrweiler. – P. : Presses universitaires de France, SUP-l'historien, 1975. – 175 p.
14. Ahrweiler, H. La frontière et les frontières de Byzance en Orient / H. Ahrweiler // *Actes du XIV-e congrès international des Études Byzantines*. Bucarest 6–12 septembre 1971. – Bucuresti : Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, 1974. – Vol. 1. – P. 209–230.
15. Angold, M. A Byzantine government in exile: government and society under the Laskarids of Nicaea, 1204–1261 / M. Angold. – L. : Oxford University Press, 1975. – XX, 332 p.
16. Bartusis, M. C. On the Problem of Smallholding Soldiers in Late Byzantium / M. C. Bartusis // *Dumbarton Oaks Papers*. – Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1990. – Vol. 44. – P. 1–26.
17. Bartusis, M. C. The Cost of Late Byzantine warfare and defense / M. C. Bartusis // *Byzantinische Forschungen: internationale Zeitschrift für Byzantinistik*. – Amsterdam : A.M. Hakkert, 1991. – Bd. 16. – S. 75–89.
18. Bartusis, M. C. The Kavallarioi of Byzantium / M. C. Bartusis // *Speculum. Journal of Medieval Studies*. – Cambridge : Cambridge press, 1988. – T. 63. – P. 343–350.
19. Bartusis, M. C. The Late Byzantine army: arms and society, 1204–1453 / M. C. Bartusis. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1992. – XVII, 438 p.
20. Bartusis, M. C. The Megala Allagia and the Tzaousios: Aspects of Provincial Militar Organization in Late Byzantium / M. C. Bartusis // *Revue des Études byzantines*. – P. : Institut français d'études byzantines, 1989. – T. 47. – P. 183–207.
21. Georges Acropolites. *Historia* / Georges Acropolites // *Georgii Acropolitae. Opera: 2 V. / Rec. A. Heisenberg*. – Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri. – Vol. 1: *Continens Historiam, Breviarium historiae, Theodori Scutariotae Additamenta*. – 1903. – P. 1–198.
22. Imperator Andronicus II. *Palaeologus confirmat iura, privilegia, exemptiones et possessiones ecclesiae et civitatis Ioanninorum* // *Acta et*

diplomata graeca medii aevi / Ed. F. Miklosich et J. Müller. – Vindobonae: C. Gerold, 1887. – T. V. – P. 77–84.

23. Ioannes Cantacuzenus. Historiae / Ioannes Cantacuzenus / Ed. L. Schopen. 3 vols. – Bonn: Weber. – Vol. 1. – 1828. – 560 p.; Bonn: Weber. – Vol. 2. – 1831. – 615 p.; Bonn: Weber. – Vol. 3. – 1832. – 365 p.

24. Jus graeco-romanum / Ed. C.E. Zachariae von Lingenthal. – Lipsiae: T. O. Weigel. – T. III: Novellae constitutiones imperatorum post Justinianum quae supersunt collatae et ordine chronologico digestae. – 1857. – XXXIV, 748 p.

25. Kyriakidis, S. Warfare in late Byzantium, 1204–1453 / Savvas Kyriakidis. – Leiden, Boston : Brill, 2011. – 254 p.

26. Michael Gabrielopulus, dominus Thessaliae, jurat se obscuraturum esse pactiones factas cum incolis oppidi Phanarii // Acta et diplomata graeca medii aevi / ed. F. Miklosich et J. Müller. – Vindobonae : C. Gerold, 1887. – T. V. – P. 260–261.

27. Nicephorus Gregoras. Historia Romana / Nicephorus Gregoras / ed. L. Schopen and I. Bekker. 3 vols. – Bonn: Weber. – Vol. 1. – 1829. – 568 p.; Bonn : Weber. – Vol. 2. – 1830. – P. 571 – 1146; Bonn : Weber. – Vol. 3. – 1855. – 567 p.

28. Nicol, D. M. The end of the Byzantine Empire / D. M. Nicol. – L. : E. Arnold, 1979. – 109 p.

29. Oikonomidès, N. A propos des armées des premiers Paléologues et des compagnies de soldats / N. Oikonomidès // Travaux et Mémoires du Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. – P. : de Boccard, 1981. – T. 8. – P. 353–371.

30. Ostrogorsky, G. History of the Byzantine state / Translated from the German by Joan Hussey. With a foreword by Peter Charanis / G. Ostrogorsky. – New Brunswick, N. J. : Rutgers University Press, 1969. – XL, 624 p.

31. Pachymérés, G. Relations historiques / G. Pachymérés ; éd. et trad. par A. Failler. – P. : Institut français d'études byzantines, 1999. – T. III–IV : Livres VII–XIII. – 727 p.

32. Pachymérés, G. Relations historiques / G. Pachymérés ; éd. par. A. Failler ; trad. par. V. Laurent. – P. : Société d'Édition «Les belles lettres», 1984. – T. I–II : Livres I–VI. – 667 p.

33. Pseudo-Kodinos. Traite des offices / Introduction, texte et traduction par Jean Verpeaux. – Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1966. – 420 p.

34. Raybaud, L.-P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers paléologues (1258–1254) / L.-P. Raybaud. – P. : Sirey, 1968. – 293 p.

35. Theophylacti archiepiscopi bulgariæ. Ὁ σὸν μὲν ὄγληρός δόξω τοῖς οὐκ ὀρθῶς τὰ πράγματα τῆ μαχαίρα τοῦ λόγου δια... // Patrologiæ cursus completus. Series Graeca / ed. J.-P. Migne. – Paris, 1854. – P. 126. – Col. 532–533.

36. Καραγιαννόπουλος, Ι. Συμβολή στο πρόβλημα της στρατιωτικής «πρόνοιας» κατα της εποχή των Παλαιολόγων / Ι. Καραγιαννόπουλος. – Θεσσαλονίκη: Ἐκδόσεις βανίας, 1998. – 50 σ.

**MILITARY AND TACTICAL SPECIALIZATION
OF THE ARMED FORCES OF THE BYZANTINE EMPIRE
AT EARLY PALAEOLOGIAN PERIOD**

Zolotovskiy Vladimir Alekseevich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of Archeology and Foreign History,
Volgograd State University
zolotovskiy.azi@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the study was disclosed the problem of the nature of military and tactical specialization of the armed forces of the Byzantine Empire at early Palaeologian period.

Cavalry mentioned in the description of almost all military operations during the reign of Michael VIII and Andronikos II, in many campaigns was the main type of troops. Despite the value of cavalry, we can not belittle the role of the infantry as a separate kind of troops. The infantry troops were completed in other ways: forced recruitment; Recruitment the volunteers from local residents and migrants.

Key words: History of Byzantium, the early period of Palaeologus, military organization, the armed forces, medieval infantry, cavalry.

УДК 94(4)375/1492+7.04

ББК 63. 3(0)4-9

НЕБЕСНОЕ ВОИНСТВО. ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИИ АРХАНГЕЛОВ С ЗЕРЦАЛОМ В ВИЗАНТИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЖИВОПИСИ (VI–XVI вв.)

Лещева Яна Игоревна

Аспирант кафедры археологии и зарубежной истории
Волгоградского государственного университета
dipsada@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Статья раскрывает символическое значение такого малоизученного иконографического элемента как «зерцало» в византийской и русской религиозной живописи, которое является атрибутом представителей небесного воинства – архангелов Гавриила и Михаила. Сделаны попытки проследить истоки и выявить возможные прототипы подобных изображений. Проанализированы памятники, представляющие зеркала в иконографии VI–XVI веков. Высказаны предположения о возможном символическом значении зеркал, в том числе о том, что присущий архангелам атрибут зеркал, возможно, мыслился как некое оружие против сил зла.

Ключевые слова: византийское и русское искусство; иконография; зеркало; архангелы; небесное воинство.

Небесное воинство – это библейское выражение, употребляемое для обозначения всех ангелов [3 Цар. 22: 19], однако в рамках данной статьи особое внимание мы уделим главным представителям архангельского чина – Михаилу и Гавриилу, а точнее попытаемся разобраться в значении и истоках присущего именно им такого иконографического элемента как «зерцало».

Само слово «архангел» подразумевает под собой ангела высшего ранга «начальника», несущего особую службу перед

Богом [2, с. 85]. В византийской традиции существовал общий культ архангелов Гавриила и Михаила, при этом Михаил пользовался особым почитанием и в Библии именовался «вождем воинства Господня» [Нав. 5, 14:15]. Именно он по воле Божьей низверг падшего ангела, выполняя впоследствии функции главного защитника и борца со злыми силами [2, с. 86]. Не случайно и византийские императоры особенно почитали архангела Михаила, видя в нем своего личного военного покровителя и защитника столицы империи [14, с. 17]. Функции же архангела Гавриила разнообразны: он является главным благовестником, поставлен над землями и раем, над херувимами [1 Енох. 20], а так же вместе с архангелом Михаилом он карает падших ангелов [22, р. 65]. В иконографической традиции архангел Михаил чаще всего изображается военачальником в доспехах римского воина с жезлом, копьем, мечом (иногда огненным) и зеркалом. Гавриил же изображается в античных одеждах, иногда в лоратном облачении, на более поздних иконах в диаконских одеждах и в зависимости от сюжета в руках у Гавриила могут быть жезл, ветвь, свиток и зеркало. [20, р. 42]. Таким образом, зеркала, являясь общим атрибутом архангелов Михаила и Гавриила [19, р. 107–108, 203, 217; 11, с. 6–7], представляют собой шары-сферы в византийской и русской иконографии, на них обычно пишется имя Бога (IC XC), изображается Предвечный Младенец Эммануил, воплотившийся Христос или голгофский крест [1, с. 183; 4, с. 31; 6, с. 73]. В современной науке нет единого мнения о символическом значении подобных изображений. Распространены трактовки «зеркала» как небесной сферы, символизирующей мироздание; как «печати Царя Небесного» [2, с. 44, 55–56]; как диска, посредством которого ангелы, не смея взирать на Бога, созерцают Его отражение [6, с. 306] или узнают Божию волю [2, с. 99; 10, с. 73]; как знак того, кому служат архангелы, явление присутствия Божия на иконе, если в зеркале изображен Спаситель, крест или монограмма [14, с. 30].

Известно, что византийская иконография часто опиралась на античные образцы, а также испытывала культурные влия-

ния других мировых цивилизаций. Часто в христианском образе можно обнаружить своего рода интерпретацию языческой мифологической структуры, соответствующей композиционной схеме [23, р. 54]. Поэтому с целью поисков истоков и прототипов такого символа как зеркало, обратимся к языческому прошлому.

В мифологических представлениях многих народов видимый в зеркальном отражении мир осмысливается как потусторонний [12, с. 37], хорошо известно магическое значение зеркал [8, с. 23]. Впоследствии зеркало приобретает функцию связывать магическим образом отражение и оригинал. Оно может удерживать душу отраженного человека, так появляются представления о зеркале, как о средстве борьбы с реальными и мистическими противниками [7, с. 103–104]. В Древней Греции и Индии существовало правило не смотреть на свое отражение в воде, так как боялись, что духи унесут душу с собой. Именно такая особенность зеркала как отражающей поверхности вскоре стала применяться в военной магии [16, с. 120–122]. Использовались зеркала и для того, чтобы увидеть будущее или тайное [12, с. 38]. У славян и западноевропейских народов с зеркалом ассоциируется множество страхов (умереть, заболеть и т. д.), так как оно – это связь с опасным миром духов и смерти. Но одновременно зеркало является неким оберегом, так как отразившиеся в нем силы зла в ужасе бежали от своего же отражения [13, с. 111–125]. В философии неоплатонизма через зеркало формируется представление о мышлении и процессе познания. У Плотина весь мир есть царство взаимных созерцаний и зеркальных пересечений [9, III, 9:1]. Примечательно, что с древнегреческого термин «τὸ κάτοπτρον» помимо прямого перевода «зеркало» в христианском контексте понимается как «зеркало души» или «душа как зеркало Слова» [21, р. 735]. Таким образом, идеи неоплатонизма нашли свое продолжение в христианстве, где образ зеркала использовался как некий способ познания сокровенного.

Но в целом христианство подвергает переосмыслению символическое значение зеркала. В Библии есть упоминания, где важна

его отражающая способность; некой богословской категорией является «зеркало» в следующей цитате: Премудрость «...есть отблеск вечного света и чисто зеркало действия Божия и образ благодати Его» [Прем. Сол. 7 : 26–27]. Таким образом, «зеркало» необходимо как возможность созерцать невидимого для тварных существ Бога через Его отражение, которое дается нам в Сыне и через созерцание это преображаться, ведь Премудрость – есть Христос [1 Коринф. 1 : 24]. В другом случае под зеркалом понимается некая прозрачная субстанция, вглядываясь в которую мы получаем знания о Господе [1 Коринф. 13 : 12]. Вслед за Священным Писанием понятие зеркала и идея зеркального отражения активно используется в теологии. Мир, природа и человек трактуются как «Божественное зеркало», в котором отражается Премудрость и воля Господня.

Таким образом, со времен язычества и до христианского периода образ зеркала, претерпевал изменения. Среди них можем выделить следующие понятия. В язычестве зеркало могло рассматриваться как оружие против реальных и мистических противников, против сил зла; как инструмент в магических действиях; как способ познания мира и всего того, что сокрыто; как граница и возможность общения между миром реальным и потусторонним. В христианстве зеркало выступает богословской категорией, дающей возможность человеку созерцать Бога в той степени, в которой это возможно, как богословский термин познания себя, как метафора человека и его души, которая может отразить Бога.

Так, опираясь на языческое понимание зеркала как сакрального атрибута, христианство переработало данные понятия и выделило новые, которые нашли свое отражение в иконографии.

С VI в. вплоть до XIII в. в Византии и на Руси чаще всего встречаем архангелов с непрозрачным зеркалом голубых или светлых тонов, внутри которого начертан крест (Хорватия, Кипр, Россия, Египет). Возможно, такие изображения и были той самой «печатью Царя Небесного» [2, с. 44, 55–56], знаком Его присутствия или некой сферой, символизирующей мироздание, так

как среди них встречаются зеркала с навершием из креста, что дает возможность сравнивать их с державой и интерпретировать, как символ Божественной и ангельской власти (мозаика Богородицы с Младенцем и архангелами перв. полов. VII в., церковь Панагии Ангелоктисты, Кипр; икона архангела Михаила XIV в., Греция, Афины).

Позднее чаще всего встречаем полупрозрачные зеркала в руках архангелов с вписанным образом Христа или младенца Эммануила (XIII–XVII вв.; Египет, Россия, Болгария, Греция Балканы) Уникально изображение Богородицы с Младенцем в зеркале, которое держит архангел Михаил на фреске «Силы Небесные» 1388–1389 гг. церкви Св. Андрея в Македонии. Вероятно, такие иконы, на которых в зеркале изображался поясной полупрозрачный образ Христа – Эммануила и даже Богородицы с Младенцем указывают на образ Христа как «света миру», когда последовавший за Ним «будет иметь свет жизни» [Ин. 8:12]. Хороший тому пример – икона Архангела Михаила XIV в. из Ярославля, где лик архангела, а особенно левая его часть озарена огненным светом, символизирующим божественный свет, источником которого является Иисус Христос, изображенный на медальоне-зерцале, который в левой руке держит архангел [14, с. 72]. Тогда и здесь вполне логично, что архангелы, являясь существами светоносными [5, с. 63–65] и несущими особую службу перед Богом, имеют важный световой атрибут.

Так же часто на иконных и фресковых изображениях зеркала остаются просто прозрачными дисками-сферами, иногда разложенными на сектора, иногда с вписанными буквами имени Христа (XIII–XIV вв.; Греция, Россия, Сербия). В них, на мой взгляд, нашли отражения неоплатоновская концепция «зеркального» познания мира и христианская традиция созерцания Бога как бы в зеркале, без возможности постичь Его тайны во всей полноте [2, с. 156]. Видимо этим объясняется использование зеркала не как отражающей поверхности, а как некой прозрачной субстанции. В иконографическом контексте зеркало как символ чистоты дано, чтобы увидеть не свое отражение, а верно, без искажений доступное человеку отражение Бога.

Вместе с тем пристальное внимание хочется обратить на то, с чего мы начали наше повествование, а именно на особую принадлежность архангелов Михаила и Гавриила к небесному воинству. Рассматривая различные точки зрения на символическое значение зеркал в историографии, мы не встретили предположений о связи этих атрибутов с военной тематикой, однако в рамках данной работы попробуем предположить и такую связь. Возможно, в рамках определенных сюжетов зеркало помимо других функций выполняло функцию некоего **оружия против сил зла**, уходящую своими корнями в языческое прошлое. Так, среди шедевров русской иконописи, основанной на византийских образцах, существует икона Св. Георгия в житии (первая пол. XVI в., Богоявленская церковь, Каргопольский р-н, Архангельская обл.), где на груди великомученика изображен медальон, похожий на зеркало с образом Спаса Эммануила. Такая деталь не свойственна для иконографии святого Георгия, встречается она только в композициях «Собор архангелов Михаила и Гавриила» [3, с. 58–59], что вполне логично. Таким образом, мы видим желание мастера напрямую сопоставить святого воина Георгия Победоносца с главами небесного воинства через присущий им атрибут. Вместе с тем особый интерес представляет сама иконография «Собор архангелов». Такие иконы характерны как для византийской, так и для древнерусской иконописной традиции. Данный сюжет представляет собой архангелов Михаила и Гавриила (иногда в окружении других небесных сил), которые поддерживают перед собой медальон или зеркало с изображением Спаса Эммануила. Примечательно, что иконография «Собор архангелов», возможно, восходит к античному победному «образу на щите», который несли крылатые богини победы – Ники, так как иногда именно две богини победы изображались на вазах в тех или иных мифологических сюжетах, чаще всего как спутницы богини Афины [18, р. 11]. В христианском искусстве на щите изображался крест с монограммой Христа, а Ники были заменены ангелами. Впоследствии на месте креста стали изображать воплотившегося Христа, что тоже могло иметь античные корни,

когда на крышках бытовых зеркал изображались языческие божества. Возвращаясь к христианской иконописи, следует отметить, что основной догматический смысл композиции «Собор архангелов» – Боговоплощение как победа над смертью, изначально предопределенная Божественным промыслом (отсюда дополнительная тема предвечного совета небесных сил) [17, с. 45].

Таким образом, на мой взгляд, можно выделить три главных символических значения зеркал в византийской и русской живописи, варьирующихся в зависимости от иконографического контекста и художественных приемов их исполнения. Зерцало могло быть световым атрибутом, символизирующим присутствие Божие предметом в руках архангелов, дающим возможность человеку созерцать отблески неискаженного образа Бога и познавать божественные тайны, а так же быть неким оружием против сил зла, присущим главным представителям воинства Господня.

Список литературы

1. Алексеев, С. Энциклопедия православной иконы. Основы богословия иконы / С. Алексеев. – СПб. : Сатисъ, 2001. – 336 с.
2. Бенчев, И. Иконы ангелов / И. Бенчев. – М. : Интербук-бизнес, 2005. – 256 с.
3. Губарева, О. В. Великомученик Георгий Победоносец / О. В. Губарева, Н. М. Турцова. – СПб. : Метропресс, 2013. – 76 с.
4. Гусакова, В. О. Словарь русского религиозного искусства. Терминология и иконография / В. О. Гусакова. – СПб. : Аврора, 2012. – 278 с.
5. Дионисий Ареопagit. О небесной иерархии / Дионисий Ареопagit // Корпус сочинений. С толкованиями преп. Максима Исповедника. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2010. – 464 с.
6. Иванов, Н. С. Ангел – хранитель / Н. С. Иванов // Православная энциклопедия. – М. : Православ. энцикл., 2000. – Т. 2. – С. 306.
7. Коробкова, Е. А. О семантическом значении зеркал в сарматской культуре / Е. А. Коробкова // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. – 2003. – С. 103–108.

8. Мерило-Понти, М. Око и дух / М. Мерило-Понти. – М. : Искусство, 1992. – 63 с.
9. Плотин. Эннеады / Плотин. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2004. – 2880 с.
10. Рудзиевская, С. Православие иконы / С. Рудзиевская. – М. : Россия, 2012. – 271 с.
11. Святое воинство. Образы небесных защитников в православном искусстве XII – начале XX в. – М. : Индрик, 2010. – 96 с.
12. Синкевич, В. А. Феномен зеркала в истории культуры / В. А. Синкевич. – СПб. : Прогресс, 2000. – 66 с.
13. Толстая, С. М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах / С. М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Вып. 7. – М. : Индрик, 1994. – С. 111–125.
14. Тычинская, П. А. Архангел Михаил / П. А. Тычинская. – СПб. : Метропресс : ООО «Метропресс», 2013. – 76 с.
15. Филатов, В. В. Словарь Изографа / В. В. Филатов. – М. : Листвица, 2000. – 256 с.
16. Хапсироков, Х. Х. «Нарты» – эпос богатырский / Х. Х. Хапсироков // Жизнь и литература : сб. ст. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С. 119–122.
17. Языкова, И. К. Богословие иконы / И. К. Языкова. – М. : Изд-во Общедоступ. православ. ун-та, 1995. – 212 с.
18. Bron C., Lissarrague F. Looking at the Vase // A City of Images. Iconography and Society in Ancient Greece. – Princeton : Princeton University Press, 1989. – P. 9–21.
19. Felmy, K. C. Histoire, Iconographie et style de l'icône en Russie après la chute de Byzance / K. C. Felmy // Jcones: le monde orthodoxe après Byzance. – Hasan, 2005. – P. 103–226.
20. Gabelich, S. Cycles of the Archangels in Byzantine and Postbyzantine art: 11th to 18th cent. / S. Gabelich. – Belgrade, 2004. – 265 p.
21. Lampe, G. W. H. A patristic Greek Lexicon / G. W. H. Lampe. – Oxford : Clarendon Press, 1961. – 1615 p.
22. Roques, R. Introduction / R. Roques // Denysl' Aréopagite. La hiérarchie céleste. Paris, 1960. – P. 1–95.
23. Weitzmann, K. Greek mythology in Byzantine Art / K. Weitzmann. – Princeton: Princeton University Press, 1951. – 270 p.

HEAVENLY HOST. FEATURES
ICONOGRAPHY ARCHANGEL WITH MIRROR
IN BYZANTINE AND RUSSIAN PAINTING
(VI-XVI CENT.)

Leshcheva Iana Igorevna

Postgraduate, Department of Archeology and Foreign History,
Volgograd State University
dipsada@mail.ru
Prosp.Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This Article scows symbolical value of such low-studied iconographic element as “Mirror” in the Byzantine and Russian religious painting that is attribute of representatives of heavenly troops – archangels Gabriel and Mikhail. Attempts to track sources and to reveal possible prototypes of similar images which could affect first the Russian iconographic tradition and then the Byzantine one are made. Monuments with the image of Mirror in an iconography of VI -XVI centuries are analyzed. Depending on graphic features some groups of monuments are allocated. Possible symbolical value of Mirror in the context of each iconographic group are suggested. The historiography of a problem where there is no consensus about symbolical value of similar images is considered. But in this work the emphasis on special belonging of archangels Mikhail and Gabriel to heavenly troops as they were often represented in armor and with weapon in their arms, and the archangel Mikhail was considered as “the leader of Lord’s troops”. In addition the Byzantine emperors especially esteemed the archangel Mikhail, as the personal military patron, and also the defender of the capital of the empire. And in the context of these representations the assumption that the attribute inherent in archangels Mirror perhaps as the certain weapon against evil forces consigning the roots to the pagan past, is made.

Key words: Byzantine and Russian art, iconography, Mirror, archangels, heavenly host.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА
КАК ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В РОССИИ ПЕРИОДА МЕЖДУЦАРСТВИЯ ¹**

Рыбалко Наталия Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
rybalko_n@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию государственной измены в России Смутного времени начала XVII в. как фактора управления обществом. Данный аспект особо интересен в период Междуцарствия, когда не было царя, а, следовательно, это была измена не государю. К тому же в разгаре была гражданская война, существовало несколько политических центров консолидации власти. Все это сопровождалось иностранной интервенцией – открытым вторжением польского короля Сигизмунда III и его армии в пределы Московского государства. Несмотря на противоречивую и крайне неоднозначную позицию верхушки общества, вполне определенные люди были названы изменниками, на них возложили ответственность за «прельщение» остальных, их имена переходили из документа в документ как главных клятвопреступников и предателей веры христианской.

Ключевые слова: Россия, XVII век, Смутное время, гражданская война, Междуцарствие, измена.

Смутное время – один из сложных и запутанных периодов в истории Российского государства. Здесь сочетаются самые разные обстоятельства политической борьбы, самозванчества, экономического кризиса, гражданской войны и иностранной интервенции. Последнее обстоятельство до сих пор является камнем преткновения между Россией и Польшей, в том числе между российским и

польскими учеными-историками. Разное понимание происходившего осложняет проведение совместных научных мероприятий. Особенно противоречивым является период открытого присутствия Речи Посполитой в Московском государстве после 19 сентября 1609 г., когда коронные войска, а вслед за ними и сам король Сигизмунд III, пришли под Смоленск и начали его осаду.

Обещания Сигизмунда III навести порядок и «радеть за православную веру», которые были даны в грамотах к тушинцам в конце 1609 – начале 1610 г., вылились в активные действия со стороны московских бояр, насильно свергнувших «всенародно избранного» царя Василия Шуйского. Междуцарствия никто не ожидал. Политический раскол еще больше усугубил ситуацию. Сигизмунд III в переписке с генералом ордена иезуитов Клаудио Аквавивой открыто называл эти события «войной против врагов католической церкви» [9, с. 109].

В ходе сложившихся событий особым элементом управления стало понятие измены. Оно и раньше звучало из уст государей: и при Иване IV Грозном, учредившем опричнину, и при Борисе Годунове в качестве приговора в известном деле бояр Романовых 1601 г., отправленных в ссылку в Сибирь. Изменниками называли сторонников «Тушинского вора», создавшего свое альтернативное правительство при здравствовавшем государе царе Василии Шуйском.

Во всех приведенных примерах понятие «измены» шло сверху, от царя: изменниками называли тех, кто шел против власти государя или замышлял действия против его особы. Измена на уровне государства – очень выгодный инструмент в вопросе управления обществом. Деление на своих и чужих, на своих и врагов активно использовалось и в политике России XX в., вылившись в понятие «враг народа».

Логика понятна. Что сплочивает народ в условиях войн? Наличие общего внешнего врага. Что может сплотить народ для управления им, если нет внешнего врага? – Враг внутренний, враг народа.

Политические разногласия в начале XVII в. в условиях гражданской войны, иностранная интервенция – благоприятная почва для создания образа изменников. Кого же называли изменниками в период Междуцарствия? И кому изменяли изменники? Ведь в этот период не было власти государя и, соответственно, речь идет уже о другом качестве измены.

Активное использование понятия измена в период с 1610 по 1613 гг. мы встречаем в документах земской переписки, реконструируемой по материалам Соликамского архива – одного из немногих дошедших до нас комплексов актов.

Наряду с отдельными упоминаниями о случаях расправы с представителями местной администрации в городах России явно выделяются два человека, названных изменниками в большинстве документов: это Михаил Салтыков и Федор Андронов.

Изменники никогда не были национальными героями, но биографии их привлекали внимание ученых. Михаил Глебович Салтыков по прозвищу Кривой известен как окольный и боярин, служивший в разных поручениях на воеводстве, представитель старомосковского боярского рода Салтыковых. Он верно исполнял государственную службу, участвуя и в дипломатических миссиях, до тех пор, пока не начался его конфликт с Василием Шуйским: М. Салтыков поступил на службу к Лжедмитрию I и был в числе охранников Василия Шуйского перед готовящейся его казнью за попытку разоблачения самозванца (казнь отменили). После воцарения Василия Шуйского он был отправлен на воеводство в Ивангород, а затем в Орешек. После этого примкнул к движению Лжедмитрия II, а затем стал приверженцем польского правления [7, с. 83].

Федор Андронов известен как торговый человек и дворянин, впервые упоминается в Тушинском лагере Лжедмитрия II, перешел к Сигизмунду III «преж всех» после распада лагеря, ему предписано было служить в Челобитном приказе. Составлял для Сигизмунда III список Государева двора – приверженцев Василия Шуйского в 1610 году. Фамилия его значится даже в Боярском списке 1610/11 года [8, с. 225]. По разысканиям А.Л. Станиславского, Ф. Андронов был в прошлом кожевник, затем думный дворянин Лжедмитрия II, он перебежал на службу к королю Сигизмунду III, стал казначеем в занятой поляками Москве и окончил жизнь на виселице [11, с. 81].

В одном из самых ранних сочинений по русской истории А.И. Манкиева сообщается о том, что когда гетман Жолкевский овладел государственной казной в Москве, то часть раздал, а часть вручил присланному от короля «казначею, человеку гостинной сотни Ф. Андронову», который «более самих неприятелей де-

лал всякие пакости русским людям». К помощи Михаила Салтыкова поляки прибегли в отношении ратной службы – разграбили Москву, убили много русских людей [3, с. 279–283].

Известен документ – письмо Федора Андронина литовскому канцлеру Сапеге – в котором, извещая о событиях в Москве, он советует принять меры к обеспечению власти поляков и просит себе поместья [2, № 299, с. 355–357].

Федор Андронов и Михаил Салтыков состояли в переписке с польским королем Сигизмундом III – писали ему в обоз под Смоленск о происходивших событиях в Москве и в стране в целом. От них узнал Сигизмунд III об убийстве самозванца Лжедмитрия II, о том, что «на Москве патриарх призывает к себе всяких людей явно и говорить о том будет: королевичу не креститься в крестьянскую веру, и не выдут из Московския земли все литовские люди, и королевич де нам не государь» [5, ч. 1, № 35, с. 60–61].

В призывной грамоте смолян ко всему Московскому государству Ф. Андронов и М. Салтыков уже названы «предателями веры и земли». Пишут, что «...дал ему [королю] Бог их службою Москву, и ему б Москвы не потерять». «Каким словам клятвенным верите? – спрашивается в грамоте, – Что обещают вам все сладкое и лучшее Михайло Салтыков да Федор Андронов своими советники, и потому знаете ли, не предатели ли своей вере и земле?» [5, ч. 1, № 35, с. 60–61].

В не менее известной окружной грамоте московских жителей разным городам начала января 1611 г. содержится призыв верить им, а не «предателям крестьянским [христианским – Н.Р.] Федору Анронову и Михаилу Салтыкову с своими советниками» [5, ч. 1, № 36, с. 63].

7 января 1611 г. дьяк Афанасий Евдокимов сказывал митрополиту казанскому, что «на Москве бояре князь Федор Иванович Мстиславской, князь Иван Васильевич Голицын, а владеют всем боярин Михаил Глебович Салтыков, Федор Андронов да... пан Александр Гасевский». В этом же документе говорится о том, что 30 ноября 1610 г. М. Салтыков и Ф. Андронов приходили к Ермогену за благословением для всех русских людей «крест целовать королю», они же приходили на следующий день уже вмес-

те с князем Ф.И. Мстиславским. Патриарх им отказал, после чего «брань была и патриарха хотели за то зарезать» [1, № 170 (2), с. 292]. Можно предположить, что предателями М. Салтыкова и Ф. Андронова начал называть Ермоген, так как после этого инцидента патриарх стал активно рассылать грамоты по всей стране и с речами выступать «крест королю не целовать». Этих первых грамот Ермогена не сохранилось, однако, вероятно, мнение Ермогена стало определяющим для обличения изменников в дальнейшем. Между тем, документах не встречается информации, чтобы изменником называли Ф.И. Мстиславского.

Интересно, что в феврале 1611 г. по стране ходили слухи о том, что Сигизмунд III разбит под Смоленском, Федор Андронов «на Москве обвесился», а М. Салтыков приходил к патриарху Ермогену благословения просить на говение перед постом, но патриарх «благословения не дал и проклял его во веки веков» [5, ч. 1, № 45 (I), с. 80].

Ярославцы в известительной грамоте в Казань о событиях в Москве также называли Михаила Салтыкова с сыном Иваном и Федора Андронова «предателями веры христианские, горше неверных», возложив на них вину за сложившуюся ситуацию в том, что «московские люди» им, «злодеям и еретикам», поверили. «А того не чаяли, что они, злодеи под Смоленском сложася с литовскими людьми умыслили, оставя Бога, хотячи в сем маловременном, в суетном житии для уделов православную веру поспрати, еретики в тайне Бога отступати учили, а оне, злодеи, явно так учили, как свет стал, так никто не чинивал, как оне за грех наш учинили». Патриарх Ермоген же стоял за православную веру и «еретиков при всех людех обличал» [5, ч. 1, № 51, с. 95–98].

В грамоте от бояр, воевод и служилых людей, собравшихся под Москвой, к Казанскому митрополиту Ефрему польские и литовские люди названы «искони вечными врагами Креста Христова, арияньские и каталияньские и иных злых ереси». А.Ф. Андронов и М. Салтыков указаны как «отпавшие от православной веры», якобы они пришли «с литовскими людьми со Станиславом Желтовским и крест целовали московским боярам, чтоб дать королю Москве сына королевича Владислава». М. Салтыкова и Ф. Андронова в этой грамоте обвинили также в сожжении Москвы 19 мар-

та 1611 г. и в разорении и осквернении многих церквей, убийстве женщин, детей, пленении людей [10, № 251, с. 535–537]. Практически то же пересказывается в окружной грамоте воевод первого ополчения в Кетский острог (июнь 1611 г.) [10, № 262. С. 547–549] и в ряде других грамот.

Интересным моментом является то, что в тех же грамотах упоминаются и бояре во главе с Федором Мстиславским, целовавшие крест Владиславу после пострижения Василия Шуйского, призвавшие Владислава на царствование. Однако контекст совсем другой: крест они целовали и королевича призывали, но «Жигимонт, король по тому гетманскому договору... ничего не исправили: король сына своего... не дал» [10, № 262, с. 547–548].

Последовательный пересказ произошедших в 1610–1611 гг. событий содержится в письме от имени князя Д.М. Пожарского и бояр к австрийскому императору Рудольфу II. Там Михаил Салтыков упоминается несколько раз: на него возложена вина за то, что «прельстив земских людей, а иных устращав», царя Василия Ивановича «от государства отставили». «А многие бояре и воеводы, и чашники, и стольники, и дворяне большие и дворяне из городов и дети боярские, и казаки, и стрельцы и всякие служилые люди – говорится в грамоте, – в то время были в дальних местах против крымских, и ногайских, и немецких людей и в Сибири, и в иных дальних странах, а про то не ведали, что учинилось над государем на Москве». Затем, когда князь Василий Васильевич Голицын и митрополит Филарет поехали по договору к польскому королю под Смоленск, он обманом, «будто для береженья от воровских людей», впустил в Москву гетмана Станислава Желковского. Отдали ему Василия Шуйского с братом, а гетман отправил их своему королю. В документе говорится, что видя такое зло, обличителем М. Салтыкова и его советников выступил патриарх Ермоген, «письма всем об этом рассылал» [5, ч. 1, № 118, с. 227–228]. Однако не упоминается факт того, что патриарх Ермоген в августе – сентябре 1610 г. также был в числе тех, кто приглашал на царство королевича Владислава с условием обращения его в православную веру.

Имена М. Салтыкова и Ф. Андропова в итоге стали своего рода символическими, о них говорится и в литературных памятни-

ках эпохи Смуты. Так, в «Плаче о пленении...», написанном по предположению С.Ф. Платонова осенью 1612 г., говорится: «К сему же воссташа на православную веру христианскую домашнии врази: от сигклита царска Михайло Салтыков, от рода купецска Федка Андронов, и инии с ними, их же множества ради писати прекратив» [5, ч. 2, № 3, с. 388].

Интересно, что М. Салтыкова возмущало поведение Ф. Андронова (грабил и вымогал у кого только мог) и просил Я. Сапегу отстранить Ф. Андронова от дел [6, с. 142].

Михаил Глебович Салтыков в 1611 г. уехал в составе посольства Семибоярщины в Речь Посполитую и оттуда больше не вернулся, поступив на службу к Сигизмунду III [7, с. 87]. Федор Андронов был повешен в Москве в октябре 1612 г. после взятия Москвы Д. Пожарским [6, с. 142]. После капитуляции поляков двор Федора Андронова, как и других наиболее видных польских сторонников, был разграблен казаками «полка» Д. Трубецкого и Второго ополчения после их входа в Москву. Среди казаков, громивших двор Ф. Андронова, кстати, находился и атаман Сергей Карамышев, первым ударивший П.П. Ляпунова на казачьем круге 22 июля 1611 г. [11, с. 81].

М. Салтыков и Ф. Андронов – не единственные, кто поступил на службу к Сигизмунду III. Так, сохранилась целая роспись служилых людей по приказам, в которой Федору Андронову отведено место «быть у челобитных» [2, № 314, с. 372].

В утвержденной грамоте на царствование Михаила Романова «клятвoprеступниками и изменниками Московскому государству» названы четыре человека: «Михайло Глебов сын Салтыков, да князь Василий Михайлов сын Мосальской, да дьяк Иван Грамотин, да торговый детина Федка Андронов со своими советниками». «Их усилиями, – сообщается в грамоте, – был низложен царь Василий Шуйский [12, с. 36]. А двое из них – М. Салтыков и Ф. Андронов – упоминаются в грамоте еще дважды: 1) «учали в Московском государстве всяких людей прельщати и приводити на то, чтоб всякие люди в Московском государстве целовали крест Жигимонту королю мимо сына его Владислава королевича и бытии б Московскому государству под Жигимон-

том королем к Польше и к Литве» [12, с. 37]; 2) сказано, что они, «злодеи, Московского государства изменники и христианской вере разорители», хотели Михаила Федоровича, пока он «томился в заточении» в Кремле с матерью, «смерти придать» [12, с. 41]. В этой же грамоте говорится, что бояр, окольных, дворян и дьяков захватили в Китае-городе и в Кремле «и держали их в неволе, а иных за крепкими приставы» [12, с. 39]. О том, что бояре московские первыми призвали Владислава, в грамоте даже не упоминается.

Ни в одном документе не удалось пока найти обвинения бояр в измене – напротив, они значатся как заложники, страдальцы, волею судьбы оказавшиеся в эпицентре осады в Кремле вместе с польским гарнизоном. И это несмотря на то, что состояли в переписке с королем Сигизмундом III. Часть этой переписки сохранилась. К большому удивлению, там обнаруживаются поздравления бояр Сигизмунда III по случаю взятия им Смоленска: «О том, что вам, великим государем, над непослушники вашими, подал Бог победу и одоление, Богу хвалу воздаем... и поздравляем» [5, ч. 1, № 60, с. 116].

Кстати, многие из этих бояр значатся в списке русских претендентов на царский трон при выборе нового государя в январе – феврале 1613 г. [4, с. 90–94].

Сам же Сигизмунд III активно использовал выражение «изменники» в своих грамотах боярам московским. Так писали от его имени в апреле 1611 г., после московского пожара: «И то учинилось Божиим судом, что измена и воровство изменником наших объявилась, а для их измены и воровства невинная кровь христианская много разлилась, и вся Москва город разорен и выжжен, того мы, великий государь, жалеем» [10, № 255, с. 540–541]. Изменниками Сигизмунд назвал в данной грамоте, между тем, воевод первого ополчения Прокофия Ляпунова, Ивана Волынского, Ивана Заруцкого и Андрея Просовецкого, 7 раз употребив в одной грамоте на двух листах текста слово «измена» и 14 раз слово «воровство».

Приведенные наблюдения отражают лишь отдельные сюжетные линии более глубокого процесса, связанного с управлением сред-

невекового общества в условиях гражданской войны. Но уже здесь можно увидеть, что важными факторами политической жизни общества даже для такого серьезного обвинения, как измена были социальное происхождение, знатность и родство. Обвинение в измене же было наиболее убедительным инструментом в руках политиков при необходимости расставить акценты в нужных им местах, а главными факторами измены в средние века в России считались измена государству и православию.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект РГНФ № 15-31-01202 а2).

Список литературы

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук : в 4 т. Т. 2. – СПб. : в тип. II отд-я собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. – 413 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 5 т. – Т. 2. (1598–1613 гг.). – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. – 482 с.
3. Манкиев, А. И. Ядро Российской истории / А. И. Манкиев. – М. : печ. при Император. Моск. ун-те. – 420 с.
4. Повесть о Земском соборе 1613 г. / публ. А. Л. Станиславский, Б. Н. Морозова // Вопросы истории. – 1985. – № 5. – С. 90–94.
5. Подвиг Нижегородского ополчения : в 2 т. Т. 1. – Н. Новгород: Книги, 2011. – 624 с.
6. Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 2. – СПб. : Тип. Главного управления Уделов, 1900. – 796 с.
7. Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 18. – СПб. : Тип. В. Демакова, 1904. – 675 с.
8. Рыбалко, Н. В. Приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века / Н. В. Рыбалко. – М. : МБА : Квадрига, 2011. – 656 с.
9. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 3 : Акты времени междоусобия (1610 г., 17 июля – 1613 г.) / под ред. С. К. Богоявленского, И. С. Рябикина. – М. : Изд-во ОИДР, 1915. – 240 с.

10. Собрание государственных грамот и договоров: в 5 ч. Ч. 2. – М. : в тип. Селивановского, 1819. – 610 с.
11. Станиславский, А. Л. Гражданская война в России XVII в. Качество на переломе истории / А. Л. Станиславский. – М. : Мысль, 1990. – 269 с.
12. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / предисл. С. А. Белокурова. – М. : Изд-во ОИДР, 1906. – 110 с.

**TREASON AS A CONTROL
IN THE CIVIL WAR DURING THE INTERREGNUM
IN RUSSIA**

Rybalko Natalia Vladimirovna

Candidate of Sciences (History), Docent, Associate Professor,
Department of Russian History,
Volgograd State University
rybalko_n@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article investigates treason in Russia during the Troubles beginning of the XVII century as a factor of social control. This aspect is particularly interesting during the Interregnum, when there was no king, and therefore it was not a betrayal of the king. In addition, in the midst of a civil war, there were several political centers of power consolidation. All this was accompanied by foreign intervention – open invasion of the Polish King Sigismund III and his army outside of the Moscow State. Despite the controversial and highly ambiguous position the top of society, quite certain people were called traitors, they are responsible for “seduction” others, their names are passed from document to document as a main perjurers and traitors of the Christian faith.

Key words: Russia, 17th century, the Time of Troubles, the Civil War, Interregnum, treason.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

УДК 94(470+571)«19»:341.238
ББК 63.3(2)521.1-6

ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНСЕРВАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Кузнецов Олег Викторович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
kusnezov_oleg@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются основные элементы военно-дипломатической составляющей консервативной концепции российского самодержавия второй половины XIX в.: внешняя политика, последовательно отстаивающая национальные интересы России; наличие дипломатических кадров, способных обеспечить реализацию такой политики; сильная современная армия, опирающаяся на единство власти и общества, власти и народа. Делается вывод, что в России второй половины XIX столетия существовали предпосылки для реализации военно-дипломатической составляющей этой концепции.

Ключевые слова: российское самодержавие, консервативная публицистика, внешняя политика, национальные интересы, дипломатия.

Во второй половине XIX в. в русской консервативной публицистике была сформулирована новая концепция самодержавия.

вия, соответствующая изменившимся внутри- и внешнеполитическим условиям пореформенной России. Важнейшим элементом этой концепции являлась военно-дипломатическая составляющая. Она содержала обоснование внешней политики и дипломатии, военной организации, способных обеспечить реализацию основных международных задач. Обратимся к содержанию названной концепции.

Крымская война стала для многих российских консерваторов своеобразным «моментом истины» в осмыслении характера прежней внешней политики России, ее военно-дипломатических способностей и возможностей. Состояние изоляции и почти всеобщей враждебности, в котором оказалась Россия накануне и в период этой войны, очень эмоционально зафиксировал М.П. Погодин: «Враги стремятся на нас отовсюду. <...> Страшные силы их уже в походе; другие, еще страшнее, заготавливаются; на всех путях становятся нам преграды и строятся ковы, со всех сторон возбуждаются новые противники и вызываются новые опасности. <...> Не одна сила идет против нас, а дух, ум, воля, и какой дух, какой ум, какая воля! На что эти враги не решатся, чего не выдумают, в чем усомнятся и на чем остановятся, если уже на то, как говорится, пошло? Останется ли для них что-нибудь священное? Они грозят, следовательно, не одному Кронштадту и Севастополю: их надо ожидать везде – в церкви и спальне, на ученье и молитве, за обедом и ужином, в висок и под ложечку, по головам и в сердце, в полдень и полночь, в будни и Светлое Христово Воскресенье. А каких друзей приготовила нам прежняя наша политика и дипломатия? Никаких. Помощи ждать нам неоткуда. Друзья нас предали, и все ближние стали далеко» [1, с. 286, 288–289]. Такое незавидное положение России стало, по мнению публициста, закономерным результатом всей предшествующей внешней политики России. Ее отличительными чертами были защита чужих государственных интересов и полное игнорирование собственных: «Она [Россия] приносила в жертву все свои самые дорогие, кровные интересы, отказываясь от священнейших чувствований. Все для европейского порядка, который был, кажется, высшею, единственную

ее целью» [1, с. 268]. Этот упрек М.П. Погодин адресовал не только русским дипломатам, но и российским императорам, которые «сами священной своей особою скакали на перекладных, как фельдъегери, в Троппау и Лайбах, Верону и Вену, а о Берлине говорить нечего, чтоб как можно скорее и действительнее доставить свою помощь и успокоить любезных союзников. Никаких трудов и стараний они не щадили, а употребленных миллионов русских денег и счесть трудно» [1, с. 267].

К сходным выводам приходил и другой публицист – М.Н. Катков, считавший, что Россия на протяжении долгих лет была заложницей Венской системы и действовала в ущерб своим национальным интересам: «Так называемый Священный Союз, в который посажена была тогда Россия, держал ее в сфере совершенно чуждых ей интересов, разобщал ее правительство со страной и делал его орудием других правительств, которым оно приносило в жертву и вещественные, и нравственные силы своего народа» [2, с. 150].

Консервативные публицисты были единодушны и в выводе, что время бескорыстного служения Европе, как это происходило на протяжении последних пятидесяти лет, безвозвратно прошло. Настала пора вернуться к принципам, завещанным Петром I и Екатериной II, и «во всех отношениях, войнах и переговорах, иметь в виду пользу России, принимать пока участие только в тех европейских делах, которые непосредственно ее касаются, и не вмешиваться ни в какие прочие» [1, с. 367]. Новая внешняя политика России должна быть политикой, везде и во всем преследующей и отстаивающей исключительно национальные интересы. Только такая политика является «жизненным законом всякого благоустроенного государства» [2, с. 149].

Публицисты отмечали особенности и преимущества национальной внешней политики. Прежде всего, она не представляла никакой угрозы другим странам, ибо в силу географического положения России могла иметь только оборонительный характер: «...нет страны, интересы которой, правильно понятые, были бы так безопасны для сохранения мира, так мало соединялись бы с ущербом чьих-либо иных уважительных интересов, так

мало требовали бы насилия и нарушения справедливости, как Россия. <...> Ее естественное положение есть чисто оборонительное, и никогда по собственному побуждению, в чувстве своих действительных интересов не может она перейти в положение наступательное» [2, с. 149]. Во второй половине XIX в. определенной популярностью пользовались идеи политического панславизма, предусматривавшие, в частности, объединение славянских народов в рамках одного государства. М.Н. Катков был решительным противником подобных политических планов, считая, что помощь славянам не должна идти дальше содействия в их освобождении от османского и австрийского владычества: «России нужно не расширение своей территории, которая и без того безмерно громадна, и даже не приращение своего населения, которое и без того растет с пугающей всех быстротой; ей нужно, напротив, взаимодействие, которое возможно только между силами, существующими самостоятельно и отдельно, но на одной почве» [2, с. 152]. С утверждением М.Н. Каткова об отсутствии у России завоевательных планов вполне был солидарен В.П. Мещерский: «А он [русский народ] ли когда-нибудь занимался политикой, ему ли лукаво мудрствовать, ему ли когда-нибудь был досуг за сохой или на печке изготовлять в душе планы коварных завоеваний и мечты расширения своего государства?» [3, с. 234]. Для публициста этот вопрос звучал риторически. М.П. Погодин выражал серьезные сомнения в необходимости захвата даже Константинополя, о чем грезили многие публицисты и государственные деятели, связывавшие с этим утверждение полного господства России на Балканах. М.П. Погодин опасался, что взятие Константинополя отвлечет на юг огромные силы и средства из внутренних губерний и тем самым в конечном счете ослабит Россию [1, с. 129–130]. В тех немногих случаях, когда Р.А. Фадеев писал о неизбежности расширения в будущем русских пределов на западе и на востоке, он неизменно оговаривался, что это необходимо исключительно в оборонительных целях, дабы не допустить установления на границах России враждебного ей европейского господства или влияния [4, с. 428–429].

Одно из преимуществ внешней политики, отвечавшей национальным интересам, виделось консервативным публицистам в том, что она позволяла распознавать реальные угрозы и удерживала от борьбы с «ветряными мельницами». Примером последней М.П. Погодин считал настойчивое стремление Александра I и его преемника противодействовать западному революционному движению, не представлявшему в то время для России никакой опасности. Борясь с европейскими революциями ради спасения европейских же режимов, русское правительство вынуждено было ужесточать внутривнутриполитический курс, что имело негативные последствия. Так, усиление цензуры привело к тому, что Николай I, «очарованный блестящими отчетами», не имел «верного понятия о настоящем положении России» [1, с. 391].

Наконец, активная внешняя политика, преследовавшая национальные интересы, укрепляла авторитет государства на международной арене и авторитет власти во внутривнутриполитических делах. И наоборот, забвение национальных интересов снижало этот авторитет. Последнее для государства и власти могло иметь трагические последствия: «правительство, неспособное поддержать интересы своей страны в международных вопросах, теряет кредит и внутри и окажется неспособным управлять страной» [2, с. 153].

Национальная внешняя политика требовала и новых принципов и приемов дипломатии. М.П. Погодин полагал, что, коль скоро европейские страны в большинстве своем неоднократно уже продемонстрировали враждебное отношение к России, российским дипломатам пора прекратить «шаркать, церемониться, любезничать и делать глазки», «кланяться, упрашивать их [европейцев] и держаться за полы, навязываясь к ним в дружбу» [1, с. 289–290]. В отношениях с Западом публицист советовал руководствоваться ветхозаветными принципами: «Великодушие, рыцарство, благородство, честь... должно отложить пока в сторону. Царство Христово не от мира сего. Для людей – Новый Завет, а для государств, в политике, Ветхий: око за око и зуб за зуб, а иначе они существовать не могут» [1, с. 289–290]. Это свое пожелание он предельно конкре-

тизировал. В первую очередь Россия не обязана ограничивать себя соблюдением международных договорных обязательств, если этого не делают европейские государства. Кроме того, публицист предлагал подумать о возможности «сыграть» на противоречиях между самими европейскими странами и с этой целью предпринять ряд дипломатических демаршей («произведение диверсий», как он выражался) для активизации внешней политики России и придания ей наступательного характера. Примерами таковых он называл, в частности, поддержку Италии против Австрии и Франции; требование вернуть территории странам, которые имели на них исторические права: Испании – Гибралтар, Италии – Мальту, Греции – Ионические острова, Эпир, Фессалию и др. Вполне эффективный способ напугать Англию публицист видел в «экспедициях в Индию, хоть только на бумаге, в статьях, письмах, проектах» [1, с. 370]. Главной же «диверсией» публицист считал стремление России к союзу с Америкой для противостояния европейским державам. (О желательности, возможности и, что особенно важно, перспективах российско-американского союза пространно и аргументированно размышлял и Р.А. Фадеев [5, с. 30–41].)

Наряду с «произведением диверсий» М.П. Погодин считал необходимым заняться и «приисканием» естественных союзников России. Ими могли и должны были стать прежде всего славянские народы: «Болгария, Сербия, Босния, Герцеговина, Черногория, Сирмия, Кроация, Далмация, Славния, Краин, Штирия, Каринтия, Богемия, Моравия, Буковина. Восемьдесят с лишком миллионов – почетное количество! порядочный союзец!» [1, с. 294]. А вслед за ними к России потянулись бы, как надеялся публицист, тяготевшие к ней географически и политически Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания. О том же неоднократно говорил и Р.А. Фадеев [4, с. 395–396]. М.Н. Катков обращал внимание на то, что при выборе союзников Россия должна руководствоваться исключительно национальными, но никак не династическими, сословными и подобными интересами. «...Русская монархическая идея есть нечто *sui generis* (своеобразное. – О. К.). Она существенно разнится ото всякой другой монархии в целом мире. Некоторые общие классификационные признаки несколько

не роднят русскую монархию с другими, не касаются ее индивидуальности, ее живой сущности, которую русская монархия вынесла из истории. Руководиться в нашей политике пустой абстракцией вместо начала действительного живущего в нашем народе, вместо духа, которым зиждется наше Отечество, есть одна из величайших ошибок, какими мы грешили в прошлое время. Тот только и может быть нам истинным союзником, кого ход событий сблизит с живыми и существенными интересами нашего Отечества, будет ли то президент Соединенных Штатов или богдыхан Китайский. Нам нет надобности справляться, в какую клетку помещают классификаторы то или другое правительство, мы должны знать только интересы нашего Отечества и руководствоваться в наших делах, в наших сближениях и разрывах только нашим долгом перед судьбами России» [2, с. 161–162].

Консервативные публицисты отдавали себе отчет, что проведение внешней политики, отвечающей национальным интересам, было невозможно без готовых и способных к этому дипломатов. Развернутую характеристику русской дипломатической школы, сложившейся в XIX столетии, дал В.П. Мещерский в статье «Наши дипломаты», увидевшей свет в 1884 году.

Публицист находил, что во времена Екатерины II российским дипломатам еще были присущи патриотизм, гордость за величие и могущество России. Формирование новой генерации дипломатов началось при Александре I, во время заграничных походов русской армии и международных конгрессов, «в стенах взятого нами Парижа... ..Отчасти в стенах Вены, отчасти в стенах Ахена, во время конгрессов» [3, с. 184]. Своеобразной идеологией нового поколения дипломатов стало убеждение, что Россия, в сравнении с Европой, – отсталая, варварская страна. Отсюда и основные принципы, которыми руководствовались дипломаты: отказ от защиты национальных интересов; стремление во всем угодить Европе, боязнь войны с ней. «Наши дипломаты – это, действительно, особое племя. Их отечество – какая-то надушенная и даже пропитанная самомнением относительно себя, равнодушием к духовной жизни своего государства и угодливостью перед Европой – умственная атмосфера; их искусство далее со-

четания красивых слов не идет; их идеалы – это поклонение не русскому; их *point d'honneur* (дело чести. – *О. К.*) – казаться не русскими; их пугало – национальная политика: их понятия о позоре – быть заподозренными в отстаивании русских интересов чересчур настоятельно и т. д.» [3, с. 184].

В.П. Мещерский был убежден, что дипломаты такими не рождались, а формировались в особых условиях канцелярий Министерства иностранных дел и посольств. Поэтому публицист попытался вскрыть «технологию» подготовки российских дипломатов, чуждых национальных интересов: «Входивший туда [в канцелярию министерства] молодой русский человек приносил безмолвную присягу служить не России, а дипломатии; за ним захлопывалась дверь, и отделение его от России и русской жизни совершалось навсегда. Никакого языка, кроме французского, не слышали эти стены канцелярии; по-русски молодые будущие послы говорили только со сторожами; начиналось служение министру и послам в виде упражнений устных и письменных на французском языке. Вся подготовка к дипломатическому поприщу заключалась в изучении особенностей и свойств дипломатических постов и агентов, в редактировании нот и ответов в примирительном и почтительном к Европе тонах; бесконечно разнообразная казуистика фраз – вот была главная наука нашей дипломатической школы, и чем способность к фразе была сильнее, чем искусство говорить, ничего не высказывая положительного, было нагляднее, тем вернее был путь к дипломатической карьере» [3, с. 188]. Вот какой собирательный портрет российского дипломата XIX в., прошедшего подобную школу, рисует публицист: «полное отчуждение от России духом и полное незнание или неведение своего государства», человек «со сладенькими губками, с приторной улыбкой, с гнущимися коленями постоянно извиняется (перед европейскими дипломатами. – *О. К.*) в том, что он собой беспокоит, уверяет в своем миролюбии, в своей неизменной преданности, в своем страхе войны» [3, с. 188, 190].

От общего портрета В.П. Мещерский легко переходил к персональным. Первым дипломатом новой школы был К.В. Нессельроде, ставший в 1822 г. министром иностранных дел: «Нессельро-

де в себе соединил полное воплощение того нового типа русского дипломата. <...> Служить интересам какой-то идеальной гармонии в Европе и не тревожить ее притязаниями нашего народного бытия: таков в главных чертах был лозунг нашей новой нессельродовской дипломатии» [3, с. 185]. Отличительной чертой этой дипломатической школы и самого главы внешнеполитического ведомства было «особое искусство писать красивым почерком и красивым сочетанием слов с целью не возбуждать опасений европейских кабинетов» [3, с. 185].

Еще более категоричен В.П. Мещерский в оценке А.М. Горчакова – «одного из удачных и блестящих питомцев нессельродовской школы»: «С отставкой Нессельроде явилась дипломатическая эра кн. Горчакова. Эра была другая, но характер и школа дипломатическая остались те же. Вся разница заключалась лишь в том, что красивый почерк и письменный стиль дипломатических сношений заменила красивая устная фраза. Запрос на людей языка сделался сильнее, чем на людей пера» [3, с. 186]. Публицист с особым удовольствием отмечал манеру работы А.М. Горчакова: «... любил диктовать свои депеши, доставляя себе два наслаждения: со сладостью вслушиваться в диктуемые фразы и потом любоваться ими в письме, за что прозван в высшей степени метко покойным Тютчевым: *Нарциссом чернильницы!*» [3, с. 186]. С приходом А.М. Горчакова в Министерство иностранных дел В.П. Мещерский не связывал наступление «какой-то новой патриотической эры в дипломатии Русского царства» [3, с. 186]. Скорее, наоборот, А.М. Горчаков оказался космополитичнее К.В. Нессельроде: «...к созданию еще сильнее типа нессельродовских русских дипломатов и к разведению их по всем странам обоих полушарий князь Горчаков способствовал чуть ли не сильнее и сознательнее гр. Нессельроде» [3, с. 186]. По мнению В.П. Мещерского, в тех редких случаях (в 1863 г. во время польского восстания; в 1870 г. при решении вопроса об отмене нейтрализации Черного моря), когда А.М. Горчаков отстаивал интересы России, он действовал не по внутреннему убеждению, а по требованию Александра II, в противном случае министр иностранных дел не удержался бы в своем кресле.

В чем виделся В.П. Мещерскому выход, какими должны быть российская дипломатия и российские дипломаты, что нужно изменить в подготовке «дипломатических кадров»? Прежде всего нужно было отказаться от принципов подготовки дипломатов, культивировавшихся в прошлые десятилетия. И впредь подбирать будущих дипломатов из числа людей, знающих и любящих Россию, готовых отстаивать ее национальные интересы, не боясь «оскорбить» чувства европейских политиков: «...ее [дипломатию] не нужно сочинять... ее нужно брать из умных и живых русских людей, – и больше ничего! Не вопрос: достаточно ли стыдишься России? – нужно задавать при крещении нашего дипломата, а вопрос: знаешь ли Россию и любишь ли ее? Не трепетание на букве трактатов и уроки попугаев следует признать главным для дипломатов русских, а знание России и изучение ее истории...» [3, с. 191]. И тогда Россия обретет тех дипломатов, в которых она нуждалась: «...в день, когда начнут назначать послами, советниками, резидентами, секретарями, как при Екатерине, русских людей, – умных, самостоятельных, с принципами, убеждениями и верой русскими, – тогда... бедная Россия получит, наконец, дипломатию, которая в состоянии будет ей обеспечить твердый и прочный мир не страхом, но бесстрашием войны и верой в силу своего государства!» [3, с. 191–192].

Обеспечить проведение новой внешней политики России должна была, как считали консервативные публицисты, новая организация вооруженных сил. Одним из главных был вопрос о принципе, на котором должен строиться расчет численности русской армии. Так, Р.А. Фадеев был убежден, что в военном отношении она должна быть готова к противоборству не с какой-то одной европейской державой, а с коалицией западных стран: «Мы знаем с точностью лишь то, что, когда нам придется меряться с кем-либо силами, противником нашим будет не нация, а большой союз» [4, с. 330]. Поэтому публицист предлагал органичное, с его точки зрения, сочетание сильной армии и правильно устроенного, то есть пропущенного через действительную военную службу, ополчения. О реальной опасности новой войны с европейской коалицией и необходимости заблаговременной тотальной подготовки к ней гово-

рил и М.П. Погодин: «...мы должны готовиться, острить штыки, точить сабли, лить пушки, запастись порохом, учить ребятишек по деревням артикулу, вызывать охотников, забирать негодяев в военную службу, устраивать медицинские факультеты, муштровывать солдат, готовить офицеров, думать, писать и толковать о всяческих случайностях, опасностях и нуждах, изобретать всякие средства и пуще всего беречь денежку на черный день» [1, с. 100]. Наличие на западной границе миллионной русской армии могло бы охладить некоторых европейских политиков. А, пока нет войны, армия могла бы учиться и строить так необходимые России в военном и экономическом отношении железные дороги. «Верным и несомненным правилом» предупредить войну М.Н. Катков считал готовность к ней, ибо только «вооруженный и готовый к защите менее подвергается опасности нападения нежели невооруженный и беззащитный. Придираются только к слабым, а не к сильным» [2, с. 126]. В практическом плане публицист предлагал не отвлекать армию «на поддержание внутреннего порядка», а создать для этой цели местную стражу, которая при необходимости могла бы усилить или даже заменить местный военный гарнизон.

Готовность России к войне обеспечивалась, как считали консервативные публицисты, не только наличием сильной и хорошо вооруженной армии. Не меньшее значение имели единство общества и власти, поддержка ее со стороны всего народа. М.Н. Катков отмечал, что ослабление русских позиций в международных делах после Крымской войны объяснялось не столько недавним поражением, сколько утратой обществом, отвернувшимся от власти, веры в Россию, в ее военно-политические возможности, способность защитить себя. В результате европейские страны стали смотреть на Россию как на слабое государство, над которым можно «безнаказанно издеваться», «революционеры целого света сочли наше Отечество самым удобным местом для исполнения своих замыслов» [2, с. 143]. «Энергическую готовность целого народа встать как один человек за свое достоинство, за свою честь и за обнаружение себя перед другими государствами сознательным носи-

телем своей исторической задачи» В.П. Мещерский называл «огромной силой внутреннего кредита», способной даже уравновесить финансовые затруднения, неизбежные в случае войны [3, с. 196–197]. Сила народного духа, укрепляющая и увеличивающая военную силу, значила, по М.П. Погодину, гораздо больше, чем сама многомиллионная масса народа [1, с. 128].

Выделим в заключение основные элементы военно-дипломатической составляющей консервативной концепции российского самодержавия второй половины XIX века. Прежде всего, это внешняя политика, последовательно отстаивающая национальные интересы России; наличие дипломатических кадров, способных обеспечить реализацию такой политики; сильная современная армия, опирающаяся на единство власти и общества, власти и народа. В России в названный период еще существовали предпосылки для реализации военно-дипломатической составляющей этой концепции. Одним из главных препятствий ее реализации была сама российская монархия в том виде, в котором она существовала к исходу XIX столетия. И немалая часть русских консерваторов это хорошо понимала, предлагая существенные коррективы в «внутриполитическую» составляющую российского самодержавия. Но это уже другая тема.

Список литературы

1. Погодин, М. П. Вечное начало. Русский дух / М. П. Погодин. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. – 832 с.
2. Катков, М. Н. Идеология охранительства / М. Н. Катков. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2009. – 800 с.
3. Мещерский, В. П. За великую Россию. Против либерализма / В. П. Мещерский. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – 624 с.
4. Фадеев, Р. А. Кавказская война / Р. А. Фадеев. – М. : Эксмо, 2003. – 640 с.
5. Кузнецов, О. В. Американская тема в публицистике Р.А. Фадеева (1860–1870-е гг.) / О. В. Кузнецов // Из истории русской общественной мысли XVIII–XIX веков : сб. науч. ст. к 70-летию проф. В.А. Китаева. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2012. – 146 с.

**MILITARY-DIPLOMATIC COMPONENT
OF THE CONSERVATIVE CONCEPT
OF THE RUSSIAN AUTOCRACY SECOND HALF
OF THE XIX CENTURY**

Kuznetsov Oleg Viktorovich

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of Russian History,
Volgograd State University
kusnezov_oleg@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the main elements of the military-diplomatic component of the conservative concept of the Russian autocracy second half of the nineteenth century: foreign policy, consistently defending Russia's national interests; the presence of diplomatic staff able to provide the implementation of those policies; a strong modern army based on the unity of government and society, the state and the nation. It is concluded that in Russia in the second half of the nineteenth century there were preconditions for the implementation of the military-diplomatic part of that concept.

Key words: russian autocracy, conservative journalism, foreign policy, national interest, diplomacy.

УДК 94(470+571):355

ББК 63.3(2).1

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫЙ РЕЙД В ИСТОРИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА РУССКОЙ АРМИИ

Иванюк Сергей Александрович

Заместитель заведующего отделом

«Мемориально-исторический музей»

Государственного историко-мемориального музея-заповедника

«Сталинградская битва»

ivasik-s@yandex.ru

ул. им. Маршала Чуйкова, 47, 400005 г. Волгоград,

Российская Федерация

Аннотация. Рейды, проводимые специально сформированными разведывательно-диверсионными отрядами, стали с давних времен неотъемлемой составляющей военного искусства русской армии. Именно поэтому особый интерес исследователей вызывают истоки формирования и характеристика военных операций данного типа в отечественной истории. На основании изучения и сопоставления характерных особенностей рейдов в статье проводится анализ рейдовой деятельности, которая организовывалась командованием русской армии в военных конфликтах начала XVIII в. (Северная война 1700–1721 гг.) и начала XX в. (Гражданская война 1917–1920/22 гг.).

Ключевые слова: рейд, кавалерия, разведка, диверсия, налет.

Несмотря на то что слово *рейд* имеет морское происхождение [6, с. 164], этим же термином в военном искусстве обозначается стремительное продвижение в тыл противника с целью ведения там боевых действий, направленных на уничтожение инфраструктуры обеспечения врага [32, с. 95; 26, с. 674]. Не напрасно слово *рейд* происходит от старинного англосаксонского выражения *to rayer*, то есть «стереть с лица земли» [37, с. 502].

Стоит отметить, что обычно рейдирующие войска выполняли вспомогательную роль. Целью рейда никогда не являлось стремление захватить и контролировать охваченные операцией террито-

рии. Уничтожив тыловые объекты противника, разведывательно-диверсионные отряды покидали охваченное рейдом пространство и, прорвав фронт, уходили на позиции своей армии.

Можно считать, что по своему происхождению рейды как военные операции ведут начало от грабительских набегов, распространенных в армиях кочевников древности [22, с. 67]. Население южных окраин русских земель было очень хорошо знакомо с этой тактикой своих беспокойных соседей – степных народов (в основном крымских татар). Исходя из этого, основная военная доктрина Московского государства XVI–XVIII вв. выражалась в борьбе с набегами степняков методом так называемой «береговой службы» – ежегодного выдвижения отрядов конницы в район вероятных путей вторжения татарских войск в русские земли [16]. Именно здесь, в приграничье, оттачивались навыки военного искусства, которые и создавали русскую самобытную тактику боевых действий, которую западноевропейцы считали неправильной и варварской. Часть из способов ведения войны была взята из опыта боевых действий с кочевниками: быстрая атака-налет, ложное отступление, засады и диверсионные рейды.

Тактика набега (рейда) степняков заключалась в скрытом пересечении границ соседнего государства с последующей неожиданной и стремительной атакой на участки компактного проживания населения этих земель с целью грабежа и захвата пленных (ясыря) [9, с. 231–239]. Отряд степняков для мобильности двигался облегло (без обоза) по хорошо изученным дорогам (шляхам), избегая в пути приграничных сторожевых постов и разъездов. Историк В.О. Ключевский при описании тактики набегов Крымской орды сообщал, что «татары крались по лощинам и оврагам, ночью не разводили огней и во все стороны рассылали ловких разведчиков. Так им удавалось незаметно подкрадываться к русским границам и делать страшные опустошения. Углубившись густой массой в населенную страну верст на 100, они поворачивали назад и, развернув от главного корпуса широкие крылья, сметали все на пути, сопровождая свое движение грабежом и пожарами, захватывая людей, скот, всякое ценное» [15, с. 460–461].

Аналогичными были действия и разведывательно-диверсионных отрядов казачества и Московского государства при вступлении их на враждебную территорию. Например, в работах историков А.А. Новосельского и О.Ю. Куц достаточно часто упоминается об удачном проведении русскими отрядами рейдов на вражескую территорию с использованием приемов позаимствованных у тех же степняков [17; 24].

Для того чтобы определить характерные особенности проведения рейдов, определяющие их как способ воздействия на противника, стоит рассмотреть несколько примеров из военной истории русской армии. При этом для анализа были выбраны два военных конфликта с участием русских войск – Северная война (1700–1721 гг.) и Гражданская война (1917–1920/22 гг.). Первый из них важен тем, что во время Северной войны тактические приемы малой войны (а разведывательно-диверсионный рейд является одним из них) были включены русским командованием в общую стратегическую схему при противостоянии со шведской армией Карла XII. Второй военный конфликт примечателен тем, что Гражданская война начала XX столетия в России стала последним военным конфликтом в отечественной истории, где на общем фоне использования стратегической конницы и исторически сложившихся маневренных боевых действий применялись и новые виды вооружения (авиация, танки, бронепоезда и т. д.).

Во время проведения масштабных военных операций в период Северной войны Петр I чаще всего придерживался активной обороны как в стратегическом, так и в тактическом плане, так как она была уже традиционной для военного искусства XVI–XVII вв. в Московском государстве [1; 18; 28]. Одним из тактических способов, используемых при этом, были разведывательно-диверсионные рейды по контролируемым противником территориям с целью нарушения тыловой инфраструктуры врага.

В ходе Северной войны русской армией были использованы три разновидности разведывательно-диверсионного рейда, которые можно охарактеризовать как:

1) действия на враждебной территории с тотальным уничтожением инфраструктуры противника;

2) действия на территории с относительно лояльным населением, с проведением диверсий избирательно, только на объектах, принадлежавших лицам поддерживающих противника;

3) действия на своей, временно оккупированной противником, территории.

Рейды первого типа наиболее часто проводились русской армией в первые годы Северной войны, на территории Эстляндии и Лифляндии в 1701–1703 гг., так как уже в январе 1701 г. Петр I решил развивать рейды на вражеские территории как самостоятельные военные операции, независимые от пехоты.

Всего за период 1701–1703 гг. было проведено 3 крупных рейда (набега) корпуса Б.П. Шереметева по территориям, контролируемым шведским правительством:

– 1-й рейд в 1701 г., в ходе которого удалось одержать первую победу над шведскими войсками В.А. Шлиппенбаха у Эрестфера;

– 2-й рейд в 1702 г. в Ливонию, итогом которого стала победа в сражении у Гуммельсгофа;

– 3-й рейд в 1703 г. – самый крупный рейд, который охватил огромную территорию Лифляндии и захвативший еще часть Эстляндии.

Основной задачей при проведении рейда было совершение налетов на базы обеспечения врага, для того чтобы нарушить его систему военной логистики в районе боевых действий, подорвать моральный дух местного населения и лишить противника помощи от него. Первоначально эти рейды были очень схожи по своим характеристикам с набегами татарской конницы XVI–XVII веков. Возможно, именно поэтому военный историк начала XX в. Д.Ф. Масловский называл рейды корпусов фельдмаршала Б.П. Шереметева в 1701–1703 гг. по вражеским территориям не иначе как набегами [20, с. 81–82].

Впереди основных сил, задействованных в рейде, для разведки и устрашения двигался разведывательно-диверсионный авангард, который уничтожал все населенные пункты на пути своего следования. Это крайне негативно отражалось на обеспече-

нии продовольствием шведских отрядов в регионе и горожан, укравшихся за стенами укрепленных городов, которые не могли получать материальной поддержки из окрестных селений.

Заняв тот или иной крупный городок или мызу (усадьбу), Б.П. Шереметев направлял в набеги по окрестностям небольшие диверсионные отряды кавалерии для уничтожения в окрестностях всей инфраструктуры, которая могла работать на обеспечение противника. Так, в сентябре 1703 г., находясь в Вильянди, фельдмаршал высылал отряды к Пыльцову и к Руину [5, стб. 140; 12, S. 88].

Методика разведывательно-диверсионных рейдов в Прибалтике показала очень высокие результаты. В ходе проведения только рейда 1703 г. были атакованы и разрушены: небольшие города Ракобор, Феллин, Руин, Пилцов, а уезды Вирумаа, Ярвамаа, северная часть Видземе, запад и юг Гартумаа, восток Пярнумаа были полностью разорены. О результатах своей диверсионной деятельности фельдмаршал докладывал царю: «...больше того неприятельской земли разорять нечего. <...> Все разорили и запустошили без остатку... до самой границы Польской» [34, с. 249]. К этому стоит добавить, что основная цель рейдов по подготовке плацдармов для осады городов Нарва и Дерпт в 1704 г. к концу 1703 г. была выполнена: территория, прилегающая к крепостям, была опустошена, крупные силы противника в регионе отсутствовали, а 3-й набег совершенно обеспечил западный фронт.

Рейды второго типа организовывались русской армией на территориях Речи Посполитой (1705–1707 гг.), а также в Финляндии в период так называемого «Великого лихолетья» (фин. Isoviha) в 1712–1714 годах.

В Речи Посполитой (1704–1707 гг.) такая методика складывалась ввиду противостояния между двумя враждующими группировками – Сандомирской и Варшавской конфедерациями – и требовала избирательных диверсионных действий. Так, например, рейдирующие отряды казаков разорили владения Ю. Потоцкого и С. Лещинского (Варшавская конфедерация), поддерживавших шведскую армию и не тревожили хозяйства своих союзников «сандомирцев» [13, с. 152–153]. Рейдирующие же на втором этапе

Северной войны (после 1709 г.) в Финляндии войска действовали «не для разорения, а чтобы овладеть» краем. Оккупированные территории воспринимались как будущие земли в составе России, а задействованные в рейдах войска руководствовались указаниями Петра I: «не разорять, но хорошо мужиков содержать» [23, с. 120]. Тем не менее в случае возникновения трудностей (более сильный неприятель, «обыватели по выданным универсалам будут противны») требовалось «не азардовать... разоряя перед неприятелем землю» [21, с. 382].

Проведения *рейдов третьего типа* в Полтавский период Северной войны (1708–1709 гг.) требовала от русского командования общая политическая обстановка, сложившаяся во время пребывания армии Карла XII на территориях Гетманщины, когда после перехода И.С. Мазепы для царского правительства была очень важна лояльность местного населения по отношению к петровской армии. Петр I сообщал в конце 1708 г. жителям Малороссии, что «мы войскам своим Великороссийским под смертною казнию запретили Малороссийскому народу никакого разорения и обид отнюд не чинить, за что уже некоторые самволные преступники при Почепе и смертию казнены» [29, с. 282–284].

От отрядов петровской армии, задействованных в диверсионных рейдах, требовалось точечное нанесение ударов по объектам противника, со строгим пресечением любых попыток навредить жителям городов и сел. Примером же рейдовой деятельности в Полтавский период Северной войны может служить рейд сводного корпуса Б.П. Шереметева весной 1709 г. по населенным пунктам, в которых расположились шведские войска (Гадяч, Ращевка, Лубны, Лохвица и др.) [13, с. 271–282].

В целом можно сказать, что, используя достаточный опыт в военном искусстве по применению способов ведения малой войны и проведению рейдов, в частности, который был дополнительно отточен в дополтавский период, русской армии удалось выстроить стратегическую схему по защите своих земель от вторжения врага. Посредством в том числе и разведывательно-диверсионных рейдов русская армия добилась выполнения одной из главных поставленных для себя целей – предотвращения

дальнейшего наступления и уничтожения основных сил армии противника.

В период Гражданской войны начала XX в. в России разведывательно-диверсионные рейды применялись в обеих противоборствующих армиях. Характеристики театра военных действий и распределение сил способствовало широкому использованию рейдовых операций. Небольшие массы армий, сосредоточенные на наиболее важном участке, со свободными промежутками в обороне позиций, преобладание конницы над слабоорганизованной пехотой – все это давало возможность пройти через фланги сконцентрированных войск в тыл и беспрепятственно наносить там урон тыловым базам противника и органам его управления (штабам). При этом к задачам рейда, характерного для Гражданской войны, помимо разрушения тыла добавилось еще и поддержание восстания населения, если оно было недовольно существующей властью [30, с. 26].

В период Гражданской войны разведывательно-диверсионные рейды отрядов красной конницы под командованием Б.М. Думенко, С.М. Буденного и др. прочно вошли в общую схему ведения боевых действий. Начальник штаба Донской армии генерал-лейтенант А.К. Кельчевский в своей работе отмечал, что огромные фронты при малочисленности белых сил на ответственных участках давали возможность отрядам противника, быстро маневрируя, прорываться в тыл и, делая рейды, появляться в самых неожиданных местах [14, с. 8]. Особо отмечена в истории этого военного конфликта зимняя операция 1919 г. на Царицынском фронте, вошедшая в советскую историографию как «Рейд Буденного».

Рейд по тылам белоказаков был организован в период так называемого третьего наступления войск Донской армии атамана П. Краснова на Царицын в январе 1919 года. Основная цель этой разведывательно-диверсионной операции была направлена на облегчение положения обороняющихся город частей посредством атак на населенные пункты и гарнизоны противника в тылу его войск.

12 января 1919 г. 1-я Сводная кавдивизия (1 600 кавалеристов и 2 артиллерийские батареи) покинули район Гумрака и выс-

тупили в направлении Городище – Орловка – Ерзовка [2, с. 114]. Первичной задачей было сбить отряды противника, вышедшие к Волге, и атаковать населенные пункты – Пичугу и Дубовку, установив связь с красными войсками, действовавшими на Камышенском боевом участке. Но, несмотря на то что в ходе налета на Дубовку большая группа противника была выбита из населенного пункта и вытеснена из этого района, тяжелые бои 13–15 января не принесли существенного успеха, а войска Донской армии в это время уже готовились к штурму Царицына. Они сжимали кольцо окружения после занятия Сарепты, Воропоново и Гумрака, при этом в южной части города подступив к самой Волге.

Оказавшись в тылу Донской армии 20 января 1919 г. командованием 1-й Сводной кавдивизии было принято решение направить удар по белоказакам генерала К.К. Мамонтова в районе Прямая балка – Давыдовка и, развивая успех, двигаться по тылам армии П. Краснова в общем направлении на Карповку [2, с. 117]. В 3 часа ночи 23 января под прикрытием снежной пурги красные отряды выдвинулись для налета на белоказачьи части, расположенные в Прямой Балке. Стужа и буран загнали отряды противника в здания, а сторожевая служба не была организована должным образом, что позволило кавалерии красных с успехом использовать фактор внезапности. С.М. Буденный в своих мемуарах писал: «Пурга обеспечивала нам внезапность, а это наполовину решило исход боя в нашу пользу» [2, с. 118]. Атакованные кавалерией и пулеметным огнем броневиков войска противника спасались бегством. «На спинах» отступавших бойцы кавдивизии ворвались в Давыдовку и продолжали преследовать противника на протяжении 55 км вплоть до Малой Ивановки. По воспоминаниям участника рейда О.И. Городовикова, в этом бою было захвачено «несколько тысяч пленных, пять орудий, тридцать пулеметов, множество лошадей, обозы, снаряды» [7, с. 42].

30 января был занят почти без боя хутор Заварыкин, а 5 февраля в ходе молниеносной атаки были уничтожены войска противника, занимавшие стратегически важный железнодорожный объект – станцию Иловля. Здесь же были захвачены 4 паровоза с вагонами.

9 февраля, продвигаясь в направлении Котлубани, кавалерия С.М. Буденного атаковала налетом станицу Качалинская, а затем, развивая успех, захватила базы снабжения генерала Попова в хуторе Вертячий. На подходах к станции Котлубань красная кавалерия развернутым строем атаковала противника с тыла при поддержке огня пулеметов и орудий. Под массированным огнем с сабельным ударом силы белоказаков дрогнули и начали отступление к Царицыну. Отряды С.М. Буденного преследовали их до Городища, где противник попал под огонь уже пехоты защитников города и бронепоездов.

11 февраля 1919 г. рейд красной конницы закончился с положительным результатом. В приказе по личному составу № 80 от 2 марта 1919 г. Реввоенсовета Республики за подписью Л.Д. Троцкого сообщалось, что в ходе рейда было разбито 23 полка из армии П.Н. Краснова, из них 4 взяты в плен. В качестве трофеев были захвачены 48 орудий, более 100 пулеметов, бронированный автомобиль, не считая тылового имущества [4, с. 127].

У Красной армии появилась возможность захватить в свои руки все пространство до реки Дон и станции Жутово – Владикавказской железной дороги. Говоря о достигнутых результатах, командир 10-й Красной армии А.И. Егоров писал: «Результатом... явился полный разгром противника перед фронтом всего северного участка и центра 10-й армии. <...> Результатом этого рейда... явилась полная возможность начать общее наступление» [25, с. 156–157].

В ходе «Рейда Буденного» применялись характерные тактические приемы: использование разведки и сторожевого охранения на марше и во время отдыха, опрос пленных и местных жителей для получения сведений о противнике, скрытные ночные переходы. Типологически же, сравнивая этот рейд с аналогичными операциями начала XVIII в., можно отнести его к рейдам третьего типа. Двигаясь по занятым врагом территориям, конница С.М. Буденного не вступала в конфликты с местным населением, надеясь на его поддержку в критические моменты. Еще во время организации рейда 5 января 1919 г. Реввоенсоветом Южного фронта были выданы специальные инструкции,

предписывавшие поведение военнослужащих, задействованных в рейде в тылу вражеских войск: «Мирного жителя не обижать, а посему ни грабежам, ни насилиям не должно быть места» [11, с. 623]. Данное требование весьма созвучно с теми указами, которые давал Петр I своим подчиненным, отправляя их в диверсионные рейды по тыловым объектам шведской армии в Полтавский период Северной войны.

В то же время в рядах Белой армии находилось немало опытных военачальников, которые успешно применяли на территории, занятой красными войсками, разведывательно-диверсионные рейды. Советский исследователь Гражданской войны С.И. Гусев отмечал: «Особенно же расстраивали красноармейские части набеги белой кавалерии в ближайший тыл» [10, с. 22].

Наиболее знаменитым и оставившим след в истории Гражданской войны стал рейд отряда белого генерала К.К. Мамонтова, но при этом стоит отметить, что ему предшествовали другие аналогичные разведывательно-диверсионные операции Белой армии. Например, действия белого генерала С.М. Топоркова, который во главе 1-й Терской казачьей дивизии провел весной – летом 1919 г. рейд по тылам красных войск, дезорганизовывая их снабжение, уничтожая железные дороги, объекты связи и сея панику. В ходе этой диверсионной операции было пройдено около 650 км [19, с. 184–224].

По плану рейда К.К. Мамонтова его войска (9 000 чел, 12 орудий, 3 броневедомоци, пулеметы) должны были ударить во фланг и в тыл красных в районе Новохоперск – Лиски, в направлении на Воронеж, а затем направить их в рейд по вражеским тылам [31, с. 16–17].

7 августа 1919 г. отряд К.К. Мамонтова для пересечения линии фронта переправился через Хопер, а 10 августа успешно атаковал части красных. Сделав 22-километровый прорыв, «мамонтовцы» благополучно ушли в рейд по тыловым городам противника. Основными объектами атаки в ходе рейда стали города (Тамбов, Козлов, Елец и др.) со слабыми гарнизонами и железнодорожная инфраструктура. Охрана железнодорожных объектов, водоканалы и пакгаузы уничтожались. Мосты и железнодорожное

полотно разрушались, а имущество и ценности просто разворовывались. Так, были испорчены участки железно дороги: Раненбург – Астапово – Елец, Тамбов – Козлов – Грязи, Жердевка – Грязи – Елец – Ефремов, что катастрофически влияло на боеспособность воинских частей Красной армии на фронте [30, с. 23–24; 31, с. 21].

Успеху рейда во многом способствовало то, что красноармейскому командованию было достаточно трудно одновременно отражать наступление А.И. Деникина и подавлять действовавшие в тылу разведывательно-диверсионные группы. Долгое время командующему внутренними войсками М.М. Лукашевичу не удавалось дать организованный отпор «мамонтовцам» и только после сражения у города Раненбург (27 августа), где казаки потерпели поражение, в противостоянии с ними наметился перелом. В дальнейшем, после захвата Воронежа, отрядам К.К. Мамонтова было весьма затруднительно развивать успех рейда, так как большой обоз сковывал боеспособность войск, а командование красных стало подтягивать на борьбу с «мамонтовцами» дополнительные силы. В середине сентября 1919 г. основные части корпуса К.К. Мамонтова перешли Дон и к концу месяца по требованию А.И. Деникина вышли из рейда.

Если придерживаться типологии рейдов, обозначенной для XVIII в., то по своим целям рейд К.К. Мамонтова можно классифицировать как рейд третьего типа. Но на деле в ходе своего проведения, он превратился в рейд первого типа со всеми характерными для него особенностями (грабежи имущества у местного населения) и был похож больше на разбойничий набег. Командование отрядов, задействованных в рейде, отступилось от одного из классических правил в его организации – дисциплины среди участников рейда [30, с. 31].

В захваченных городах и населенных пунктах командование рейдового отряда К.К. Мамонтова не в силах было предотвратить массового мародерства и грабежа местных жителей. Это привело к тому, что сочувствующие Белой армии горожане, встречавшие «мамонтовцев» как освободителей, провожали их с проклятиями. На линии Грязи – Борисоглебск разъездами К.К. Мамонтова у жителей прилежавших сел было реквизирова-

но около 400 лошадей и 300 подвод. В Ельце (1 сентября) после уничтожения представителей советской власти террор и грабежи распространились и на простых обывателей. Здесь же была организована распродажа награбленного имущества, а из пленных красноармейцев, пожелавших перейти в ряды Белой армии, было сформировано 3 отряда для охраны награбленного в обозах, который, покинув город, по дороге к Воронежу растянулся на 30 км [31, с. 31, 36].

Генерал-лейтенант Добровольческой армии А.Г. Шкуро в своих воспоминаниях писал: «...я, едучи в автомобиле, в течение двух с половиной часов не мог обогнать их. Казаки Мамонтова сильно распустились... стремились поскорее довести до хат свою добычу. Она была, по-видимому, весьма богата; например, калмыки даже прыскали своих лошадей духами» [36, с. 238–239]. Не напрасно маршал Советского Союза, участник Гражданской войны Б.М. Шапошников при оценке результативности рейда К.К. Мамонтова отзывался о нем достаточно критически. В частности, он писал: «...рейд Мамонтова принес один лишь вред, измотав и разложив конницу настолько, что поражение сделалось для нее лишь вопросом нескольких дней» [35, с. 16]. Такого же мнения придерживался и ряд представителей Белого движения, позднее оценивавших результативность этого рейда [33, с. 9].

Возможно, по этим причинам цели рейда не были полностью достигнуты:

– окончательно фронт красных не был сдвинут, так как рейд только тогда мог принести пользу, когда он был поддержан общим наступлением фронта [30, с. 20];

– основательное разрушение тыла, тем не менее, не приостановило оборонительного упорства красных войск;

– личный состав «мамонтовцев» был морально разложен. В конце рейда, по сообщениям командования Белой армии, только 2 000 бойцов было боеспособно [31, с. 45].

Однако наряду с этим стоит отметить и положительные характеристики в организации рейда К.К. Мамонтова: большие мобильные конные массы быстро меняли участки своих действий (средняя скорость движения основных сил составляла 18–20 км),

и даже руководство Красной армии признавало эти преимущества [31, с. 34].

Если провести параллели между диверсионными рейдами периода Северной войны начала XVIII в. и Гражданской войны в России начала XX в., то объективно можно заметить, что существенных изменений в тактическом и стратегическом применении такого способа воздействия на противника, как рейд, не произошло. За 200-летнюю историю оставались неизменными и цели рейда – атака тыловых объектов врага и моральное воздействие на противника. При этом умелая гибкость решений и корректировка действий командования в зависимости от лояльности или враждебности местного населения, проживавшего на территории охваченной рейдом, могли привести к положительному результату. В то же время ошибочность в принятии решений способствовала краху всей операции.

Обзор истории применения русской армией рейдов на протяжении нескольких веков наглядно показывает, что их использование во время боевых действий всегда было достаточно эффективно и результативно. В заключение хочется отметить, что разведывательно-диверсионные рейды, успешно проводившиеся и позднее, в период Великой Отечественной войны, не теряют своей актуальности и в современном военном искусстве. Не претерпев существенных изменений за длительный период времени, тактика проведения рейдов и в наши дни является одним из востребованных способов ведения боевых действий в армиях мира в целом и вооруженных силах России в частности.

Список литературы

1. Артамонов, В. А. Стратегия и тактика Карла XII и Петра I в 1700–1709 годы. К 300-летию Полтавской битвы / В. А. Артамонов // Полтавская битва и ее международное значение : тез. докл. юбил. междунар. науч. конф. 17–19 нояб. 2009 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kreml.ru/ru/science/conferences/2009/Poltava/thesis/Artamonov/>. – Загл. с экрана.
2. Буденный, С. М. Пройденный путь / С. М. Буденный. – М. : Воен. изд-во МО СССР, 1958. – 448 с.

3. Виноградов, А. В. Крымские ханы в XVI веке / А. В. Виноградов // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 58–69.
4. Водолагин, М. А. Красный Царицын / М. А. Водолагин. – Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967. – 174 с.
5. Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по Высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. В 22 т. Т. 1, ч. 3 / под ред. А. Ф. Бычкова. – СПб. : Печатня В.И. Головина, 1871. – Стб. 59–196.
6. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. В 14 т. Т. 11 / под ред. Л. И. Зеддлера. – 2-е изд. – СПб. : Тип. штаба воен.-учеб. заведений, 1856. – 675 с.
7. Воспоминания участников обороны Царицына / сост. А. И. Хмельков. – Сталинград : Обл. книгоизд-во, 1940. – 167 с.
8. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн ; пер. с нем. А. И. Малейна, А. В. Назаренко ; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич ; под ред. В. Л. Янина. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.
9. Боплан, Г. Л. де. Описание Украины / Г. Л. де Боплан ; пер. с фр. З. П. Борисюк ; ред. пер. А. Л. Хорошкевич, Е. Н. Ющенко. – М. : Древлехранилище, 2004. – 576 с.
10. Гусев, С. И. Уроки гражданской войны / С. И. Гусев. – М. : Гос. изд-во, 1921. – 46 с.
11. Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917–1922 гг. В 4 т. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – март 1919 г. / отв. сост. Т. Ф. Каряева. – М. : Воениздат, 1971. – 788 с.
12. Документы о крещении в церковном приходе Полтсамаа за август 1703 г. // ЕАА. – F. 1168 (EELK Põltsamaa kogudus 1663–1940). – Vrs. 2.3 (Sünni-, abielu- ja surmameetrika ja andmed koguduse tegevuse kohta 1692–1703). – S. 88.
13. Иванюк, С. А. Малая война в стратегии и тактике русской армии на первом этапе Северной войны (осень 1700 – лето 1709 г.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Иванюк Сергей Александрович. – Волгоград, 2014. – 395 с.
14. Кельчевский, А. К. Думенко и Буденный. Роль, значение и тактические приемы конницы в русской гражданской войне / А. К. Кельчевский. – Стамбул : Тип. изд-ва товарищества «За рубежом», 1920. – 18 с.
15. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 2 кн. Кн. 1 / В. О. Ключевский. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 736 с.

16. Курбатов, О. А. Атаман, ездоки и вожи: станица русских пограничников 1630-х гг. / О. А. Курбатов // История военного дела: исследования и источники. Т. 5. – 2014. – С. 71–83. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: : http://www.milhist.info/2014/06/11/kurbatov_5. – Загл. с экрана.
17. Куц, О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до вытупления С. Разина (1637–1667) / О. Ю. Куц. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. – 456 с.
18. Леер, Г. А. Петр Великий, как полководец / Г. А. Леер // Военный сборник. – 1865. – № 4. – С. 149–230.
19. Мамонтов, С. И. Походы и кони (Записки поручика) / С. И. Мамонтов. – М. : Вече, 2007. – 448 с.
20. Масловский, Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. 1683–1762 год (с планами, чертежами и схемами). В 2 вып. Вып. 1 / Д. Ф. Масловский. – СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1891. – 467 с.
21. Материалы для истории русского флота. Ч. 1 / подгот. С. И. Елагин. – СПб. : Тип. Мор. М-ва, 1865. – 716 с.
22. Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский ; под ред. С. А. Аннинского. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – 301 с.
23. Мышлаевский, А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 годах. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов / А. З. Мышлаевский. – СПб. : Воен. тип., 1896. – 668 с.
24. Новосельский, А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / А. А. Новосельский ; отв. ред. чл.-кор. АН СССР С. В. Бахрушин. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 448 с.
25. Оборона Царицына : сб. ст. и документов / Истпартодел сталинградского обкома ВКП(б) ; сост. В. Алексеев, К. Нефедов. – Сталинград : Обл. книгоизд-во, 1937. – 400 с.
26. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : А ТЕМП, 2006. – 944 с.
27. Палли, Х. Э. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны 1701–1704 гг. / Х. Э. Палли. – Таллин : Изд-во Акад. наук Эстон. ССР, 1966. – 344 с.
28. Панов, В. А. «Петр I», как полководец / В. А. Панов. – М. : Гос. воен. изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1940. – 131 с.
29. Письма и бумаги императора Петра Великого. В 13 т. Т. 8. (июль – декабрь 1708), вып. 1 / под ред. А. И. Андреева. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 406 с.

30. Попов, В. Рейды конницы. С 5 схемами / В. Попов – М. ; Л. : Гос. изд-во, Отд. воен. лит., 1927. – 37 с.
31. Рымшан, М. Рейд Мамонтова. Август – Сентябрь 1919 г. С. 3-мя схемами / М. Рымшан. – М. : Гос. воен. изд-во, 1926. – 68 с.
32. Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 7 / под ред. Н. В. Огаркова. – М. : Воениздат, 1979. – 686 с.
33. Терский казак М. Л-н. К истории «Мамонтовского рейда» / Терский казак М. Л-н // Казачий исторический сборник. – 1959. – Окт. (№ 9). – С. 9–11.
34. Устрялов, Н. Г. История царствования Петра Великого. В 6 т. Т. 4, ч. 2 / Н. Г. Устрялов. – СПб. : Тип. II-го Отд-ния Собств. Его Императ. Величия Канцелярии, 1863. – 706 с.
35. Шапошников, Б. Кавалерийские очерки / Б. Шапошников // Военный вестник. – 1921. – № 10. – С. 12–17.
36. Шкуро, А. Г. Записки белого партизана / А. Г. Шкуро. – М. : Вече, 2013. – 304 с.
37. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. Т. XVIIIА (54). Ряпина – Рясское и Россия / под ред. И. Е. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб. : Семен. Типолитограф. (И. А. Ефрона), 1899. – 576 с.

A RAID IN THE HISTORY OF THE ART OF WAR IN RUSSIAN ARMY

Ivanyik Sergey Aleksandrovich

Deputy Head of the “Memorial and Historical Museum”
of State Historical and Memorial Museum “Battle of Stalingrad”
ivasik-s@yandex.ru
Marshala Chuikova St., 47, 400005 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Raids conducted by specially formed reconnaissance and sabotage units, steel has long been an integral part of the art of war the Russian army. It is therefore of particular interest researchers call the origins and characteristics of the formation of this type of military operations in the country’s history. Analysis raid activities conducted on the basis of studying and comparing the characteristics of the raids, which organized the command of the Russian army in military conflicts of the early XVIII century (Great Northern War of 1700–1721.) and the beginning of XX century (The Civil War 1918–1920 / 22’s.).

Key words: raid, cavalry, intelligence, sabotage, foray.

УДК 94(470+571)«1877/1878»:347.781.52

ББК 63.3(2)522-68

**«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»
В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
В ОТНОШЕНИИ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
1877–1878 ГОДОВ**

Кочуков Сергей Анатольевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры
Российской цивилизации и методики преподавания истории
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
kochukovsgu1974@yandex.ru
ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности отношение русской периодической печати к целям, событиям и участникам Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Анализируются взгляды публицистов на причины войны с Османской империей, показано влияние критических общественных настроений на литературные произведения.

Ключевые слова: общественное движение, Балканский полуостров, русская литература, славянский вопрос, война, армия.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. являлась первым военным мероприятием Российской империи, в котором голос общества играл первостепенную роль. В ходе войны общество могло благодаря отечественной и отчасти зарубежной прессе внимательно следить не только за развитием боевых действий, но и за подготовкой к войне, дипломатическими демаршами России и ее политических оппонентов. Пресса не просто являлась своеобразным средством сообщения информации между балканскими событиями и Россией, русские газеты и журналы в полной мере формировали взгляды общества на проблему решения Восточного вопроса.

Общественный подъем был подогрет публикациями, выступлениями военных корреспондентов и общественных деятелей раз-

ного толка, большинство из которых называло войну и национально-освободительное движение на Балканах справедливыми и необходимыми. Мощное средство в общественно-политической борьбе – слово – несомненно, формировало сознание и влияло на создание поведенческих моделей. Русская пресса сыграла значительную роль в «достижении духовной зрелости русского общества» [1, с. 5]. Яркие, порой обличительные и в чем-то новаторские статьи русских журналистов, появлявшиеся в прессе накануне и во время войны с Турцией, безусловно, способствовали формированию определенной позиции по отношению к событиям на Балканах. Большая часть русского общества, соприкасавшаяся с печатным словом, восприняла помощь единоверцам как обязательный, непреложный факт, долг христианина и гражданина.

Русская периодическая печать не просто констатировала свершившиеся события на Балканском полуострове, сообщая о «жестокостях османов» [2, с. 33–34]. Она ставила перед собой более серьезные задачи. Известный по всей России ежемесячный журнал «Отечественные записки», издававшийся сначала А. Краевским, а затем Н.А. Некрасовым и М.Е. Салтыковым-Щедриным, также сначала считал, что «на долю русского народа выпала историческая миссия – любой ценой добиться свободы славян в Турции...» [3, с. 639], но уже с началом войны с Османской империей в 1877 г. издатели журнала вынуждены были поставить вопрос «Почему война вообще оказалась возможной?» [4, с. 109], ответ на который журнал предлагал рассматривать исходя из обсуждения разных факторов. Во-первых, постоянные войны России и Турции, в результате которых в русском народе выработалась своеобразная привычка. «Войны с Турцией всегда были более популярны в русском народе, чем всякие другие войны. Потому что эти войны имеют за себя многовековую традицию у русского народа, завещаны ему его предками; кроме того, мотивы этих войн – не те, которые вызываются и обуславливаются различными случайными политическими осложнениями, а те, которые остаются постоянно неизменными, ибо имеют свое основание всегда в одной и той же неизменной идее – необходимость освободить крест Христов и страждущее христианство из

рук неверных – идее, равно дорогой и близкой к русскому обществу, так и русскому народу – более понятны и тому, и другому, чем мотивы всяких других войн» [4, с. 109]. Во-вторых, «желание русского народа». «Он – народ, именно в пользу славян нагромоздил миллионы рублей и медных грошей и движение своих добровольцев, напомнил западу времена крестовых походов. Таким образом, нынешняя война была не нечаянная для народа, застала его не врасплох, как случалась в прежнее время; она предварена его сочувствиями, была для него, так сказать, не новой войной, а продолжением длившейся два года славянской войны, в которой он принимал уже участие по собственной инициативе» [4, с. 110]. По сути, «Отечественные записки» выдвинули свою периодизацию войны, согласно которой война с Османской империей началась не в 1877 г., а еще в 1875 г., когда на Балканском полуострове разворачивается национально-освободительное движение. В третьих, цель войны – превращение Константинополя в «русский город». Автор заметки, помещенной во «Внутреннем обозрении» «Отечественных записок», убежден, что Турция – это «большой человек» [4, с. 114] и занять столицу Османской империи нужно обязательно, несмотря на все заявления Министерства иностранных дел России.

«Отечественные записки» также не были обделены исследовательским вниманием. После «Очерков» В.Е. Евгеньева-Максимова [5] последовала целая череда работ по изучению данного журнала [6, с. 28–47]. Однако большинство исследований по данному периодическому изданию было сконцентрировано в двух направлениях: влияние «Отечественных записок» на педагогическую мысль России [7] и роль издания в развитии литературных взаимосвязей [8].

Что же касается роли журнала Н.А. Некрасова в формировании взглядов русского общества на Балканскую проблему, то таких исследований фактически нет. Единственной работой, в которой проявлен интерес к данному сюжету, можно считать монографию Л.И. Ровняковой [9]. Однако это исследование рассматривает лишь «революционную» составляющую «Отечественных записок».

Уже такая направленность изучения журнала, только с «революционной стороны», привела к тому, что исследователи поспешили сделать вывод: издание Некрасова предложило демократическую программу преобразований на Балканском полуострове [9, с. 145]. Причиной такого вывода явилась статья, опубликованная в ноябре 1875 г. в «Отечественных записках» под названием «Восстание в Боснии и Герцеговине» [10, с. 110–126]. Помимо описания ситуации в регионе, журнал выдвигал идею о «постепенном обособлении христианских провинций Порты, политической нейтрализации их сначала под турецкой верховной властью, а потом федерации этих областей и полной их независимости» [10, с. 120–122]. Однако такой взгляд на проблему был в целом характерен для общественного мнения, поэтому спорным является само утверждение, что подобное заявление – это некая демократическая программа, на чем настаивала исследователь Л.И. Ровнякова. Кроме того, в «Отечественных записках», как, впрочем, и в других периодических изданиях России, фактически не рассматривался вопрос о том, чего же хотят сами угнетенные народы. На Балканском полуострове в 70-х гг. XIX в. не существовало и не могло существовать «координационного центра» борьбы славян против турецкого засилья, поэтому налицо были своеобразные метания славян между Россией, Австрией, Венгрией и Пруссией. Своеобразие позиции «Отечественных записок» состояло только в мнении о том, что национально-освободительное движение на Балканах носит форму аграрной войны [11, с. 241–284].

Безусловно, «Отечественные записки» сочувственно относились к событиям на Балканском полуострове. Примером этого может служить рецензия «Недобитый народ» на книгу К. Иречка «История болгарского народа» [12, с. 1–22]. «Никто у нас в России, говорилось в журнале, не думает о другом, не хочет слушать, не может говорить, не желает читать ничего другого, кроме сведений о том, что там [на Балканском полуострове] делается» [12, с. 1–2].

«Отечественные записки» стали открыто призывать к вооруженной поддержке славян и пожертвованиям в их пользу с 1876 г. после публикации русского и украинского писателя и историка

Д.Л. Мордовцева «На всемирную свечу», в которой прямо говорилось: «Всемирная свеча, которую хочет погасить Европа, – это славянская семья, добрая, угнетенная, мягкая, словно восковая свеча, тающая от враждебного европейского дуновения. Пожертуйте же, русские люди, на всемирную свечу» [13, с. 101]. Более жестко по славянскому вопросу на страницах «Отечественных записок» выступил Г.З. Елисеев в своей статье «Воевать или не воевать?» [14, с. 358–376]. По сути, это был прямой призыв к борьбе, причем к борьбе вооруженной: «“Воевать или не воевать?” – вот вопрос, который теперь занимает умы и сердца всего русского общества. По мере того, как пламя славянского восстания все более и более распространяется и усиливается в Турции, по мере, того как Турция с каждым днем оказывается все более и более несостоятельной в борьбе со славянами, славянский вопрос из внешнего для нас делается внутренним, из вопроса дипломатического и политического превращается в вопрос всего русского общества, всего русского народа. Для русского общества не все равно: кому достанется наследство больного человека, если бы он не пережил нынешнего кризиса? А также не все равно, как устроятся славяне – сделаются ли они совершенно свободными или попадут под новое ярмо» [14, с. 358].

Удивительно, но в 1878 г. по окончании Русско-турецкой войны, «Отечественные записки» фактически больше не возвращались к Балканскому вопросу, но констатировали, что финансовые расходы (около 182 млн руб.), которые потратила Россия, не окупались результатами боевых действий [15, с. 27]. Вероятнее всего, издатели журнала были в определенной степени разочарованы итогами войны. И дело тут не только в Берлинском конгрессе. Уже в 1877 г. на страницах «Отечественных записок» указывалось, что решение славянского вопроса начато несвоевременно: ни русское общество, ни южные славяне к освобождению Балкан от власти Турции не готовы. Анонимный автор статьи «Письма о войне» заявлял: «...была ли необходимость настоящая, неотложная поднимать вопрос об освобождении славян именно теперь, в данное время, во что бы разрешение этого вопроса ни обошлось русскому народу, каких бы оно жертв от него ни потребо-

вало? Мне представляется, что такой неотложной, настоятельной необходимости не существовало. Славянский вопрос мог легко быть отложен на десятка два или три лет, пока не устроился бы надлежащим и правильным образом сам русский народ. С устройством и возвышением благосостояния русского народа для него облегчилась бы задача освобождения своих братьев славян с материальной стороны, и со стороны моральной не представлялось бы столько препятствий к близкому с освобожденными единению, сколько неминуемо представится теперь, при более близких отношениях с ними, во всех сферах деятельности...» [16, с. 120]. Представляется, что это был кардинальный пересмотр мнения о необходимости войны, причем «задним числом».

Своеобразный дебют российской прессы в предвоенный период и в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был весьма удачен. В чем же причины такого явления? В результате Великих реформ институт самодержавия, армия, флот, министерский корпус стали более открыты для общества. Общественное мнение России могло если не изменять в корне внешнеполитическую ситуацию в стране, то по крайней мере оказывать на нее серьезное воздействие. И в первую очередь через средства массовой информации – прессу.

Список литературы

1. Болотова, Н. В. Московская печать в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. : дис. ... канд. филол. наук / Болотова Н. В. – М., 1999.
2. Константинов, Ф. Т. Дружба, испытанная временем / Ф. Т. Константинов, А. М. Коренков. – М. : Мысль, 1978. – 354 с.
3. Внутреннее обозрение // Отечественные записки. – 1876. – № 8.
4. Внутреннее обозрение // Отечественные записки. – 1877. – № 6.
5. Евгеньев-Максимов, В. Е. Очерки по истории социалистической журналистики в России / В. Е. Евгеньев-Максимов. – М. : Госиздат, 1927. – 274 с.
6. Вильчинский, В. П. Война за освобождение болгар и русская литература / В. П. Вильчинский // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Т. 2. – Л. : Наука, 1977. – 250 с.
7. Корнейчук, Т. Д. Разоблачение в журнале «Отечественные записки» реакционной сущности педагогики Г. Спенсера / Т. Д. Корнейчук // Советская педагогика. – 1950. – № 5.

8. Санина, К. «Отечественные записки» и распространение французской мысли в России / К. Санина. – Париж, 1955. – 289 с.
9. Ровнякова, Л. И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX века) / Л. И. Ровнякова. – Л. : Мысль, 1986. – 387 с.
10. Восстание в Боснии и Герцеговине // Отечественные записки. – 1875. – № 11.
11. Отечественные записки. – 1876. – № 2.
12. Недобитый народ // Отечественные записки. – 1876. – № 9.
13. Мордовцев, Д. Л. На всемирную свечу / Д. Л. Мордовцев // Отечественные записки. – 1876. – № 7.
14. Елисеев, Г. З. Воевать или не воевать? / Г. З. Елисеев // Отечественные записки. – 1876. – № 6.
15. Государственная роспись доходов и расходов на 1878 г. // Отечественные записки. – 1878. – № 9.
16. Письма о войне // Отечественные записки. – 1877. – № 9.

**“ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ”
IN FORMATION PUBLIC OPINION
ABOUT RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877-1878**

Kochukov Sergey Anatolyevich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Russian Civilization and Teaching Methodology of History,
Saratov State University
kochukovsgu1974@yandex.ru
Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. The peculiarities of Russian periodicals relation to the objectives, events and parties Russian-Turkish war of 1877-1878. Analyzes the views of commentators on the causes of the war with the Ottoman Empire, shows the impact on the literary works of critical public sentiment.

Key words: social movement, Balkan Peninsula, Russian literature, Slavic question, war, army.

УДК 94(470+571)«19»:647.258

ББК 63.3(2)521.2-68

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Вахрушева Ирина Владимировна

Студентка кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
ira18bogdashina@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена деятельности сестер милосердия в русско-турецких военных кампаниях второй половины XIX века. Содержатся данные о первом опыте организованного и массового применения женского труда в период Крымской войны (1853–1856 гг.) при оказании медицинской помощи раненым и больным, а также в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Сделан вывод о том, что отряды сестер милосердия оказали неоценимую помощь раненым солдатам во время военных действий, доказав тем самым, что женщины могут не просто присутствовать, но и участвовать в войне.

Ключевые слова: Крымская война, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., сестры милосердия, Н.И. Пирогов, Е.М. Бакунина, Ю.П. Вревская.

Либерализация общественной жизни во второй половине XIX в. позволила российским женщинам выйти за рамки привычных социальных ролей: матери, хозяйки, супруги – и примерить на себя роль революционерки, патронессы благотворительного общества. Однако для российского общества 50-х гг. XIX в. женщина, отправившаяся на войну для оказания в полевых условиях врачебной помощи, пока еще оставалось явлением, действительно, нестандартным.

50-е гг. XIX в. являлись сложным временем для России: страна переживала Крымскую войну. Поводом для войны стало столкновение интересов России и Турции в вопросе о святых местах в

Палестине, в частности передача ключей от одной из святынь христианства – Вифлеемского храма в Иерусалиме – католическому духовенству. После отказа султана вернуть ключи православным священникам Россия ввела войска в зависимые от Турции Дунайские княжества. Османская империя в октябре 1853 г. объявила войну России. В эпицентре всей кампании оказался Севастополь, сыгравший ключевую роль в Крымской войне 1853–1856 годов.

Взоры русского общества были обращены к осажденному городу, каждый, кому была небезразлична судьба страны, так или иначе старался помочь защитникам крепости. Среди добровольно изъявивших желание участвовать в военной кампании был и военно-полевой хирург Николай Иванович Пирогов, который добивался разрешения поехать в осажденный Севастополь. Роль в организации общины сестер сыграла и ее учредительница, великая княгиня Елена Павловна, сумевшая убедить Николая I в необходимости призвать женщин на помощь воинам.

Именно в Крымской войне под руководством хирурга Н.И. Пирогова сестры впервые стали оказывать помощь раненым во время военных действий: выхаживали больных, ассистировали на операциях, делали все возможное, вкладывая свой незаменимый женский труд. Тем не менее пребывание женщин на войне не укладывалось в привычные представления, говорилось о «слабости женского пола», об «утрате женственности» [4, с. 9].

Проект Устава Крестовоздвиженской общины сестер милосердия был написан Н.И. Пироговым. Николай Иванович был главным хирургом осажденного Севастополя, он руководил обучением и работой сестер, применил новый метод ухода за ранеными, считался основоположником военно-полевой хирургии, находясь, таким образом, в зените своей славы в начале Крымской войны. В Уставе сестер милосердия говорилось о том, что в сестры принимаются девушки всех сословий, не моложе 20 и не старше 40 лет, здоровые и умеющие писать и читать [8, с. 4]. Таким образом, важным требованием была образованность, еще более значимым аспектом являлась всесословность, стирающая

границы и объединяющая сестер, играя тем самым важную роль в организации работы.

В ноябре 1854 г. Н.И. Пирогов вместе с отрядом врачей и сестрами милосердия в количестве 35 человек во главе с А.П. Стахович, первой начальницей Крестовоздвиженской общины, прибыли в Севастополь. «Сестры пребывали в Крым в разное время отдельными партиями или отрядами. Святое служение сестер под знаменем креста началось 1 декабря 1854 г. в г. Симферополе: сюда прибыло в конце ноября 1-е Отделение, состоявшее из 28 сестер под управлением главной начальницы г-жи Стахович. Они с полным усердием и самоотвержением принялись за трудную обязанность служить ближнему» [3, с. 31].

22 ноября в Крым отправилась вторая группа сестер милосердия. Н.И. Пирогов пишет, что в январе 1855 г. они прибыли в Севастополь: «13 Января 1855 г. явились сестры в центре военных действий на Южной стороне Севастополя: сюда прибыл 2-ой отряд сестер под управлением старшей сестры Меркуровой, и они занялись исполнением самых трудных обязанностей, состоящих в дневных и ночных дежурствах на главном перевязочном пункте и в военно-временном госпитале, находившемся в Николаевской батарее и частных домах города» [3, с. 32]. Следом прибыло третье отделение во главе с сестрой Екатериной Михайловной Бакуниной. Являясь представительницей дворянского сословия, Е.М. Бакунина предпочла помогать раненым в тяжелых военных условиях, променяв уютный особняк и балы на фронтные госпитали. Н.И. Пирогов написал в воспоминаниях: «17 января прибыло в Севастополь и 3-е Отделение, состоявшее из 6 сестер под управлением сестры Бакуниной; они 6 дней занимались уходом за ранеными на Северной стороне Севастополя, а с 24 января переехали на Южную сторону и разделяли труды сестер 2-го Отделения» [3, с. 33]. Однако российская армия несла значительные потери, прибывающее сестринское пополнение катастрофически не успевало за возрастающим потоком раненых и в марте прибыло 4-е отделение. Говоря о работе сестер, Н.И. Пирогов пишет 6 декабря 1854 г.: «Они день и ночь попеременно бывают в госпиталях, помогают при перевязке, бывают и при операциях, разда-

ют больным чай и вино и наблюдают за служителями и за смотрителями и даже за врачами» [3, с. 81].

Среди сестер милосердия Н.И. Пирогов особо отмечал Е.М. Бакунину: «Старшая сестра 2-го и 3-го отделений Екатерина Михайловна Бакунина отличалась своим усердием. Ежедневно днем и ночью можно было ее застать в операционной комнате, ассистирующую при операциях» [3, с. 36]. Е.М. Бакунина с необыкновенной охотой хотела помогать раненым, чувствуя их ответную любовь: «Как я была рада, когда могла опять через день дежурить по целым суткам, солдаты нас очень любят и рады, когда мы к ним приходим» [1, с. 150].

С самого начала в отделениях существовала определенная специализация. Так, сестры первого отделения по распоряжению Пирогова были разделены на перевязывающих, заведующих аптекарским пунктом и хозяйек. Деятельность каждой группы регламентировалась специально разработанной инструкцией. По воспоминаниям Н.И. Пирогова известно: «польза такого распределения обязанностей сестер подтвердилась с тех пор на опыте. Перевязывающие доставляют существенную пользу врачам, сокращая своим вспомоществованием время перевязок и помогая фельдшерам в изготовлении перевязочных средств. На руках аптекаршей находятся все необходимые лекарства, приготовление которых не терпит отлагательства. Они обязаны надзирать за тем, чтобы лекарства были раздаваемы аккуратно больным. Хозяйки надзирают за чистотой белья, за действиями служителей и вообще за содержанием больных. Все эти сестры отвечают врачам за тщательное исполнение их предписаний» [3, с. 32–33].

Сестрам приходилось работать в очень тяжелых условиях, по словам Н.И. Пирогова, от 150 до 200 ампутаций и других тяжелых операций исполнялось каждый день врачами, имея ассистентами только одних сестер. Несмотря на это, сестры беспрекословно и самоотверженно исполняли свои обязанности. Всего в российской армии в период Крымской войны находилось более 200 человек женского персонала. Н.И. Пирогов отмечал важность того, что именно женщины не только присутствуют, но и участвуют в войне: «Присутствие женщины, опрятно одетой и с участи-

ем помогающей, оживляет плачевную юдоль страданий и бедствий» [3, с. 81].

Община сестер являлась первой, наскоро собранной во время войны. Она была образована из лиц, не получивших никакой серьезной подготовки к возложенному на них тяжкому труду, однако все сестры были на высоте своего долга и оказали неоценимые услуги. Пирогов впоследствии всегда говорил об этом опыте как наилучшем примере, которым могли вдохновиться организаторы новых обществ помощи раненым [6, с. 85].

Деятельность сестер Крестовоздвиженской общины – это первый опыт работы женского персонала по оказанию помощи раненым во время военных действий. Знания сестер периода Крымской войны были переданы следующим поколениям, а их подвиг остался величайшим примером женской отваги, доброты и сострадания.

Следующей войной, на которой понадобился труд сестер, была Русско-турецкая война 1877–1878 годов. Это была не только крупнейшая война второй половины XIX в., но и первая победоносная кампания для России после поражения в Крымской войне. Именно в годы Русско-турецкой войны увеличился всплеск благотворительности, проявившийся в поддержке воинов сестрами милосердия.

12 апреля 1877 г. император Александр II подписал манифест о войне с Османской империей. Главное отличие новой войны состояло в том, что она была гораздо более динамичной и подвижной, нежели война Крымская, и длилась около семи месяцев, то есть примерно столько же, сколько одна осада Севастополя. Русские войска не стояли на месте: они преодолели довольно длинный путь от Румынии через Болгарию в сторону Стамбула, это придавало совсем иную специфику уходу сестер за ранеными, поскольку им постоянно приходилось двигаться вслед за русскими войсками, а на театре войны не создавались длительно действующие перевязочные пункты и госпитали [5, с. 58]. Обучать женщин-добровольцев начали в Петербурге, основой послужила Врачебная община, объединившая медиков, которые давали уроки для всех желающих, первый проходил с февраля по май 1877 года. Позднее, при поддер-

жке Дамских комитетов, курсы начали возникать в провинциальных городах, но уровень квалификации был невысок.

Одной из первых общин, отправившихся на театр военных действий, была Московская община сестер милосердия «Утоление печали», Устав которой строился на основе Устава Крестовоздвиженской общины [8, с. 21]. Во главе общины встала княгиня Н.Б. Шаховская, она отправилась вместе с 36 сестрами на театр военных действий. Ей и сестрам приходилось работать на перевязочных пунктах. Целыми часами иногда простаивали сестры на коленях, перевязывая раненых, в госпитали ежедневно свозили по 500–600 солдат. По воспоминаниям участниц, на отдых оставалось не более трех часов в сутки [4, с. 64]. В то же время в Черногорию был отправлен еще один отряд под руководством Е.П. Карцевой. С 1877 г. в Румынии находился отряд Свято-Троицкой общины сестер милосердия во главе с Е.А. Кублицкой. Возглавив общину, она также руководила деятельностью сестер других групп. В числе этих сестер находилась баронесса Ю.П. Вревская – светская дама, друг И.С. Тургенева, на собственные средства она организовала санитарный отряд для оказания помощи раненым. Юлия Петровна отмечала в эти дни: «Тут слишком много дела, что можно было бы решиться оставить, все меня тут привязывает, интересуется. Труд здешний мне по сердцу... Я весь день в больнице... в приемном покое бывает от 30 до 75 больных...» [2, с. 191]. Данное высказывание подтверждает добросовестный труд сестры во имя общего блага. 24 января 1878 г. Ю.П. Вревской не стало: она заразилась тифом, ухаживая за больными солдатами. И.С. Тургенев потом напишет: «На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, в разоренной болгарской деревушке – умирала она от тифа. Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья» [7, с. 146]. Юлия Петровна являлась одной из самоотверженных сестер, полностью посвятивших себя сестринскому делу, отбросив свое «высшее» положение во имя сострадания и помощи.

К концу 1877 г. поток мелких отрядов общинных сестер и женщин-добровольцев был приостановлен, так как начальство

сочло достаточным их наличное число в военных госпиталях. Однако в начале 1878 г. в армии разразилась эпидемия сыпного тифа и значительная часть медицинского персонала им переболела, так что с февраля на театре военных действий был организован второй поток вновь подготовленных сестер. В этой военной кампании по примерным подсчетам в качестве медицинского и санитарного персонала участвовало около 1 300 женщин. Из них более сорока скончалось, и практически все перенесли ту или иную форму тифа или лихорадки [5, с. 63].

Таким образом, деятельность сестер милосердия при оказании помощи раненым в важнейших для России войнах второй половины XIX в. продемонстрировала способность женщины быть полезной обществу. Героическая деятельность женщин, работавших в действующих армиях и выносивших трудности не меньше, чем солдаты, заслуживает похвалы и уважения.

Список литературы

1. Бакунина, Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854–1860) / Е. М. Бакунина // Вестник Европы. – 1898. – № 3. – 452 с.
2. Назарова, Л. И. С. Тургенев и Ю. П. Вревская / Л. Назарова // Русская литература. – 1958. – № 3.
3. Малис, Ю. Г. Севастопольские письма Н. И. Пирогова. 1854–1855 / Ю. Г. Малис. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1907. – 230 с.
4. Махаев, С. К. Подвижницы милосердия : Русские сестры милосердия : (Краткие биографические очерки) / С. К. Махаев. – М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1914. – 144 с.
5. Пастернак, А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия / А. В. Пастернак. – М. : Литература, 2001. – 164 с.
6. Российское общество Красного Креста: исторический обзор деятельности. – СПб. : Лештук. паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1902. – 142 с.
7. Тургенев, И. С. Памяти Ю. П. Вревской / И. С. Тургенев // Соч. Т. 10. – М. : Наука, 1982.
8. Уставы и правила общин сестер милосердия. – СПб. : Тип. А. Траншеля, 1879. – 217 с.

**SISTERS OF CHARITY
IN THE RUSSIAN-TURKISH MILITARY COMPANIES
OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Vakhrusheva Irina Vladimirovna

Student, Department of History Russia,
Volgograd State University
ira18bogdashina@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the activity of the Sisters of Charity in the Russian-Turkish military campaigns of the second half of the XIX century. The facts about the first experience of organizational and massive application of woman's work during the Crimean war (1853-1856) by the delivery of health care to the wounded and sick also during the Russo-Turkish War 1877-1878 are covered. The conclusion was drawn, that the groups of the Sisters of Charity provided an invaluable assistance to the wounded soldiers during the war thus proving that women can not just be present but also participate in the war.

Key words: the Crimean war, the Russian-Turkish war 1877-1878, sisters of Charity, N.I. Pirogov, E.M. Bakunina, J.P. Vrevsky.

УДК 94(470+571)«1877/1878»:347.781.52

ББК 63.3(2)522-68

У ИСТОКОВ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: ГАЗЕТА «ГОЛОС» И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ

Луночкин Андрей Валентинович

Кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории России
Волгоградского государственного университета
avlunochkin@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается состав военных корреспондентов крупнейшей российской газеты «Голос» на театре военных действий во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Освещается также цензурное положение русской прессы во время войны, дана сводная таблица тиража основных газет России.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., газета «Голос», военные корреспонденты, цензура.

Начавшаяся в апреле 1877 г. война России против Турции стала первым крупным конфликтом, относительно широко освещавшимся на страницах прессы. Развитие телеграфного и железнодорожного сообщения позволило оперативно знакомить общество с ходом военных действий. Возник новый тип журналиста – военный корреспондент, находящийся вблизи от мест сражений. Одним из первых изданий, преуспевших в военной журналистике, стала ежедневная петербургская либеральная газета «Голос».

Понятие «специальный заграничный корреспондент» появилось в русской печати к тому времени совсем недавно – во время кризиса на Балканах 1875–1876 годов. До той поры сведения о зарубежной жизни поставлялись, как правило, посторонними людьми, по своей воле посылавшими сообщения в ре-

дакцию. Редакции «Голоса» удалось найти корреспондентов в местах, близких к событиям. Информация шла в газету из Рагузы, Констанцы, Цетинье, Сутторино, Белграда, Константинополя. В числе авторов находились и участники славянского освободительного движения – герцеговинец Г.С. Веселитский-Божидарович и болгарин Л. Каравелов [8, с. 78–79]. Черпая информацию из первых рук, «Голос» уже в самом начале Балканского кризиса смог превзойти своих конкурентов. Его корреспонденции были больше, чем в других изданиях, и по объему, и по географии [2, с. 87–88].

Всплеск интереса публики к балканским событиям заставил редакции крупнейших столичных газет направить на места своих собственных сотрудников. Все они проживали в столицах балканских государств, откуда и посылали свои депеши. Так, одним из самых ценных авторов «Голоса» стала едва ли не самая первая в России женщина-корреспондент Анастасия Каирова. Она начала свою деятельность в качестве белградского корреспондента «Нового времени», но вскоре издатель «Голоса» А.А. Краевский смог переманить ее к себе. В ноябре 1876 г. А.В. Каирова работала в Константинополе, после начала войны переехала в Афины, а с июля 1877 г. в Вену, где и оставалась до конца Русско-турецкой войны. В 1878 г. она в качестве корреспондента «Голоса» присутствовала на Берлинском конгрессе, подводившем итоги войны.

Начало войны заставило редакцию расширить круг авторов. Их можно разделить на две категории: лица, сотрудничавшие с «Голосом» в свободное от основных обязанностей время, и профессиональные журналисты, специально посланные редакцией на театр военных действий. Как утверждал редактор «Голоса» В.А. Бильбасов в письме А.В. Каировой от 1 июня 1877 г., редакция в это время имела двух специальных агентов в Малой Азии и трех в Румынии [5, л. 4 об]. Одним из кавказских корреспондентов был известный либеральный журналист Г.К. Градовский, вторым – заведующий тифлисским отделением «Голоса» А.С. Френкель [6, л. 1]. Корреспонденты в Румынии – это редактор «Одесского вестни-

ка» П.П. Сокальский и журналист Д. Рудин. Они не скрывали авторства и подписывались своими фамилиями. Третий корреспондент подписывался псевдонимом А-нь. Вероятно, это был уполномоченный Славянского комитета и Красного креста в Румынии П.В. Алабин, сотрудничавший с «Голосом» и ранее. Помещали свои материалы в газете и иностранные журналисты – корреспонденты английских и американских газет Ф. Стэнли и Дж. Мак-Гахан.

Необходимо отметить, что цензурное положение русской периодики во время войны стало заметно сложнее, чем в мирное время. В дополнение к существовавшей цензуре – Главного управления по делам печати и Министерства императорского двора – все сообщения с театра военных действий должны были проходить через военную или морскую цензуру. Несогласованность взглядов нескольких цензоров на свои обязанности порождала постоянные затруднения и недоразумения. Так, Главное управление по делам печати в январе 1878 г. запросило морскую цензуру о причинах опубликования без ее разрешения корреспонденции «Голоса» из Севастополя от 4 января о торжественной встрече жителями города парохода «Россия», захватившего неприятельское судно. Цензирующий газету контр-адмирал Стеценко ответил, что не счел эту заметку подлежащей его рассмотрению, поскольку в ней ничего не говорилось о боевых действиях [4, л. 388–391]. Весьма тяжким для газет было требование обязательного разрешения Министерства императорского двора на любое упоминание лиц царской фамилии. Представители династии были слишком заметными фигурами в армии, в той или иной степени без них не обходилось ни одно крупное событие, и получать каждый раз отдельное разрешение было довольно затруднительно.

Правда, военная цензура была более благосклонна именно к «Голосу» вследствие высоких связей его редакции. Обязанности военного цензора исполнял профессор Академии Генерального штаба генерал-майор А.И. Беренс, в начале 1870-х гг. входивший в число постоянных авторов «Голоса» [3, с. 3]. Ни для кого в Военном министерстве не было секретом и давнее рас-

положение министра Д.А. Милютина к А.А. Краевскому. Однако часто общая цензура вторгалась не в свои функции и карала редакцию за материалы, пропущенные военным цензором. Так, за корреспонденцию из Горнего Студеня в номере от 14 августа 1877 г., «осуждающую в крайне резких выражениях распоряжок войск при Плевненском деле и действия генерала Криденера», а также за содержавшееся в материала другого номера описание столовой палатки императора «с подробным перечнем того, что подается в ней на завтрак», газете было объявлено официальное предостережение. Между тем ни военная цензура, ни Министерство императорского двора не имели к этим публикациям никаких претензий [7, л. 339–442]. Буквально через несколько дней наказание было повторено. Причиной новому предостережению стала заметка в номере за 26 августа «Лагерь при Биюкмастуфляр», где автор указывал на «незаслуженность дарованных за это сражение наград и неправильность в их распределении» [7, л. 350 об.]. Над газетой нависла реальная угроза приостановки издания, что полагалось в случае получения третьего предостережения. Редакция была вынуждена тщательно следить за своими публикациями. Лишь 17 декабря по случаю падения Плевны Александр II распорядился снять с органов печати все имеющиеся у них предостережения.

Кроме специальных корреспондентов с «Голосом» сотрудничали и военные, находившиеся в действующей армии. Правда, по таким корреспондентам сильно ударило повеление царя от 21 октября 1877 г. об обязательности полной подписи автора в сообщениях с театра военных действий. Опасаясь преследований начальства, многие офицеры прекратили сотрудничество с прессой. К этому времени, как признавался редактор «Голоса», только из Болгарии в газету регулярно писали три бригадных генерала [5, л. 13]. Действительно, авторам из числа военных было нелегко. Высшие военные чины отрицательно относились к участию своих подчиненных в прессе и воспринимали даже малейшее замечание как личное оскорбление. В архиве редакции хранится письмо командира 14-го корпуса генерала А.Э. Циммермана в Главное управление по делам печати. В нем генерал

клялся, что не участвовал в корреспонденциях «Голоса» и просил «обуздать» журналистов [4, л. 1].

Неприятно относился к газетчикам и главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич. В октябре 1877 г. по его распоряжению из Болгарии были высланы все корреспонденты «Голоса». Чтобы не остаться совсем без журналистов на самом важном театре военных действий, редакции пришлось срочно перебросить на Дунай из Малой Азии своего лучшего автора Григория Градовского. Тот смог снискать расположение другого августейшего военачальника – великого князя Михаила Николаевича, командовавшего войсками на Кавказском направлении. Как вспоминал впоследствии сам Градовский, ему было разрешено находиться при Дунайской армии исключительно благодаря заступничеству Михаила Николаевича [1, с. 36].

Корреспондентская деятельность оживилась только после падения Плевны и успешного продвижения русских войск через Балканы. Под впечатлением побед русского оружия военное начальство смягчило свое отношение к сотрудничеству подчиненных в прессе. В январе – марте 1878 г., по данным архива редакции, сообщения из армии посылали в «Голос» 14 человек. Среди них были военные: подпоручик лейб-гвардии Павловского полка Н.Д. Бутовский, поручик кавалерии Ржевуский, медики Ф.Б. Гейденрейх и П.А. Илинский, инженер Н.А. Демчинский, грузинские журналисты Н.Я. Николадзе и П. Цертели.

Военная тематика занимала ведущее место на страницах «Голоса» – в разделах новостей, хроники, корреспонденции с мест. В целом редакция смогла дать своим читателям более полное представление о событиях на фронтах Русско-турецкой войны и в ее ближнем тылу, нежели другие российские издания. Это отчетливо видно, если сравнить тиражи «Голоса» и его ближайших конкурентов в военные годы (см. таблицу).

Таблица показывает, что на протяжении всего Балканского кризиса «Голос» стабильно пользовался высоким читательским спросом и опережал конкурентов в популярности. Лишь однажды, в 1877 г., когда «Голос» получил два предостережения и находил-

ся под угрозой приостановки, пальму первенства перехватило «Новое время» А.С. Суворина.

Тиражи газет в 1875–1878 гг., экз.

Газета	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.
«Биржевые ведомости»	5 000	6 000	6 000–4 500	3 500–3 000
«Голос»	17 300	17 000–17 500	15 000–22 000	24 000
«Московские ведомости»	10 000	12 000	22 000	16 000–20 000
«Новое время»	3 500	5 000–15 000	13 000–25 000	23 000–18 000
«Русские ведомости»	12 000	15 000	18 000	14 000–19 000
«Русский мир»	3 000	6 800–11 000	11 000–9 000	6 000–4 600
«Санкт-Петербургские ведомости»	7 700–7 900	6 400–7 000	6 500–5 900	5 000–8 000

Примечание. Таблица составлена по данным ежегодных отчетов Главного управления по делам печати (РГИА. Ф. 776. Оп. 11, 20).

Список литературы

1. Градовский, Г. К. Итоги (1862–1907) / Г. К. Градовский. – Киев : Тип. товарищества Н.А. Кушнерев и К, 1908. – 498 с.
2. Дрейзис, Л. Г. Газета «Голос» как источник изучения Боснийско-Герцеговинского восстания 1875–1877 гг. Ч. 1 / Л. Г. Дрейзис // Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературы и языкознания / под ред. Г. Н. Вульфсон. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981.
3. Михневич, В. О. Пятнадцатилетие газеты «Голос»: 1863–1878 / В. О. Михневич. – СПб. : Изд-во ред. газ. А.А. Краевского, 1878. – 276 с.
4. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (далее – РНБ РО). – Ф. 73. – Ед. хр. 5 (неопубл.).
5. РНБ РО. – Ф. 327. – Ед. хр. 4. (неопубл.).
6. РНБ РО. – Ф. 73. – Ед. хр. 598 (неопубл.).
7. Российский государственный исторический архив. – Ф. 776. – Оп. 3. – Д. 100 (неопубл.).
8. Улунян, А. А. Жизнь и деятельность Любена Каравелова в освещении русской периодической печати 1877–1878 гг. / А. А. Улунян // Балканские исследования. – М., 1987. – Вып. 10.

**AT THE ORIGINS OF MILITARY JOURNALISM:
NEWSPAPER “GOLOS” AND THE RUSSO-TURKISH WAR
OF 1877-1878**

Lunochkin Andrey Valentinovich

Candidate of Sciences (History), Docent
Head of the Department of Russian History,
Volgograd State University
avlunochkin@mail.ru
Prosp. Universitrtsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article discusses the composition of the military correspondents of the largest Russian newspaper “Golos” in the theater of military operations during the Russian-Turkish war of 1877-1878, also Highlights the situation in the Russian censorship of the press during the war, is given a summary table of the circulation of the major Newspapers of Russia.

Key words: Russo-Turkish war of 1877-1878, the newspaper “Golos”, military correspondents, censorship.

УДК 94(470+571):355.15

ББК 63.3(2)53-35

ЗНАМЕНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Гребенкин Алексей Николаевич

Кандидат исторических наук, соискатель ученой степени
доктора исторических наук кафедры истории России
Орловского государственного университета
angrebyonkin@mail.ru
ул. Комсомольская, 95, 302026 г. Орел, Российская Федерация

Аннотация. В статье дана характеристика знаменам кадетских корпусов Российской империи, показано их место в социокультурном пространстве заведений. Автор приходит к выводу, что знамена были важным средством военного воспитания будущих офицеров. Во второй половине XIX в., после военно-учебной реформы Александра II, знамена временно утратили свою роль. В начале XX в. по инициативе великого князя Константина Константиновича им было возвращено прежнее значение. Дарование корпусам права выносить знамена в торжественные дни существенно повлияло на уровень психологической готовности кадет к военной службе.

Ключевые слова: знамя, кадетский корпус, традиция, воспитание, Российская империя.

Начало традиции пожалования знамен российским военно-учебным заведениям совпадает с началом истории кадетских корпусов. 17 февраля 1732 г. был открыт Кадетский корпус (впоследствии названный Императорским сухопутным шляхетным), а уже в конце лета того же года ему было пожаловано знамя – «белое атласное с черным посредине двуглавым орлом» [12, с. 358]. Поскольку корпус состоял из трех рот, а по тогдашнему положению каждая рота должна была иметь собственное знамя, вскоре заведение получило еще два знамени (желтых), а конной роте был пожалован штандарт. Знамена представляли со-

бой атласные полотнища, в центре которых находилось изображение черного двуглавого орла, а по углам – пунцовые фламы с вензелями императрицы. Штандарт был серебряный глазетовый [5, с. 32].

Тогда же начал складываться и церемониал вручения знамени заведению. Кадеты были выстроены на Адмиралтейском лугу. Анна Иоанновна приняла деятельное участие в церемонии: она произнесла приветственное слово, адресованное кадетам, затем собственноручно прикрепила знамя к древку, вбив первый гвоздь. Второй гвоздь был вбит Анной Леопольдовной, третий – фельдмаршалом Минихом. Затем Миних возвратил знамя императрице, а она вручила его лучшему воспитаннику корпуса П.И. Репнину. После строевого смотра («экзерциций»), продолжавшегося около часа, кадеты возвратились в корпус, а знамя было отнесено на квартиру директора.

При Елизавете Петровне новых знамен корпусу не было пожаловано; на старых были заменены вензеля. Зато в царствование Екатерины II Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус получил целых пять новых знамен.

Артиллерийскому и инженерному шляхетному кадетскому корпусу, созданному в 1762 г., было пожаловано три знамени лишь в 1785 г., когда кадеты, разделенные на три роты, готовились к выступлению в лагерь. «Знамена были гродетуровые, одно белое и два голубых, обшитые с трех сторон золотой бахромой, а вдоль древка золотой тесьмой. Посредине знамени было изображение государственного герба. На древках копия были чеканенные, позолоченные, с вензелем императрицы, и к ним привязаны на золотых шнурах золотые же кисти» [13, л. 98]. Чехлы на знаменах были алые суконные, с черной, сверху и внизу, плисовой опушкой, обшитой золотым с городками позументом [11, с. 143]. В 1796 г., после разделения корпуса на четыре роты, прежние знамена были заменены четырьмя такими же новыми (одним белым и тремя голубыми).

Павел I приказал сдать знамена Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в арсенал Мраморного дворца; они были заменены новыми: «...на розовых полотнищах – желтый крест, в

середине – белый круг в зеленом венке, на белом круге двуглавый орел, во всех углах – гербы Корпуса» [5, с. 32].

В 1806 г. по повелению цесаревича Константина Павловича знамена Второго кадетского корпуса (бывшего Артиллерийского и инженерного) были переданы на хранение в арсенал Мраморного дворца, а взамен их в корпус были переданы два из четырех знамен Первого кадетского корпуса (бывшего Сухопутного).

В 1816 г. вследствие высочайшего повеления 1814 г. иметь в батальонах по одному знамени в Первом и Втором корпусах было оставлено по одному знамени; вторые знамена отправились в арсенал Мраморного дворца.

Великий князь Михаил Павлович в 1832 г. приказал вернуть некоторые из старых знамен в кадетские корпуса, чтобы они хранились в церквах как святыни.

В том же году Первому кадетскому корпусу в честь 100-летнего юбилея было пожаловано новое знамя, полотнище которого «...имело красный крест на белом поле, в середине – оранжевый круг в золотом венке, вверху – императорская корона, в середине круга – двуглавый орел с распростертыми крыльями, на груди орла – щит с изображением Святого Георгия Победоносца, под орлом – Андреевская лента с надписью “17 февраля 1732 – 17 февраля 1832 гг.”, в белых углах полотнища: в двух – вензеля Николая I, а в двух – гербы корпуса» [5, с. 33]. Церемония его прибавки к древку состоялась в Зимнем дворце в присутствии Николая I, наследника цесаревича Александра Николаевича и великого князя Михаила Павловича.

В первой половине XIX в. по мере расширения сети военно-учебных заведений жаловались знамена вновь открываемым корпусам. Первый Московский кадетский корпус, открытый в 1824 г., получил знамя в августе 1827 года. Новгородскому графа Аракчеева кадетскому корпусу, который был открыт в 1834 г., знамя было пожаловано 9 декабря 1837 г., после того как заведение посетил император Николай I и, «оставшись доволен всем виденным, после смотра и ученья в манеже изволил тут же объявить о пожаловании корпусу его воинской святыни...» [3, с. 3].

В 1832 г. были установлены цвета знаменных древков («1 кадетского корпуса и Дворянского полка – желтый, 2 кадетского – белый, Павловского кадетского – черный и Московского кадетского – коричневый» [16]). Через 10 лет в соответствии с разделением всех военно-учебных заведений на три округа окраска древков была изменена [17].

В 1838 г. последовало распоряжение относительно закрепления на знаменных древках медных позолоченных скоб, на них должны были быть изображены вензель императора, при котором заведение было основано, год основания, первоначальное наименование и дата пожалования скобы. Все последующие изменения в наименовании заведения и ключевые даты его истории должны были заноситься на эту скобу [5, с. 37]. Таким образом, скоба, закрепленная на знаменном древке, становилась летописью истории корпуса. При первоначальном устройстве скоб надписи, сделанные на них, закрепляли старшинство заведений. Так, на скобе, прикрепленной к древку знамени Первого Московского кадетского корпуса, было написано: «1778 года Шкловское благородное училище» и «1838 г. 1 Московского кадетского корпуса» [21, с. 20]. Тем самым закреплялась преемственная связь Московского корпуса со Шкловским училищем – частным благотворительным учебным заведением, основанным в 1778 г. генералом С.Г. Зоричем. Эту же цель преследовали и Андреевские ленты, жалуемые императором и прикрепляемые к знаменам. Например, на ленте, пожалованной 25 июня 1838 г. Николаем I Второму кадетскому корпусу, было написано: «1712 года Московская инженерная школа – 2 Кадетский корпус» [8, л. 2 об.].

В 1844 г. было постановлено правилом, чтобы губернским корпусам жаловалось знамя лишь после того, как в них будет сформирована и вооружена третья рота [22].

Вскоре был изменен рисунок на знаменах кадетских корпусов и Дворянского полка: «...иметь на знаменах всех кадетских корпусов большой крест красный, коего углы должны быть: В первом кадетском корпусе исключительно белые (как теперь). Во втором кадетском белые с желтым пополам. В Пав-

ловском светло-синие с желтым пополам. В Дворянском полку темно-синие с желтым пополам. В первом Московском желтые с черным пополам. Во втором Московском белые с черным пополам. В Орловском светло-синие с черным пополам. В Воронежском светло-зеленые, с черным пополам. В Казанском темно-синие с черным пополам. В Полоцком желтые с темно-зеленым пополам. В Полтавском белые с темно-зеленым пополам. В Тульчинском светло-зеленые с темно-зеленым пополам» [18]. Постепенно знамена прежнего образца заменялись новыми; старые знамена передавались на хранение в корпусные церкви.

11 января 1847 г., когда была сформирована и вооружена третья рота, знамя было пожаловано Орловскому-Бахтина кадетскому корпусу. В присланной в корпус Высочайшей грамоте было сказано: «В изъявление Монаршего Нашего благоволения, Всемилостивейшее жалуя Орловскому-Бахтина кадетскому корпусу препровождаемое у сего знамя, повелеваем освятить оное сообразно с воинским уставом и, по прочтении пред всем корпусом сей нашей грамоты, употребить знамя на службу. Мы уверены, что сей новый знак монаршего внимания нашего к молодым дворянам, посвятившим себя воинскому поприщу, усугубит в каждом из них пламенную ревность соделаться верными слугами престола нашего и Отечества».

Церемония прибития знамени к древку была осуществлена 28 мая того же года на квартире директора, куда были приглашены штаб- и обер-офицеры корпуса и некоторые из воспитанников от каждой из трех рот. На следующий день совершено молебствие и торжественное освящение знамени перед батальоном кадет, выстроенным на корпусном плацу, в присутствии всех чинов корпуса в полной парадной форме. Знаменщиком был избран унтер-офицер старшей роты Шумовский Владимир [8, с. 15]. Знамя хранилось в корпусной церкви, расположенной на втором этаже главного здания недалеко от актового зала. Интересная деталь: один из его краев был оборван, ибо по традиции лучшие ученики имели право взять на память кусочек знамени родного корпуса.

В 1862 г. Второй кадетский корпус праздновал столетнюю годовщину открытия своего предшественника – Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса. По этому поводу заведению было пожаловано новое знамя. На церемонии его вручения присутствовал сам император [2, с. 40].

В Морском кадетском корпусе, кроме юбилейного знамени, пожалованного в 1852 г. в связи с празднованием 100-летия создания Морского шляхетного кадетского корпуса («...знамя белое, с синим крестом; в середине двуглавый орел в оранжевом овале, окруженном золотым венком; в клювах и лапах орел держит карты четырех морей: Балтийского, Черного, Каспийского и Белого. Внизу овала, на голубой ленте, года: 1752–1852. По углам креста – вензелевые золотые изображения инициала имени государя императора Николая Павловича и золотые атрибуты корпусного герба...» [20, с. 13]), имелся ряд флагов, ранее принадлежавших российским и иностранным кораблям. Эти флаги должны были напоминать воспитанникам о доблести российских моряков. В 1827 г. Николай I повелел передать на хранение в Морской корпус кормовой флаг потопленного в Наваринском сражении турецкого фрегата, объявив при этом в рескрипте: «...вид сего флага, напоминая подвиг седьмого линейного экипажа, да возбудит в младых питомцах сего заведения, посвятивших себя морской службе, желание подражать храбрым деяниям на том же поприще совершенным и ожидаемым от сих юных сынов любезного отечества нашего, при будущем их служении» [20, с. 15]. О героях Крымской войны кадетам напоминали гюйс захваченного египетского теплохода «Перваз-Бюхри», флаг севшего на мель у Одессы английского парохода «Тигр» и кормовой флаг корабля «Императрица Мария», которым был покрыт гроб адмирала П.С. Нахимова. В 1877 г. в Морской корпус был передан флаг взорванного турецкого монитора «Хизви-Рахман».

В ходе военно-учебной реформы Александра II кадетские корпуса были расформированы. Военные гимназии, созданные на базе их общих классов, не имели строевой организации (вместо рот в них были возрасты), поэтому знамена были отнесены на

хранение в церкви заведений [23]. Знамя Александровского кадетского корпуса было передано Александровскому военному училищу, а Первого кадетского корпуса – Павловскому военному училищу [10]. Впоследствии герб Первого кадетского корпуса был изображен в левом верхнем и правом нижнем углах полотна знамени училища [19, с. 2].

В 1882 г. военные гимназии были переименованы в кадетские корпуса, деление на роты было восстановлено. В 1887 г. знамя Первого кадетского корпуса и исторические знамена, пожалованные Сухопутному кадетскому корпусу и Первому кадетскому корпусу, были переданы из Павловского военного училища Первому кадетскому корпусу вместе с другими реликвиями [15, л. 165 об.]. Однако знамена по-прежнему продолжали храниться в церквях, а вновь открываемым корпусам знамена не жаловались.

В 1900 г. пост Главного начальника военно-учебных заведений занял великий князь Константин Константинович. Он обратил пристальное внимание на моральную подготовку кадет к военной службе и пришел к выводу, что корпусное знамя – это важное средство военного воспитания, которым нельзя пренебрегать. С великим князем были солидарны почти все директора кадетских корпусов. По мнению директора 2-го Московского кадетского корпуса полковника Дубасова, возвращение корпусу знамен «...придало бы всей внутренней жизни... более воинский дух, облегчило бы развитие в кадетах дисциплины, товарищества, серьезного отношения к строю и понимания его внутреннего смысла» [14, л. 7]. Директор Михайловского-Воронежского кадетского корпуса генерал-майор Н.А. Репин – старый николаевский кадет – отмечал, что дарование корпусам права выносить знамена в строй «...будет иметь благотворное нравственное воздействие на кадет и значительно в них разовьет сознание важности военной службы и почетного ее значения, гордость молодежи, что она носит военный мундир, а с другой стороны еще более сплотит воспитанников с начальством и между собой, а само заведение – с войсками» [14, л. 9 об.]. Впрочем, некоторые руководители (директор Орловс-

кого-Бахтина кадетского корпуса генерал-майор Н.Н. Светлицкий, директор Владимирского-Киевского кадетского корпуса полковник М.Г. Попруженко) считали возвращение знамен нецелесообразным. По их мнению, кадеты еще не доросли до осознания значения знамени и могли относиться к нему, как к игрушке. Пометы Константина Константиновича на полях докладов Светлицкого и Попруженко («Вздор», «Совершенно не согласен») свидетельствуют о том, насколько далек он был от подобной точки зрения.

В 1901 г. знамена, находившиеся в забвении в течение почти 40 лет, были возвращены из небытия и вновь заняли свое место в жизни кадетов. Кадетские корпуса со своими знаменами снова стали выходить на смотры, парады и учения; кроме того, знамя выносилось в строй в дни храмовых и корпусных праздников, при прощании с ним выпускников и в иных торжественных случаях. Полотнища знамен старых кадетских корпусов, пожалованные еще в николаевские времена, к началу XX в. совсем обветшали или были утрачены. От знамени Первого кадетского корпуса сохранились лишь клочки материи под гвоздями (кадеты последнего выпуска с разрешения начальства разрезали полотнище, и каждый взял себе лоскуток на память), поэтому директор ходатайствовал о пожаловании заведению нового знамени. Однако Константин Константинович не удовлетворил эту просьбу; напротив того места в докладе, где говорилось о том, что знамя представляет собой изношенное древко с двумя ветхими лентами, великий князь сделал помету: «Тем лучше». Он понимал, что знамя – это не украшение, а реликвия. Понимали это и будущие офицеры. В 70-е гг. под знаменем Первого корпуса, уже лишившимся полотнища, ходили «павлоны». Вид знамени, которое пробуждало «благородные чувства многих и многих выпусков бывших кадет, а потом боевых начальников и даже фельдмаршалов», производил на юнкеров неизгладимое впечатление. В.С. Кривенко так описывал эффект ощущения магического прикосновения к славной истории Первого корпуса: «Под этим знаменем юношей ходил сам Царь! Точно электрический ток пробежал по батальону и наша колонна вдруг

выросла, возмужала и из забавного войска обратилась в истинную воинскую часть...» [9, с. 38–39].

Кадетские корпуса, не имевшие знамен, получили их в течение нескольких последующих лет. Так, в 1903 г. было даровано знамя Николаевскому кадетскому корпусу. Церемония его освящения состоялась в 1906 г. в Петергофе [6, с. 128]. В 1903 г. было пожаловано знамя Омскому кадетскому корпусу (освящено оно было в 1907 г.) [6, с. 146]. В день 100-летнего юбилея Омского корпуса (1 мая 1913 г.) ему было изъявлено Высочайшее благоволение, присвоено наименование Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса и пожаловано новое знамя с Андреевскими лентами. В 1906 г. знамя получил Санкт-Петербургский Александра II кадетский корпус [6, с. 131].

Значение возвращения корпусных знамен трудно переоценить. К ним стали относиться «не как отжившим регалиям, а как воинской святыне, и ныне не утратившей своей силы» [14, л. 4]. Возвращение знамен, наряду с участием в военных церемониях, внесением лучших учеников на мраморные доски в корпусах и привлечением лучших кадет 7-го класса к надзору за младшеклассниками, ознаменовало возрождение «некоторых хороших порядков старых кадетских корпусов» [4, л. 18]. Хотя при обсуждении вопроса о возвращении кадетским корпусам знамен высказывались опасения относительно того, чтобы верить «...такую чисто воинскую регалию, как знамя... части недисциплинированной в строгом смысле этого слова и состоящей к тому же из молодых людей, не принимавших присяги и, следовательно, совершенно свободных от всякой военно-уголовной ответственности в случае какого-либо явного нарушения должного уважения к означенной регалии» [14, л. 1 – 1 об.], случаев непочтительного отношения к знамени не было. Весть о возвращении знамен воспитанники встретили с радостью. Кадет Первого корпуса А.В. Борцов так вспоминал день объявления высочайшей милости: «Мы стояли как зачарованные... у нас будет настоящее военное знамя... эта мысль нас, конечно, преисполнила радостью и гордостью» [1, л. 25].

Трепетное отношение кадетов к знаменам нагляднее всего проявилось в годы Гражданской войны. Священные хоругви кадеты спасали с риском для жизни. В 1918 г. два кадета тайком проникли в церковь Симбирского корпуса, где хранились знамена Симбирского и Полоцкого корпусов, срезали их полотнища, надели на древки чехлы, а знамена закопали на кадетском плацу. За это они были расстреляны. Кадеты Одесского корпуса уже в эмиграции стали свидетелями отвратительной сцены: из рассеявшегося ящика выпали знамена, и один из офицеров в чине полковника стал пинками гнать их по направлению к воротам склада. Воспитанники были шокированы увиденным, и возле входа на склад моментально собралась разъяренная толпа кадет, готовых избить полковника до смерти.

В эмигрантских корпусах вывезенные из России знамена стали одним из немногих напоминаний о Родине. Перед строем Крымского корпуса выносилось знамя Сумского корпуса, с большим трудом спасенное кадетом Дмитрием Потемкиным. У крымцев сложилась трогательная традиция: на всех парадах и торжественных мероприятиях в качестве знаменосца неизменно выступал последний кадет Сумского корпуса Петр Генин, облаченный в чудом сохранившийся дореволюционный мундир. В церкви Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса – последнего из эмигрантских кадетских корпусов – хранились две частицы знамени Владимирского-Киевского корпуса, а запрестольной иконой служило знамя Симбирского корпуса. Упомянутое выше знамя Сумского корпуса после формирования Крымского корпуса также перешло Первому Русскому корпусу и, не затерявшись среди 95 знамен частей Русской императорской армии, хранящихся в корпусном музее, стало новой запрестольной иконой. Воинская святыня превратилась в святыню религиозную, и этот факт глубоко символичен...

Список литературы

1. Борщов, А. В. Мои воспоминания молодости. Семейная хроника XVIII, XIX и 1-й четверти XX в / А. В. Борщов // Архив Библиоте-

ки-фонда «Русское Зарубежье» им. А.И. Солженицына. – Ф. 2. – М-90 (неопубл.).

2. Звездкин, Н. П. Из воспоминаний старого однокашника / Н. П. Звездкин // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича корпуса. – 1908. – 15 марта (№ 2). – С. 34–40.

3. Иллюстрированная памятка кадета-аракчеевца / сост. В. Н. Сумцов. – Н. Новгород, 1912. – 57 с.

4. Кадетским корпусам о мерах для улучшения деятельности военно-учебных заведений // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – Архив ВИМАИВиВС). – Ф. 51. – Оп. 96/2. – Д. 19 (неопубл.).

5. Комаровский, Е. А. К истории российских императорских кадетских корпусов / Е. А. Комаровский, Е. П. Комаровская // Российская цивилизация: история и современность : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во ВГПУ, 2002. – Вып. 14. – С. 32–56.

6. Коровин, В. М. Военное образование в Российской империи (середина XIX – начало XX в.) : монография / В. М. Коровин. – Воронеж, 2009. – 704 с.

7. Краткий взгляд на развитие 2-го кадетского корпуса с его основания до настоящего времени. Составлен бывшим кадетом 2-го корпуса, отставным артиллерии генерал-майором М.Я. Денисьевским // Архив ВИМАИВиВС. – Ф. 52. – Оп. 110/35. – Д. 4 (неопубл.).

8. Краткий исторический очерк Орловского-Бахтина кадетского корпуса с приложением списка бывших воспитанников этого корпуса, окончивших курс за время первого 50-летия со дня его открытия (1843–93 гг.). – Орел : Тип. «Орлов. Вестника», Н.А. Сентяниной, 1893. – 135 с.

9. Кривенко, В. С. Юнкерские годы. 25 лет назад / В. С. Кривенко. – СПб., 1898. – 81 с.

10. Куда передать знамена упраздненных кадетских корпусов Павловского, Александровского (в Вильне) и Александринского сиротского, а также преобразованного 2-го кадетского корпуса // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). – Собр. 2-е. – Т. XXXVIII. – Отд-ние 2-е. – 40270.

11. Ломан, Н. Л. Историческое обозрение 2-го Санкт-Петербургского кадетского корпуса / Н. Л. Лотман. – СПб. : Тип. товарищества «Общест. польза», 1862. – 201 с.

12. Майков, П. И. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии / П. И. Майков. – СПб. : Тип. товарищества «Обществ. польза», 1904. – 765 с.

13. О доставлении военно-учебными заведениями исторических сведений о времени основания их, о знаменах, жетонах, нагрудных знаках и храмовых и других праздниках и о форме обмундирования. 1912 // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 725. – Оп. 46. – Д. 77 (неопубл.).

14. О порядке хранения и пользования знаменами, находящимися в кадетских корпусах. 1900 // РГВИА. – Ф. 725. – Оп. 38. – Д. 19 (неопубл.).

15. О представлении Главному начальнику сведений о том: куда переданы, после преобразования кадетских корпусов, знамена, доски с именами убитых, а равно и доски с именами отличнейших учеников кадетских корпусов и где должны быть сосредоточены портреты георгиевских кавалеров из бывших учеников Павловского кадетского корпуса; тут же о передаче исторических предметов из Павловского училища в Первый кадетский корпус. 1885 // РГВИА. – Ф. 725. – Оп. 23. – Д. 7 (неопубл.).

16. О цветах, присвоенных знаменным древкам кадетских корпусов и дворянского полка // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. VII. – 5662.

17. О цвете древков знамен и квартиргерских значков кадетских корпусов // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XVII. – Отд-ние 2-е. – 16257.

18. О цвете знамен в кадетских корпусах и в Дворянском полку // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XIX. – Отд-ние 1-е. – 17792.

19. Отчет к 25-й годовщине основания 1-го военного Павловского училища. Составлен штабс-капитаном М.А. Кардиналовским. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К, 1888. – 254 с.

20. Памятная книжка для офицеров, преподавателей и воспитанников Морского кадетского корпуса. – СПб., 1899. – 147 с.

21. Памятная книжка кадета 1-го Московского кадетского корпуса. – М., 1900. – 119 с.

22. Порядок выдачи знамен губернским кадетским корпусам // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XIX. – Отд-ние 1-е. – 17654.

23. Преобразование кадетских корпусов в военные гимназии // ПСЗРИ. – Собр. 2-е. – Т. XXXIX. – Отд-ние 1-е. – 40877.

24. Приказ по военно-учебным заведениям от 14 февраля 1901 г. № 25.

**BANNERS IN SOCIOCULTURAL SPACE
OF CADET CORPSES IN RUSSIAN EMPIRE**

Grebenkin Alexey Nicolaevich

Candidate of Sciences (History), Applicant for the Academic Degree
of Doctor of Historical Sciences, Department of Russian History,
Orel State University
angrebyonkin@mail.ru
Komsomol'skaja St., 100, 302026 Orel, Russian Federation

Abstract. This article gives the characteristic to the banners of cadet corps in Russian Empire, shows their place in sociocultural space of schools. Author comes to the conclusion that banners were the main tool of military upbringing of future officers. In the 2nd half of XIX cent., after the military education reform of Alexander II, banners temporarily lost their role. In the beginning of XX cent. banners returned their former value by the initiative of grand duke Konstantin Konstantinovich. The eligibility to bring the banners in solemn days significantly influenced the level of psychological readiness of cadets to the military service.

Key words: banner, cadet corps, tradition, upbringing, Russian Empire.

СТРАНИЦЫ
КАЗАЧЬЕЙ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
(НА ОСНОВЕ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКА
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ДОНСКОГО КАЗАКА В. БАХТУРОВА)

Годовова Елена Викторовна

Кандидат исторических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе
Оренбургского филиала РАНХиГС
godovova@mail.ru
ул. Чкалова, 43-190, 460058 г. Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе воспоминаний донского казака В. Бахтурова представлена повседневная жизнь казаков – участников Первой мировой войны. Автор отмечает экстремальность походных условий: холод, голод, болезни, смерти. Он передает отрицательное восприятие казаками военных действий, подчеркивает их недовольство правящей элитой. И хотя эти воспоминания достаточно субъективны и свидетельствуют о явной антипатии автора к царскому режиму, сведения, содержащиеся в них, можно использовать при характеристике военной повседневности казачьего сословия.

Ключевые слова: казачество, повседневность, военная повседневность, воспоминания, источники изучения военной повседневности, Первая мировая война, экстремальность походной жизни.

Воспоминания являются одним из важных источников в изучении повседневной жизни, так как позволяют увидеть специфику восприятия автором тех или иных событий. Особый интерес представляют воспоминания казаков. Сохранившиеся в архивах и изданные воспоминания различаются по своему содержанию. Большая часть таких сочинений отражает военные будни казаков, их участие в походах и содержит подробное описание военных дей-

ствий, следовательно, эти материалы дают представление о повседневной военной жизни казачьего сословия [1, с. 175].

В Государственном архиве Волгоградской области в фонде документов краеведов есть уникальное дело «Воспоминания В.Д. Бахтурова из истории донского казачества о войне 1914 года (к 50-летию Первой мировой войны)». К сожалению, неизвестно, кто был этот человек. Можно предположить, что автор имел отношение к комиссару дивизии Красной армии во время Гражданской войны на юге России Павлу Васильевичу Бахтурову и воспоминания составлялись по его дневниковым записям, но доказательств этому нет.

Прежде всего в воспоминаниях подчеркивается экстремальность военных условий. В. Бахтуров пишет: «Русский солдат и казак были предательски брошены на произвол судьбы. Солдат и казак крепок в бою и мужественны в преодолении фронтовых трудностей. Переносили и голод, и усталость» [2, л. 6].

Жить приходилось в построенных полуземлянках: на глубину двух лопат вырывали яму, выше выкладывали из болота дерн, верх накрывали еловыми ветками и сверху прикрывали землей. Рядом стоял маленький домик лесника, где жили командиры сотни и офицеры. Болотистая местность усложняла строительство землянок и окопов: бесформенный илисто-болотистый грунт обваливался и засасывался грязной жидкостью. Только на лесных пятачках, не раскрывая грунт, казаки могли устраивать жильё [2, л. 16–17]. Скученно ютились в построенных наспех полуземлянках, не подготовленных к условиям жизни человека. Весной, когда земля начинала оттаивать, в полуземлянках становилось сыро, воздух наполнялся гнилым запахом и на поверхность вылезали перезимовавшие насекомые [2, л. 34].

В длинные осенние и зимние вечера при разведенном костре, завернувшись в пропитанную грязью и в некоторых местах протертую шинель, казаки, обжигаясь о края металлической кружки, пили чай [2, л. 24] и вспоминали о далеком родном крае [2, л. 25]. Зимняя стужа, теплый чай и мысли о доме усыпляли человека. Бывало, задремлет казак, а командир взвода командует: «Винтовки разобрать!», и тот вскакивает, ищет сапоги, чтобы обуть, когда сам в сапогах. Выручал из такого положения весельчак, шутник и песенник. Встряхнув дремоту, он вполголоса заводил старинную, пропе-

тую поколениями песню о тяжелой доле казака. Дремавшие товарищи дружно подхватывали родную мелодию, и все громче и громче разносились волнующие слова донской песни [2, л. 27].

В первые месяцы окопной войны люди питались мясом в полном объеме, забивали армейский скот, скот, брошенный жителями, бежавшими от фронта, но зимой это питание кончилось, не хватало ни хлеба, ни мяса, ни крупы, большая часть казаков жила впроголодь. Давали в неприкосновенный запас двести граммов галет на сутки, но они такие: в воде не размочишь, а жевать не разжуешь, зубы не берут [2, л. 19].

В тяжелых условиях походной жизни оказались и казачьи кони. «Конь трудом нажит казаком, конь первый его товарищ», – пишет В. Бахтуров. И казаки проявили хозяйственную хватку – строили навесы лошадям в лесных окраинах, выбирая ветвистые еловые ветки, стенки навесов делали из болотного дерна, навоза и еловых веток [2, л. 19].

Отсутствие фуража и нормальных условий стоянки привели к истощению конского состава полков. Казаки спасали своих верных друзей от падежа. Измельчали еловые и сосновые ветки, заботились днем и ночью, дежурили, часто закладывали в ясли малокалорийный корм [2, л. 20].

Из-за отсутствия тепла невозможно было соблюдать необходимую гигиену. Влажная холодная температура подрывала здоровье людей. Распространилось массовое заболевание малярией и другими простудными болезнями. Малочисленный медицинский персонал, санитары, фельдшеры не имели достаточно медикаментов: применяли порошки хины, а наружно смазывали йодом, но все это не способствовало сохранению здоровья людей, и крепкий организм казака, способный побороть лишения, не противостоял первым спутникам нечистившим. Вошь разъедала тело, и людям казалось, что они разлагаются по суставам, от них искали избавление: раздевались и отряхивали одежду в костер, заваривая ее в ведре с водой [2, л. 20–21].

По воле Верховного командования цепь обороны фронта на длительное время была погребена в белорусских болотах. Простые люди, солдаты, казаки были небоеспособны преградить путь в случае наступления немецких войск, спасали только непроходимые болота, но

в окопах, блиндажах, а также болотистых валах люди не сидели сложа руки. Бахтуров пишет: «Бои гремели по всей линии фронта, бои огневые, где приближались окопы к окопам, там шли атаки за атаками. Поля между окопами были завалены трупами, которые разлагались, и смерть расходилась по окружающим. В некоторых местах противники договаривались о прекращении огня для уборки трупов с поля и висящих на проволочных ограждениях» [2, л. 22].

Весна 1915 г. на редкость пришла ранняя, установилась теплая погода и жизнь повсюду оживилась. Люди сбрасывали зимнее обмундирование, приводили в порядок неприхотливую справу, соком березы смазывали сапоги, седла и уздечки. Кони подставляли бока под солнечный припек и, вытянув шею, искусно слизывали освободившийся от снега болотистый мох [2, л. 32].

Осенне-зимнее сидение на болотах измотало людей и лошадей. Казаки нуждались в длительном отдыхе, а коням требовалось восстановить физические и боевые качества [2, л. 35]. Чтобы восстановить коня в боевое положение, необходимо было выдержать усиленный рацион питания. К существующему фуражу добавляли сочный картофель, но этого было мало, и казакам приходилось идти на преступление против царского закона, ночью взламывать склады с зерном помещиков, таскать коням фураж зерна для восстановления. Кроме того, для коней был необходим зеленый сочный корм, и казаки выводили пастись своих коней на барские поля [2, л. 44]. В имениях усиливали охрану, и табуны казачьих лошадей бесцеремонно сгоняли с помещичьих полей. В горячих спорах казаки убеждали помещичью охрану, что нельзя этого делать, что коням необходимо восстановиться. Споры доходили до того, что казаки брались за оружие и гнали от коней барскую охрану. О таком поведении казаков было доложено в высшее командование, и в штабе незамедлительно издали приказы, в которых запрещалось изъятие имущества, охраняемого законом военного времени, но такие меры не могли улучшить быт казака, и они продолжали взламывать склады с зерном и использовать помещичьи припасы [2, л. 45].

Жизнь человека на войне насыщена пограничными ситуациями. Одной из них является плен. В. Бахтуров отмечает: «Трудно было казакам сдаваться в плен к немцам. Были случаи, когда попадал казак в

плен, то ему вырезали лампы на ноге вместе с телом... и если в критический момент не находили казаки выхода от плена, то некоторые надевали брюки солдатские, а свои топили в болоте или просто зарывали в землю, а многие умирали, не сдаваясь врагу» [2, л. 7–8].

Экстремальные ситуации обостряют до предела человеческие чувства, вызывают необходимость принятия немедленных решений, предельной четкости и слаженности действий [3, с. 12]. Знаменосец 40-го полка Федор Аржанцев с товарищами попал в окружение, спасая полковое знамя, снял его с древка, обмотал вокруг своего тела и прикрыл гимнастеркой. Трое суток отважный знаменосец пробирался к границе, днем скрывался в болотах в камышах, а ночью по звездам преодолевал чужой путь. Под утро четвертой ночи его, изнеможенного, потерявшего сознание, подобрали на своей земле и отправили в госпиталь [2, л. 9].

Тяжелые условия, страшные жертвы, смерть порождали у солдат и казаков неверие в благополучный исход войны и возвращение на родную сторонку с победой. Кроме того, Бахтуров передает в своих воспоминаниях настроения казаков, их размышления о ненужности этой войны: «За что?! За кого?! Кому нужно?! Ответ стоял трудовому народу как русскому, так и германскому не нужна война, они от войны не получают ничего кроме смерти и хозяйственного разорения» [2, л. 28]. Говорит Бахтуров и о падении патриотизма. На передовой в окопах казаки и солдаты говорили: «Вот сюда надо ставить царя и пузатых буржуев». Около кухни с пищей тоже слышно: «Покормить бы этим обедом царя и пузатую буржуазию». Где шла борьба со вшами, тоже говорили о том, чтобы надеть это белье со вшами на царя и буржуев. На поле боя звучало: «Перебить царя и его придворных, и буржуазию пузатую, чтобы они лежали трупами, но не убирались». Вот был весь боевой дух войска русского. Тревога о будущем глубоко затронула самолюбие воинственного духа, воспетого в источниках [2, л. 29].

Итак, в воспоминаниях казака Бахтурова подчеркивается экстремальность походных условий, в которых приходилось выживать казакам в годы Первой мировой войны. Автор передает отрицательное восприятие казаками военных действий, подчеркивает их недовольство правящей элитой. И хотя эти воспоминания достаточно

субъективны и свидетельствуют о явной антипатии автора к царскому режиму, сведения, содержащиеся в них, можно использовать при характеристике военной повседневности казачьего сословия.

Список литературы

1. Годовова, Е. В. Воспоминания казаков – ценный источник изучения повседневной жизни казачьего сословия (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Е. В. Годовова // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 8/1 (109). – С. 175–178.
2. Государственный архив Волгоградской области. – Ф. Р-1474. – Оп. 1. – Д. 8.
3. Сенявская, Е. С. Человек на войне: историко-психологические очерки / Е. С. Сенявская. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997. – 232 с.

MILITARY DAILY PAGES OF THE COSSACK (BASED ON THE RECOLLECTIONS OF THE FIRST WORLD WAR DON COSSACK V. BAKHTUROV)

Godovova Elena Viktorovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Deputy Director for Science,
Orenburg Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
godovova@mail.ru
Chkalov St., 43-190, 460058 Orenburg, Russian Federation

Abstract. An overview of the daily life memoirs of the Cossacks member of the First World War V. Bahturov is revealed in this paper. The author emphasized extremity field conditions: cold, hunger, disease, death. He conveys a negative perception of the Cossacks of military operations, he emphasizes their discontent with the ruling elite. Although these memories are subjective and they quite clearly indicate that the author's antipathy to the tsarist regime, the information that is contained in it can be used, while giving a description of everyday military Cossack class.

Key words: Cossacks, daily, daily military, memories, military sources study of everyday life, the First World War, extreme camp life.

УДК 94(470+571)«1917»:355.426

ББК 63.3(2)534-445

ЖЕНСКИЕ БАТАЛЬОНЫ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 ГОДУ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Кулегин Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ,
заведующий отделом

Государственного музея политической истории России

gmpir_al@mail.ru

ул. Куйбышева, 2-4, 197046 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье речь идет о необычных воинских частях, которые были сформированы в Петрограде летом – осенью 1917 г., – двух женских батальонах, или, точнее, о Женской военной команде смерти Марии Бочкаревой и 1-м Петроградском женском батальоне. Эти воинские части оказались вовлеченными в важнейшие события не только военной, но и политической истории России. Несмотря на многочисленные публикации последних лет, их история по-прежнему окружена многочисленными мифами. Наиболее часто происходит смешение этих двух разных воинских частей, а наиболее устойчивым является миф о «бочкаревских дурах», оборонявших Зимний дворец в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. якобы под руководством самой М.Л. Бочкаревой (1889–1920). Анализу мифов и реальных событий, связанных с историей женских батальонов в Петрограде в 1917 г., и посвящена статья. В ней использованы материалы Государственного музея политической истории России, отдела рукописей Российской национальной библиотеки, журналы и газеты 1917 г., воспоминания участников событий и современные исторические исследования.

Ключевые слова: женский батальон, М.Л. Бочкарева, Зимний дворец, Временное правительство, Октябрьский переворот, добровольцы.

Исполнившийся в 2014 г. 100-летний юбилей начала Первой мировой войны и приближающееся столетие Российской революции 1917–1922 гг. предоставляют благоприятную возможность вспомнить о необычных воинских частях, которые были сформированы в Петрограде летом – осенью 1917 года. Речь идет о двух

женских батальонах или, точнее, о Женской военной команде смерти Марии Бочкаревой и 1-м Петроградском женском батальоне. Эти воинские части оказались, хотя во многом и невольно, вовлеченными в важнейшие события не только военной, но и политической истории России. Несмотря на многочисленные публикации последних лет, их история по-прежнему окружена многочисленными мифами.

В фондах Государственного музея политической истории России (далее – ГМПИР) сохранился редкий документ – датированное 26 октября 1917 г. постановление Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о немедленном освобождении 130 женщин Женского ударного батальона, находящихся в казармах Гренадерского полка [7]. В памяти соотечественников о них остались лишь презрительные строчки В.В. Маяковского о «бочкаревых дурах», бестолково пытавшихся защищать Зимний дворец [11, с. 394], но к создательнице первого женского воинского подразделения в рядах российской армии М.Л. Бочкаревой эти «воины» имели достаточно условное отношение.

Участница Первой мировой войны, храбрый унтер-офицер Мария Леонтьевна Бочкарева (1889–1920) в мае 1917 г., оказавшись в революционном Петрограде, пыталась воплотить в жизнь смелую идею – создать специальные воинские части из женщин-добровольцев и вместе с ними продолжать защищать Родину. Подобных частей до этого не было ни в одной из стран, участвовавших в Первой мировой войне. Инициатива Бочкаревой получила одобрение военного министра Временного правительства А.Ф. Керенского и Верховного главнокомандующего генерала А.А. Брусилова [4, с. 211–215]. По их мнению, «женский фактор» мог оказать положительное моральное воздействие на разлагающуюся армию. Забегая несколько вперед отметим, что нужного результата не получилось. Сформированные женские подразделения вызывали у солдат, как у фронтовиков, так и у тыловых гарнизонов, лишь раздражение.

Однако тогда идею поддержали и патриотические женские общественные организации. На призыв Бочкаревой и Женского союза помощи Родине откликнулось свыше двух тысяч женщин.

По распоряжению А.Ф. Керенского женщинам-солдатам выделили здание Коломенского женского института (Коломенской женской гимназии) на Торговой улице (современный адрес – ул. Союза Печатников, д. 16) [2, с. 234–235; 10, с. 4]. Для обучения их военному строю и обращению с оружием отрядили десять опытных инструкторов из числа унтер-офицеров Кексгольмского полка [10, с. 4].

23 июня 1917 г. Женская военная команда смерти Марии Бочкаревой – такое официальное название получило новое воинское подразделение – отправилась на фронт. В ожесточенных боях с немцами под Сморгонью в начале июля 1917 г. часть понесла большие потери. 9 июля сама Бочкарева была контужена и отправлена в петроградский госпиталь. После выздоровления она получила приказ нового Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова сделать смотр женским батальонам, которые стали появляться в различных районах страны – Москве, Одессе и даже далеком Баку. Однако смотр московского батальона показал его полную небоеспособность [4, с. 286]. Расстроенная Мария возвратилась в свою часть, твердо решив для себя «больше женщин на фронт не брать, потому что в женщинах я разочаровалась» [10, с. 8].

Вероятно, в своих оценках боевой офицер М.Л. Бочкарева (за храбрость ей было присвоено звание подпоручика, а затем поручика) исходила из слишком завышенных критериев. В обстановке революционной смуты создать в сжатые сроки по-настоящему боеспособную часть было невозможно. Об этом свидетельствовал и опыт организации в Петрограде нового женского батальона. Его формирование происходило начиная с конца июня 1917 г. [1, с. 93] в Инженерном замке [10, с. 9].

Ударница 1-го Петроградского женского батальона М. Бочарникова в своих мемуарах писала: «Первое впечатление – казалось, что я попала на луг, усеянный яркими цветами. Яркие сарафаны крестьянок, косынки сестер милосердия, разноцветные ситцевые платья заводских работниц, элегантные платья барышень из общества, скромные наряды городских служащих, горничных, нянек... Кого здесь только не было! ...Здоровенная бабища лет тридцати усиленно выпячивает и без того страшных размеров грудь, и за ее фигурой совсем не видно тоненькой соседки.

Нос поднят кверху. Руки с ожесточением выкидывает вперед. А там, дальше, ухмыляясь, поминутно нагибая голову, чтобы взглянуть на свои ноги, которыми она усиленно отбивает шаг, плывет, по-видимому, мешанка. Некоторые маршируют, как заправские солдаты. Почти не касаясь земли, точно танцуя, движется хорошенькая блондинка. Не балерина ли?» [3, с. 174–175].

Первоначально предполагалось, что в состав батальона войдет примерно 250 человек, то есть примерно столько же, сколько входило в отряд Марии Бочкаревой [17, с. 426]. В прессе его именовали по-разному: Женский батальон Женского военного союза, Женский батальон национальной обороны. Однако затем его численность и подчиненность претерпели существенные изменения.

Согласно утвержденному положению, батальон стал именоваться 1-м Петроградским женским батальоном, пользоваться правами отдельной воинской части, приравнивался к полку и подчинялся непосредственно штабу Петроградского военного округа. По штату он состоял из четырех рот по 160 штыков, одной нестроевой роты (хозяйственной части), пулеметной команды с 8 пулеметами. Кроме того, в состав батальона входили команды пеших и конных разведчиков (70 человек), а также команда связи и саперная – 60 человек. Офицерский состав включал исключительно мужчин, в основном имевших фронтной опыт. По воспоминаниям штабс-капитана П.В. Шагала¹, командовавшего 3-й ротой Женского батальона, всего часть насчитывала 1 000 женщин-солдат (их называли «доброволицами»), 12 офицеров и 3 унтер-офицеров. Командиром батальона был штабс-капитан гвардейского Кексгольмского полка А.В. Лосков [21, с. 234–235]. К началу октября 1917 г. в 1-м Петроградском женском батальоне числилось 1 168 женщин-солдат и 17 офицеров [18, с. 331]. После первоначального обучения 7 августа 1917 г. батальон был перебазирован в район станции Левашово, где имелись более подходящие условия для организации боевой подготовки, и разместился в имении княгини Вяземской. Как вспоминал тот же П.В. Шагал, обучение было организовано вполне серьезно и принесло ощутимые плоды. Нестройная толпа, отправлявшаяся в начале августа с Финляндского вокзала в Левашово, стала постепенно пре-

вращаться в более-менее организованное подразделение. У женщин-солдат появилась даже некая гордость «своей части». «...Никакой политической окраски у батальона не было, – категорически утверждал офицер, – не было также никаких разговоров о будущем политическом устройстве России. Это было объединением лучших честных русских девушек и женщин, которые хотели служить, даже неизмеримо больше, принести себя в жертву Родине» [21, с. 239]. В отличие от отряда Бочкаревой, где преобладали выходцы из интеллигентных семей, в новый женский батальон стали активно записываться многие фабричные и заводские работницы. Популярный иллюстрированный журнал «Огонек» публиковал на своих страницах очерки и многочисленные фотографии, отражавшие будни женского батальона [16, с. 468–470; 17, с. 426–427]. Особенно забавно сегодня смотрятся снимки, запечатлевшие обучение добровольцев ружейным приемам и их занятия по борьбе, которая «неизбежна при встрече с врагом» [16, с. 470]. Предполагалось, что в конце октября батальон отправится на Румынский фронт. Однако судьба распорядилась иначе.

В ночь на 24 октября 1917 г. начальник штаба Петроградского военного округа генерал-майор Я.Г. Багратуни неожиданно вызвал батальон в Петроград для участия в параде [13, с. 281]. На деле Временное правительство в тот момент куда больше было озабочено попытками организовать отпор начавшемуся выступлению большевиков.

Батальон прибыл к Зимнему дворцу 24 октября в 12 часов дня. Редкие негативы из фондов Государственного музея политической истории России запечатлели его бойцов на Дворцовой площади [8]. Штабс-капитану А.В. Лоскову было предложено оставить батальон для защиты Временного правительства. Однако командир батальона отказался, заявив, что «он не считает себя вправе дать свой батальон на защиту дворца, так как они организация не партийная, и существуют не для внутренних войн, а для защиты от внешнего врага» [20, л. 652]. После парада на Дворцовой площади 2-я рота Женского батальона в составе 137 человек все-таки оказалась в составе гарнизона Зимнего дворца, который куда больше напоминал сборную солянку, чем реальную

боевую силу: казаки, юнкера пехотных, инженерных и Михайловского артиллерийского училищ.

Для этого пришлось прибегнуть к откровенному обману. Роту оставили в Петрограде якобы для охраны бензиновых складов Нобеля, где в это время происходила забастовка, чтобы обеспечить беспрепятственную транспортировку горячего. В начале ноября 1917 г. Петроградская городская дума заслушала на своем заседании гласную думы, члена ЦК кадетской партии А.В. Тыркову-Вильямс, которой было поручено выяснить судьбу женщин, принимавших участие в защите Зимнего. По ее мнению, большинство ударниц было абсолютно не в курсе развернувшегося в Петрограде политического противостояния и совсем не настроено защищать каких-то неведомых министров. Подобные действия военного командования Тыркова, явно вспомнив эпоху Смутного времени, назвала «тушинской авантюрой» [20, л. 652]. Когда днем 25 октября А.И. Коновалов, заменивший уехавшего из Петрограда Керенского, стал на заседании Временного правительства упрекать Я.Г. Багратуни за то, что тот не удержал женский батальон, начальник штаба ответил: «Мне было доложено, что на фронт они охотно идут, но вмешиваться в политическую борьбу не желают» [15, с. 44].

Ударниц временно разместили в пустовавших комнатах Дворцового ведомства [19, с. 51]. В фондах ГМП ИР хранится негатив фотографии, на которой изображены солдаты женского батальона в одном из помещений Зимнего дворца [9]. Роте поручили оборонять юго-восточное крыло Зимнего со стороны Дворцовой площади. В течение дня они приняли участие в нескольких бескровных стычках. В частности, вместе с юнкерами бойцы женского батальона оттеснили красногвардейцев и на некоторое время установили контроль над Николаевским мостом [19, с. 53].

К вечеру 25 октября Зимний дворец был окружен войсками Петроградского Военно-революционного комитета. После начала интенсивной перестрелки ряды его защитников стали стремительно таять. Ушла батарея Михайловского училища, затем казаки. Вот что вспоминает о тех событиях уже известная нам М. Бочарникова: «25 октября 1917 года около 9 часов вечера

получаем приказ выйти на баррикады, построенные юнкерами перед Зимним дворцом. У ворот высоко над землей горит фонарь. “Юнкера, разбейте фонарь!” Полетели камни, со звоном разлетелось стекло. Удачно брошенный камень потушил лампу. Полная темнота. С трудом различаешь соседа. Мы рассыпаемся вправо за баррикадой, смешавшись с юнкерами. ...В девятом часу большевики предъявили ультиматум о сдаче, который был отвергнут. В 9 часов вдруг впереди загредело “ура!”. Большевики пошли в атаку. В одну минуту все кругом захлопотало. Ружейная стрельба сливалась с пулеметными очередями. С “Авроры” забухало орудие. Мы с юнкерами, стоя за баррикадой, отвечали частым огнем. Я взглянула вправо и влево. Сплошная полоса вспыхивающих огоньков, точно порхали сотни светлячков. Иногда вырисовывался силуэт чьей-нибудь головы. Атака захлебнулась. Неприятель залег. Стрельба то затихала, то разгоралась с новой силой» [3, с. 198–199].

Ударницы продержались до десяти часов вечера, а затем также выслали своих парламентаров с просьбой выпустить их из дворца. Комиссар ВРК В.А. Антонов-Овсеенко потребовал их полного разоружения, так как они уже приняли участие в боевых действиях [19, с. 99]. Вереница «бойцов» женского батальона потянулась из Комендантского подъезда в сторону Миллионной улицы. Солдаты Павловского полка привели ударниц в расположенные неподалеку от Зимнего дворца свои казармы и здесь разоружили. Было отобрано 137 винтовок у ударниц, наган и шашка у их командира поручика Подременцева [1, с. 95]. Затем под конвоем красногвардейцев ударниц переправили в казарму Гренадерского полка на Петроградскую сторону. 26 октября комиссар Гренадерского полка А.Ф. Ильин-Женевский доносил Военно-революционному комитету: «В полку в настоящее время находится под арестом 137 солдат-женщин ударного батальона, арестованных в Зимнем дворце» [6, с. 88].

Как свидетельствует уже упоминавшаяся А.В. Тыркова-Вильямс, во время пребывания под арестом добровольцы подверглись многочисленным оскорблениям и издевательствам, их избивали прикладами солдаты, обливали нечистотами, срывали геор-

гиевские кресты. Когда женщин перевели в казармы Гренадерского полка, обстановка еще более ухудшилась: толпа солдат, которая их ждала, встретила их сразу угрозами «расправиться по своему», оскорбительными словами и гнусными предложениями [20, л. 654]. Отсиживавшиеся в тылу революционные «солдаты-граждане», казалось, хотели выместить на женщинах, которые собирались отправиться на фронт защищать Родину, свою собственную неполноценность. Ситуация резко изменилась лишь после вмешательства британского военного атташе генерала Альфреда Нокса, который отправился в Смольный и потребовал немедленно освободить всех женщин-солдат. Нокс заявил секретарю ВРК: «...если женщин не освободят сейчас же, я сумею настроить общественное мнение в цивилизованных странах против большевиков и всего того, что они совершили» [12, с. 641].

Вероятно, именно после этого и появилось соответствующее решение Петросовета. А. Нокс записал в дневнике, что когда после своего визита в Смольный, а затем в Гренадерский полк, он вернулся в посольство и позвонил снова в Совет, то ему сообщили, что приказ об освобождении женщин уже отправлен специальным курьером [12, с. 642]. Освобожденных женщин-солдат отправили к месту своей дислокации в Левашово. К тому времени отношение к ним со стороны солдат и особенно рабочих-красногвардейцев также стало меняться. Этому, в частности, способствовали эпизоды, когда те, видя, как неумело обращаются с оружием красногвардейцы, стали показывать им, как надо правильно заряжать и разряжать винтовки [20, л. 655]. Утверждение о том, что «в плену» многие женщины были изнасилованы, очевидно, сильно преувеличено, хотя отдельные случаи сексуального насилия могли иметь место. В докладе председателя больничной комиссии Городской думы меньшевика Мандельберга, участвовавшего в расследовании ситуации с женским батальоном, утверждается: «...есть свидетельские показания относительно того, что над тремя добровольцами в то время, как они находились в Павловском полку, было совершено насилие» [20, л. 611].

Однако, по свидетельству А.В. Тырковой, также выступавшей на заседании Городской думы, существенную роль в окон-

чательной деморализации батальона сыграл его командир капитан А.В. Лосков. Он собрал подчиненных и сказал им примерно следующее: «Вы можете идти, куда хотите, больше вы не существуете как батальон». Этим самым он произвел среди женщин смятение, которое Тыркова называет «душевной паникой». Они до того момента себя чувствовали солдатами, ждали отправки на фронт, верили, что им придется защищать отечество, но оказалось, что вместо защиты отечества им говорят – идите на все четыре стороны. «И вот с этого момента началось, собственно, в батальоне то очень тяжелое положение, которое кончилось одним самоубийством, двумя случаями помешательства... застрелилась Баженова, сошли с ума двое, фамилии которых я не помню», – свидетельствует А.В. Тыркова [20, л. 651].

Учитывая «возбуждение взаимное», представители Думы дали следующие рекомендации созданному организационному комитету Женского батальона: «... мы полагаем, самым правильным и самым обеспечивающим жизнь этих добровольцев будет, если они сейчас... переоденутся в женское платье и разъедутся по домам» [20, л. 615].

При этом предполагалось перевести всех оставшихся в Левашове женщин в Политехнический институт, «где им согласно общему решению обеспечена совершенная безопасность и питание», а затем отправлять их по домам.

В середине ноября 1917 г. командир женского батальона штабс-капитан А.В. Лосков принял решение о его роспуске. С помощью антибольшевистских организаций удалось раздобыть женскую одежду и документы сестер милосердия, с которыми добровольцы могли вернуться по домам [21, с. 242].

Советская историография предлагала по этому поводу свою версию. Вот что пишет Х.М. Астрахан: «Расформирование батальона тормозилось одним обстоятельством – недостатком женского платья. А в военной форме бывшие ударницы, опасаясь насмешек, не решались выезжать домой. На помощь им пришли красногвардейцы. По их инициативе из подвалов Смольного было извлечено платье, оставшееся от слушательниц Института бла-

городных девиц, и доставлено в Левашово. Кроме того, бывшим ударницам была выделена некоторая сумма денег из ликвидированного ВРК в начале ноября 1917 г. “Комитета женского военного союза”» [1, с. 97]. К концу ноября 1917 г. батальон фактически был расформирован [1, с. 97]. Окончательно он прекратил свое существование 10 января 1918 г., когда штабс-капитан А.В. Лосков предоставил рапорт о роспуске батальона и сдаче имущества в интендантство и штаб Красной гвардии [5].

Как видно из вышесказанного, к действиям этой части М.Л. Бочкарева, находившаяся в данный момент на фронте, вообще не имела никакого отношения. Однако устойчивый миф продолжал связывать ее имя с обороной Зимнего [10, с. 18–19]. И даже в знаменитом фильме Эйзенштейна «Октябрь» среди бойцов женского батальона можно видеть типаж, внешне сильно напоминающий Бочкареву.

К сожалению, эти мифы продолжают тиражироваться и сегодня. В частности, в одном из анонсов вышедшего в российский прокат в феврале 2015 г. фильма «Батальонъ», который посвящен истории бочкаревского батальона, тем не менее утверждается, что М.Л. Бочкарева руководила Женским батальоном, который защищал Зимний дворец.

Примечание

¹ Шагал Павел Васильевич (1896–1978) – родился в Санкт-Петербурге, в 1915 г. окончил Павловское военное училище и участвовал в Первой мировой войне в рядах 129-го пехотного Бессарабского полка. После Февральской революции, отказавшись присягать Временному правительству, был в апреле 1917 г. откомандирован в Петроград и в августе – октябре служил командиром роты 1-го Петроградского женского батальона. Пробравшись на Дон после Октябрьского переворота, поступил в Гвардейскую роту Добровольческой армии, в рядах Офицерского полка участвовал в легендарном Первом кубанском походе, далее в основном служил в тыловых и комендантских частях. Эвакуировавшись из Крыма в октябре 1920 г., жил в Болгарии, с 1926 г. – во Франции. Оставил воспоминания о своей молодости (URL: www.bfz.ru/?mod=news&id=1594).

Список литературы

1. Астрахан, Х. М. О женском батальоне, защищавшем Зимний дворец / Х. М. Астрахан // История СССР. – 1965. – № 5. – С. 93–97.
2. Беляева, Г. Прогулки по старой Коломне / Г. Беляева. – СПб. : Центрполиграф, 2009. – 496 с.
3. Бочарникова, М. В женском батальоне смерти (1917–1918) / М. Бочарникова // Добровольцы. – М. : Рус. путь, 2001. – С. 173–236.
4. Бочкарева, М. Л. Яшка : Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи Исаака Дон Левина / М. Л. Бочкарева – М. : Воениздат, 2001. – 445 с.
5. Васильев, М. В. 1-й Петроградский женский батальон в событиях 1917 года / М. В. Васильев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/1-i-petrogradskii-zhenskii-batal-on-v-sobytiiakh-1917-ghoda>. – Загл. с экрана.
6. Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета. – М. : Госполитиздат, 1957. – 352 с.
7. Государственный музей политической истории России (далее – ГМПИР). – Ф. П-10095.
8. ГМПИР. – Ф. IX – В12532, В30004.
9. ГМПИР. – Ф. IX – В12532, В30004.
10. Кулегин, А. М. Звезда женского батальона / А. М. Кулегин. – СПб. : ФГУК ГМПИР, 2007. – 20 с.
11. Маяковский, В. В. Собр. соч. В 8 т. Т. 5 / В. В. Маяковский. – М. : Правда, 1968. – 566 с.
12. Нокс, А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе 1914–1917 гг. / А. Нокс – М. : Центрполиграф, 2014. – 671 с.
13. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 1043 с.
14. 1-й Петроградский батальон Женского военного союза // Огонек. – 1917. – 27 авг. (9 сент.) (№ 33). – С. 518–520.
15. Последние часы Временного правительства : (Дневник министра [А.В. Ливеровского]) // Исторический архив. – 1960. – № 6. – С. 38–48.
16. П.Ш. Женский батальон национальной обороны // Огонек. – 1917. – 6 (19) авг. (№ 30). – С. 468–470.
17. Ш-н, П. Новый женский «Батальон смерти» в Петрограде / П. Ш-н // Огонек. – 1917. – 16 (29) июля (№ 27). – С. 426–427.
18. Советская военная энциклопедия. Т. 3. – М. : Воениздат, 1977. – 672 с.

19. Старцев, В. И. Штурм Зимнего. Документальный очерк / В. И. Старцев. – Л. : Лениздат, 1987. – 136 с.

20. Стенографические отчеты заседаний Петроградской городской думы созыва 20 августа 1917 г. // РНБ. Отдел рукописей. – Ф. 1000. – Пост. 1957. – Д. 25/1.

21. Шагал, П. В. Из воспоминаний. Женский батальон / П. В. Шагал // Коротенко, В. В. Стеблин-Каменские (Стеблинские, Стеблин-Каминские) : Опыт историко-генеалогического исследования / В. В. Коротенко, И. М. Стеблин-Каменский, А. А. Шумков. – СПб. : Изд-во ВИРД, 2005. – С. 231–246.

WOMEN'S BATTALIONS IN PETROGRAD IN 1917: MYTH AND REALITY

Kulegin Aleksei Mikhailovich

Candidate of Sciences (History), Honoured Cultural Worker of Russia,
Head of Department,
State Museum of Political History of Russia
gmpir_al@mail.ru
Kuibysheva St., 2-4, 197046 Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article takes into consideration the history of two uncommon military units assembled in Petrograd in summer and fall of 1917: two women's battalions (or, rather, the Maria Bochkaryova Women's Death Squad and the 1st Petrograd Women's Battalion). These units had been involved in the momentous events both military and political history of Russia. Despite the multiplicity of publications in recent years, their history is still shrouded with numerous myths. The most common one consists in confusion of these military units, and the most popular myth is about 'Bochkaryova's geese' (a line from V. Mayakovski's verse "Good!", 1927) who defended the Winter Palace at night from October 25 to 26, allegedly under command of M.L. Bochkaryova (1889-1920) herself. This article studies the myths and real events connected with the history of women's battalions in Petrograd in 1917. The author used the sources deposited in the State Museum of Political History of Russia and the Manuscript Department of National Library of Russia, papers and magazines of 1917, memoirs, and contemporary historical studies.

Key words: Women's battalion, M.L. Bochkaryova, Winter Palace, Provisional Government, October Revolution, volunteers.

УДК 94(560)«1914/1915»:314.156.5

ББК 63.3(5Тул)5-38

САРЫКАМЫШСКОЕ СРАЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМА ГЕНОЦИДА АРМЯН

Маркарян Гарик Гагикович

Студент кафедры археологии и зарубежной истории
Волгоградского государственного университета
markgarik@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Геноцид армян в Османской империи многие исследователи связывают с итогами Сарыкамышского сражения. В действительности это мнение является ошибочным по ряду внешне- и внутривнутриполитических причин. Нежелание турецкого правительства решить армянский вопрос путем реформ и уравнивать права христианского и мусульманского населения создавало угрозу дестабилизации ситуации в стране. В условиях Великой войны турецким методом решения этой проблемы стал жестокий акт геноцида, унесшего жизни полутора миллионов армян Османской империи. Участие армян в Сарыкамышском сражении на стороне Российской империи стало лишь формальным поводом для уничтожения армянского населения, действительные же причины этого преступления заключались в другом.

Ключевые слова: геноцид армян, Османская империя, Российская империя, Сарыкамышское сражение, армянский вопрос, Первая мировая война, IV армянский батальон.

В истории Первой мировой войны, несмотря на огромное количество источников и исследований, остается достаточно много дискуссионных вопросов. Существенную роль в этом играет политизация истории, мешающая объективной и беспристрастной трактовке событий прошлого. В связи с этим вопрос геноцида армян в Османской империи встает достаточно остро. В контексте данной проблемы особого внимания заслуживает вопрос о причинах начала массовой резни. Многие исследователи связывают события 24 апреля 1915 г. с итогами Сарыкамышского сражения,

однако в изучении данного аспекта проблемы не все так однозначно. Соответственно, главной задачей данной статьи является установление истинных причин, приведших к трагедии армянского народа.

Вопрос о положении армян в Османской империи был поставлен в особо острой форме после Балканской войны 1912–1913 годов. Антагонизм, существовавший между мусульманами и христианами Турции, создавал предпосылки раскола общества. Меры по уравниванию прав турецких подданных различных конфессий не принимались или не приносили пользы, христиане империи оставались угнетаемым и «второсортным» населением. Неэффективная политика турецкого правительства стала причиной недовольства армянского народа и стремления последних образовать свое автономное или независимое государство. С этой целью на территории Восточной Армении начинают образовываться добровольческие армянские дружины, к которым примыкают и некоторая часть турецких армян. Сведения об армянском добровольческом движении в России доходили до Стамбула в преувеличенном виде и представлялись как объявление туркам войны. Однако на деле речь первоначально шла всего лишь о 3 000 человек, разделенных на 4 батальона и резерв, хотя численность батальонов постепенно возрастала. Все эти формирования действовали на Кавказском фронте и помимо своих интересов защищали также и интересы России – главного противника Турции в регионе.

Крупнейшим событием Восточного фронта, в котором встретились все три стороны, является оборонительная операция вблизи Сарыкамыша. В данном сражении Третья турецкая армия была представлена IX, X и XI корпусами, Кавказская армия Российской империи, в свою очередь, была представлена так называемым Сарыкамышским отрядом, в который входили и армянские добровольческие формирования.

В Сарыкамышском сражении армянское добровольческое движение было представлено IV армянским батальоном под командованием Аршака Гавафяна, более известного как Кери. Во многом именно благодаря этому отряду, устроившему засаду по дороге

из Бардиза в Сарыкамыш, и была определена судьба сражения. Свидетельством этого являются слова современницы названных событий Дианы Абгар: «Сарыкамышское сражение, представленное в британской прессе как величайшая победа русских войск, было во многом определено стойкостью и храбростью армянских солдат российской армии, а также военным гением Аршака Гавафяна» [1, с. 56–57]. Турки, взятые врасплох, понесли огромные потери. Так, 23 декабря 1914 г. 29-я турецкая дивизия вынуждена была отступить и переночевать на склонах гор. В течение двух ночей она потеряла больше половины личного состава. Большинство людей умерли от холода, многие дезертировали. Столь печальная картина была характерна для всего IX корпуса турецкой армии, потерявшего 15 тысяч солдат личного состава из 25 и сумевшего провести к Сарыкамышу лишь 20 небольших орудий. Похожей ситуация была и с X корпусом, потерявшим огромное количество солдат, замерзших на горных склонах. Зная первоначальный план Энвера-паши, можно сделать однозначный вывод, что засада сыграла одну из ключевых ролей в той военной кампании. Турецкий военный министр рассчитывал, что мощным броском через Бардизский горный хребет может пройти через разделенные группировки русских войск – Ольтинскую и Сарыкамышскую. В результате этого маневра значительная часть войск русского Кавказского фронта оказалась бы в котле, будучи зажатой между IX, X и XI турецкими корпусами. Кроме того, предполагалось лишить российское войско возможности переброски подкрепления с фронта в тыл на оборону Сарыкамыша. Для этого Энвер-паша собирался за 2–3 дня до броска через горы начать лобовое наступление в Сарыкамышском направлении. Это позволяло туркам неожиданно атаковать и захватить сам Сарыкамыш, отрезав войску противника единственный путь к отступлению. При удачном стечении обстоятельств для турецкой армии окруженным русским оставалось или капитулировать, или отступить на юг в высокогорье к селению Кагызман, географическое положение которого обрекала солдат на скорую гибель от мороза и голода. Однако этим планам турецкого правительства не суждено было

сбыться. И во многом неудача турецкой армии была обусловлена ошибками военного руководства, не сумевшего рассчитать силы сторон в условиях военных действий в горной местности в зимнее время. Обладая значительным перевесом в численности солдат, турецкая армия не смогла сломить оборону сравнительно слабых, покинутых позорно бежавшим главнокомандующим А.З. Мышлаевским сил.

Сарыкамышская оборонительная операция Великой войны стала одной из ключевых и успешных для русского оружия сражений Кавказского фронта. Это событие также являлось, по мнению ряда исследователей, переломным и в судьбе армянского народа. Турецким методом решения армянского вопроса стал жестокий акт геноцида, унесшего жизни более полутора миллионов человек, что по разным оценкам составляло примерно 60–70 % всего армянского населения Османской Империи. Казалось бы, участие армян в Сарыкамышском сражении, действительно, имело место быть, а это могло восприниматься турецким обществом как акт предательства. И данный аспект мог бы стать причиной геноцида армян, но, с другой стороны, это мнение ошибочно из-за ряда причин. Первая причина – в турецкой армии было много военнослужащих армян, с доблестью защищающих интересы Турции. Об этом в своем письме к патриарху Завену писал и Энвер-паша – один из организаторов геноцида. Вторая – во многом в провале Сарыкамышской операции виноват сам военный министр Турции, который банально не смог позаботиться о зимнем обмундировании своих солдат, замерзших позже в горах. Третьей причиной является ошибочная внутренняя политика Османской империи, лишавшая христианское население прав, которыми обладали мусульмане страны, что, в свою очередь, обуславливало недовольство нетурецкого населения. Четвертая причина – неудачи Турции на Западном фронте. Действительно, в то время, когда появилась угроза потери Турцией Стамбула, возникла идея тюркизации Анатолии, где проживало множество армян, составляющих абсолютное большинство ряда восточных вилайетов. Иных способов добиться этого, кроме уничтожения или депортации армянского населения,

просто не было. Пятая причина – страх повторения событий на Балканах. При получении независимости Армении Турция могла потерять все азиатские территории империи, что явилось бы смертельным ударом для Османского государства.

Подводя итог, мы должны отметить, что участие армян в проигранном турками Сарыкамышском сражении являлось лишь формальной причиной для начала массовой резни. В действительности же Турецким правительством двигали иные цели и задачи, а основной идеей стал лозунг «Нет армян – нет армянского вопроса». С подобным кровавым способом решения проблем, связанных с немусульманским населением, Османская Турция ознакомилась еще в 1894 г. во время Хамидийской резни, унесшей жизни около 300 тысяч человек. В условиях Первой мировой войны ничего не мешало Младотурецкому правительству вернуться к опыту предков.

Список литературы

1. Arçar, D. A. On the Cross of Europe's Imperialism, Armenia Crucified / D. A. Arçar. – Yokohama : BiblioBazaar, 1918. – 124 p.
2. Корсун, Н. Г. Сарыкамышская операция / Н. Г. Корсун. – М. : Воениздат НКО СССР, 1937. – 146 с.
3. Геноцид армян и Османской империи : сб. документов и материалов / отв. ред. М. Г. Нерсисян. – 2-е доп. изд. – Ереван : Айастан, 1983. – 685 с.
4. Киракосян, Дж. С. Младотурки перед судом истории / Дж. С. Киракосян. – Ереван : Айастан, 1989. – 496 с.
5. Akçam, T. From Empire to Republic : Turkish Nationalism and the Armenian Genocide / T. Akçam. – [S. l.] : Zed Books Ltd, 2004. – 273 p.
6. Meyer, G. J. A World Undone : The Story of the Great War. 1914 to 1918 / G. J. Meyer. – N. Y. : Delacorta Press, 2007. – 816 p.
7. Kevorkian, R. H. The Armenian Genocide : A Complete History / R. H. Kevorkian. – L. : Tauris, 2011. – 1037 p.
8. Озтюрк, М. Сарыкамышское сражение: турецкий взгляд / М. Озтюрк // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. ст. / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов, А. А. Малыгина. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. – С. 254–265.

BATTLE OF SARIKAMISH AND THE PROBLEM OF ARMENIAN GENOCIDE

Markaryan Garik Gagikovich

Student, Department of Archeology and Foreign History,
Volgograd State University
markgarik@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Many researchers associated the Armenian Genocide in the Ottoman Empire with the outcome of the Battle of Sarikamish. In fact, this view is incorrect because of a number of foreign and domestic reasons. The reluctance of the Turkish government to solve the Armenian Question through reforms and equalize the rights of the Christian and Muslim population posed a threat of destabilization in the country. In the context of the Great War, the Turkish method of solving this problem has become a cruel act of genocide that killed a half million Armenians in the Ottoman Empire. Participation of Armenians in Sarikamysh battle on the side of the Russian Empire became a formal reason for the destruction of the Armenian population, but the real reasons of that crime lay elsewhere.

Key words: the Armenian Genocide, the Ottoman Empire, the Russian Empire, Battle of Sarikamish, the Armenian question, World War I, IV Armenian battalion.

УДК 94(470+571)«1914/1918»:2-488.85

ББК 63.3(2)534-68

ПОМОЩЬ БЕЖЕНЦАМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Рябая Светлана Анатольевна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры история российской государственности
Ижевского государственного технического университета
имени М.Т. Калашникова
saryaba@mail.ru
ул. Студенческая, 7, 426000 г. Ижевск, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются данные о численности беженцев, показано соотношение коренного и мигрировавшего населения в Вятской губернии. Исследуется организационные и правовые мероприятия, предпринятые с целью формирования системы государственно-общественного попечения о беженцах. Рассматриваются формы оказания помощи беженцам Первой мировой войны, оказавшимся в Вятской губернии, как со стороны правительственных структур, так и общественных организаций.

Ключевые слова: беженцы, Вятская губерния, Первая мировая война, оказание помощи, общественные организации.

В результате Первой мировой войны Вятская губерния, как и вся Россия в целом, столкнулась с неизвестной ранее проблемой: с запада на восток страны хлынула безудержная, стихийная и неурегулированная волна беженцев в неожиданно большом количестве. Актуальной проблема массового перемещения мирного населения стала именно в начале Первой мировой войны. До этого времени массовые передвижения затрагивали только непосредственных участников боевых действий во время военных походов, сражений и операций. Гражданское же население хотя и испытывало трудности военного времени, но не было вынуждено в массовом порядке, по принуждению или добровольно, покидать места своего проживания.

Среди различных исследовательских тем, посвященных истории Первой мировой войны в России, проблема беженства остается наименее изученной. Советская историческая наука обозначенной проблемой мало интересовалась, что вызвано, по мнению А.Н. Курцева, невыгодностью сравнения многих сторон оказания помощи беженцам в царской России, судьбой их по возвращении на родину в 1918–1925 гг., а также с условиями массовой эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны. В конце XX – начале XXI в. появились работы регионального масштаба. Так, например, в исследованиях С.В. Букаловой, И.А. Еремина, С.В. Казаковцева, М.В. Васильева [6], А.А. Терещенко [17] освещаются особенности социальной помощи, характеризуются основные направления государственной помощи и частной благотворительности в европейской части России и Сибири (на примерах Саратовской, Томской, Вятской, Псковской и Курской губерний) [9]. Сведения о численности, половозрастном составе беженцев, их этнической принадлежности, которые оказались на территории Урала, проанализированы С.А. Пьянковым и Н.А. Михалевым [14]. Организация проживания беженцев, принципы их размещения во Владимирской губернии изучались Е.С. Бутриным [4].

Попытку рассмотреть законодательную базу, посвященную движению беженцев, и степень реализации попечения о беженцах на примере Черноморской губернии сделала Л.Г. Полякова [12].

Политика Российской империи в отношении беженцев в период Первой мировой войны как источника рабочей силы для аграрного сектора охарактеризована С.В. Букаловой [3]. Автором показаны состав и расселение беженцев, динамика государственной помощи беженцам и их участие в сельскохозяйственных работах.

Также историки обращались к изучению деятельности организаций Всероссийского земского и городского союзов различных губерний по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны, исследовали формы, результаты работы комитетов, организационные трудности и пути их преодоления, взаимодействие с общественными организациями и населением. Пермский край в этом контексте изучался К.Е. Баженовой [1], Средний Урал – О.С. Поршневой [13].

Комплекс организационных и правовых мероприятий, принятых правительством и институтами гражданского общества Российской империи с целью формирования системы государственно-общественного попечения о беженцах, рассматривался А.С. Тумановой [18].

Наиболее полное историографическое исследование проблемы российского беженства 1914–1922 гг. в отечественной исторической науке осуществили Н.В. Суржикова, Н.А. Михалев, С.А. Пьянков [16]. Авторы указали, что существуют различные теоретико-методологические подходы к изучению проблемы беженства.

Анализ имеющейся литературы свидетельствует, что указанная тема является новой для исследователей и авторы активно изучают региональный аспект российского беженства 1914–1918 годов.

Проблема беженства в годы Первой мировой войны сразу начала освещаться во всевозможных массовых центральных и местных органах массовой информации, в газетах и журналах. В них поднимались вопросы, связанные с условиями перемещения беженцев, их расселением и оказанием им необходимой помощи. Примером может служить выпускаемая в Вятской губернии газета «Извещения о ходе войны», которая выходила два раза в неделю и рассылалась по всем селениям губернии. Во всех изданиях освещалась деятельность государства и благотворительных организаций по оказанию помощи беженцам. Региональные издания в основном печатались для решения вопросов по регистрации беженцев, их трудоустройству, обеспечению и снабжению и др.

Вятская губерния, как и другие территории Российской империи, приняла немало беженцев из мест, в которых разворачивались военные действия в связи с начавшейся Первой мировой войной. Согласно положениям Закона «Об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г., беженцами признавались лица, «оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств» [2, с. 82].

Численность беженцев на территории Российской империи в 1915 г. достигла 3–4 млн человек, а концу 1917 г. – почти 5 млн человек [10, с. 145]. По мнению М.М. Грана, которое приводит Е.З. Волков в своей книге, цифра в 5 миллионов «явно преуменьшена», ибо «выходит, что автор принимает средний состав семьи в два человека» (цит. по: [7]). Однако на основе данных специальной переписи еврейских беженцев, произведенной Еврейским комитетом помощи жертвам войны, М.М. Гран установил средний состав беженской семьи в 4 человека и, снижая его из осторожности до 3 человек, получил общую цифру зарегистрированных беженских семей в 3 млн, а всю беженскую массу – в 9 млн. Учитывая, что регистрация беженцев обычно охватывала лишь призываемых беженцев, М.М. Гран предположил, что беженство периода войны 1914–1917 гг. «охватило массу населения по меньшей мере в 10, если не в 15 млн чел.», но с учетом высокой смертности среди беженцев реальной может считаться цифра в 7,5 млн человек, выведенная Е.З. Волковым [7, с. 72–73].

Численность зарегистрированных беженцев в Вятской губернии в 1915–1917 гг. показана в таблице [14, с. 333].

**Численность зарегистрированных беженцев
в Вятской и Пермской губерниях в 1915–1917 гг.**

Дата	Территория, губерния	
	Вятская	Пермская
1 ноября 1915 г.	1 763	10 078
1 мая 1916 г.	3 336	26 549
1 июня 1916 г.	3 469	26 589
15 декабря 1916 г.	3 796	28 248
1 июня 1917 г.	3 652	29 830

По данным Всероссийского земского союза, на 1 июля 1916 г. доля беженцев по отношению к местному населению в Вятской губернии (0,9 %) и Пермской (0,7 %) губерниях была незначительной [14, с. 333].

По данным конца 1916 г., в Вятской губернии доминировали беженцы из Северо-Западного края – 68 % от общего количества (2 578 человек). В Вятский край из Прибалтийской губернии при-

были 12 % от общего количества беженцев (468 человек), из Царства Польского – 9 % (333 человек), из Юго-Западного края – 5 % (200 человек). К категории «неизвестно» было отнесено около 6 % беженцев.

В начале 1915 г. в Вятскую губернию беженцы стали прибывать небольшими группами. Распоряжением администрации, по возможности немедленно, по прибытии их устраивали на месте в качестве служащих или предоставляли различные работы, а знающим ремесло выдавались пособия на обзаведение инструментом. Беженцам, не имеющим средств для следования далее по губернии к месту, избранному для жительства, для проезда выдавали пособия или обеспечивали бесплатным проездом [11, с. 140].

Согласно телеграфному сообщению главного Всероссийского комитета, осенью 1915 г. в Вятскую губернию предполагалось прибытие большого количества беженцев. Казной было отпущено 150 тыс. руб., из них 125 тыс. руб. выделялось на строительство трех распределительных пунктов (в Вятке, Глазове, Котельниче), 25 тыс. руб. – на содержание беженцев. Кроме того, из средств Татьянинского комитета было выделено 30 тыс. рублей. Средства для оказания медицинской помощи предполагалось выделить в первую очередь на распределительные пункты: для Глазова, по мнению губернского земского собрания, требовалось 3 тыс. руб., для остальных – по 1 тыс. рублей. В случае возникновения эпидемий борьба с ними могла быть организована за счет средств, традиционно отпускаемых на эти цели.

Регистрация беженцев должна была производиться на специальных бланках, разработанных статистическим отделом губернской земской управы, с расходом по 5 коп. на каждого беженца. Губернатор предложил по возможности разместить беженцев равномерно – примерно по 10 тыс. человек в каждом уезде. Было решено, что вопрос об организации приема и размещения беженцев будет обсужден в Особом совещании каждого уезда [15, с. 191].

С самого начала войны проблемы беженского движения были переданы в руки различных общественных организаций, разре-

шение на открытие которых было дано правительством. Так, в сентябре 1914 г. был организован Комитет помощи пострадавшим во время военных действий мирным жителям под председательством княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет), основной деятельностью которого и его отделений было оказание помощи беженцам.

Важнейшей проблемой общественных организаций было изыскание средств для помощи беженцам. Первой акцией, проведенной с этой целью, являлся сбор пожертвований в октябре 1914 г., который проводился под лозунгом «Помощь Польше!». Его организатором был комитет великой княжны Татьяны. Призыв был услышан, и акция возымела успех.

В октябре 1914 г. из средств Вятского общества помощи семьям призванных на войну было направлено в Комитет помощи пострадавшим во время военных действий мирным жителям княжны Татьяны Николаевны 2 000 руб., а также открыт прием пожертвований для нужд этого комитета.

На общем собрании Вятского общества помощи семьям призванных на войну 12 октября 1914 г. было решено присоединиться к Всероссийскому обществу помощи пострадавшим во время военных действий мирным жителям княжны Татьяны Николаевны. Так, при Вятском обществе помощи семьям призванных на войну была организована еще одна общественная организация.

Итак, отделение комитета княжны Татьяны Николаевны в Вятке было открыто, хотя проблем беженцев здесь еще не было, деятельность отделения состояла в распространении воззваний с призывами жертвовать на нужды пострадавших от войны, в приеме этих пожертвований и отсылке их в центральный комитет. Отделения занимались организацией сборов пожертвований в пользу комитета. В 1915 г. во всех уездах Вятской губернии тоже были открыты отделения Татьянинского комитета.

Активную помощь в сборе средств для беженцев оказывали дамские комитеты попечительства о бедных; дамы собирали пожертвования деньгами и вещами, столь нужными беженцам, которые зачастую не имели необходимых в холодном климате ве-

щей, устраивали благотворительные базары и различные мероприятия с благотворительной целью.

Примером сочувствия, сострадания со стороны жителей Вятской губернии, общественных организаций и правительственных органов может служить организация помощи беженцам в Глазовском уезде Вятской губернии. Глазовской уездной земской управой было принято решение разместить в уезде 9 500 человек, а в городе Глазове – 500 человек.

Для жилья беженцев планировалось использовать здания училищ и пустующие заводские здания. Кроме того, было решено нанять амбары городских домовладельцев с установкой в них кипятильников. Одновременно было решено организовать приют для 100 беднейших беженцев в специально нанятом здании, средства на который в сумме 1 000 руб. были отпущены Всероссийским городским союзом. Городская дума безвозмездно уступила участок городской земли площадью 1 000 кв. саж. для устройства здания распределительного пункта при железнодорожной станции город Глазов.

Городские приемные пункты не справлялись с демографическим взлетом, поэтому уездная управа открыла еще один пункт приема беженцев на станции Чепца Пермь-Котласской железной дороги. Каждый приемный пункт принимал по графику через день 100 человек беженцев [8, с. 151]. В санитарно-гигиенических целях было решено построить помещения под бани [11, с. 168–169].

Основное финансирование на обеспечение продовольствием беженцы получали от Министерства внутренних дел. Согласно докладу Глазовской управы, «норма пищевого и квартирного довольствия беженцев определена для лиц свыше 5 лет в 25 коп., для детей же 5 и меньше лет в 15 коп. в день» [8, с. 149]. Однако они не могли полностью удовлетворить потребности несчастных.

В дополнение им среди населения уезда общественные организации проводили сборы денег, одежды, обуви, белья. Например, Глазовский дамский кружок шил одежду, обувь и белье, а Глазовский местный комитет Российского общества Красного Креста в 1915 г. собрал 500 руб. денег на нужды беженцев [9].

Таким образом, в 1915–1917 гг. на территории Вятской губернии вследствие военных действий сформировалась новая социальная группа – беженцы. Несмотря на тяжелое социально-экономическое положение, власти и местная общественность стремились оказывать беженцам помощь и обеспечивать их существование на новом месте. В плане практической работы основная деятельность осуществлялась органами местного самоуправления и специальными организациями-комитетами помощи беженцам. Помощь была не только финансовой, но и социальной: поиск работы, организация культурного досуга.

Список литературы

1. Баженова, К. Е. Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов Пермского губернии по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны / К. Е. Баженова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 12. – С. 21–27.
2. Бахурин, Ю. А. Вынужденные переселения из западных окраин России в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.): проблемы терминологии и причин / Ю. А. Бахурин // Великая и забытая : материалы Международ. науч.-практ. конф. – Калининград : Гусев, 2013. – С. 82–93.
3. Букалова, С. В. Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны / С. В. Букалова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2014. – № 1. – С. 246–252.
4. Бутрин, Е. С. Беженцы в Шуе и Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны / Е. С. Бутрин // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы XIII Международ. науч. конф. / отв. ред. А. А. Корников. – Иваново : Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2014. – С. 389–398.
5. Бутрин, Е. С. Беженцы в Шуйском уезде Владимирской губернии в годы Первой мировой войны / Е. С. Бутрин // Первая мировая : Неоконченная война : материалы Международ. науч. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. «Проблемы поиска и публикации российских и зарубежных источников о Первой мировой войне 1914–1918 гг. на современном этапе развития исторической науки» (г. Москва, 18 июня 2014 г.) / отв. ред. Е. И. Пивовар. – М. : Изд-во РГГУ, 2015. – С. 649–661.

6. Васильев, М. В. Беженцы Первой мировой войны и Псковская губерния / М. В. Васильев // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2014. – № 40. – С. 170–184.

7. Волков, Е. З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет / Е. З. Волков. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. – 273 с.

8. Журналы Глазовского уездного земского собрания: 49-й очередной сессии, с 5 по 19 октября 1915 года, с приложениями к ним. – Вятка : Губ. типолитогр., 1916. – 736 с.

9. Корепанов, А. А. Социальная защита детей-беженцев и сирот в годы Первой мировой войны в Вятской губернии (на материалах Глазовского уезда) / А. А. Корепанов, Л. А. Волкова // СибАК. – 2009. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sibac.info/sibac.info/2009-07-01-10-21-16/10207>. – Загл. с экрана.

10. Масалимов, А. С. Беженцы и военнопленные Первой мировой войны в Уфимской губернии / А. С. Масалимов, Т. С. Масалимов // Вестник ВЭГУ. – 2007. – № 2. – С. 145–151.

11. Обзор Вятской губернии за 1915 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. – Вятка : Губ. типолитогр., 1915.

12. Полякова, Л. Г. Беженцы в годы Первой мировой войны: проблемы статуса и обеспечения (на примере Черноморской губернии) / Л. Г. Полякова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4–2. – С. 145–147.

13. Поршнева, О. С. Эволюция деятельности организаций Всероссийского земского союза на Среднем Урале в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / О. С. Поршнева, К. Е. Баженова // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2011. – № 2. – С. 35–39.

14. Пьянков, С. А. Беженцы Первой мировой войны на Урале: численность, размещение, состав / С. А. Пьянков, Н. А. Михалев // Институты развития демографической системы общества : V Урал. демогр. форум : сб. материалов. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2014. – С. 332–339.

15. Рябая, С. А. Беженцы Первой мировой войны / С. А. Рябая // Удмуртский край в годы Первой мировой войны / общ. ред. А. Е. Загребина, Н. В. Тойкиной. – Ижевск, 2014. – С. 185–194.

16. Суржикова, Н. В. Российское беженство 1914–1922 годов в контексте новейших отечественной и зарубежной историографии / Н. В. Суржикова, Н. А. Михалев, С. А. Пьянков // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2012. – Вып. 3 (20). – С. 140–152.

17. Терещенко, А. А. Беженцы Первой мировой войны в городах Курской губернии / А. А. Терещенко // Курская губерния и куряне в Первой мировой войне : Кур. воен.-ист. сб. – Курск : Интеграл плюс, 2014. – Вып. 14. – С. 85–88.

18. Туманова, А. С. Организационно-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны / А. С. Туманова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2013. – № 1 (11). – С. 50–59.

THE HELP TO REFUGEES OF WORLD WAR I (ON MATERIALS OF THE VYATKA PROVINCE)

Ryabaya Svetlana Anatolyevna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of History of Russian Statehood,
Izhevsk State Technical University of M.T. Kalashnikov
saryaba@mail.ru
Studencheskaya St., 7, 426000 Izhevsk, Russian Federation

Abstract. The article analyzes data on the number of refugees, and shows the relationship of the indigenous population migrated in the Vyatka province. We study the organizational and legal measures taken in order to create a system of state-public care of refugees. Forms of assistance to the refugees of World War I who appeared in the Vyatka province as from government structures, and public organizations are considered.

Key words: refugees, Vyatka province, World War I, assistance, public organizations.

УДК 94(410)«1685/1688»:355.311.3

ББК 63.3(4Вел)512-35

БРИТАНСКАЯ АРМИЯ ПРИ ЯКОВЕ II (1685–1688 гг.)

Станков Кирил Николаевич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения
Волгоградского государственного университета
stankov11@yandex.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Цель представленной статьи – оценить личный вклад британского монарха Якова II Стюарта в создание профессиональной сухопутной армии в Великобритании и дать общую характеристику состоянию британских вооруженных сил накануне «Славной революции» 1688–1689 годов. Автор характеризует взгляды Якова II на военную сферу, предпринимает попытку оценить его военный опыт. Большое внимание уделяется сопротивлению военным реформам Короны со стороны правящей элиты Англии и оценке этих преобразований в британском общественном мнении. Выделяются основные достижения Якова II в реформировании (и фактически в создании) сухопутной армии на Британских островах и главные препятствия, которые встретил на своем пути король-преобразователь.

Ключевые слова: сухопутная армия, политическая элита, корона, «Славная революция», общественное мнение, дезертирство.

В отечественной и отчасти зарубежной историографии одним из наименее изученных сюжетов британской истории Нового времени является непродолжительное правление короля Якова II Стюарта (1685–1688 гг.), вступившего на престол в 1685 г. и свергнутом в ходе «Славной революции» 1688–1689 годов. В ограниченном количестве работ, посвященных этому периоду, существует традиция полного противопоставления политики Якова II и его преемников, пришедших к власти после событий 1688 года. Однако подробное изучение сохранившихся документов конца XVII в. позволяет

утверждать, что в целом ряде аспектов наблюдается преемственность в деятельности Якова II и его зятя и соперника статхаудера Нидерландов Вильгельма Оранского, правившего в 1689–1702 гг. с титулом Вильгельма III Английского (II Шотландского). Одним из таких направлений являются военные преобразования. Яков II, продолжая начинания своего старшего брата Карла II Стюарта (1660–1685), заложил основы британской профессиональной сухопутной армии, которая окончательно оформилась уже при его преемниках.

Во время Английской революции середины XVII в. Яков (тогда герцог Йорк) скитался по Европе, добывая себе на жизнь военной службой различным монархам. В результате будущий король прошел все ступени военной иерархии от младшего офицера до генерала французской армии и верховного адмирала испанского флота. Таким образом, будучи хорошо знакомым с лучшими европейскими армиями Европы, Яков II смотрел на проблему обороноспособности Британии шире, чем большинство его соотечественников. Многие английские политики эпохи Реставрации исходили из устаревшего принципа, что островному государству для обеспечения своей безопасности достаточно иметь сильный флот и милицию – территориальное ополчение графств.

Между тем в своих мемуарах один из британских кадровых офицеров и комендант Йорка – главной опорной крепости на севере Англии – сэр Джон Рересби обращал внимание на то, что локальные восстания под руководством герцога Монмаута и графа Аргайла в 1685 г. и успешное вторжение в 1688 г. в Англию армии европейских наемников во главе с Вильгельмом Оранским продемонстрировали растущее военное отставание Британии от остальной Европы [14, р. 209–211, 277–298, 318].

Постоянная регулярная армия являлась опорой короны, и ее усиление позволило бы Якову II стать более независимым от парламента и от английской элиты, которая бы никогда не поддержала его политического курса, направленного, по своей сути, на уничтожении всего того, чего она добилась в результате Английской революции 1640 г. и компромисса 1660 г. [2, с. 27].

Для осуществления затратных военных реформ Яков II находился в более выгодном финансовом положении, чем его пред-

шественник Карл II. Английский парламент, собравшийся в 1685 г. и, по замечанию одного из депутатов, «состоявший из большого числа преданных короне дворян» [14, р. 192], не только разрешил Якову II держать армию в мирное время, но и предоставил ему значительные средства на ее содержание. В связи с этим у короля не было необходимости для получения дополнительных займов созывать новый парламент, который мог бы наложить ограничения на его военные планы [1, с. 108; 14, р. 192–193, 196–197, 200, 203–205, 215–219, 221, 226].

Однако в своей реформаторской деятельности Яков II столкнулся с серьезной политической проблемой. Опустошение, которому были подвергнуты все три британских королевства в период гражданских войн, и «железное правление Кромвеля» привели к тому, что у населения сложилось крайне негативное отношение к профессиональным войскам. Кроме того, поскольку ни в Англии, ни в Шотландии постоянная регулярная армия не имела глубоких традиций, британцы с подозрением относились к любым попыткам монархов создать или увеличить регулярные войска, полагая, что они будут использоваться главным образом для подавления общественного недовольства правительством и, в более отдаленной перспективе, для постепенной трансформации сложившегося после Реставрации 1660 г. равновесия короны и парламента в абсолютистский режим [11, р. 290]. С восшествием на престол Якова II эти настроения усилились вследствие религиозной принадлежности нового монарха, который был ревностным католиком, и его настойчивых попыток предоставить часть офицерских должностей своим единоверцам [9, р. 81–82; 14, р. 194, 215, 220, 235–236]. В итоге с 1685 г. по Англию стали распространяться не вполне обоснованные слухи, будто Яков II хочет использовать «папистскую» армию с целью осуществления кровавой Контрреформации [2, с. 27].

В 1670-е – начале 1680-х гг. масла в огонь подлила гегемонистская политика французского короля Людовика XIV. По словам Дж. Чайлдса, «начиная с активной военной кампании против Нидерландов в 1672 г., Франция ярко показала себя католическим, агрессивным и военизированным государством» [8, р. 84].

С этих пор в массовом сознании британцев профессиональная армия, абсолютизм и насильственная Контрреформация стали восприниматься как три взаимосвязанных и неразделимых явления, появление одного из которых неизбежно вызовет к жизни и остальные [2, с. 27; 14, р. 222].

Между тем обращение к источникам показывает, что Яков II лишь в крайних случаях использовал регулярные части для подавления внутренней политической оппозиции. Единственным примером масштабных акций подобного рода служит разгром восстаний герцога Монмаута и графа Аргайла [14, р. 201, 204–205, 209–211]. Даже во время массовых погромов в Лондоне в октябре – декабре 1688 г. порядок в городе поддерживали не регулярные войска, а столичная милиция. Хотя Яков II ввел в «город на Темзе» отдельные армейские части, их функции ограничивались охраной королевских резиденций и католических часовен и они не использовались в репрессивных целях. По мнению ряда исследователей, переброски армии из Ирландии было достаточно, чтобы потопить в крови любое восстание внутри Англии, даже если бы оно получило поддержку извне [8, р. 10; 12, р. 39; 13, р. 665–666]. Тем не менее Яков II не прибегнул к этой мере, опасаясь вызвать резкое недовольство в Англии и достаточно полагаясь на свои регулярные части из англичан и шотландцев.

Однако попытки Якова II укрепить институт королевской власти и его отказ распустить армию, набранную для подавления восстания Монмаута, окончательно убедили англичан в их самых худших опасениях [14, р. 203–215]. Побывавший в Англии в 1686 г. русский дьяк В.М. Михайлов в своем статейном списке отмечал, что король «англицкой... непрерывным строением ратных людей и тех частыми смотрами у подданных своих древнюю в них грубость и непокорство пременяет» [2, с. 27]. Ситуация усугублялась тем, что при Карле II и при Якове II оппозиция короне всячески усиливала подобные опасения среди населения, провоцируя панические настроения [12, р. 36–37]. В то же время историк Н. Хеншелл отмечает: «Борьба вигов конца XVII в. за сокращение вооруженных сил прекратилась, как только они пришли к власти» [3, с. 106].

Меры Якова II по укреплению вооруженных сил Британии поддерживали многие придворные сановники (государственный секретарь Чарльз Мидлтон, граф Ренелаг, виконт Престон) и высшие командиры, в первую очередь один из величайших английских полководцев Джон Черчилль, в будущем – знаменитый герцог Мальборо [104, р. 119].

Одним из итогов военных преобразований Якова II стало увеличение численности регулярной армии. Сведения о ее количественном составе противоречивы. Согласно современным данным, полевая армия Якова II (без учета солдат, занятых службой в гарнизонах) к осени 1688 г. насчитывала порядка 20 тыс. человек [8, р. 3–5; 11, р. 346–347]. Для сравнения стоит отметить, что эти вооруженные силы численно в два раза уступали армии «нового образца» О. Кромвеля и в три раза британским регулярным войскам, которыми к 1691 г. располагал Вильгельм III [4, р. 115; 12, р. 47].

Малочисленность армии, созданной Яковом II, не умаляет масштабов проведенных им реформ. Главной заслугой короля явилось то, что он изменил ее не в количественном, а в качественном отношении. Яков II хорошо осознавал, что ядром профессиональной армии является офицерский корпус. Поэтому главной заботой короля стало создание хорошо подготовленного командного состава. Монарх активно привлекал в свою армию британских офицеров, служивших наемниками на континенте, и создавал условия для их возвращения на родину [1, с. 110, 116]. Яков II стремился усилить британскую армию переводом на родину целых контингентов британских наемников. Сохранились документальные сведения о том, что король дважды (в 1686 г. и в начале 1688 г.) вел переговоры с Гаагой о возвращении в Британию Шотландской бригады, находившейся на постоянной службе в Нидерландах [2, с. 28]. Интерес Якова II к этим формированиям был неслучаен: по оценке современных исследователей, Шотландская бригада являлась одним из самых боеспособных военных формирований Европы того времени [11, р. 330–331, 341, 347; 15, р. 137]. Несмотря на противодействие Вильгельма Оранского, британскому монарху в конечном счете удалось добиться перевода на родину большинства офицеров и части солдат из этой бригады.

В XVII в. существенной проблемой при формировании офицерского корпуса было отсутствие системы военного образования. В эту эпоху ее заменял личный боевой опыт. Однако в данном случае британская армия оказывалась в невыгодном положении, поскольку в правление Якова II Британия не вела войн, а временное затишье в военной активности Франции во второй половине 1680-х гг. лишало его возможности, которой часто пользовался его предшественник Карл II, – посылать целые контингенты своих войск на временную военную службу Людовику XIV. Поэтому, стремясь, чтобы вооруженные силы Британии не отставали от общеевропейского уровня, Яков II отправлял своих офицеров в командировки за границу изучать военный опыт передовых армий того времени. Как правило, британцы направлялись военными наблюдателями во Францию или Нидерланды [11, р. 333–336]. Английские, шотландские и ирландские офицеры служили в армии германского императора, в том числе принимали участие в осаде Буды имперскими войсками в 1686 году. Некоторые британские офицеры получили разрешение служить в венецианской армии [6, р. 188, 393, 396, 445, 448]. В правление Якова II были выдвинуты проекты создания по образцу Шотландской бригады контингентов британских наемников на службе у Франции и Испании [8, р. 42–43]. Итогом подобных мер стало то, что, по словам Дж. Чайлдса, за неполные четыре года правления Якова II «недостаток профессионализма, который был характерен для армии эпохи Реставрации вплоть до 1685 г., быстро улетучивался» [8, р. 40], и, хотя продолжала существовать практика раздачи высших командных должностей пэрам и придворным, к 1688 г. основная масса войск находилась под командование профессиональных офицеров [11, р. 348].

Яков II смог поднять престиж офицерской службы. Традиционно в Англии высоким социальным статусом пользовались только морские офицеры. Именно с его правления служба командиром сухопутных сил стала рассматриваться в качестве достойной карьеры для дворянина [15, р. 121–123, 131]. В значительной степени этому способствовало то, что при Якове II отличившиеся офицеры могли рассчитывать на получение высоких постов не

только в армии, но и в гражданской администрации [7, р. 227–228; 8, р. 207–209].

Король придал своей армии юридический статус и положил начало созданию системы специальных военных судов. Проблема заключалась в том, что в эпоху Реставрации постоянная армия фактически не имела юридического статуса. С точки зрения английского законодательства этого периода она рассматривалась не более как королевская «гвардия и гарнизоны» [4, р. 115]. Военнослужащие считались обычными подданными, которые несли особый род королевской службы, и наряду со всеми остальными должны были подчиняться гражданскому законодательству [15, р. 134–136]. Передача в июле 1685 г. в гражданские суды расследования некоторых видов воинских преступлений решила эту проблему лишь частично, поскольку многие виды нарушения военной дисциплины, такие как дезертирство, не имели аналогов в гражданском законодательстве и преследовались лишь по личному настоянию короля или его приближенных [6, р. 261–262]. Кроме того, в Англии конца XVII в. система гражданских судебных органов была выстроена так, что места в них занимали дворянство и торговые слои, то есть вся система судопроизводства находилась под контролем британской политической элиты. Яков II, в свою очередь, всячески пытался вывести постоянную армию как важнейший инструмент королевской политики из-под ее влияния, но вследствие отсутствия юридической базы британский монарх мог создавать только временные военные суды, используя в качестве предлога чрезвычайные ситуации: в 1685 г. – восстание герцога Монмаута, в 1686 и 1688 гг. – армейские военные сборы в Хаунслоу Хит [6, р. 151]. Лишь в марте 1688 г. в Лондоне был создан первый постоянный военный трибунал [10, р. 343].

Яков II усовершенствовал систему обеспечения ветеранов армии, начало которой было положено еще в правление Карла II. Впрочем, ко времени «Славной революции» король успел сделать в этом направлении лишь первые шаги. Офицеры и солдаты, оказавшиеся непригодными к военной службе в результате боевых ранений, а также все военнопленные, прослужившие на королевской службе более 12 лет, получали денежные пенсии, но на тех,

кто был уволен из армии вследствие возраста, болезни или в результате замены более боеспособными солдатами, эта мера не распространялась. Для их содержания предназначался королевский госпиталь, который был создан еще при Карле II и располагался в Челси. Однако он был очень мал и уже с 1687 г. не мог вместить всех ветеранов королевской армии. Яков II первым из британских правителей стал серьезно заботиться об улучшении медицинского обслуживания своих войск. В частности, в состав многих полков британской армии были введены военные врачи [8, р. 35–36, 84].

Если при Карле II вся английская армия была сконцентрирована в столице и соседних с Лондоном графствах, то Яков II стремился относительно равномерно распределять свои войска по стране. Эта мера имела как сугубо военное, так и политическое значение. С точки зрения внутренней безопасности регулярные войска заменили на местах ополчение, которое, как показали события 1685 г., легко попадало под влияние антиправительственных сил. В политическом плане в правление Якова II был сделан важный шаг на пути к централизации английского королевства. Региональный партикуляризм являлся одной из важнейших проблем в истории английского государства, и, направив в каждое графство королевские войска, Яков II поставил провинцию под более жесткий контроль Лондона и сделал местные власти более ответственными перед центральным правительством в лице монарха [8, р. 84].

В целом за три с половиной года своего правления король сделал английскую армию более мобильной и маневренной, чему способствовали многочисленные смотры и учения, которым Яков II уделял огромное внимание. Шотландский генерал на русской службе Патрик Гордон и дьяк Василий Михайлов, побывавшие в Англии с дипломатическими миссиями в 1686 г., отмечают, что король лично принимал участие в военных учениях. Кроме того, Патрик Гордон, будучи блестящим знатоком военной инженерии, отмечал заслуги британского монарха в укреплении линии береговой обороны, существенно обезопасившей положение столицы, в строительстве военного флота и вообще глубокий инте-

рес Якова II к последним техническим изобретениям [1, с. 104–106, 108; 2, с. 27].

При оценке этих незавершенных и в целом достаточно скромных успехов британского монарха необходимо учитывать те трудности, с которыми он столкнулся при их осуществлении. Первой из них стало упорное сопротивление всех слоев британцев рекрутским наборам. Основная масса населения считала службу в королевской армии бесполезной и тяжелой повинностью и любыми средствами стремилась ее избежать. Дипломатические документы, материалы официального делопроизводства и воспоминания очевидцев свидетельствуют, что в период правления Якова II англичане часто отвечали на рекрутские наборы бунтами и дезертирством [2, с. 27; 7, р. 324; 10, р. 459].

Второй серьезной проблемой для британского правительства стало размещение солдат в местах службы. Поскольку в Англии за исключением краткого периода существования армии «нового образца» (1644–1660 гг.) не было многочисленных регулярных войск, в гарнизонах не имелось достаточного количества казарм, чтобы вместить постоянно растущие войска Якова II. Согласно парламентским актам 1677 и 1679 гг., офицеры не могли размещать своих солдат на постой в частных домах без разрешения их владельцев [8, р. 85–86; 15, р. 127]. Однако это положение регулярно нарушалось, что провоцировало многочисленные конфликты между солдатами, расквартированными в населенных пунктах, и местными жителями [5, р. 279; 6, р. 214].

Низкая дисциплина в армии явилась третьей серьезной проблемой, которую королю за краткое время своего правления так и не удалось решить. Во многих местностях Англии королевские солдаты вели себя так, будто находились во вражеской стране. Повсюду имели место случаи повального пьянства, грабежа и убийств местных жителей. Однако ради справедливости следует отметить, что насилие проявлялось с обеих сторон. Сохранились свидетельства о том, что местные жители угрожали, избивали и отбирали оружие у королевских солдат [6, р. 287; 7, р. 344]. Обычным явлением были конфликты внутри самой военной корпорации, которые порой достигали значительных масштабов. Так, в

1688 г. в Портсмуте во время столкновения между полком герцога Берика и ирландскими пехотинцами погибло около сотни военнослужащих [10, р. 457–462, 471]. Проблема низкой дисциплины британской армии заключалась в том, что массовые наборы привели к вливанию в регулярные войска значительного числа асоциальных элементов [11, р. 347; 15, р. 133], в то время как Яков II за три с половиной года своего непродолжительного правления успел сделать лишь первые шаги по созданию кодекса военных законов и военных трибуналов.

Четвертой трудностью, с которой столкнулась королевская администрация, стала традиционная для Британии раннего Нового времени тесная связь локальных обществ с управляющими ими местными элитами. При формировании новых полков офицеры-дворяне стремились набирать солдат в тех местностях, где находились их поместья и где они располагали практически неограниченным влиянием. Герцог Ньюкасл, один из крупнейших магнатов северной Англии, предпочитал набирать солдат из населения северных графств [7, р. 289, 296, 301, 313]. Герцог Бьюфорт рекрутировал свой полк из жителей Уэльса, где он долгое время был лордом-лейтенантом, а потому пользовался огромным влиянием и располагал обширными связями среди местного дворянства [15, р. 129]. С политической точки зрения данная тенденция была весьма опасной: отношения рядового и младшего офицерского состава с аристократом, возглавлявшим полк, а также вся система отношений внутри самой войсковой единицы были пронизаны множественностью «неуставных» связей, основанных на землячестве. Осенью 1688 г. подобная система комплектования дала возможность многим тайным оранжистам (сторонникам принца Оранского), использовавшими личное влияние в подчиненных им военных частях, произвести превентивные аресты сторонников Якова II и вместе со своими полками перейти на сторону Вильгельма Оранского [10, р. 480–481].

В целом Яков II не успел завершить свои военные реформы к началу «Славной революции». Более того, осенью 1688 г. они были в самом разгаре. Вероятно, это явилось одной из причин успеха Вильгельма Оранского и его английских соратников. Если

нидерландский статхаудер пересек Ла-Манш с войсками, состоящими из профессиональных наемников, которые имели огромный военный опыт, то большая часть сухопутных сил британского монарха состояла из людей, которые прежде служили в лучшем случае в ополчении. Одним из слабых мест армии Якова II был недостаток опытных офицеров. Хотя британский монарх, как указывалось выше, всеми силами стремился решить эту проблему, в тех условиях их было неоткуда взять. Многим полкам не хватало оружия и боеприпасов, а отдельным конным ротам не успели выдать лошадей. Ко времени высадки Вильгельма Оранского в Англии во многих частях ни разу не проходили ни учения, ни военные смотры. Последнее означает, что значительная часть войск Якова II не умела согласованно действовать в бою. Полки, переброшенные Яковом II из соседних королевств, находились в столь же печальном состоянии: шотландские солдаты были утомлены длительным маршем, а ирландцы пострадали от бури во время переправы через Ирландское море и потеряли в море часть своего снаряжения [7, р. 296, 298, 302–303, 315, 324–325, 331, 338 ; 14, р. 273, 278, 286–288, 294–295]. Так, осенью 1688 г. Якову II не хватало войск, чтобы защитить даже ключевые позиции в береговой обороне Англии – о. Уайт и города Плимут, Честер, Ньюкасл.

Таким образом, за три с половиной года своего правления Яков II добился значительных успехов в военной сфере. Этому королю удалось путем колоссального напряжения сил трансформировать вооруженные силы Карла II, являвшиеся фактически расширенной до 8,5 тыс. человек личной гвардией британского монарха, представлявшей собой «спонтанную смесь из профессионалов, придворных и политиканов» [8, р. 139], в постоянную регулярную армию. С другой стороны, Якову II хотя и удалось за краткое время своего правления заручиться политической поддержкой армии во всех трех королевствах, однако он не успел превратить ее в эффективный военный механизм, способный решать сложные стратегические задачи. И когда в 1688 г. его войскам пришлось столкнуться с ветеранами европейских войн, высадившимися в Англии под знаменем Вильгельма Оранского, стало очевидно, что британской армии предстоит проделать еще длитель-

ный путь преобразований и реформ, пока она сможет достигнуть уровня своих континентальных соседей.

Список литературы

1. Гордон, П. Дневник, 1684–1689 / П. Гордон ; пер. с англ., ст., примеч. Д. Г. Федосова. – М. : Наука, 2009. – 339 с.
2. «Зело народ груб и противо Королевского Величества дерзок»: русский посол об Англии накануне переворота 1688 г. // Источник. – 2002. – № 5. – С. 24–29.
3. Хеншелл, Н. Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего нового времени / Н. Хеншелл ; пер. с англ. А. А. Паламарчук, Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова. – СПб. : Алегейя, 2003. – 272 с.
4. Barnett, C. Britain and Her Army, 1509–1970: A Military, Political and Social Survey / C. Barnett. – L. : Allen Lane : Penguin, 1970. – 530 p.
5. Calendar of State Papers, Domestic Series. Of the Reign of James II. February–December 1685 / ed. by E. K. Timing. – L. : Her Majesty's Stationary Office, 1960. – 578 p.
6. Calendar of State Papers, Domestic Series. Of the Reign of James II. January, 1686 – May, 1687 / ed. by E. K. Timing. – L. : Her Majesty's Stationary Office, 1964. – 554 p.
7. Calendar of State Papers, Domestic Series. Of the Reign of James II. June, 1687 – February, 1689 / ed. by E. K. Timing. – L. : Her Majesty's Stationary Office, 1972. – 532 p.
8. Childs, J. The Army, James II and the Glorious Revolution / J. Childs. – Manchester : Manchester univ. press, 1980. – 226 p.
9. English Historical Documents. In 12 vols. Vol. 8. 1660–1714 / ed. by A. Browning. – L. : Eyre & Spottishwoode, 1953. – 939 p.
10. Luttrell, N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. In 6 vols. Vol. 1 / N. Luttrell. – Oxford : Oxford univ. press, 1857. – 621 p.
11. Manning, R. B. An Apprenticeship in Arms: The Origins of the British Army, 1585–1702 / R. B. Manning. – Oxford : Oxford univ. press, 2006. – 467 p.
12. Miller, J. Catholic Officers in the Later Stuart Army / J. Miller // The English Historical Review. – 1973. – Vol. 88, № 346. – P. 35–53.
13. Miller, J. The Militia and the Army in the Reign of James II / J. Miller // The Historical Journal. – 1973. – Vol. 16, № 4. – P. 659–679.

14. Reresby, J. The Memoirs of the Honorable Sir John Reresby, bart. / J. Reresby. – L. : Samuel Harding, 1734. – 349 p.
15. Western, J. R. Monarchy and Revolution: The English State in the 1680s / J. R. Western. – L. : Blandford Press, 1972. – 421 p.

BRITISH ARMY OF JAMES II (1685-1688)

Stankov Kirill Nickolaevich

Candidate of Sciences (History), Teaching Assistant,
Department of International Relations and Foreign Area Studies,
Volgograd State University
stankov11@yandex.ru
Posp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The aim of the article is to estimate the personal contribution of British monarch James II Stuart in the creation of the British army. The other aim is to give a general characteristic of the state of the British war forces on the eve of the so-named “Glorious Revolution” of 1688-1689. The author of the articles tries to show the James II’s view to military sphere and to estimate his war experience. The big attention is paid to the resistance of the English ruling elite to the Crown’s military reforms and. Besides the author have found the estimates of these reforms in British public opinion of that time. The author also shows the main achievements of James II in reforming (and actually creation) the land forces in the British Islands and the main troubles of the king in this process.

Key words: the land forces, the political elite, the Crown, the “Glorious Revolution”, the public opinion, the desertion.

УДК 94(410) «17»
ББК 63.3(4 Вел)51

**«ХРАБРОСТЬ ЯВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛЬНОЮ»:
СТЮАРТЫ XVII ВЕКА НА ПОЛЕ БОЯ**

Гордиенко Дмитрий Олегович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Отечества
Самарского государственного института культуры
stuartssergant@yandex.ru
ул. Фрунзе, 167, 443010 г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа рассматривает членов дома Стюартов как военных лидеров. Хронологические рамки статьи определены XVI столетием – «веком гигантов». Король Яков VI и I в молодости был человеком, готовым пойти на риск и драться в битве. Карл I лично принимал участие в гражданских войнах, находясь на поле боя. Храбрецами были младшие члены династии – принцы Палатината и сыновья 3-го герцога Леннокс. Карл II и Яков II и их бастарды то же рисковали собою на поле боя. Двое из сыновей Карла II погибли на «поле чести».

Ключевые слова: монархия, военная революция, Стюарты, регулярная армия, военные лидеры, добровольцы.

«Друзья мои... высматривайте мой белый султан, вы его обнаружите там, где дело идет к победе и славе!» [1, с. 343]. С такими словами обратился к своим солдатам 14 марта 1590 г. перед битвой при Иври-ла-Батай Генрих IV Французский, дед двух английских королей XVII столетия – Карла II и Якова II. Принцы Средневековья и начала Нового времени регулярно искали славу на поле боя и весьма часто ее находили. Однако именно «великий век» стал переломным, последним, когда члены правящих династий, не исключая и суверенов, все еще в массе своей выезжали на поле чести и, очень часто, лично принимали участие не только в реальном (или номинальном) руководстве сражением, но и как простые дворяне бросались в круговорот рукопашных схваток.

В следующем столетии государи уже, как правило, если и появляются в армии, то не лезут в схватку. Исключением стали имена героев – Петра I Великого, Карла XII и Фридриха II. На исходе эры часто под пули себя регулярно подставлял только Наполеон, который однако со шпагой в руке своих гвардейских конных гренадеров в атаку не водил.

Английские монархи и принцы крови Туманного Альбиона не отставали от своих континентальных собратьев. Почти все Плантагенеты (может быть за исключением Генриха VI и Эдуарда V) были бойцами, учувствовавшими в многих боевых схватках. Генрих VII Тюдор лично рубился при Босуорте. Однако пришедшие к власти в Англии в 1603 г. шотландские Стюарты могли, по сравнению со своими английскими кузенами, поставить своеобразный и печальный рекорд количества монархов, погибших или на поле боя, или от рук заговорщиков, сражаясь с мечом в руке.

Яков I воспринимается обычно как более чем спокойный по своим военным подвигам суверен – король-пацифист, однако до 1603 г. Яков VI имел возможность на протяжении нескольких десятилетий к ряду применять силу к бунтовщикам и смотреть смерти в глаза, хотя славы Александра Македонского так и не стяжал.

Собственно бурный и насыщенный ратными опасностями XVII в. для Стюартов начинается с Карла I. Именно при нем королевства мультипликационной монархии Стюартов окунаются в пучину британских войн – двадцатилетней эпопеи революции и гражданских войн, за которыми последовало жестокое усмирение кельтских окраин войсками Кромвеля.

В годы гражданских войн король Карл I как верховный предводитель вооруженных сил трех королевств находился во главе своих войск, осуществляя руководство, и исправно подставлялся под пули. Карл не был крупным полководцем и великим рубакой, но честным государем, не прячущимся от врага, он, несомненно, являлся.

Гораздо более активно в эти годы рисковало своими жизнями младшее поколение королевской семьи.

Из трех сыновей Карла I Карл, пока еще принц Уэльский, и Яков, герцог Йоркский, принимали участие в боях, разумеется, в

силу своего возраста только как наблюдатели, окруженные свитой и телохранителями. Особенно отличился Карл, который находился на «поле чести» в нескольких сражениях. Известны случаи, когда принц находился в нескольких метрах от врагов и пытался оказывать им сопротивление, вплоть до швыряния в них пистолета, когда телохранители уводили наследника престола подальше от места схватки. Личная храбрость молодого принца не ставилась под сомнение. В дальнейшем, уже во время попытки возвращения короны Шотландии и союза с ковенантерами, Карл II так же демонстрировал себя своим «любезным подданным» на линии огня.

Будущий Яков II в 1650-е гг., находясь в испанской армии и затем во время англо-голландских войн командуя флотом как лорд верховный адмирал [4, с. 94], может, и не выказал выдающихся полководческих способностей (что бы ни говорили в качестве комплиментов по этому поводу принц Конде и виконт Тюренн, оба Великие), но человеком был смелым, часто к концу боя забрызганным кровью своих соратников.

Гораздо более трагическими и менее известными были судьбы младших ветвей королевского дома.

Во время гражданских войн активно проявили себя племянники Карла I (сыновья его сестры Елизаветы и Фридриха Пфальцского) принцы Руперт и Морис. Естественно, что имя принца Рупрехта, пожалованного дядей в 1644 г. титулом герцога Камберленда (другой Камберленд, только уже Ганновер, через сто лет тоже будет прославленным английским полководцем), отважного предводителя королевской кавалерией, широко известно, как и его морские подвиги с начала 1650-х гг., сначала как рейдера, затем во время англо-голландских войн – как адмирала [9]. Имя и подвиги его младшего брата Мориса известны не так хорошо. Это забвение не заслужено: принц был отважным бойцом, ходившим в атаку под командой брата при Поувик-Бридже (где был ранен) и Эджхилле, руководил в качестве командующего самостоятельными корпусами королевских войск (может быть, не всегда удачно). В 1643 г. успешно прикрывал отъезд королевы Генриетты из Англии [5, р. 399]. Жизнь принца Мори-

са закончилась трагически: его корабль утонул во время бури в Вест-Индии, принц пропал без вести.

Еще одной семьей, близкой к королевской фамилии и заплатившей кровью за верность престолу, стали герцоги Леннокс. Они были младшей ветвью рода Стюартов, отделились от основной линии еще в XIII в. (основатель ветви родился в 1245 г.). Как и многие представители шотландского дворянства, эта ветвь Стюартов щедро проливала свою кровь на полях сражений за три столетия своего существования. В начале XVI в. от двух сыновей Джона, 3-го графа Леннокс, произошли две ветви этого семейства: старший сын Мэтью продолжил линию графов, младший Джон наследовал французский титул 6-го сеньора д'Обиньи.

Старший сын Мэтью, 4-го графа Леннокс, от брака с Маргаритой Дуглас (дочерью Маргариты Тюдор, дочери Генриха VII Английского, и матерью Якова V Шотландского), Генрих, лорд Дарнли, женился на своей кузине Марии I, королеве Шотландской, и стал отцом Якова VI и I.

Сын Джона Стюарта д'Обиньи Эсме стал 1-м герцогом Леннокс. Его внуки и приняли активное участие в смуте, разразившейся на Британских островах, на стороне своего четвероюродного брата короля Карла I. Старший из этой ветви Джеймс, 4-й герцог Леннокс, Верховный камергер и Верховный адмирал Шотландии, принимал участие в ряде сражений, в том числе при Нейсби. Он остался жив, зато смерть не пощадила других его родичей. Погиб его шурин, двадцатилетний лорд Френсис Вилльерс, младший сын знаменитого 1-го герцога Бекингема. Погибло трое его братьев: в 1643 г. при Эджхилле принял смерть Джордж, 9-й сеньор д'Обиньи, в 1644 г. при Брэмдене – Джон, в 1645 г. при Роутонхите – Бернард [10, p. 359].

Эта молодая поросль рода Стюартов была примечательна своей отвагой и некоторыми военными талантами. Из Джона, юного генерала, мог получиться такой же отважный «кавалерийский лидер», каким прославил себя его кузен Руперт. Бернард, будучи офицером королевской гвардии, погиб в двадцать лет, зная о своей скорой креации 1-м графом Личфилд. Ни один из трех Ленноксов не перешагнул рубежа двадцати пяти лет.

Не отставали от них и другие Стюарты – представители менее удачливых ветвей рода. Джеймс Стюарт, 2-й граф Галлоуэй, верно служил своему царственному кузену; его двоюродный брат сэр Арчибальд Стюарт оф Барри сражался на стороне короля в 1640-х гг, затем поддержал Карла II и бился с круглоголовыми при Уорчестере. Их кузен (из более дальней ветви рода) Уильям Стюарт, 2-й лорд Блэнтайр, также поддержал Карла I.

Реставрация монархии весной 1660 г. открыла новую страницу истории Трех королевств. Английская корона продолжала предоставлять возможность желающим джентльменам проливать свою кровь и совершать подвиги на поле брани.

Помимо старшего поколения, продолжавшего демонстрировать мужество (Яков и Руперт), во второй половине столетия на историческую сцену выходят многочисленные бастарды сыновей Карла I.

Самым известным из бастардов Карла II, прославивших себя «марсовыми подвигами», считается Джеймс, 1-й герцог Монмут. Несмотря на полученные на разных этапах карьеры похвалы, Монмута сложно назвать выдающимся полководцем. В конечном итоге главное свое сражение – при Седжмуре – он проиграл. Однако Монмут был храбрым молодым аристократом, который в нужный момент подставлял себя под пули неприятеля, сохраняя при этом выдержку и хладнокровие; мог уверенно отдавать команды вверенным ему войскам, особенно если при нем находились уверенные в себе профессионалы, которые могли дать ему полезный совет.

Молодой Стюарт с шестнадцати лет начинает службу на флоте под началом своего дяди герцога Йоркского и принимает участие во Второй англо-голландской войне. Отец активно привлекает его в руководство войсками. В 1668 г. Монмут стал полковником Первой роты Телохраниителей гвардии короля. Начало карьеры Монмута-военноначальника можно с полным основанием отнести к событиям Третьей англо-голландской войны. В 1672 г. Карл II, выполняя взятые на себя союзные обязательства, посылает в Нидерланды бригаду силою до 6 тыс. бойцов, которую передает под командование Монмуту. Англичане боль-

ше года активно сражались с голландцами под руководством французских генералов. Людовик XIV, дабы польстить своему английскому кузену, во время осады Маастрихта, летом 1673 г., несколько раз передавал общее командование Монмуту – правнуку Генриха IV. Так, 25 июля одна из французских колонн была послана герцогом на штурм. Во главе ее находился бригадный генерал (маршал лагеря) д'Артаньян, бывший капитан-лейтенант мушкетеров, погибший в том «деле». Интересно, что действия английских войск во Фландрии были при Карле II единственной значимой в «шкале ценностей» для англичан настоящей войной (Танжер – далекая война с варварами) [6, р. 44]. В таком случае для британцев Монмут был единственным известным полководцем эпохи Реставрации (до 1685 г.). Осознанно ли августейший отец лепил образ героя из старшего сына?

Через несколько лет, в 1678 г., уже под руководством своего кузена Вильгельма III Оранского Монмут командовал бригадою в боях с французами, отличился в сражении при Сен-Дени. На следующий год отец послал герцога подавлять мятежных ковенантеров в Шотландию. Войско герцога разбило мятежников сэра Александра Хэмилтона оф Престон при Босуэлле. Стоит отметить, что Монмуту ассистировали опытный генерал 2-й граф Линтлингоу (командир Шотландского полка пеших гвардейцев) и горячий Джон Грэм оф Клеверхауз, будущий виконт Данди. Последний стал для Стюартов верной опорой в «шотландском гарнизоне» [3, с. 103–164].

Сыновья Монмута, как и отец, стали хорошими солдатами. В 1692 г. во Фландрии против французов состоялся дебют Джеймса Скотта, графа Далкейт. Его младший брат Генри, будущий граф Делорейн, заслужит в боях Войны за испанское наследство чин генерал-майора.

Гораздо более трагично сложилась судьба сына Карла II от Катрин Пэгги Чарльза ФицЧарльза, графа Плимута. Посланный в 1680 г. губернатором в Танжер двадцатитрехлетний граф Плимут погиб в бою вскоре после своего прибытия.

Его единокровный брат Генри ФицРой, 1-й герцог Графтон, сын Карла от Барбары Вилльерс, также стал высокопоставленным военным. Отец выкупил для него место командира Первого

гвардейского пешего полка, и герцог командовал гвардейцами до своей смерти. В 1685 г. Графтон принял участие в подавлении мятежа Монмута. В 1690 г. он погиб во время осады Корка в Ирландии, сражаясь со сторонниками своего дяди Якова II. Младший брат Графтона Джордж, 1-й герцог Нортамберленд, также с молодых лет начал военную карьеру – в девятнадцатилетнем возрасте, в 1684 г., волонтером в составе французской армии под командованием маршала де Креки участвовал в осаде Люксембурга, защищаемого испанскими частями принца де Шиме. В традициях английской знати было получать необходимый военный опыт, записываясь в иностранные армии [7, р. 675–676]. Затем уже при дяде короле Якове, сменил на посту командира роты Телохранителей Королевы (2-й роты) сэра Филипа Ховарда [2, с. 48]. Последний возглавлял еще гвардейцев генерала Монка, которые были потом переформированы в роту Телохранителей герцога Абемарла, а затем стали Телохранителями Королевы. Несмотря на то что Нортамберленд в дальнейшем будет занимать в том числе заметные должности в гвардии, особыми ратными подвигами он себя не зарекомендовал.

Сын Карла от знаменитой актрисы Нэлл Гвин Чарльз Боклер, 1-й герцог Сент-Элбанс, также избрал карьеру военного. В 1687 г. дядя пожаловал его командованием кавалерийского полка и молодой герцог отправился волонтером в имперскую армию, в составе которой принял участие в знаменитой осаде Белграда. В войнах, которые вел кузен герцога Вильгельм III, он также принимал участие. В 1693 г. герцог отличился в битве при Неервиндене, в которой маршал де Люксембург разбил английского короля. Вильгельм наградил Сент-Элбанса местом капитана почетного гвардейского дворянского отряда – джентльменов-пенсионеров. В дальнейшем герцог особых военных подвигов не совершал.

Незаконное потомство Якова II тоже отличалось воинственностью. Старший сын Якова и красавицы Арабеллы Черчилль Джеймс ФитцДжеймс, 1-й герцог Бервик, в шестнадцатилетнем возрасте принял в составе имперских войск участие в осаде Буды, на следующий год, в 1687 г., в возрасте семнадцати лет получил

чин генерал-майора имперской армии. Карьера герцога по возвращении в Англию развивалась стремительно: отец пожаловал его несколькими местами в гвардии и армейских войсках. Однако расцвет карьеры Бервика и как отважного рубаки, и как интересного военачальника пришелся уже на более трагический для семьи период: после «Славной революции» девятнадцатилетний герцог последовал за свергнутым с трона отцом, воевал против оранжистов в Ирландии, где отличился в битве при Бойне [8, р. 41–42], потом перешел на службу к своему двоюродному дяде Людовику XIV, у которого дослужился до маршала Франции и чина генерал-капитана своего троюродного племянника испанского короля Филиппа V. Жизнь Бервика, получившего во Франции титул герцога де Фицжама, оборвалась в 1734 г. во время осады Филиппсбурга герцога сразило пушечное ядро. Младший брат Бервика Генрих, герцог Эбемарл, последовал за отцом в изгнание, сражался при Бойне, получил во Франции чины генерал-лейтенанта и адмирала и рано умер, в возрасте двадцати девяти лет.

Один из крупнейших современных специалистов по истории британской армии XVII в. Роджер Мэннинг верно подметил, что в представлениях знати «века гигантов» «храбрость является исключительно аристократической добродетелью» [7, р. 691]. Стюарты по мере возможности старались следовать этой добродетели.

Список литературы

1. Баблон, Ж.-П. Генрих IV / Ж.-П. Баблон. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 608 с.
2. Гордиенко, Д. О. Английская гвардейская кавалерия Карла II / Д. О. Гордиенко // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 7–2. – С. 46–50.
3. Малкин, С. Г. «Мятежный край его величества»: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. / С. Г. Малкин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. – 256 с.
4. Станков, К. Н. Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701 / К. Н. Станков. – СПб. : Алетей, 2014. – 416 с.

5. Aikin, L. Memoirs of the court of King Charles the First. In 2 vols. Vol. 2 / L. Aikin. – L. : LONGMAN, REES, ORME, BROWN, GREEN, AND LONGMAN, 1833. – 638 p.
6. Aylmer, G. E. The Crown's Servants. Government and Civil Service under Charles II, 1660–1685 / G. E. Aylmer. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2002. – 303 p.
7. Manning, R. B. Styles of Command in Seventeenth Century English Armies / R. B. Manning // The Journal of Military History. – 2007. – Vol. 71, № 3. – P. 671–699.
8. McNally, M. Battle of the Boyna 1690. The Irish campaign for the English crown / M. McNally. – Oxford : Osprey Publishing Ltd, 2005. – 50 p.
9. Scott, E. Rupert, prince Palatine / E. Scott. – N. Y. : G. P. PUTNAM'S SONS, 1899. – 428 p.
10. The Scots peerage. In 9 vols. Vol. 5 / ed. by J. B. Paul. – Edinburgh : David Douglas, 1908. – 670 p.

**“THAT COURAGE WAS AN EXCLUSIVELY
ARISTOCRATIC VIRTUE”:
STUARTS OF THE XVII CENTURY ON THE BATTLEFIELD**

Gordienko Dmitry Olegovich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of History of the Motherland,
Samara State Institute of Culture
stuartssergant@yandex.ru
Frunze St., 167, 443010 Samara, Russian Federation

Abstract. This paper examines members of the House of Stuart as military leaders. The chronological scope of the article identified the XVII century is the “century of giants”. King James VI and I in his youth was a man ready to take the risk and fight in the battle. Charles I was personally involved in Civil wars, being on the battlefield. The Braves were the younger members of the Dynasty – the Prince of Palatinate and the sons of the 3rd Duke of Lennox. Charles II and James II and their bastards the same risked himself on the battlefield. Two of the sons of Charles II died on the “field of honor”.

Key words: the monarchy, the military revolution, the Stuarts, the regular army, military leaders, volunteers.

УДК 94(71)«15/19»:321

ББК 63.3(7Кан)5

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ КАНАДСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Соков Илья Анатольевич

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений
и зарубежного регионоведения
Волгоградского государственного университета
isokov@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье предлагается исторический взгляд на формирование канадской политической культуры в первой половине XIX века. Автор высказывает критику в адрес западных политологов, использующих структуралистский и функциональный подходы в изучении канадской политической культуры.

Ключевые слова: канадская политическая культура, канадская колониальная политическая система, Л. Харц, С.М. Липсет, Г. Горовиц.

В период 1791–1867 гг. канадское общество испытывало различные преобразования, связанные с конституционным устройством. По сути, на территориях колоний Северной Америки в этот период проходил британский эксперимент по их конституционному преобразованию. Ясно, что положительный результат мог использоваться в других владениях. Одновременно в колониях формировалась своя канадская политическая элита и политическая культура. В разные годы она являлась тормозом или двигателем общественного прогресса.

В нескольких трудах известного американского специалиста по Канаде С.М. Липсета утверждается, что прибытие американских лоялистов на территорию Канады после Американской революции стало «формирующим событием» и определило дальнейший торийский путь развития демократии в этой стране [1,

р. 1; 3]. Из этого же постулата делается вывод о разных путях развития Канады и США, а также ментальности ее жителей [2]. Американский политолог Сеймур Мартин Липсет, следуя своей теории формирующих событий, смог утверждать, что либеральные демократические преобразования в провинции Квебек (до ее разделения на две провинции – Нижнюю и Верхнюю Канады) стали возможны только после того, как туда переселились «объединенные лоялисты империи» после свершения Американской революции.

Другой американский политолог Л. Харц сформулировал фрагментарную теорию происхождения политических культур в 1964 г. в работе «Основание новых обществ: изучение истории Соединенных Штатов, Южной Африки, Канады и Австралии» [4]. Структурно-функциональный подход Харца обеспечивает «предопределение», или «судьбу», для поселенческих колоний: быть либеральными США, радикальной – Австралии, феодальной – Новой Франции. Фрагментарная теория хорошо объясняет как появление новых обществ, так и их начальное становление, но совсем не может объяснить идеологические расколы (ideological cleavages) в эволюции политической культуры этих обществ.

Г. Горовиц использовал фрагментарную теорию Л. Харца применительно к Канаде для объяснения ее региональных политических культур. Формулировки Г. Горовица отличались от рассуждений Л. Харца. Он считал лоялистов, прибывших в Канаду, не консерваторами, а либералами, но имеющими в своей идеологии «следы торизма», или, по его терминологии, «торийское касание» (tory touch). В условиях Канады их почти незаметный консерватизм усилился под действием местных условий, но он ничего не имел общего с британским торизмом. Прибывшие лоялисты не испытывали связанных чувств к «матери-родине», которые были у британских иммигрантов, а свое переселение в дремучие и болотистые места Верхней Канады воспринимали как итог своего поражения на прежнем месте жительства [5, р. 144].

Нам представляется, что структурно-функциональный взгляд вышеназванных политологов слабо связан с действительными историческими событиями, институциональными изменениями по-

литической системы и процессом формирования политической культуры Канады в конкретный период.

Если обратиться к истории заселения Канады после свершившейся Американской революции, то станет очевидно, что существовало три потока иммигрантов: американские лоялисты, британские участники боевых действий с США, которые имели преимущественные права на получение лучших земель и претендовали на представительство в местной политической элите, и эмигранты с британских островов. В то же время эти три потока расселялись британской администрацией таким образом, что особого слияния, а тем более какого-либо идеологического влияния произойти не могло. Только небольшая группа лоялистов из американской элиты селилась свободно, большая же часть – безземельные американцы, проявившие «лояльность» для получения наделов, – были поселены в необжитых западных районах Квебека или перенаправлялись для поселения в Новую Шотландию. Поэтому, несмотря на значительную численность переселенцев, они не столько увеличили элитаризм, сколько произвели большее расслоение самого канадского общества (в торговой, промышленной, административной, религиозной среде и по национальной принадлежности). К тому же возросшая численность англоговорящих в Квебеке позволяла провести конституционные изменения.

В связи с этим вторым существенным фактором формирования политических элит и идеологии стал Конституционный закон 1791 г. (Constitutional Act of 1791), установивший не только разделение провинции Канады на две – Нижнюю и Верхнюю (на что чаще всего указывают), но и введение Законодательного собрания, прообраза палаты общин двухпалатного парламента, как возможность разделения элит не только по признаку родства и лояльности Короне, но и национальной принадлежности (nationality), имея в виду особенно состав Нижней Канады.

Изменения в политической системе, вызванные Законом 1791 г. создали предпосылки для укрепления элитизма в британских провинциях Северной Америки и сплочения населения в период агрессии США 1812–1814 годов. К концу войны в Канаде сложился консенсус элит: политических, религиозных и промыш-

ленно-торговых. Каждая из них получила определенные преференции в своем дальнейшем упрочении положения в канадском обществе.

В целом после окончания войны 1812 г. в Северной Америке население английских колоний стало считать себя не только победителями над американцами, но и в определенном смысле другим отдельным народом, у которого сохранилось лояльное отношение к Британской империи, но также постепенно укреплялось чувство собственника канадской земли. Этому способствовала британская колониальная политика по иммиграции и освоению необжитых территорий.

С другой стороны, к 20-м гг. XIX в. значительно постаревшая за 30–40 лет несменяемая элита стала тормозом развитию Канады, управление обществом начало строиться по клановому принципу и получило название «Компактная семья» (Family Compact)¹. Появление англоязычной «Компактной семьи» было связано с растущим процессом создания канадской сословности. Эта, назовем условно, «старая элита» установила не столько торийский, сколько квазиконституционный, коррупционный порядок, но абсолютно лояльный правительству Великобритании, вполне в духе старой английской поговорки «Унция лояльности стоит больше, чем фунт мозгов» (An ounce of loyalty is worth more than a pound of brains). Причем между лояльностью и торизмом «Компактная семья» ставила знак равенства.

Естественно, это не могло не вызвать общественный протест и появление движения за проведение реформ (Reform party), а в рамках установленной политической системы растущей «новой элиты», политическая часть которой начала формироваться в законодательных собраниях (Legislative Assembly) Нижней и Верхней Канады.

К 1829 г. реформаторы Верхней Канады стали парламентской партией и получили в Законодательном собрании большинство голосов, но свои решения они не могли проводить в жизнь. Вся исполнительная власть находилась в руках Исполнительного совета, члены которого назначались губернатором, который мог не только игнорировать решения законодательного собрания, но и распускать его в любое время. Тем самым эффективность дей-

ствий реформаторов по преобразованию общественной жизни практически сводилась к нулю.

К тому же движение за реформы было не монолитным: были умеренные, такие как доктор Болдуин и его сын Роберт Болдуин, и радикальные, как Уильям Л. Маккензи, доктор Рольф, М.С. Бидвелл. Первые считали, что положение дел можно изменить конституционными поправками британского законодательства, в том числе и введением института «ответственного правительства» в течение определенного времени, вторые – требовали того же, но немедленно, с отправкой в отставку наиболее одиозных администраторов.

Такое же противостояние «старых» и «новых» элит было в Нижней Канаде, но там присутствовал в дополнение ко всему еще и франкокебеский фактор: франкоканадское большинство считало несправедливым узурпирование власти англоканадской «Компактной семьей». Социальный конфликт в канадском обществе нарастал не только из-за экономической депрессии и наступления пандемии холеры, но и в силу раскола политической процесса на два направления – консолидацию сословности и семейственности «старой» элиты и растущую неуступчивость нарождающейся «новой», еще не либеральной, но уже реформаторской элиты.

Неоднозначное и косвенное влияние в Канаде оказали два закона, принятые Британским парламентом: Закон о католическом раскрепощении 1829 г. (Catholic Emancipation Act, 1829) и Закон о парламентской реформе 1832 г. (Reform Act, 1832).

Первый – давал гражданские права католикам и сокращал англиканское превосходство, но увеличивал имущественный ценз для голосования в 5 раз – с 40 шиллингов до 10 фунтов стерлингов (в большей степени это коснулось Ирландии); иезуитам и представителям других католических орденов было предписано покинуть Соединенное Королевство в течение 6 месяцев. По словам британского исследователя Дж.Ч.Д. Кларка, этот закон «не только сокрушил целый общественный порядок, изменил конституционное устройство, он закончил господство мировоззрения культурной гегемонии старой элиты» [6, р. 90].

Второй закон увеличил электоральное представительство на выборах: каждый шестой житель в Англии и Уэльсе получил из-

бирательное право. Отдельные законы были приняты для Шотландии и Ирландии.

Принятие этих законов в Великобритании воодушевляло реформаторов Канады получить конституционным путем институт «ответственного правительства» как единственное, по их мнению, средство для борьбы с засильем «Компактной семьи» в общественной жизни провинций.

Сложность и особенность формирования реформаторского движения в Канаде в этот период заключались в том, что идеология движения совпадала с идеологией тори: абсолютная поддержка британской монархии; поддержка губернатора и вице-губернаторов как представителей Короны; принятие британского колониального законодательства. Отличия были только в политической практике этих движений. Тори использовали идеологию во благо собственного обогащения и в то же время как возможность для расправы с неугодными, обвиняя их сначала в нелояльности к Короне, а затем в попытке мятежа, что было в случаях с Робертом Флемингом Гоэрли, судьей Джоном Уолполом Уиллисом, Питером Метьюзом и У.Л. Маккензи.

Реформаторы же, вскрывая злоупотребления тори, «тонули» в этой информации, распыляли свой политический запал и время на ссоры с политическими противниками, которые можно было бы направить на серьезные дискуссии и последующие конституционные изменения, такие как введение «ответственного правительства» или объединение всех британских североамериканских колоний. Еще 14 декабря 1826 г. в своей газете У. Маккензи высказал мысль о необходимости создания «Конфедерации британских североамериканских колоний» [7, p. 105].

Верхнеканадские реформаторы не получили поддержки от метрополии в своих преобразованиях, хотя их жизненная необходимость было требованием времени:

– это общество было чуждо Европе. С одной стороны, иммигранты в своей ежедневной жизни были связаны борьбой в дикой местности, а с другой – «они были свободны, свободны от правил класса и культуры, сквайров и пасторов, от закладных и долгов (что было не всегда), по пути, которым не следовали европейцы» [8, p. 98];

– после Американской революции абитаны были существенно разбавлены торийцами и лоялистами из США, которые по духу были в большей степени американцами, а в Верхней Канаде они искали просто землю для себя и другие преференции, связанные с их лояльностью к Короне. Они, хотели того или нет, принесли с собой новый непривычный взгляд на жизнь. Это была уже иная гражданская и политическая культура, которую впитывали в себя жители провинции и вновь прибывающие иммигранты. Не случайно их звали «Янки ее Величества» (His Majesty's Yankees);

– слабая торговая связь с метрополией летом и ее полное отсутствие зимой способствовали тому, что торговые контакты Верхней Канады поддерживались с США через замершую реку Св. Лаврентия. Провинция «становилась полуостровом, глубоко проникающим в сердце американского Среднего Запада» [8, р. 98];

– и, последнее, немаловажное обстоятельство заключалось в том, что несменяемость верхнеканадской административной элиты, ее оторванность от политической практики метрополии, в которой бурно шли либеральные изменения, еще в большей степени высвечивали косность методов старого управления и нежелание меняться в условиях Нового времени.

20-е гг. XIX в. отмечены политическим участием протестантских конфессий в общественной жизни Верхней Канады: кардинал Джон Страчан (John Strachan, 1778–1867) представлял наиболее сильное англиканское направление, Эгертон Райерсон – методистское, его старший брат Джордж Эгертон сначала представлял «аргументы всех неангликанцев», а затем католическую апостольскую церковь (движение Ирвинга). Были и другие менее влиятельные конфессии, которые также участвовали в политической жизни провинции. Основные интересы религиозных организаций в Законодательной ассамблее лежали в области распределения резервных земель и распространения своего права на образовательную деятельность в Верхней Канаде. Степень их влияния определялась не только их политической и общественной активностью, но и поддержкой того или иного генерал-губернатора или вице-губернатора. В политическом спектре сторонники-англиканцы Дж. Страчана занимали крайне правые, то-

рийские позиции; сторонники-методисты Э. Райерсона до событий восстания 1837 г. – умеренно реформистские, после восстания – умеренно консервативные.

Кроме указанных выше политических сил была еще очень важная консервативная сила из прибывших иммигрантов – оранжисты. Основные политические фигуры: Бенджамин Джордж, Огл Роберт Гован, Джордж Стрэндж Боултон, Джон Браун, полковник Джон Корвет. В период 1828–1836 гг. они были основными инициаторами выдворения У. Маккензи из Законодательного собрания, а в период восстания явились основной и преданной военной силой его подавления.

Из этой небольшой характеристики уже можно сделать вывод о том, что политическая жизнь в Верхней Канаде была намного разнообразнее, чем ее себе представляли С.М. Липсет и его сторонники.

В западной историографии мнения о причинах вооруженного восстания в Верхней Канаде разделились. Первое состоит в том, что действия сэра Френсиса спровоцировали вооруженный конфликт; второе – наоборот, считает, что причиной тому явился пылкий шотландский темперамент У.Л. Маккензи; третье заключается в том, что предательство в рядах реформаторов вынудило неумелого в военном отношении Маккензи возглавить неподготовленное вооруженное восстание, четвертое оправдывает его патриотические действия как способ добиться от метрополии существенных реформ. При этом сторонники этого мнения, указывают на фразу, им как-то брошенную, что «Лондон понимает только силу» [7, р. 345].

Во времена восстания была еще одна версия, которую активно распространял сам вице-губернатор: «Сэр Ф. Хэд часто заявлял в письменных документах, что цель повстанцев состояла в том, чтобы ограбить банки и поджечь город» [7, р. 252], а затем с награбленным сбежать в США.

С.М. Липсет восстание 1837 г. определил последствием Американской революции, но событийная история не подтверждает этот вывод.

Если вспомнить историю, то 7 декабря 1837 г. лидер восставших в Верхней Канаде У.Л. Маккензи после захвата ненави-

стного губернатора Френсиса Хэда собирался передать власть доктору Дж. Рольфу, который находился на стороне правящей клики и был парламентарием от губернатора в переговорах с восставшими (!) [7, р. 351]. Поэтому при чем здесь идеи Американской революции или «лоялисты объединенной империи»?

Может быть, события не 1837 г., а 1838 г. стали следствием «формирующего события» – Американской революции, когда американцы со сбежавшими участниками восстания в Верхней Канаде пытались организовать иностранную интервенцию, создав подобие республики на «Нэви Айленд» (Navy Island) во главе с «сыном генерала Ван Ренсселера, который боролся с Брокком во время войны 1812 года. Он надеялся получить для Канады ту же самую независимость, которую Сэм Хьюстон только что выиграл для новой суверенной республики Техас» [8, р. 222]. Тогда надо признать, что вторая часть восстания предполагала одной из своих целей аннексию Канады со стороны Соединенных Штатов, что тоже неверно, так как разгон «островной республики» был инициирован президентом США, не желавшим обострять отношения с Великобританией.

В заключение следует подчеркнуть: для того чтобы понять происхождение и развитие канадской политической культуры, необходимо тщательно исследовать исторический опыт Канады со времени освоения ее территории европейцами, учитывать состояние ее общества, экономики, политических институтов, национальной культуры и субкультур и давать ему оценку на каждом историческом этапе развития. Только такой подход может дать истинный результат.

Примечание

¹ В литературе можно встретить термины «компактная клика» или «дворцовая клика».

Список литературы

1. Lipset, S. M. Continental Divide: The Values and Institutions of the United States and Canada / S. M. Lipset. – N. Y. : Routledge, 1989. – 326 p.

2. Lipset, S. M. North American Cultures: Values and Institutions in Canada and the United States / S. M. Lipset. – Orono ; Maine : University of Maine : Canadian-American Center, 1990.

3. Lipset, S. M. The Values of Canadians and Americans: A Reply Address correspondence to the author at the Hoover Institution, Stanford University, Stanford, CA 94305 / S. M. Lipset // Social Forces. – 1990. – Sept., № 69 (1). – P. 267–272.

4. Hartz, L. The Founding of New Societies: Studies in the History of the United States, Latin America, South Africa, Canada, and Australia / L. Hartz. – Harcourt : Brace & World, 1964. – 336 p.

5. Horowitz, G. Conservatism, Liberalism, and Socialism in Canada: An Interpretation / G. Horowitz // The Canadian Journal of Economics and Political Science. – 1966. – Vol. 32, № 2 (May). – P. 143–171.

6. Clark, J. C. D. English Society 1688–1832: Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime / J. C. D. Clark. – L. : Cambridge University Press, 1985.

7. Lindsey, Ch. William Lion Mackenzie / Ch. Lindsey. – Toronto : Morang & Co., 1909. – 570 p.

8. Kilborn, W. The Firebrand: William Lion Mackenzie and Rebellion in Upper Canada / W. Kilborn. – Toronto : Clarke, Irwin & Company Limited, 1956. – 284 p.

TO THE QUESTION OF THE BECOMING OF THE CANADIAN POLITICAL CULTURE IN THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY

Sokov Ilya Anatol'evich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of the International Relations and Area Studies,
Volgograd State University
isokov@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the article gives the historical view on the forming of the Canadian political culture in the first half of the XIXth Century. The author of the article gives the critics to the Western political scientists who used the structural and functional approach in research of the Canadian political culture.

Key words: the Canadian political culture, the Canadian colonial political system, L. Hartz, S.M. Lipset, G. Horowitz.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 9.94
ББК 63.3(2)622

ОБРАЗ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ В ФИЛЬМЕ РЕЖИССЕРА ЙОЗЕФА ВИЛЬСМАЙЕРА «СТАЛИНГРАД»

Аронова Ольга Валерьевна

Преподаватель кафедры общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин Волжского филиала
Международного юридического института
oleskaar1@mail.ru
ул. Большевикская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются особенности конструирования событий Сталинградской битвы в зарубежном кино. На примере немецкого фильма «Сталинград» показан процесс ухода от героического образа немецкого солдата и обращение к их повседневному быту во время Сталинградской битвы.

Ключевые слова: Сталинградская битва, рецензия, экранизация, образ немецкого солдата, реализм, трагизм, Великая Отечественная война.

Подвиг защитников Сталинграда известен всему миру. Именно здесь в 1942–1943 гг. решалась дальнейшая судьба планеты. События Сталинградской битвы имели колоссальное значение для дальнейшего хода Второй мировой войны, это была точка великого перелома в его ходе. И признанием этого вклада служат не только грамота американского президента Франклина Рузвельта и меч английского короля Георга VI, бережно хранимые ныне в

Волгоградском государственном музее-панораме «Сталинградская битва», но и площади и улицы имени Сталинграда в Париже и Лондоне, других странах Европы и Америки, а также тот неоспоримый факт, что во всем мире из всех драматических моментов Второй мировой войны на Восточном фронте, единственно известный ныне – Сталинградская битва. В рамках данной работы нам хотелось бы остановиться на проблеме экранизации событий Сталинградской битвы в зарубежной культуре на примере работы немецкого режиссера.

Большинство фильмов, посвященных Сталинградской битве, были сняты советскими и российскими режиссерами. Нас же интересует работа одного немецкого режиссера по имени Йозеф Вильсмайер, который снял фильм с одноименным названием «Сталинград» в 1993 году [1]. Обратились же мы к этому фильму в связи с выпущенным на экраны в 2013 г. фильмом Ф. Бондарчука «Сталинград». Известно, что эта экранизация вызвала массу противоречивых комментариев и рецензий со стороны как отечественных, так и зарубежных публицистов и простых зрителей. Обращаясь к фильму немецкого автора, нам хотелось бы провести сравнительный анализ этих картин и, по возможности, понять, какая оценка была дана произведению, автором которой был представитель страны-противника в Великой Отечественной войне.

Для начала хотелось бы обратиться к краткому содержанию картины [5; 7]. Группа немецких солдат наслаждается отпуском в Италии после успешных боевых действий в Северной Африке. Вскоре этих солдат командируют в 6-ю армию Паулюса и перебрасывают в Сталинград. Главными героями картины являются лейтенант Ханс фон Вицланд, унтер-офицер Релер и обер-ефрейтор Райзер.

В тяжелом бою в Сталинграде немецким подразделениям с трудом удается занять здание завода. Однако они оказываются в окружении советских войск. В попытке спасти раненых и вынести тела убитых с поля боя, Ханс фон Вицланд предлагает временное перемирие, однако один из немцев открывает огонь по русским. На следующий день русские атакуют держащих оборону немцев. Лишенные связи, несколько человек, включая Ханса фон Вицланда и Райзера, уходят через канализацию. Фон Вицланд поз-

же берет в плен русскую женщину Ирину, которой, однако, удается сбежать. Ханс Фон Вицланд и Райзер попадают в штрафной батальон, где успевают прослужить несколько недель. В это же время советские войска проводят операцию «Уран» и окружают 6-ю армию в пределах Сталинграда.

После выигранного боя против танкового и пехотного советского подразделения осужденные возвращаются в свой батальон и получают награды от командования. Однако боевой настрой постепенно покидает немецких солдат, особенно после того как им приказано расстрелять группу безоружных мирных жителей, обвиняемых в партизанской деятельности. Райзер предлагает сымитировать ранения и покинуть Сталинград на борту медицинского самолета. Им удается добраться до аэродрома, но самолет улетает без них.

Солдаты вынуждены вернуться на свой пост. Далее они обнаруживают погреб с припасами, о котором говорил офицер. Там же они находят связанную Ирину. Фон Вицланд запрещает своим подчиненным насиловать ее и освобождает девушку. Отто совершает самоубийство.

Ирина соглашается показать фон Вицланду и Райзеру дорогу, по которой они могут уйти через степь. При переходе по заснеженной степи ее случайно убивают советские солдаты. Впоследствии Ханс фон Вицланд замерзает посреди ледяной пустыни, и Фриц Райзер, оставшийся рядом с ним, тоже.

В эпилоге фильма говорится, что в Битве за Сталинград погибло больше миллиона человек: русских, немцев, итальянцев, венгров, румын и австрийцев. Из 260 тысяч солдат 6-й армии в плен попала 91 тысяча. Домой вернулись всего 6 тысяч.

К большому сожалению, удалось найти не очень много рецензий на этот фильм. Наиболее полной является рецензия Урса Дженни. В ней говорится о том, с чем сталкивается горстка солдат из штурмовой группы под руководством юного и наивного лейтенанта, конечно, родом из дворян, который шаг за шагом теряет свои иллюзии.

«Энтузиазм, с которым режиссер демонстрирует свои благонравие и гражданскую позицию, приводит к тому, что в фильме отсутствует образ врага.

Йозеф Вильсмайер, оператор и режиссер, фокусируется на судьбах четырех главных героев. Он воспевает не добродетели, проявляющие себя во время войны, а простодушное товарищество, которое нерушимо в тяжелые времена.

Режиссер удаляется все дальше и дальше от всем известного и типичного образа горе-вояки, однако нигде не показывает особый взгляд на события, картину, которая могла бы отразить ужас всего происходящего.

Когда же он пытается сделать это, он скатывается в мелодраму. Его незначительные герои обнаруживают покинутое, тайное офицерское убежище, подвал, который до самого потолка был забит комиссарским хлебом, коньяком и сигаретами, а также прикованную к кровати молодую русскую девушку.

Ефрейтор предлагает лейтенанту изнасиловать девушку по очереди, в зависимости от ранга, но тот просто пускается в рыдания, потому что русская, которая к удивлению хорошо говорит по-немецки, жалуется, что ее любовь к немецкому языку сделала ее несчастной.

Так, жалуясь, и не испытывая ненависти ни с одной, ни с другой стороны, русская становится ангелом смерти для последних выживших. Даже если и все потеряно, конец значительно подслащен ноткой умиления» [6].

Анализируя остальные рецензии, которые являются не столь подробными, можно прийти к выводу, что большинство из них отражает позитивную оценку данной картины. В качестве доказательства этого следует привести лишь несколько реплик: «Убедительно и скромно режиссер показывает ужас всего происходящего» [2], «Режиссер делает акцент на то, что в этой войне сражались не только марионетки, но и люди, обремененные совестью и сомнениями» [4], «Картина хоть иногда очень жесткая, но прекрасно сыгранная» [3], «Показаны все ужасы Второй мировой войны» [11], «Война показана с точки зрения немецкой стороны без преуменьшения и лоска» [10], «Грандиозная музыка и ужасающая реалистичность» [8].

Однако не стоит заблуждаться и идеализировать немецкую аудиторию, считая, что она видит Сталинградскую битву

нашими глазами, глазами людей, победивших в Великой Отечественной войне. Эти мнения представлены в рецензиях и других авторов и могут быть восприняты скорее как отрицательные, чем положительные. К ним относятся следующие: «Игровой фильм, который может предложить немного из того, что касается зрелищности или что может затронуть сердца» [4], «В фильме отсутствует образ врага, так как режиссер демонстрирует свою гражданскую позицию» [3], «Режиссер удаляется все дальше и дальше от всем известного образа героини-вояки» [7], «Странный монтаж» [5], «Задуманный как антивоенный фильм, он все же является убедительным» [9].

Таким образом, в заключение можно сказать, что данный фильм был воспринят немецким обществом скорее положительно, чем отрицательно. Подкупающим является тот факт, что автор Йозеф Вильсмайер не преследует своей целью показать кровавое сражение повлекшим смерть миллионов людей. Его основной посыл заключается в том, чтобы показать весь трагизм Сталинградской битвы, не прибегая к реализму. Он хочет достучаться до простого зрителя через судьбы отдельно взятых солдат, которые, попадая в пекло войны, вынуждены переоценить весь чудовищный смысл этой кровавой бойни. Человеческие ценности для них становятся важнее, чем призрачная война за великого фюрера.

Список литературы

1. 3500. Книга кинокритиков : в 2 т. – М. : Печатный двор, 2008. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kinopoisk.ru/review/943107/>. – Загл. с экрана.
2. Отзывы о фильме Сталинград (1993). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://films.imhonet.ru/element/210814/opinions/>. – Загл. с экрана.
3. Сталинград / Stalingrad (Йозеф Вильсмайер / Joseph Vilsmaier), 1993. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://drugoe-kino.livejournal.com/2118988.html>. – Загл. с экрана.
4. Х/ф Сталинград (1993). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://good-rabbit.livejournal.com/86588.html>. – Загл. с экрана.

5. Ein Waterloo des deutschen Films. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.focus.de/kultur/kino_tv/kino-ein-waterloo-des-deutschen-films_aid_229651.html. – Title from screen.

6. Fiese Fratze. “Stalingrad”. Spielfilm von Joseph Vilsmaier. Deutschland, 1992. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-13679362.html>. – Title from screen.

7. Stalingrad. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.moviesection.de/film/3454-Stalingrad>. – Title from screen.

8. Stalingrad Kritik & Meinung. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.kinofilmer.de/stalingrad>. – Title from screen.

9. Stalingrad (1993). – Electronic text data. – Mode of access: <http://en.ofdb.de/review/1022,281605,Stalingrad>. – Title from screen.

10. Stalingrad. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.zelluloid.de/filme/kritik.php3?id=1756&tid=11397>. – Title from screen.

11. “Stalingrad”-Film-Infos und Handlung. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.moviemaster.de/archiv/film/film_stalingrad-1992.htm. – Title from screen.

**THE STALINGRAD BATTLE IN THE FILM
BY DIRECTOR JOSEF WILSMEIER “STALINGRAD”**

Aronova Olga Valerievna

Lecturer of the Chair OGiEND

oleskaar1@mail.ru

Bolshevistskaya St., 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation

Abstract. The article considers the features of the screen version of the Stalingrad battle in the foreign film. The German film “Stalingrad” refuses the heroic image of the German soldiers and turns to their everyday life during the Stalingrad battle.

Key words: the Stalingrad battle, the image of the German soldier, review, realism, the tragic element.

УДК 94(100):350

ББК 63.3(0)7

СОВРЕМЕННЫЙ ФАШИЗМ И РОССИЯ: 70 ЛЕТ СПУСТЯ

Арпентьева Мариям Равильевна

Кандидат психологических наук, доцент
Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского
mariam_rav@mail.ru
ул. Ст. Разина, 26, 248023 г. Калуга, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем современного фашизма, его распространению на территории бывшего СССР и возможным путям противостояния. В качестве основы современного фашизма рассматривается идеология социального каннибализма, в качестве варианта противостояния – идеология социального служения.

Ключевые слова: фашизм, социальный каннибализм, социальное служение.

Современный мир, насыщенный войнами и угрозами войны, проходит сложный этап – этап, в котором совершается выбор: мондиализация и создание «всеобщего государства», тоталитарного и пресекающего всякое политическое творчество, изменения стратификации и распределения благ и власти, или сохранение «многополюсного мира», ценности и достижений культур и стран, сохранение и восстановление уважения к опыту войн и насилия, опыту успехов и свобод сообществ и наций разных типов. К мондиализации активно стремятся в настоящее время созданные исключительно ради нужд «элитарного меньшинства» наднациональные организации, «союзы», «содружества», «соединения» и «объединения» разного толка. Мондиализация означает начало коллапса человечества в целом: попытки создания транскультурного, а точнее надкультурного правительства, тотальной слежки и контроля над людьми планеты, – коллапс нравственности и духовных ценностей человечества. В этой ситуации доминирующее меньшинство на фоне не контролируемого стремления к большей власти и

подавлению сопротивления уже в «зародыше» стремится создать всеобщее государство. По мере распада цивилизаций и их превращения в унифицированное единство формируются «внутренний пролетариат», создающий всеобщую церковь, идеологию, обслуживающий «всеобщее государство», а также «внешний пролетариат», создающий «стаю варварских военизированных банд». Мондиализация как легитимизация «однополярного» мира, существующего для удовлетворения бесконечно растущих желаний элиты, внешне способствует расширению культурных контактов между народами и миграции людей, по сути, при нынешних условиях (активной пропаганде социального каннибализма) – антитеза советской «унификации»: геноцид и вымирание наций и стран, возвращение человечества к рабовладельческому строю, превращение жаждущей свободы от «человеческого материала» «элиты» в уничтожаемое ею «быдло». Эта ситуация продолжает линию социальной аномии и фашизма, заданную в начале XX в. австрийско-германской, а ранее – с XVI в. и далее – британской и испанской культурами «конкистадоров» и других завоевателей-буржуа, создавших резервации и концентрационные лагеря. Спецификой современного фашизма, однако, является то, что в лагерь попадают не столько по признаку расы и национальности, сколько по признаку идеологии и ценностей: искореняется не столько этническая культура, сколько культура человеческих отношений, человечность как таковая. Истребление советского, идеологии всеобщего равенства, – опора этого процесса. Общество пришло на грань самоуничтожения, выбрав для этого самый простой способ: нарушение культурной трансмиссии. Вместо нее возводится в идеал культурный плюрализм, осуществляется культурная, или, точнее, «псевдокультурная» экспансия (распространение) как замена ценностей, идеологии одной культуры ценностями или симулякрами ценностей – другой. В данном случае, – замена ценностей жизни и человечности ценностями потребления и власти.

Во многих смыслах этот процесс связан с искажением опыта «советского социокультурного проекта», опыта огромной страны, уничтожившей фашизм в середине XX в., – СССР. Ставя перед собой вопрос о том, чем являлся советский социокультурный

проект: историческим шансом или глобальной антиутопией, мы можем ответить так: существующие понятия и концепты описания и проектирования политических и иных систем несовершенны и в настоящее время. Это не мешает, однако, стремиться и искать новые, более продуктивные формы построения и развития сообществ и стран, извлекая опыт из более или менее удачных проектов. Существование СССР, ряда других социалистических стран говорит о том, что этот проект был жизнеспособен. Даже более жизнеспособен, чем разнообразные проекты и примеры капиталистических сообществ, игнорирующих многие из достижений человечества:

– советская культура имела оформленное ценностное ядро, константные характеристики, декларировавшие и определявшие возможности реализации ценностей, включая ценности гуманистические (равенства и братства, заботы и чести и т. д.);

– советская культура не была замкнутой, поскольку выступала как «этап большого пути»: от нэпа к социализму и далее – к коммунизму, радикальной модернизации общества и государства;

– советская культура была диалектичной, «диалектика советского» включала как неизбежность существование самых разных пластов опыта: от архаики до модерна, включала межнациональный, межкультурный идеал взаимного признания и уважения людьми друг друга;

– «простой советский человек» стремился к лучшему, двигался навстречу будущему, и там, где он терял надежду на него, погибал, как погиб СССР;

– он включал организованное пространство перформативных ритуалов и практик, институтов и вариантов формирования советской идентичности;

– советское предполагало также «антисоветское»: разнообразные, хотя и малочисленные формы оппозиции официальной идеологии (инакомыслие творческой элиты, неофициальное искусство и подпольный бизнес, диссидентское и эмигрантское движения);

– советское включало двигающие его развитие внутрикультурные противоречия: официальный атеизм сочетался с квазирелигиозной идеологией, амбивалентность наблюдалась в соотно-

шении конформистских и неконформистских практик отношений, понимания сути (нон)конформизма;

– строило собственный, «социалистический» реализм: учитывающий неравенство людей как фактор социальной напряженности, деструкции, превознося в построении власти и идеологии, производстве и искусстве принципы равенства, достоинства, социальной справедливости;

– национальный вопрос в советской культуре решался как вариант иных социальных отношений: «национальная по форме и социалистическая по содержанию»;

– проверкой дееспособности этой культуры стали войны: «смертный бой не ради славы», – война и мир в советском социокультурном дискурсе предстают как синонимы зла, несправедливости и добра, достоинства людей и народа;

– культура повседневности советской эпохи менялась, оставаясь в пределах «простого»: выживая в трудных условиях войн, строя общество равных, советские люди стремились к индивидуальном благу, не забывая об общем: последнее предписывалось культурой, хотя ею же подчас и профанировалось;

– советская культура без советского государства продолжает существовать: советское в постсоветской культуре живет как идеология, прежде всего, идеология человечности отношений, пугающая сторонников антисоветского угрозой ренессанса.

Особенно активно угроза этого ренессанса проявляется в связи с решением социальных проблем (социального неравенства и несправедливости) внутри страны и проблем борьбы с фашизмом как идеологией социального неравенства и неуважения к человеческой жизни. Помешать ренессансу стремятся реинкарнацией фашизма, – но уже – на всей территории Земли. Борьба за ресурсы в середине XX в. была фашизмом проиграна, однако сейчас ее вновь подняли из «помойного бака» истории. Реинкарнация уничтоженного СССР нацизма в идеях социального каннибализма общества потребления, как отмечает З. Милошевич [1, с. 147], происходит в связи с потребностью крупного капитала получить новые сырьевые ресурсы и дешевую рабочую силу. Как известно, «капитал избегает шума и брани и отличается боязливой на-

турой. ...но это еще не вся правда. ...Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение... при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами» [2, р. 35, 36]. Социальный каннибализм включает даже отказ от технологического прогресса: совершая выбор между рабом и роботом, представители власти однозначно выбирают раба, жизнь и судьба которого никого не интересуют: он существует только как компонент чужого счастья, комфорта. Эта мораль – допускающая сжечь в рабстве и нищете миллионы тел и судеб ради «роскоши» одной судьбы, – социальный каннибализм, быстро перетекает в биологическое людоедство. И хотя рабство и торговля рабами официально «отменены» более 200 лет назад, в современном мире даже официально более 15 миллионов взрослых и детей в мире – рабы: работорговля по прибыльности занимает 3-е место после торговли наркотиками и оружием, особенно в Европе.

Радикальный социальный каннибализм существует уже в ряде стран, в том числе Европе и СНГ, например, однако, согласно правилу «спирали молчания» (the spiral of silence), как утверждает Э. Ноэль-Нойман, умалчивается: критики боятся возмездия или изоляции (игнорирования) [3]. Противостоять этой «спирали» могут высокообразованные или более-менее состоятельные люди, а также некоторые «бесцеремонные» трансцендирующие индивиды, не боящиеся изоляции, которые с большей вероятностью выскажутся или могут настаивать на истине и истинных ценностях, вне зависимости от общественного мнения. Это меньшинство – необходимый фактор изменений, податливое большинство – условие стабильности, в том числе стабильности самоуничтожения, коллапса, к которому его ведет другое меньшинство – «элита». Преодоление «спирали молчания» возможно за счет нейтрализации в коммуникативном поле идей, порождающих социальные

страхи, или вброса в него более сильных социально-политических идей, то есть – новых идеологий, способных противостоять коллапсу и вырождению или – обращения к идеям старым, к их позитивному содержанию. Идеология неонацизма как социального каннибализма – идеология «экономического гангстера» – готовность максимизировать личную выгоду любым доступным способом, пойти на любое преступление ради собственной выгоды [4]. Преступлениям социальных каннибалов мешают лишь две вещи: наличие у социума организующей его идеологии, централизованной вокруг ведущих нравственных заповедей, и тенденция преступающих заповеди самоуничтожаться. Поскольку, однако, самоуничтожение приходит после того, как уничтожены ресурсы других людей, выживание основано не на молчаливом согласии и анонии каждого отдельного человека, но на участии каждого в поддержании нравственных основ жизни. Быть человеком среди других людей – необходимое условие выживания человека, его рода, его нации, человечества. Автономные субъекты из числа подлежащих уничтожению «больных, преступников и оппонентов», трансцендирующие в период социального распада, в поисках новых решений приводят к рождению новой идеологии, вокруг которого может организоваться последующая цивилизация. В последнее время на нее претендует идеология социального служения, которая обеспечивает не столько справедливость, сколько хотя бы частичную социально-политическую мобильность и лояльность общества и правящей «элиты». В рамках данной идеологии развивается также идея самопомощи взаимопомощи: активизации и фасилитации активизации ресурсов самого населения в противостоянии страхам и угрозам уничтожения со стороны государства. Трансцендирующий принцип «Делай это все равно» Матери Терезы так же отражает суть второй демократии: любовь, уважение, достоинство, нравственность одного человека изменяют мир вокруг него [5]. Трансцендирующие субъекты, вопреки страху сохраняющие нравственное отношение к себе и миру в период социального распада, приходят и приводят людей к новой идеологии, возрождению, новой цивилизации. Основами такой цивилизации помимо идеологии социального служения выступают

идеи взаимопомощи и самопомощи разных слоев и страт, уже внедренные, но почти уничтоженные вместе с СССР много десятилетий назад. Потеряв СССР, мир потерял и тот опыт, который накопила эта страна, и те идеалы, которые она транслировала и поддерживала, охраняя мир от фашизма.

Возрождение советского, происходящее вопреки формальной логике и усилиям современных фашистов, – закономерный результат их усилий полностью уничтожить идеи равенства и братства. Опыт СССР – это опыт, вписанный в историческую память людей, в историю, даже при условии его направленного осмеяния, забвения и уничтожения, сохраняется, поскольку живет как идеология конкретных людей и семей, передаваясь из рода в род. Как это обычно бывает с прошлым, память сохраняет лучшие черты: те черты советского социокультурного проекта, которые сделали его успешным и поддержанным целым рядом поколений людей. В поиске опор бытия советские люди обратились к Богу: по-видимому, выбор между Богом, душой и деньгами, «телом», краеугольный момент в истории людей, был необходим и вызрел по мере созревания советской культуры. Разочарование в ней – результат глубокого духовного кризиса, в который страна, люди вошли, чтобы разрешить один краеугольный вопрос – нравственности и ее основаниях. Кто-то увидел ее основанием – деньги и власть, кто-то – Бога и любовь. Поборов внешний фашизм, советские люди столкнулись с внутренним: мещанство, эгоизм и властолюбие, конформизм и угодничество, – пороки «человека советского» вышли наружу в его детях и внуках, часть из которых рушит памятники, часть – эти памятники и культуру защищает.

К. Поланьи, ставивший целью «поиск “третьего пути”, создание теоретической основы идеального общественного устройства, где человек является главной ценностью», исходил из того, что люди взаимодействуют друг с другом на основе принципов: дарообмена (то есть взаимности), централизованного перераспределения (отчужденной редистрибуции) и рынка (аномичного обмена). Рыночные отношения предполагают более или менее взаимную калькуляцию выгод и издержек, обмен дарами осуществляется свободно, без гарантий и требований возмещения затрат

и т. д. [8]. Даже рыночная система для своего удовлетворительного функционирования требует учета культурных, идеологических аспектов, в том числе нравственных норм: честности, трудолюбия, ответственности, доверия партнеров и т. п., однако, рыночная система разрушает в первую очередь именно признаки культуры, ведя к дестабилизации, способствуя нестабильности общества и более или менее явно выраженному централизованному перераспределению бюрократией и криптократией. Примером описанных явлений выступают события на территории бывшего СССР: активизируются силы, которые, казалось, ушли в забвение, вместе с разгромом нацистской Германии и ее союзников, в том числе Румынии. Государства СНГ, перенимающие рыночно-реистрибутивные отношения Евросоюза и США, отказавшегося запрещать фашизм, с развитием «цивилизации» все больше начинают выступать в роли надсмотрщика, превращающего в фарс национально-государственное образование, науку, человека и его отношения, всю культуру. Создание «массовой культуры» приводит к бескультурью, обе они выступают как основы широко рекламируемой заинтересованными странами глобализации и, затем, как правило – уже принудительной, мондиализации (с ее принудительной редистрибуцией). Для объяснения важности создания универсального государства-гиганта и обоснования разрушений менее сложных государств, типа СССР, часто используются модели коллапса и «мальтузианских ножниц», разработанных в классических рационалистических моделях развития. Говоря о том, что большие системы типа СССР не выгодны, и поскольку население, точнее его потребности, растет беспредельно, а ресурсы, точнее возможности их удовлетворения, конечны, отмечают, что именно поэтому большие государства оказываются под угрозой. Не замечают, однако, как разоряются при этом более мелкие государства, подвергающиеся в целях «оптимизации» экономических и социальных отношений травле и блокадам. Примером может служить ситуация с современной Грецией, которая в угоду «мальтузианцам» не может прокормить себя, имея для этого все ресурсы, а также и положение Белоруссии, которая также страдает от политики «мальтузианцев», их стремления подмять по себя

другие страны. Парадоксальность ситуации, однако, носит внешний характер: мальтузианцы не собираются создавать сверхгосударство, которое объединило бы всех людей планеты. Напротив, они собираются уничтожить значительную часть населения планеты, оставив то, что согласно «ножницам» сочтут выгодным: редиистрибуция оказывается направленной не только на само распределение благ и продуктов, но на право потреблять эти блага и продукты: на жизнь как сверхблага. Идеологические основания такой редиистрибуции, отсутствие в них нравственных норм как таковых, в моделях коллапса и «ножниц» игнорируются. Мальтузианские «подсчеты» дают наделенному властью меньшинству активно и, вопреки наивным представлениям масс, без всяких гуманных намерений транслирующих идеологии социального потребления (или социального каннибализма), утверждать необходимость регулирования населения доступными цивилизации средствами, включая прямое уничтожение ненужного «человеческого материала», в первую очередь больных, правонарушителей и политических оппонентов. Проблемой остается, однако, как показал опыт концлагерей Третьего Рейха, сама «утилизация»: уничтожение себе подобных весьма ресурсо- и энергоемко. Поэтому, по мнению криптократии, так важно запустить механизмы самоуничтожения людей и сообществ, в первую очередь – используя способы, блокирующие механизмы культурной трансмиссии, отражающие опыт самосохранения и саморазвития человечества, в том числе его массовой и элитарной, низшей и высшей социальных страт. И поэтому – так важно противостояние и сохранение и приумножение опыта, культуры, прошлого – в странах и государствах, не желающих стать жертвами мировой криптократии.

Вопреки исследованиям в парадигме социального и человеческого капитала, отражающим интерсубъектность управления, его эвергетичность, показывающих, что наиболее прибыльным является вложение в людей, а не в их уничтожение, мальтузианская модель об этом умалчивает. Поддержка негосударственных институтов и организаций во многих отношениях воспринимается как невыгодная: даже игра в демократию и всеобщее участие в управлении миром сторонникам мондиализации кажется опасной и экономически невыгодной. Напротив, активно поддерживаются «су-

дебные реформы»: усиление репрессивно-карательных режимов, подающих под видом «порядка» насилие над личностью и обществом. Это можно увидеть на примере самых разных своих членов содружества СНГ, и, особенно, уже практически ассимилированной Румынией Молдовой, бандеровской Украиной и лишившихся памяти и национального достоинства Прибалтики и Польши. Последняя когда-то, после геноцида бандеровцев в Волынскую резню в 1943 г., провозгласила: «Если я забуду о них, ты боже на небе, забудь про меня» [9]. Пожелание, увы, сбылось: говорить о подъеме национальной культуры Польши поэтому в ближайшее время не приходится. Не приходится говорить о подъеме экономик и культуры Прибалтики, Молдовы, Украины, для которых расправа над человеком, культурой – повседневность.

Список литературы

1. Милошевић, З. Америка и фашизм / З. Милошевић. – Република Србија, Београд, 2011. – 147 бр.
2. Dunning, T. J. Trades' Unions and strikes: Their Philosophy and Intention / T. J. Dunning. – L. : Dunning T. J. Published, 1860. – 52 p. – P. 35–36.
3. Noelle-Neumann, E. The theory of public opinion: The concept of the Spiral of Silence / E. Noelle-Neumann // Communication Yearbook / J. A. Anderson (ed.). – Newbury Park, CA : Sage, 1991. – V. 14. – P. 256–287.
4. Мазурова, Л. Потребитель нынче в дефиците? / Л. Мазурова // Литературная газета. – 2008. – 8 авг. (№ 32).
5. Масбург, Л. Удивительная мать Тереза / Л. Масбург. – М. : Трианда, 2012. – 272 с.
6. Недорога, В. А. Перспективизм // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3 / В. А. Недорога ; под ред. В. С. Степина. – М. : Мысль, 2001.
7. Фисман, Р. Экономические гангстеры / Р. Фисман, Э. Мигель. – М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2012. – 302 с.
8. Розинская, Н. А. Введение. Труды и дни Карла Поланьи / Н. А. Розинская, Ю. В. Латов // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под ред. Р. М. Нуреева. – М. : ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 11–21.
9. Genocide and rescue in Wolyń / ed. by T. Piotrowski. – Jefferson : McFarland & Company, 2000. – 321 p.

MODERN FASCISM AND RUSSIA: 70 YEARS LATER

Arpentieva Mariyam Ravilievna

Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor
K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University
mariam_rav@mail.ru
St. Razin St., 26, 248023 Kaluga, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of problems of modern fascism, its distribution on the territory of the former USSR and possible ways of confrontation. As the basis of modern fascism is considered the ideology of social cannibalism, alternatively opposition to the ideology of social service.

Key words: fascism, social cannibalism, social service.

УДК 94(470.45)“1941/1956”

ББК 63.3(2Рос-4Вор)6

ТРУДНОСТИ И РАДОСТИ ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕТСТВА В СТАЛИНГРАДЕ ¹

Архипова Екатерина Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и зарубежного регионоведения
Волгоградского государственного университета
arkhipovakv@yandex.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Статья основана на глубинных интервью, проведенных преподавателями и студентами ВолГУ в 2014–2015 гг. среди «детей Сталинграда». В работе определяются основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться детям военного поколения в первые послевоенные годы жизни в Сталинграде. Однако повседневная жизнь имела не только проблемы, в статье выявлено, с чем были связаны представления о радости после освобождения города.

Ключевые слова: дети и война, экстремальное детство, Сталинградская битва, Великая Отечественная война, послевоенный город.

В течение 2014–2015 гг. преподаватели и студенты ВолГУ в рамках проекта практики выживания в условиях Великой Отечественной войны под руководством ведущего научного сотрудника Южного научного центра РАН М.А. Рыбловой провели более 200 глубинных интервью с жителями Сталинграда/Волгограда, рожденными с 1928 по 1948 г. в г. Сталинграде [16]. Целью исследования было определение антропологии детства в военное/экстремальное время. Более половины всех собранных интервью вошли в сборник «Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города» [1]. Кроме того, в сферу интересов исследовательской группы вошло изучение антропологии послевоенного детства. В случае со Сталинг-

радом, в эту категорию попадают дети начиная с 1943 г. – после освобождения города от фашистских захватчиков. Именно в этот момент начинает закладываться социальная основа будущего города-победителя.

Когда мы приступали к поиску людей, возникал вопрос, а как вообще можно было выжить ребенку, например, 1941–1943 гг. рождения в условиях войны, голода, полной разрухи всего, что помогает ребенку выжить. Постепенно созрело понимание, что интервью взяты у тех людей, которым по разным причинам повезло остаться в живых после нечеловеческих испытаний: не попали под авиаудар, не попала шальная пули или осколок, даже если были изгнаны в Белую Калитву, то каким-то чудом удалось найти дом (пусть и курятник), в котором можно было переночевать, какую-никакую еду на пропитание, чтобы протянуть это страшное время, а самое главное – удалось сбежать из лагеря и вернуться в разрушенный город.

Рассказывая свои истории жизни, они помогают восстановить социальную историю города на разных уровнях и в разных его географических районах. В интервью разных людей по своему статусу, из разных районов города прослеживаются единые проблемы, горести и радости детства и юности в восстанавливаемом городе. Это проблема голода, строительства жилья, получения образования и радости игры, танцев, первых туфель, платья, спортивных достижений. И вся жизнь горожан тесно связана с Волгой. Она помогала выживать во время войны, она же осталась кормилицей и после войны. Особые детские развлечения связаны с Волгой: все лето чаще всего проходит на ее берегах в купаниях, там же добывалась еда, из ее глубин мальчишки доставали затопленные снаряды. Даже если человек так и не научился плавать, все равно детство было связано с Волгой.

Самая главная проблема в разрушенном городе – найти пропитание. И на долю детей также выпадает задача достать еду. Летом это могло быть все то, что растет, все, что под ногами. Это могла быть трава: калачики, паслен, лебеда, макуха, корень солодки, яблоневый цвет на суп. Речной ил вообще воспринимали

«как шоколадку»: «Да мы только на Волге и выросли, весь ил поели, как шоколад» [14]; «Это мы называли “шоколадка”, слои земли, такой плотной, и мы это сосали, чтобы хоть что-то пропустить в желудок, потому что есть было нечего» [15]; «Еще мы находили слои глины, которая напоминала нам шоколад, мы его выколупывали и жевали» [5].

С введением карточек детям приходилось отоваривать их часто самостоятельно, сталкиваясь с жестоким миром взрослых: кражами, обманом, а иногда и помощью: «Пошла я в дом грузчиков. Там внизу пекарня была, а вверху магазин. Сижу, хлеба нет. Женщина подходит: “Девочка, ты за хлебом пришла?” – отвечаю – “Да, за хлебом”. – “Пойдем, я знаю, где хлеб продают”. Подвела меня к “Гвардейцу”. “Гвардеец” наполовину был разрушен, в заборе дырка, она дает мне пустой кошелек свой и сетку: “Ты сиди здесь, я сейчас принесу хлеб, я знаю, где хлеб”. Сижу до ночи, приходит мама меня искать, я в слезу, она меня пальцем не тронула. Начало месяца, мы остаемся голодными, без карточек. Она увела у меня эти карточки» [13]; «За хлебом ходили в магазин, который находился рядом, почему-то было обязательным считаться в 3 часа ночи, и если мать не пришла считаться с грудным ребенком, то на него уже не дадут хлеба, такой был порядок» [4]; «Ночами стояли за этим хлебом. И вот папа куда-то отошел, его не пускают. А мы все стояли, чтобы побольше купить: и дети, и жены, и матери. Его не пускают и все, выгоняют. Мы ревели с сестрой не знаю как: “Он стоял, он стоял, он тут стоял!”. Ну потом все-таки пустили» [11].

Город начали восстанавливать еще во время войны, как только армия Паулюса сдалась. И многие дети наряду со взрослыми принимали участие в восстановлении города. В дальнейшем, когда они получили образование, эта «привычка» была продолжена, так как именно это поколение было активными строителями основных предприятий города, его инфраструктуры. Зачастую личные достижения имели меньшее значение по сравнению с восстановлением города: «У моего брата появился фотоаппарат только в те годы, когда уже восстанавливали Сталинград. И первую фотографию он сделал, фотографируя кинотеатр “Победа”. Это

была такая радость для всего города, что кинотеатр такой построили» [8].

Кстати, даже отношение к образованию было особым, наверное, сильно отличающимся от сегодняшнего. Многие пошли в школу сразу же после освобождения города. Занятия проходили в полуразрушенных зданиях, без тетрадей и книг. После школы многие продолжали работать и учиться дальше: «Цель была одна – хорошо учиться» [12]. Учителя были важными людьми для общества, их обожали, с ними проводили не только время уроков, но и после школы, им помогали, вплоть до вскапывания огородов учителю. Учитель и согреет в классе, если ученик приходил замерзший, и поможет в выборе профессии, и купит галстук, если семья не может, и чаем напоит [2]. Но общество тоже предъявляло требования к учителю: он всегда строг и должен хорошо выглядеть: «Была у нас учительница по ботанике, ее все любили, может, оттого, что она выглядела всегда и вела себя нормально с детьми, с уважением относилась к детям. Помню, в класс нам принесли однажды суслика. Вот тишина, учительница рассказывает что-то, а он (суслик) имеет такое свойство свистеть, а это он в портфеле, и свистнул, все даже не знали, что у этого ребенка суслик. Учительница сразу: “Кто это сделал?” – все молчат. Ведь дети и не знали, что там у него суслик. А потом дошло до более серьезного, и пришлось суслика выбросить с окна» [3]; «У нас жила на Луговой Лебедева Пелагея Ивановна, педагог, заслуженный учитель. И ей мы, конечно, помогали всегда, потому что она была одинокая. Мы с сестрами всегда поливали ей огород» [15]. Воспитательные моменты, случавшиеся в классе, оцениваются чаще всего положительно: «Все нормально, учителя нас наказывали, выгоняли из класса. Я по математике хорошо учился, но вот баловался, не давал я покоя, и вот учительница выгоняла» [9]; «Постарше ребята пару раз прокатнулись и на уроки побежали, а нам понравилось, и мы счет времени потеряли. Потом прибежали с другом на урок, а опоздали. И нас учитель на колени поставил и сказал на коленках до дальнего угла класса ползти. И весь урок мы в углу на колени

ках простояли. И никто ничего против не говорил. Потому что знали, что сами виноваты. А иногда и линейкой по лбу получить можно было, но никогда никто не жаловался дома. Потому что пожалуешься и тебе там еще всыплют» [6]. И в силу постоянного пребывания родителей на работе учителей называли вторыми родителями.

Но если не было возможности продолжать обучение из-за нищеты в семье, то приходилось идти работать, но и там обучение продолжалось. Так, в разных районах города были открыты фабрично-заводские училища, куда приходили и дети-сироты и дети из семей. Они обучались профессии, заканчивали школьное образование. Но главное, их здесь кормили, одевали, давали общежитие. Таким образом, они также принимали участие в восстановлении города. Видимо, это и формировало любовь к своему городу. Отзывы о ФЗО были разными: практически все информанты говорили о драках и пьянках, в которых принимали участие парни – «фэзэушники». Однако часто можно встретить и слова благодарности в отношении такой системы образования. Видимо, это связано с тем, что фабрично-заводские училища открывались в разных районах города, при разных заводах, набирали учеников из разных групп населения, как из особо пострадавших северных районов города, так и из южных районов. Поэтому и отношение к ученикам можно встретить разное.

После освобождения в город стали возвращаться бывшие его жители, но их было мало. Нужны были рабочие руки, поэтому в город зазывали жителей деревень, других городов. Дети видели их, сравнивали с собой: «Дети, которых эвакуировали, они учились лучше, у них и память лучше была. Они раскованнее были. Все гуманитарные предметы легко пересказывали. Они и выглядели лучше нас. Психика у них не нарушена была, с ними занимались там. Они другими были. А тем, кто остался здесь, кто пережил все, сложно было» [7]; «Приезжали с Украины, Сибири. Был клич такой, что надо восстанавливать Сталинград. Вот вошел ты в трамвай, и сразу видно: коренной это житель, наш или приезжий» [10]. При этом практически все информанты подчеркивали,

что особого отношения к «другим» (нациям, этносам) не было. Для них это важно подчеркнуть сегодня.

Любимым развлечением городских жителей были танцы, а позже кинематограф. Танцы могли организовываться при клубах, и даже во дворах. Семейные праздники также не обходились без танцев. Песни слушали, пели, под них танцевали («Прощайте, скалистые горы», «Синий платочек»)². Любимыми исполнителями называли К. Шульженко, Л. Утесова. Именно в общественных местах смешивались представители разных регионов страны, создавая новую группу «сталинградцев». Кинематограф, сначала будучи разъездным, впоследствии принимая стационарные формы в городских дворах, воспитывал единые моральные требования, нормы поведения у новых горожан.

Спорт, занятия музыкой (аккардеон, баян, гитара), чтение книг, вышивка, вязание были самыми распространенными способами времяпровождения. Занятия спортом инициировались в школе, однако и сами дети, подражая взрослым командам, играли в хоккей, футбол [2]. Даже в условиях отсутствия спортивного инвентаря выход находили, делали мяч из тряпок, бычьего пузыря: «А играли мы в футбол тряпочным мячом, у нас не было обуви, так как обувь рвалась, постоянно мы играли босиком. Если где-то поранили ногу, мы присыпали землей и дальше играли» [4].

Переход во взрослую жизнь уже связан с первым заработком. Это могли быть летние работы на полях-огородах, а могла быть уже и работа на заводе. Этот переход осуществлялся в подростковом возрасте. Сезонной работой могли заниматься школьники лет с 11–12-ти. На постоянную работу шли ученики ФЗУ и люди, окончившие среднюю школу. Многие мечтали получить высшее образование, однако проще это было сделать будучи уже работником какого-то предприятия и в случае поддержки со стороны руководства. Первая зарплата – это огромное счастье и гордость – на них покупали заветное платье, туфли, часы, только потом осознавая, что нужно принести деньги в семью. Но и это переживалось уже легко, ведь есть постоянный заработок, «как-то проживем», и умели радоваться дальше.

Именно это поколение сформировало облик современного города, который строился как город-Победитель не только в войне, но и в труде. Этому поколению пришлось рано повзрослеть, помогать своим родителям прокормить семью. Однако уже после освобождения города территория детства и юности стала постепенно находить себе место с радостями игры, общения и развития.

На долю исследуемого поколения выпали нечеловеческие испытания. Детство в экстремальных условиях не могло пройти бесследно. У кого-то остались страх звуков войны на всю жизнь, кого-то преследуют ночные кошмары. У кого-то возникали проблемы при создании собственной семьи: девочки, повзрослев, столкнулись с проблемами бесплодия; бывших узников, которые скрывали эти факты, предавали супруги при открытии этого факта. Психологическое преодоление сегодня многие находят в общении с равными, не случайно в разных районах города функционируют различные общественные организации, объединяющие детей войны. При этом мало кто рассказывает о своих переживаниях в кругу семьи. Зачастую их внуки даже не признают за бабушками и дедушками право называться «героями», поэтому представителям этого поколения проще общаться с «посвященными», при этом унося с собой память о войне.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-31-12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

² Примечательно, что поколение наших собирателей уже не знакомо с этими песнями, в первичных текстах часто приходилось сталкиваться с таким названием – «Осенний платочек». Не знакомы оказались наши студенты и с известными исполнителями советского периода. Так, Утесова записывали следующим образом: «Пели у Тессовых».

Список литературы

1. Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / под ред. М. А. Рыбловой ; Юж.

науч. центр Рос. акад. наук. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНГиГС, 2014. – 512 с.

2. Интервью с Архиповым В.Г, 1948 г.р., г. Сталинград: записала Архипова Е.В., 02.01.2015 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

3. Интервью с Бевзюк Г.И., 1940 г.р., г. Сталинград: записала Ахадова Д.Ф., 01.07.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

4. Интервью с Владимиром Петровичем, 1941 г.р., г. Сталинград: записала Гребнева А.Э., 14.06.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

5. Интервью с Гордеевой Н.В., 1937 г.р., г. Сталинград: записала Марусина Е.А., 21.07.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

6. Интервью с Ерошенковым П.Ф., 1940 г.р., г. Сталинград: записала Терентьева О.С., 26.01.2015 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

7. Интервью с Живаевой З.А., 1935 г.р., г. Сталинград: записала Полтарецкая А.В., 27.07.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

8. Интервью с Клейтман Р.А., 1930 г.р., Молдавия, год приезда в Сталинград – 1942: записала Попкова Е.А., 18.04.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

9. Интервью с Лариным Ш.Ц., 1934 г.р., г. Сталинград: записала Шавловская Н.А., 31.07.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

10. Интервью с Лихолетовой Л.В., 1935 г.р., г. Сталинград: записала Смирнова Ю.В., 11.01.2015 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

11. Интервью с Мельниковой Л.М., 1937 г.р., г. Сталинград: записала Коновалова А.К., 15.07.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

12. Интервью с Путилиным В.И, 1937 г.р., г. Сталинград: записала Фалалеева Л.А., 16.01.2015 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

13. Интервью с Рахимкуловой Х.Х., 1937 г.р., г. Сталинград: записал Верховых Д.Я., 22.07.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

14. Интервью с Суровцевой М.П., 1941 г.р., г. Сталинград: записала Михеева Е.А., 30.05.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

15. Интервью с Фторовой Р.Б., 1940 г.р., г. Сталинград: записала Михеева Е.А., 30.05.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

16. Рыблова, М. А. Антропология военного детства (на примере Сталинграда) : презентация проекта / М. А. Рыблова // Каспийский круг: города-побратимы – символ совместного наследия : сб. материалов Междунар. форума / под ред. И. А. Прихожан и В. И. Супруна. – Волгоград : Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2014. – С. 15–24.

THE DIFFICULTIES AND HAPPINESS
OF CHILDHOOD IN STALINGRAD
DURING THE WAR AND POSTWAR TIME

Arkhipova Ekaterina Vladimirovna

Kandidat of Sciences (History), Docent, Associate Professor,
Department of International Relations and Area Studies,
Volgograd State University
arkhipovakv@yandex.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is based on the in-depth interviews taken by the researchers and students of Volgograd State University in 2014-2015 among the Stalingrad citizens, born in 1928-1948. The main difficulties faced by the children of the war and the first post-war generations in the reconstructing city after 1943 are determined in the paper. Meanwhile the everyday life in the postwar Stalingrad was full not only with difficulties but either with some happy moments, and the author defines the meaning of happiness for the informants for the first 10 years life after 1943.

Key words: children in war, extreme childhood, Stalingrad battle, Great Patriotic War, postwar city.

УДК 94(470)“1941–1944”

ББК 63.3(2)622

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ (ЛЕТО 1941 г. – ОСЕНЬ 1944 г.)

Веригин Сергей Геннадьевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории
Петрозаводского государственного университета
verigin@psu.karelia.ru
просп. Ленина, 33, 185910 г. Петрозаводск, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа архивных источников и научной литературы раскрываются значение и особенности Карельского фронта в годы Великой Отечественной войны. Они заключались в том, что Карельский фронт был самым протяженным по расстоянию (около 1 500 км) и самым продолжительным по времени существования (2 года 10 месяцев – с августа 1941 г. по ноябрь 1944 г.). Свои особенности имело и партизанское движение. Партизанские отряды Карельского фронта базировались не на оккупированной территории противника (как в других регионах СССР), а за линией Карельского фронта и совершали боевые рейды на занятую противником территорию, затем после выполнения боевых задач возвращались в тыл советских войск.

Ключевые слова: Карельский фронт, Великая Отечественная война, советские войска, немецкие войска, финские войска, партизанское движение.

Ранним утром 22 июня 1941 г. войска нацистской Германии и ее союзников вторглись на территорию СССР. Началась Великая Отечественная война. В тот же день Президиум Верховного Совета СССР издал указы: «О мобилизации военнообязанных» и «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» (в том числе и на территории Карелии).

Буквально с первых часов войны стала перестраиваться на военный лад и вся жизнь Карелии. 24 июня 1941 г. решением Верховного Главнокомандования (ВГК) СССР на базе Ленинградс-

кого военного округа был образован Северный фронт (командующий – генерал-лейтенант М.М. Попов), в состав которого вошли 7-я, 14-я и 23-я армии. В оперативное подчинение Северного фронта передавались пограничные отряды Карело-Финского, Ленинградского и Мурманского пограничных округов, а также Балтийский военно-морской флот. Они получили задачу – оборонять государственную границу с Финляндией общей протяженностью свыше 1 500 км и не допустить вторжения противника на советскую территорию [5, с. 23–24].

26 июня 1941 г. соединения группы немецких армий «Север» форсировали р. Западную Двину и нацелили свой удар с юга непосредственно на Ленинград. В тот же день президент Финляндии Р. Рюти официально объявил о состоянии войны между Финляндией и СССР. Для Советского Союза это означало открытие еще одного боевого фронта – на Европейском Севере, включая Карелию.

В Финляндии в результате проведенной мобилизации действующая армия к началу войны насчитывала около 470 тыс. человек. На севере Финляндии была развернута отдельная немецкая армия «Норвегия» (с середины января 1942 г. переименованная в армию «Лапландия», а с середины июня 1942 г. – в 20-ю горную армию). Противник превосходил советские войска в живой силе и боевой технике в 1,5–2,5 раза [5, с. 17–20].

Военные действия начались 29 июня 1941 г. переходом в наступление немецкой армии «Норвегия», части которой пытались нанести главный удар на Мурманск. Последовавшие одна за другой атаки противника, обладавшего на этом участке 4-кратным превосходством в силах и средствах, не имели успеха [9, л. 15–17; 8, с. 30]. В ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. на ряде участков государственную границу СССР перешли и финские войска. 10 июля 1941 г. главнокомандующий вооруженными силами Финляндии маршал Маннергейм отдал приказ, призывавший финских солдат «освободить земли карелов» [7, с. 69–70].

На всех направлениях фронта развернулись ожесточенные кровопролитные бои. Первыми начали отражать атаки

вторгнувшегося на территорию Карелии противника (в частности, в Приладожье) советские пограничники, не раз демонстрировавшие образцы стойкости и героизма. Одним из первых Героев Советского Союза вошел в историю Великой Отечественной войны старший лейтенант погранотряда в Суоярвском районе Н.Ф. Кайманов, который удостоился этого высокого звания за умелое руководство обороной заставы [4, с. 97; 6, с. 212–215].

10 июля 1941 г. основные силы финской Карельской армии начали наступление на Онежско-Ладожском перешейке, где развернулись особенно затяжные и жестокие бои. Противник сумел захватить станцию Лоймола, перерезав тем самым железнодорожную коммуникацию в полосе 7-й советской армии, и 16 июля захватил Питкяранту. Достигнув побережья Ладожского озера, финская армия развернула наступление одновременно на трех направлениях: петрозаводском, олонецком и сортавальском. Наши войска отступали, ведя упорные бои с превосходящими силами противника. В сложной обстановке командование 7-й армии 21 июля 1941 г. создало две оперативные группы – Петрозаводскую и Южную, которые 23 июля предприняли контрнаступление. Ожесточенные бои длились несколько дней, противник ввел в действие две свежих дивизии. Наши войска, понеся большие потери, в конце июля прекратили атаки. Но и противник вынужден был перейти к обороне, что позволило временно стабилизировать ситуацию [9, л. 27–28; 5, с. 42].

В оборонительных боях за Карелию летом 1941 г. исключительную стойкость и мужество проявили воины 168-й и 71-й стрелковых дивизий, в состав которых входили прежде всего жители Карелии (русские, карелы, вепсы, финны и др.). Длительное время эти дивизии держали рубеж обороны, противостоя крупным силам Карельской армии финнов. Бывший начальник оперативного отдела 168-й дивизии С.Н. Борщев отмечает в своих воспоминаниях: «Двадцать пять дней мы стояли насмерть, защищая нашу государственную границу, и двадцать пять дней удерживали рубеж обороны» [2, с. 11]. Но в конце июля в бой вступила вновь прибывшая 163-я немецкая

дивизия. Здесь 28 июля 1941 г. в бою против гитлеровцев совершил свой воинский подвиг П. Тикиляйнен и бойцы его отделения. За этот подвиг П.А. Тикиляйнену присвоено звание Героя Советского Союза [4, с. 289].

23 августа Ставка ВГК Вооруженных Сил СССР приняла решение о разделении Северного фронта на два самостоятельных – Карельский и Ленинградский. Главной задачей Карельского фронта (КФ) стала оборона имевших большое экономическое и стратегическое значение районов – Карелии и Заполярья. В состав КФ (командующий до февраля 1944 г. генерал-лейтенант В.А. Фролов, затем генерал армии, позднее маршал К.А. Мерецков) входили 7-я, 14-я, 19-я, 26-я, 32-я общевойсковые армии, 7-я воздушная армия и другие отдельные соединения и части советских войск; ему оперативно подчинялись Северный военно-морской флот, Ладожская и Онежская военные флотилии.

Из всех советских фронтов Великой Отечественной войны КФ действовал самое продолжительное время (2 года 10 месяцев) на самом протяженном расстоянии (около 1 500 км – от Ладожского озера до Баренцева моря) и в особо сложных северных природно-климатических условиях. Труднопроходимая местность и неразвитая транспортная сеть позволяли вести боевые действия только по отдельным, изолированным между собой направлениям (вдоль дорог в полосе 20–50 км), важнейшие из которых определились в 1941 г.: олонекское, петрозаводское, медвежьегорское, ребольское, ухтинское, лоухское, кандалакшское, мурманское.

Карельский фронт имел еще две особенности:

1. На северном участке фронта немецким войскам так и не удалось перейти государственную границу с СССР.

2. С самого начала войны диверсионные группы пограничников и НКВД, а затем и партизанские отряды, совершали рейды на территорию противника – Финляндии.

В начале сентября 1941 г., перегруппировав свои силы, Карельская армия финнов начала генеральное наступление на петрозаводском и олонекском направлениях. Ее 6-й армейский кор-

пус наносил главный удар в направлении Олонец – Лодейное Поле. Используя превосходство в силах и средствах, противник прорвал оборону советских войск и 5 сентября захватил Олонец, а два дня спустя вышел к северному берегу Свири на участке Лодейное Поле – Свирьстрой и перерезал Кировскую железную дорогу.

Одновременно 7-й армейский корпус финнов нанес удар на петрозаводском направлении, где в первой линии оборонялась Петрозаводская оперативная группа (ПОГ) и 71-я стрелковая дивизия. В результате неоднократных атак финнам удалось прорвать оборону советских частей. После небольшого перерыва, 20 сентября 1941 г. финские войска вновь начали наступление, бросив на петрозаводское направление более половины своей Карельской армии. 30 сентября они прорвали нашу оборону и устремились к Петрозаводску. В связи с угрозой городу и опасностью быть отрезанными командование ПОГ получило приказ оставить Петрозаводск и отойти на северный берег р. Шуи [9, л. 329].

Захватив Петрозаводск, финские войска продолжали развивать наступление на Медвежьегорск. После тяжелых упорных боев с превосходящими силами противника советские войска были вынуждены оставить г. Медвежьегорск.

К середине декабря 1941 г. войска Карельского фронта окончательно остановили продвижение вражеских армий на всех направлениях. Линия фронта стабилизировалась на рубеже: южный участок Беломорско-Балтийского канала – станция Масельгская – Ругозеро – Ухта – Кестеньга – Алакуртти.

Планы противника, рассчитанные на быстрый захват северных районов СССР, провалились. Советским войскам удалось сохранить главную базу Северного флота – Полярный, незамерзающий порт Мурманск, северный участок Кировской железной дороги (с железнодорожной веткой Сорокская – Обозерская), по которому проходили грузы союзников по антигитлеровской коалиции из Мурманска, а также осуществлялось снабжение войск Карельского фронта; на юге Карелии и на Карельском перешейке финским и немецким армиям не удалось соединиться и создать второе кольцо блокады [5, с. 54].

С декабря 1941 г. на Карельском фронте наступил новый этап боевых действий – период стабильной позиционной обороны.

В течение почти двух с половиной лет советские войска прочно удерживали свои позиции от Баренцева моря до р. Свири, сковывали здесь значительные силы противника, а также предпринимали и наступательные операции.

Так, уже 3–10 января 1942 г. Масельгская оперативная группа под командованием генерал-майора Г.А. Вещезерского и Медвежьегорская оперативная группа под командованием генерал-майора С.Г. Трофименко провели Медвежьегорскую наступательную операцию с целью окружения и ликвидации крупной группировки финских войск. 3 января 1942 г. наши части начали наступление, но в ночь на 4 января финское командование, подтянув ближайшие резервы, предприняло несколько сильных контратак. Завязались ожесточенные упорные бои, продолжавшиеся до 10–11 января. С подходом резервов противника соотношение сил существенно изменилось в его пользу, поэтому Ставка ВГК решила прекратить наступление.

Тем не менее итоги Медвежьегорской наступательной операции имели важное значение. Советские войска продвинулись на запад от 2 до 5 км, освободили ряд населенных пунктов и улучшили свои позиции. Неожиданность наступления вызвала растерянность в стане противника, и Маннергейм лично занимался организацией «отражения наступления русских». Финское командование не осмелилось снять ни одного полка с Медвежьегорского направления для усиления своих сил в районе р. Свири, что оказало помощь обороне Ленинграда. Более того, противнику пришлось бросить в бой имевшиеся резервы. Январские бои 1942 г. дали первый опыт для подготовки будущих решающих наступлений войск Карельского фронта.

С 24 апреля по 11 мая 1942 г. войска 26-й армии Карельского фронта провели Кестеньгскую наступательную операцию с целью разгромить противостоящие силы противника, закрепиться на новом, более западном рубеже и усилить оборону Кировской железной дороги. Главный удар на Кестеньгу наносился силами

двух дивизий: с севера – 23-й гвардейской стрелковой дивизией и с юга – 263-й стрелковой дивизией. Им противостояли немецкая дивизия СС «Север», сводная финская дивизия и ряд других подразделений.

24 апреля 1942 г. в 6 часов утра наши части перешли в наступление на главном направлении и к исходу дня вклинились в оборону противника на 1–3 км. Из-за слабой артиллерийской и авиационной поддержки в условиях сильного снегопада темп наступления оказался низким. Кроме того, противник бросил в бой все свои резервы и подразделения с соседних участков фронта, чтобы восстановить положение. После 3-дневной перегруппировки сил 3 мая советские войска возобновили наступление. Впоследствии немецкий генерал Дитмар, оценивая эти события, пишет, что в результате ударов русских на кестеньгском направлении создалась критическая ситуация, которую удалось локализовать силами 163-й гитлеровской дивизии, спешно переброшенной сюда из района р. Свири. После еще одной 3-дневной перегруппировки сил советские войска 10 мая продолжили наступление, однако 11 мая, получив указание Ставки ВГК о переходе к обороне, прекратили его.

Тем не менее Кестеньгская и Мурманская наступательные операции (Мурманская проводилась с теми же задачами 28 апреля – 10 мая 1942 г.) сорвали планы противника по захвату Мурманска и станции Лоухи Кировской железной дороги, помогли обороне Ленинграда и улучшили позиции советских войск на отдельных участках Карельского фронта. Только на кестеньгском направлении отборные части немецкой дивизии СС «Север» потеряли до 5 000 солдат и офицеров убитыми. Финский офицер службы информации О. Пааволайнен сделал в своем дневнике следующую запись о боях весной 1942 г. на лоухском (кестеньгском) направлении: «Наступление русских в Беломорье... вызвало напряжение чувств. Оборонительные бои на лоухском направлении официально объявляются сегодня завершенными. Снова пиррова победа... Сейчас, год спустя, все кажется неясным, ненадежным, неопределенным» [7, с. 230–231].

Большую роль на Карельском фронте играло партизанское движение, которое имело свою специфику. Партизанские отряды базировались не на оккупированной территории противника (как в других регионах СССР), а за линией Карельского фронта и совершали боевые рейды на занятую противником территорию, затем после выполнения боевых задач возвращались в тыл советских войск. Фактически советские партизаны использовали способы борьбы, которые были характерны для разведывательно-диверсионных групп в период войны. Особенности партизанского движения объяснялись целым рядом причин.

Во-первых, это отсутствие поддержки партизанам со стороны местного населения. На оккупированной территории республики проживало немногим более 86 тыс. человек, в основном женщины, старики, дети, которые, естественно, не могли участвовать в вооруженной борьбе. При этом тысячи советских граждан находились в местах принудительного содержания. Из многих населенных пунктов жители были перевезены в Петрозаводск и заключены в концлагеря. Причиной такого принудительного переселения, как отмечалось в одном из отчетов Военного управления Восточной Карелии (ВУВК), являлось партизанское движение, которое стало настолько «оживленным», что оккупанты «приняли меры по эвакуации населения». В таких условиях нельзя было рассчитывать на создание, пополнение и снабжение партизанских отрядов с помощью жителей оккупированных районов.

Во-вторых, длительная стабильность линии фронта позволила противнику оттянуть с переднего края обороны значительные силы, укрепить старые и создать новые гарнизоны, усилить охрану коммуникаций, что значительно затруднило проход партизанских отрядов во вражеский тыл и их боевые действия. Партизаны лишались главного – возможности проведения быстрых, скрытных и внезапных операций.

В-третьих, известные трудности представлял для партизан и суровый климат – длинная снежная зима с сильными морозами, летом частые дожди, постоянная сырость, белые ночи, кроме того, бездорожье, леса и болота, многочисленные озера и реки.

38 месяцев длилась самоотверженная борьба партизан Карелии. По данным штаба партизанского движения Карельского фронта, за три года войны партизаны осуществили более тысячи боевых операций, уничтожили более 15 тыс. вражеских солдат и офицеров, разгромили 53 гарнизона противника, организовали 31 крушение воинских эшелонов, взорвали 151 мост, 314 автомашин, 78 складов, уничтожили много другого имущества врага. В конечном итоге партизаны выиграли лесную войну у опытного противника, каким являлись финские войска. Сила партизан стала особенно ощущаться на заключительном этапе военных действий на Севере – в 1943–1944 годах. Именно в этот период финны начинают отказываться от преследования партизанских отрядов после выполнения ими боевых операций в тылу врага. Партизаны Карельского фронта внесли свой весомый вклад в общую победу над противником.

Решающее влияние на ход всей войны, в том числе и на севере нашей страны, оказала крупная победа советских войск в Сталинградской битве (19 ноября 1942 – 2 февраля 1943 г.). Маршал Маннергейм, касаясь в своих воспоминаниях оценки высшим финским руководством влияния Сталинградской битвы на ход «большой» войны и политического курса Финляндии, писал: «...3 февраля 1943 г. или через день после того, как немцы капитулировали в Сталинграде, в Ставке Главнокомандующего собрались президент Рюти, премьер-министр Рангел и министры Валден и Таннер, чтобы узнать мое мнение об общей ситуации. В ходе беседы пришли к единодушному мнению, что большая война пришла к переломному моменту и что Финляндии при первой же подходящей ситуации следует найти способ для выхода из войны. Одновременно констатировали, что пока еще мощь Германии препятствует осуществлению этого решения» [7, л. 312].

В первой половине 1944 г. Вооруженные Силы СССР, проведя успешные военные операции под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму, вступили на территорию одного из союзников Германии – Румынию. В результате создавались благоприятные предпосылки для освобождения всех рай-

онов страны и достижения полной и окончательной победы над вражескими войсками.

В январе 1944 г. войска Волховского и Ленинградского фронтов разбили немецкую группу армий «Север», 900 дней державшую в блокаде Ленинград. Эта победа оказала большое влияние на ход боевых действий в Карелии. По воспоминаниям маршала К.А. Мерецкова, в середине февраля его срочно вызвали в Ставку ВГК и уведомили, что Волховский фронт, которым он тогда командовал, ликвидируется, его войска передаются Ленинградскому фронту, а Мерецков назначается командующим Карельским фронтом. Тогда же Ставка ВГК сформулировала в общих чертах поставленную перед Карельским фронтом задачу: за летне-осеннюю кампанию 1944 г. освободить оккупированные районы Карелии и Кольского полуострова.

Советское Верховное Главнокомандование с целью разгрома финских войск и восстановления на северо-западе государственной границы приняло решение провести Выборгско-Петрозаводскую наступательную операцию силами Ленинградского и Карельского фронтов при содействии Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий. Надо подчеркнуть, что только за первые 10 дней Свирско-Петрозаводской операции (с 21 по 30 июня 1944 г.) войска Карельского фронта освободили более 800 населенных пунктов Ленинградской области и Карелии, полностью очистили от врага Кировскую железную дорогу и Беломорско-Балтийский канал. Хотя противник оказывал упорное сопротивление, войска Карельского фронта продолжали движение вперед и 21 июля 1944 г. части 32-й армии вышли на государственную границу.

Мощные удары советских войск на Карельском перешейке и в южной Карелии обострили внутривойсковую обстановку в Финляндии. Среди населения росли антивоенные настроения, падало моральное состояние армии. Все это обусловило уход президента Рюти 1 августа 1944 г. в отставку. Его сменил маршал Маннергейм. Вновь сформированное правительство обратилось к СССР с предложением начать переговоры о перемирии или заключении мира. Советское правительство

выразило согласие вступить в переговоры при условии, что Финляндия публично заявит о разрыве отношений с Германией и обеспечит вывод немецко-фашистских войск со своей территории до 15 сентября [1, с. 274–279]. В ночь на 4 сентября правительство Финляндии сделало заявление о том, что принимает предварительные условия правительства СССР о разрыве отношений с Германией и выводе немецких войск из Финляндии. Одновременно объявлялось о прекращении военных действий на всем участке расположения финских войск с 8 часов утра 4 сентября. Советские войска Карельского и Ленинградского фронтов тоже получили приказ Верховного Главнокомандования прекратить военные действия против Финляндии с 8 часов 5 сентября [3, с. 423].

19 сентября 1944 г. в Москве состоялось подписание соглашения о перемирии между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндией, с другой. Соглашением восстанавливалось с некоторыми изменениями действие мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г., и его пункты в значительной мере относились к Карелии. Финляндия обязывалась: отвести свои войска за линию советско-финской границы 1940 г.; разоружить германские войска, остававшиеся на ее территории, и передать их советской стороне в качестве военнопленных; перевести свою армию на мирное положение в течение двух с половиной месяцев; немедленно передать СССР всех находившихся в ее власти советских и союзных военнопленных и насильственно уведенных граждан; возместить СССР убытки, причиненные военными действиями и оккупацией советской территории в размере 300 млн долл.; возвратить СССР в полной сохранности вывезенные с советской территории во время войны все ценности и материалы и др. На основе Соглашения о перемирии 10 февраля 1947 г. между СССР и союзными государствами, с одной стороны, и Финляндией, с другой стороны, был подписан мирный договор.

После заключения перемирия военные действия продолжались лишь на северном участке Карельского фронта против находившейся здесь 20-й немецкой горной армии.

В конце сентября 1944 г. в результате обходного маневра, осуществленного советскими 19-й и 26-й армиями, немецко-фашистское командование отвело свои войска на кестеньгском, ухтинском и кандалакшском направлениях. В ходе боев противник понес большие потери. Территория Карелии была полностью освобождена.

В настоящий момент в Карелии учрежден новый праздник – 30 сентября: День освобождения Карелии от немецко-финских оккупантов в Великой Отечественной войне.

В октябре 1944 г. соединения Карельского фронта при поддержке кораблей Северного флота успешно завершили боевые действия на Крайнем Севере: в результате проведенной Петсамо-Киркенесской операции они освободили оккупированные районы советского Заполярья и север Норвегии. Государственная граница на Северо-Западе СССР была окончательно восстановлена. Карельский фронт полностью выполнил свои стратегические задачи и был расформирован 15 ноября 1944 года.

Список литературы

1. Барышников, Н. И. Финляндия во Второй мировой войне / Н. И. Барышников, В. Н. Барышников, В. Г. Федоров. – Л. : Лениздат, 1989. – 336 с.
2. Борщев, С. Н. От Невы до Эльбы / С. Н. Борщев. – Л. : Лениздат, 1970. – 438 с.
3. Внешняя политика СССР : сб. док. – М. : Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), 1947. – Т. 5. – 1141 с.
4. Героям Родины – слава! – Петрозаводск : Карелия, 1985. – 302 с.
5. Карельский фронт в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. – М. : Наука, 1984. – 359 с.
6. Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 : сб. док. – М. : Наука, 1968. – 709 с.
7. По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944 : док. и материалы. – Петрозаводск : Карелия, 1995. – 636 с.
8. Румянцев, Н. М. Разгром врага в Заполярье (1941–1944) / Н. М. Румянцев. – М. : Воениздат, 1963. – 288 с.
9. Центральный архив Министерства обороны РФ. – Ф. 1280. – Оп. 1. – Д. 9 (неопубл.).

THE MAIN STAGES OF THE MILITANT ACTIONS
ON THE KARELIAN FRONT
(SUMMER 1941 – AUTUMN 1944)

Verigin Sergey Gennadievich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Russian History,
Petrozavodsk State University
verigin@psu.karelia.ru
Lenin St., 185910, Petrozavodsk, Russian Federation

Annotation. Based on the analysis of the archival sources and scientific literature the meaning and peculiarities of the Karelian Front during the Great Patriotic War are described in the article. They are: the Karelian Front was the longest (about 1 000 km) and the most protensive (it existed 2 years and 10 months – from August 1941 till November 1944). The partisan movement had also its peculiarities. The partisan units of the Karelian Front were based not on the territory occupied by the enemy (as in the other regions of the USSR), they were located across the Karelian Front line and raided on the territory occupied by the enemy and then after accomplishing of the military mission they returned to the rear area of the Soviet troops.

Key words: the Karelian Front, the Great Patriotic War, the Soviet troops, the German troops, the Finnish troops, the partisan movement.

УДК 940: 355.233

ББК 63.3(0)74

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В СРЕДЕ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ XXI ВЕКА

Воронцова Екатерина Александровна

Кандидат культурологических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)

katvorontjur@mail.ru

ул. Старых Большевиков, 54 «А», 394064 г. Воронеж,

Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме воспитания патриотизма в среде российской молодежи. Автор акцентирует внимание на важности тематических встреч, праздничных мероприятий, бесед и интервью с ветеранами Великой Отечественной войны, отводит им большую роль в патриотическом воспитании юношества. Поколение сороковых уходит. Но Победа, которая далась нашему народу с таким трудом, не должна быть забыта, поэтому так важно удержать и сохранить связь между поколениями – старым и молодым.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, Великая Отечественная война, молодежь, ветераны ВОВ, связь поколений.

В наши дни политические деятели, а также деятели культуры и образования все чаще поднимают вопрос о значимости патриотического воспитания и работе с российской молодежью в этом направлении. Это объясняется тем, что временные рамки Великой Отечественной войны отодвигаются от нас все дальше и дальше. Ветеранов Великой Отечественной войны с каждым годом становится все меньше и меньше, и в скором времени молодым людям, не видевшим войны, не от кого будет услышать о тех страшных ге-

роических днях, в которые смогли прожить в труде, обороне и непреклонной вере в победу наши соотечественники. Скольکو лишений, отказов от элементарных жизненных удобств и привилегий сумели вытерпеть совсем юные участники той войны! А ведь многие из них были ровесниками современных 18–20-летних парней и девушек, которые, к счастью, не встречались лицом к лицу с театром военных действий и даже представить себе не могут, как перемаывает человека война. Очень часто, по незнанию, молодые могут своим поведением, где-то грубым, где-то бестактным, обидеть пожилого человека, не уступить место в общественном транспорте, случайно толкнуть в метро или равнодушно отказаться от просьбы старика или старушки о помощи. Дело тут не только в незнании и непочитании традиций русской исконной культуры (уважение к старшим, ответ на просьбу о помощи, исходящую от пожилого человека), но и в прорехах семейного и школьного воспитания, отсутствии патриотизма и любви к своей Родине. Воспитание, конечно, начинается в семье, но если ребенок был лишен нормальной полноценной семьи, то кто и когда должен его воспитывать? Если он проживает с какими бы то ни было, пусть никудашными, но родителями – то и они, и школа. Если в интернате, то, конечно, местные педагоги и воспитатели. Определяющую роль в формировании патриотических качеств у молодых людей оказывают встречи с ветеранами ВОВ. С первого послевоенного десятилетия берут свое начало традиционные встречи учащейся молодежи с ветеранами-участниками войны. Они играли тогда и играют сейчас одну из важнейших ролей в патриотическом воспитании юношества. Хочу поделиться опытом проведения встреч ветеранов с молодежью в 2006–2014 гг., когда я принимала участие в работе актива Центра творчества детей и юношества Ленинского района г. Воронежа. Этот молодежный орган самоуправления участвовал в организации и проведении встреч, концертов, визитов к ветеранам с целью организации посильной помощи, а также просвещения молодежи от 7 до 18 лет, более подробного ее ознакомления с историей военных лет – своего края и всей страны. К каждой знаковой дате организовывались тематические концертные мероприятия и встречи – 25 января (День освобождения Воронежа от немецко-фашистских захватчиков), 23 февраля, День Победы, годов-

щины битв под Сталинградом, Москвой, Курском... Большинство из ораторов-ветеранов принимали участие в некоторых из них. А какие истории не только о героических подвигах, но и о повседневных событиях в течение четырех военных лет были рассказаны! Например, рассказ кавалера ордена Жукова Элеоноры Мелик-Пашаевой. Она проживала в 1941 г. на Кавказе, но рвалась принять участие в войне, отстоять свою Родину наравне с другими. Элеонора даже вначале вынуждена была скрыть от родителей то, что она, совсем юная, только неделю назад окончившая школу, пошла с подругой в военкомат и попросилась на фронт. Элеонора рассказала им правду, только когда пришла повестка, и ее готовы были забрать на войну, которую она с честью прошла до последнего дня. Еще одна история – о военной медсестре Галине Константиновне Саленко, которая доказывает, что очень важно не терять самообладания, а если что, уметь быстро собраться с духом. Во время боевых действий под Орлом медчасть Галины расположилась прямо на близлежащем кладбище. Ночью в штабе были поминки однополчанина, убитого немецким снайпером, Галину оставили дежурить в медицинской палатке. Приближалась полночь. Шумели со скрипом сосны, в палатке горела поминутно вспыхивавшая гильза с солидолом. Глядя на этот огонек, медсестра задремала. Внезапно открылась дверь, и вошел изуродованный человек, весь в крови и грязи. Естественно, Галина очень испугалась и громко закричала. Человек попытался ей объяснить, что он свой, легчик, чей самолет подбили сегодня за лесом. Галине пришлось быстро взять себя в руки. Она обработала раны, оказала посильную медицинскую помощь. Легчик впоследствии быстро поправился и был переправлен в распоряжение своей части. Если первая история способна научить самостоятельно делать свой выбор и отвечать за него, то вторая – выдержке и стремлению воспитать у себя такие важные качества, как терпение и самообладание. Ребята встречались с разными ветеранами – мужчинами и женщинами, и у каждого была своя история, свой подвиг и свой пример патриотизма. После таких встреч у ребят блестели глаза, они даже друг к другу начинали относиться намного бережнее, и преодолевали разобщенность, свойственную «интернет-поколению» XXI века. Опыт старшего поколения необходим. С каждым годом среди нас становится

все меньше и меньше ветеранов-участников Великой Отечественной войны, которые могли бы рассказать о жизни военных лет, идеалах и образцах нравственного поведения. Победа в Великой Отечественной войне была достигнута во многом благодаря героизму и патриотизму нашего народа. Представители всех союзных республик потеряли своих сыновей и дочерей на фронтах и в лагерях нацистов. Ход и итоги Великой Отечественной войны показали, что «сила народа, одержавшего Победу над фашизмом, в его единении, духовной сплоченности, независимо от национальности, веры и национальных традиций, в справедливости тех целей, во имя которых народ ведет вооруженную борьбу» [1].

Значительный вклад в разгром фашистской армии внесли национальные соединения и части, которые «были укомплектованы за счет людских и материальных ресурсов РСФСР: Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Грузии, Азербайджана, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Киргизии, Таджикистана, Армении, Туркмении. 34 миллиона 476 тысяч человек, призванных в годы войны в Красную Армию, представляли 151 нацию и народность» [2]. И всех их – рядовых и командиров, пехотинцев и танкистов, летчиков и моряков, артиллеристов и кавалеристов, связистов и врачей – объединяло одно: отстаивать независимость Родины.

Сложные процессы, возникающие в сфере межнациональных отношений в наши дни, противоречивый характер отношений между отдельными субъектами Федерации и некоторыми государствами – бывшими советскими республиками, возросшая активность неформальных общественных движений, организаций и групп, межнациональные распри и конфликты, – все это возможно преодолеть, если помнить уроки прошлого, формировать уважительное отношение русской молодежи к военной службе и толерантное – к окружающим людям.

Подводя итог, хочется сказать, что Память – главная опора для формирования патриотизма в среде молодежи. Память дает человеку возможность жить осмысленно, с надеждой на завтрашний день. Именно она является той незримой нитью, которую называют «связь поколений». Поколение сороковых уходит. Но подвиг, который совершило это поколение, настолько велик и ярок,

что свет его озаряет и наши дни, прививает молодому поколению любовь к Родине, стремление не опозорить и не предать, а сберечь и сохранить ее для потомков.

Список литературы

1. Новик, А. Героизм без национальных границ / А. Новик // Военное обозрение. 8 декабря 2012. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://topwar.ru/21730-geroizm-bez-nacionalnyh-granic.html>. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.04.2015).

2. Причины победы советского народа в Великой Отечественной войне // Страж Балтики. 4 декабря 2012. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sc.mil.ru/files/morf/military/archive/04.12.2012.pdf>. – Загл. с экрана.

INFLUENCE OF THE HISTORY OF GREAT PATRIOTIC WAR ON THE FORMATION OF PATRIOTISM AMONG RUSSIAN YOUTH OF THE XXI CENTURY

Vorontsova Ekaterina Aleksandrovna

PhD (Science of Culture), Lecturer,
Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines,
Military Educational Research Center of Air Force Academy
of N.E Zhukovsky and Y.A. Gagarin
katvorontjur@mail.ru
Starikh Bolshevikov St. 54 “A”, 394064 Voronezh, Russian Federation

Abstract. The article is dedicated the problem of education of patriotism among Russian youth. The author emphasizes the importance of the thematic meetings, celebrations, conversations and interviews with veterans of the Great Patriotic War, gives them a greater role in the patriotic education of youth. Generation forties is going away nowadays. But the Victory, which was given to our people with a large difficulty, must not be forgotten, so it is important to retain and preserve the link between generations – old and young.

Key words: patriotism, patriotic education, the Great Patriotic War, Russian young people, participants of the Great Patriotic War, a link between generations.

УДК 94:327

ББК 63.3(0).66.4

К ВОПРОСУ О РОЛИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Губаненкова Светлана Михайловна

Старший преподаватель кафедры
общей и прикладной политологии
Орловского государственного университета
svetik.31121982@mail.ru
ул. Комсомольская, 95, 302026 г. Орел, Российская Федерация

Сорока Ирина Алексеевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры
общей и прикладной политологии
Орловского государственного университета
Shia_osu@mail.ru
ул. Комсомольская, 95, 302026 г. Орел, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению роли России во Второй мировой войне и Великой Отечественной войне. Рассматриваются вопросы попыток фальсификации истории и пересмотра итогов Второй мировой войны и роли в ней СССР и России как ее правопреемницы. Предлагается краткий обзор событий Орловско-Курской дуги, позволивших завершить коренной перелом, наступивший после Сталинградской битвы. Уделяется внимание проблеме патриотического воспитания молодежи с целью сохранения исторической памяти и национальной идентичности.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, дезауация роли России, Орловско-Курская дуга, патриотизм.

В преддверии празднования 70-летия дня Победы России в Великой Отечественной войне мы вновь обращаемся к событиям Второй мировой войны и современным трактовкам ее понимания. В настоящее время в мире все чаще встречаются попытки переписать историю и пересмотреть роль в ней России. Исто-

рические события активно вовлекаются в геополитический контекст. В информационном пространстве усиливается тенденция дезавуирования российского прошлого, и особенно роли и значения России в событиях Второй мировой войны. Отдельные заявления ряда зарубежных политиков, интерпретируют действия России в исторических событиях недавнего прошлого, либо сильно преуменьшая ее значение, либо выставляя в качестве едва ли не агрессора, при довольно слабой реакции со стороны Запада на эти высказывания. Такая дезавуация России рассматривается некоторыми национальными лидерами постсоветского пространства в качестве основы легитимности собственного государственного существования. В. Багдасарян отмечает, что данная историческая схема выглядит следующим образом:

1. Существование в недалеком прошлом великого национального государства какой-либо титульной нации.
2. Гибель и лишение национального суверенитета в результате агрессии со стороны России.
3. Возрождение национального государства и культуры через освобождение от российской власти [1, с. 39].

Подобная трактовка событий актуализирует вопрос о значимости истории, которая закладывает настоящее и указывает развитие будущего. Интерпретация исторических событий предполагает определенную легитимацию произошедшего и приводит к мысли о его легитимности, либо нелегитимности. В последнем случае возникает вопрос о пересмотре настоящего. Предпринимаемые попытки ревизии современного мироустройства, сложившегося по итогам Второй мировой войны, откровенная фальсификация ряда исторических событий в информационном пространстве заставляют нас обратиться к собственному прошлому и напомнить всему остальному миру роль России в ВОВ и Второй мировой войны, и цену Победы.

В ряде стран Запада наблюдается преуменьшение роли и значения нашей страны в победе над фашизмом. В настоящее время Россия является едва ли не единственным государством, где изучается мировая история в достаточном объеме, что позволяет нам понимать и сопоставлять события, происходящие в

различных регионах мира. Знание мировой истории способствует и национальному самопознанию, и пониманию собственного места в истории человеческой цивилизации.

История любого народа является основой национальной идентичности, вырабатывает особый духовно-культурный код нации. Российская история наполнена противоречивыми, как прекрасными, так и трагичными событиями. Особое место в ней, бесспорно, занимает Великая Отечественная война и Вторая мировая война. Вклад России в достижение Великой Победы безусловно огромен: около 27 миллионов жизней советских людей [2], разрушенная инфраструктура, уничтожение крупных и малых населенных пунктов на российской территории.

События ВОВ показали несгибаемость национального духа, примеры воинской доблести и храбрости, патриотизма советского народа, без которого достичь победы было бы невозможно.

Историческая память народа обращается к известным и не очень страницам Великой Отечественной войны, где подвиг советских людей, их вклад в общее дело разгрома немецко-фашистских захватчиков поистине бессмертен. Как представители Орловского региона мы не можем не отметить значение победы Красной Армии на Орловско-Курской дуге, события, которое позволило перехватить стратегическую инициативу у гитлеровских войск и завершить коренной перелом, наступивший после Сталинградской битвы. Это дало советским войскам возможность перейти в наступление и положило начало изгнанию фашистских агрессоров с территории Советского Союза в западном направлении.

Орловский плацдарм имел огромное значение для немецкого командования. Орел – крупный узел радиальных и железных дорог, расходящихся во всех направлениях, что обеспечивало немецким войскам широкий оперативный маневр. 22 месяца немцы укрепляли оборону Орловского плацдарма.

Наступательная операция немецких войск «Цитадель» началась 5 июля 1943 г. и по 12 июля шли ожесточенные бои на Курском направлении. В течение недели советские войска сдерживали сильнейшие удары танковых масс противника. 12 июля состоялось крупнейшее танковое сражение на Прохоровском поле,

которое способствовало наступлению Брянского и Западного фронтов в районе Орла на северном фазе Курского выступа и получило название операция «Полководец Кутузов». 5 августа 1943 г. в ходе данной операции был освобожден Орел, эта дата отмечается как День города. В ходе операции «Полководец Румянецев» также освобождается Белгород. В честь этих побед в Москве впервые был дан артиллерийский салют (12 залпов из 124 орудий), вследствие чего эти города носят звание городов первого салюта и городов воинской славы.

Разгром немецких войск на данном этапе имел международное значение и способствовал росту авторитета СССР. По последним данным [3, с. 3] в результате наступления на Орловско-Курской дуге Красная Армия разбила 30 отборных немецких дивизий, в том числе 7 танковых. Эти дивизии потеряли больше половины своего состава. Общие потери вражеских войск составили около 500 тысяч человек, 1 500 танков, в том числе большое количество «тигров» и «пантер», 3 тысячи орудий и свыше 3 700 самолетов. Поражение немецких войск вынудило гитлеровцев перебросить летом 1943 г. на советско-германский фронт с других направлений 14 дивизий, ослабив тем самым свои фронты в Италии и Франции. Британский премьер-министр У. Черчилль отмечал по этому поводу: «Три огромных сражения за Курск, Орел и Харьков, все проведенные в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на Восточном фронте» [3, с. 4]. Это однозначная оценка роли России в разгроме фашизма в настоящее время многими западными лидерами просто замалчивается.

Последствия Орловско-Курской битвы активно обсуждались на страницах западных СМИ, освещавших это событие как величайшую победу советских войск со времени битвы под Сталинградом. В английских и американских газетах повсеместно отмечались упорство, выдержка, смелость, беспримерный героизм советских солдат и великолепное руководство военной кампанией, которые все вместе позволили одержать победу над значительно превосходящими силами противника и заставить его отступить. По словам члена военной комиссии сената Джонсона, взятие Орла Красной Армией «побудит союзников к действиям. Ударами, нано-

симыми с различных направлений, союзники превратят Европу в могилу для европейских врагов человечества» [3, с. 17]. Похожую оценку происходящим событиям давал Ф. Рузвельт, в послании У. Черчиллю [4] отмечавший, что народы Европы выступают за создание второго фронта, который ослабил бы давление на Советскую Россию, и эти народы понимают, что русские уничтожают больше немцев и их вооружений, чем все остальные народы Запада и США вместе взятые.

Необходимо подчеркнуть, что подобные идеи во многом были высказаны на официальном уровне под влиянием общественного мнения в этих странах. Решение о создании второго фронта было продекларировано в ходе переговоров между СССР, США и Великобританией в 1942 г., которые завершились принятием совместных коммюнике о договоренности неотложного и незамедлительного решения вопроса о формировании второго фронта в Европе в 1942 году. Однако, как мы знаем, несмотря на успехи советских войск, создавших реальные условия для наступления на фашистскую Германию с запада, второй фронт не был открыт ни в 1942-м, ни в 1943 году. Формирование его именно в данный период времени помогло бы оттянуть часть войск Третьего рейха с восточного направления на западное, ускорить победу над фашистским блоком, тем самым сократив продолжительность войны и уменьшив число человеческих жертв.

Западные лидеры пересмотрели взятые на себя обязательства, и открытие второго фронта произошло лишь в июне 1944 г., когда пришло понимание, что СССР может выиграть эту войну и без реальной помощи союзников. За этот период откладывания союзниками высадки в Северной Франции – с мая 1942 до июня 1944 г. безвозвратные потери советских вооруженных сил (убитыми, пленными и пропавшими без вести) составили более 5 млн человек [5].

Вопрос о втором фронте долгое время является своеобразным «камнем преткновения», обозначающим роль союзников по антигитлеровской коалиции. Предпринимались попытки отнести вопрос о втором фронте к разряду несущественных для истории вопросов и тем самым принизить его значение. Подоб-

ные попытки преуменьшения роли, только уже России во Второй мировой войне, можно наблюдать и в настоящее время, когда молодежь в США и ряде европейских государств воспитывается на идеях решающего вклада западных стран в победу над фашизмом и незначительной роли России во Второй мировой войне. Более того, уже в среде российской молодежи, у ее пока незначительной части, существуют представления о том, что Россия выиграла Великую Отечественную войну, но проиграла Вторую мировую войну.

В этой связи особую актуальность приобретает формирование чувства патриотизма в сознании российской молодежи. В последнее десятилетие в России патриотизм стал одной из самых дискуссионных тем, широко обсуждаемых в различных сферах реформируемой российской государственности. Одним из факторов реализации победы советского народа над фашизмом был именно патриотизм, чувство любви к своей Родине, своему народу. Можно согласиться со словами Президента РФ В.В. Путина о необходимости воспитания уважения к собственному прошлому, особенно среди молодого поколения. Именно молодежь должна помнить, ценить все то, что было сделано предыдущими поколениями.

В этой связи представляют интерес слова патриарха Алексея II о том, что патриотизм – это чувство, которое делает народ и каждого человека ответственным за жизнь страны. Без патриотизма нет такой ответственности. Если я не думаю о своем народе, то у меня нет дома, нет корней, потому что дом – это не только комфорт, это еще и ответственность за порядок в нем, это ответственность за детей, которые живут в этом доме. Человек без патриотизма, по сути, не имеет своей страны [6]. Патриотизм можно рассматривать также как особую «направленность самореализации и социального поведения граждан, критериями для которых являются любовь и служение Отечеству, обеспечение целостности и суверенитета России, ее национальная безопасность, устойчивое развитие, долг и ответственность, предполагающие приоритет общественных и государственных начал над индивидуальными интересами и устремлениями и выступающие как

высший смысл жизни и деятельности личности, всех социальных групп и слоев общества» [6].

Смелость, патриотизм и героизм советского народа повсеместно проявлялись в разных военных кампаниях Великой Отечественной войны – в каждодневных, ежеминутных подвигах на арене боевых действий, в мужественной и длительной обороне Брестской крепости и других пограничных территорий, в битве за Москву и Ленинград, в сражении за Сталинград, военной кампании на Орловско-Курской дуге, битве за Кавказ и Днепр, освобождении Украины и Белоруссии от немецких войск, Прибалтики, стран Европы от фашизма и, наконец, героическом взятии Берлина Красной Армией, положившем конец Второй мировой войне. Эти события, показавшие всему миру подвиг российского народа, должны повсеместно транслироваться и передаваться из поколения в поколение не только среди граждан России, но и всей мировой общественности.

Список литературы

1. Багдасарян, В. История и государственная политика / В. Багдасарян // Стратегия России. – 2014. – Март (№ 3 (123)). – 96 с.
2. Потери во Второй мировой войне. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/society/3479>. – Загл. с экрана (дата обращения: 12.04.2015).
3. К 70-летию сражения на Курской дуге (по материалам «Военно-библиографического бюллетеня» 1943–1953 гг.) / сост. И. М. Вялова, С. Д. Голомазова, Е. В. Дорохина. – М. : РГБ, 2013. – 45 с.
4. Рузвельт, Ф. О вкладе Советского Союза в войну с фашистскими агрессорами / Ф. Рузвельт // Величие подвига советского народа: зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 гг. о Великой Отечественной войне / сост. А. И. Бабин, М. М. Кирьян, Г. И. Коротков, А. С. Якушевский. – М. : Междунар. отношения, 1985. – 384 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://all-sci.net/vtoraya-mirovaya-voyna/ruzvelt-vklade-sovetskogo-soyuza-voynu-24410.html>. – Загл. с экрана (дата обращения: 24.03.2015).
5. Мягков, М. Ю. Второй фронт / М. Ю. Мягков // Великая Отечественная война. Энциклопедия / отв. ред. акад. А. О. Чубарьян. – М., 2010. –

Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://histrf.ru/ru/lenta-vremeni/event/view/otkryt-vtoroi-front>. – Загл. с экрана (дата обращения: 24.03.2015).

6. Российский патриотизм и патриотическое воспитание молодежи. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.nirsi.ru/100>. – Загл. с экрана (дата обращения: 12.04.2015).

**TO THE QUESTION ABOUT RUSSIA'S ROLE
IN WORLD WAR II:
MODERN POLITICAL AND HISTORICAL ASPECT**

Gubanenkova Svetlana

Assistant Professor,
Department of General and Applied Political Science,
Oryol State University
svetik.31121982@mail.ru
Komsomolskaya St., 95, 302026 Orel, Russian Federation

Soroka Irina Alekseevna

Associate Professor,
Department of General and Applied Political Science,
Oryol State University
Shia_osu@mail.ru
Komsomolskaya St., 95, 302026 Orel, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to studying the role of Russia in the Second World War and the Great Patriotic War. Discusses attempts to falsify history and revise the results of World War II and the role of the Soviet Union and Russia as its successor. A brief overview of events Orel-Kursk Bulge, will complete the radical change that followed the Battle of Stalingrad. Attention is paid to the problem of patriotic education of youth in order to preserve the historical memory and national identity.

Key words: the Second World War, the Great Patriotic War, the role of dezavutsiya Russia, Orel-Kursk, patriotism.

УДК 316.614

ББК 60.5

**УРОВЕНЬ ЗНАНИЙ ПЕРВОКУРСНИКОВ
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Иванова Мария Сергеевна

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Центра социально-политических исследований
Южного федерального университета
ivanovamaria84@gmail.com
пер. Днепроvский, 116, корп. 3, 344065 г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

Аннотация. В статье на основании данных двух социологических исследований, проведенных в 2014 и 2015 гг., рассматривается степень осведомленности студентов-первокурсников в области истории Великой Отечественной войны. Также рассматривается степень заинтересованности студентов в указанной проблематике. Уровень познаний студентов характеризуется как достаточно низкий, но, с другой стороны, выявлена достаточная степень заинтересованности студентов историей Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: культурно-гуманитарная подготовка, первокурсники, социологическое исследование, студенчество, Великая Отечественная война.

В июле – сентябре 2014 г. Центром социально-политических исследований ЮФУ было проведено социологическое исследование «Об уровне культурно-гуманитарной подготовки абитуриентов вузов Ростовской области» (научный руководитель проекта – доктор социологических наук В.И. Филоненко). В рамках исследования был проведен опрос абитуриентов и студентов-первокурсников (объем выборочной совокупности – человек) Южного фе-

дерального университета (ЮФУ). Опрос проводился в 14 структурных подразделениях ЮФУ в Ростове-на-Дону, Таганроге и Волгодонске. Всего в ЮФУ было опрошено 545 первокурсников [1, с. 11]. Проведенное изыскание было направлено на выявление уровня соответствия подготовки респондентов государственным образовательным стандартам по истории, литературе и мировой художественной культуре. Раздел инструментария, посвященный исторической тематике, включал в себя вопросы, касающиеся истории Великой Отечественной войны.

Результаты исследования показали, что у сегодняшних первокурсников отсутствует целостное представление об истории Великой Отечественной войны. Некоторые вопросы были хорошо известны респондентам, в то время как другие вопросы оказались для них непосильными. Рассмотрим подробнее результаты исследования.

Вопрос, лидирующий по числу верных ответов, – это вопрос о том, кого принято называть «маршалом Победы». На него ответили верно практически все студенты первого курса – 94,8 % опрошенных.

Процент правильных ответов относительно стран антигитлеровской коалиции (засчитывались как верные ответы, содержащие от 4 правильно названных стран) по ЮФУ составил 59,6 %. То есть более 40 % студентов-первокурсников не могут вспомнить даже четырех стран, воевавших на стороне победителей, хотя среди опрошенных были и студенты-первокурсники исторического направления обучения.

Еще менее утешительными оказались ответы на вопрос о том, кем была Зоя Космодемьянская. Респонденты ЮФУ помнят о подвиге юной партизанки практически через одного – 58,2 % верных ответов.

Несмотря на то что большинство опрошенных проживает в Ростове-на-Дону и Ростовской области, дату освобождения Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков студенты ЮФУ называли верно менее чем в 43,7 % случаев.

Помнят о роли генерала Власова в Великой Отечественной войне, или хотя бы об одном из ее аспектов (победа под Москвой

или предательство и РОА), студенты первого курса ЮФУ катастрофически редко – 16,7 %. Скорее всего, проблема коллаборационизма в школьную программу не входит, а личный интерес к истории Великой Отечественной войны не слишком велик.

Можно выделить некоторую дифференциацию представлений респондентов о Великой Отечественной войне в зависимости от различных групп респондентов. Начнем с гендерных особенностей.

По блоку вопросов, касающемуся истории СССР, в том числе истории Великой Отечественной войны, юноши показали лучшие знания, чем девушки, назвав больший процент правильных ответов практически по всем вопросам, за исключением вопросов относительно того, кем была Зоя Космодемьянская (девушки – 62,5 %, юноши – 49,7 %) и кого из военачальников СССР называют «маршалом Победы» (девушки – 95,2 %, юноши – 93,9 %). Видимо, вопрос относительно Зои Космодемьянской оказался ближе девушкам по причине того, что Зоя Космодемьянская является первой женщиной, получившей звание Героя Советского Союза, что не могло не вызвать большего интереса среди девушек, как к особо отличившейся представительнице своего пола. Ответы девушек на вопрос относительно того, кого называли «маршалом Победы» имеют незначительный перевес в сторону правильных по сравнению с молодыми людьми ЮФУ. То есть юноши оказались более осведомленными в вопросах истории СССР, в том числе Великой Отечественной войны: «Назовите 5–6 стран-участниц антигитлеровской коалиции» – смогли назвать от 4 стран на 21 % юношей, чем девушек (73,0 % верных ответов у юношей и 52,8 % у девушек); «Какую роль сыграл генерал Власов во время Великой Отечественной войны?» – 22,2 % юношей вспомнили о роли Власова в Великой Отечественной войне либо какой-либо из ее аспектов (победа под Москвой, либо предательство и РОА), среди девушек этот процент оказался еще ниже – 13,9 %; «Назовите дату освобождения г. Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков» – верно ответили 44,3 % юношей и 43,3 % девушек.

Следующим критерием, на основании которого была обнаружена дифференциация уровня познаний в области истории Великой Отечественной войны, является тип оконченной школы. Были зафиксированы различия между выпускниками следующих типов средних учебных заведений: школы нового типа (гимназии, лицеи), профильные школы с углубленным изучением отдельных дисциплин, традиционные средние школы.

Наибольшая разница в процентах полученных верных ответов от выпускников разного типа школ была получена при ответе на вопрос «Назовите дату освобождения г. Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков». Выгодно отличились от коллег при ответе на данный вопрос выпускники профильных школ, которые смогли дать верный ответ в 62,7 % случаев, в то время как выпускники традиционных школ не были столь успешными при ответе на данный вопрос, и смогли дать верный ответ лишь в 38,3 % случаев. Таким образом, разница между наиболее высоким и наиболее низким процентом верных ответов на указанный вопрос среди выпускников разного типа школ составила 24, %.

Также значительный разрыв между наибольшим и наименьшим процентом верных ответов в зависимости от типа оконченной школы составил 15,6 % при ответе на вопрос относительно стран-участниц антигитлеровской коалиции. Наибольший процент верных ответов на данный вопрос был получен среди поступающих или поступивших в ЮФУ от выпускников школ нового типа (72 %), наименьший процент верных ответов был получен от выпускников традиционных средних школ (56,3 %); выпускники профильных школ ответили на данный вопрос незначительно лучше выпускников традиционных средних школ (59,7 %).

Угасание памяти о столь масштабном, трагическом и героическом событии, выпавшем на долю нашего народа, говорит об общем недостаточном для человека, претендующего на обладание высшим образованием, уровне культуры.

Также Центром социально-политических исследований (научный руководитель проекта – доктор социологических наук

В.И. Филоненко) было проведено изыскание, направленное непосредственно на изучение образа Великой Отечественной войны. Опрос был проведен в феврале 2015 г. среди студентов всех курсов Южного федерального университета – всего 616 человек. Среди опрошенных 29,1 % отметили, что история Великой Отечественной войны им очень интересна, они читают научную и публицистическую литературу, стараются смотреть передачи, посвященные данной проблематике. О том, что им скорее интересна эта тема, и они смотрят время от времени художественные фильмы и телепередачи о Великой Отечественной войне, заявили 58,4 % респондентов.

При этом 80,5 % студентов считают, что необходимо обращаться к истории Великой Отечественной войны для сохранения исторической памяти народа, 59,7 % – что это необходимо для патриотического воспитания молодежи, 14,3 %, что это необходимо для общей памяти. А мнение о том, что нет необходимости в обращении к данной теме, было выявлено лишь у 6,5 % опрошенных (можно было давать два ответа на этот вопрос).

Совокупность полученных данных позволяет сделать предположение, что история Великой Отечественной войны представляет интерес для молодого поколения – студенты в подавляющем большинстве случаев признают значимость этого исторического события. Возможно, причиной утраты знаний о ВОВ является недостаточное внимание к указанной проблематике в школьной программе, недостаточное освещение истории Великой Отечественной войны в социально-гуманитарном дискурсе.

Список литературы

1. Уровень культурной компетентности первокурсников вузов Ростовской области (результаты социологического исследования) : монография / под общ. ред. д-ра социол. наук В. И. Филоненко ; Юж. федер. ун-т. – Ростов н/Д : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2014. – 170 с.

**FIRST YEAR STUDENT' KNOWLEDGE
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
(BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

Ivanova Maria Sergeevna

Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher,
Center of Socio-Political Researches,
Southern Federal University
ivanovamaria84@gmail.com
Dneprovsky Lane, 116, building 3, 344065 Rostov-on-Don,
Russian Federation

Abstract. The article, based on data from two surveys conducted in 2014 and 2015, is considered the degree of awareness of first-year students in the history of the Great Patriotic War. Also considered the level of interest of students in this subject. The level of knowledge of students characterized as rather low, but on the other hand, founded a sufficient degree of interest of the students of the Great Patriotic War.

Key words: cultural and humanitarian training, first year student, sociological research, the students, the Great Patriotic War.

УДК 94(47+57)«1941/1945»

ББК 63.3(2)622-35

**РУЖЕЙНЫЕ МОРТИРКИ
ДЛЯ МЕТАНИЯ БУТЫЛОК
С ЗАЖИГАТЕЛЬНОЙ СМЕСЬЮ И АМПУЛОМЕТЫ
НА ВООРУЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ АРМИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Коршунов Эдуард Львович

Начальник научно-исследовательского отдела
(военной истории Северо-Западного региона Российской Федерации)
Научно-исследовательского института (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил
Российской Федерации, подполковник
himhistory@yandex.ru
Дворцовая пл., 10, 191055 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Михайлов Андрей Александрович

Научный сотрудник научно-исследовательского отдела
(военной истории Северо-Западного региона Российской Федерации)
Научно-исследовательского института (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил
Российской Федерации, доктор исторических наук
dragun66@mail.ru
Дворцовая пл., 10, 191055 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассмотрены изобретательская и рационализаторская деятельность советских ученых в годы Великой Отечественной войны, имевшая целью повышение огневой мощи войск и, прежде всего, создание, использование в боевых условиях и совершенствование ружейных мортирок для метания бутылок с зажигательной смесью и ампулометров, как средство повышения огневой мощи войск в тяжелейших условиях. Особое внимание уделено работам ленинградских ученых, которым приходилось вести научный поиск в тяжелейших условиях блокады.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, научные исследования, военная химия, борьба против танков, зажигательные смеси, ручейные мортирки, ампулометры.

В годы Великой Отечественной войны советские ученые и конструкторы вели постоянную напряженную работу по разработке и созданию новых и совершенствованию имевшихся вооружения и боеприпасов. Нередко действовать им приходилось в условиях нехватки материалов и оборудования, бытовых трудностей, а порой и при постоянной угрозе жизни (как, например, в блокированном Ленинграде). Тем не менее военные и гражданские специалисты создавали интереснейшие образцы вооружения, выдвигали подлинно новаторские идеи.

Одной из важнейших задач, стоявших перед советскими учеными и конструкторами, было создание эффективных и надежных средств борьбы с танками, которые, в полном смысле слова, являлись ударной силой вермахта. Особое значение здесь придавалось зажигательным веществам и оружию с их использованием. Некоторые разработки носили оригинальный, подлинно новаторский характер. Так, осенью 1941 г. доцент Ленинградского политехнического института С.Е. Захаренко разработал интересный проект «огнеметной мины», которая могла выбрасывать на вражескую технику струю «жидкого пламени» [4, с. 162–171]. Испытания мины прошли вполне успешно, но на вооружение ее так и не приняли, посчитав слишком сложной.

По вполне понятным причинам широкое распространение в качестве средства противотанковой борьбы получили бутылки с зажигательной смесью: стандартные бутылки являлись массовым изделием, их производство было налажено и не требовало дополнительных издержек, обходилась «стеклянная артиллерия» недорого. Директор располагавшегося в Ленинграде Государственного института прикладной химии (ГИПХ) П.П. Трофимов вспоминал: «Уже на второй, может быть, на третий день (после начала войны) к нам приехал секретарь горкома партии Павел Терентьевич Сухомехов с одним-единственным вопросом: что можно делать для армии сейчас, не дожидаясь каких-то

планов и указаний сверху. Мы выбрали бутылки с зажигательной жидкостью» [3, с. 4].

Например, для 29-й и других армий Калининского фронта зажигательные бутылки изготавливались на вино-разливочном заводе в г. Кашине [13, л. 103–104]. Кроме того, в 29 А был организован сбор бутылок на предприятиях, в торговых организациях, кооперативах и среди населения [14, л. 25]. В начале декабря 1941 г. Главное военно-химическое управление Красной Армии (ГВХУ КА) разослало в войска особую «Информационную сводку», в одном из разделов которой рассматривался опыт применения бутылок с зажигательной смесью [12, л. 240].

Однако ручное метание бутылок существенно ограничивало возможности их использования. Не случайно уже в июле 1941 г. инженер ленинградского завода «СОМС» (Сетевая опытная станция) А.Н. Заславский предложил оригинальное устройство для автоматического забрасывания бутылок с зажигательной смесью на бронетехнику противника, но Проект, однако, отклонили из-за сложности конструкции [9, л. 16–22].

Гораздо более рациональным было использовать для метания зажигательных боеприпасов уже имеющееся оружие, каковым являлись ампулометы. По данным современного исследователя С. Резниченко [5, с. 13–22], состоявшего в ведении Наркомата авиапромышленности СССР, они были разработаны в предвоенные годы в Москве в опытном конструкторском отделе завода № 145 им. С.М. Кирова.

Стоит отметить, что ампулометы долгое время не привлекали внимание ученых, и лишь публикации последних лет осветили основные этапы их создания и применения [1; 2; 5]. Основными частями ампуломета являлись: ствол с патронником, затвор, прицельное приспособление (мушка и откидная стойка прицела), лафет. Лафет мог быть колесным, или, в зимнее время, устанавливаться на лыжах. Впрочем, использовались также треноги, крестовины, а порой и просто деревянные колоды.

В качестве боеприпасов использовались сферические стеклянные и жестяные ампулы (АС-1 и АЖ-2), которые на-

полнялись самовоспламеняющейся жидкостью «КС». Весила снаряженная ампула 1,5 килограмма. Вышибным зарядом служил охотничий патрон 12-го калибра. Скорострельность ампуломета составляла 6–8 выстрелов в минуту, максимальная дальность метания ампул – 240–250 м, прицельная дальность – до 150 метров.

В войска ампулометы начали поступать осенью 1941 года. Практически одновременно с ними появилось сходное по своему назначению оружие: ружейные мортирки для метания зажигательных бутылок, которые были сконструированы в июле – августе 1941 г. в Главном военно-химическом управлении (ГВХУ) инженер-полковником Т.М. Зенкиным (иногда в качестве их создателя называют также В.А. Цукермана). Мортирка представляла собой присоединявшуюся к стволу винтовки широкую трубку. В эту трубку вкладывались деревянный пыж и бутылка с зажигательной смесью, метание осуществлялось посредством винтовочного патрона без пули. Максимальная дальность стрельбы у мортирки составляла 180 м, прицельная дальность – 80 м, скорострельность – 6–8 выстрелов в минуту.

Впрочем, предлагались и иные варианты мортирок и боеприпасов к ним, в том числе ленинградскими учеными. Так, в июле 1941 г. инженеры Государственного института по проектированию металлургических заводов (ГИПРОМЕЗ) И.Н. Клиников и А.А. Кондратьев разработали «ружейную мортирку и ружейную бензогранату», предназначенную «для поджигания всевозможных целей» [9, л. 30–33].

Опытная партия мортирок Клиникова и Кондратьева в количестве 50 штук была заказана на заводе «Русский Дизель» и направлена в войска. Однако после принятия на вооружение мортирок, разработанных в ГВХУ КА, от предложения ленинградских конструкторов отказались.

В ноябре 1941 г. старший научный сотрудник Академии наук СССР Ю.Ю. Тиссен разработал проект «универсальной бутылки» с горючим составом, которой, по его утверждению, можно было стрелять и из миномета и, прикрепив к ней железный стер-

жень, из винтовки. В своем письме начальнику штаба Ленинградского фронта он отмечал: «Ручное метание бутылок ограничивает их использование крайне малыми дистанциями боя при сравнительно небольшой меткости броска. И дальность боя, и меткость можно значительно улучшить, если использовать бутылки с горючим, помимо ручного метания, также для выстреливания из миномета или винтовки. Наличие таких бутылок в составе боезапаса подразделений даст возможность начать поражение наступающих танков противника с расстояния в несколько сот метров» [9, л. 106].

Проект Тиссена был передан ГВХУ КА, но реализация его не состоялась, возможно, по причине наличия более простых и удобных в обращении образцов.

Вероятно, в силу того что ампулометы и ружейные мортирки начали поступать в войска почти одновременно, оба образца оружия часто поступали в одно смешанное подразделение – ампулометно-мортирную роту. Первоначально эти роты имели лишь временные штаты, которые утверждались командующими армиями. Так, в 5 А Западного фронта штат отдельной роты ампулометов и бутылочных мортир включал три ампулометных взвода и один-mortирный взвод, отделение боепитания, хозяйственное отделение. Личный состав насчитывал 163 чел., в том числе: командный состав – 5 чел., младший командный состав – 15 чел., рядовые – 139 человек. На вооружении находилось 18 ампулометов и 30 ружейных мортирок. Создавались также ампулометные команды, как, например, в 50-й армии, в состав которых входили два ампулометных отделения, в отделении 4 расчета по 3 человека. Всего личного состава – 29 чел., ампулометов – 8 шт., носимый боекомплект – 80 ампул (по 10 на ампуломет), боекомплект на день боя – 160 ампул; транспорт – 4 парные повозки [6, л. 451].

Весьма энергично велось обучение солдат использованию ампулометов, хотя в разных армиях оно могло проводиться и централизованно, и в масштабах соединений.

Интерес высшего командования и руководства к новому оружию был очень высок. 3 ноября 1941 г. командующий войс-

ками Западного фронта генерал армии Г.К. Жуков, член Военного совета фронта Н.А. Булганин и начальник штаба фронта генерал-лейтенант В.Д. Соколовский лично ознакомились с устройством ампуломета и ружейной мортирки, одобрили их и приказали немедленно приступить к проверке в боевых условиях [7, л. 307].

Ампулометры активно применялись на важнейших участках борьбы, в том числе под Москвой и Ленинградом. Однако уже первые тренировочные стрельбы, а также стрельбы по противнику выявили серьезные недостатки оружия и, особенно, боеприпасов к нему. Дело в том, что стеклянные ампулы должны были обладать достаточной прочностью, чтобы не разбиться в момент выстрела, и, одновременно, быть настолько хрупкими, чтобы разбиться при столкновении с целью. Добиться соотношения этих качеств оказалось очень непросто.

Как показала практика, стеклянные ампулы оказались довольно опасны при транспортировке и хранении. Вместе с тем при стрельбе из ампулометров они очень часто разбивались в стволе при вылете. Возникали проблемы и с жестяными ампулами, которые часто ржавели и текли по шву.

Показательные сведения об отказах боеприпасов содержатся, например, в спецсводках, представленных в начале ноября 1941 г. дивизиями 33-й армии (Западный фронт) в ее химический отдел.

9 ноября бойцы 1 гв. мсд сделали 18 выстрелов из ампулометров, 8 ампул «не вскрылись у цели», а 3 – вскрылись, но не загорелись.

11 ноября в 222 сд было сделано 67 выстрелов, но воспламенилось всего 15 ампул.

13 ноября ампулометчики выпустили по врагу 50 ампул, из которых «воспламенились при падении 15 ампул, 35 не вскрылись или не воспламенились, либо разорвались (лопнули) в канале ствола». Неприятель тем временем «обнаружил позиции ампулометчиков и обстрелял из пулеметов и минометов, и др.» [8, л. 320]. В ряде донесений сообщалось, что ампулы, упавшие в снег, не вскрывались и не давали горения.

В конце ноября 1941 г. в войска начали поступать новые образцы ампул, внутри которых кроме жидкости «КС» находилась хлопчатобумажная ткань, пропитанная нефтяными маслами, что продлевало горение смеси.

Впрочем, проблемы с действенностью боеприпасов оказались не единственным недостатком ампулометов, которые обладали слабой кучностью боя, небольшой дальностью стрельбы, были неудобны в транспортировке.

Не меньше нареканий вызвали ружейные мортирки. Уже первые тренировочные и боевые стрельбы показали их невысокую результативность по поражению целей и большое количество технических отказов. Об этом, в частности, постоянно сообщало командование дивизий 33-й армии. Например, бойцы 222 сд 12 ноября 1941 г. (на следующий день после не слишком удачного применения ампуломета) испытывали ружейные мортиры. В ходе испытания «все 18 бутылок разбились в стволе». Несколько раньше с той же проблемой столкнулись бойцы 1 гв. сд: «Из 7 ружейных мортирок для метания бутылок велся огонь по врагу. Результат плохой – бутылки бились в стволе» [15, л. 52, 112–13].

Изучение причин большого количества отказов при стрельбе из мортирок показало, что таковые были связаны с системой воспламенения, применявшейся в бутылках с зажигательной смесью № 1 и № 2. Использувавшиеся для этой цели ампулы с хлористым хромилом часто бились преждевременно, и бутылки разбивались при вылете. Было решено, что лучше наполнять бутылки самовоспламеняющейся жидкостью «КС» (то есть стрелять без зажигательных ампул).

Существовала, впрочем, и другая проблема. При падении на мягкий грунт бутылки, снаряженные «КС», часто не разбивались. В декабре 1941 г. воентехник 2-го ранга Ф.А. Дымарчук (23-я армия Ленинградского фронта) для решения проблемы предложил использовать сконструированный им «модернизированный упрощенный взрыватель» (МУВ) [10, л. 23, 28]. Испытания МУВ дали достаточно хорошие результаты.

Интересно, что в сентябре 1942 г. тот же Дымарчук совместно с майором Голубевым и старшим лейтенантом Мякинниковым

сконструировал «дистанционный взрыватель» к ампуле «АЖ-2», снаряженной «КС»: Суть изобретения была в следующем: «Пробка ампулы просверливается и к ней снизу припаивается трубка взрывателя. Взрыватель типа ТАТ-8 или аналогичный снаряжается дистанционным веществом (пороховая мякоть или спичечная масса), которое загорается при выстреле от пороховых газов. Ампула вкладывается в ампуломет пробкой к казенной части, для чего служит особый направляющий шпенек» [11, л. 8].

Взрыватель был опробован в 92 сд и на химическом складе 23-й армии. В ходе испытаний выяснились недостатки спичечной массы для снаряжения взрывателя (трудно было рассчитать дистанцию разрыва). Поэтому, по предложению начальника химического отдела 23-й армии майора И.С. Кикоша, массу заменили бикфордовым шнуром [11, л. 31].

Новые испытания прошли удачно. В начале января 1943 г. И.С. Кикош доложил начальнику химического отдела Ленинградского фронта: «Личные наблюдения опытной стрельбы с последней моделью взрывателя (ТАТ-8 с бикфордовым шнуром) показали, что взрыватель является простым по устройству и в изготовлении, дешевым и безотказным в действии при неограниченном в диапазоне регулировки и горения» [11, л. 29].

Изобретение Дымарчука вызвало интерес руководства ГВХУ КА, которое распорядилось выслать ему 20 взрывателей для «сравнительных испытаний» со взрывателями, разработанными специалистами Главного управления [11, л. 57]. В марте 1943 г. начальник химического отдела Ленинградского фронта полковник А.Г. Власов сообщал начальнику отдела боевой подготовки, что дистанционный взрыватель к ампуле АЖ-2 принят на вооружение, а Ф. Дымарчук представлен к правительственной награде.

Вносились и другие рационализаторские предложения, касавшиеся ампулометов. В апреле 1943 г. начальник химической службы 4-го батальона 71 ОМСБ лейтенант Иванов предложил приспособление для ампуломета [11, л. 62–64].

Однако широкого применения подобные предложения получить уже не могли: в середине 1942 г., в связи с появлением более

совершенных средств борьбы с танками, производство ампулометов прекратилось, а летом 1943 г. их сняли с вооружения. Прекратилось также и производство мортирок. Тем не менее предпринимались попытки найти этим видам оружия новое применение. В марте 1943 г. начальник химического отдела Ленинградского фронта полковник А.Г. Власов направил в Политическое управление фронта материалы об «агитационном снаряде» для ампуломета, который был сконструирован начальником огнеметной команды 462 сп 168 сд младшим лейтенантом В.Н. Родионовым [11, л. 23–24].

Изобретение не отличалось сложностью. Снаряд представлял собой деревянную болванку длиной 200 мм, торцевые стороны которой обрабатывались в виде полушарий. Спереди в снаряде выдалбливалось гнездо для закладки агитационной литературы. С тыльного торца вставлялись две зажигательные трубки (саперный капсюль-детонатор с черным бикфордовым шнуром). Для выстрела в патронник ампуломета следовало поместить обычный заряд, а в ствол – дополнительный заряд. Огонь от вышибного (обычного) заряда воспламенял дополнительный заряд, а тот, в свою очередь, – бикфордовы шнуры в зажигательных трубках. Когда уже в полете боеприпаса огонь достигал капсюля-детонатора, снаряд взрывался, разбрасывая листовки.

Снаряд был испытан в 168 сд и 48 сд, результаты испытаний – оценены положительно. Начальник химического отдела штаба Приморской оперативной группы майор Чернов в своем заключении особо отметил: «Данное изобретение является ценным, вследствие своей простоты и легкости изготовления» [11, л. 24]. Стоит отметить, что ружейные мортирки тоже применялись для стрельбы «агитационными снарядами».

Предназначавшиеся для ампулометров ампулы АЖ-2 еще весной 1942 г. начали применяться советской авиацией для поджога объектов в расположении противника. Например, 20–27 апреля 1942 г. их сбрасывали с самолетов По-2 ночью, в полосе Калининского фронта на объекты в г. Холм и Белев, пос. Раковицы. Были отмечены пожары.

В целом и ампулометры, и ружейные мортирки имели много недостатков. Однако они были очень просты в производстве, а потому оказались востребованы в трудных условиях 1941–1942 годов. Большой интерес представляют также предложения отечественных конструкторов по совершенствованию этого оружия, часто носившие новаторский характер.

Список литературы

1. Васильев, В. В. Ампулометр, как оружие ближнего боя / В. В. Васильев, Э. Л. Коршунов // Тр. XIV Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы защиты и безопасности». – СПб., 2011. – Т. 1. – С. 757–772.
2. Васильев, В. В. Ампулометры «просты в производстве и эксплуатации» / В. В. Васильев, Э. Л. Коршунов // 65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Вклад Ленинградского, Волховского фронтов, Балтийского флота в достижение Победы : материалы работы науч.-практ. конф., 29 апр. 2010 г. – СПб. : Политехника-сервис, 2011. – С. 172–189.
3. Демидов, В. И. Свой путь вперед, свои участки боя / В. И. Демидов // Химия и жизнь. – 1980. – № 5. – С. 2–7.
4. Коршунов, Э. Л. Изобретательская деятельность ученого-политехника С.Е. Захаренко в начальный период Великой Отечественной войны / Э. Л. Коршунов, А. А. Михайлов, Р. А. Панов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». – 2012. – № 1 (143). – С. 162–171.
5. Резниченко, С. Ампулометр: универсальная стрелковая система низкой баллистики для ближнего боя пехотных подразделений РККА / С. Резниченко // Техника и вооружение. – 2010. – № 4. – С. 14–22.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) – Ф. 208. – Оп. 2536. – Д. 2а (неопубл.).
7. ЦАМО РФ. – Ф. 208. – Оп. 2536. – Д. 3 (неопубл.).
8. ЦАМО РФ. – Ф. 208. – Оп. 2536. – Д. 10 (неопубл.).
9. ЦАМО РФ. – Ф. 217. – Оп. 1238. – Д. 16 (неопубл.).
10. ЦАМО РФ. – Ф. 217. – Оп. 1238. – Д. 72 (неопубл.).
11. ЦАМО РФ. – Ф. 217. – Оп. 1238. – Д. 103 (неопубл.).
12. ЦАМО РФ. – Ф. 340. – Оп. 5405. – Д. 1 (неопубл.).
13. ЦАМО РФ. – Ф. 384. – Оп. 8537. – Д. 6 (неопубл.).
14. ЦАМО РФ. – Ф. 384. – Оп. 8537. – Д. 7 (неопубл.).
15. ЦАМО РФ. – Ф. 388. – Оп. 8729. – Д. 6 (неопубл.).

**RIFLE MORTARS FOR THROWING OF BOTTLES
WITH INCENDING MIXTURE
AND AMPOULE THROWERS IN THE SERVICE
OF THE SOVIET ARMY
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Korshunov Eduard Lvovich

Head of Research Department of Military History
of the North-West Region of Russian Federation Research Institute
(Military History) Military Academy of the General Staff
of the Armed Forces of the Russian Federation, Lieutenant-Colonel
himhistory@yandex.ru
Dvortsovaya pl., 10, 191055 St.-Petresburg, Russian Federation

Mikhailov Andrei Alexandrovich

Research Fellow of Research Department of Military History
of the North-West Region of Russian Federation Research Institute
(Military History) Military Academy of the General Staff
of the Armed Forces of the Russian Federation,
Doctor of historical Sciences
dragun66@mail.ru
Dvortsovaya pl., 10, 191055 St.-Petresburg, Russian Federation

Abstract. The Article says about inventions and innovations done by Soviet scientists in the years of the Great Patriotic War, – about the works, which had as purpose the increase firepower of troops and, the first of all, the creation, the use in combat and improvement of rifle mortars for throwing of bottles with incendiary mixture and ampoule throwers as tool for increasing of troops' firepower. Particular attention is paid the researches of Leningrad's scientists', who had to work in the hardest conditions of the Leningrad blockade.

Key words: Great Patriotic War, scientific researches, military chemistry, fight against tanks, incendiary mixtures, mortars for throwing of bottles with incendiary mixture, ampoule throwers.

УДК 94-054.65(47+57)

ББК 63.3(2)622.72

ОТНОШЕНИЕ РУКОВОДСТВА СССР К ИНОСТРАННЫМ ВОЕННОПЛЕННЫМ

Сидоров Сергей Григорьевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
sg1955sidorov@ayndex.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Отношение руководства СССР к иностранным военнопленным не было неизменным. Хорошее отношение к военнопленным ухудшается после нападения фашистской Германии на СССР и улучшается после начала массового использования военнопленных на объектах народного хозяйства. Начиная с весны 1943 г. и все последующие годы пребывания военнопленных в Советском Союзе руководство НКВД постоянно усиливает контроль над благоустройством лагерей, искоренением недостатков в размещении, питании и медицинском обслуживании военнопленных.

Ключевые слова: руководство СССР, иностранные военнопленные периода Второй мировой и Великой Отечественной войн, условия содержания военнопленных, конвенции об обращении с военнопленными, положения о военнопленных.

В 1929 г. в Женеве делегаты 53 стран мира приняли конвенцию об обращении с военнопленными, действие которой продолжалось на протяжении 20 лет. Советский Союз не участвовал в составлении и ратификации документа. Основная причина этого заключалась в противоречии отдельных положений конвенции общим принципам советского права, отражавшего интересы пролетарского государства. 19 марта 1931 г. постановлением ЦИК и СНК СССР было утверждено Положение о военнопленных [1, с. 60–64]. В нем отсутствовали льготы для офицерского состава, воспрещалось денщикество, ношение знаков отличия. Обеспече-

ние пленных предусматривалось по нормам, установленным для военнослужащих тыловых частей Красной Армии. Военнопленным из числа рабочих и не эксплуатирующим чужой труд крестьян предоставлялись политические права на одинаковых основаниях с другими находящимися на территории СССР трудящимися иностранцами. На пленных распространялся гражданский, а не военный режим. Широкие полномочия предоставлялись выборным органам военнопленных для представительства их интересов. Предоставив пленным право отказываться от работы, за исключением обслуживания нужд лагерей, Положение оказалось более прогрессивным документом по сравнению с Конвенцией. За отказ от работы пленных нельзя было подвергать взысканиям или ограничениям. На работающих распространялись те же условия, что и на собственных граждан (оплата и охрана труда, рабочее время и т. п.). При этом удержания на содержание пленных не могли быть более 50 % их заработка. Труд военнопленных в районах боевых действий запрещался.

Положение о военнопленных 1931 г. оказалось документом пропагандистского характера. Несмотря на то что оно было отменено 1 июля 1941 г. [1, с. 65], органы внутренних дел СССР в 1939 г. при приеме и содержании в лагерях военнослужащих польской армии руководствовались проектом положения о военнопленных в редакции 1939 г. [2, с. 78–82], одобренным 20 сентября 1939 г. Экономсоветом при СНК СССР, но так и не утвержденным советским правительством.

Проект Положения о военнопленных в редакции 1939 г. существенным образом отличался от действующего. Число статей в нем уменьшилось. В документе закреплялось раздельное размещение офицеров и приравненных к ним лиц от других военнопленных. Обеспечение пленными жилыми помещениями, бельем, одеждой, обувью, продовольствием и другими предметами первой необходимости, а также денежным довольствием должно было производиться по нормам, установленным Управлением по делам военнопленных НКВД СССР. Лишь только в медико-санитарном отношении они продолжали обслуживаться на одинаковых основаниях с военнослужащими тыловых частей РККА. Здесь

сказалось влияние того, что на территории СССР действовала Женевская конвенция 1929 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях».

От выборных органов военнопленных в проекте не осталось и следа. Вместо них для поддержания внутреннего порядка и связи с пленными администрацией лагеря назначались старшие групп, комнат, барачков и т. п., через которых пленные могли устно или письменно подавать жалобы, претензии и заявления.

К работе в народном хозяйстве СССР в обязательном порядке на основании особых правил, разрабатываемых НКВД СССР, привлекались лица рядового и унтер-офицерского состава. Офицеры и приравненные к ним лица могли привлекаться к работам по особому распоряжению НКВД СССР.

Выдача работающим зарплаты предусматривалась не в том размере, что и для советских граждан, а в устанавливаемом НКВД СССР. Ограничение с удержания из заработной платы военнопленных в размере не более 50 % на возмещение расходов по их содержанию (оплата жилой площади, коммунальных услуг, питания) были сняты. Произошло ужесточение мер уголовной и дисциплинарной ответственности военнопленных.

В связи с начавшейся Великой Отечественной войной 1 июля 1941 г. СНК СССР утвердило новое Положение о военнопленных, которое несколько отличалось от проекта 1939 года. Внесенные изменения в отдельные статьи улучшали условия жизни военнопленных: запрет применять к пленным меры понуждения с целью получения от них каких-либо сведений, использовать их труд в районах боевых действий; офицеров можно было привлекать к труду лишь с их согласия.

Вместе с тем ряд нововведений ухудшал условия содержания пленных. Установленная норма денег, которую им разрешалось иметь на руках, была распространена и на заработную плату. Военнопленные за любые совершенные ими преступления подлежали суду военного трибунала. Из Положения был убран пункт, устанавливающий для всех военнопленных одинаковые условия содержания и подчеркивалось особое положение военнопленных офицеров.

В целом положение о военнопленных по своему объему было в три раза меньше Женевской конвенции 1929 г. и содержало всего 31 статью (конвенция – 97 статей). Предполагалось, что в развитие Положения НКВД СССР будет издавать необходимые инструкции и правила, приказы и распоряжения, а это в свою очередь давало возможность влиять на условия содержания военнопленных не в лучшую сторону.

В Положении отсутствовала статья, предусматривавшая раздельное содержание людей разных рас и национальностей. В нем не были четко прописаны нормы питания пленных. Если Конвенция устанавливала пищевой рацион военнопленного по качеству пищи и его количеству на уровне рациона собственных войск, находящихся на казарменном положении, то Положение давало право определения норм питания УПВИ НКВД СССР.

Положение в отличие от Конвенции не содержало запрета использования труда военнопленных для изготовления и перевозки оружия, для постройки всякого рода укреплений, на вредных для здоровья работах.

Ни слова в Положении не было записано о праве военнопленных на выполнение обрядов своих религий, включая посещение богослужений и право служителей культа обслуживать духовные нужды военнопленных единоверцев.

Различны были и подходы к использованию труда унтер-офицерского состава. По Конвенции их разрешалось привлекать к труду лишь по надзору над работающими, а по Положению – ко всем работам вместе с рядовыми.

Самым большим недостатком Положения было отсутствие в нем статей, гарантирующих права, предусмотренные Конвенцией. Военнопленные были лишены возможности обращаться к властям с жалобами на режим содержания и могли сноситься лишь с администрацией лагеря. Военнопленный был лишен права обжаловать всякий состоявшийся против него приговор, иметь защитника.

Следует подчеркнуть, что при реализации положений отношение руководства СССР к военнопленным различных националь-

ностей, на различных этапах их пребывания в лагерях НКВД не было одинаковым.

Наиболее приемлемые условия содержания были созданы для польских военнослужащих, оказавшихся в учреждениях военного плена в ходе освобождения частями Красной Армии Западной Украины и Западной Белоруссии в сентябре 1939 года. Уже 20 сентября 1939 года. Экономический совет при СНК СССР утвердил предложенные НКВД нормы снабжения военнопленных, которые за весь период существования системы военного плена в Советском Союзе были самыми высокими и вполне достаточными для нормальной жизнедеятельности человеческого организма. Суточная норма одного военнопленного составляла 800 г хлеба, 500 г картофеля и овощей, 110 г крупы и макарон, 50 г мяса, 75 г рыбы, по 30 г растительного масла и соли, 20 г сахара и т. п.

Наряду с основным питанием, бывшие польские солдаты могли покупать и дополнительное, а также предметы первой необходимости в организуемых Центросоюзом по решению СНК СССР от 3 октября 1939 г. при лагерях продуктовых и промтоварных ларьках [2, с. 147]. Развертывание последних проходило медленно, да и созданы они были не везде.

Отношение к военнопленным резко изменилось с началом Великой Отечественной войны.

Имущественное обеспечение не было налажено. Нормы вещевого довольствия для контингента лагерей УПВИ в первый год войны не были установлены, вследствие чего верхняя одежда и обувь выдавались только при отсутствии таковых или невозможности отремонтировать имеющиеся.

Медицинское снабжение лагерей осуществлялось через местные органы Наркомздрава по специальным нормам, разработанным УПВИ НКВД СССР, последние, как правило, не выдерживались [5, л. 22].

Уже в июне 1941 г. нормы питания снижаются и устанавливаются на уровне обеспечения осужденных заключенных в СССР. При бесперебойном поступлении продуктов эти нормы еще могли обеспечить нормальную жизнедеятельность человека. Однако с введением в стране карточной системы распределения продоволь-

ствия постановлениями СНК СССР от 30 июня и 6 августа 1941 г. для военнопленных были установлены новые, более низкие нормы. Выдача хлеба уменьшилась до 400 г, рыбы – до 100 г, картофеля и овощей – до 500 г, мясо из рациона пленных исчезло совсем. Только занятым на внутрилагерных работах и на заготовке дров полагалось выдавать дополнительно 100 г ржаного хлеба [1, с. 87–88]. Столь низкие нормы питания не были рассчитаны на работающих людей. Поэтому начавшееся с января 1942 г. использование всех взятых в плен военнослужащих противника на объектах народного хозяйства приводит к быстрому сокращению числа трудоспособных. Резко увеличивается количество больных и ослабленных. В связи с этим приказом НКВД СССР от 5 июня 1942 г. были введены нормы питания для находящихся в лечебных заведениях лагерей и приемных пунктах НКВД [1, с. 88–89].

Введение усиленных пайков для больных и ослабленных многим спасло жизнь. Однако такой порядок в лагерях просуществовал недолго. 25 августа 1942 г. в связи с серьезными трудностями с продовольствием в стране и критической обстановкой на южном крыле советско-германского фронта НКВД СССР установил для всех категорий военнопленных питание по основной норме. Исключение было сделано лишь для работающих, которым по-прежнему дополнительно выдавали по 100 г ржаного хлеба в день [7, л. 222–223].

Нормы питания военнопленных были заниженными. Калорийность суточного рациона основного пайка составляла всего 1 750 калорий, а работающих с учетом 100 г хлеба – 1 945 калорий. Такая калорийность питания не покрывала даже энергетических затрат человека, находившегося в полном покое. Недостаток пищи вел к дистрофии и авитаминозу [6, л. 82–83].

Тогда же в августе 1942 г. НКВД установил нормы денежного вознаграждения работающим. Они оказались значительно ниже тех, которые действовали до начала Великой Отечественной войны, и не оказывали существенного влияния на результаты труда.

Установленные нормы продовольственного обеспечения пленных оказались ниже, чем нормы, по которым питались в это время бывшие советские военнослужащие в немецких лагерях. Ра-

цион неработающих там был определен в размере 2 084 калорий в сутки, работающих – 2 274 калорий.

6 ноября отрицательное заключение на существующий рацион питания военнопленных и его влияние на организм работающего дал Центральный институт питания Наркомздрава СССР: «Как минимум калорийности при тяжелой физической работе все же следует считать 3 000 калорий, при легкой – 2 400 и при так называемом комнатном покое 2 000 калорий» [6, л. 84–85].

Изменение обстановки на советско-германском фронте и начало массового поступления военнопленных, высокая смертность в лагерях и большая потребность в рабочей силе заставили руководство СССР предпринять конкретные шаги по улучшению содержания бывших солдат противника.

4 ноября 1942 г. вводятся противопеллагрозный и больничный пайки, улучшается питание слабосильных и истощенных.

24 ноября 1942 г. СНК СССР утвердил новые нормы продовольственного пайка для бывших солдат противника, которые стали аналогичными нормам питания заключенных лагерей и колоний [1, с. 368]. НКВД было дано право дифференцировать нормы довольствия в зависимости от характера работ, климатических условий и выполнения норм выработки [5, л. 38].

16 декабря НКВД ввел в действие шесть норм питания военнопленных: для рядового и младшего командного состава; для офицеров; для содержащихся на гауптвахте без выхода на работу; больничный паек; дополнительный противочинготный паек; противопеллагрозный паек.

В рацион военнопленных вернули мясо, ввели сало или комбижир. Для всех военнопленных была определена дифференцированная выдача хлеба. Установленную норму хлеба в 600 г мог получить не каждый. Размер хлебного пайка зависел от выполнения норм выработки (от 400 г для выполняющих до 50 % нормы до 900 г – свыше 150 %), а для неработающих – от того, в какой группе находился военнопленный (от 300 г для находящихся на гауптвахте до 700 г для офицеров и военнопленных, находящихся в оздоровительных командах и антифашистских школах). Используемым на тяжелых работах полагалось на 100 г хлеба больше,

чем прочим военнопленным соответствующей группы довольствия [1, с. 353–355].

В период коренного перелома на советско-германском фронте значение военнопленных как рабочей силы резко возрастает. Руководство СССР усиливает меры по сохранению трудоспособности взятых в плен солдат противника. По мере роста экономических возможностей страны дифференцированные нормы питания пересматриваются в сторону повышения. Калорийность основного пайка в 1943 г. выросла до 1 839 калорий, для занятых на тяжелых физических работах – до 2 014,5 калорий для выполняющих норму выработки до 50 % и до 2 772,5 калорий для перевыполняющих производственные нормы [6, л. 89]. В 1944 г. калорийность основного пайка доведена до 2 000 калорий.

С апреля 1943 г. медицинское снабжение лагерей также улучшилось. Оно стало осуществляться не через местные органы Наркомздрава, которые сами испытывали острый недостаток в медикаментах, а санитарными отделами военных округов и сануправлениями фронтов [4, л. 271].

30 декабря 1943 г. НКВД СССР в целях улучшения медицинского обслуживания раненых и больных во фронтовой полосе за каждым из фронтовых приемно-пересыльных лагерей закрепил спецгоспиталь. Их дислоцирование было произведено в районах размещения фронтовых приемно-пересыльных лагерей и перемещение осуществлялось одновременно с лагерями [1, с. 458].

В рассматриваемое время были упорядочены вопросы имущественного снабжения военнопленных. В марте 1943 г. НКВД СССР определил, что пленные по мере износа имеющегося на них обмундирования должны обеспечиваться за счет трофейного и специально выделяемого имущества. Для ремонта обмундирования и обуви в каждом лагере организовывались соответствующей мощности мастерские. В качестве починочного материала использовались пришедшее в негодность трофейное, а также войсковое имущество, не пригодное для ремонта одежды красноармейцев. Необходимые инструменты для мастерских изготавливались на месте, а если это было невозможным, отпускались с окружных складов. Постельные принадлежности из чис-

ла бывших в употреблении полагались только для госпитальных больных [8, л. 80].

Негативное влияние на обеспечение военнопленных в разные годы их пребывания в лагерях оказывали имевшие место в лагерях перебои в питании, недостатки в снабжении теми или иными продуктами, в организации приготовления пищи, в размещении, медицинском обслуживании и т. п. Однако начиная с весны 1943 г. и все последующие годы пребывания военнопленных в Советском Союзе руководство НКВД СССР постоянно усиливает контроль над благоустройством лагерей, подготовкой их к зимнему периоду, искоренению недостатков в размещении, питании и медицинском обслуживании военнопленных. Лагеря и лагерные отделения, не отвечающие установленным требованиям, как правило, закрывались, а военнопленные переводились в благоустроенные лагеря. Однако так случалось не всегда. Нередко производственные задачи выходили на первый план, как это было, например, в лагерях, осуществляющих строительство дорог, в которых лагерные отделения часто перемещались.

В послевоенный период проявилось и различное отношение руководства СССР к военнопленным разных национальностей. По политическим соображениям в 1946 г. военнопленных австрийцев, венгров и румын стали размещать в отдельных лагерях или лагерных отделениях, создавая для них лучшие условия.

В 1949 г. в Женеве была выработана новая конвенция об обращении с военнопленными, вступившая в силу 21 октября 1950 года. Руководство СССР, подписывая эту конвенцию, сделало оговорку о том, что военные преступники должны подчиняться тому режиму, который принят в той или иной стране для лиц, отбывающих наказание [3, с. 158]. Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал конвенцию только 17 апреля 1954 г. после смены политического руководства, когда число осужденных бывших иностранных солдат в результате проведенных в 1953 г. амнистий значительно сократилось.

В 1958 г. в Советском Союзе был принят закон об уголовной ответственности за воинские преступления, установивший строгие наказания лиц, нарушающих права военнопленных.

Список литературы

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956 : док. и материалы. – М. : Логос, 2000. – Т. 1. – 1120 с.
2. Катынь. Пленники необъявленной войны : док. и материалы. – М. : Междунар. фонд «Демократия», 1997. – 605 с.
3. Конасов, В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы : очерки и док. / В. Б. Конасов. – Вологда : Изд-во Волог. ин-та повышения квалификации пед. кадров, 1996. – 320 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9401. – Оп. 12. – Д. 205. – Т. 12 (неопубл.).
5. Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 1п. – Оп. 23а. – Д. 2 (неопубл.).
6. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 23а. – Д. 13 (неопубл.).
7. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 37а. – Д. 1 (неопубл.).
8. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 37а. – Д. 2 (неопубл.).

ATTITUDE OF THE OF THE USSR LEADERS
TOWARDS FOREIGN PRISONERS OF WAR

Sidorov Sergey Grigoryevich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History of Russia,
Volgograd State University
sg1955sidorov@ayndex.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The Soviet Union did not join the states which signed the Convention on the Treatment of Prisoners of War in 1929 in Geneva and was guided in that question by the domestic legislation. The Provision on Prisoners of War of 1931 was the document of propaganda character and was not applied to the Polish prisoners of war in 1939-1941. In relation to those documents the People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR was guided by the unconfirmed draft of the Provision of 1939. The Provision on Prisoners of War of 1941 was applied to foreign prisoners of war of the Great Patriotic War. The country leaders' attitude towards prisoners of war was not invariable. The

good attitude to the Polish prisoners of war changed after attack of fascist Germany on the USSR when in the conditions of failures of Red Army on the Soviet-German front norms of food sharply decrease. After the beginning of mass use of prisoners of war in the national economy their position started improving. Since Spring of 1943, and next years of stay of prisoners of war in the USSR the management of the People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR constantly strengthened control over improvement of camps, preparation them by the winter period, eradication of shortcomings of placement, food and medical care of prisoners of war. During the post-war period also various attitude of the USSR leaders towards prisoners of war of different nationalities was shown. In 1946 for political reasons prisoners of war Austrians, Hungarians and Romanians began to be placed in separate camps or camp offices, creating for them the best conditions. In 1949 the leaders of the USSR signed the Convention on the Treatment of Prisoners of War. However the Presidium of the Supreme Council of the USSR ratified it only on April 17, 1954 when the number of the condemned former foreign soldiers was reduced considerably as a result of the amnesties which are carried out in 1953.

Key words: the USSR leaders, foreign prisoners of war in the period of World War II and the Great Patriotic War, condition of keeping of prisoners of war, conventions on the treatment of prisoners of war, regulations on prisoners of war.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)62

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СССР
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ
В ПЕРИОД КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
(НОЯБРЬ 1942 г. – ДЕКАБРЬ 1943 г.)**

Синицын Федор Леонидович

Кандидат исторических наук, докторант
Института российской истории Российской академии наук
permcavt@gmail.com
ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются основные аспекты национальной политики Советского Союза в период коренного перелома в Великой Отечественной войне (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.), реализованной на оккупированной территории СССР. Рассматривается процесс формулирования новой концепции национальной политики и пропаганды, построенной на усилении русского национального фактора. Автор также исследует формы и методы использования национального аспекта в советской контрпропаганде, которая оперативно реагировала на вызовы со стороны нацистской пропаганды. Делается вывод об эффективности и вариативности советской национальной политики и пропаганды в период коренного перелома Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Россия, Украина, Белоруссия, Прибалтика, национальная политика, пропаганда, Великая Отечественная война, нацистская оккупация.

Концепция советской национальной политики во второй период Великой Отечественной войны претерпела существенные изменения. В связи с осознанием советскими властями того, что наиболее эффективно мобилизовать народ на отражение гитлеровской агрессии могут национальные чувства, а также ведущей роли русского народа в защите страны, главную позицию в советской политике занял русский национальный фактор, который стал

наднациональным, объединяющим все народы Советского Союза. С целью подчеркнуть преемственность с Русской армией, в РККА были возвращены традиционные знаки различия – погоны, введено четкое деление военнослужащих на рядовой, сержантский, офицерский состав и генералитет, учреждены ордена и медали Ушакова и Нахимова, а также орден Славы, который был признан «преемником» Георгиевского креста. Был упразднен институт военных комиссаров, в результате чего РККА и ВМФ вернулись к традиционному для Русской армии единоначалию. Вместо «Интернационала» был введен новый государственный гимн СССР, говоривший о «Великой Руси», а затем – новые гимны союзных республик, в текстах которых были отражены понятия «братская Россия», «братский русский народ» [6, ф. 17, оп. 125, д. 370]. Широкий резонанс в Советском Союзе и за рубежом вызвало принятое 15 мая 1943 г. решение о роспуске Коминтерна – штаба «Мировой революции». Эти реформы были расценены современниками как определенный откат от коммунистической идеологии [6, ф. 17, оп. 125, д. 181, л. 2, 4; д. 242, л. 110].

В русле общих изменений в политике, в советской пропаганде на оккупированной территории превалирующее место заняли «священные национальные чувства, традиции русской истории и ее национальное величие» [6, ф. 17, оп. 125, д. 166, л. 68]. Вместо определений «советский народ» и пр. стали использоваться «русский народ», «русские юноши и девушки», «русская земля», «русская честь», «национальное достоинство русского человека», а также говорилось о том, что «весь русский народ (не «советский народ». – *Ф. С.*) ведет жесточайшую борьбу с алчными ордами германского фашизма» [4, ф. 2, р. 2, оп. 9/2, д. 133, л. 46]. Обращение «колхозник» в пропаганде было заменено на «русский крестьянин», и селянам напоминали не о достижениях колхозного строительства, а о том, что «испокон веков русская земля кормила» их, а «деды и прадеды... напоили ее потом и кровью» [6, ф. 17, оп. 125, д. 143, л. 29–29 об.].

Учителей, работавших в школах на оккупированной территории, призывали препятствовать гитлеровским попыткам «вытравить из сознания нашего народа все русское». Поэтому каж-

дый учитель, как «истинно русский патриот», должен был развивать в детях «патриотические чувства, любовь к своей советской родине, к русскому народу, к русской национальной культуре» [6, ф. 17, оп. 125, д. 143, л. 35–35 об.]. Пропаганда, направленная против «добровольно-принудительного» выезда населения оккупированной территории на работу в Германию, также использовала «русский фактор»: потенциальным «остарбайтерам» сообщали, что «немцы истребляют русский народ, губят его на германской каторге» [6, ф. 17, оп. 125, д. 143, л. 39–39 об.]. Апелляция к «советскому фактору» в пропаганде применялась в основном только в материалах, направленных на молодое поколение, которое воспитывалось в советское время [6, ф. 17, оп. 125, д. 142, л. 82–82 об.; ф. М-1, оп. 53, д. 373, л. 65–65 об.].

«Русский фактор» широко использовался в пропаганде среди военных коллаборационистов. Призывы, обращенные к русским коллаборационистам, постоянно апеллировали к их принадлежности к русскому народу, напоминали о «сыновнем долге перед отчизной», о «ратных делах дедов и прадедов» [6, ф. 17, оп. 125, д. 143, л. 47–47 об.; 2, ГИК 27454/4, 23720/4]. Коллаборационистов призывали переходить на сторону Красной Армии и советских партизан, потому что только они являются «подлинной армией спасения России» и «действительно борются за Родину» [1, ф. 9550, оп. 6, д. 482, л. 1 об.].

Вторым аспектом изменений в советской национальной политике было усиление антигерманизма, которое было обусловлено объективными факторами – после Сталинградской битвы, когда были освобождены территории страны, в течение длительного времени находившиеся под оккупацией, вскрылись чудовищные преступления гитлеровских оккупантов. Само слово «немец» теперь получило оскорбительную коннотацию. Так, листовка, изданная в 1943 г. для распространения на оккупированной территории, подчеркивала негативный облик А.А. Власова эпитетом «Власов – немец» [6, ф. 17, оп. 125, д. 143, л. 47–47 об.]. Для каждого народа СССР пропаганда находила основания для ненависти к немецким оккупантам и борьбы с ними на советской стороне [6, ф. 17, оп. 125, д. 136, л. 37–42; 7, ф. 1370, оп. 1, д. 56, л. 15; д. 63, л. 43].

В целом национальный фактор занял наиболее значительное место в морально-политической мобилизации всех народов оккупированной территории. На Украине большое внимание было уделено противодействию ООН [4, ф. 2, р. 6, оп. 9, д. 9, л. 3] и разоблачению их пособничества гитлеровцам [6, ф. М-1, оп. 53, д. 13, л. 9]. Украинским коллаборационистам напоминали об общности украинцев с русскими и белорусами и постыдности по приказу немцев идти «против своих же братьев русских, украинцев, белорусов», а также о последствиях предательства, приводя в пример убийство Тарасом Бульбой «сына своего Андрея, продавшегося врагам» [4, ф. 2, р. 2, оп. 9/2, д. 133, л. 21; 2, ГИК 30476/1].

Советская политика на оккупированной территории Белоруссии также была призвана «разоблачать перед народом всю лживость и подлинную суть... немецко-белорусских националистов» [6, ф. М-1, оп. 53, д. 13, л. 9]. Однако в этом регионе проблема национализма не была столь существенной, как на Украине, и поэтому пропаганда имела много общего с пропагандой, направленной на русское население оккупированной территории СССР.

Советская политика в отношении казачьего населения оккупированной территории СССР была направлена в первую очередь на предотвращение «разлагающей деятельности» германской пропаганды. Казакам-коллаборационистам сообщали, что гитлеровцы дали им немецкое оружие, чтобы они «убивали русских, своих же братьев и отцов, чтобы... помогли Гитлеру отнять у русских богатые кубанские степи, вольный широкий Дон, чтобы... осквернили и запачкали вековую славу русского казачества». Казаков предупреждали о постыдности «умереть подлой смертью изменника от русской же казачьей пули» и призывали «уйти от немцев, перейти на сторону... русских братьев» [2, ГИК 32307/13].

Советская политика в отношении польского населения Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики определялась необходимостью противодействовать деятельности Делегации польского эмигрантского правительства и Армии Крайовой (АК), которая активизировалась в 1943 году. В указаниях ЦК КП(б)Б «О военно-политических задачах работы в западных областях Белорусской ССР» от 15 июля 1943 г. говорилось о необхо-

димости разъяснить польскому населению, что «в единении славянских народов сила и залог сокрушения гитлеризма, свободно-го существования славянских государств» [6, ф. 17, оп. 125, д. 136, л. 135–136]. В Литве на польском языке было издано обращение руководства Литовской ССР к полицейским, старостам и другим коллаборационистам, гласившее, что военные планы Германии провалились, и призывавшее «вредить немцам» [2, ГИК 38750/406аб].

На оккупированной территории Прибалтики перед советской политикой стояли одни из самых сложных задач. В первую очередь она была направлена на сглаживание антисоветских настроений, распространенных в этом регионе. Подчеркивалось, что радикальные методы советизации, примененные в Прибалтике до войны, – это временное явление, направленное только против врагов советской власти. Сообщалось о позитивных изменениях в политике – например, о том, что в Красной Армии «введены царские офицерские знаки различия и уже существует полная свобода вероисповедания» [5, с. 237–238].

Другим направлением советской пропаганды в Прибалтике была дискредитация гитлеровской политики, в первую очередь – «местного самоуправления», созданного оккупантами. Деятельность «самоуправления» в Эстонии получила следующую характеристику: «Это уничтожение свободы и независимости эстонцев... массовое убийство и ограбление граждан Эстонской ССР немцами... умерщвление эстонцев голодом и нищетой» [6, ф. 17, оп. 125, д. 154, л. 165, 221]. Литовцам указывали на профанацию «самоуправления», так как «вместо Литовской республики существует “Генеральная область Остланд”» и «... Литве – немецкая власть» [2, ГИК 38750/361аб].

Советская пропаганда сообщала о геноциде прибалтийского населения гитлеровскими властями, к которому также приравнивался вывоз прибалтов на работу в Германию. Утверждения о геноциде сопровождались напоминанием о расистской политике гитлеровцев, основанной на том, что «немецкая раса является наиболее ценной», а прибалты «должны быть рабами немецких господ» [2, ГИК 27480/228, 38750/361аб, 38750/375аб, 38750/388аб, 38750/393аб].

Реакция советской политики на вызовы со стороны гитлеровской пропаганды в Прибалтике была достаточно оперативной. В ответ на организованное германскими властями празднование годовщин «освобождения» Эстонии, были распространены материалы, объяснявшие, что «“день освобождения” немецких оккупантов является для эстонского народа днем траура», когда «немецкие палачи издеваются над страданиями эстонского народа» [2, ГИК 31276/149]. В ответ на инспирированную германскими властями в Прибалтике «кампанию протестов» против решений Московской конференции союзников (октябрь 1943 г.) и выступления И.В. Сталина 6 ноября 1943 г., были реализованы широкие контрпропагандистские мероприятия, в том числе издание листовок, проведение радиопередач и пр. [6, ф. 17, оп. 125, д. 136, л. 144–150]. В ответ на гитлеровские утверждения о «депортации», а не эвакуации, прибалтов в первые дни войны, советская пропаганда сообщила, что эстонские офицеры, писатели, артисты, оказавшиеся в советском тылу, «имеют равные права с остальными советскими гражданами и поэтому получают те же звания и привилегии, что и граждане СССР» [5, с. 237–238], а литовское и латышское радиовещание передало выступления и письма эвакуированных в советский тыл литовцев и латышей [6, ф. М-1, оп. 53, д. 12, л. 111].

Ввиду широко распространенных в Прибалтике «национальных» настроений, перед советскими партизанами была поставлена задача склонить местных националистов к сотрудничеству, убедив их в общности целей. Для этого советские партизаны иногда камуфлировали свою принадлежность и акцентировали «национальную платформу» [4, ф. 2, р. 2, оп. 14, д. 6, л. 16 об.]. Еще одним аспектом пропагандистского воздействия на население Прибалтики было использование распространенных в этом регионе ожиданий помощи со стороны «западных демократий». Советская пропаганда делала упор на то, что Великобритания и США являются искренними союзниками СССР [9, ф. 32, оп. 11302, д. 143, л. 73–73 об.], и это означало, что никаких действий, противоречащих советским интересам, «западные демократии» совершать в Прибалтике не будут.

Активной была пропаганда, направленная на разложение прибалтийских коллаборационистских формирований. Эстонцам разъясняли, что вступление в гитлеровский «легион» – «это самое большое преступление против эстонского народа» [2, ГИК 31276/55; 6, ф. 17, оп. 125, д. 154, л. 134, 167]. Латышей призывали бойкотировать гитлеровскую мобилизацию [6, ф. 17, оп. 125, д. 136, л. 26–31], литовцев – не вступать в коллаборационистские отряды и полицию, уходить в советские партизанские отряды [2, ГИК 32821/142, 38750/339аБ, 38750/402аБ].

Политика в отношении крымско-татарского народа учитывала распространенность среди него антисоветских настроений, а также высокий уровень военного и гражданского коллаборационизма. Поэтому крымским татарам было объявлено, что «еще не поздно... искупить свою вину перед Родиной» [4, ф. 2, р. 6, оп. 13, д. 31, л. 3], вступив в советские партизанские отряды [6, ф. М-1, оп. 53, д. 373, л. 74–74 об.]. Советская пропаганда убеждала крымских татар, что германские власти их обманывают, а также распространяла сведения об уничтожении гитлеровцами крымско-татарских деревень. В Крыму было издано до 50 наименований антиколлаборационистских материалов на русском и крымско-татарском языках [3, с. 151–152].

В период оккупации Северного Кавказа (с августа 1942 г. по январь 1943 г.) пропаганда среди населения его национальных регионов стала отдельным направлением советской политики. В августе и сентябре 1942 г. по решению ЦК ВКП(б) [6, ф. 17, оп. 125, д. 106, л. 58–59] были проведены митинги представителей народов Северного Кавказа и Закавказья. В период оккупации Северного Кавказа было развернуто радиовещание на кабардинском, адыгейском и осетинском языках [6, ф. 17, оп. 125, д. 125, л. 42]. Советские пропагандисты пытались воздействовать на коллаборационистов из числа представителей кавказских народов. Так, грузинских «легионеров» убеждали, что гитлеровцы «заставили их воевать против своих братьев – грузин» и «пытаются их же руками захватить их красоту-родину – Грузию» [2, ГИК 32902/61].

Во второй период войны от гитлеровской оккупации были освобождены многие регионы СССР, положение в которых было

тяжелым не только в социально-экономическом, но и в политическом плане. Советские власти отмечали, что сознание населения освобожденной территории «отравлено ядом фашистской пропаганды» [9, ф. 32, оп. 11302, д. 104, л. 335–336]. 25 августа 1943 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О мероприятиях по усилению культурно-просветительской работы в районах, освобожденных от немецкой оккупации», которые включали в себя восстановление типографий, кинотеатров, театров, библиотек, парткабинетов и пр. [6, ф. 17, оп. 116, д. 129, л. 2–4]. В отношении молодежи, проживавшей на освобожденной территории, были поставлены задачи «воспитывать... чувства глубокой любви к родине, национальной гордости, патриотизма», «разоблачить, высмеять всю лживость фашистской пропаганды... рассказать о действительных целях немцев, о тяжелом положении вывезенных на немецкую каторгу русских юношей и девушек» [6, ф. М-1, оп. 53, д. 12, л. 63].

Особенно тяжелыми в морально-политическом плане последствия оккупации были на Северном Кавказе. Советские власти еще до приближения гитлеровских войск испытывали сильное недоверие к представителям народов этого региона [6, ф. 69, оп. 1, д. 391, л. 25–26; д. 619, л. 5, 24]. После его освобождения советские органы приступили к решительным действиям по борьбе с усилившимся бандповстанчеством [7, ф. 38654, оп. 1, д. 27, л. 2], в результате чего удалось легализовать или ликвидировать значительную часть бандповстанцев [6, ф. 17, оп. 125, д. 189, л. 5], а также добиться определенного перелома в настроениях населения [7, ф. 38769, оп. 1, д. 19, л. 22].

Советская пропаганда, направленная на население тыла СССР, как и прежде, старалась обойти стороной проблемные аспекты положения на оккупированной территории, однако после освобождения оккупированной территории пропагандистам стало труднее скрывать факты сотрудничества граждан СССР с оккупантами. В то же время некоторые представители властей «лакировали» действительность не только в материалах пропаганды, но и в документах для «внутреннего пользования» [6, ф. 17, оп. 125, д. 146, л. 80; д. 136, л. 5]. Например, секретарь ЦК КП(б) Латвии по пропаганде А. Пельше докладывал в УПиА ЦК ВКП(б) явно

не соответствовавшую реалиям информации, что «квислингами Латвии является лишь кучка репатриированных еще до войны в Германию полулатышей-полунемцев, не имеющих никакой опоры в народе, поддерживаемых исключительно немецкими штыками» [6, ф. 17, оп. 125, д. 136, л. 5]. На наш взгляд, здесь проявилось стремление защитить свой народ от подозрений в массовом предательстве и последующего наказания.

Содержание советской национальной политики на оккупированной территории СССР подверглось тщательному анализу на гитлеровской стороне. В октябре 1943 г. Г. Гиммлер в своей речи перед сотрудниками СС оценил эффективность советской политики как высокую [7, ф. 1275к, оп. 2, д. 379, л. 2]. Гитлеровские власти сделали вывод о том, что советская пропаганда получила серьезную «патриотическую и национальную основу», стала «избегать неуклюжего возвеличивания большевизма» [7, ф. 1370, оп. 1, д. 56, л. 15, 31] и агитации за его «спасение» [6, ф. 17, оп. 125, д. 253, л. 113 об.]. В изданном 26 ноября 1943 г. документе Абвера («Меморандум Райнхардта») говорилось, что «с помощью направленной пропаганды «Отечественной войны» Сталину удалось <добиться> невиданного за прошедшие 20 лет единства активных сил советской империи... Сейчас не один Сталин с маленькой кликой борется за осуществление бывшей всегда чуждой народу идеи мировой революции. Сейчас весь русский народ борется за сохранение своего свободного Отечества» [8, с. 195]. Изменение курса советской политики было отмечено и в среде русской эмиграции, значительная часть представителей которой отнеслась к новым веяниям положительно [1, ф. 5761, оп. 1, д. 18, л. 7].

В целом масштабность советской национальной политики во второй период войны была высокой. Пропаганда, направленная на морально-политическую мобилизацию населения, строилась в основном на использовании русского национального фактора, причем Советский Союз позиционировался в качестве «русского государства» (в своеобразном понимании этого термина). Многие материалы советской пропаганды ни словом не упоминали о коммунистической идеологии и даже о советской власти. Советская политика получила направленность на антигитлеровскую мобилизацию всех нацио-

нальных сил, включая не дружественные советской власти. Апелляция к «советскому патриотизму» – там, где она была уместна, – сопрягалась с национальным фактором. Причиной таких перемен в политике было осознание советским руководством того, что национальный фактор более действенен для мобилизации, чем коммунистическая идеология, так как он позволяет сплотить всех граждан страны на борьбу с внешним врагом – гитлеровскими оккупантами.

Советская национальная политика была достаточно вариативной. В начале 1943 г. была осуществлена корректировка направлений пропаганды при помощи критической оценки их недостатков и разработки конкретных шагов по улучшению. В политике произошло усиление антигерманской составляющей, что было связано с отказом от огульного «интернационализма» по отношению к народу-агрессору. Усилилась пропаганда против коллаборационизма, ввиду того что гитлеровские власти развернули на оккупированной территории активную мобилизацию местного населения. Советская политика своевременно реагировала на отдельные меры гитлеровской политики при помощи адекватных мер контрпропаганды.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Государственный центральный музей современной истории России. Фонд «Листовки».
3. Мальгин, А. В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос»: 1941–1944 гг. / А. В. Мальгин. – Симферополь : СОНАТ, 2008. – 188 с.
4. Научный архив Института российской истории РАН.
5. Прибалтика: Под знаком свастики (1941–1945) : сб. док. – М. : Воен. кн. : Кучково поле, 2009. – 464 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории.
7. Российский государственный военный архив.
8. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 г.) : док. спецслужб СССР и Германии: 1937–1945 гг. / сост. В. П. Ямпольский. – М. : Кучково поле, 2008. – 656 с.
9. Центральный архив Министерства обороны РФ.

**SOVIET ETHNIC POLICY
AT THE NAZI-OCCUPIED TERRITORY OF THE USSR
DURING THE PERIOD OF RADICAL CHANGE
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR
(NOVEMBER 1942 – DECEMBER 1943)**

Sinitsyn Fedor Leonidovich

PhD (History), Doctoral,
Institute of Russian History of RAS
permcavt@gmail.com
Dmitriya Ulyanova St., 19, 117036 Moscow, Russian Federation

Abstract. In his article, Dr. Sinitsyn analyzes the main aspects of the Soviet ethnic policy during the period of radical change in the Great Patriotic War (November 1942 – December 1943), which had been implemented at the Nazi-occupied territory of the USSR. There is considered the process of forming the new concept of the Soviet ethnic policy and propaganda, which had been built on the basis of the Russian ethnic factor. The author also studies the forms and methods of using the ethnic aspect in the Soviet propaganda that responded promptly to challenges from the Nazi propaganda. There is made a conclusion about the efficiency and variability of the Soviet ethnic policy and propaganda during the first period of the Great Patriotic War.

Key words: Russia, Ukraine, Belorussia, Baltic States, Ethnic policy, Propaganda, Great Patriotic War, Nazi occupation.

УДК 94(101):343

ББК 63.3(7)6

**ТЕАТРЫ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
К ВОПРОСУ О РОЛИ МАРШАЛА
А.М. ВАСИЛЕВСКОГО**

Стрелец Михаил Васильевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры
социально-политических и исторических наук
Брестского государственного технического университета
mstrelez@mail.ru
ул. Московская, 267, 224017 г. Брест, Республика Беларусь

Аннотация. Автор настоящей статьи предпринимает попытку комплексного анализа главного сегмента профессиональной карьеры выдающегося советского военачальника Александра Михайловича Василевского. Содержанием этого сегмента является непосредственная причастность к театрам боевых действий Великой Отечественной войны. Масштабы подобной причастности дают основание считать Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза, кавалера двух орденов «Победа» А.М. Василевского одним из творцов Великой Победы.

Ключевые слова: Александр Михайлович Василевский, военачальник, победа, полководец, стратегия, тактика, фронт.

2015 год примечателен не только тем, что 9 мая отмечается 70-летие Великой Победы. 30 сентября исполняется 120 лет со дня рождения одного из ее выдающихся творцов Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза, кавалера двух орденов «Победа» Александра Михайловича Василевского. Двойной юбилей вполне можно рассматривать как подходящий повод для раскрытия реальных масштабов его непосредственной причастности к театрам боевых действий Великой Отечественной войны. Логика освещения настоящего вопроса требует первоначально остановиться на военном опыте, военной квалификации,

статусе А.М. Василевского в военной структуре советского государства к началу Великой Отечественной войны.

Стартовая точка военной карьеры будущего полководца – февраль 1915 г., поступление в Алексеевское военное училище. Если в училище с февраля по май 1915 г. 19-летний А.М. Василевский получал знания о театре боевых действий на теоретическом уровне, то став выпускником данного учебного заведения, он получил возможность быть реальным участником боевых действий на фронтах Первой мировой войны. Эта возможность перманентно реализовывалась с лета 1915 г. до осени 1917 года. За данный отрезок времени было продвижение по двум позициям: по чинам и по командным должностям. Фронтвик А.М. Василевский прошел путь от прапорщика до штабс-капитана. Должностных ступенек было три: 1) полуротный командир роты; 2) командир роты; 3) командир батальона. Конечно, опыт приобретался на каждой из перечисленных ступенек. Самые сильные впечатления были связаны со второй ступенькой, когда комроты Василевский проходил военные университеты под руководством командующего Юго-Западного фронта легендарного генерала Брусилова. Несомненно, самое ценное в этих университетах – Брусиловский прорыв. Василевский всю оставшуюся жизнь гордился участием в данном событии, которое все серьезные специалисты оценивают как классику военного искусства. Хорошо известно, что в последний месяц весны 1916 г. Брусилов решал уравнение со многими неизвестными, опираясь, прежде всего, на таких командиров, как Александр Михайлович. Вышестоящие начальники и командиры однозначно оценивали роту Василевского как образцовую, считали, что в 409-м Новохоперском полку 103-й пехотной дивизии 9-й армии ей нет равных по всем параметрам боевой подготовки.

Служба Василевского в армии Российской империи будет продолжаться вплоть до ее краха. Этот крах предопределил новый поворот судьбы. С начала второго квартала 1919 г. происходит вовлечение в выполнение военной функции советского государства. В лице Василевского эту функцию будет выполнять выходец из идеологически чуждой данному государству семьи. Бу-

душий полководец окажется и слугой, и заложником системы, созданной большевиками-ленинцами. Его отец и дед по материнской линии были псаломщиками. Кроме того, отец являлся церковным регентом. Стремясь обезопасить себя от неприятностей, Василевский с 1924 по 1940 г. не поддерживал никаких связей с родителями. Вместе с тем можно однозначно утверждать, что Александр Михайлович с ранних лет впитал в себя христианские ценности, что до конца жизни сказывалось на его отношении к подчиненным. Они постоянно ощущали исключительный такт, дух настоящего военного интеллигента в сочетании со строгим следованием уставным требованиям.

Выполнение военной функции советского государства началось для молодого красноармейца с театров боевых действий Гражданской войны.

Будучи молодым по возрасту, но не по уровню военного мышления, не по уровню военной подготовки, он делает во время данной войны стремительную карьеру. За первые полгода службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), которая в 1946 г. будет переименована в Советскую Армию, А.М. Василевский проходит путь от помощника командира взвода до командира полка.

Важным этапом в военной карьере данного человека был отрезок времени между Гражданской и Великой Отечественной войнами. Много лет был командиром полка, затем занимал ответственный пост в Управлении боевой подготовки РККА, возглавлял отдел боевой подготовки Приволжского военного округа, являлся начальником кафедры тыла Военной академии Генерального штаба, начальником 10-го отделения (оперативной подготовки командного состава) 1-го отдела Генштаба, первым заместителем начальника Оперативного управления Генштаба. Особо следует сказать о последней из перечисленных должностей. Это – стартовая должностная ступенька Василевского в системе военного управления в период Великой Отечественной войны. Касательно воинского звания стартовая позиция была такова: генерал-майор. А.М. Василевский получил приличное военное образование будучи в числе первых выпускников Военной академии Генерального штаба.

Ключевые вехи, связанные с положением А.М. Василевского в системе военного управления в указанный период, имеют следующий вид:

- с 1 августа 1941 г. по 26 июня 1942 г. – заместитель начальника Генштаба – начальник оперативного управления;
- с 26 июня 1942 г. по 18 февраля 1945 г. – начальник Генштаба;
- с 14 октября 1942 г. по ноябрь 1948 г. – заместитель народного комиссара обороны СССР (с 15 марта 1946 г. – министра Вооруженных Сил СССР);
- с 18 февраля 1945 г. по 26 апреля 1945 г. – командующий 3-м Белорусским фронтом;
- с 17 февраля 1945 г. по 3 августа 1945 г. – член Ставки Верховного Главнокомандования;
- с 30 июля 1945 г. по 2 сентября 1945 г. – главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке в войне с Японией.

Датировка присвоения очередных воинских званий была такова:

- 28 октября 1941 г. – генерал-лейтенант;
- 26 апреля 1942 г. – генерал-полковник;
- 18 января 1943 г. – генерал армии;
- 16 февраля 1943 г. – Маршал Советского Союза.

Наиболее значимые награждения за участие в указанной войне:

- 10 апреля 1944 г. – награждение первым орденом «Победа»;
- 29 июля 1944 г. – первое по счету присвоение звания Героя Советского Союза;
- 19 апреля 1945 г. – награждение вторым орденом «Победа»;
- 8 сентября 1945 г. – второе по счету присвоение звания Героя Советского Союза.

Даже поверхностное ознакомление с состоящим из трех частей информационным блоком позволяет делать следующие неоспоримые выводы.

Судя по должностям, Василевский всю войну был вовлечен на уровне высших эшелонов в разработку и осуществление операций стратегического характера. Продвижение по званиям и наградам отражает чрезвычайно высокую эффективность подобного вовлечения.

Указанные операции связаны с именем отнюдь не кабинетного генерала. «В войсках Александр Михайлович проводил львиную долю времени: из 34 месяцев войны на посту Начальника Генерального штаба он 22 месяца находился на фронтах, не переставая одновременно направлять работу Генштаба, что свидетельствует о его высочайшей организованности и работоспособности» [1].

Хорошо известно, что начальный период войны складывался неудачно для РККА, что было в немалой степени детерминировано контрпродуктивными решениями высшего военного руководства СССР за считанные недели до роковой даты 22 июня 1941 года. В этой связи будет полезно прибегнуть к сослагательному наклонению и порассуждать, что было бы, «если бы... Александр Михайлович Василевский был главным исполнителем плана стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай агрессии на Западе и на Востоке. В этом документе, составленном им 15 мая 1941 г., выработана стратегия победы на случай удара противника: “прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовить их к переходу в наступление”. По существу, эта стратегия впоследствии легла в основу разработки планов решающих операций: Московской, Сталинградской, Курской. Василевский настаивал на недопустимости строительства аэродромов и размещения складов и арсеналов вблизи границы. Противники генштабистов, близкие к Сталину заместители наркома обороны Кулик, Мехлис, Щаденко, да и сам нарком Тимошенко были “против” и добились своего. Но, что было бы, если они не противились?» [2].

Первая крупная операция, в которой наиболее ярко прослеживался почерк А.М. Василевского, – Московская битва. «В ходе битвы под Москвой, в самые критические моменты обороны именно Александр Михайлович Василевский настоятельно предложил решение о контрударе всеми силами фронтов. И вот 1 декабря 1941 г. вышел исторический приказ № 396 о нашем контрнаступлении под Москвой за подписью “Ставка Верховного Главнокомандования. И. Сталин, А. Василевский”» [2].

Если в главном событии начального периода войны – Московской битве – определяющую роль играл заместитель начальника генштаба Василевский, то в период активного формирования предпосылок коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, в течение самого перелома, в весьма продолжительную часть периода удержания стратегической инициативы со стороны РККА этот военный деятель перманентно профилировал себя как первое лицо в мозгу РККА – генштабе. Принципиально подчеркнем: первое и по официальной должности, и по реальной роли.

Указанное профилирование было поистине выдающимся во время Сталинградской битвы, начавшейся 17 июля 1942 г. и завершившейся 2 февраля 1943 года.

«В сентябре 1942 г. в Ставке состоялось совещание, на котором обсуждались основные положения плана контрнаступления советских войск под Сталинградом. А.М. Василевский и вызванный в Москву Г.К. Жуков предложили следующий план действий: активной обороной продолжать изматывать силы противника и одновременно приступить к подготовке контрнаступления, чтобы нанести противнику такой удар, который бы резко изменил стратегическую обстановку на юге страны в пользу советских войск.

Именно здесь, в Сталинграде, А.М. Василевский применил с блестящим мастерством и эффектом сложную форму оперативного маневра – наступление по сходящимся направлениям с целью окружения вражеской группировки. Такая форма маневра после битвы на Волге осталась типичной для боевой деятельности Красной Армии.

После принятия предварительного решения на контрнаступление по распоряжению Верховного Главнокомандующего А.М. Василевский и Г.К. Жуков вновь вылетели под Сталинград, чтобы на месте изучить направления будущих ударов по противнику и уточнить все необходимые детали. Основные положения плана наступательной операции, получившей название «Уран», были одобрены Ставкой и Государственным Комитетом Обороны.

В 7 часов 30 минут 19 ноября 1942 г. мощные залпы советской артиллерии разорвали тишину донской степи. Войска Юго-Запад-

ного и Донского фронтов одновременно перешли в наступление. Они взломали передний край обороны противника и устремились вперед. Враг был окружен и понес огромные потери.

Большую часть времени оборонительной и наступательной операций начальник Генерального штаба А.М. Василевский находился в районе Сталинграда, руководя на месте действиями фронтовых и армейских объединений и штабов, преимущественно там, где складывалась наиболее критическая ситуация. Дважды в сутки он регулярно в установленное время докладывал в Ставку обстановку и принимаемые решения, подлежащие утверждению Ставкой.

Именно здесь, в Сталинграде, исключительно ярко проявилась способность А.М. Василевского глубоко анализировать обстановку и тщательно учитывать все факторы, определяющие достижение боевого успеха. В высшей степени совершенными являются его стратегические замыслы: умелый выбор направлений, выведивших ударные группировки кратчайшими путями в тыл врага и отрезавших его от баз снабжения; смелое массирование сил и средств на этих направлениях за счет предельного ослабления второстепенных участков; точное определение момента перехода в контрнаступление, когда остановленный враг еще не перешел к обороне и не накопил резервов для отражения наших ударов; быстрое создание внутреннего и внешнего фронтов окружения; надежная блокада окруженных с воздуха...» [3].

«Блестяще проведенная операция по окружению войск Паулюса была только половиной дела. Не допустить деблокады, которая не раз уже случалась, – вот задача из задач. Но и с ней справился Василевский. Под его руководством войска остановили и разгромили мощнейшую деблокирующую группировку Манштейна. Южный фланг немецкого фронта рухнул и начал откатываться не только от Сталинграда, но и с Кавказа» [4].

«Летом 1943 г. Василевского ждали новые испытания. У Гитлера оставался последний шанс на решительное наступление. Не было особых сомнений, что ждать его надо на Курской дуге. Разведка только подтвердила это. Для советского командования вопрос заключался в способах и формах противостояния врагу. Ва-

силевский и Жуков настаивали на проведении оборонительной операции с последующим переходом в контрнаступление и разгромом врага. Фронтное командование, особенно южного фаса Курской дуги, предлагало упреждающую наступательную операцию. Верховный колебался, не надеясь даже на мощную, глубокоэшелонированную оборону. Но Василевскому уже не впервой было переубеждать Сталина и брать ответственность на себя. Он поделил ее с Жуковым. Тот отправился представителем Ставки на северный фас дуги к Рокоссовскому, а Василевский – на юг к Ватутину.

В Курской битве Василевскому пришлось особенно нелегко. Против него воевал лучший гитлеровский стратег – фельдмаршал Манштейн. Под его командованием находились лучшие эсэсовские дивизии, самое большое количество танков. Но сила Красной Армии, умение ее командиров и полководцев наконец-то превысили мощь вермахта. Измотав и обескровив лучшие немецкие части в оборонительных боях, наши войска без паузы перешли в наступление. Состоялся окончательный перелом в Великой Отечественной войне. После Курской дуги, операций «Кутузов» и «Полководец Румянцев» Красная Армия больше не отступала, решительно гнала врага с оккупированной территории.

До весны 1944 г. Александр Михайлович Василевский задержался на юге для руководства планированием и проведением операций Южного и Юго-Западного (позже – 3-го и 4-го Украинских) фронтов. При этом оставался начальником Генштаба. Но к тому времени и сам Верховный обрел ту уверенность и убежденность военачальника, которая позволяла ему спокойно воспринимать доводы и возражения подчиненных, имея в запасе свой вариант. Сталин безусловно освоил сложнейшую науку управления боевыми действиями. Да и наличие под рукой уже теперь выдвиженца самого Василевского – его первого заместителя и однокашника по академии А.И. Антонова делало эту уверенность твердой. Ставка, Генштаб работали эффективно, и Василевский спокойно переключал свое внимание на фронтные операции.

Прорыв «Миус-фронта» и освобождение Донбасса, Криворожско-Никопольская операция и освобождение Одессы, Крыма – вот

та непрерывная цепь боев и сражений, у руля руководства которыми стоял маршал Советского Союза А.М. Василевский [4].

«С середины февраля 1944 г. на стратегических картах Генерального штаба появились новые названия: 1-й и 2-й Белорусский, а затем, в апреле, и 3-й Белорусский фронты. Советские Вооруженные Силы готовились к решению важнейшей военно-политической задачи – разгромить центральную группировку фашистских войск и освободить Белоруссию. Планирование и подготовку Белорусской операции, получившей название “Багратион”, Ставка Верховного Главнокомандования, военные советы и штабы фронтов начали с весны 1944 года (автором-разработчиком этого знаменитого плана был А.М. Василевский. – М. С.).

Операция “Багратион” началась 23 июня 1944 года. Оборона противника была прорвана на многих направлениях, и советские войска устремились вперед. В ходе операции, которая продолжалась до 29 августа, были окружены и уничтожены войска противника в районах Витебска и Бобруйска, разгромлены оршанская и могилевская группировки, а затем окружены и уничтожены основные силы группы армий “Центр” в районе Минска. Продолжая стремительное наступление, советские войска завершили освобождение Белоруссии, освободили часть Литвы и Латвии, вступили на территорию Польши и вышли к границам Восточной Пруссии...» [3].

«Белорусская наступательная операция “Багратион” была, пожалуй, самой блестящей, классической по замыслу и исполнению наступательной операцией Второй мировой войны. Не случайно ее изучали и продолжают изучать во всех военных учебных заведениях мира. Здесь присутствовало все: и строгая теория, и просчитанная до действий каждого солдата практика, и инициатива низшего командного звена, и творчество высшего. Здесь были фронтальные удары, обходы, охваты, окружения и полный разгром врага. Александр Михайлович Василевский воевал в знакомых местах, но теперь вел в бой не подразделения, а целые армии и фронты» [4].

С 10 июля 1944 г. Василевский координировал действия фронтов при освобождении Прибалтики. С 29 июля осуществлял не

только координацию, но и непосредственное руководство наступлением в Прибалтике.

«Планирование и руководство началом Восточнопрусской операции осуществлял лично Сталин, Василевский в это время был занят в Прибалтике. Однако, в связи с отбытием Сталина, а также заместителя начальника Генштаба А.И. Антонова на Ялтинскую конференцию, Василевский вернулся к исполнению обязанностей начальника Генштаба и заместителя наркома обороны, руководству Восточнопрусской операцией. В ночь на 18 февраля 1945 г., во время беседы со Сталиным, вернувшимся из Ялты, в ответ на предложение Сталина выехать в Восточную Пруссию для помощи командующим фронтами Василевский попросил освободить его от должности начальника Генштаба в связи с тем, что он большую часть своего времени проводит на фронте. А днем 18 февраля пришло известие о гибели командующего 3-м Белорусским фронтом Черняховского. В связи с этим Сталин быстро принял решение назначить Василевского командующим 3-м Белорусским фронтом. В должности командующего фронтом Василевский руководил штурмом Кенигсберга – операцией, ставшей хрестоматийной. Затем Василевский успешно провел Земландскую операцию, в ходе которой войска 3-го Белорусского фронта, совместно с Балтийским флотом, разгромили Земландскую группировку немецких войск в Восточной Пруссии. 26 апреля 1945 г. советские войска овладели городом-крепостью Пиллау» [5].

«После Парада Победы А.М. Василевский специальным поездом отправился на Дальний Восток. Его личность была засекречена. По документам он значился заместителем наркома обороны генерал-полковником Васильевым. Когда готовятся военные действия, маскировка оправдана.

После прибытия он прежде всего познакомился с войсками Забайкальского фронта, побывал вместе с его командующим маршалом Советского Союза Р.Я. Малиновским на основных участках фронта, провел ряд рекогносцировок, обсудил обстановку и предстоящие боевые задачи с командованием армий и корпусов, командирами дивизий. После этой поездки А.М. Василевский

предложил внести существенные изменения в ранее принятые решения. В частности, были сокращены планируемые сроки выполнения основных задач операции. Затем состоялась поездка по войскам 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов вместе с их командующими – маршалом Советского Союза К.А. Мерецковым и генералом армии М.А. Пуркаевым.

Под руководством А.М. Василевского были проведены учения для той части войск, которые, находясь в годы Отечественной войны на Дальнем Востоке, не имели боевого опыта.

30 июля 1945 г. директивой Государственного Комитета Обороны было создано Главное командование советскими войсками на Дальнем Востоке. В тот же день приказом Ставки Маршал Советского Союза А.М. Василевский назначался главнокомандующим. 7 августа главком получил директиву Ставки, которая гласила: “9 августа войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов начать боевые действия против империалистической Японии”. На всех направлениях советские войска сразу же повели успешное наступление. Квантунская армия оказалась перед катастрофой. Сопrotивление ее было бесполезным, оно только увеличивало количество жертв.

Крах Квантунской группировки войск армии противника ускорил капитуляцию Японии. 2 сентября 1945 г. японский министр иностранных дел Сигэмицу на борту американского линкора “Миссури” в Токийском заливе подписал акт капитуляции. Вторая мировая война закончилась» [3].

Реальные масштабы непосредственной причастности маршала Василевского к театрам боевых действий Великой Отечественной войны, достижение этим военачальником побед во всех его сражениях предопределили его карьерный рост в послевоенное время. Александр Михайлович четыре года возглавлял союзное военное ведомство. Его авторитет как прославленного полководца Великой Отечественной отнюдь не стал меньше после отставки с поста военного министра. Об этом выдающемся представителе советской военной элиты, чья военная служба продолжалась 62 года, то есть до самой смерти, наступившей 5 декабря 1977 г., всегда будут помнить потомки.

Список литературы

1. Василевский Александр Михайлович // 100 великих полководцев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://100.histrf.ru/commanders/vasilevskiy-aleksandr-mikhaylovich/>. – Загл. с экрана (дата обращения: 22.03. 2015).
2. Скворцов, А. Полководческое искусство А.М. Василевского / А. Скворцов // Фонд «Маршалы Победы». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.marshals-victory.senat.org/amvasilevsky/ASS.html>. – Загл. с экрана (дата обращения: 22.12. 2014).
3. Меркачева, Е. Главный герой Сталинградской битвы / Е. Меркачева // Фонд «Маршалы Победы». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.marshals-victory.senat.org/amvasilevsky/Marshal_Victory.html. – Загл. с экрана (дата обращения: 29.11. 2014).
4. Биография Александра Михайловича Василевского. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.c-cafe.ru/days/bio/16/068_16.php. – Загл. с экрана (дата обращения: 12.12. 2014).
5. Василевский, Александр Михайлович // Википедия. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Василевский,_Александр_Михайлович. – Загл. с экрана (дата обращения: 29.03. 2015).

BATTERGROUND OF GREAT PATRIOTIC WAR: THE ROLE OF MARSHAL A.M. VASILEVSKY

Strelez Mihail Vasiljevich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Social, Political Sciences and History,
Brest State Technical University
mstrelez@mail.ru
Moscowskaya St., 267, 224017 Brest, Republic of Belarus

Abstract. The author of this article attempts a comprehensive analysis of the main segment of the professional career of the outstanding Soviet military leader Alexander Vasilevsky. The content of this segment is directly involved in the Battleground of military operations during World War II. The extent of this involvement gives us reason to believe that Marshal of the Soviet Union, twice Hero of the Soviet Union, holder of two Orders “Victory” A.M. Vasilevsky was one of the creators of the Great Victory.

Key words: Alexander Vasilevsky, commander, victory, leader, strategy, tactics, front.

УДК 316.614

ББК 60.54

**СЕМЬЯ И ШКОЛА
КАК АГЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ
ЧЕРЕЗ ОБРАЗЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Филоненко Виктор Иванович

Доктор социологических наук, профессор,
директор Центра социально-политических исследований
Южного федерального университета
vfilonenko@sfnu.ru
ул. Большая Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

Никулина Марина Алексеевна

Кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Центра социально-политических исследований
Южного федерального университета
nikulina_marina@mail.ru
ул. Большая Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется уровень патриотизма и исторического сознания молодежи через основные события, итоги и образы Великой Отечественной войны. Статья основана на результатах, полученных в ходе прикладного социологического исследования.

Ключевые слова: студенты, молодежь, патриотизм, война, сознание.

Жизнь общества сегодня ставит серьезнейшие задачи в области воспитания и обучения нового поколения. Важнейшая составляющая процесса воспитания – формирование исторического сознания молодежи. Память исторического прошлого своего народа и гордость за него – важнейшие составляющие

исторического сознания, обуславливающие национальное достоинство. Значение формирования исторического сознания, сохранения исторической памяти в современных условиях очень велико.

Однако историческое сознание – это больше, чем знание исторических фактов, больше, чем понимание исторических закономерностей: это деятельная любовь к Родине; это сопричастность и ответственность; это накаленная, яркая вера; это долг.

На основе образов прошлого, исторических событий постепенно происходят отбор и формирование у молодежи общественно значимых норм, морально-нравственных ценностей, складываются традиции и обычаи, образ мышления и поведения, присущий данному народу. Без таких интегрирующих качеств молодежь никогда не станет частью всего народа. Приходя из прошлого, сохраняясь в исторической памяти народа, эти морально-нравственные установки имеют свое значение для настоящего и будущего.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оценивается исторической памятью как наиболее значимое событие в истории нашей страны, во-первых, потому, что эта память связана с историей каждой семьи, ибо это событие затронуло самые существенные и сокровенные стороны в личной жизни людей. Во-вторых, это событие определило не только будущее нашей страны, но и всего мира, и поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли этой войны в сознании молодого поколения.

Проблема формирования исторического сознания молодежи посредством образов Великой Отечественной войны в настоящее время является актуальной. Связано это с необходимостью обращаться в современных условиях к культурно-исторической памяти народа. Искажение исторического сознания, утрата исторической памяти – это факт, который уже нельзя не признать. Рухнется связь времен, преемственность поколений. Явление это пагубно для нашей страны, которая ныне крайне нуждается в духовных и нравственных опорах, в традициях и ценностях, которые должны сплотить все народы нашего государства.

Значительную роль в формировании чувства патриотизма и трансляции исторической памяти играют основные институты социализации – семья и школа. Развитие образа Великой Отечественной войны в сознании молодых людей начинается с юных лет и включает в себя как получение знаний в рамках освоения школьной программы, так и самостоятельное изучение страниц истории своего рода, связанных с этим периодом. Для развития исторического сознания, поддержания, укрепления и обогащения исторической памяти трудно переоценить роль «домашних университетов», семейных архивов, реликвий Великой Отечественной войны.

Реформации в системе образования, имевшие место в последние годы, обусловили изменение в самом подходе к изучению периода Великой Отечественной войны: многим событиям и фактам стало уделяться заметно меньше внимания. Как следствие, представители современного молодого поколения обладают крайне ограниченным багажом знаний о Великой Отечественной войне. Так, например, согласно результатам исследования «Об уровне культурно-гуманитарной подготовки абитуриентов вузов Ростовской области», проведенного Центром социально-политических исследований Южного федерального университета (ЮФУ) в 2014 г., только 58,3 % первокурсников смогли назвать хотя бы 4 страны-участницы антигитлеровской коалиции, а дату освобождения Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков знают меньше половины опрошенных (при том, что абсолютное большинство из них – жители Ростова и области) [2, с. 23–25; 27–30].

Кроме того, молодежь получает из медиапространства огромный поток информации о Великой Отечественной войне, не отличающейся высоким уровнем достоверности (а подчас и вовсе порочащей военное прошлое). Безусловно, в такой ситуации развитие у молодежи должного уровня патриотизма становится весьма затруднительным.

Таким образом, становится очевидной необходимость изучения знаний и представлений молодежи о Великой Отечественной войне, а также определения основных источников информа-

ции, оказывающих влияние на формирование образа Великой Отечественной войны в сознании представителей молодого поколения. С этой целью в декабре 2014 г. – марте 2015 г. Центром социально-политических исследований Южного федерального университета (ЮФУ) было проведено социологическое исследование «Образ Великой Отечественной войны в представлениях студентов вузов» (научный руководитель проекта – доктор социологических наук В.И. Филоненко). В рамках данного изыскания анкетированием были охвачены студенты Южного федерального университета (ЮФУ), Южно-Российского государственного политехнического университета (ЮРГПУ (НПИ)), Ростовского государственного экономического университета (РГЭУ (РИНХ)), Ростовского государственного медицинского университета (РостГМУ), Донского технического университета (ДГТУ), Донского государственного аграрного университета (ДонГАУ), Ростовского государственного строительного университета (РГСУ) и Южно-Российского института управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)). В рамках исследования проводился анкетный опрос студентов, магистрантов и аспирантов вузов Ростова-на-Дону и Ростовской области. Общий объем выборочной совокупности составил 1 534 человек. Опрошенные представляли основные направления подготовки и специализации: естественнонаучные, социально-гуманитарные, экономические, инженерно-технологические, архитектура и дизайн, психолого-педагогические, сельскохозяйственные.

На вопрос: «Ощущаете ли Вы себя патриотом России?», в зависимости от типа оконченной школы, мы получили следующие результаты: безусловно, патриотами себя считают выпускники ПТУ, техникумов – 57,9 %, традиционных средних школ – 42,5 %, школ определенного профиля, с углубленным изучением отдельных предметов – 35,9 %, школ нового типа (гимназий, лицеев) – 35,6 %. Поэтому ответ «Скорее нет» еще более впечатляет. Так ощущают себя выпускники традиционных средних школ – 8,4 %, школ определенного профиля, с углубленным изу-

чением отдельных предметов – 13,5 %, школ нового типа (гимназий, лицеев) – 11,3 %.

При идентификации студентами героев Великой Отечественной войны Александра Матросова и Зои Космодемьянской более осведомленными оказались выпускники ПТУ, техникумов – 94,7 % знают, кто такая З. Космодемьянская и 73,7 % знают подвиг А. Матросова. Выпускники традиционных средних школ соответственно – 70,6 % и 52,0 %, школ определенного профиля, с углубленным изучением отдельных предметов – 68,2 % и 44,7 %, школ нового типа (гимназий, лицеев) – 67,1 и 50 %.

Анализ ответов по идентификации респондентами героев Великой Отечественной войны в зависимости от образования родителей так же показал, что Зою Космодемьянскую знает немного больший процент студентов Ростова-на-Дону и Ростовской области, нежели Александра Матросова. Причем уровень образования родителей если и играет, то довольно незначительную роль в патриотическом воспитании молодого поколения. К примеру, при неполном среднем образовании отца 34,5 % респондентов не знают З. Космодемьянскую, а при высшем образовании отца – 30,3 %. При неполном среднем образовании матери 52,6 % респондентов не знают А. Матросова, а при высшем образовании матери – 49,8 %. Нарушена связь поколений, семейные традиции утрачивают свою силу.

В преддверии 70-летия Великой Победы не может не вызывать интереса вопрос о дате начала Великой Отечественной войны. Проанализируем ответы на этот вопрос респондентов в зависимости от сфер занятости их родителей, предположив, что статус родителей определенным образом влияет на гражданскую активность и формирование патриотизма их детей. Однако реально приблизительно 30 % респондентов в независимости от статуса родителей не знают день начала Великой Отечественной войны. И только один столбец в отчетных таблицах обращает на себя внимание. При родителях-пенсионерах процент правильных ответов заметно выше. При матери-пенсионерке – 84,3 %, при отце-пенсионере – 77,6 %. Старшее поколение, которое не по книжкам было знакомо или с самой ВОЙНОЙ, или от участников и ветера-

нов этой ВОЙНЫ узнавало цену мирного неба над нашей страной, должно продолжить эстафету ПОБЕДЫ и ПАМЯТИ.

«Место, где я родился и вырос», «Наше прошлое, наша история» – так определили ассоциативный образ нашей страны и народа большинство респондентов независимо от направления обучения. Респонденты социально-гуманитарного направления выделяют на 33,7 % «Язык моего народа», «Литература и искусство» важны более чем для четверти респондентов социально-гуманитарного, естественнонаучного направлений и архитектуры и дизайна. «Душевные качества моего народа» отмечены 26,7 % респондентов психолого-педагогического направления, «Великие люди моей национальности» – на 19,7 % считают респонденты естественнонаучного направления, «Наша военная мощь» – считают 16,4 % респондентов инженерно-технологического направления, а 21,7 % будущих психологов-педагогов выделили флаг, герб, гимн.

У большинства респондентов (до 71,1 %) праздник День Победы ассоциируется с парадом Победы, с памятью о героизме советского народа и с памятью о героизме родственников-участников Великой Отечественной войны. Однако у 2,4 % респондентов социально-гуманитарного направления, у 3,2 % – инженерно-технологического, у 5,0 % – психолого-педагогического, у 1,6 % – архитектуры и дизайна и у 3,3 % – экономического направления этот вопрос вызвал затруднения с ответом, то есть у этой части респондентов этот день не ассоциируется ни с чем знаменательным!!!

При распределении ответов респондентов на вопрос о самом правдивом российском фильме о Великой Отечественной войне первенство у респондентов всех направлений подготовки получила картина «Брестская крепость», на втором месте – «Сталинград». Однако пристального изучения заслуживает ответ «Такого фильма нет». 37,1 % респондентов социально-гуманитарного направления, 33,9 % – естественнонаучного, 35,2 % – инженерно-технологического, 27,5 % – психолого-педагогического, 56,9 % – архитектуры и дизайна, 35,3 % – экономического и 24,5 % – сельскохозяйственного считают именно так.

Уверены в том, что наша страна не победила бы сейчас в войне, подобной Великой Отечественной войне по масштабу, тяжести испытаний на 14,2 % – студенты 1-го курса, на 11,3 % – 2-го курса, на 17,0 % – 3-го курса, на 12,8 % – 4-го курса, на 12,7 % – 5-го курса, на 16,3 % – 1-го курса магистратуры, на 10,5 % – 2-го курса магистратуры и на 20,0 % – аспиранты. А в среднем по курсам обучения $\frac{1}{3}$ респондентов затрудняются ответить на этот вопрос. Можно предположить, что в этих формальных цифрах опосредованно выражены патриотизм, гражданский долг и желание защитить свою Родину поколения, которое совсем скоро вступит во взрослую жизнь.

В целом уровень патриотизма и исторического сознания студенческой молодежи Ростова-на-Дону и Ростовской области можно оценить как достаточно низкий. Сложившаяся ситуация говорит о необходимости восполнения пробелов в патриотическом воспитании школьников и студентов. Стоит отметить, что для достижения максимальной эффективности необходимо принятие мер как в рамках образовательного процесса, так и внеучебной деятельности.

Необходимым условием общественного развития является воспитание подрастающего поколения. Для успешной интеграции молодых людей в процесс общественного воспроизводства необходимо развитие у них в процессе воспитания «таких личностных качеств, как гражданская зрелость, патриотизм, готовность к самопожертвованию, чувство ответственности, инициативность, лидерские качества, общая культура...» [1]. Особую важность в процессе патриотического воспитания молодежи имеет тема Великой Отечественной войны. Знания о героическом прошлом нашей страны молодые люди получают, прежде всего, в семье и школе. Однако реформации в системе образования обусловили снижение внимания к ряду событий и фактов о Великой Отечественной войне в рамках школьной и вузовской программы, что, безусловно, значительно уменьшает набор «базовых» знаний об этом историческом периоде у нынешних выпускников школ вузов. Кроме того, в медийном пространстве (СМИ, Интернет) все чаще появляются альтер-

нативные точки зрения на события Великой Отечественной войны и роль отдельных личностей в исходе отдельных сражений и войны в целом. Альтернативные толкования военных лет присутствуют и в продуктах сферы культуры, прежде всего, в кинематографе. В подобной ситуации успешность процесса патриотического воспитания молодежи на самом деле под сомнением. Молодые люди оказываются не только недостаточно осведомлены о ходе Великой Отечественной войны, ее событиях, личностях, но и имеют неполное представление о значимости победы в Великой войне.

Таким образом, становится очевидной необходимость изучения образа Великой Отечественной войны в сознании представителей современного молодого поколения, их отношения к памяти о героях и важных датах в истории нашей страны, а также к празднованию Дня Победы. Успешность процесса патриотического воспитания молодежи во многом зависит от понимания того, каким является истинное отношение молодых людей к столь значимым страницам истории нашей страны.

Никогда не забудутся, и вечно будут жить в памяти немеркнущие подвиги советских людей, совершенные на фронте и в тылу, в борьбе за честь, свободу и независимость не только нашей Родины, но и всего мира. Подвиги людей в Великой Отечественной войне – богатейший источник воспитания исторического сознания подрастающего поколения в духе любви к своей Родине.

Список литературы

1. Левитская, А. А. Главное – формирование личностных качеств / А. А. Левитская // Академия. – 2014. – № 33 (629).
2. Уровень культурной компетентности первокурсников вузов Ростовской области (результаты социологического исследования) : монография / под общ. ред. д-ра социол. наук В. И. Филоненко ; Юж. федер. ун-т. – Ростов н/Д : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2014. – 170 с.

**FAMILY AND SCHOOL AS AGENTS OF FORMATION
OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH
IN IMAGES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Filonenko Viktor Ivanovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Director of Center of Socio-Political Researches,
Southern Federal University
vfilonenko@sfedu.ru
Bolshaya Sadovaya St., 105/42, 344006 Rostov-on-Don,
Russian Federation

Nikulina Marina Alekseevna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Leading researcher of Center of Socio-Political Researches
Southern Federal University
nikulina_marina@mail.ru
Bolshaya Sadovaya St., 105/42, 344006 Rostov-on-Don,
Russian Federation

Abstract. In article the level of patriotism and historical consciousness of youth through the main events, results and images of the Great Patriotic War is analyzed. Article is based on the results received during applied sociological research.

Key words: students, youth, patriotism, war, consciousness.

УДК 94(46)(08)

ББК 63.3(0)7

КАК ЭТО БЫЛО. О МАЛОИЗВЕСТНЫХ ЛИКАХ ВОЙНЫ И ЛЮДСКОМ ЗАБВЕНИИ

Цыплин Виталий Геннадьевич

Кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
v.tsyplin@yandex.ru
ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Статья подготовлена по материалам документов, полученных в ходе поисковых мероприятий в государственных органах и на сайтах «Подвиг народа» и «Мемориал». Пропавший без вести участник Великой Отечественной войны служил в 20-й бригаде 7-й саперной армии и принимал участие в возведении оборонительных сооружений на Юго-Западном и Сталинградском фронтах. В основу статьи положены также рассказы реальных участников событий через 67 лет.

Ключевые слова: безвозвратные потери, 7-я саперная армия, 20-я саперная бригада, Юго-Западный фронт, Сталинградский фронт.

В ходе поиска фронтовых путей участников Великой Отечественной войны историки всегда с нетерпением ожидают встречи с чем-то героическим, очень интересным, родным и близким. При этом проявляется такое удивительное и неотъемлемое качество простого русского человека, как вершить героические дела как обычное будничное дело, совершенно не считая себя героем. А в действительности это был невиданный по масштабам героизм, которому рукоплескал весь мир и продолжает это делать в настоящее время, называя новые поколения россиян народом-Победителем.

Мой дед Цыплин Иринарх Алексеевич родился в 1899 г. в селе Широка Вязовского района Саратовской области. До при-

зыка в действующую армию жил и работал в рабочем поселке Хватовка Базарнокабулакского района Саратовской области. Призван на фронт 28 августа 1941 г. Базарнокабулакским РВК и, судя по содержанию первого фронтового письма от 8 марта 1942 г., был зачислен в штат 1427-го саперного батальона (1957-я Полевая почта).

Прошли десятилетия. В марте 2010 г. в сети «Интернет» нами была получена совершенно ранее не известная информация: 1957-я полевая почта обслуживала 20-ю саперную бригаду в составе 19 саперных батальонов (с номерами от 1409 до 1427), сформированную в Аткарске осенью 1941 года. Бригада входила в 7-ю саперную армию. Далее там указывался неизвестный, к сожалению, саратовским историкам и краеведам факт: по завершению формирования 30 октября 1941 г. 20-я саперная бригада в полном составе строила инженерные позиции в Саратовском оборонительном районе на линии: Петровск – Жерновка – Аткарск и далее на Фролово (Сталинградская область). Позднее вся 7-я саперная армия в составе 12-й, 14-й, 15-й, 20-й и 21-й саперных бригад была передислоцирована в район Сталинграда, где должна была заниматься строительством оборонительных рубежей.

На производство земляных работ было мобилизовано взрослое гражданское население района, в том числе и Хватовки. Ее жительница Екатерина Николаевна Чулисова позднее свидетельствовала: «...на рытье противотанковых рвов и окопов я встретила с Иринархом Алексеевичем. Он носил солдатскую форму и работал землекопом. Организовывал питание для нас из полевых кухонь. Люди его уважали – он был добрым человеком».

Контрнаступление Красной Армии под Москвой снизило стратегическую значимость Саратовского укрепрайона. По этой причине саперные части были передислоцированы на другие, более значимые участки фронта. В частности, 20-я саперная бригада с марта 1942 г. в полосе обороны Юго-Западного фронта возводила оборонительные сооружения по рекам Оскол и Дон. Строки из фронтового письма Иринарха Алексеевича 8 марта 1942 г.: «...Сообщаю вам, что мы прибыли на место – город Новый Оскол Курской области... Свободного времени нет. Я работаю днем и но-

чью... Думаю, вы меня поймете...». Конечно, понимаем! Сегодня мы понимаем и другое – как до обидного, до оскорбительного мало описаний и документальных свидетельств тяжелейшего труда саперов времен Великой Отечественной войны. То есть они, конечно, есть, но все больше как-то вскользь, мимоходом, без подробностей. Все описания проходили жесткую идеологическую цензуру, и поэтому в них практически невозможно встретить ни откровений, ни крамольных молитв Небесам, ни отчаяния и надежд. И от этого наша память и наши представления о фронтовых саперах, мягко говоря, необъективны. В связи с этим я вспоминаю содержание беседы в школе сапера-фронтовика: «...Наши руки от лопаты кровоточили, стирались до костей, их приходилось обматывать тряпками, чтобы копать дальше... Этот адский труд в насквозь промерзшей земле или в умопомрачительную жару убивал нас не менее беспощадно, чем вражеские пули и снаряды, хотя и не так кроваво. Мы умирали безымянными и в забвении от надрыва и подрыва. А наши семьи томились где-то в вечном ожидании...».

Факт быстрого создания обороны по восточному берегу реки Оскол подтверждают архивные карты прохождения линии обороны советских войск в мае 1942 года. Немецкие моторизированные соединения заняли исходные районы западнее реки Оскол. Враг находился в полной боевой готовности к решительному наступлению в междуречье Оскола и Дона. 28 июня 1942 г. согласно директиве Гитлера от 5 апреля 1942 г. 2-я армия, 4-я танковая и 2-я венгерская начали наступление на Воронеж. Весь район междуречья Дона и Оскола, 10-я саперная бригада, оказался в полосе наступления ударной немецкой группировки. В этих боях с превосходящими силами противника стрелковые части и саперные батальоны 20-й бригады понесли тяжелейшие потери, большая их часть попала в плен. Участник этих боев, земляк Иринарха Алексеевича, после войны свидетельствовал: «...Из остатков разгромленных стрелковых полков и нашего саперного батальона группа в количестве двух сотен бойцов получила приказ оборонять пересечение двух шоссе дорог... Разрывы снарядов не давали поднять головы. Бойцы окапывались лежа, сознавая, что для боль-

шинства из них это последний рубеж. У Иринарха Алексеевича болели ноги, передвигался он с трудом... В полдень на наши позиции двинулись немецкие танки и пехота. Мы устояли, понеся потери. Было подбито два немецких танка. Артиллерийские снаряды плотно накрыли наши позиции. Танки и пехота вновь пошли в атаку. И эта атака захлебнулась. Был получен приказ оставить позиции и отойти к Дону. Но часть бойцов, в их числе и Иринарх Алексеевич, отходить отказались и прикрывали нас огнем... Спустя какое-то время, стало известно, что обороняющиеся позиции саперного батальона, среди которых Иринарх Алексеевич, прикрывая наш отход, отбивали одну атаку за другой и все героически погибли в этом неравном кровопролитном бою...» [1, с. 24].

Поиски фронтового пути Иринарха Алексеевича продолжались в течение многих десятилетий. Не мог прояснить его фронтовую судьбу и Центральный архив Министерства обороны СССР. Ответы архива: «...Документов на красноармейца Цыплина Иринарха Алексеевича 1899 года рождения, призванного в действующую армию 28 августа 1941 г., находящихся на хранении, в архиве не имеется...».

В апреле 2010 г. в сети «Интернет» на сайте «Мемориал Великой Отечественной войны» появился акт от 4 августа 1944 г., подтверждающий факт смерти 25 января 1943 г. в доме Загоруйченко Антона Кузьмича военнопленного Леонида Алексеевича Цыплина и захороненного на кладбище в селе Веселое Буденовского района Воронежской области. В акте вместо имени Иринарх указано имя Леонид [2, л. 4]. Причину такого изменения за давностью времени установить не удастся.

Администрация сельского поселения Веселое по нашей просьбе проверила и установила историческую подлинность фамилий, указанных в акте. Выяснилось, что в добром здравии пребывает внучка Антона Кузьмича Раиса Гавриловна Загоруйченко [3, с. 34]. В 1943 г. ей было 13 лет и она хорошо помнит многие эпизоды из жизни села, захваченного немцами. Действительно, многие из тех, кто слушал эмоциональный рассказ Раисы Гавриловны, были, по их словам, приятно удивлены – она прекрасный рассказчик, у нее отличная память, и поэтому те события воен-

ной поры, о которых она рассказывала спустя 67 лет, кажутся свежими и совсем близкими. Вот ее рассказ потомкам Иринарха Алексеевича 7 июля 2010 г. в селе Веселое Красногвардейского района Белгородской области: «В начале июля 1942 г. отступающие войска Красной Армии стали проходить через наше село. Израненных в боях и обессиленных от жары бойцов немецкие самолеты постоянно и жестоко бомбили и обстреливали. Многие из них погибли. Хоронили их жители села. Наша семья пряталась во время налетов и обстрелов на огороде в землянке-тайнике. Скот угоняли в лес и за Дон. Сельские мужики добывали оружие, патроны и тайно уходили в леса в партизаны. Жить под немцами и полицаями-предателями никто не хотел. В селе остались только женщины, дети и старики. 4 июля 1942 г. немцы заняли село. Начались грабежи жителей – заходили в дома и забирали продукты питания, домашний скот. Приходилось все надежно прятать на огороде в земле и в лесу. Был введен комендантский час. Зверствовали полицаи.

Появление Леонида Алексеевича в нашем доме мне запомнилось так. Было это в конце декабря 1942 года. Зима выдалась очень морозной и снежной. По нашей улице немцы по глубокому снегу вели колонну пленных красноармейцев. Мы стояли у обочины и катали по снегу в их сторону вафельные картофелины. Я смотрела на них с содроганием. Никогда не забуду внешность этих людей – исхудалые до крайности от голода и болезней, в плохой одежде и обуви, они с трудом передвигались. Из этой колонны пленный боец на своих плечах через входную калитку в воротах принес в наш дом Леонида Алексеевича. Ходить он не мог совсем, был слаб, у него болели ноги и сердце. Антон Кузьмич, рискуя собственной жизнью, оставил его в доме, прятать не стал. Сразу переодели в хорошую одежду. Всем, в том числе и проходящим в дом полицаям и немцам, говорил, что это его больной сын. В дома жителей на обогрев приходило много немцев. Антон Кузьмич долго сидел у его кровати, приносил еду, кормил. Лекарств не было, но дед лечил его отварами целебных трав. После этого Леонид Алексеевич пошел на поправку. Он был высокого роста с черными волосами. Много рассказывал о своих детях Марии и Геннадии, очень любил их и боялся, что с ними без

него может случиться плохое. Он даже рисовал их карандашом на бумаге. По характеру был мягким и добрым человеком. Знал толк в житейских делах, старался помочь. С детьми вел интересные беседы.

25 января 1943 г. Леонид Алексеевич скоропостижно умер, а 31 января 1943 г. село освободили наши войска. Его похоронили у стены клуба, в тайне от немцев и полицаев. После войны состоялось перезахоронение в братской могиле в центре села. Леонид Алексеевич, помню, просил деда сообщить семье, если с ним случится что-то серьезное [4, л. 3]. Просьба была выполнена: Антон Кузьмич написал письмо со всеми случившимися обстоятельствами и вместе с актом отправил семье. Этот момент вся наша семья хорошо запомнила. Ответа из семьи не получили. Антон Кузьмич переживал молчание семьи Леонида Алексеевича. У него были опасения, что письмо могло не дойти...».

Акт оказался на хранении в Центральном архиве Министерства обороны СССР. Удивительно, но этот достоверный и весьма печальный факт-документ, учтенный по всем правилам и требованиям инструкций и лежащий на полках архива, не использовался его работниками в качестве ответа на наши многочисленные запросы о фронтовой судьбе родного нам человека.

Затем было посещение воинского захоронения и дома, в котором Иринарх Алексеевич провел последние дни своей трудной фронтовой жизни. В центре села Веселое среди зеленого просторного парка, у братского захоронения возвышается величественный монумент – на гранитном постаменте, словно на вершине горы, застыл солдат Красной Армии. Этот памятник защитникам Родины, погибшим в боях, умершим от ран и болезней в ходе боевых действий в селе и его окрестностях. Здесь у вечного огня, у моря живых цветов, через 67 лет настойчивых поисков состоялась встреча потомков Иринарха Алексеевича с памятью о нем и со священным местом его вечного покоя.

Имя мужественного человека Антона Кузьмича Загоруйченко теперь навечно вошло в историю нашей семьи. Он совершил по меркам человеческого милосердия, нравственности и морали настоящий героический подвиг, достойный наград, – приютил в своем доме

под бдительным оком немецкой агентуры и полицейав очень больно-го, полураздетого, до предела истощенного, обреченного на расстрел из-за физической немощи и за совершение дерзкого побега от немецкого конвоя пленного солдата Красной Армии – моего деда, над которым витал зловещий дух войны, крови и смерти.

Он был в аду при жизни. Скажите, кто из фантастов смог описать события более чудовищные и более страшные, чем те, которые на самом деле происходили на фронте и на оккупированной территории? Колонна пленных красноармейцев под усиленной охраной – это всегда был марш смерти, совершавшийся под злобный лай овчарок и треск автоматных очередей, – конвой пристреливал всех, кто выбился из сил, кто осмелился взять картофелину из рук крестьянки, выбежавшей на дорогу, кто замешкался, остановился, шагнул в сторону. Героизм – это воля, побеждавшая в себе страх, это чувство долга, оказавшееся сильнее боязни смерти по доносу за укрывательство пленного солдата.

Пусть этот мой краткий рассказ о простом 75-летнем русском крестьянине, человеке с высоким чувством долга и ответственности – Антоне Кузьмиче Загоруйченко будет маленьким скромным венком на месте его вечного покоя от благодарных потомков спасенного в годы войны пленного красноармейца.

Иринарх Алексеевич не получал фронтовые награды при жизни, никто не наградил его за боевые заслуги после гибели от ран и болезней, но в нашей памяти он останется мужественным и верным Родине солдатом. Время – строгий судья. Оно отыскало фронтовую правду и вернуло доброе имя из неизвестности и людского забвения еще одному жителю Базарнокарабулакского района Саратовской области, ушедшему в 1941 г. защищать Родину и не вернувшемуся с полей жестоких сражений.

Список литературы

1. Цыплин, Г. И. Повесть о времени и о себе / Г. И. Цыплин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. – 451 с.
2. ЦАМО. – Ф. 58. – Оп. 977525. – Д. 165 (опубликовано на сайте «Мемориал Великой Отечественной войны»).

3. Лукьянов, А. Р. Жизнь на Тихой Сосне / А. Р. Лукьянов. – Белгород : Везелица, 2006. – 167 с.

4. Цыплин, В. Г. Правда о войне спустя десятилетия / В. Г. Цыплин // Вестник Района. МУП Базарнокарабулакского района Саратовской области. – 2012. – 31 окт. (№ 83 (11735)).

**HOW IT WAS.
ABOUT A LITTLE-KNOWN FACES OF WAR
AND HUMAN UNCONSCIOUSNESS**

Tsyplin Vitaly Gennadievich

PhD, Professor of International Relations,
Department of International Relations and Russian Foreign Policy,
Saratov State University
v.tsyplin@yandex.ru
Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. Annotation the article is prepared on material of the documents received during search actions in government agencies and on the sites “Feat of the people” and “Memorial”. The missing participant of the Great Patriotic War was in the 20th brigade of the 7th sapper army and took part in construction of defensive works on Southwestern and Stalingrad Fronts under the opponent’s fire. Also the article is based on the real participants’ stories that were told in 67 years.

Key words: irretrievable loss, 7th sapper army, 20th sapper brigade, Southwestern Front, Stalingrad Front.

УДК 94
ББК 68.4

ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЗВОЗВРАТНЫХ И САНИТАРНЫХ ПОТЕРЬ СССР И ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Юркевич Кирилл Юрьевич

Клинический ординатор кафедры протезирования зубных рядов
Московского государственного
медико-стоматологического университета имени А.И. Евдокимова
kirill-yurkevich@ya.ru
ул. Делегатская, 20, строение 1, 127473 г. Москва,
Российская Федерация

Синицын Валентин Дмитриевич

Участник Великой Отечественной войны, кандидат медицинских наук,
доцент кафедры протезирования зубных рядов
Московского государственного
медико-стоматологического университета имени А.И. Евдокимова
ул. Делегатская, 20, строение 1, 127473 г. Москва,
Российская Федерация

Аннотация. Количество безвозвратных потерь Красной Армии в 2,2 раза превышает аналогичный показатель Вермахта. За годы Великой Отечественной войны СССР потеряла 26 600 000 человек, а Германия – 11 844 000 человек.

Эффективность работы санитарных служб конфликтующих сторон мы смогли оценить, подсчитав количество возвращенных в строй, из числа санитарных потерь. Данный параметр эффективности работы санитарной службы СССР оказался феноменальным и составил 76,9 %, эффективность работы санитарной службы Германии – 59,27 %. По данной статистике видно, насколько более продуктивно работала санитарная служба СССР, так как количество возвращенных в строй человек из медицинских учреждений СССР – 17 157 243 человек, против 3 577 000 человек из медицинских учреждений Германии, что показывает огромную разницу, более чем в 4,7 раза.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, потери санитарные, потери безвозвратные, ранения.

Самыми тяжелыми для Советского Союза последствиями Великой Отечественной войны являются его людские потери. После войны проводилось большое количество статистических исследований учеными-демографами и последующей работы государственной комиссии по уточнению людских потерь. После окончания работы были опубликованы данные, в размере 26,6 млн человек, на торжественном заседании Верховного Совета СССР 8 мая 1990 г., посвященном 45-летию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

В числе демографических потерь учитывались убитые в бою и умершие от ран и болезней военнослужащие и партизаны, умершие от голода, погибшие во время бомбежек, артиллерийских обстрелов и карательных операций, а также не вернувшиеся в страну военнопленные, рабочие, крестьяне и служащие, угнанные на каторжные работы.

Дело в том, что Великая Отечественная война, как и Вторая мировая в целом, отличалась от предшествующих войн своими решительными целями с обеих сторон, небывало огромным количеством участвовавших войск и многократно возросшей убойной силой оружия и военной техники. К тому же война не сводилась лишь к противоборству воюющих армий, как это было в прошлом. Немецко-фашистские захватчики наносили свои смертоносные удары и по войскам, и по гражданскому населению, не делая различия между фронтом и тылом, между военнослужащими и мирными гражданами. Все это резко увеличило количество жертв.

26,6 млн погибших было подсчитано балансовым методом. Сам расчет производился за период с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1945 года [5]. Верхняя граница была отодвинута до конца года, для того чтобы учесть умерших от ран в госпиталях, репатриацию в СССР военнопленных. Демографический баланс предполагает сопоставление числа населения в одних и тех же территориальных границах. Для расчетов в данном случае были приняты границы СССР на 22 июня 1941 года. А численность населения на 22 июня 1941 г. была взята по данным переписи населения страны 17 января 1939 г., с корректировкой чисел рождений и смертей за два с половиной года. Таким образом, численность населения на начало войны составила 196,7 млн человек. А на конец 1945 г. эта цифра составила 170,5 млн

человек. Данная цифра была получена путем передвигки назад возрастных данных Всесоюзной переписи населения 1959 года. При этом расчете была использована уточненная статистика о смертности населения и данные о внешней миграции за 1946–1958 годы.

В итоге общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне, определенные демографическим балансовым методом, равны 26,6 млн человек (табл. 1) [1].

Таблица 1

**Расчет людских потерь Советского Союза
в Великой Отечественной войне¹**

Порядок расчета	Людские потери, млн чел.
Численность населения СССР на 22.06.1941	196,7
Численность населения СССР на 31.12.1945, в том числе родившиеся до 22.06.1941	170,5 159,5
Общая убыль населения из числа живших на 22.06.1941 (196,7 млн – 159,5 млн = 37,2 млн чел.)	37,2
Количество умерших детей по причине повышенной смертности (из числа родившихся в годы войны)	1,3
Умерло бы населения в мирное время, исходя из уровня смертности на 1940 г.	11,9
Общие людские потери СССР в результате войны (37,2 млн + 1,3 млн – 11,9 млн = 26,6 млн чел.)	26,6

Потери военнослужащих

Число потерь личного состава Красной Армии и Военно-морского флота определено путем анализа и обобщения отчетно-статистических материалов Генерального штаба, донесений фронтов, флотов, армий, военных округов и Центрального военно-медицинского управления [7].

Внезапное вторжение многомиллионного гитлеровского Вермахта на территорию СССР, его внезапные рассекающие удары по советским войскам, не приведенным в боевую готовность, нарушили связь и управление, привели к тому, что войсковым штабам порой было не до учета потерь. Плохо организованный в этих условиях сбор донесений,

а нередко отсутствие какой-либо возможности доносить о наличии и расходе личного состава не позволяли вышестоящим штабам точно определить истинное состояние дел в войсках фронта [6].

Безвозвратные потери Красной Армии

После анализа общего числа людских утрат, учтенных в оперативном порядке штабами всех инстанций и военно-медицинскими учреждениями за годы Великой Отечественной войны, в том числе за кампанию на Дальнем Востоке. Безвозвратные потери Вооруженных сил СССР – количество умерших от ран и болезней, погибло в результате несчастных случаев, расстрелянные по приговорам военных трибуналов, не вернувшиеся из плена. Данные потери составили 8 668 400 военнослужащих списочного состава [5]. Далее все безвозвратные потери были поделены по возрастным категориям. В итоге мы получаем, что наибольшее количество жертв пришлось на возрастную группу 21–25 лет (1 907 000 человек, что составляет 22 % от общего количества потерь), второе место – возрастная группа 20 лет и моложе (1 560 000 человек, что составляет 18 % от общего количества потерь) и на третьем месте возрастная группа 26–30 лет (1 517 000 человек, что составляет 17,5 % от общего количества потерь). В итоге мы видим, что наибольшее количество потерь пришлось на самых молодых и дееспособных людей (табл. 2) [1].

Таблица 2

Безвозвратные потери военнослужащих Вооруженных Сил, разделенные по возрастным группам

Возрастная группа	Количество потерь	% к общему числу потерь
20 лет и моложе	1 560 300	18,0
21–25 лет	1 907 000	22,0
26–30 лет	1 517 000	17,5
31–35 лет	1 430 300	16,5
36–40 лет	1 040 200	12,0
41–45 лет	693 500	8,0
46–50 лет	433 400	5,0
51 год и старше	86 700	1,0
ИТОГО	8 668 400	100,0

Санитарные потери Красной Армии

Санитарные потери – потери личного состава вооруженных сил во время войны за счет пораженных и больных, поступивших в медпункты и лечебные учреждения на срок более суток [9].

В Великой Отечественной войне наряду с безвозвратными потерями были огромные санитарные потери военнослужащих. Так, за годы войны всего госпитализировано было 22 326 905 человек, из них раненных, контуженных и обмороженных 14 685 593 и больных 7 641 312 человек (табл. 3) [10].

Таблица 3

Санитарные потери Вооруженных Сил СССР²

Годы войны	Всего госпитализировано	В том числе	
		Раненных, контуженных и обмороженных	Раненных, контуженных и обмороженных
1941 (6 месяцев)	2 118 666	1 712 981	405 685
1942	5 573 484	3 625 351	1 948 133
1943	6 299 955	4 124 093	2 175 862
1944	5 901 524	3 520 203	2 381 321
1945	2 433 276	1 702 965	730 311
ИТОГО	22 326 905	14 685 593	7 641 312

После анализа более 14 млн историй болезни госпитализированных военнослужащих можно провести анализ наиболее частых ранений в ходе Великой Отечественной войны (табл. 4) [5].

Таким образом, видно, что наибольшее поражение получали верхние и нижние конечности военнослужащих, что равно 35,2 и 35,6 % соответственно. Если собрать воедино попадания в область головы и шеи, то мы получим цифру 11,5 %, которая занимает 3-е место по частоте случаев.

Также благодаря анализу историй болезни пациентов получилось оценить среднюю продолжительность пребывания пациентов в медицинских учреждениях (табл. 5) [3].

Учитывая огромное количество санитарных потерь, приведенных военно-медицинской статистикой, необходимо их разделить по исходам лечения. Тем самым мы сможем оценить эф-

фактивность оказания медицинской помощи санитарной службой Красной Армии.

Таблица 4

**Характер и частота ранений военнослужащих
Красной Армии СССР**

Характер ранений	Количество случаев	%
В череп	773 500	5,4
В глаза	214 861	1,5
В лицо	501 342	3,5
В шею	157 565	1,1
В грудь	1 289 166	9,0
В живот	444 046	3,1
В позвоночник	143 241	1,0
В таз	630 259	4,4
В половые органы	28 648	0,2
В верхние конечности	5 042 274	35,2
В нижние конечности	5 099 369	35,6
ИТОГО	14 324 071	100,0

Таблица 5

**Средняя продолжительность пребывания пациентов
в медицинских учреждениях**

Категории пораженных	Среднее количество суток пребывания в медицинских учреждениях на излечении
Раненые	76,4
Контуженные	49,4
Закрытые боевые травмы (переломы и т. п.)	69,4
Обожженные	51,8
Обмороженные	89,0
Больные	34,5

Военно-медицинская статистика показывает, что из числа раненных, контуженных и обмороженных, поступивших за всю войну на излечение в медицинские учреждения, 71,7 % возвращены в строй; 20,8 % признано негодными к дальнейшей службе и уволено из армии с исключением с воинского учета или отпущены в долгосрочные отпуска по болезни; около 7,5 % умерло, при этом

число умерших в госпиталях учтено как в санитарных, так и в безвозвратных потерях (табл. 6) [5].

Таблица 6

**Санитарные потери по видам и исходам лечения,
с учетом войны с Японией³**

Виды потерь и исходы лечения	Количество случаев	%
Ранено, контужено, обожжено и обморожено (всего)	14 685 593	100,0
– возвращено в строй	10 530 750	71,7
– уволено с исключением с учета или отправлено в отпуск по ранению	3 050 733	20,8
– умерло (безвозвратные потери)	1 104 110	7,5
Заболело (всего)	7 641 312	100,0
– возвращено в строй	6 626 493	86,7
– уволено с исключением с учета или отправлено в отпуск по болезни	747 425	9,8
– умерло (безвозвратные потери)	267 394	3,5
Всего госпитализировано	22 326 905	100,0
– возвращено в строй	17 157 243	76,9
– уволено с исключением с учета или отправлено в отпуск по ранению (болезни)	3 798 158	17,0
– умерло	1 371 501	6,1

Благодаря этим данным мы можем оценить, каким нелегким был труд медицинских работников фронта и тыла. Их огромная заслуга заключается в том, что более 17 млн пациентов было возвращено в боевой строй.

Генерал-полковник медицинской службы Е.С. Смирнов, в годы войны начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии, писал, что «военная медицина из службы призрения за пораженными в боях и больными в прошлых войнах превратилась в один из основных источников пополнения действующей армии опытными в боевом отношении солдатами и офицерами, возвращенными в строй после лечения» [15].

Людские потери Германии

Изучение архивных документов, а также военно-исторических трудов и публикаций показало, что определение с достоверной точ-

ностью масштабов людских потерь вооруженных сил Германии и войск ее союзников на советско-германском фронте в годы Второй мировой войны представляет весьма сложную проблему. Почти во всех зарубежных публикациях, характеризующих людские потери Германии и ее союзников во Второй мировой войне, отмечается, что в них приведены лишь приблизительные данные, при этом за 1945 г. они определялись расчетным способом [4].

Сведения немецких штабов о потерях были наиболее реальными примерно до января 1945 года. Однако на последнем этапе войны, когда фашистские войска терпели крупные поражения, штабной механизм Вермахта утратил четкость в работе, потери стали подсчитываться приблизительно. Резко нарушились систематический документальный учет и отчетность.

В документальных материалах, содержащих сведения о людских потерях вооруженных сил Германии, встречаются резко противоположные данные. Это частично связано с тем, что донесения представлялись по трем самостоятельным каналам, которые имели различное предназначение.

– Первый канал обеспечивал сбор донесений по линии штабов и имел цель дать вышестоящему командованию характеристику расхода личного состава и техники для оценки боеспособности войск.

– Второй канал по линии медико-санитарной службы – для определения загруженности госпиталей и расширения их емкости.

– Третий канал – для персонального учета военнослужащих [8].

По немецким документам и публикациям установлено, что в вооруженных силах Германии на 1 марта 1939 г. находилось 3 214 000 человек. В период с 1 июня 1939 по 30 апреля 1945 г. в германскую армию было призвано 17 893 000 человек [12]. Изменение численности Вермахта, произошедшее с марта по июнь 1939 г., было незначительным. Исходя из этого можно полагать, что через вооруженные силы Германии в годы Второй мировой войны, с учетом довоенной численности, прошло 21 107 000 человек. Капитулировало после 9 мая 1945 г. перед Советской Армией и союзниками по антигитлеровской коалиции – США, Англией и Францией – 4 100 000 солдат и офицеров фашистской армии. Об-

щая убыль за время войны составила 16 307 000 человек, из них: уволено по ранению и болезни (инвалиды) – 2 463 000 человек, демобилизировано и направлено для работы в промышленности – 2 млн человек [11].

Таким образом, безвозвратные потери Вермахта составили 11 844 000 человек, из которых 4 457 000 не вернулись с войны. В их числе: немцев – 3 600 000 человек, рейцев – 270 000 человек, судетских немцев и эльзасцев – 230 000 человек, граждан других государств, в том числе «фольксдойче» и советских граждан – 357 000 человек (табл. 7) [5].

Таблица 7

**Динамика изменения численности личного состава
вооруженных сил фашистской Германии,
без учета войск союзников, в период 1939–1945 гг.⁴**

Характеристика	Численность, тыс. чел.
Состояло на военной службе на 1 марта 1939 г.	3 214
Призвано с 01.06.1939 по 30.04.1945	17 893
Всего за годы войны привлечено в вооруженные силы (с учетом служивших до 1 марта 1939 г.)	21 107
К началу капитуляции германских войск:	4 800
– оставалось в строю	4 100
– находилось на излечении в госпиталях Германии	700
В ходе войны убыло всего:	16 307
а) безвозвратные потери	11 844
– погибло, умерло от ран и болезней, пропало без вести	4 457
– попало в плен	7 387
б) другая убыль, всего:	4 463
– уволено по ранению и болезни на длительный срок, как негодные к военной службе (инвалиды)	2 463
– демобилизовано и направлено на промышленные работы	2 000
Санитарные потери	6 035

В данной таблице не учтены людские потери воинских формирований, которые воевали на стороне Германии, но в состав ее вооруженных сил не входили. В первую очередь это союзники Германии: Италия, Болгария, Венгрия, Румыния, Финляндия, Словакия, Хорватия.

Сведения о людских потерях Германии взяты из некоторых официальных источников: за 2 месяца до смерти Гитлер в одном из выступлений объявил, что Германия потеряла 12,5 млн человек убитыми и ранеными, из которых половина убитыми [12]. Генерал Йодль после окончания войны заявил, что германская армия потеряла в общей сложности 12,4 млн человек, из них 2,5 млн убитыми, 3,4 млн пропавшими без вести и пленными, и 6,5 млн ранеными, из которых 12–15 % не вернулись в строй [13].

Анализируя все расчеты, полученные из различных государственных источников Германии, мы провели подсчет возвращенных в строй солдат из числа санитарных потерь. Германия за годы войны получила 6 035 000 раненных бойцов [6]. А количество бойцов, которые были уволены по ранению и болезни на длительный срок или стали непригодны к военной службе (инвалиды) составило 2 463 000 человек. Из этого можно сделать вывод, что количество вернувшихся в строй составляет порядка 3 577 000 человек, что составляет 59,27 % вернувшихся на военную службу от общего числа раненых. К сожалению, эта цифра не является полностью объективной, так как отсутствует количество людей, которые умерли в госпиталях.

Нами было оценено количество безвозвратных и санитарных потерь, а также эффективность работы санитарных служб СССР и Германии. Поскольку санитарная служба Красной Армии возвратила в строй 17 157 243 бойцов из 22 326 905 санитарных потерь, мы можем посчитать, что эффективность работы равна 76,9 %, что в свою очередь намного выше эффективности санитарной службы Вермахта – 59,27 %, и тем более данная цифра завышена, так как не учитывает количество смертей в госпиталях.

Выводы:

1. Количество безвозвратных потерь Красной Армии в 2,2 раза превышает аналогичный показатель Вермахта. За годы Великой Отечественной войны СССР потеряла 26 600 000 человек, а Германия 11 844 000 человек.

2. В ходе боевых действий Великой Отечественной войны Красная Армия СССР потеряла убитыми в основном самый дееспособный и молодой контингент населения страны, а именно от 18 до 30 лет.

3. За период Великой Отечественной войны СССР потеряла 22 326 905 человек санитарных потерь, в свою очередь Германия потеряла 6 035 000 человек санитарных потерь. Из данных цифр видно, что СССР потеряла в 3,7 раз больше человек в качестве санитарных потерь.

4. Удалось выявить и наиболее часто пораженные части тела бойцов. Такими оказались верхние, нижние конечности, что составляет 35,2 и 35,6 % соответственно. Область головы, шея страдали у 11,5 % госпитализированных, что занимает 3-е место среди всех пораженных частей тела.

5. По частоте ранений область головы и шеи стоит на 3-м месте (11,5 %) от общего числа ранений, и, учитывая общее количество госпитализированных – 22 326 905 человек, можно предположить, что большой вклад внесли врачи-стоматологи, часть из которых были выпускниками нашего вуза (МГСИ, ныне МГМСУ имени А.И. Евдокимова), возвратившие в строй около 2 млн человек.

6. Эффективность работы санитарных служб конфликтующих сторон мы смогли оценить, подсчитав количество возвращенных в строй из числа санитарных потерь. Данный параметр эффективности работы санитарной службы СССР оказался феноменальным и составил 76,9 %, эффективность работы санитарной службы Германии – 59,27 %. По данной статистике видно, на сколько более продуктивно работала санитарная служба СССР, так как количество возвращенных в строй человек из медицинских учреждений СССР – 17 157 243 человек, против 3 577 000 человек из медицинских учреждениях Германии, что показывает огромную разницу, более чем в 4,7 раза.

Примечания

¹ Расчет выполнен Управлением демографической статистики Госкомстата СССР в ходе работы в составе комплексной комиссии по уточнению числа людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне, – Мобуправление ГОМУ Генштаба ВС РФ, д. 142, 1991 г.

² По данным военно-медицинской статистики.

³ По данным военно-медицинской статистики.

⁴ По данным военного архива ФРГ.

Список литературы

1. Гладких, П. Ф. Медицинская служба Красной Армии в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. / П. Ф. Гладких. – СПб. : Петрополис, 2013. – 805 с.
2. Ерегина, Н. Т. Высшая медицинская школа России в годы Великой Отечественной войны / Н. Т. Ерегина. – Ярославль : Аверс Плюс, 2008. – 171 с.
3. Смирнов, Е. И. Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Е. И. Смирнов. – М. : Медгиз, 1951. – Т. 6. – 400 с.
4. Маслиновский, Т. И. Организация медицинской службы армий США, Англии, Германии и Франции / Т. И. Маслиновский. – Свердловск : Медгиз, 1947. – 155 с.
5. Кривошеев, Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Историко-статистическое исследование / Г. Ф. Кривошеев. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 608 с.
6. Литвиненко, В. В. Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте / В. В. Литвиненко. – М. : ВЕЧЕ, 2013. – 263 с.
7. Русаков, А. П. Вся правда о войне. Причины, итоги, потери / А. П. Русаков. – М. : ВЕЧЕ, 2013. – 420 с.
8. Литвиненко, В. В. Людские потери Красной Армии и Вермахта на советско-германском фронте. Методология исчисления и комплексная оценка / В. В. Литвиненко. – М. : У Никитских ворот, 2014. – 282 с.
9. Асташин, Н. А. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : энциклопедия / Н. А. Асташин. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 672 с.
10. Рыбаковский, Л. Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Экон-Информ, 2010. – 139 с.
11. Мюллер-Гиллебранд, Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. / Б. Мюллер-Гиллебранд. – М. : Изографус, 2002. – 798 с.
12. Урланис, Б. Ц. История военных потерь войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. Историко-статистическое исследование / Б. Ц. Урланис. – СПб. : Полигон, 1994. – 558 с.
13. Запись допроса Альфреда Йодля // Военно-исторический журнал. 4 апреля 1961 года. – М. : Воен. изд-во М-ва обороны Союза, 1961. – С. 83–91.
14. Смирнов, Е. И. Фронтовое милосердие / Е. И. Смирнов. – М. : Воениздат, 1991. – 437 с.

15. Арнтц, Г. Людские потери во Второй мировой войне / Г. Арнтц // Военная литература. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/h/ergos/27.html>. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.01.2015).

**THE CHARACTERISTIC
OF IRREVOCABLE AND SANITARY LOSSES
OF THE USSR AND GERMANY IN DAYS
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Yurkevich Kirill Yuryevich

Clinical Intern, Department of Prosthetics of Tooth Alignments,
MGMSU
kirill-yurkevich@ya.ru
Delegatskaya St., 20, structure 1, 127473 Moscow, Russian Federation

Sinitsyn Valentin Dmitriyevich

Candidates of Medical Science, Associate Professor,
Department of Prosthetics of Tooth Alignments,
MGMSU
Delegatskaya St., 20, structure 1, 127473 Moscow, Russian Federation

Abstract. The number of irrevocable losses of Red Army by 2,2 times exceeds a similar indicator of Wehrmacht. For years of the Great Patriotic War of the USSR Germany lost 26 600 000 people, and 11 844 000 people. We could estimate overall performance of public health services of conflicting parties having counted quantity returned in a system, from among sanitary losses. This parameter of overall performance public health service of the USSR was phenomenal and made 76,9 %, overall performance of public health service of Germany – 59,27 %. On this statistics it is visible on how many more productively the public health service of the USSR, as number of the people returned a system from medical institutions of the USSR – 17 157 243 people, against 3 577 000 people from medical institutions of Germany that shows a huge difference, more than by 4,7 times worked.

Key words: Great Patriotic War, losses, sanitary, irrevocable, wounds.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ (1989–2014 гг.)**

Якунин Вадим Николаевич

Доктор исторических наук, профессор,
проректор по научной и инновационной деятельности
Поволжского государственного университета сервиса
vadyak@mail.ru
ул. Гагарина, 4, 445677, г. Тольятти, ГСП, Российская Федерация

Аннотация. Изучается современная отечественная историография проблемы Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Русская православная церковь, религиозная политика, государственно-церковные отношения.

В отечественной историографии проблемы можно выделить два основных этапа: 1) 1941–1988 гг. и 2) с 1989 г. до настоящего времени.

Остановимся на втором этапе. Переход к этому этапу в отечественной историографии в 1989 г. был предопределен качественно новым отношением в условиях перестройки к малоизученным проблемам, неизвестным сюжетам истории Великой Отечественной войны, месту и роли Православной Церкви в различные, в том числе переломные, драматические периоды нашей истории. Историки получили доступ к широкому кругу документов центральных и местных архивов, к исследованиям зарубежных авторов.

Начало этому этапу положили юбилейные торжества по поводу 1000-летия введения христианства на Руси. Тогда советское руководство признало патриотизм верующих в военные годы, их высо-

кую гражданскую позицию. Встречи руководства СССР со священноначалием РПЦ, принятые на них решения положили начало новому этапу в государственно-церковных отношениях. С этого времени начинают публиковаться новые интересные работы по проблеме. Для них характерны отказ от прежних подходов к анализу роли и места православной церкви в жизни нашего общества.

Публикация в 1989 г. В.А. Алексеевым и М.И. Одинцовым статей о встрече И.В. Сталина с руководством Московской Патриархии в сентябре 1943 г. на основе записки председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова открыла новую страницу в отечественной историографии. С тех пор тема государственно-церковных отношений стала не только предметом специального исторического исследования, но и приоритетной проблемой в работах исследователей истории Русской православной церкви в XX веке.

С 1990 г. появляются докторские и кандидатские диссертации, монографические исследования, посвященные в основном отношениям Советского государства и РПЦ (М.И. Одинцов, И.Я. Шимон, О.Ю. Васильева, А.В. Гущина, Л.Г. Сахарова и И.В. Макаров, М.В. Шкаровский, А.И. Белкин, А.В. Горбатов, Т.А. Чумаченко, А.А. Корнилов, К.П. Обозный, А.Н. Потапова, В.Н. Якунин). Основное внимание в исследованиях уделяется созданию новой системы государственно-церковных отношений в 1941–1945 гг. и анализу работы Совета по делам РПЦ и его уполномоченных. Изучая государственно-церковные отношения, исследователи не могли обойти своим вниманием патриотическую деятельность РПЦ. Вместе с этим исследуется правовое и экономическое положение церкви в Советском государстве, ее хозяйственная деятельность, внутренняя жизнь в 1941–1945 годах [2, с. 211; 5; 29; 30, с. 1–17; 31; 40, с. 35; 41, с. 19; 42, с. 10; 44, с. 30–53; 45, с. 66–80; 46, с. 7; 47, с. 71; 48, с. 37; 49, с. 9; 57; 59; 62; 63; 65, с. 17–19; 66; 67, с. 16; 68].

Исследовались внешние связи и расширение юрисдикции Московской Патриархии в годы Великой Отечественной войны [8, с. 21–29; 9; 13; 28, с. 31–43; 43, с. 67–92; 64, с. 35]. Современный этап исследования темы характеризуется объективной оценкой деятельности РПЦ не только в статьях, но и в монографиях,

диссертациях [21; 22, с. 72–84; 23, с. 124–133; 24, с. 108; 25, с. 75–84; 26, с. 141–143; 27, с. 17–27; 60].

Получила новое звучание тема положения и деятельности РПЦ на оккупированных фашистами территориях СССР. Был развенчан миф о «профашистской» ориентации экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского) и Псковской православной миссии. Большинство авторов признает вклад верующих на оккупированных территориях в партизанское движение и тот факт, что возрождение там религиозной жизни оказало определенное влияние на изменение религиозной политики советского руководства в военный период [33, с. 169–178; 34, с. 176–206; 35, с. 63–83; 36; 37; 38, с. 9–35; 39, с. 35; 61; 63].

В 90-е гг. стала популярна тема духовного потенциала победы. Появляются исследования религиозности крестьянства накануне и в годы Великой Отечественной войны (Г.Е. Корнилов, М.А. Вылцан, Т.А. Чумаченко, М.В. Шкаровский, Е.В. Ивлиева, А.В. Сперанский).

Исследовалось обновленческое движение в Русской православной церкви, «закат» которого пришелся на годы Великой Отечественной войны, преодоление других церковных расколов [1, с. 205]. Изучалась как внутренняя жизнь самой РПЦ, так и церковное подполье в контексте государственно-церковных отношений [3; 4].

Свой вклад в освещение положения и деятельности Церкви в период Великой Отечественной войны вносят на региональном уровне. На сегодняшний день проблема наиболее изучена по материалам следующих регионов: Ленинградской, Кировской, Орловской, Брянской, Самарской, Нижегородской, Курской, Псковской, Калужской, Воронежской, Волгоградской, Пензенской, Тамбовской, Кемеровской, Екатеринбургской, Тюменской, Ростовской, Астраханской, Саратовской, Оренбургской, Горьковской, Смоленской, Пермской областям, в Удмуртской республике, республике Мордовия, на Урале и Среднем Поволжье, Верхнем Поволжье, Нижней Волге и Дону, в Карелии, Забайкалье, на Северо-Западе России и некоторых других регионов. Практически во всех региональных работах изучается патриотическая деятельность Церк-

ви и государственно-церковные отношения [6; 7; 10, с. 83–85; 11, с. 90–98; 14; 15; 16, с. 103–112; 17, с. 9–12; 18, с. 85–96; 19, с. 31–36; 20, с. 736–739; 32, с. 20–25; 50; 51, с. 72–75; 52, с. 244–247; 53, с. 118–121; 54, с. 38; 55, с. 86–90; 56, с. 44–47; 58; 69, с. 127–129; 70; 71].

Расширение географических рамок исследований, появление глубоких и серьезных работ, выход на новые проблемы обеспечили появление историографического аспекта в отечественной исторической литературе [12, с. 59–63].

Развитие отечественной историографии проблемы изучения истории РПЦ в годы Великой Отечественной войны за 70-летний период ее существования претерпело количественные и качественные изменения. Если на первом ее этапе (1941–1988 гг.) преобладали общие, обзорные работы атеистического характера, в которых истории РПЦ в 1941–1945 гг. отводилось незначительное место, упор делался на коллаборационистскую деятельность духовенства на оккупированных территориях, то с 1989 г. в связи с открытием архивных фондов и происходящими в нашей стране демократическими процессами интерес исследователей к проблеме неуклонно возрастает.

Список литературы

1. Беглов, А. Л. Последний бой обновленцев: эпизоды воссоединения с патриаршей церковью в 1944–1946 гг. / А. Л. Беглов // Альфа и Омега. – 2004. – № 2. – С. 205.
2. Беглов, А. Л. Советское законодательство в отношении Русской православной церкви 1920–1940-х гг.: колебания границы легальности / А. Л. Беглов // Религии мира. История и современность. – 2004. – С. 211.
3. Беглов, А. Л. Церковное подполье 1920–1940-х гг. в СССР в контексте государственно-церковных отношений : дис. ... канд. ист. наук / А. Л. Беглов. – М., 2004.
4. Беглов, А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР / А. Л. Беглов ; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2008.
5. Васильева, О. Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. / О. Ю. Васильева. – 2-е изд. – М., 2001.
6. История Екатеринбургской епархии / Е. М. Главацкая, А. В. Мангилова, И. Л. Манькова [и др.]. – Екатеринбург, 2010.

7. Грашевская, О. В. Политика Советского государства в отношении Русской православной церкви в 1940–1980-х гг.: центр и местные власти (на материалах Мурманской области) : дис. ... канд. ист. наук / О. В. Грашевская. – Мурманск, 2005.

8. Данилец, Ю. В. Пастырская деятельность епископа Владимира (Раича) в Закарпатье накануне и в годы Второй мировой войны / Ю. В. Данилец // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2010. – № 1. – С. 21–29.

9. Дацышен, В. Г. Христианство в Китае: история и современность / В. Г. Дацышен. – М. : Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007.

10. Дроботушенко, Е. В. Материалы по истории православия в Забайкалье в некоторых фондах Государственного архива Российской Федерации / Е. В. Дроботушенко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8–1. – С. 83–85.

11. Дроботушенко, Е. В. Русская православная церковь в Читинской области в 1943–1950 гг. / Е. В. Дроботушенко, В. В. Кузнецов // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. – 2013. – № 3 (35). – С. 90–98.

12. Елисеев, А. Б. Историография патриотической деятельности Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны / А. Б. Елисеев, В. И. Меньковский // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2010. – № 2 (16). – С. 59–63.

13. Корнилов, А. А. История российского православия за рубежом / А. А. Корнилов // Библиография. Научный журнал по библиографоведению и книговедению. – 2005. – № 5. – С. 148.

14. Королева, Л. А. Власть и Русская православная церковь в СССР во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. (по материалам Пензенской области) / Л. А. Королева, А. А. Королев. – М., 2011.

15. Королева, Л. А. Православие в Пензенской области (1940–1990 гг.) / Л. А. Королева, А. А. Королев. – Варшава, 2014.

16. Королева, Л. А. Православные религиозные объединения Пензенской области. 1940–1960-е гг. / Л. А. Королева, А. А. Королев, И. Н. Гарькин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2010. – № 2. – С. 103–112.

17. Королева, Л. А. Русская православная церковь в Великой Отечественной войне (по материалам Пензенской области) / Л. А. Королева, А. А. Королев, И. Н. Гарькин // Социогуманитарный вестник. – 2010. – № 1 (4). – С. 9–12.

18. Королева, Л. А. Православные религиозные объединения в СССР 1940–1960 гг. (по материалам Пензенской области) / Л. А. Королева, А. А. Королев, Д. А. Степнова, И. Н. Гарькин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – Т. 5, № 3. – С. 85–96.

19. Королева, Л. А. Русская православная церковь в СССР во второй половине 1940 – первой половине 1980-х гг. (по материалам Пензенского региона) / Л. А. Королева, А. А. Королев, Д. А. Степнова, И. Н. Гарькин // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 5. – С. 31–36.

20. Королева, Л. А. Православное духовенство в СССР 1940–1980-х гг. (по материалам Пензенской области) / Л. А. Королева, О. В. Мельниченко, Д. А. Степнова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 736–739.

21. Кострюков, А. А. Архиепископ Серафим (Соболев). Жизнь, служение, идеология / А. А. Кострюков. Серия: Книжная серия РИСИ. – М., 2011.

22. Кострюков, А. А. К истории воссоединения с Московским Патриархатом приходов западноевропейского экзархата в послевоенные годы (1945–1946 гг.) / А. А. Кострюков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2, История. История Русской православной церкви. – 2013. – № 6 (55). – С. 72–84.

23. Кострюков, А. А. Новые сведения о взглядах архиепископа Богучарского Серафима (Соболева) на проблемы Русской православной церкви / А. А. Кострюков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2, История. История Русской православной церкви. – 2011. – № 42. – С. 124–133.

24. Кострюков, А. А. Преодолевший разделение: к жизнеописанию архиепископа Серафима (Соболева) / А. А. Кострюков // Церковь и время. – 2006. – № 3. – С. 108.

25. Кострюков, А. А. Принятие в юрисдикцию Московского Патриархата священнослужителей Русской зарубежной церкви в Югославии в 1945 г. / А. А. Кострюков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2, История. История Русской православной церкви. – 2008. – № 27. – С. 75–84.

26. Кострюков, А. А. Проблемы церковной истории XX в. на конференции «Православие в судьбе Урала и России» / А. А. Кострюков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2, История. История Русской православной церкви. – 2010. – № 36. – С. 141–143.

27. Кострюков, А. А. Русская зарубежная церковь и автокефалия Польской церкви / А. А. Кострюков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2, История. История Русской православной церкви. – 2010. – № 37. – С. 17–27.

28. Кострюков, А. А. Экзарх Болгарской церкви митрополит Стефан и Московская Патриархия / А. А. Кострюков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2, История. История Русской православной церкви. – 2013. – № 54 (5). – С. 31–43.

29. Курляндский, И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.) / И. А. Курляндский. – М., 2011.

30. Курляндский, И. А. О мнимом повороте Сталина к Православной церкви / И. А. Курляндский // Вопросы истории. – 2008. – № 9. – С. 1–17.

31. Мельникова, Е. Н. Свобода совести в России: исторический и современный аспекты : сб. ст. / сост. и общ. ред.: Е. Н. Мельникова, М. И. Одинцов. – М., 2006. – Т. 3.

32. Мордвинов, С. В. Православное возрождение на Нижней Волге и Дону в 1942–1943 гг. / С. В. Мордвинов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2013. – № 1. – С. 20–25.

33. Обозный, К. П. Богословские курсы в Вильно в 1942–1944 гг. / К. П. Обозный // Вестник церковной истории. – 2008. – № 1 (9). – С. 169–178.

34. Обозный, К. П. Народное образование, Псковская миссия и церковная школа в условиях немецкой оккупации Северо-Запада России / К. П. Обозный // Вестник церковной истории. – 2006. – № 4. – С. 176–206.

35. Обозный, К. П. Некоторые аспекты церковной проблемы лже-священства на примере ситуации временно оккупированных территорий Северо-Запада России в 1941–1944 гг. / К. П. Обозный // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. – 2013. – № 8 (8). – С. 63–83.

36. Обозный, К. П. Псковская православная миссия как фактор церковного возрождения на временно оккупированных территориях Северо-Запада России в 1941–1944 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К. П. Обозный ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2006.

37. Обозный, К. П. Псковская православная миссия как фактор церковного возрождения на временно оккупированных территориях Северо-Запада России в 1941–1944 гг. : дис. ... канд. ист. наук / К. П. Обозный. – М., 2006.

38. Обозный, К. П. Точка бифуркации: Православная церковь в советской России на историческом переломе 1940-х гг. (на примере Северо-Западных обла-

стей)/К. П. Обозный // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. – 2012. – № 5 (5). – С. 9–35.

39. Обозный, К. П. Материалы по истории церкви / К. П. Обозный. Сер. Кн. 40. Материалы по истории Церкви. Том: История Псковской Православной Миссии, 1941–1944 гг. – М., 2008.

40. Одинцов, М. И. Жребий пастыря / М. И. Одинцов // Наука и религия. – 1989. – № 6. – С. 35.

41. Одинцов, М. И. Хождение по мукам. 1939–1945 гг. / М. И. Одинцов // Наука и религия. – 1990. – № 8. – С. 19.

42. Одинцов, М. И. «Кесарево и Божие» / М. И. Одинцов // Наука и религия. – 2007. – № 8. – С. 10.

43. Одинцов, М. И. «Направление мое известно: патриотическое и лояльное к соввласти» письма митрополита Алеутского и Северо-Американского Вениамина (Федченкова) патриарху Московскому и всея Руси Сергию (Страгородскому). 1943 г. / М. И. Одинцов // Исторический архив. – 2014. – № 1. – С. 67–92.

44. Одинцов, М. И. «После литургии был отслужен молебен о даровании победы». Обращения, письма, рапорты к патриарху Московскому и всея Руси Сергию (Страгородскому) из епархий. 1941–1944 гг. / М. И. Одинцов // Исторический архив. – 2011. – № 3. – С. 30–53.

45. Одинцов, М. И. «Проявляйте себя, как подлинно божий, преданный своей родине и своей вере народ». Патриарх Алексей I (Симанский) о патриотической деятельности Русской православной церкви в 1941–1945 гг. / М. И. Одинцов // Исторический архив. – 2006. – № 2. – С. 66–80.

46. Одинцов, М. И. Вероисповедная политика советского государства в 1939–1958 гг. / М. И. Одинцов // Исторический архив. – 1994. – № 3. – С. 7.

47. Одинцов, М. И. Крестный путь патриарха Сергия / М. И. Одинцов // Отечественные архивы. – 1994. – № 2. – С. 71.

48. Одинцов, М. И. Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943) / М. И. Одинцов // Отечественные архивы. – 1995. – № 2. – С. 37.

49. Одинцов, М. И. Хождение по мукам (к истории государственно-церковных отношений в СССР) / М. И. Одинцов // Наука и религия. – 1990. – № 5. – С. 9.

50. Потапова, А. Н. Религиозная политика советского государства и ее осуществление на Южном Урале в 1941–1958 гг. : дис. ... канд. ист. наук / А. Н. Потапова ; Оренбург. гос. пед. ун-т. – Оренбург, 2004.

51. Потапова, А. Н. О контроле денежных поступлений церковных организаций в 1940–1950-е гг. (на примере Чкаловской епархии) / А. Н. Потапова

// История Отечества на рубеже веков: опыт, проблемы, пути решения : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. : в 3 т. – Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2001. – Т. 1. – С. 72–75.

52. Потапова, А. Н. Правовое регулирование деятельности уполномоченных совета по делам Русской православной церкви в 1944–1948-х гг. (на материалах Южного Урала) / А. Н. Потапова // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2013. – № 6 (44). – С. 244–247.

53. Редькина, О. Ю. Власть и церковь в 1943–1950 гг.: проблема церковной патриотической благотворительности (на материалах Нижней Волги и Дона) / О. Ю. Редькина, С. В. Мордвинов // Власть. – 2012. – № 4. – С. 118–121.

54. Редькина, О. Ю. Народная религиозная культура в 1940-х гг.: на примере Сталинградской области / О. Ю. Редькина, С. В. Мордвинов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – № 1. – С. 38.

55. Табунщикова, Л. В. Религиозная политика государства в годы Великой Отечественной войны на территории Ростовской области / Л. В. Табунщикова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2010. – № 3. – С. 86–90.

56. Табунщикова, Л. В. Религиозная политика и отношение к культурам в годы Великой Отечественной войны (на примере Ростовской области) / Л. В. Табунщикова // Культурная жизнь Юга России. – 2011. – № 39. – С. 44–47.

57. Чумаченко, Т. А. Государство, Православная Церковь, верующие, 1941–1961 гг. / Т. А. Чумаченко. – М. : АИРО-XX, 1999. – 246 с.

58. Шадрина, А. В. Летопись церквей города Константиновска / А. В. Шадрина ; Рос. акад. наук, Юж. науч. центр, Ин-т соц.-экон. и гуманит. исслед. – Ростов н/Д, 2012.

59. Шкаровский, М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве / М. В. Шкаровский. – М., 1999.

60. Шкаровский, М. В. История русской церковной эмиграции / М. В. Шкаровский. – СПб., 2009.

61. Шкаровский, М. В. Крест и свастика: Нацистская Германия и Православная церковь / М. В. Шкаровский. – М., 2007.

62. Шкаровский, М. В. Церковь зовет к защите Родины / М. В. Шкаровский. – СПб., 2005.

63. Шкаровский, М. В. Русская церковь и Третий рейх / М. В. Шкаровский. – М., 2010.

64. Якунин, В. Н. Внешние связи Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / В. Н. Якунин // Вестник Самарского государственного университета. – 2003. – № 1. – С. 35.

65. Якунин, В. Н. Правовое положение Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / В. Н. Якунин // История государства и права. – 2003. – № 1. – С. 17–19.

66. Якунин, В. Н. Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / Якунин Вадим Николаевич. – Самара, 2002.

67. Якунин, В. Н. РПЦ в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Якунин // Московский журнал. История государства Российского. – 1995. – № 2.

68. Якунин, В. Н. Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Якунин // Московский журнал. История государства Российского. – 1995. – № 1.

69. Якунин, В. Н. Хозяйственная культура Самарской епархии: формирование доходов духовенства в 1850-е – 1950-е гг. / В. Н. Якунин // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 127–129.

70. Якунин, В. Н. Город Святого креста (церковная история города Ставрополя – Тольятти) / В. Н. Якунин. – Тольятти, 2007.

71. Якунин, В. Н. История Самарской епархии : монография / В. Н. Якунин. – Тольятти, 2011.

**THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
(1989-2014)**

Yakunin Vadim Nicolaevich

Doctor of Science (History), Professor,
Prorector of Innovative and Science-Research Activity,
Volga Region State University of Service
vadyak@mail.ru
Gagarin St., 4, 445677 Togliatti, Russian Federation

Abstract. The modern Russian historiography of the problem of the Russian Orthodox Church during the great Patriotic war is considered in the article.

Key words: the Russian Orthodox Church, religious policy, Church-state relations.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

УДК 321.011
ББК 66.2(2Рос)

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВОЕННЫЕ УГРОЗЫ И РИСКИ

Бирюков Дмитрий Михайлович

Студент кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
888diman888_08@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В настоящей работе был проведен анализ военно-политических угроз и рисков в современной России. Выделены факторы, увеличивающие противоречия между государствами. Дана оценка дальнейшей деятельности СНГ. Анализировано негативное влияние российско-грузинского конфликта и украинского кризиса на образ России на международной арене.

Ключевые слова: глобализация, санкции, международные риски, внешняя политика.

При обсуждении угроз, рисков глобализации и других последствий современных кризисных процессов обращает на себя внимание реакция во Франции, США и в других странах на выводы о наступившем новом «глобальном кризисе» всей цивилизации (Э. Морэн), о необходимости «изменить нашу цивилизацию» (М. Обри и др.), призывы к новой международной экологической политике (А. Гор, Ж. Ширак, Ф. Олланд и др.) [2, с. 132].

Все более серьезные угрозы создает не только череда природных катастроф, но и ряд глубоких кризисных процессов, затронувших человеческие общества, а также международные отношения, включая военно-политические конфликты. Все это обостряется высокой динамикой и взаимозависимостью событий стран, которые идут по пути глобализации всех сфер международной жизни. Неравномерность развития, военные и конфессиональные конфликты, высокий разрыв между уровнями благосостояния, который продолжает расти – все это обостряет противоречия между государствами. Эти факторы увеличивают количество рисков, так как идеи нестабильности, неопределенности и непредсказуемости становятся широко распространенными чертами международной жизни современного мира.

Так, в период с 2016 по 2020 г., с нашей точки зрения, наиболее серьезными станут геополитические и военные риски. Столкновения с США и странами ЕС из-за Украины и Сирии, а также с движением «Талибан» и «Исламским государством» являются реальными угрозами для безопасности России. Также вовлеченность стран НАТО в конфликты на территории стран СНГ и в Центральной Азии может резко возрасти в этот период, после возможной победы на выборах президента республиканца-неоконсерватора в США. Зонай риска могут стать такие стратегические союзники России, как Белоруссия и Казахстан, если произойдет смена лидеров в этих странах. Из-за снижения авторитета к международным институтам безопасности и ухудшения глобальной управляемости впоследствии будут падать возможности мирного урегулирования конфликтов. В этот период эскалация локальных конфликтов может создать реальную угрозу ядерной войны стран НАТО с Россией, включая прямое военное столкновение.

Подобные риски тем более реальны с учетом резкого ухудшения отношений России с Западом, поставивших весь мир на грань новой холодной войны после российско-грузинского вооруженного конфликта и кризиса на Украине.

Анализ российско-грузинского конфликта показал, что США и Евросоюз болезненно воспринимают и продолжают воспринимать стремление России стать самостоятельным центром силы в меж-

дународных отношениях. Этот конфликт стал настоящим испытанием для нашей страны. В процессе столкновения России в грузино-югоосетинской войне отечественные войска впервые после завершения Второй мировой войны столкнулись с высоко подготовленной и вооруженной армией. В итоге стало очевидно, что грузинские войска, обученные и укомплектованные по стандартам НАТО, не способны эффективно противодействовать России. Россия одержала полное военное и моральное превосходство над грузинской армией, которая до этого считалась лучшей в регионе и на обучение которой Саакашвили и его западные партнеры истратили миллионы долларов.

Однако нельзя не признать, что Вооруженные Силы России на первом этапе понесли большие потери, что свидетельствовало о недостаточно высокой боеспособности. Важнейшим фактом, с нашей точки зрения, является то, что Россия во время конфликта оставалась в полном дипломатическом и информационном одиночестве. Ни одно из государств СНГ, включая Белоруссию, не заявили о солидарности с Россией. Это, в свою очередь, говорит о том, что страны СНГ, с одной стороны, не желают полностью солидаризироваться с Россией, опасаясь слишком сильно испортить свои отношения с Западом, а с другой – они не заинтересованы в ее усилении [3, с. 253].

Кризис на Украине также угрожает безопасности РФ. Важнейшими результатами кризиса для России явились:

1. Удар по военному потенциалу России в связи с разрывом военно-политического сотрудничества с Украиной.

2. Удар по экономике страны в связи с санкциями.

Однако не стоит забывать, что Европейский союз продолжает оставаться основным торговым партнером России. Доля ЕС в экономике страны в январе – апреле 2014 г. составляла 49,2 % российского товарооборота (из них 70,5 % приходилось на экспорт и 29,5 % – на импорт). Россия входит в тройку ведущих партнеров ЕС (после США и Китая), несмотря на то что в январе – апреле 2014 г. объем товарооборота России с Евросоюзом сократился на 3,4 % по сравнению с этим же периодом прошлого года и составил 130,2 млрд долл. США; экспорт России уменьшился на 2,7 % и составил 91,2 млрд долл. США, а импорт упал на 5,0 % до

уровня 38,9 млрд долл. США. Положительное сальдо России в торговле со странами ЕС за указанный период составило 52,3 млрд долл. США [4, с. 122].

Поэтому, хочется верить, что в среднесрочной перспективе мы увидим обоюдное ослабление санкций.

3. Неоднозначные действия стран СНГ, которые опасаются действий России. (Так, например, была усилена боевая готовность Казахстана на севере страны, однако открыто правительство Казахстана не осуждало действий России.) С новой силой могут вспыхнуть территориальные конфликты стран СНГ, уже активизируются действия Молдавии, Армении, Азербайджана по этому поводу. Встал вопрос о целесообразности существования СНГ [1, с. 122].

Современная ситуация для России выглядит очень серьезной, напряженной. На наших границах идет концентрация военной силы как наших стратегических противников, так и союзников, в данных условиях необходимо налаживать контакты со странами СНГ, Центральной Азии. Требуются радикальные решения и более решительные действия для предотвращения возможных военно-политических конфликтов на наших границах.

Список литературы

1. Разоружение и безопасность 2013–2014 гг. Стратегическая стабильность: проблемы безопасности в условиях перестройки международных отношений / отв. ред. А. Г. Арбатов, Н. И. Бубнова. – М. : ИМЭМО РАН, 2014. – 245 с.

2. Тимофеев, В. П. К сотрудничеству, а не к конфронтации // Глобальные риски XXI века: пределы регулирования / В. П. Тимофеев ; под ред. Н. П. Шмелева [и др.]. – М. : Ин-т Европы РАН, 2013. – С. 132–138.

3. Цыганок, А. Д. Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 г. / А. Д. Цыганок. – 2-е изд., доп. – М. : АИРО-XXI, 2011. – 352 с.

4. Товарооборот России с Евросоюзом за четыре месяца 2014 г. составил 130,2 млрд долл. // Минэкономразвития России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/foreignEconomicActivity/201407107>. – Загл. с экрана.

CONTEMPORARY RUSSIA
IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION:
MILITARY THREATS AND RISKS

Biryukov Dmitry Mihaylovich

Student, Department of Political Science,
Volgograd State University
888diman888_08@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In this paper, an analysis of the military-political threats and risks in today's Russia. The factors that increase the contradictions between states. The estimation of future activities of the CIS. Analyze the negative impact of the Russian-Georgian conflict and the Ukrainian crisis on Russia's image in the international arena.

Key words: globalization, sanctions, international risks, foreign policy.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

**«ЧУДО ВОЙНЫ СТАЛИНГРАД»
(СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА ГЛАЗАМИ
АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ СОЮЗНИКОВ)**

Быстрова Ирина Владимировна

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института российской истории Российской академии наук
irin-bystrova1@yandex.ru
ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Сталинградская битва явилась ключевым событием Второй мировой войны, значение которого наиболее высоко оценивалось лидерами и представителями главных союзников СССР – США и Великобританией. В статье показано, как события битвы за Сталинград влияли на развитие союзнических отношений стран «Большой тройки». Особое внимание уделено роли личных контактов между союзниками, включая конференции, визиты и личные впечатления иностранцев от посещения района Сталинграда в 1942–1945 годах.

Ключевые слова: Сталинградская битва, «Большая тройка», личные контакты, Ленд-лиз, второй фронт.

Вторая мировая война явилась невиданным по масштабам, жесточенности и потерям столкновением двух коалиций стран. Агрессивному блоку стран Оси, который стремился к завоеванию мирового господства, противостояла очень неоднородная и противоречивая коалиция стран так называемого «Большого союза». Важнейший вклад в победу над агрессорами внесли страны «Большой тройки» – СССР, США, Великобритания, а также Китай, который понес многомиллионные потери в этой войне.

Переломным событием в ходе всей войны стала беспрецедентная по размаху, и по упорству сопротивления советских людей сравнимая, возможно, только с битвой за Ленинград, Сталинградская битва, продолжавшаяся с июля 1942 до начала февраля 1943 года. Судьбоносное значение этого сражения хорошо пони-

мали союзники СССР по «Большой тройке», как лидеры стран, так и генералы, промышленники, деятели культуры, посещавшие СССР в годы войны, и простые люди. «Петля судьбы» (У. Черчилль), «чудо войны Сталинград» (американский сенатор Д. Моррей), «стальной город» и многие другие восторженные оценки давались Сталинграду как в период его героической обороны, так и в период контрнаступления советских войск. Победа вызвала всеобщее ликование в разных уголках мира.

Символом благодарности героическим защитникам города стала почетная грамота Сталинграду, присланная президентом США Ф. Рузвельтом. Президент оценил эту победу как «поворотный пункт войны союзных наций против сил агрессии». Король Великобритании Георг VI в знак «восхищения не только народов Британской империи, но и всего цивилизованного мира» отдал приказ об изготовлении Почетного меча городу Сталинграду, на котором с двух сторон на русском и английском языках была выгравирована надпись: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами – гражданам Сталинграда, в знак уважения к ним английского народа» [1, с. 406].

Во время Тегеранской конференции – первой личной встречи всех трех лидеров «Большой тройки» – И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля, 29 ноября 1943 г. прошла торжественная церемония передачи «Сталинградского меча» советской делегации. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль передал меч И.В. Сталину. Лидеры двух стран, лично знакомые еще с момента визита Черчилля в Москву в августе 1942 г., обменялись благодарственными речами, присутствовавшие на конференции салютовали Сталинграду. Не случайно во время этой судьбоносной личной встречи трех лидеров, к которой они готовились около года (с декабря 1942 г.), именно Сталинград был особо отмечен руководителями «Большой тройки», хотя к этому времени (ноябрь 1943 г.) СССР одержал ряд других крупнейших побед (битва под Москвой, Курская битва).

Вообще личные отношения между руководителями трех стран, как известно, играли немалую роль в ходе войны. Отраженный в личной переписке, записях бесед и решениях совмест-

ных конференций, «военный альянс» между И.В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом дал новый опыт решения военно-стратегических, оперативных и общеполитических проблем, сформировал своего рода «клуб» или личную унию трех лидеров, решавших в то время судьбы мира. Каждый из этих лидеров являлся выдающейся личностью, внесшей огромный вклад в историю своей страны. Насколько бы напряженными или даже враждебными ни были отношения между ними до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. и существенными расхождения по проблемам второго фронта, Ленд-лиза, послевоенного устройства мира, они смогли хотя бы на время совместной борьбы против фашистской коалиции отчасти преодолеть разногласия. Немалую роль в формировании в странах «Большой тройки» новой формулы сотрудничества сыграли личные контакты между представителями союзников на разных уровнях – военных, дипломатических представителей, промышленников, журналистов, деятелей культуры, посещавших СССР в годы войны; на уровне повседневных контактов между рядовыми советскими людьми и иностранцами.

Формирование хотя бы и временного военного союза между государствами с разными общественными системами проходило очень трудно. В 1942 г., когда разворачивалась Сталинградская битва, союзники по антигитлеровской коалиции терпели серьезные поражения от стран Оси на различных фронтах – в Азии, Северной Африке, в СССР на южном направлении (особенно тяжелым было лето 1942 г.).

Даже после блестящей победы Красной Армии под Москвой противники СССР в США продолжали развивать мысль, что в дальнейшем СССР может не выдержать натиска немцев. После нападения Японии на США возобновились дискуссии о сокращении военной помощи СССР и даже Англии и сосредоточении всех военных ресурсов для обеспечения нужд американских Вооруженных сил. 1942-й стал годом интенсивной борьбы в политических, военных кругах, в общественном мнении и средствах массовой информации по вопросу о необходимости помощи СССР. К числу аргументов противников относились следующие: «СССР продолжает поддерживать нормальные отношения с Японией» и

не может считаться «надежным союзником» США, «нельзя быть уверенным, что в случае успешного наступления Германии весной сего года СССР не заключит сепаратного мира с Германией». Однако уже к концу февраля 1942 г. во многом благодаря твердой позиции Президента Рузвельта в пользу поддержки СССР был достигнут консенсус в вопросе о необходимости продолжения помощи. К примеру, в передовой статье от 23 февраля 1942 г. даже консервативной газеты «World Telegram» говорилось: «В эти мрачные времена мы каждый день обращаемся к сообщениям из России для получения более яркой перспективы и бодрости. Русские дают миру неоценимое доказательство, что Гитлер не непобедим. Они показывают военную силу и искусство первого разряда. Они хорошо заслужили те денежные средства и все то военное оборудование, которое мы США можем им послать. Мы должны только ценить и выражать восторг по отношению к ним как к нашим военным союзникам».

Самым острым пунктом разногласий между союзниками в 1942 г. (как и в следующем 1943 г.) являлся, безусловно, вопрос об открытии второго фронта в Европе. Особой остроты обсуждение этого вопроса в средствах массовой информации союзников достигло после известного визита лидера республиканской партии У. Уилки в СССР и Китай в конце августа 1942 года. Это был период, когда после летних поражений на южном направлении советско-германского фронта было тяжелое положение, шло интенсивное наступление немцев на Сталинград и Кавказ, и в некоторых неофициальных выступлениях советских дипломатов проскальзывали намеки, что Сталинград может не устоять. В отличие от многих посещавших СССР представителей союзников, Уилки скептически относился к сотрудничеству с СССР. Однако после поездки в публичных выступлениях он утверждал, что «США еще не заявили свою определенную программу целей в этой мировой войне», и настаивал на открытии второго фронта. Этот визит был одной из первых серьезных попыток наладить и личный контакт со странами, которые несли наибольшие человеческие и материальные потери в войне. Любой визит, любое личное впечатление от поездки в СССР в военное время, как прави-

ло, вызывали подъем желания помочь СССР, и очередную волну пропаганды в странах-союзницах в пользу более активного участия в войне.

«Эгоистическая» стратегия «экономии сил», которую проповедовали многие американские, так же как и английские военачальники, вызвала критику внутри США. Лейтмотивом таких настроений было противопоставление героизма и жертвенности русских, символом которого служило «сверхчеловеческое сопротивление» Сталинграда, достигшее апогея в период со второй половины сентября до середины ноября 1942 года [2, с. 43–83].

В самый драматический период обороны Сталинграда журналистка Дороти Томпсон в газете «New York Evening Post» призвала к началу совместных боевых действий с СССР во имя «самосохранения» США: «Серьезнее нашего военного положения быть не может. Никакие достижения в Тихом океане или в Египте или в воздушных боях над Западной Европой не являются компенсацией за поражение России. Судьбы русского фронта определит продолжительность войны и число американских и английских жизней, которые придется затратить для выигрыша ее, если бы Россия пала...

Наши русские союзники сражаются с доблестью превыше всяких похвал. Их сопротивление под Сталинградом является одним из тех чудес, которое тщетно призывал Поль Рейно во Франции. Но не одна доблесть не решает исход в этой борьбе, а мы даже доблести этой не помогаем...

Мы стоим лицом к лицу с... возможностью, что скоро немецкие войска достигнут Каспийского моря и перережут волжскую жизненную артерию России... Русская армия... не будет иметь достаточно нефти и... утратит свою главную наступательную мощь.

Далее, южная линия снабжения России будет отрезана, главные пищевые районы уже утрачены, и стальной центр Сталинград в развалинах. Последствия для нас состоят в том, что немцы получают возможность в следующем году вести оборонительную войну в России и перевести более сотни дивизий на Запад...

Русские потеряли за лето угольные шахты Донбасса... Русскому населению предстоит суровая голодная зима, Русская Ар-

мия будет зависеть от припасов с Запада, которые будет очень трудно доставлять им».

Подобные рассуждения перекликались с оценками американских военных в Комитете начальников штабов, которые на протяжении всего Сталинградского сражения неоднократно обсуждали вопрос под названием «Действия в случае поражения России».

Впрочем, в статье содержался и более оптимистический прогноз возможных перспектив Сталинградского сражения, который реализовался на практике благодаря беспримерному героизму советских людей, и ошибкам гитлеровского руководства: «...в России еще имеются большие резервы. И если русские способны начать успешное контрнаступление поздней осенью этого года или ранней зимой, как в прошлом году, то имеется все еще шанс осуществить благоприятный поворот в войне против наций, которые также в состоянии перенапряжения».

Общественность стран-союзниц, и политические лидеры, и военные аналитики – все остро нуждались в правдивой информации о реальном положении на советско-германском фронте. Но информация эта строго дозировалась советским военно-политическим руководством. В личных и секретных посланиях У. Черчиллю и Ф. Рузвельту И.В. Сталин очень кратко информировал лидеров «Большой тройки» о крайне волнующих их вопросах. Так, в послании Рузвельту от 14 ноября он указывал: «На советско-германском фронте за последнюю неделю не произошло каких-либо серьезных изменений. В ближайшее время думаем начать нашу зимнюю кампанию. Сейчас идет подготовка к ней». 20 ноября были отправлены послания и Черчиллю, и Рузвельту с одним текстом: «Начались наступательные операции в районе Сталинграда, в южном и северо-западном секторах. Первый этап наступательных операций имеет целью захват железнодорожной линии Сталинград – Лихая и расстройство коммуникаций сталинградской группы немецких войск. В северо-западном секторе фронт немецких войск прорван на протяжении 22 километров, в южном секторе – на протяжении 12 километров. Операция идет неплохо» [3, с. 36–37].

Ничто не могло заменить личного впечатления, поэтому представители союзников так настойчиво обращались с просьбами к Сталину и Молотову разрешить им поездки на фронт. Однако постоянный персонал военных миссий союзников в СССР, как правило, получал такие разрешения с большим трудом. Как писал помощник военного атташе США в Москве подполковник Ричард Парк в отчете в Комитет начальников штабов США от 25 января 1943 г., «в течение одиннадцати месяцев в России он практически не получал информации от Советов в отношении их операций на фронте. Было множество трудностей, с которыми он сталкивался в получении информации о русских операциях. Русские брали его в окрестности фронта и объясняли, что за сражение там идет, но из-за расстояния, погодных условий и т. д., он ничего не мог увидеть».

Попасть на фронт ему удалось только благодаря визиту генерала Хэрли. Лидеры «Большой тройки», в особенности Президент Рузвельт, неоднократно посылали в СССР своих личных представителей со специальными «миссиями», чтобы увидеть происходящее на фронте своими глазами. В разгар Сталинградского сражения, в ноябре 1942 г., в Москву прибыл американский генерал Патрик Хэрли, которому удалось добиться успеха в этом вопросе: «генерал Хэрли, будучи динамичной личностью, уговорил Сталина разрешить американцам посетить какой-либо из активных фронтов. Были выбраны районы реки Дон и Кавказа. Эта поездка, которая продолжалась месяц, была удачной. Было получено хорошее общее описание, но многие детали отсутствовали. Русские просто не объясняли свои операции в деталях».

По описанию Парка, группа американцев «покинула Москву и отправилась в город Серафимович на реке Дон. В городе находился штаб пяти русских армий. Во время пребывания здесь командующий офицер сообщил Миссии, что русские знали точно, где находились войска стран “Оси” в любое время. Это достигалось в основном путем наблюдений с воздуха. Американская миссия не увидела в этом районе скоплений немцев. Казалось, что все боевые действия ведутся румынской армией, и ее сопротивление очень слабое. Их моральный дух был в плохом состоянии, их вооружение

было слабым, и они, очевидно, бросили тысячи и тысячи своих лошадей, которые дико бродили по Донскому бассейну. По контрасту, русские солдаты были очень сильны, хорошо экипированы, под блестящим руководством, и с высоким моральным настроем.

Генерал Хэрли решил, что миссия Соединенных Штатов обследует с целями наблюдения одну дивизию. Везде, куда бы генерал ни пришел, русские его хорошо принимали. Русским солдатам, то есть рядовым, нравились американцы, но не нравились англичане. Подполковник Парк констатировал, что русский солдат не имел вообще никакого толку от британцев.

Все армии в этом районе снабжались из Москвы. Коммуникации были не очень хорошие. Главная дорога была абсолютно лишена средств обслуживания, и линии были крайне протяженными. Большие операции снабжались через одну только железнодорожную разгрузочную станцию на линии... В деле доставки оборудования к войскам русские коммуникации во многом зависели от крестьян. Любой человек с телегой, или с лошадей, или с тачкой, включался в линию коммуникации. Полковник Парк объяснял, что в этом заключался ключ к успехам русских в снабжении войск. Немцы осуществляли снабжение воздушным транспортом.

Русские окружили 6-ю немецкую армию между излучинами Дона и Волги, но не могли прервать их линии снабжения, поскольку немцы осуществляли снабжение по воздуху. Парк полагал, что 6-я армия могла продержаться еще некоторое время. Во время визита в этот район американская миссия видела много использовавшихся материалов из Соединенных Штатов, особенно грузовиков. Во время путешествия в сектор Дона самолетов и танков США не было видно» [4, box 212].

С советской стороны поездка строго контролировалась органами безопасности. По данным органов НКВД, поездка миссии Хэрли состоялась с 28 ноября по 7 декабря: «Американцы вели личное наблюдение, встречались и беседовали с советскими солдатами, офицерами и генералами, собирали военную и политическую информацию, которая давала им наглядное представление об обстановке в районе Сталинграда в первые дни контрнаступления Красной Армии. Хэрли, посетив центральный участок (около

30 дивизий) северной части кольца окружения немецко-фашистских войск (22 дивизии) в Сталинграде, заключил, что части Красной Армии не позволят выйти из окружения в районе Сталинграда германским войскам и их союзникам» [5, с. 29].

И через много месяцев после победного окончания решающего сражения Второй мировой войны Сталинград производил неизгладимое впечатление на посещавших его представителей союзников. Советский дипломат И.М. Майский писал в своем дневнике: «Поездка в Сталинград с американской делегацией в межсоюзной репарационной комиссии, 14 июня 1945 г.»: При осмотре города всех американцев поразили две вещи: «колоссальность разрушений; энергия и бодрость сталинградцев в восстановлении города». Гостям «бросилась в глаза поношенность платья и обуви у сталинградского населения, а также недостаток всякого рода ширпотреба».

Вместе с тем, по словам Майского, «самый вид сталинградцев им очень импонировал. Я ездил все время в одной машине с Поули и Любиным и слышал те замечания, которыми они обменивались по поводу всего встречавшегося по пути...

...Любин: Посмотрите, как ходят сталинградцы: каждый орган свободен и энергично двигается, – совсем как у нас, в Америке.

Поули: Да, это сильный народ.

Л.: Посмотрите, вот эти три девушки, которые сейчас прошли: оденьте их в другие платья, и они будут совсем, как три девушки в Нью-Йорке.

П.: Да, они похожи на американок» [6, л. 54–55].

Аналогичными были впечатления и остальных членов делегации.

Эти сталинградцы олицетворяли для союзников советский народ, который стал освободителем человечества от фашистской угрозы, и сам почувствовал себя свободным, и с оптимизмом смотрел в будущее.

В целом личные контакты стали в годы войны уникальным «мостом дружбы» между странами «Большой тройки», который способствовал налаживанию экономического и боевого сотрудничества для достижения общей Победы.

Список литературы

1. Ржешевский, О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945 гг. / О. А. Ржешевский. – М. : Наука, 2004.
2. Куманев, Г. А. Сталинградская битва : (Краткий военно-исторический очерк, документы, материалы) / Г. А. Куманев. – М. : МППА БИМПА, 2007.
3. Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентом США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 2.
4. Remarks by Lt. Col. Richard Park, Jr., U.S.A., American Military Attache in Russia, 25 January, 1943 // National Archives. College Park. – R.G. 218. Geographic file, 1942-1945. – Box 212.
5. Христофоров, В. С. «Сталинград яркой звездой будет сиять на страницах истории...» / В. С. Христофоров // Родина. – 2013. – № 1.
6. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. Секретариат И.М. Майского. – Оп. 1. – Пор. 3. – Папка 1 (неопубл.).

**“MIRACLE OF WAR STALINGRAD”
(THE BATTLE OF STALINGRAD IN THE EYES
OF ANGLO-AMERICAN ALLIES)**

Bystrova Irina Vladimirovna

Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher,
Institute of Russian History of RAS
irin-bystrova1@yandex.ru
Dmitriya Ulyanova St., 19, 117036 Moscow, Russian Federation

Abstract. The battle of Stalingrad was the key event of World War II, which was most highly estimated by the leaders and representatives of the main Allies of the USSR – the USSR and Great Britain. This article shows how the events of the battle of Stalingrad influenced the development of relations between the “Big Three” countries. Special attention is devoted to the role of personal contacts between the Allies, including conferences, visits and personal impressions of foreign representatives to the area of Stalingrad in 1942-1945.

Key words: the battle of Stalingrad, the Big Three, personal contacts, Lend Lease, the second front.

УДК 94(48).083: 327+929

ББК 66.49 (0)

ПЕРЕГОВОРЫ И.В. СТАЛИНА С С. КРИППСОМ, ИЮЛЬ 1941 ГОДА. НОВЫЕ АКЦЕНТЫ

Голуб Юрий Григорьевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
goloub@sgu.ru
ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются переговоры И.В. Сталина с британским послом С. Криппсом 8 и 10 июля 1941 г., в ходе которых обсуждалось юридическое оформление советско-английских союзнических отношений, а также инициированный Сталиным вопрос об Иране. Именно этот дипломатический ход Сталина, исходившего из понимания обоюдной заинтересованности сторон не допустить попадания Ирана под германский контроль, дал возможность найти единый алгоритм действий, создав благоприятный фон для заключения рамочного документа о союзе СССР и Великобритании.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, Германия, Иран, Сталин, Черчилль, Криппс, Иден, Молотов, Вторая мировая война.

В предвоенные годы И.В. Сталин редко позволял себе заниматься практической дипломатией. Среди таких исключений – переговоры с британским министром иностранных дел Э. Иденом в 1935 г., с германским министром иностранных дел И. Риббентропом в 1939 г., с японским министром иностранных дел Ё. Мацуокой в 1941 году. Нападение нацистской Германии на Советский Союз многое изменило. Глава советского правительства стал все чаще сам подключаться к обсуждению важнейших тем с зарубежными представителями, пренебрегая порой протокольными условностями.

В числе первых дипломатов, кого Сталин принял после начала войны, был британский посол С. Криппс¹. В начале июня 1941 г.

он выехал в Лондон формально для консультаций со своим правительством. Уже после нацистского нападения на СССР 27 июня Криппс вернулся в Москву [8, р. 15; 7, р. 163]. Вместе с ним были члены английской военной и экономической миссий [2, с. 861].

Приезд британских представителей позволял придать советско-британским контактам в Москве и более высокий уровень, и новый импульс. Сразу же в день приезда состоялись две встречи С. Криппса с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым [4, с. 46–50]². На следующий день, 28 июня, С. Криппс посетил наркома внешней торговли А.И. Микояна [4, с. 59–61].

8 июля Криппс был принят в Кремле председателем Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталиным. В связи с этим нельзя не отметить, что Сталин принимал зарубежных послов довольно редко. Их единственная встреча с Криппсом состоялась за год до этого, 1 июля 1940 г., после прибытия последнего в качестве посла в СССР [2, с. 74–77]. Хотя официальным поводом для новой встречи 8 июля 1941 г., как и в предшествующий раз, стала передача послания У. Черчилля [6, с. 16] главе советского правительства, личное подключение Сталина к дипломатическому процессу имело серьезные основания. И, забегая вперед, можно сказать, сыграло определяющую роль в оформлении советско-английских союзнических отношений.

В ходе весьма продолжительной беседы, особенно учитывая разный статус собеседников, было затронуто фактически два вопроса. Дав по просьбе Криппса оценку положению на советско-германском фронте и определив ее как напряженную, Сталин перешел к главному: к возможному соглашению между СССР и Великобританией. Именно в этом вопросе сошлись в нелегком споре искушенность государственного деятеля и мастерство политика, ставшего дипломатом. Сталин сразу же обострил диалог. Он отметил, что «у советского правительства создалось плохое впечатление в связи с непонятной позицией, занятой английским правительством». И продолжил: «Советскому правительству кажется, что Великобритания не хочет связывать себя с Советским Союзом каким-либо соглашением» [4, с. 120].

Криппс явно не ожидал такой прямой и жесткой оценки. Он пустился в пространное объяснение британской позиции. «Мы, – заявил Криппс, – не хотим заключать соглашения до тех пор, пока не пройдем вместе имеющий место в настоящий момент период экономического и военного сотрудничества. История последних лет делает нежелательным стремительное, непродуманное, скоро испеченное соглашение» [4, с. 120].

Чем больше он говорил, тем ему самому, как представляется, становилась очевидной неубедительность собственной аргументации. Сталин, не удержавшись, выразил удивление по поводу заявления Криппса о каком-то будто бы торопливом и стремительном соглашении. «Как Англия, так и Советский Союз находятся в войне против Германии, а эти факты обойти нельзя. Сотрудничество же, о котором говорит Криппс, немислимо без соглашения», – отрезал Сталин. Посол попробовал смягчить возникшую остроту. Он высказался в том смысле, что, «возможно, существует неясность в трактовке самого слова «соглашение». Сталин сразу же разъяснил Криппсу, как он понимает значение этого слова. И добавил: «Советское правительство не ставит вопроса об установлении сфер влияния. Советское правительство также не думает на данной стадии заключить соглашение относительно того, какая сторона и сколько выставит вооруженных сил против Германии. Сейчас стоят более элементарные вопросы – не создавать иллюзии, что Англия изолируется от СССР, а СССР от Англии, и заключить пакт взаимопомощи. В то время как у Гитлера имеется коалиция, в отношениях между Англией и СССР создается впечатление изолированности. Коалиции нужно противопоставить коалицию, а не изоляцию» [4, с. 120–121].

Исчерпав все свои доводы, Криппс предположил, что, возможно, в беседе с Молотовым имело место недоразумение. Сталин намек понял и дал шанс собеседнику, допустив, что, возможно, посол не понял Молотова или, может быть, Молотов не вполне ясно выразился на счет позиции советского правительства. Почувствовав некую разрядку, Криппс попытался вернуть утраченные в разговоре позиции и заявил, что, «как он понял Сталина, необходимо иметь соглашение или обмен нотами по вопросу об

оказании обеими странами друг другу помощи и об обязательстве не заключать с Германией сепаратного мира». Сталин ответил, что посол понял его в основном правильно.

Криппс позволил себе расслабиться. Он подумал, что обыграл советского лидера, отстояв свою позицию. Именно так можно воспринять его фразу о готовности «проинформировать свое правительство... что, по его мнению, лучшим способом заключения соглашения будет обмен ногами». То есть он за соглашение, но соглашение как такого не будет, будет обмен ногами. Англичанин, наверное, решил во всей красе продемонстрировать изощренность своего адвокатского прошлого. Он еще плохо знал Сталина и недооценил его мастерство полемиста.

Чуть отступив, «ослабив хватку», Сталин, подводя итоги обсуждения этого вопроса, вновь подтвердил свою исходную позицию. Как само собой разумеющееся, он отметил, что способ заключения соглашения «является вопросом частным, однако, по его мнению, было бы лучше сделать так, как это делается обычно при заключении пакта о взаимопомощи, а именно подписать соглашение». «Если же такой пакт для Англии неудобен и нецелесообразен, то это надо сказать ясно и прямо. Что касается меня, то я думаю, что настоящая обстановка требует заключения такого пакта, а обмен ногами даст очень мало», – загнал собеседника в угол председатель Совнаркома. Криппс был вынужден заверить Сталина в том, что «он всегда хотел заключения подобного пакта между Англией и СССР». И попытался сохранить свое репутацию, полностью отказавшись от прежней аргументации и сославшись теперь «на некие группировки в Англии и США, которые еще нужно убедить в необходимости сотрудничества между СССР и Англией». Поэтому, по мнению посла, «заключение соглашения, возможно, окажется преждевременным». Однако и этот довод не поколебал Сталина, который заметил, что «будет еще более опасно опоздать с заключением подобного соглашения». Криппс понял, что исчерпал свои аргументы и что дальнейшая пикировка с главой советского правительства может создать о нем негативное впечатление у собеседника. Ему не осталось ничего другого, как выразить надежду, что ему удастся уговорить свое прави-

тельство заключить предлагаемый Сталиным пакт. «Однако это потребует времени», – не смог сдержать себя англичанин. И следующей пафосной фразой попытался исправить оплошность: «В настоящий же момент каждый день сотрудничества приближает день заключения такого соглашения». Сталин не стал скрывать раздражения, откровенно заметив, что «не видит какого-либо сотрудничества между обеими странами. Пока это только разговоры о сотрудничестве».

В разговоре все явственнее стало ощущаться отчуждение. Пытаясь его преодолеть, Криппс заявил, что главной целью обеих сторон является соглашение против сепаратного мира. Сталин возразил, что главное не в этом. Главное в том, по его мнению, «чтобы создать ясность в вопросе о взаимоотношениях между Англией и СССР. Обстановка требует заключения соглашения о взаимной военной помощи между нашими странами... Готово ли к этому английское правительство? В этом суть вопроса». Посол, заверив советского руководителя в том, что он сделает все от него зависящее, перевел разговор в практическую плоскость. Он поинтересовался, где будет лучше, по мнению Сталина, вести переговоры, в Москве или в Лондоне. Сталин предпочел Москву [4, с. 120–121].

Дипломатическая пикировка завершилась. Важный шаг к возможному началу переговоров о заключении рамочного соглашения о союзе в войне СССР и Великобритании был сделан. Роль Сталина в таком исходе встречи с британским послом, думается, очевидна. Но согласие Криппса на начало переговорного процесса отнюдь не означало предопределенности именно такого развития событий. Конечно, от позиции посла и его рекомендаций своему руководству зависело многое. Однако окончательное слово, быть переговорам или нет, оставалось за Даунинг-стрит. Вот почему Сталин счел необходимым продолжить встречу и сделал блестящий дипломатический ход. Зная об особой заинтересованности англичан в сохранении своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке, советский руководитель поднял тему, которая не только не могла не заинтересовать Лондон, но и должна была стимулировать британский кабинет на ско-

рейшее юридическое оформление отношений между СССР и Великобританией.

Неожиданно для Криппса Сталин заговорил о большом скоплении немцев в Иране и в Афганистане, которые, как он заявил, «будут вредить и Англии и СССР». Сталин поинтересовался точкой зрения посла относительно возможных мер, необходимых для их изгнания из этих стран «сейчас, так как потом это сделать будет трудно» [4, с. 122–123].

Криппс активно подхватил тему, ответив, что англичане уже делали иранцам представление в связи с пребыванием в стране немцев. По его мнению, «оба правительства должны сделать шаху или министру иностранных дел Ирана демарш с предложением удалить пятую колонну». Если Советское правительство даст соответствующие инструкции Майскому³, – продолжал Криппс, – то он со своей стороны информирует Идена по тому же вопросу. И добавил, что имел беседу с афганским послом по вопросу о немцах. Тот сообщил ему, что, кроме немецкой миссии в Кабуле, в Афганистане немцев практически нет. Тем не менее Криппс предложил Сталину, чтобы Молотов сделал представление афганскому послу. Сам же Криппс обещал снести с английским посланником в Кабуле и выяснить вопрос о немцах.

Сталин в связи с этим заметил, что читал донесение советского посла в Кабуле, в котором говорилось о разговоре посла не то с посланником, не то с военным атташе английской миссии о необходимости выбросить немцев из Афганистана. Считая высказывания представителя английской миссии, сказал Сталин, мнением английских кругов, он и решил обсудить на этой встрече вопрос о немцах. Криппс в ответ обещал снести с своим правительством по вопросу о принятии мер в Иране, и если имеется опасность, то и в Афганистане. Сталин отметил, что опасность существует как в Иране, так и в Афганистане, и что «советское правительство уделяет внимание этому вопросу, особенно в отношении Ирана, потому что оно опасается за нефтяные промыслы Баку» [6, с. 73].

В заключение беседы Сталин, опираясь на совпадение позиций Лондона и Москвы по поводу немецкого присутствия в Ира-

не, посчитал уместным вернуться к главной теме разговора. Он заявил, что у него создается впечатление, что Англия в настоящий момент не может пойти на заключение пакта о взаимопомощи. Криппс посчитал недопустимым для себя на такой ноте завершить встречу с советским лидером. Это же, наверное, понимал и Сталин, подводя именно такой итог беседы. Не согласившись со сталинским выводом, посол был вынужден заявить, что «Черчилль стремится к тому, чтобы заключить подобный пакт». И стал весьма эмоционально объяснять британскую позицию. Выслушав, Сталин счел необходимым, тем не менее, выразить обеспокоенность: «Есть опасность опоздать с соглашением». Прощаясь со Сталиным, Криппс обещал немедленно связаться со своим правительством по затронутым в беседе вопросам [4, с. 123].

Таким образом, Сталин, как представляется, смог убедить собеседника в необходимости безоговорочного заключения советско-английского соглашения. Криппс действительно сразу же доложил об итогах переговоров в Лондон [10, FO 371/27230/E3707], где для их обсуждения было созвано специальное заседание военного кабинета. Ответ Черчилля не заставил себя ждать. В письме премьер заверял Сталина, что британская сторона всецело одобряет предложение о согласованной англо-советской декларации и считает, что ее подписание «должно было бы состояться тотчас же по получении ответов от правительств доминионов и что немедленно вслед за этим следовало бы предать ее гласности» [6, с. 17].

Конфиденциальное послание британского премьера было вручено Сталину 10 июля 1941 г. на новой встрече посла Криппса и главы советского правительства. Криппс, огласив послание, вручил Сталину его русский текст. При этом он добавил, что в целях ускорения подписания соглашения он по личной инициативе набросал проект соглашения, которое, по его мнению, отражает точку зрения английского правительства, и ознакомил с ним собеседника. Прежде чем начать его обсуждение, Сталин поинтересовался у посла, почему бы не назвать предлагаемый проект документа соглашением? Криппс объяснил, что при составлении проекта ему пришлось руководствоваться посланием Черчилля. В нем премьер

называет документ «согласованной декларацией». Приняв к сведению разъяснение Криппса, Сталин предложил конкретизировать первый пункт проекта. Криппс согласился, хотя и не увидел в этом большого смысла. Поскольку разговор плавно перетекал в обсуждение дипломатических формулировок, Сталин пригласил к участию в беседе Молотова. В итоге от части сталинской поправки решили отказаться. Криппс получил согласие Сталина отправить в Лондон проект соглашения как одобренного советским правительством. Обменявшись шутками, собеседники вернулись к обсуждению названия документа, по поводу которого вновь выявились разные подходы. Сталин поинтересовался у Криппса, как все же будет называться согласованный документ. «Это будет соглашение в форме декларации», – ответил посол. Сталина это не устроило, он полагал, что «договор» будет весомей. Возразив Сталину, что декларация меньше обязывает, чем соглашение, Криппс предложил назвать документ или «Согласованной декларацией», или «Декларированным соглашением». Сталин стоял на своем. «Пусть лучше пройдут месяцы, но пусть обе стороны выработают настоящий документ, определяющий их сотрудничество», – отбросив недавний шуточный тон, заявил Сталин. Криппс, как мог, пытался свести обе точки зрения, не отказываясь от первоначального названия. Он высказал идею назвать документ декларацией «о соглашении о совместных действиях Правительства Его Величества и Правительства СССР». Идея не прошла. Криппс продолжал импровизировать. Его новая формулировка гласила: «Соглашение между Англией и СССР о совместных действиях против Германии» или «Соглашение относительно взаимопомощи и консультации между СССР и Англией» [4, с. 129–131]. Сталин и Молотов предпочли первый вариант, зафиксировав достигнутый компромисс. Им стал термин «соглашение», а не «декларация», на котором упорно настаивали англичане, но и не «договор», предлагавшийся советской стороной скорее как вариант для дипломатического торга. После споров о названии, окончательное решение о тексте самого соглашения было достигнуто практически сразу. И Криппс заявил, что если «он получит согласие своего правительства на подписание в том виде, как оно сейчас вырабо-

тано», то он будет просить Лондон уполномочить его подписать это соглашение.

В заключение беседы Молотов поинтересовался у Криппса, получен ли ответ из Лондона относительно предложений о принятии совместных мер в Иране и Афганистане. Из слов посла стало понятно, что ответа еще нет и что Криппс рекомендовал Форин Офис снестись с Майским для обсуждения вопроса о возможности совместного демарша в Тегеране. Со своей стороны, Криппс, пообещав проконсультироваться с английским посланником в Тегеране, высказал предположение, что, может быть, «придется дипломатические меры поддержать военными» [4, с. 132].

Так впервые прозвучала мысль о применении силы в Иране. Сталин с ней согласился и, в свою очередь, решил усилить ее обоснованность. Он поделился с Криппсом своей обеспокоенностью судьбой Баку: согласно данным советской разведки, немцы обещали помочь иранцам захватить его нефтяные промыслы. Уже прощаясь, Сталин попросил и посла и через него самого Черчилля «поскорее разрешить вопрос с подписанием соглашения с тем, чтобы внести ясность как в самом СССР, так и во всей Европе» [4, с. 132].

Подведем итоги. Как видим, в очень короткий промежуток времени с 8 по 10 июля руководитель Советского Союза, несмотря на колоссальную загруженность делами оборонявшейся страны, счел для себя важным провести две продолжительные (каждая больше часа) встречи с британским послом С. Криппсом. При том, что в дипломатической практике прием иностранных послов, и то лишь влиятельных держав, прерогатива, как правило, руководителя внешнеполитического ведомства. И Молотов как нарком иностранных дел чуть ли не через день встречался с Криппсом. Что же заставило отступить от приятного формата? Вряд ли формальная процедура передачи личных посланий У. Черчилля. Ответ кроется в характере вопросов, поставленных Сталиным для обсуждения с британским послом. Фактически при всем многообразии проблем советско-английских отношений в контексте войны с Германией Сталин не коснулся ни военных поставок, ни второго фронта, ни операций в Норве-

гии, ни других не менее важных тем. Обсуждали только два вопроса: юридическое оформление союзнических отношений и Иран с Афганистаном. Значимость первого вопроса очевидна. Но почему к этому весьма непростому вопросу, о чем свидетельствовал характер обсуждения, добавился Иран? Ведь иранская ситуация, если посмотреть записи бесед дипломатов, в предшествующие дни не обсуждалась сторонами.

Думается, прежде всего, из-за очевидной обоюдной заинтересованности сторон не допустить попадания этой страны под германский контроль, что смешало бы все стратегические расклады на Среднем Востоке. И, стало быть, в возможности относительно быстрого нахождения единого алгоритма действий. Это способствовало бы преодолению (или смягчению) немалого взаимного недоверия между Москвой и Лондоном, создавало тем самым благоприятный фон для заключения рамочного документа о союзе СССР и Великобритании. Подтверждением этого вывода и можно считать согласие Сталина на военные меры воздействия на Тегеран.

Что же касается советско-британского соглашения о совместных действиях в войне против Германии, то Лондон действительно действовал максимально оперативно. Уже 12 июля 1941 г. в Москве оно было подписано. Соглашение содержало две ключевые позиции, на которых настаивал Сталин – обязательство оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии и не вступать в сепаратные переговоры [6, с. 82].

Примечания

¹ Криппс (Cripps) Ричард Стаффорд (24.04.1889 – 21.04.1952) – британский государственный деятель. Родился в Лондоне. По матери племянник Беатрисы Вебб. Учился в Винчестерском колледже и Университетском колледже Лондона. С 1913 г. работал адвокатом в Маддл-Тепл, с 1930 г. старшина юридической корпорации; специалист по арбитражному праву.

В 1931–1950 гг. член палаты общин. В 1930-е гг. один из лидеров левого крыла Лейбористской партии; в 1934–1935 гг. член исполкома партии.

В предвоенные годы был сторонником отпора фашистской агрессии и укрепления коллективной безопасности с участием СССР. Выступал за единый фронт всех левых организаций, включая компартию, за что в январе 1939 г. был исключен из Лейбористской партии.

После назначения Черчилля премьер-министром предполагалось направить Криппса в качестве особо уполномоченного британского правительства в Москву, однако эта инициатива была отклонена советской стороной, вследствие чего Криппс был назначен послом. Тогда в агремане на Криппса ему запросили специальные полномочия, однако советская сторона в них отказала. С мая 1940 г. по январь 1942 г. – посол Великобритании в СССР. От имени Великобритании подписал в июле 1941 г. Советско-английское соглашение о совместных действиях в войне против Германии.

В марте 1942 г. возглавлял специальную английскую миссию в Индию. Был лидером палаты общин (1942), затем министром авиационной промышленности в правительстве Черчилля (1942–1945). В марте 1945 г. восстановлен в Лейбористской партии. Занимал посты министра торговли (1945–1947), министра экономики (1947), министра финансов (1947–1950) в лейбористском правительстве Эттли.

² До войны Молотов принимал Криппса несколько раз: 14 июня, 27 июня, 7 июля, 24 августа и 4 октября 1940 г. и в феврале 1941 года [1, л. 1].

³ И.М. Майский – полпред, затем посол СССР в Великобритании в 1932–1943 годах.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 06. – Оп. 3. – П. 8. – Д. 81.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. – М. : Кучково поле, 2012. – 1008 с.
3. Дипломатический вестник. – 1993. – № 21–22.
4. Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV. – М. : Междунар. отношения, 2000. – 632 с.
5. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны : в 2 т. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1976. – 472 с.
6. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. – М. : Изд-во полит. лит., 1983. – 544 с.

7. Gorodetsky, G. Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940-1942 / G. Gorodetsky. – Cambridge University press, 2002. – 380 p.

8. The Foreign Office and the Kremlin. British documents on Anglo-Soviet relations, 1941- 1945. – Cambridge University press, 1984. – 316 p.

9. The National Archives of Great Britain. – FO.

I. STALIN AND S. CRIPPS NEGOTIATIONS IN JULY, 1941. NEW ACCENTS

Golub Yuri Grigorievich

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair
of Department of International Relations and Russian Foreign Policy,
Saratov State University

goloub@sgu.ru

Astrahanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. Negotiations on 8th and 10th of July, 1941 between I. Stalin and British ambassador S. Cripps on legal implementation of the Soviet-British alliance and on initiated by Stalin Iran's issue are analyzed in the article. Exactly this Stalin's diplomatic move originated from his realization of mutual parties interest not to accept German influence on Iran, has allowed them to find a united actions algorithm and create a favorable background for a framework agreement on USSR-Great Britain alliance conclusion.

Key words: Iran, USSR, Great Britain, Germany, Stalin, Churchill, Cripps, Eden, Molotov, Second World War.

УДК 94(47).083

ББК 63.3(2)534

М.Р. ШТЕФАНИК В РОССИИ В 1916–1917 ГОДАХ: НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА

Колесников Борис Валерьевич

Магистрант кафедры археологии и зарубежной истории
Волгоградского государственного университета
bogyanVolg34@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В данной работе проанализирована деятельность Милана Растислава Штефаника и других исторических фигур по организации чехословацкого движения в России в разгар Первой мировой войны, в формировании там первых чехословацких добровольческих воинских частей. Был сделан вывод о решающей роли субъективного фактора в этом процессе, а также были выявлены вклад и успехи М.Р. Штефаника.

Ключевые слова: Штефаник, чехословацкий корпус, Первая мировая война, Антанта, Россия, дипломатия.

Имя Милана Растислава Штефаника неразрывно связано с образованием Чехословацкой Республики и организацией чехословацких легионов во Франции, Италии, России, США, Румынии.

Россия была одним из центров движения за создание массовых национальных воинских формирований из представителей чешской и словацкой национальных диаспор и военнопленных. Этому историческому явлению посвящено много исследований, но до сих пор живы устойчивые мифы и нерешенным остается ряд проблем, связанных с обстоятельствами возникновения чехословацких воинских формирований в России. Прояснению этого вопроса послужат исторические источники – делопроизводительные документы (отчеты, рапорты и т. п.), деловая и личная переписка, программные документы общественных организаций и др., опубликованные в недавно вышедшем сборнике, по-

священном чехословацким воинским формированиям в России в 1914–1917 годах.

С лета 1916 г. французское военное командование и правительственные круги поддержали усилия Чехословацкого национального совета по вербовке военнопленных для Западного фронта. С этой целью в Россию прибыл представитель ЧСНС Й. Дюрих. Своими действиями он вызвал недоверие [3, с. 47], поэтому его компетенцию ограничили и вслед за ним направили другого члена ЧСНС – лейтенанта авиации М.Р. Штефаника, которому было поручено содействовать разрешению вопросов военного характера [6, с. 427].

Деятельность М.Р. Штефаника в России сосредоточилась на объединении всех словацких и чешских общественных организаций и землячеств под руководством ЧСНС и на формировании чехословацких воинских частей. В это время в России проживало примерно 75 тыс. чешских и словацких эмигрантов, а в плену находилось до 180 чешских и 70 тыс. словацких солдат [1, с. 23]. М.Р. Штефаник должен был добиться от царского правительства разрешения дополнить русский экспедиционный корпус во Франции военнопленными чехами и словаками из России или согласия на включение их в иностранный легион. Одновременно с этим М.Р. Штефанику было поручено осуществлять контроль за Й. Дюрихом [8, с. 148–149]. Одной из причин миссии М. Штефаника в России был также словацкий сепаратизм и необходимость урегулирования взаимных отношений среди «русских» чехов и словаков [5, с. 37].

В ходе своей работы по сбору добровольцев для вооруженной борьбы против центральных держав, М.Р. Штефаник столкнулся с жестокой реальностью войны и различными интересами союзников по Антанте [7, с. 138].

В августе 1916 г. М. Штефаник обсуждал в Ставке с генералом М.В. Алексеевым идею переброски чешских и словацких добровольцев из числа военнопленных во Францию. Однако Совет министров отклонил это предложение. По свидетельству начальника дипломатической канцелярии Н.А. Базили, в ходе переговоров М.Р. Штефаник произвел на него и на генерала Алексее-

ва впечатление толкового и умного человека [6, с. 428], желающего действовать в полном согласии с русским правительством и командованием [3, с. 52]. Все, кто знал Милана Штефаника, отмечали его дипломатическую способность вызывать благосклонность самого высокого окружения.

М.Р. Штефаник побывал в Петрограде, Могилеве, Киеве, где была сосредоточена основная масса словацких и чешских организаций. При его активном участии был подписан документ о программных принципах деятельности чехословацких организаций в России [6, с. 438]. В киевском соглашении указывалось на стремление чехов и словаков к созданию «политически единой, неделимой и свободной нации под защитой и покровительством Антанты». Далее подчеркивалось, что все чехословацкие организации за пределами родины признали Чехословацкий национальный совет «единственным ответственным и компетентным» органом.

Интересно, что организации чехословацких военнопленных солдат и офицеров г. Царицына признали ЧСНС «верховным политическим органом чехословацкого заграничного движения» лишь 27 марта 1917 года [6, с. 674]. Эта организация насчитывала более 200 офицеров и 300 с лишним солдат.

М. Штефанику удалось добиться ориентации словацких землячеств в России на прочешский, чехословакистский и профранцузский курс Чехословацкого национального совета. В дальнейшем М. Штефаник выступил против готовящегося во второй половине 1916 г. съезда словаков, так как видел в этом проявление словацкого национализма [5, с. 13]. Он был убежден, что только в союзе словаков с чехами в сложившихся геополитических условиях в Европе могла быть достигнута независимость Словакии.

М.Р. Штефаник смог найти выход из кризиса, который охватил чехословацкое движение в России в связи с разногласиями его лидеров. Он предложил создать в России отделение Национального совета с определенным количеством назначаемых и избираемых лиц, половину которого должны представлять пленные [6, с. 638]. Такое отделение ЧСНС в России было создано в марте 1917 года.

Уже в конце своего пребывания в России М.Р. Штефаник застал начало революции 1917 года. Он встретился с новым министром иностранных дел Временного правительства П.Н. Миллюковым. Беседа с ним внушила надежду на лучшее понимание позиции и нужд Чехословацкого Национального Совета. Действительно, вскоре в России из отдельных частей стал формироваться Чехословацкий корпус, который к лету 1918 г. достиг численности примерно в 50 тыс. солдат и офицеров [2, с. 23].

Деятельность М.Р. Штефаника в России в конце 1916 и начале 1917 г. проходила в сложных условиях. С одной стороны, его контролировали французские офицеры, которых было немало в России и непосредственно в Петрограде, с другой стороны, он находился под неусыпным надзором российской полиции [4, с. 133]. Полемика с Й. Дюрихом существенно тормозила продвижение военного вопроса. Миссию М.Р. Штефаника нельзя считать малоуспешной. Он не мог в короткие сроки собрать огромное чехословацкое войско, но именно он первым осознал, что судьба чехов и словаков после окончания войны будет решаться не в Петрограде, а в Париже, и способствовал переориентации политического мышления чехов и словаков. В этом проявилась его политическая дальновидность. Пребывание М.Р. Штефаника в России содействовало также тому, что в России стали больше интересоваться положением словаков, заговорили о государственно-правовом порядке будущего чехословацкого государства.

М.Р. Штефаник активно участвовал в создании чехословацких воинских соединений из военнопленных в странах Антанты. Повсюду он, наделенный практическим складом ума и чувством политической конъюнктуры, отстаивал идеи общего будущего чехословацкого государства и общих чехословацких частей.

Список литературы

1. Гусар, Й. Милан Растислав Штефаник – астроном и политик / Й. Гусар // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд / под ред. Ю. В. Богданова. – Мартин : Неография, 2001. – С. 20–27.

2. История Словакии / под ред. Ю. В. Богданова. – М. : Евролинц, 2003. – 437 с.
3. Клеванский, А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус / А. Х. Клеванский. – М. : Наука, 1965. – 394 с.
4. Материалы наблюдения за М.Р. Штефаником // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд / под ред. Ю. В. Богданова. – Мартин : Неография, 2001. – С. 132–147.
5. Фирсов, Е. Ф. Милан Растислав Штефаник в России / Е. Ф. Фирсов // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд / под ред. Ю. В. Богданова. – Мартин : Неография, 2001. – С. 35–56.
6. Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие военные формирования в России. 1914–1917 гг. – М. : Новалис, 2013. – 1016 с.
7. Ferencuhová, B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989 / B. Ferencuhová. – Bratislava, 2008. – 492 s.
8. Holotik, L. Štefaniková legenda a vznik ČSR / L. Holotik. – Bratislava : Slovenská akadémia vied, 1958. – 513 s.

**M.R. ŠTEFANIK IN RUSSIA IN 1916–1917:
THE BEGINNING OF CZECHOSLOVAK CORPS
FORMATION**

Kolesnikov Boris Valerievich

Advanced Student of the Archaeology and Foreign History Department,
Volgograd State University
boryanVolg34@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In this work we analyzed activity of Milan R. Štefanik and other historic figures for organization of Czechoslovak movement in Russia and formation of the first Czechoslovak military divisions there. We concluded there is the decisive role of the subjective factor in this process; we also revealed contribution and successes of Milan R. Štefanik.

Key words: Štefanik, Czechoslovak corps, the First World War, the Entente, Russia, diplomacy.

УДК 327.54

ББК 66.4

ЛОББИЗМ КАК ФАКТОР «РАЗЖИГАНИЯ» МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Макаренко Кирилл Михайлович

Студент кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
79616788477@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению феномена лоббизма как фактора «разжигания» международных конфликтов. За основу взят пример лоббизма в США. Проведен анализ деятельности оружейных лобби. Определена связь между лоббистской деятельностью и принимаемыми в Конгрессе законами. Выявлен случай, когда оружейный лоббизм оказался сильнее президента. Рассмотрено влияние компаний на эскалацию военных конфликтов. Сделан вывод о деструктивном характере лоббистской деятельности.

Ключевые слова: лоббизм, лоббистская деятельность, международный конфликт, группы интересов, принятие решений.

Современная ситуация в мире характеризуется нестабильностью и сложностью взаимоотношений между акторами мировой политики. Мир захлестнула волна революций, плавно перерастающих в войны, разрушающие основы государства. Вооруженные конфликты приносят страдания миллионам людей повсеместно. Война – это разрушение, но также война – это очень прибыльный бизнес, приносящий невообразимые доходы. Лоббизм с годами приобретает все большее значение в процессе принятия политических решений. Цивилизованный лоббизм достиг таких высот, которые свойственны далеко не всем устоявшимся политическим институтам. В современном мире ни одно решение не проходит без участия заинтересованных групп. Разберемся, имеет ли лоббизм деструктивный характер, является ли он фактором

разжигания войн? Рассматривать влияние лоббистской деятельности на конфликты будем на основе воздействия заинтересованных групп на органы власти на территории США. Выбор обусловлен «цивилизованностью» лоббизма и развитостью системы взаимосвязи лобби и государственных органов в «Штатах».

В данной статье будет использоваться следующее определение термина лоббизма, предложенное С. Файнером, согласно которому под лоббизмом понимается «любая деятельность организаций, влияющая на органы государственной власти в целях содействия собственным интересам, причем эти организации, в противоположность партиям, не готовы сами принять ответственность за власть в стране» [1, с. 12]. В свою очередь, фактор – это причина/движущая сила какого-либо процесса или явления, определяющая характер и/или отдельные его черты. С каждым годом лоббизм использует все новые рычаги давления на органы власти. Что же является задачей лоббистов? Несомненно, это отражение интересов компании, которая нанимает лобби. В современном мире любой человек имеет право на защиту своих интересов. Ты можешь быть браконьером, убийцей, насильником, но несмотря ни на что ты имеешь право на адвоката. То же самое происходит и с компаниями, корпорациями, они тоже имеют это право. Адвокатами в данном случае выступают профессиональные лоббисты. Целью любого предприятия является получение максимально возможной прибыли. Исходя из этого, нам необходимо найти акторов, которые извлекают прибыль от военных действий. Ответ напрашивается сам собой. Максимальную прибыль из войн извлекают военные корпорации, строительные фирмы. Военно-промышленный комплекс является сильнейшим лоббистом в Соединенных Штатах, крупнейшие военные корпорации являются его фундаментом.

Вот лишь некоторые данные о тратах военных компаний на лоббистскую деятельность, опубликованные в газете «Чикаго Сан Таймс» в 2011 г.:

1) корпорация Боинг в период с января по сентябрь 2011 г. потратила на лоббизм 12 млн долларов. При этом Боинг активно вкладывается в политические кампании ведущих партий – в 2010-м

авиационный гигант потратил более 2 млн долл. на пожертвования кандидатам в федеральном избирательном цикле;

2) корпорация Локхид Мартин потратила фактически на подкуп федеральных чиновников и депутатов Конгресса в 2009 г. 13,7 млн долл., а в 2010 – почти 10 млн долларов. Достаточно сказать, что комитет политических лоббистов, аффилированный с Локхид Мартин, жертвует деньги на постоянной основе 260 конгрессменам и сенаторам, и это не учитывая, сколько они получают от других корпораций.

По сути, в Штатах Конгресс давно уже находится на содержании крупных корпораций и узких корпоративных интересов. Естественно, что в такой ситуации говорить о свободе принятия решений не приходится – вот и развязывает Америка и Запад бесчисленные войны ради прибылей своего ВПК, а также продвигает корпоративные интересы под защитой государственных институтов. Хотелось бы упомянуть американского сенатора от республиканцев Маккейна, который из года в год выступает за поставки американского оружия повсеместно. Маккейн настоящий патриот, он делает все, чтобы «Великая американская нация» процветала. Он требует поставок оружия в Сирию, Украину и другие страны, страдающие от конфликтов. Собственно говоря, политическую компанию кандидата в президенты спонсировали военные корпорации. Маккейн, будучи сенатором, является прагматичным лоббистом: миллиарды американских долларов, тысячи винтовок, пушек, гаубиц поставлены в разные точки мира благодаря деятельности «оружейного барона». Лоббизм способствует консолидации американского общества против внешних врагов. Игра с настроениями общества приводит к настоящей идеологической войне разных полюсов мира. Любой конфликт по своей структуре имеет деструктивный характер. Консолидация радикальных взглядов, созданная лоббистской деятельностью, разрывает мир на части. Лоббистская деятельность представителей американского ВПК приводила к постоянной эскалации конфликта на территории Украины. Благодаря «кулуарным интригам», Киевская власть получала деньги и вооружение на ведение войны.

Существует мнение, что в процессе принятия политических решений в Вашингтоне президент Америки имеет меньшее влияние по сравнению с лоббистскими организациями, продвигающими интересы оружейных компаний. В 2013 г. президент Обама выступал перед конгрессом, произнося пламенную речь о необходимости переоценки человеческих ценностей американского народа. Люди, настолько привыкшие к насилию, имеющие такое количество оружия, должны измениться. Американский президент заявлял о необходимости введения ограничения на владение огнестрельным оружием. Попытка эта полностью провалилась из-за давления оружейного лобби. Президент констатировал тот факт, что через парламент невозможно провести хоть какие-то изменения в данном вопросе, пока оружейное лобби настолько сильно. Мы видим, что лоббизм обладает действительно выдающимися ресурсами и властными полномочиями.

Таким образом, разрушительное действие кулуарных лобби «на лицо». Обладая практически неограниченным потенциалом в реализации своих интересов, лоббизм способен диктовать условия политической сфере. Действия лоббистских структур могут являться причинами возникновения, усиления, возобновления разного рода конфликтов. Сила и специфика оружейных лобби носит деструктивный характер. Представители военно-промышленного комплекса зарабатывают триллионы долларов, лоббисты воздействуют на конгрессменов, люди, находящиеся в зонах конфликтов, – страдают. Иерархия построена, она устоялась и в современном мире ее основы незыблемы!

Список литературы

1. Finer, S. E. Anonymous Empire. A Study of the Lobby in Great Britain / S. E. Finer. – London : The Pall Mall Press, 1958. – 150 p.
2. Феномен // Большая советская энциклопедия. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article115721.html>. – Загл. с экрана.
3. Лоббисты обезоружили Обаму // ГАЗЕТА.RU. 11.06.2014. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2014/06/11_a_6066841.shtml. – Загл. с экрана.

LOBBYING AS A FACTOR OF "INCITEMENT" OF INTERNATIONAL CONFLICTS

Makarenko Kirill Mihaylovich

Student, Department of Political Science,
Volgograd State University
79616788477@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article deals with the phenomenon of lobbying as a factor of "incitement" of international conflicts. It is based on an example of lobbying in the United States. Determine the relationship between lobbying and accept the laws in Congress. Identified a case where the weapon was stronger lobbying the president. During the work was considered the influence of the companies on the escalation of military conflicts. It is concluded that the destructive nature of lobbying activities.

Key words: lobbying, lobbying, international conflict, interest groups, decision-making.

УДК 94(438).081

ББК 63.3(4Пол)62

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПАКТЕ МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА

Мустафаева Ситара Орудж гызы

Кандидат исторических наук, преподаватель
кафедры истории славянских стран
Бакинского государственного университета
msitara31@rambler.ru
ул. Академика Захида Халилова, 23, AZ1148 г. Баку, Азербайджан

Аннотация. 23 августа 1939 г. между СССР и Германией был подписан пакт о ненападении на 10 лет и дополнительный секретный протокол, по которому Восточная Европа, в том числе и Польша, была разделена на сферы их влияния. После оккупации территории Польши немецкими и советскими войсками, 28 сентября того же года был подписан советско-германский договор о дружбе и границе и секретный протокол, согласно которому был проведен передел сфер влияния. В состав СССР были включены Западная Украина и Западная Белоруссия.

Ключевые слова: Польша, пакт Молотова – Риббентропа, Западная Украина, Западная Белоруссия.

События, связанные с разделом польских территорий между СССР и Германией в 1939 г., и сегодня остаются для русских и поляков одной из болезненных тем и предметом российско-польских споров. Необдуманное высказывание, порой искажающее историческую действительность, как польских, так и российских дипломатов, участвовавшие в последнее время, не способствуют улучшению российско-польских отношений.

Секретный дополнительный протокол к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. долгое время был объектом острых споров, так как оригинал протоколов не был найден ни в архивах СССР, ни в Германии. Сохранилась только фотокопия данного документа. В СССР до 1989 г. его существование отрицалось. В 1989 г. была создана комиссия Съезда

народных депутатов СССР по политической и правовой оценке договора от 23 августа 1939 года. 24 декабря 1989 г. II съезд народных депутатов принял постановление, в котором осудил факт заключения секретного дополнительного протокола. Было также признано, «что секретные протоколы являлись юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания» [6, с. 19].

В 30-е гг. XX в. внешняя политика Польши основывается на так называемой «политике балансирования», в соответствии с которой она проводит линию «равного удаления» от Германии и СССР и всеми средствами противодействует их возможному сближению и союзу на антипольской платформе. В рамках реализации этого курса в 1932 г. был заключен польско-советский договор о ненападении сроком на 3 года (был продлен в мае 1934 г.), а в январе 1934 г. подписана аналогичная польско-германская декларация сроком на 10 лет [8, с. 423; 4, с. 108]. Как видим, вначале Польша в полной мере недооценивала агрессивность гитлеровской Германии. Видя уступчивость западных государств в отношении к А. Гитлеру, она декларировала стремление сохранить добрые отношения с Германией. В сентябре 1938 г. польское правительство, воспользовавшись политическим кризисом в Чехословакии в связи с потерей Судетской области, в ультимативной форме потребовало от нее передачи Польше территории Тешинской Силезии за рекой Ользой. 2 октября 1938 г. польские войска оккупировали эту территорию [8, с. 428–431]. Данный факт говорит о том, что Польша наравне с Германией участвовала в расчленении Чехословакии. Однако это не спасло Польшу, ее судьба уже была предрешена, она развивалась по тому же, чехословацкому, сценарию.

Перед началом Второй мировой войны Гитлер хотел решить «данцигскую проблему». 24 октября 1938 г. германская сторона потребовала, чтобы Польша признала права Германии на вольный город Гданьск (Данциг), где проживали этнические немцы, и на строительство экстерриториальных путей сообщения (автострада и железные дороги) через польское Поморье в Восточную Пруссию («данцигский коридор»), а также присоединилась к ан-

тисоветскому и антикоммунистическому «Антикоминтерновскому пакту» [8, с. 429; 7, с. 12–13]. Эти свои требования Германия возобновляла до апреля 1939 г., но каждый раз польское правительство их отвергало, так как они ограничивали его суверенитет. 28 апреля 1939 г. Берлин денонсировал договор 1934 г. и приступил к активной подготовке к войне [4, с. 109]. Польша в свою очередь получила поддержку Великобритании, которая, в конце концов, покончила с политикой «умиротворения» Германии и 31 марта предоставила Польше гарантии на случай агрессии [8, с. 428–429].

В марте 1939 г. лишь с очень большими колебаниями СССР согласился с идеей присоединения к декларации о «безусловных гарантиях», представленных Великобританией и Францией Польше. Однако глава МИДа Польши полковник Ю. Бек отверг возможность любого соглашения, допускающего присутствие советских войск на польской территории [1, с. 299]. По словам историка Ю. Фельштинского: «Антипольский комплекс Сталина можно было сравнить только с антисемитским комплексом Гитлера. Поляки это хорошо понимали, и согласия на проход советских войск через Польшу не давали, так как полякам было очевидно, что Красная Армия, однажды войдя в Польшу, из нее уже никогда не уйдет. Так показывали уроки российско-польских отношений многих веков» [7, с. 9]. И. Сталин не мог простить Польше проигрыш в советско-польской войне 1920–1921 годов. Он как член Реввоенсовета чувствовал свою ответственность за потерю Западной Украины и Западной Белоруссии по Рижскому договору 1921 года.

17 апреля 1939 г. СССР предложил Великобритании и Франции заключить трехстороннее соглашение, военные гарантии которого распространялись бы на всю Восточную Европу – от Румынии до Прибалтийских государств. Англия и Франция всячески затягивали начало переговоров о военном союзе с СССР. Их представители прибыли в Москву только 11 августа 1939 года. На переговорах относительно пакта о взаимопомощи на случай агрессии Германии трудности вызвал именно польский вопрос. Советский Союз готов был подписать договор с Францией и Англи-

ей при одном условии. Москва требовала права прохода своих войск через Польшу, даже без согласия на то польского правительства. Доводом советской стороны, добивавшейся права прохода Красной Армии через Польшу и Румынию, была необходимость в случае начала войны с Германией иметь возможность «войти в соприкосновение» с противником для оказания помощи союзникам (Франции) [8, с. 429–431], так как СССР не имел общих границ с Германией. Однако переговоры зашли в тупик. Создать европейскую систему коллективной безопасности этим странам не удалось.

Советско-германские отношения после прихода в 1933 г. А. Гитлера к власти ухудшились и к началу 1939 г. были фактически заморожены. Однако с конца июля советско-германские связи возобновились на различных уровнях. До начала операции против Польши Гитлер решил обезопасить себя на Востоке и подписать с Советским Союзом договор о ненападении. В мае германскому послу в Москве Ф. Шуленбургу было поручено заняться подготовкой переговоров с Советским Союзом в связи с решением Германии оккупировать Польшу [1, с. 299–300].

Узнав об англо-франко-советских переговорах в Москве, германское правительство предложило советскому руководству заключить взаимовыгодное соглашение. Торопившийся с решением польского вопроса Гитлер 20 августа написал письмо Сталину, в котором открыто сообщил, что планирует нападение на Польшу и поэтому заинтересован в скорейшем подписании договора о ненападении и секретного протокола о разделе сфер влияния в Восточной Европе [7, с. 13–14; 70–71]. 23 августа в Москву прилетел министр иностранных дел Германии фон И. Риббентроп. В тот же день были подписаны советско-германский договор о ненападении сроком на 10 лет (состоит из 7 статей) и секретный дополнительный протокол о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе (состоит из 4 статей) [7, с. 80–82]. С советской стороны договор был подписан В. Молотовым – председателем Совета народных комиссаров и народным комиссаром иностранных дел (отсюда название «пакт Молотова – Риббентропа»). Согласно секретному протоколу в сферу влияния СССР вошли Фин-

ляндия, Латвия, Эстония, Бессарабия и Восточная Польша. В немецкую сферу интересов вошли Литва и Западная Польша [7, с. 82]. Вторая статья секретного дополнительного протокола касалась Польши: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства, и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия» [7, с. 82]. Пакт Молотова – Риббентропа вступил в силу немедленно и был ратифицирован СССР и Германией 31 августа 1939 года [7, с. 97–99].

В письме, отправленном Б. Муссолини 25 августа 1939 г., Гитлер писал: «Отношения Германии к Польше, не по вине Германской империи, но в результате деятельности Англии, с весны стали еще более неудовлетворительными, и в последние несколько недель ситуация стала просто невыносимой. Сообщения о преследованиях немцев в пограничных районах не выдуманы прессой, но являются лишь частицей ужасной правды. Таможенная политика Польши, удушающая Данциг, за последние несколько недель привела к полному застою всей экономической жизни Данцига и разрушит город, если продолжится хотя бы короткий промежуток времени. ...Эти причины заставили меня поторопиться с завершением германо-русских переговоров» [7, с. 89]. Гитлером в письме были перечислены несколько причин, но они нами не приводятся, так как нас в данном случае интересует только польский вопрос.

25 августа 1939 г. было заключено польско-британское соглашение, и уже 31 августа Германия предъявила Польше ультиматум [8, с. 430]. 1 сентября 1939 г. без объявления войны германские войска (план «Вайс») вторглись на территорию Польши. Они располагали огромным превосходством в численности и вооружении. В тот же день на заседании Рейхстага после выступле-

ния Гитлера министр внутренних дел В. Фрик зачитал законопроект об объединении Данцига с Третьим рейхом [7, с. 99].

3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. Эта акция Англии и Франции носила декларативный характер. Они не готовы были начать войну из-за Польши. Началась Вторая мировая война. Д.Г. Наджафов пишет, что «советско-германский пакт привел ко Второй мировой войне» [6, с. 4]. Такого же мнения придерживается и большинство западных историков [7, с. 15, 17]. Однако есть большая вероятность, что Второй мировой войны невозможно было избежать, учитывая агрессивную политику фашистской Германии.

Вечером 3 сентября германское правительство послало первую сверхсекретную телеграмму в Москву с просьбой как можно скорее начать военные действия против Польши [7, с. 15]. Сталин согласился начать военные действия против Польши только после того, как германское правительство дважды обратилось к нему с настоятельной просьбой [7, с. 100, 111–112]. То есть Сталин выжидал, он планировал начать польскую операцию только после того, как немецкие войска захватят Варшаву, чтобы под предлогом защиты украинцев и белорусов, так как государство перестало существовать, ввести войска в Польшу. Доказательством тому служат телеграммы фон Ф. Шуленберга, отправленные в МИД Германии в сентябре 1939 года. Приведем цитату из телеграммы от 14 сентября 1939 г.: «Учитывая политическую мотивировку советской акции (падение Польши и защита русских «меньшинств»), [Советам] было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши – Варшава. Молотов поэтому просит, чтобы ему как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы» [7, с. 108].

В газете «Правда» от 14 сентября 1939 г. под заголовком «О внутренних причинах военного поражения Польши» было написано: «Польша является многонациональным государством. В составе населения Польши поляки составляют всего лишь около 60 %, а остальные 40 % составляют национальные меньшинства – главным образом украинцы, белорусы, евреи. Достаточно

указать, что украинцев в Польше насчитывается не менее 8 миллионов, а белорусов около 3 миллионов. Эти два наиболее крупных национальных меньшинства вместе составляют до 11 миллионов населения. ...Национальная политика правящих кругов Польши характеризуется подавлением и угнетением национальных меньшинств, и особенно украинцев и белорусов. Западная Украина и Западная Белоруссия – области с преобладанием украинского и белорусского населения – являются объектами самой грубой, беззастенчивой эксплуатации со стороны польских помещиков» [7, с. 109–110]. Эта статья показывает, что Советский Союз готовил почву для вторжения в Польшу.

Риббентроп в телеграмме послу Шуленбургу от 15 сентября 1939 г. просил немедленно передать Молотову, что Германия приветствует готовность советского правительства в военном отношении к проведению операции в Польше: «Советское правительство, таким образом, освободит нас от необходимости уничтожать остатки польской армии, преследуя их вплоть до русской границы. Кроме того, если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создается ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум. Поскольку мы, со своей стороны, не намерены предпринимать в этих районах какие-либо действия политического или административного характера, стоящие обособленно от необходимых военных операций, без такой интервенции со стороны Советского Союза <в Восточной Польше> могут возникнуть условия для формирования новых государств» [7, с. 111–112]. Из этого письма также становится ясно, что Германия, стремясь продемонстрировать союзнические отношения с СССР, выступала против того предлога, под которым Советский Союз вступал в войну против Польши. Германия предлагала выступить с совместным коммюнике.

17 сентября без объявления войны советские войска перешли советско-польскую границу. Москва, как и планировала, оправдала этот шаг полным распадом польского государства, а также необходимостью защиты проживавших в Польше украинцев и белорусов. А в действительности это была реализация одного из

пунктов секретного протокола к пакту Молотова – Риббентропа. На следующий день в газете «Правда» была опубликована нота правительства СССР, врученная утром 17 сентября польскому послу в Москве В. Гржибовскому, а также послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР: «Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Представленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам. Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными. Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Нота была подписана В. Молотовым [7, с. 118–119]. 18 сентября СССР и Германия выступили с совместным коммюнике по польскому вопросу [7, с. 122].

Наступление советских войск почти не встретило сопротивления польской армии. По данным советских архивов в плен было взято 240 тыс. польских военных (к лету 1942 г. по настоянию польского правительства и Великобритании созданная в СССР польская армия из бывших военнослужащих (более 100 тыс. человек) была переброшена в Ирак и Иран) [8, с. 437]. Авторы сборника документов, касающихся катынских событий, утверждают, что в плен к Красной Армии попало всего 120 тыс. военнослужащих [5]. В марте 1940 г., ссылаясь на отрицательные высказывания пленных польских офицеров о советской действительности, нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия по согласованию со Сталиным предложил вынести в отношении более чем 20 тыс. плен-

ных расстрельные приговоры [3, с. 266]. В соответствии с секретной директивой Берии от 5 марта 1940 г., подписанной Сталиным и другими руководителями страны, было арестовано 25 700 поляков [1, с. 302]. В апреле 1940 г. 25 000 польских граждан, принадлежащих к военной, гражданской и экономической элите страны, заключенных в трех «особых лагерях» Козельска, Осташкова и Старобельска, были казнены как «злейшие враги советского строя» [2, с. 215]. Историк Е.Р. Исмаилов пишет: «Офицеры были убиты, а Россия поныне вынуждена каяться за невинно загубленные души» [3, с. 266]. В марте 1943 г. в лесах Катыни около Смоленска немцы обнаружили массовые захоронения казненных польских офицеров.

Первоначально советское правительство (и лично Сталин) намерено было допустить существование небольшого польского государства. Но после 17 сентября Сталин отказался от этой идеи [7, с. 124]. Переговоры относительно передела польских территорий советское правительство предложило провести в Москве. По приглашению правительства СССР 27 сентября в Москву прибывает фон И. Риббентроп для обсуждения с правительством СССР вопросов, связанных с событиями в Польше [7, с. 126]. Переговоры в Москве закончились подписанием 28 сентября германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией (состоит из 5 статей). Первая статья определяла границу между этими государствами на территории бывшего Польского государства. В секретном дополнительном протоколе было написано: «Секретный дополнительный протокол, подписанный 23 августа 1939 г., должен быть исправлен в пункте I, отражая тот факт, что территория Литовского государства отошла в сферу интересов СССР, в то время, когда, с другой стороны, Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства отошли в сферу интересов Германии». «Обе стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны» [7, с. 129–133]. По договору от 28 сентября граница была отодвинута на Восток до Буга, что все же оставляло Советскому Союзу несколько больше пространства, чем знаменитая «линия Керзона», принятая 8 декабря 1919 г. Верховным Советом

Антанты как временная восточная граница Польши, определившая в качестве этнической границы линию, проходившую через Гродно, Брест, восточнее Перемышля до Карпат [4, с. 95]. В опубликованном по завершении визита Риббентропа в Москву совместном коммюнике сообщалось, что польский вопрос был «урегулирован окончательно», а значит, для войны с Францией и Великобританией больше не было причин [1, с. 302; 7, с. 133]. 27 сентября 1939 г. Варшава капитулировала. Прекратило свое существование государство с 36-миллионным населением [7, с. 147], «...ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...» – как его называл В. Молотов [7, с. 160].

Таким образом, СССР и Германия окончательно поделили свои «сферы влияния» в Восточной Европе. Граница между ними прошла по Сану и Бугу, а далее на север, оставляя Белосток за Советским Союзом. Германия присоединила часть польских земель к рейху (92 тыс. кв. км), а из остальных создала генерал-губернаторство с центром в Кракове. Советский Союз присоединил к себе огромную территорию в 196 тыс. кв. км с населением в 12 млн человек (7 млн украинцев, 3 млн белорусов и 2 млн поляков и евреев) [7, с. 165]. СССР передал Вильнюс (Вильнюс) Литве, а в других присоединенных польских областях 22 октября 1939 г. был проведен так называемый «референдум». В обстановке террора население высказалось за присоединение к Советскому Союзу [8, с. 435]. После того как в октябре «Народные собрания» этих территорий обратились в Верховный Совет СССР с просьбой принять Западную Украину и Западную Белоруссию в состав СССР, 1 и 2 ноября они были включены в состав Украинской и Белорусской советских республик. Н. Верт пишет, что в последующие месяцы около 320 тыс. жителей присоединенных польских территорий были депортированы на восток (в Сибирь и Казахстан) как «враждебные и нелояльные элементы» [2, с. 216–217].

После окончания II мировой войны советско-польская граница, в общем, совпадала с границами немецкой и советской зон, установленной 28 сентября 1939 года. Однако Советский Союз отказался от притязаний на некоторые области, включенные в его состав после так называемого «волеизъявления» в октябре

1939 года. Самым важным изменением стало то, что Польше был оставлен район Белостока [8, с. 445]. Территория, отошедшая к Польше в 1945 г. (по решениям Потсдамской конференции), составила 102 800 кв. км, а вся территория польского государства – 312 500 кв. километров. То есть его границы на западе и севере расширились за счет территорий, отошедших от Германии (Силезия, Западное Поморье и часть Восточной Пруссии), и стали проходить по рекам Одеру и Нейса [8, с. 451]. 7 декабря 1970 г. между Польшей и ФРГ был подписан договор об установлении дипломатических отношений и о взаимном признании границ [8, с. 479].

Подводя итог рассматриваемой нами теме, можно сделать следующий вывод: в августе 1939 г. Советский Союз в сложившихся исторических условиях в какой-то степени вынужден был пойти на сближение с Германией, так как идея создания европейской системы коллективной безопасности осталась только идеей. Подписав договор о ненападении, Советский Союз выиграл время для подготовки к войне с Германией. Однако немаловажную роль сыграли и территориальные амбиции Сталина. Притворяя в жизнь условия секретного протокола к пакту Молотова – Риббентропа, СССР, с одной стороны, вернул себе потерянные в годы Первой мировой и гражданской войн территории Российской империи, а с другой – участвовал вместе с Германией в «пятом разделе» польских территорий.

Список литературы

1. Верт, Н. История Советского государства : пер. с фр. / Н. Верт. – М. : Весь мир, 2006. – 560 с.
2. Верт, Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт ; пер. с фр. А. И. Пигалева. – М. : РОССПЭН, 2010. – 447 с.
3. Исмаилов, Э. Р. Анастас Микоян – он проходил между струй / Э. Р. Исмаилов. – Баку : Şərq-Qərb, 2013. – 384 с.
4. История южных и западных славян : учебник : в 2 т. Т. 2. Новейшее время / под ред. Г. Ф. Матвеева и З. С. Ненашевой. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 272 с.

5. Катынь. Пленники необъявленной войны : док. и материалы / под ред. Р. Пихои, А. Гейштора. – М. : Междунар. фонд «Демократия», 1997. – 608 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://katynfiles.com>. – Загл. с экрана.

6. Наджафов, Д. Г. Советско-германский пакт 1939 г. и его исторические последствия / Д. Г. Наджафов // Вопросы истории. – 2006. – № 12. – С. 3–22.

7. СССР – Германия. 1939–1941. Секретные документы / под ред. Ю. Г. Фельштинского. – М. : Эксмо, 2011. – 384 с.

8. Тымовский, М. История Польши : пер. с пол. / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. – М. : Весь мир, 2004. – 544 с.

THE POLISH QUESTION IN THE MOLOTOV-RIBBENTROP PACT

Mustafaeva Sitara Orudzh gyzy

Candidate of Sciences (History), Lecturer
of the Department of History of the Slavic Countries,
Baku State University
msitara31@rambler.ru
Akademik Zahid Khalilov St., 23, AZ1148 Baku, Azerbaijan

Abstract. August 23, 1939 between the USSR and Germany wa signed a nonaggression pact for 10 years and an additional secret protocol that Eastern Europe, including Poland, was divided into spheres of influence. After the occupation of Poland by German and Soviet troops, on September 28 was signed the Soviet-German treaty of friendship and borders and secret protocol, which was conducted according to the spheres of influence. The Western Ukraine and the Western Belorussia were included to the Soviet Union.

Key words: Poland, Molotov-Ribbentrop Pact, Western Ukraine, Western Belorussia.

УДК 327.5

ББК 66.4

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Парубочая Елена Федоровна

Кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения
Волгоградского государственного университета
elenap82@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Существует множество причин, почему государства начинают войну. Наиболее распространенная причина конфликтов на мировой арене – борьба за территорию. Этнические столкновения и религиозные конфликты также могут вызывать вспышку насилия, способны приводить к военным действиям. На данный момент сильнейшие мировые державы не хотят начинать прямые военные конфликты и противостояния. Они все больше обращаются к новым методам достижения своих целей в международных отношениях. Среди них можно выделить революции, которые привели к смене политических режимов во многих странах бывшего Советского Союза; информационные войны, позволяющие государствам добиваться своих интересов.

Ключевые слова: война, конфликты, столкновение интересов, актор, международные отношения.

Что такое война? Существует множество определений, раскрывающих данный термин: «соперничество с применением силы», «акт организованного насилия», «состояние объявленного вооруженного конфликта между государствами или нациями». Общепризнанным является то, что война выступает в качестве крайней формы проявления конфликта, когда отсутствуют иные средства для разрешения сложившейся сложной ситуации. Возникает вопрос: почему агрессивное поведение и насилие становятся такими привлекательными инструментами, что же пре-

пятствует разрешению ситуации мирным путем? Какие новые формы приобретают современное межгосударственное противостояние?

Известный военный стратег и писатель Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц, написавший уникальное произведение «О войне», основываясь на критической оценке и анализе военных кампаний прошлых лет, четко выделил политическую составляющую во всех противостояниях. По его мнению: «Война – это акт насилия, который имеет цель – заставить противника выполнять свою волю... продолжение политики другими средствами и никогда не может быть отделена от политики... Как только война стала реальностью, она является не чем иным, как выражением политики... ее инструментом. Поэтому подчинение военной точки зрения политической является единственно возможным» [1]. Война превращается в средство, при помощи которого один актер международной политики пытается заставить другого выполнить свою волю. В последние годы обращение к крайнему варианту разрешения конфликтных сценариев только увеличивается. Складывается впечатление, что стороны заинтересованы в том, чтобы избежать сложного процесса переговоров и принятия решений, и используют военное противостояние в качестве способа выхода из сложной ситуации.

Расплатой за такую политику становятся человеческие жизни. Согласно статистическим данным число войн начиная с XX в. резко возрастает, только за период с 1945 по 1971 г. произошло более 100 локальных столкновений» [2]. Поражает масштабность конфликтов и последствия военных столкновений. Значительно увеличилось число жертв вооруженных конфликтов в XX веке. Если в ходе 30-летней войны с 1618 по 1648 г. погибло 11 млн человек, то за четыре года военного противостояния в ходе Первой мировой войны начиная с 28 июля 1914 по 11 ноября 1918 г. было убито около 16 млн человек. Итогом шестилетних военных действий во время Второй мировой войны, начиная с 1 сентября 1939 по 2 сентября 1945 г., стали колоссальные людские потери, более 84,6 млн человек погибших [3].

Вторая мировая война не стала уроком для многих государств, после ее завершения все новые и новые конфликты начали разгораться в различных уголках земного шара.

В современных военных конфликтах невозможно выделить какое-либо одно основание, обозначив его как религиозный, этнический или идеологический. Большинство международных противостояний и войн происходят из-за конфликта интересов и целей сторон. Материальные интересы, как правило, преобладают над религиозными или идеологическими основаниями. Материальные интересы – это не просто прямые финансовые выгоды, к ним можно отнести и конфликты в связи с желанием контролировать национальные правительства отдельных государств, то есть борьба за сферы влияния. К ним же причисляют конфликты экономического характера, связанные с условиями торговли, доступом к природным ресурсам и способам их доставки на мировой рынок, собственности, незаконной миграции, наркобизнеса, торговли оружием и т. д. Споры о территории, включая попытки образования новых независимых государств, также относят к материальным интересам.

Территориальные претензии и споры имеют особый статус среди причин международных конфликтов. Пограничные территориальные споры, а также конфликты за право контроля определенной территорией той или иной страны часто приводят к серьезным военным столкновениям. Разрешить подобные противоречия весьма сложно, поскольку спор выходит за рамки исключительно территориального. Речь идет не только о территории, но и о принадлежности тех или иных объектов, святынь тому или иному народу. Конфликт палестинцев и израильтян является характерным примером, несмотря на то что после Второй мировой войны в качестве инструмента урегулирования конфликтных ситуаций стало применяться международное право, которое запретило применять силу для разрешения споров. Реальность показывает, что никакие международные организации в лице Организации Объединенных Наций, никакие международно-правовые нормативные документы не гарантируют мира и безопасности. Уже

упомянутый выше палестино-израильский конфликт – лучшее тому подтверждение.

Границы Израиля – это источник постоянной напряженности и конфликтов. Одно из самых горячих противостояний на протяжении XX в., которое периодически вспыхивает и в новом XXI столетии [4]. Поскольку с момента самого образования государства Израиль его границы не были согласованы с соседями, проблемы стали усугубляться противостоянием на религиозной основе. Конфликт не теряет своей актуальности и в новом тысячелетии, можно констатировать периодические всплески агрессивности и усиление конфликтности, затем временное ослабление напряженности.

Наслоение такого количества противоречий в одном конфликте превращает данный вопрос в трудноразрешимый. Единственный способ выхода из подобных споров – переговоры, но они лишь могут снизить очаг напряженности, а не разрешить конфликт.

Помимо территориальных споров, число которых постоянно растет, особую актуальность на современном этапе приобретают конфликты, связанные со стремлением одних стран контролировать других акторов мировой политической системы. Нормы международного права не позволяют вмешиваться во внутренние дела других государств. В реальности страны, обладающие необходимыми властными ресурсами и материальными средствами, с легкостью могут обходить международные обязательства по невмешательству в дела других государств и проводить в интересующем их регионе все необходимые трансформации.

Чаще всего такое вмешательство принимает формы смены руководства страны, замены правительства на более лояльное. В том случае, если происходит столкновение с интересами другого государства, претендующего на влияние в этом же регионе или отдельной стране, эскалация конфликта неизбежна. Примером такого российско-американского противостояния является конфликт в Украине.

Политика смены неугодных режимов динамично реализовывалась американской стороной на протяжении XXI столетия во

многих государствах бывшего Советского Союза. Эти действия нашли свое выражение в череде цветных революций, которые получили известность, как ненасильственные акции протеста, в ходе которых в ряде стран постсоветского пространства произошла смена власти. Самые известные революции: Революция роз 2003 г. в Грузии, Оранжевая революция в Украине в 2004 г., Тюльпановая революция 2005 г. в Киргизии [5].

Кроме технологии цветных революций могут применяться и иные форматы сотрудничества, позволяющего одному государству получить контроль над правительством другого государства. Прямо военное противостояние, которое использовалось ранее для захвата власти, для ряда влиятельных международных акторов уже не представляет интереса. Наибольшее значение в новых геополитических условиях играют формы мягкого захвата власти. Речь может идти о поддержке на выборах определенного кандидата, прямой экономической помощи. Среди форм взаимодействия можно говорить и о создании условий для совместной экономической деятельности. Военное содействие и помощь в переподготовке вооруженных сил, что также приводит к постепенной зависимости от наиболее сильного и влиятельного международного актора и практически добровольной потере суверенитета. Такие формы взаимодействия сильного актора с более слабым государством рано или поздно приведут к конфликтной ситуации, которая постепенно может переходить в военное противостояние с другими акторами, также претендующими на влияние в данном регионе или стране.

Еще одной отличительной черной современного этапа международных отношений является использование новых форм противостояний. Крупные державы не заинтересованы в прямом военном противостоянии и все более активно используют экономические и информационные войны. В эпоху информационных технологий, даже экономические рычаги давления начинают уходить на второй план, на первое место выходит информационное противостояние. Оперативность размещения информации, умение выборочно подходить к статистическим данным и показателям, аргументированное обоснование своей позиции, быстрая

реакция на сделанные оппонентом заявления, все это превращается в важный инструмент в ходе проведения такой информационной войны.

Какие бы формы не приобретало межгосударственное противостояние, военного конфликта или информационной войны, они будут иметь негативное воздействие на развитие того или иного государства. До тех пор пока государства будут жестко отстаивать свои интересы на международной арене, до тех пор и будут существовать конфликты и различные формы их проявления. Интересы государств различны, чаще всего приходят в противоречие с интересами других государств. Важно поддерживать постоянный переговорный процесс и делать уступки при принятии решений. В этом случае есть возможность и перспективы удерживать конфликт от его перерастания в самую крайнюю фазу вооруженных действий.

Список литературы

1. Clausewitz Carl von. On War. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.clausewitz.com/readings/OnWar1873/TOC.htm>. – Title from screen.
2. История войн и военных конфликтов // Warconflict.ru. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.warconflict.ru/rus/statistika>. – Загл. с экрана.
3. Compare war statistics // FINDTHEDATA. – Electronic text data. – Mode of access: <http://wars.findthedata.com>. – Title from screen.
4. Речь посла Израиля в ООН Рона Просора на сессии Генеральной Ассамблеи ООН по «палестинскому вопросу» 26.11.2011 / М-во иностр. дел Израиля. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://mfa.gov.il/MFARUS/PressRoom/2014/Pages/Ambassador-Prosor's-speech-at-UNGA.aspx>. – Загл. с экрана.
5. The Colour revolutions in the former Soviet Union. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.economist.com/node/10498474>. – Title from screen.

THE INTERNATIONAL ASPECTS
OF MODERN CONFLICTS

Parubochaya Elena Fedorovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of International Relations and Foreign Area Studies,
Volgograd State University
elenap82@ymail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. There are different reasons why do states have wars between each other and what goals do they want to achieve. The widespread reason for many conflicts is the control over the territory. Ethnic problems and religious conflicts also can cause serious destabilization in some districts and states. Nowadays regional powers do not start military conflicts, they prefer to use new forms and methods to gain their goals. Using revolution methods and information wars have become more urgent at present times.

Key words: war, conflicts, clash of interests, the actor, international relations.

УДК 930.1(47+57):355.4

ББК 63.1(2)61+68.31

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1920–1930-х ГОДОВ. О РОЛИ РОССИИ В АНТАНТЕ

Самохина Галина Алексеевна

Ассистент кафедры всеобщей истории и религиоведения
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина
Samokhina.g@mail.ru
ул. Коммунаров, 28, 399770 г. Елец, Липецкая область,
Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются труды советских и эмигрантских военных историков 1920–1930-х гг., посвященные отношениям России с союзниками по Антанте. Изучение Первой мировой войны и ее предыстории было вызвано научными и практическими интересами. Представители обоих направлений придерживались схожих воззрений относительно роли России в Антанте, отмечая пренебрежение Англии и Франции интересами своей союзницы.

Ключевые слова: военная историография, русское зарубежье, Россия, Антанта, Первая мировая война.

В отечественной историографии Первой мировой войны примечателен период 1920–1930-х годов. Это было время первых попыток научного осмысления тех трагических для России событий. Среди первых исследователей мировой войны 1914–1918 гг. были ее непосредственные участники – военачальники императорской армии, многие из которых сформировались как военные историки еще до революции. Обращаясь в своих работах к вопросам мировой войны, военачальники писали не только о боевых действиях и стратегическом планировании. Они часто затрагивали вопросы дипломатии, анализировали причины и характер глобального вооруженного конфликта, его предысторию. Значимое место в трудах военных историков занимает проблема участия России в войне, и, в частности, ее отношения с союзниками по Антанте, что было особен-

но актуально в условиях изменившейся расстановки сил на международной арене и роли России в ней.

Специфика военной историографии 1920–1930-х гг. обусловлена принадлежностью ее представителей к различным направлениям отечественной исторической мысли – советской и эмигрантской. Среди первых следует отметить Н.А. Данилова (1867–1934), А.М. Зайончковского (1862–1926), В.Ф. Новицкого (1867–1929), А.Х. Базаревского (1884–1938), Н.Г. Корсуна (1876–1958). За пределами России оказались Н.Н. Головин (1875–1944), Ю.Н. Данилов (1866–1937), А.К. Байов (1871–1935). Работы военных историков, посвященные мировой войне, были разноплановы – монографии, лекционные курсы, очерки и статьи, написанные на основе архивных материалов и личных впечатлений. Авторы по-своему понимали внешнеполитические интересы России и пытались выявить степень влияния союзников на возможность их реализации.

Проблема Первой мировой войны и ее предыстории в оценках военных историков 1920–1930-х гг. получила недостаточное отражение у современных исследователей. Концепции этих историков рассматриваются главным образом в контексте общих работ по историографии внешней политики России начала XX века [15; 23]. В последние годы появились публикации, посвященные отдельным аспектам проблемы (причем с уклоном в эмигрантскую историографию) [1; 7; 18; 20], однако вопрос оценки роли России в Антанте затрагивается в них фрагментарно. В этой связи примечательно проанализировать взгляды военных специалистов, работавших в различных исторических условиях, на отношения Российской империи с недавними союзниками, прежде всего, с Англией и Францией.

В советской России изучение мировой войны, начавшееся сразу после ее окончания, имело прагматический характер. Для формирования новой армии, развития военной науки было необходимо обобщить и систематизировать теоретические знания и практический опыт, накопленные в годы войны. Решение этой задачи успешно осуществляла Военно-историческая комиссия в 1918–1921 гг. (такое название она получила в 1920 г., а первоначально

именовалась Комиссией по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.). Значительным успехом в работе комиссии стало издание «Стратегического опыта войны» в семи частях (1920–1923 гг.) и журнала «Военно-исторический сборник» [22, с. 28, 33–34]. Дальнейшая разработка истории мировой войны велась усилиями отдельных военных специалистов, которые применяли свои научные знания и боевой опыт в преподавательской деятельности в советских военных учебных заведениях. Таким образом, советская власть стремилась создать благоприятные условия для военно-научной работы.

Следует также отметить, что в советской исторической науке 1920-х гг., которая характеризовалась сосуществованием марксистского направления и традиций старой дореволюционной школы, военная историография была относительно свободна от идеологического влияния. Авторы рассматривали участие России в мировой войне с точки зрения национальных интересов. Очевидно, что насущная проблема использования опыта бывших царских военачальников сглаживала их пренебрежение марксистско-ленинскими идеями.

Анализируя положение России в Антанте, военные историки не склонны были идеализировать Англию и Францию. Так, в сборнике статей, изданном Военно-исторической комиссией в 1920 г., отмечается, что Россия старалась не отделять свои военные и политические задачи от общесоюзнических интересов, в то время как для двух других основательниц Антанты было в порядке вещей не считаться с мнением России. Однако в создавшихся обстоятельствах усматривалась и вина русского командования, которое с самого начала не выработало твердой линии поведения с союзниками и постепенно упустило инициативу при разработке и проведении в жизнь общих военных планов [21, с. 13, 16–19].

К вопросам отношений России с союзниками обращался и Н.А. Данилов. В работе «Влияние великой мировой войны на экономическое положение России» (1922), составленной как лекционный курс для Военно-инженерной академии, автор утверждал, что в Петербурге ошиблись с выбором союзников. Союз с Гер-

манией или нейтралитет способствовали бы, по его мнению, благоприятному решению многих внешнеполитических задач России, в том числе вопроса о проливах. Участие же в Антанте не только не сулило России выгод, но и ущемляло ее национальные интересы [8, с. 24–26].

Появление в 1920-е гг. военно-исторических работ о взаимодействии России и Антанты было также вызвано актуальными потребностями времени. В 1926 г. выходит в свет сборник статей с красноречивым названием «Кто должник?». Это был своеобразный ответ бывшим союзникам на претензии по поводу долгов царского и Временного правительства. Авторы сборника доказывали, что поддержка европейского капитала дорого обошлась России и сполна окупилась жертвенной ролью России в победе Антанты. Так, В.Ф. Новицкий подчеркивал, что Россия постоянно отвлекала на себя силы противника на Восточном фронте и на Кавказе, не давая ему усилиться на Западе. Выход же России из войны, по мнению Новицкого, не имел никаких негативных последствий для союзников [19, с. 189, 192–193, 196–198]. Те же мысли разделял и А.Х. Базаревский. Он отмечал, что победа в 1918 г. досталась Англии и Франции только благодаря трехлетней передышке, предоставленной военными действиями России на Восточном фронте [2, с. 213].

На страницах сборника выступил и А.М. Зайончковский, проанализировавший особенности русско-французских отношений начала XX века. По его мнению, союз двух равноправных держав в годы николаевского правления постепенно стал приобретать невыгодный для России характер. В итоге Россия оказалась на положении «обслуживающей стороны» (и останется таковой вплоть до октября 1917 г.). Франция, как и Англия, зачастую заискивали перед царским правительством, но такое поведение объяснялось их опасениями, что Россия не примет участия в будущей войне [13, с. 23–24, 42–43].

Тема отношений России с союзниками была продолжена А.М. Зайончковским в его монографиях. Анализируя проблему в контексте подготовки к войне, автор отмечает, что «русско-французское военное соглашение приобретает... характер ком-

мерческой сделки, которой Франция страховала себе помощь России, ничем с своей стороны не обеспечивая действительные интересы ...последней» [11, с. 177], а французское правительство недвусмысленно подталкивало Россию к войне [12, с. 179]. Соглашение 1907 г. с Англией, по мнению Зайончковского, изначально не давало никаких реальных выгод России. Большое внимание автор уделяет проблеме черноморских проливов в отношениях между союзниками, пытается определить причины неудач России в ее решении. Он приходит к выводу, что российская дипломатия не проявляла должной решительности, подобно тому, как отстаивали свои интересы другие великие державы. Министры иностранных дел А.П. Извольский и С.Д. Сазонов полагались на случай, надеясь, что проливы достанутся России сами собой [12, с. 147, 267–269, 325].

Таким образом, в работах военных историков 1920-х гг. отношения России с Англией и Францией рассматриваются через призму ее национальных интересов; подчеркивается неравнозначный вклад стран Антанты в борьбу с общим врагом и обеспечение общесоюзных интересов. В 1930-е гг. подходы к изучению мировой войны меняются. Унификация исторического знания, происходящая в этот период, затронула и исследования по военной истории. В них зазвучала марксистская риторика, появились цитаты из произведений В.И. Ленина. Мировая война больше не именовалась великой.

В работах Н.А. Бологова, А.К. Коленковского интересы великих держав охарактеризованы как империалистические, а Россия предстает империалистическим хищником, стремящимся к захвату черноморских проливов [4, с. 33; 16, с. 5–7]. Подверглась переоценке роль России в Антанте. В 1930-е гг. стала господствовать идея (закрепленная в 1938 г. в книге «История ВКП(б). Краткий курс») о полукOLONИАЛЬНОМ положении России среди союзников. В лекционном курсе Н.А. Бологова отмечается, что царское правительство всецело зависело от западноевропейского капитала [4, с. 18–19]. Авторы не обходили стороной и противоречия между странами Антанты. Так, Н.Г. Корсун пишет о несогласованности действий союзников на Балканском театре военных

действий. Однако эта несогласованность, по его мнению, зачастую объяснялась нежеланием Англии и Франции способствовать усилению России в этом регионе мира [17, с. 78].

Советская историография за два десятилетия накопила немалый опыт научного изучения мировой войны и ее предыстории, несмотря на наметившуюся в 1930-е гг. ограниченность методологических подходов.

Разработка истории мировой войны осуществлялась и эмигрантскими военными специалистами. Их усилиями во многих центрах русского зарубежья были созданы научные и общественные центры, что способствовало разработке актуальной исследовательской проблематики в новых условиях. Так, в Белграде функционировало Общество ревнителей военных знаний, издававшее в 1921–1941 гг. журнал «Военный сборник». Во Франции генералом Н.Н. Головиным в 1920-е гг. были организованы курсы высшего военного образования. В Праге при историко-филологическом факультете Русского народного университета в 1927 г. был образован Кружок по изучению мировой войны [1, с. 43–44]. Как и в советской России, изучении мировой войны в эмиграции было связано с практическими целями – воссозданием русской армии, сохранением и приумножением военного опыта.

Одним из первых эмигрантских историков к проблеме мировой войны обратился генерал Ю.Н. Данилов. В работе «Россия в мировой войне 1914–1915 гг.» (1924), которую автор представлял читателю как воспоминания, подробно излагаются обстоятельства, приведшие к войне, описание боевых действий начального периода войны. Ю.Н. Данилов рассматривает и отношения России с союзниками. По его мнению, Англия, Франция и Россия являлись естественными противниками Германии, никаких сомнений по поводу целесообразности выбора царским правительством союзников у историка не возникало. Анализируя расстановку сил в Антанте в годы войны, Данилов пишет о жертвенности России по отношению к союзникам во имя общих интересов, но при этом он не склонен обвинять Англию и Францию в военных неудачах России [9, с. 4, 56, 395, 397]. Идея общесоюзных интересов прослеживается и в другом труде Ю.Н. Данилова, посвященном уча-

стию русских войск в военных действиях на Западном фронте и на Балканах в 1916–1918 годах. Автор отмечает, что эти войска продемонстрировали верность союзническим обязательствам, которые приняла на себя Россия [10, с. 247].

О жертвенной роли России в Антанте писал и генерал Н.Н. Головин, однако, в отличие от Ю.Н. Данилова, был более критичен в своих оценках. Головин указывал на выгоды, которые получали Англия и Франция от боевых действий на Восточном фронте, ничем не отплачивая России взамен. Такое положение дел, по мнению автора, было связано и с просчетами верховного командования, которое зачастую переоценивало военные возможности России, в результате чего Франция стала предъявлять союзнице непосильные требования [5, с. 129–130, 135–136, 164–165, 197]. По мнению Головина, «наше Верховное Главнокомандование... проявляло по отношению к своим союзникам такую высокую степень жертвенности, которая переходила границы национальных интересов» [6, с. 41].

Не менее категоричен по отношению к союзникам был и А.К. Байов. Он прямо обвиняет их в неблагодарности за забвение боевых заслуг русской армии, которой Англия и Франция были обязаны своей победой [3, с. 7, 34].

Весьма нелестную оценку положению России в Антанте дал А.А. Керсновский (1907–1944), автор многотомного труда «История русской армии». Он не был участником мировой войны, но тем не менее, отчетливо определил расстановку военно-политических сил. По мнению Керсновского, Россия, взяв на себя в начале войны обязательство не заключать сепаратного мира, низвела себя до положения державы второго сорта. Союзники вынуждали ее выполнять их военные требования, угрожая прекратить поставки вооружения (далеко не лучшего) [14, с. 5–6].

Отмечая солидарность эмигрантских историков с их советскими коллегами по вопросу участия России в войне (в том числе ее отношений с союзниками по Антанте), современные исследователи отмечают, что историческая наука русского зарубежья сохранила свою самобытность, истоки которой лежат в русской военно-исторической науке конца XIX века [1, с. 48]. Действи-

тельно, военные историки обоих направлений придерживались схожих воззрений относительно неравноправного положения России в Антанте, исходя из личного боевого опыта, подкрепленного доступными источниками. Причину такого положения они видели не только в политике самих союзников, но также и в просчетах российской дипломатии и верховного командования.

Список литературы

1. Авдеев, А. В. Первая мировая война глазами русского зарубежья / А. В. Авдеев // Последняя война Российской империи. – М. : Наука, 2006. – С. 39–48.
2. Базаревский, А. Влияние русского фронта на распределение сил центральных держав во время мировой войны / А. Базаревский // Кто должник? Сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции / под общ. ред. А. Г. Шляпникова, Р. А. Мухлевича и проф. Б. И. Доливо-Добровольского. – М. : Авиоизд-во, 1926. – С. 199–213.
3. Байов, А. К. Вклад России в победу союзников / А. К. Байов. – Таллин : Эмигрант, 1924. – 60 с.
4. Бологов, Н. А. Мировая империалистическая война 1914–1918 гг. / Н. А. Бологов. – Л. : Военно-морская акад. РККА, 1937. – 179 с.
5. Головин, Н. Н. Военные усилия России в мировой войне / Н. Н. Головин. – Париж : Товарищество объединенных издателей, 1939. – Т. II. – 246 с.
6. Головин, Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. I. Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. Кн. 1 / Н. Н. Головин. – Таллин : [Б. и.], 1937. – 169 с.
7. Даниленко, И. С. Первая мировая война в оценках крупнейших представителей отечественной военной мысли 1920–1930-х гг. / И. С. Даниленко // Последняя война Российской империи. – М. : Наука, 2006. – С. 58–65.
8. Данилов, Н. А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России / Н. А. Данилов. – Пг. : Госиздат, 1922. – 94 с.
9. Данилов, Ю. Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. / Ю. Н. Данилов. – Берлин : Книгоизд-во «Слово», 1924. – 400 с.
10. Данилов, Ю. Н. Русские войска на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг. / Ю. Н. Данилов. – Париж, 1933. – 255 с.

11. Зайончковский, А. М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам / А. М. Зайончковский. – М. : Госиздат, 1926. – 425 с.
12. Зайончковский, А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении / А. М. Зайончковский. – Л. : Воен. тип. Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. – 398 с.
13. Зайончковский, А. М. Франко-русские отношения до войны 1914 года / А. М. Зайончковский // Кто должник? – М. : Авиоизд-во, 1926. – С. 11–64.
14. Керсновский, А. А. Мировая война (краткий очерк). К 25-летию объявления войны / А. А. Керсновский. – Белград : Изд. «Царского вестника», 1939. – 16 с.
15. Козенко, Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны / Б. Д. Козенко // Новая и новейшая история. – 2001. – № 3. – С. 3–27.
16. Коленковский, А. Дарданелльская операция / А. Коленковский. – 2-е изд. – М. : Гос. воен. изд-во наркомата обороны СССР, 1938. – 136 с.
17. Корсун, Н. Г. Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. / Н. Г. Корсун. – М. : Воениздат НКО СССР, 1939. – 124 с.
18. Мальцев, Д. А. Первая мировая война глазами историков русского зарубежья / Д. А. Мальцев // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память : в 3 кн. Кн. 1. Народы Российской империи / под ред. О. В. Петровской. – М. : Рос. ин-т стратег. исслед., 2014. – С. 31–42.
19. Новицкий, В. Краткий очерк оперативных услуг, оказанных Россией бывшим союзникам в мировой войне 1914–1918 гг. / В. Новицкий // Кто должник? – М. : Авиоизд-во, 1926. – С. 170–198.
20. Рубцов, Ю. В. Первая мировая война в трудах российской военной эмиграции / Ю. В. Рубцов // Забытая война и преданные герои / авт.-сост. Е. Н. Рудая. – М. : Вече, 2011. – С. 268–288.
21. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. / сост. Н. Валентинов. – М. : Воен. тип., 1920. – Ч. 1. – 136 с.
22. Тархова, Н. С. Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.) / Н. С. Тархова // Последняя война Российской империи. – М. : Наука, 2006. – С. 27–38.
23. Шубин, Н. А. Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы (1914–2000) : дис. ... д-ра ист. наук / Н. А. Шубин. – М., 2001. – 289 с.

**RUSSIAN MILITARY HISTORIOGRAPHY
OF THE 1920-1930s ABOUT THE ROLE
OF RUSSIA IN THE ENTENTE**

Samokhina Galina Alekseevna

The Assistant Lecturer of General History and Religious Studies
Department,
Yelets State University of Bunin
Samokhina.g@mail.ru
Kommunarov St., 28, 399770 Yelets, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the works of Soviet and émigré military historians of the 1920s-1930s, devoted to Russia's relations with allies in the Entente. The study of the First world war and its history was due to scientific and practical interests. The representatives of both areas had similar perceptions regarding the role of Russia in the Entente, noting the neglect of England and France in the interests of their allies.

Key words: military historiography, the Russian Diaspora, Russia, the Entente, the First world war.

УДК 355.48

ББК 68.35

**THE ARITHMATIC OF WAR:
UNDERSTANDING THE THEORY
OF INTERNATIONAL MILITARY CONFLICTS**

Sachin N. Pardhe

Masters Degree in Political Science (M.A. Political Science),
Assistant Professor, Department of Civics & Politics,
University of Mumbai,
Mumbai (India)

Abstract. Conflicts have been an inevitable part of the socio-political history of humankind. Conflicts represent the clash of various interests and are critical for several reasons. Conflicts may determine the legitimacy of control over territory; people and natural resources as well as they define the fate of sovereign states and may even shape the direction of future world order. However, the role of conflicts is determined by the intensity and the nature of conflicts. If conflicts occur within the borders of sovereign states, then the conflicts may take form of civil wars and the outcomes may decide which party is going to take the legitimate control of a given territory as well as defines what kind of order is going to be established within the borders of that country. If a conflict involves two or more states it acquires international characteristics. In this case it may have wider implications like the readjustment of political borders redefining the legitimate control of states, shaping the direction of the regional or global order depending on the nature of the conflicts occurred. Although, there is a wide range of factors that contribute to the emergence of various conflicts, there has to be a thread of calculations that determine the escalation of these conflicts from minor to the major level.

Present paper attempts to analyse the theoretical dimension of international military conflicts primarily in the context of the World Wars. Why conflicts occur and how do they get escalated to the system level transcending the sub-regional and regional premises of sovereign states.

Key words: arithmetic of wars, international military conflicts, levels of conflicts, border conflicts.

Introduction

Conflicts have been one of the perennial phenomena of human history. Conflicts can simply be defined as a clash of interests, interests that may vary from personal, social, economic, political or security, pervading almost every aspect of human life and thus critical in defining the right and wrong or just and unjust. Although conflicts are seen as key barriers in the process of peace and stability, interestingly conflicts themselves play major catalysts in defining peace and order in the world. Conflicts can be studied applying levels of analysis measure right from an individual to the system level. However, the present paper attempts to focus on the state, sub-system and system levels of analysis to understand the causes of the conflicts and their escalation from state to regional and regional to system level acquiring the characteristics of a world war. The present study also attempts to theorise the escalation of conflicts from disagreements to the system level military collisions of states primarily applying the realist and neo-realist analysis of state behaviours leading towards conflicts.

Causes of Conflicts

As Lawrence Freedman says, ‘war is a bad thing to happen but, at least on occasion, a good thing to do’ [10]. Thus while attempting to answer why military conflicts or wars occur, one must understand the roots of the conflicts and the potential to escalate those conflicts to higher levels like major military conflicts or wars. In this analysis one thing needs to be noted that this analysis doesn’t cover the sheer escalation of general conflicts, it rather focuses primarily on the escalation of conflicts to the system level and hence study the conflicts ultimately turning into a world war.

If we peep into the past to analyse the major wars that had changed the course of history we come to know that these wars had been fought over the issues of ideologies, identities (cultural, racial, religions, etc), nationalism or even individual aspirations. Although there are various reasons behind the emergence of conflicts, the paper focuses on the political roots of conflicts leading to the high level wars. These political roots consist of ideological differences, identity clashes and nationalism as the prominent political catalysts. One of the beginning points of socio-political conflicts can be traced back to

the Rousseau's ideas on the emergence of civil society. According to Rousseau, 'the first man, who, after enclosing a piece of ground, took it into his head to say, 'this is mine,' was the true founder of civil society' [17]. In a way this can also be seen as the real beginning of the issue of legitimacy and control over territory, a seed for future conflicts that were going to be fought over such pieces of lands for gaining legitimate control over them.

Classical realism finds the root causes of war in the nature of man, like Thomas Hobbes argues about the inclination of all mankind, 'a perpetual and restless desire of Power after power, that ceaseth only in Death' [7]. However, Kenneth Waltz's while advocating his neo-realist theory appears to have been deviated from the classical realist argument of human nature causing the evil. He argues that 'neo-realism rejects the assumption that man's innate lust for power constitutes a sufficient cause of war in the absence of any other. It reconceives the causal link between interacting units and international outcomes' [22]. However, when it comes to decide the possibility of a system level war, neo-realists offers a variety of propositions like the polarity of the system (bipolarity or multipolarity) determining the relative peace and stability, the distribution of power among the units and what has brought about two streams in neo-realism namely offensive and defensive.

Although there are number of causes of international conflicts, the present paper argues, that at the root lay two critical causes defining the nature and the intensity of conflicts as well as the potential to take form of a system level military conflict. These two root causes are: i) Critical national interests, and ii) Systemic balance.

i) Critical national interests: National interests are the very soul of foreign relations of sovereign states and thus form the core of the foreign policies of states. Each state has a set of national interests that it seeks to protect, promote and preserve consistently while interactive with other units in the system. According to Jutta Weldes, 'the national interest' is important to international politics in two ways, First, it is through the concept of the national interest that policy-makers understand the goals to be pursued by a state's foreign policy. It thus in practice forms the basis for state action. Second, it functions as a rhetorical device through which the legitimacy of and political support for state action are generated' [23]. Weldes' argument helps us to understand the role of national interests in defining the external policies of states and the criticality of national interests

in the realm of international politics. However, while understanding the concept of national interests in the context of conflicts or war another interesting observation by Irving Kristol is important to note, Kristol argues that 'it is very difficult for great power-a world power-to articulate a foreign policy in the absence of an enemy worthy of the name. It is, after all, one's enemies that help define one's "national interest" [9]. Kristol's observation provides a strong connecting link between the existence of an enemy and national interests. However, to strengthen the argument further regarding the role of critical national interests in defining the possibilities of war, Carl von Clausewitz's definition of war plays an important role. Clausewitz defines war as 'an act of force to compel our enemy to do our will' [2]. In this definition of war what Clausewitz refer to as a 'will' of a state can be interpreted as a part of the wider set of national interests.

National interests thus can be seen from two directions: one, as a tool defining the foreign policy decisions of a sovereign state as well as justifying these decisions in international arena and second, as an object to be protected from external units. In both cases there is a high possibility of disagreement, while promoting, projecting and protecting the national interests in an anarchical system (as realist prefers to define it) where each unit is indulged in the same act, because of the different ways to construct and define national interests of each of these units. However, not all the disagreements culminate into conflicts and further get escalated to the higher level. Only the disagreements over critical national interests involving the stake related to the very existence and survival of a state or critical national security is in danger then it may result into conflict and can further escalate depending on the intensity and the criticality of the issue.

ii) Systemic balance: Systemic balance can be defined as a state of relatively stable system having some sort of structural order. Thus there are two important elements of the systemic balance: a) relative stability of system, and b) some sort of structural order.

a) Relative stability of system: there are various theories in the literature of international relations on the systemic stability like the hegemonic stability theory, balance of power theory, Power transition theory, etc. Although these theories propose different arguments, however, the objective of the analysis of all of them is to explain the relative stability or instability of the system at any given point of time. For example balance of power

theory rests on the assumption that the national security of states maximises when no single power in the system is powerful enough to dictate others. In short it defines the possibility of systemic stability in the context of the absence of the hegemonic power. Thus for states ‘the most important goal is the avoidance of hegemony’ [14]. Contrary to this theory, hegemonic stability proposes that the relative peace of the system depends on the presence of a hegemonic power (e.g. Pax Britannica or Pax Americana).

However, any type of systemic balance is not necessarily favourable to all the units and some states may get more benefits from the existing state of system, others may get relatively less benefits and some may not even get any benefits from the existing system. Those who enjoy the most benefits will tend to maintain the status-quo; those getting relatively less benefits may remain neutral and those are not getting any benefits at all may tend to challenge the existing status quo, further leading towards disagreements, conflicts or even military wars. However this escalation of disagreement to the violent conflicts to the system level military war depends on various aspects of the nature of units involved, the criticality of the national interests of both the status-quoist and the contesting units, along with the structure of the system. Therefore, to understand the escalation of the conflicts the paper proposes the following conflict escalation model to analyse the same.

How and Why Conflicts Escalate to Higher Level

The present study argues that World War occurs when the cumulative interests mingled with the individual state’s critical national interests of powerful and less powerful states are in danger as well as the systemic balance is getting upset. However the escalation of conflicts to the system level takes place in phases (see figure 1.1).

As shown in the figure primary disagreement can ultimately lead to a major military conflict acquiring global nature. However, not all disagreements reach to that level. To understand this process of conflict escalation let us understand the phases of conflict escalation ladder. At the bottom of the conflict escalation ladder is disagreement which has potential to get escalated to the highest system level depending on the nature and the intensity of the disagreements.

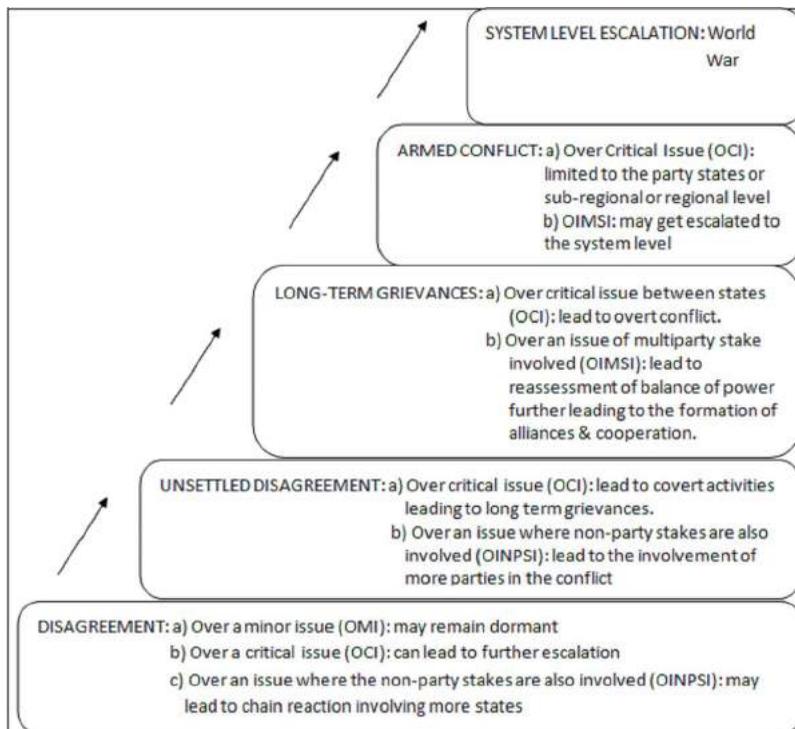

Figure 1.1. Conflict Escalation Ladder

Five Stages of Conflict Escalation to System Level: Stage I – Disagreement

Disagreement can be of three major types: a) Disagreement over minor issues like the forming a regional organisation, FTA or economic policies etc. these types of disagreements may not directly affect the key national interests (like the very survival) of the states in question and hence may remain dormant for years even without addressing them or even without paying much serious attention to them. These interests do not get strong momentum for further escalation.

b) Second type is disagreement over critical issues directly affecting the key national interests of individual states where the major stakes of the survival, national security are involved like disagreement over sharing

natural resources, borders, etc. These types of disagreements are more likely to result into violent clashes between states if not addressed properly on time. However, these types of conflicts mostly remained restricted to the concerned parties who are direct stakeholders.

c) Third type of disagreement could be over an issue where the non-party stakes are also involved. In this situation even if the disagreement occurs primarily between two or more states, the non-party great powers may also get involved in this conflicts covertly or overtly if their stakes are involved in the region because of the geopolitical or geostrategic or geo-economical interests or few of them or all of them are involved and (or) the stability of the region or maintaining the status-quo of the regional balance of power or challenging the status-quo of the region is or few of them or all of them are in the national interests of non-party great powers. In such cases a powerful external actor may get indulge in a local conflict with its political and material support or local parties might drag external allies into their struggle with opponents who are also allied with outside forces [6].

Stage II – Unsettled Disagreement

The second stage of conflict escalation is next phase of the existing situation or disagreements. As discussed above the first type of disagreement over minor issues may remain dormant and hence there is a least possibility of it leading to a large scale military conflict. However, second type of disagreement over critical issues if not addressed properly can further intensify the enmity between the states. On the other hand in case of third type of disagreement where the stake of non-party great powers are also involved, the situation leading towards unsettled disagreement over critical issues may lead to the increasing involvement of non-party states on each of the sides. Further leading towards the increasing number of states involving into the conflict.

Stage III – Long term Grievances

The third stage of conflict escalation is the conversation of unsettled disputes into long term unresolved grievances. Disputes over unsettled

critical national interest related issues if not addressed properly on time and if allowed to be a major cause of tense relations between the two parties can further lead towards unsettled long-term grievances. These unsettled long-term grievances between two states over critical issues of national interests can get escalated to a full scale military war however, limited to the concern parties. On the other hand the conversion of unsettled disputes into long-term unresolved grievances over the an issue of multi stake holder region can further lead to the chain reaction of forming alliances on each of the sides in the conflict.

Stage IV – Armed Conflicts

Forth stage of conflict escalation is the occurrence of overt military wars between states. In case of the bilateral overt military conflict over critical national interests it may further get escalated at the sub-regional or regional level and may result into change in the sub-regional or regional balance of power or may cause a major sub-regional or regional geopolitical change. However, in case of conflict over the critical national interest where the multiparty stakes are involved the violent overt military conflict may lead to further polarisation of systemic units and can ultimately lead to the system level military conflict because of the direct and indirect involvement of great powers in the conflict.

Stage V – World War

When the multiparty stakes get involved into the a sub-regional, regional conflicts challenging the existing systemic status-quo and seeking alternative systemic balance, it inevitably results into a system level war causing dramatic geopolitical changes and defines the new world order.

Understanding Theoretical Dimension

Theories are built upon the premises of the set of principles applied to explain a particular phenomenon or a particular pattern of behaviour from a specific point of view. Theoretical dimension of war cannot be understood properly unless we study both the causal

dimensions of theoretical analysis as well as the possibility of peace and stability. 'The independence of states is protected not by balancing but by the unwillingness of states to eliminate other states even if they are able to do so' [20]. However, that doesn't happen and theories attempt to answer why that doesn't happen.

Liberalism, realism and Marxism have been amongst the popular theories in international relations explaining the conflicts and cooperation in international relations from different perspective emphasising on various factors defining the possibilities of conflict and peace in the world.

Classical realists find the causal linkages of war to the human nature, lust for power and concerns for security of survival. Thus analyse the possibility of peace and conflict in the context of power politics and security perceptions of states. Therefore, for realists the terms balance of power, security dilemma or national interests are critical in shaping the possibilities of war and peace at any given point of time. 'Realists don't believe that international institutions be themselves are crucial to peace, because such institutions are merely a reflection of the balance of power of individual member states, which in the final analysis, determines issues of peace and war' [8]. For classical realist conflicts are inevitable part of the existence of states. Machiavelli even suggests that '*a prince ought to have no other aim or thought, nor select anything else for his study, than war and its rules and discipline; for this is the sole art that belongs to him who rules, and it is of such force that it not only upholds those who are born princes, but it often enables men to rise from a private station to that rank*' [11]. Neo-realist although share certain common assumption of classical realism primarily finds the causal linkages of war in the systemic structures and substructures like the Waltz argues that 'Conflict is a by-product of competition and of efforts to cooperate. In a self-help system, with conflict to be expected, states have to be concerned with the means required to sustain and protect themselves. The closer the competition, the more strongly states seek relative gains rather than absolute ones'.

Unlike realism, liberalism believes in the positive image of human nature inclined towards peace and harmony and hence finds the causal linkages of war to the 'misperception' [15]. Proponents of democratic peace theory argue that democracies do not fight with each others. Zeev

Maoz and Bruce Russett have examined the two models of democratic peace namely: ‘the normative model suggests that democracies do not fight each other because norms of compromise and cooperation prevent their conflicts of interests from escalating into violent clashes. The structural model asserts that complex political mobilisation process impose institutional constraints on the leaders of two democracies confronting each other to make violent conflict unfeasible’ [12].

World Wars and the Analytical Model

Although the beginning of the First World War is seen with an ‘unlucky mistake’ [16] of the assassination of Archduke Franz Ferdinand of Austria, heir to the throne of Austria-Hungary, by Yugoslav nationalist in Sarajevo, however the roots of this war can be seen in the remote past events that were shaping the critical balance of power in Europe. If we try to understand the way systemic balance was being altered in phases that led the world towards two great wars. The beginning of the nineteenth century witnessed the extension of manufacturing techniques beyond England to many European and other countries like Sweden, Belgium, France, US, Russia, Japan, etc. As early as 1880s, although Britain remained the dominant economic power, however, the rapid growth of the US and Germany in particular have started posing challenge to the pre-eminence of England. Consequently Europe saw the emergence of multiple poles competing with each other for power as well as challenging the pre-eminence of England. This competition led Europe towards suspicions and scepticism leading states to search for balancing tactics like alliances which resulted into the complex network of alliances in Europe like the Holy Alliance between Prussia, Russia and Austria, Triple Alliance between Germany, Austria-Hungary and Italy, Triple Entente of Russia, France and UK involving many great powers and ultimately resulting into the World War. First World War, thus was the culmination of various disagreements between European emerging powers like France, Italy, Germany, Austria-Hungary and Russia that started turning into long term grievances where the stakes of many great powers were involved. If we apply the conflict escalation model to understand the escalation of conflicts in Europe to

the system level we can find that how bilateral disagreements over various issues lead towards bilateral conflicts like the Pig War between Austria-Hungary and the Kingdom of Serbia in 1906-08 leading towards long term grievances paving way for further escalation and involvement of non-party stake holder like Russia, UK and France leading towards creation of alliances and further escalation to system level conflict. By 1914 Europe was engulfed by the war, 'what had started as the third Balkan war had rapidly become the First World War' [18].

Similarly 'Second World War was, in large part, a repeated performance of the first' [19]. Second World War started as a result of the post World War I changed systemic balance and as a response to the quest for alternative systemic balance by new powers like Germany, Italy and Japan. The date of September 1, 1939, when Germany invaded Poland, is considered as the date when the Second World War started. However till 1939 great powers like England and France did not attempt to prevent Germany under Hitler from capturing the neighbouring territories of Austria and Czechoslovakia because they could not perceived it as a threat to their immediate critical national interests, however, the moment Germany invaded Poland these great powers started realising the expansionistic ambitions of Germany and realised the need to act. Other great powers followed when their immediate critical national interests were in danger like the Russia's entry into the War by 1941 as a response to German operation Barbarossa, US entry into the war as a response to the Pearl Harbor attack led to the formation of alliances and further polarisation of the world into the two blocs the Allied and the Axis.

Both First and Second World Wars thus can be seen as a result of the changing systemic balance intermingled with the clashing critical national interests of great powers paving way for the most deadly disasters of human history.

Conclusion

History testifies that the conflicts and wars have been with us since antiquity as 'an inseparable part of the evolution of mankind' [5]. Conflicts have been shaping the course of history by defining and redefining world orders consistently. Hence there have been number of attempts to analyse,

explain and examine the nature and causes of conflicts. Present study also attempted to investigate the causal linkages of conflicts and the escalation of them to the system level primarily adopting a realist and neo-realist assumption of power politics that results into conflicts and further escalation. Although the five stage escalation ladder provides a logical and analytical tool to understand the escalation of conflicts from mere disagreements to the system level violent conflict, yet there are various other factors that may have a critical role in defining the further escalation at any given stage one of those critical element is nuclear weapons. Also since the end of the Cold War, the world has changed dramatically the end of the Second World War led to the end of the age of imperialism and further led to the decolonisation. 'In the past wars were viewed as a natural, quite normal and legitimate means of solving disputes among state' [1]. However as Virginie Mamadouh says, 'war is now widely seen as a condemnable collective behaviour rather than opportunity to demonstrate individual and collective strength' [4]. Although the concepts of national interests, power and security are still equally critical in defining peace and stability, however, the purview of those concepts appears to have widened much. The concept of security has transcended the traditional notion of security and non-traditional security approaches are being proposed to define national interests. The emergence of non-state actors in the international arena and the 'diffusion of power' [13] have compelled states to relocate their threat perceptions and redefine their perception towards multilateralism and collective endeavours to deal with the new threats of the new world. Yet, security, national interests and balance of power are still critical in shaping states perception of the international relations and hence the model given above may still find relevance in understanding the fundamental principles of conflict escalation.

References

1. Barsegov Y., Khairov R. A Study of the Problems of Peace. *Journal of Peace Research*, 1973, no. 10, pp. 71-80.
2. Diehl P.F., ed. War. London, Sage Publications Ltd., 2005, vol. I. 454 p.
3. Dunne T., Kurki M., Smith S. *International Relations Theories*. Oxford, Oxford University Press, 2013. 526 p.

4. Flint C. *The Geography of War and Peace: From Death Camps to Diplomats*. New York, Oxford University Press, 2005. 472 p.
5. Freedman L., ed. *War*. New York, Oxford University Press, 1994. 370 p.
6. Jeong H.-W. *Understanding Conflict and Conflict Analysis*. London, Sage Publications Ltd., 2008. 280 p.
7. Hobbes Th. *Leviathan*. *Free ebooks – Project Gutenberg*. Available at: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/3207/pg3207.txt>.
8. Kaplan R.D. *The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate*. New York, Random House Inc., 2012. 448 p.
9. Kristol I. *Defining Our National Interest*. *The National Interest*, 1990, no. 21. pp. 16-25.
10. Lindley-French J., Boyer Y., eds. *The Oxford Handbook of War*. New York, Oxford University Press, 2012. 736 p.
11. Machiavelli N. *The Prince*. *Free ebooks – Project Gutenberg*. Available at: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/1232/pg1232.txt>.
12. Maoz Z., Russett B. Normative and Structural Causes of Democratic Peace, 1946-1986. *The American Political Science Review*, 1993, no. 87, pp. 624-638.
13. Nye J.S. *The Future of Power*. New York, Public Affairs, 2011. 300 p.
14. Paul T.V., ed., Wirtz J.J., Fortmann M. *Balance of Power*. Stanford, Stanford University Press, 2004. 400 p.
15. Realism, Liberalism, and the War Powers Resolution. *Harvard Law Review*, 1989, no. 102, pp. 637-657.
16. Ross S. *Causes and Consequences of the First World War*. London, Evans Brothers Limited, 2003. 324 p.
17. Rousseau J.J. *A Discourse Upon the Origin And The Foundation of the Inequality Among Mankind*. *Free ebooks – Project Gutenberg*. Available at: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/11136/pg11136.txt>.
18. Strachan H., ed. *The Oxford Illustrated History of the First World War*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 400 p.
19. Taylor A. *The Origins of the Second World War*. London, Penguin Group, 1991. 98 p.
20. Wagner R.H. *War and the State: The Theory of International Politics*. Michigan, The University of Michigan Press, 2010. 272 p.
21. Waltz K.N. *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. New York, Columbia University Press, 2001. 263 p.
22. Waltz K.N. The Origins of War in Neorealist Theory. *The Journal of Interdisciplinary History*, 1988, no. 18 (4), pp. 615-628.

23. Weldes J. Constructing National Interests. *European Journal of International Relations*, 1996, no. 2. 275 p. Available at: <http://www.ic.ucsc.edu/~rlipsch/Pol272/Weldes.pdf>.

АРИФМЕТИКА ВОЙН: К ПОНИМАНИЮ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Сачин Н. Парди

Магистр политологии, доцент кафедры
политологии и гражданских движений
Университета Мумбаи,
Мумбаи, Индия

Аннотация. Конфликты всегда были неотъемлемой частью социополитической истории человечества. Конфликты представляют собой столкновение различных интересов и являются решающими по нескольким причинам. Результаты конфликтов могут определять легитимность контроля над территорией; людские и природные ресурсы в то же время определяют судьбу независимых государств и могут даже изменить мировой порядок. Конфликты по поводу приграничных территорий суверенных государств могут принять форму гражданских войн. Их результаты оказывают влияние на возможности осуществления легитимного контроля над определенной территорией, точно так же как и определяют, какой порядок будет установлен на приграничной территории. Если в конфликте принимают участие два и более государств, в отношении него применяются международные характеристики. В этом случае он может иметь такие последствия, как пересмотр политических границ, определяющих сферу контроля государств, формируя направления регионального и глобального порядка. Также существует большое количество факторов, которые определяют появление различных конфликтов. Их анализ позволяет определить эскалацию конфликта. В представленной статье анализируется теоретическое измерение международных военных конфликтов в контексте мировых войн. Почему появляются конфликты? Как происходит их эскалация от субрегионального до регионального уровня?

Ключевые слова: международные конфликты, факторы развития конфликтов, уровни конфликтов.

УДК 94(594)“1939/1945”

ББК 63.3(5Инз)6

ПУТЬ ИНДОНЕЗИИ К НЕЗАВИСИМОСТИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Хармоко Монток

Магистрант

Волгоградского государственного университета

harmokomontoc@yahoo.com

Индонезия

Аннотация. В статье раскрываются условия и особенности получения независимости Индонезии в период Второй мировой войны. В работе определяется роль разных движений в Индонезии в борьбе за независимость. Определено влияние Голландии, Японии на формирование национального освободительного движения в Индонезии. Дана характеристика влиянию Японии в странах Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Индонезия, война за независимость, Вторая мировая война, Япония, Сукарно.

Колониализм в Индонезии

С приходом Нидерландской Восточно-Индийской Компании 1602–1942 гг. (Vereenigde Oost-Indische Compagnie in Dutch) Индонезия вошла в период колониализма [4]. Вследствие владения превосходным вооружением и в результате проведения активной империалистической политики, Восточно-Индийская Компания (далее – ВИК) преуспела в том, что расширила свою власть и территорию. Руководители компании принимали решительные и жестокие меры к странам их монополии, тем самым поддерживая высокий уровень цен на специи.

В 1799 г. ВИК оказалась банкротом и все ее полномочия были переданы голландскому Правительству. После оккупации Нидерландов французами в течение Наполеоновской войны, Индонезия перешла под руководство Британско-Восточно-Индийской Компании (1811–1816). Сэр Томас Стамфорд Раффлес был назначен Генеральным лейтенантом-губернатором Явы [2].

После распада империи Наполеона, голландцы вернулись в Индонезию и продолжили свою колониальную политику, эксплуатацию природных ресурсов страны. Жестокие сражения вспыхнули всюду, во главе с патриотами, такими как Томас Маталессай (восстание Малуку, 1816–1818), принц Дипонегоро (Явская война, 1825–1830), Сайк Ди Тиро и Теуку Умар (война Акех, 1873–1903), Имам Теуку Бонджол (война Падри, 1830–1837 на Западе Суматры, и Сисингамангарая (война Батак, 1907)). Однако все эти войны за независимость были подавлены, а их лидеры заключены в тюрьмы или были сосланы [2].

В 1893–1931 гг. генерал-губернатор Ван ден Босч предложил систему «Tanam Paksa», которая ориентировала людей производить скорее коммерческие продукты, нежели необходимые продукты питания. Голландская Администрация ввела «этическую политику» в 1901 г., которая была нацелена на совершенствование образования и улучшение сельского хозяйства, но в действительности принесла небольшую выгоду населению. Представительный орган «Народный Совет» образовался в 1918 г., и работал главным образом по европейским принципам [2]. Были построены школы, но их было недостаточно.

В этот период борьба за независимость не утихла, состоялись неудачные войны. Период «национального пробуждения» получил название «Буди Утомо» (Boedi Oetomo). Начался он 20 мая 1908 г., когда студенты Военно-медицинской школы (Stovia) в Джакарте образовали организации Вахидин Судирохусодо и Сутото (Wahidin Sudirohusodo и Sutomo). Другие организации возникли вскоре после Первой мировой войны. Все они были нацелены на создание независимого индонезийского государства «Независимая Индонезия».

Только единством можно было справиться с колониализмом Голландии. Молодежное движение 28 октября 1928 г. призывало к единству среди индонезийской молодежи и заявляло о преданности идее «Одна нация – “Индонезия”»; одна страна – “Индонезия”; один язык – “Индонезийский язык”». В духе единства, проводимого молодежью, женские организации страны провели в их поддержку первую конференцию в Джокьякарте

22 декабря 1928 г. и объединились в отдельную организацию «Конгресс Индонезийских Женщин». Молодежные организации «Молодая Суматра», «Молодая Ява», «Молодая Минахаза», «Молодой Амбон» и т. д. также объединились в «Молодую Индонезию» (Pemuda Indonesia) [5].

Вторая мировая война и ее влияние на Индонезию

Вторая мировая война принесла конец голландскому доминированию в Индонезии, когда 7 марта 1942 г. голландские вооруженные силы сдались японцам. Япония, умело эксплуатируя лозунг «Азия для азиатов», обещала помочь Индонезии против врагов и защищать от колониализма. Как и в других завоеванных территориях Юго-Восточной Азии, японская оккупационная администрация, стремясь заручиться максимальной поддержкой местного населения, проводила в Индонезии курс на стимулирование националистических, антиевропейских настроений, подчеркивая этническую и культурную близость между индонезийцами и японцами. Освобожденные из тюрем осужденные до войны голландцами лидеры национально-освободительного движения (в том числе Сукарно) привлекались к сотрудничеству: под контролем японских властей им разрешалось создание общественно-политических структур националистического толка. Так, под руководством Сукарно в 1942 г. была учреждена организация ПУТЕРА (PUTERA, Pusat Tenaga Rakyat – «Центр народной силы»), преобразованная в 1943 г. в «Союз верности народу Явы». Кроме того, в сотрудничестве с рядом местных деятелей японцами было сформировано индонезийское военное ополчение ПЕТА (PETA, Pembela Tanah Air – «Защитники родины»), в ряды которого к 1945 г. было мобилизовано более 37 тыс. местных жителей [6].

Политика Японии в Индонезии имела определенный успех: к сотрудничеству с японцами в начальный период оккупации были готовы большая часть национальной элиты страны и достаточно широкие общественные слои. Однако поддержка японской администрации среди индонезийцев значительно ослабла после проведенной оккупантами масштабной мобилизации местного населе-

ния на принудительные сельскохозяйственные и военно-инженерные работы и систематического насильственного изъятия продовольствия. В 1943–1945 гг. в различных районах Индонезии происходили антияпонские выступления, в том числе с участием вышедших из-под японского контроля формирований ПЕТА, которые, как правило, жестко подавлялись [7].

В 1945 г. Япония, пытаясь, в лице японской администрации, сохранить поддержку среди индонезийских националистов, объявила о начале практической подготовки к независимости Индонезии. С этой целью в марте 1945 г. был сформирован Исследовательский комитет по подготовке индонезийской независимости (Badan Penyelidik Usaha Persiapan Kemerdekaan Indonesia, BPUPKI) в составе нескольких десятков активистов местного национально-освободительного движения (в их числе – Сукарно и будущий вице-президент страны Мохаммад Хатта). Исследовательским комитетом был подготовлен проект индонезийской конституции; на одном из его заседаний 1 июня 1945 г. Сукарно провозгласил принципы Панчасила (Pancasila), ставшие впоследствии основой государственной идеологии Индонезии. Панчасила как философия нации Индонезии означает, что в каждом аспекте жизни страна, общество и государство зависят от ценности Божества, человечества, единства, народности и равенства. 7 августа 1945 г. для рассмотрения наборок Исследовательского комитета была сформирована Комиссия по подготовке независимости Индонезии, КПНИ (Panitia Persiapan Kemerdekaan Indonesia, PPKI), председателем которой был избран Сукарно [7].

Атомные бомбы в Хиросиме и Нагасаки

В августе 1945 г. США сбросили атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки. В результате по меньшей мере 140 000 человек погибли [1]. После атомных бомб Япония капитулировала. Командир Южной группы армий Японии фельдмаршал Хисаити Тэраути пригласил Сукарно и Моххамад Хатта в город Далат во Вьетнаме. На встрече они обсудили независимость Индонезии. Япония согласилась в том, что Индонезия получит независимость в ближайшие дни.

Согласно плану, декларация о независимости должна была быть объявлена 27 августа 1945 года. Ее должны были подписать все 27 членов КПНИ, которые представляли различные политические и общественные группировки, а также различные регионы страны [3]. Но подобный план встретил отторжение со стороны руководителей радикального молодежного крыла национально-освободительного движения, которые боялись, что активное сотрудничество членов Комиссии с японскими оккупационными властями поставит под вопрос легитимность Декларации в глазах значительной части населения, а также осложнит перспективы международного признания индонезийского государства.

14 августа 1945 г. через радио ВВС Япония пообещала передать власть в Индонезии в руки союзников. Группа молодежных активистов узнала о плане Японии. Они вывезла Сукарно и Хатта в Ренгасденклок (Rengasdengklok) к востоку от Джакарты, где в ходе многочасовых переговоров убедили их в необходимости немедленного провозглашения независимости без привлечения большей части членов Комиссии.

День независимости

Сукарно и Хатта вернулись из Ренгасденклока в Джакарту вечером 16 августа. 17 августа 1945 г. индонезийцы объявили свою независимость и установили Унитарное государство Республики Индонезии, которое охватывает территорию, ранее принадлежавшую Нидерландам. Было решено провести соответствующую церемонию в доме Сукарно на улице Прокламаци № 1. Сукарно в присутствии относительно небольшой группы активистов национально-освободительного движения после краткой импровизированной речи огласил текст подготовленной Декларации.

17 августа ежегодно отмечается в Индонезии национальный праздник – День независимости.

Таким образом, Вторая мировая война имела большое влияние на независимость Индонезии, так как изменила баланс сил в регионе, способствовала приходу к власти сначала японцев, которые сами того не желая, усилили националистическое движение в стране. А поражение

ние Японии в войне позволило полностью высвободить страну от иностранного гнета. Индонезийцы получили независимость с большим трудом. Независимость Индонезии – не подарок от захватчиков.

Список литературы

1. Hiroshima and Nagasaki Bombing // Hiroshima Day Committee. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.hiroshimacommittee.org/Facts_NagasakiAndHiroshimaBombing.htm. – Title from screen.
2. Moedjanto, G. Sejarah Indonesia Abad ke 20 Jilid I Dari Kebangkitan Nasional Sampai Linggarjati / G. Moedjanto. – Yogyakarta : Kanisius, 1989. – 69 h.
3. Indonesian War of Independence // Global Security. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.globalsecurity.org/military/world/war/indo-inde.htm>. – Title from screen.
4. Suryanegara, A. M. Menemukan Sejarah / A. M. Suryanegara. – Mizan, 1998, cet. IV, hal. 92–93.
5. Riklefs, M. C. Sejarah Indonesia Modern / M. C. Riklefs. – Yogyakarta : Gadjah Mada University Press, 1994, hal. 297.
6. Sejarah DPR mulai jaman penjajahan s.d. KNIP // Dewan Perwakilan Rakyat Republik Indonesia. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.dpr.go.id/id/tentang-dpr/sejarah>. – Title from screen.
7. World War II and the Struggle for Independence, 1942–1950 // The Library of Congress. – Electronic text data. – Mode of access: [http://lcweb2.loc.gov/cgi-bin/query/r?frd/cstdy:@field\(DOCID+id0029\)](http://lcweb2.loc.gov/cgi-bin/query/r?frd/cstdy:@field(DOCID+id0029)). – Title from screen.

INDONESIA IN WWII: THE WAY TO INDEPENDENCE

Harmoko Montoc

Master Student,
Volgograd State University
harmokomontoc@yahoo.com
Indonesia

Abstract. This article describes the conditions of creation of independent movements during WWII. The article also describes the role of different movements in the struggle for independence in Indonesia. The influence of the Netherlands and Japan in formulation national liberation movements is identified. Japan influence in the area of the South East Asia is also described in the article.

Key words: Indonesia, the war for independence, WWII, Japan, Soekarno.

УДК 94(73).091.7

ББК 63.3(7)6

**«ГОВОРЯЩИЕ С ВЕТРОМ»:
ИНДЕЙЦЫ-ШИФРОВАЛЬЩИКИ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

Нелин Тимур Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения, заместитель директора Центра американских исследований «Americana» Волгоградского государственного университета
timur-nelin@yandex.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Во Второй мировой войне приняли участие 25 тыс. индейцев США. Особое место среди них занимали группы радистов-шифровальщиков. Использование индейских языков в радиоэфире препятствовало перехвату врагом секретных сообщений. Наиболее известны шифровальщики из племен навахо и команчей. Однако в годы Второй мировой в качестве радистов служили также и представители других индейских племен. Их подвиг долгое время оставался незамеченным, и только в начале XXI в. награды нашли героев. Вопрос о том, насколько актуальным может быть опыт использования языков малых народов во время войны, в настоящее время остается открытым.

Ключевые слова: Вторая мировая война, США, радисты-шифровальщики, американские индейцы, навахо.

До того как японцы напали на Перл Харбор, в вооруженных силах США числилось примерно 4 тыс. индейцев. К концу войны эта цифра выросла до 25 тыс. Из них, согласно цифрам, приведенным американским профессором истории Элисон Бернстейн, 21 217 служили в сухопутных войсках, 1910 – во флоте, 874 – в морской пехоте и 121 – в береговой охране [4, р. 40]. Примерно 60 % всех военнослужащих индейцев были добровольцами. Для сравнения в Первой мировой войне приняли участие, согласно данным Бюро по делам индейцев, порядка 12 тыс. коренных аме-

риканцев, из них 10 тыс. – в сухопутных войсках и 2 тыс. – во флоте. Добровольцев при этом было примерно 75 % [3].

Среди всех воевавших индейцев особое место в годы Второй мировой войны занимали радисты-шифровальщики.

Система шифрования военных сообщений на языках индейских народов хорошо зарекомендовала себя еще в годы Первой мировой войны. Суть системы была даже не столько в шифровании, сколько в использовании в радиоэфире языка коренных народов. Тогда в 1918 г. впервые на европейском театре боевых действий был использован язык племени чокто. Среди немцев знатоков этого языка не оказалось. По примеру чокто к концу Первой мировой войны уже и другие племена, такие как чероки, команчи, чейенны, осейджи и янктон-сиу стали использовать свой родной язык для передачи военных сообщений [2].

Опыт Первой мировой войны позволил развить систему шифрования в годы Второй мировой, усложнив ее тем, что некоторые традиционные языки также получили кодировку. Во время войны, таким образом, использовались две системы – просто передача информации индейцами на родном языке и передача информации с помощью основанного на родном языке шифра.

Подобная схема передачи сообщений была по сути беспроигрышной: грамотные дешифровщики врага могли справиться практически с любым кодом, но незнание языка оригинала делало расшифровку практически невозможной. Еще более невозможной была бы попытка врага передать в радиоэфире ложное сообщение, поскольку не член племени не мог в точности и без акцента воспроизвести фонетику индейского языка, а значит был бы раскрыт.

В американских войсках это прекрасно понимали. Понимали также, что враги будут делать все, чтоб захватить носителя языка. Такая ситуация, например, сложилась на тихоокеанском театре военных действий. Японцам удалось взять в плен представителя племени навахо, но кодировка все равно не позволила ему понять смысла передаваемых сообщений. Как он сам впоследствии признался своему соплеменнику-радисту: «Я так и не понял, что вы, ребята, хотели сказать» [1].

Вообще навахо были самыми многочисленными из индейских шифровальщиков Второй мировой – 420 человек [11]. Их подвигу впоследствии даже был посвящен фильм – «Говорящие с ветром» (2002 г.) режиссера Джона Ву, что еще более прославило солдат этого племени.

Помимо навахо во Второй мировой прославились также шифровальщики команчи. Первые были задействованы на Тихом океане, вторые – в Европе. Военная история представителей этих двух племен наиболее изучена в американской историографии. Известны и операции с их участием и система кодировки [6; 8; 10].

Однако навахо и команчи были не единственными радистами-шифровальщиками в годы Второй мировой. Согласно данным Национального музея американских индейцев, представители по меньшей мере еще 13 племен были задействованы в такого рода деятельности: ассинибойны, чероки, оджибве (чиппева), онейда, чокто, хопи, кайова, меномини, крики, семинолы, пауни, сауки и фоксы, разные группы сиу (лакота, дакота) [11]. Тем не менее информации о радистах из этих племен не так много, и их подвиг долгое время оставался незамеченным. Этой проблеме 22 сентября 2004 г. было посвящено отдельное заседание Комитета по делам индейцев в Сенате США [7].

После проведенной работы администрация США установила и другие племена, члены которых служили во Второй мировой войне в качестве радистов. В 2008 г. был издан Акт о признании радистов-шифровальщиков, согласно которому награждались все «забытые» ранее индейцы-ветераны [5]. Список племен с оригинальными наградами для каждого был представлен Министерством финансов США [12]. Помимо уже названных индейских народов, в список попали апачи, тлинкиты, кроу, осейджи, понка, арапахо, могавки, виннебаго (хо-чанк), пуэбло акома и пуэбло лагуна [15].

Про все эти племена информация отрывочна. В основном об их участии и о театре боевых действий можно узнать из прессы, в статьях, посвященных ветеранам. Например, 27 сауков и фоксов, что составляло 16 % от всей общины штата Айова, сража-

лись против германских войск в Северной Африке [9]. Радисты-шифровальщики семинолы отметились и в Нормандии, и в Битве за Иводзиму [13]. Хопи участвовали в сражениях за Маршалловы острова и Новую Каледонию [14].

Как бы то ни было, сейчас совершенно очевидно, что индейские языки во многом определили успех военных кампаний США в годы Второй мировой войны. Интересно при этом отметить, что начиная с XIX в. США проводили политику жесткой ассимиляции, индейским детям в школах строго запрещалось говорить на родном языке. Тем, кто ослушивался, мыли рот с мылом. Это известные факты и они не единичны. Подобная политика проводилась не только в отношении индейцев, но и в отношении других малых народов. К счастью для американцев, их же собственная политика ассимиляции индейцев дала сбой, что позволило выиграть ни одно сражение на полях Второй мировой войны.

Немного удивляет тот факт, что документы об индейцах-шифровальщиках, в частности навахо, были рассекречены, притом еще в 1968 году. Если информация о такой эффективной системе передачи секретных сообщений была предана гласности, то это вряд ли можно списать на халатность американских военных. Скорее всего, система просто морально устарела. С современными на тот момент, и тем более на настоящее время, системами космического и радиоэлектронного слежения информацию разведки о передвижении вражеских войск можно получить и иным путем, более быстро и качественно. С другой стороны, наличие у врага современной системы слежения также делает использование зашифрованных сообщений радиоэффира малоэффективным. Вообще получение информации по радиоэффиру стало уступать по значимости другим средствам получения этой информации.

Правда, здесь совершенно очевидно, что в случае сбоя какой-либо современной системы, американцы могут перейти к уже опробованной тактике использования радистов-шифровальщиков из малых народов. И здесь у американцев опять будет преимущество, поскольку специалистов в индейских языках у потенци-

альных врагов США можно пересчитать по пальцам. Таким образом, вполне логично, что сохранение языков малых народов можно рассматривать как одну из важных в стратегическом плане задач США.

К сожалению, надо признать, что сейчас, в эпоху мультикультурализма, многие языки индейцев потихоньку вымирают. Является ли такая ситуация действительной угрозой национальной безопасности США – вопрос философский. Исходя из исторического и военного опыта, можно предположить, что да, языки малых народов имеют огромную ценность. Тем не менее проблема с языками коренных народов не фигурирует в списке угроз национальной безопасности США. Не фигурирует она и в списке угроз национальной безопасности РФ. Хотя для России с ее полиэтничностью американский опыт использования языков малых народов мог бы пригодиться.

Список литературы

1. Молнар, А. Неизвестная Вторая Мировая: радисты-навахо / А. Молнар ; пер. А. Абакумова // Месоамерика глазами русских первопроходцев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.mezoamerica.ru/indians/north/warriors_xx04.html. – Загл. с экрана.
2. Нелин, Т. В. «Боевой клич чокто»: как индейцы прославились в Первой мировой войне / Т. В. Нелин // Americana. Вып. 14. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. – С. 5–11.
3. 1917: American Indians volunteer for WWI // Native Voices: Native Peoples' Concepts of Health and Illness. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.nlm.nih.gov/nativevoices/timeline/650.html>. – Title from screen.
4. Bernstein, A. R. American Indians and World War II: Toward a New Era in Indian Affairs / A. R. Bernstein. – Norman : University of Oklahoma Press, 1991. – 251 p.
5. Code Talkers Recognition Act. Oct. 15. 2008 / United States Government Printing Office. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-110publ420/pdf/PLAW-110publ420.pdf>. – Title from screen.
6. Durrett, D. Unsung Heroes of World War II: The Story of the Navajo Code Talkers / D. Durrett. – Lincoln : University of Nebraska Press, 2009. – 130 p.

7. Hearing before the Committee on Indian Affairs. United States Senate. One Hundred Eighth Congress, Second Session on Contributions of Native American Code Talkers in American Military History. Sept. 22. 2004 / United States Government Printing Office. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-108shrg96125/pdf/CHRG-108shrg96125.pdf>. – Title from screen.

8. Holm, T. Code Talkers and Warriors: Native Americans and World War II / T. Holm. – New York : Chelsea House, 2009. – 168 p.

9. Last Meskwaki code talker remembers // USA Today. – 2002, July 4. – Electronic text data. – Mode of access: <http://usatoday30.usatoday.com/news/nation/2002/07/06/codetalkers.htm>. – Title from screen.

10. Meadows, W. C. The Comanche Code Talkers of World War II / W. C. Meadows. – Austin : University of Texas Press, 2003. – 320 p.

11. Native Words Native Warriors / National Museum of the American Indian. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.nmai.si.edu/education/codetalkers/html/chapter2.html>. – Title from screen.

12. Peterson, D. Treasury and Mint Join Congress to Honor Native American Code Talkers // United States Department of the Treasury. – 2013, Nov. 21. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.treasury.gov/connect/blog/Pages/Treasury-and-Mint-Join-Congress-to-Honor-Native-American-Code-Talkers-.aspx>. – Title from screen.

13. Seminole code talker Edmond Harjo dies at 96 // Tulsa World. – 2014, Apr. 13. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.tulsaworld.com/news/local/seminole-code-talker-edmond-harjo-dies-at/article_6d65c407-10e8-56ae-ab96-aaa1b3b3a29f.html. – Title from screen.

14. Shaffer, M. Forgotten Heroes: Non-Navajo Code Talkers Seek Equal Recognition / M. Shaffer // Canku Ota – A Newsletter Celebrating Native America. – 2001, Jan. 13. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.turtletrack.org/Issues01/Co01132001/CO_01132001_Heroes.htm. – Title from screen.

15. Tribes to receive Congressional Gold Medals in honor of Code Talkers // Choctaw Nation of Oklahoma. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.choctawnation.com/news-room/press-room/media-releases/tribes-to-receive-congressional-gold-medals-in-honor-of-code-talkers/>. – Title from screen.

"WINDTALKERS": NATIVE AMERICAN CODE TALKERS IN THE WORLD WAR II

Nelin Timur Vladimirovich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of International Relations and Foreign Area Studies,
Deputy Director, Center of American Studies "Americana",
Volgograd State University
timur-nelin@yandex.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. 25 thousand Native Americans took part in World War II. There were several special groups of code talkers among them. They used Native American languages as a basis to transmit coded messages during the wartime. Enemies couldn't intercept such messages. The most well-known code talkers are the Navajo and the Comanches. However, Native soldiers of several other nations also serviced as code talkers during the Second World War. Their feat has been remaining unnoticed for a long time. Awards found their heroes only at the beginning of the XXI century. The question remains open: is American war experience in usage of small nation languages still relevant nowadays.

Key words: World War II, USA, code talkers, Native Americans, Navajo.

УДК 316.46

ББК 66.3

**ОБРАЗ И.В. СТАЛИНА
В ЗАПАДНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ
В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Мельниченко Дмитрий Вячеславович

Студент кафедры политологии
Волгоградского государственного университета
melnichenko-dmi@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В настоящей работе сделан анализ образа И.В. Сталина в западных печатных СМИ в период Второй мировой войны. Проанализировано отношение западных печатных СМИ к И.В. Сталину в довоенный и военный период. Сделан вывод, что отношение западных печатных СМИ к И.В. Сталину неоднозначно и обладает и позитивным и негативным характером. Определены причины позитивного и негативного отношения западных печатных СМИ к И.В. Сталину.

Ключевые слова: образ Сталина, печатные СМИ, «Таймс», Вторая мировая война, СССР.

В современном мире, когда страны могут свободно переписывать различные исторические факты и события в зависимости от своих интересов, вопрос о роли личности в истории остается весьма актуальным. То же самое касается роли И.В. Сталина во Второй мировой войне. Несомненно, его поступки и деятельность на мировой арене в довоенный период можно оценивать по-разному, однако, невозможно отрицать тот факт, что Сталин внес огромный вклад в победу над фашизмом. Эти и многие другие достижения сделали Сталина одной из важнейших фигур середины XX века. Свообразное отношение к И.В. Сталину сложилось в западных СМИ. Имя Сталина не сходило со страниц западных периодических изданий с конца 20-х гг. XX в. и до самой его смерти, причем обладало то негативным, то позитивным характером.

В довоенный период многие западные печатные издания говорили о Сталине как о тиране, ассоциируя его с жестокостью и тоталитаризмом [1, с. 29]. Но тем не менее многие западные СМИ признавали за ним реальную силу. Чтобы рассмотреть образ И.В. Сталина в западных периодических изданиях, следует обратиться к британской газете «Таймс», являющейся одной из самых известных и авторитетных мировых газет, которая довольно подробно освещала события довоенного периода.

Одним из главных объектов критики «Таймс» являются некоторые факты из жизни Сталина. Так, например, британская газета много внимания уделяла отчислению Сталина из духовной семинарии. Особое внимание «Таймс» уделяла его отношениям с Лениным. Они сравнивали Ленина с Христом, а самого Сталина с апостолом Петром, который также как и Сталин несколько раз отрекался от своего наставника.

Отдельные статьи были посвящены роли И.В. Сталина в коммунистической партии. Сталин был отображением трансформационных процессов в самой партии, которые получили название «плебейзации». Суть этого процесса заключается в увеличении количества рабочих среди членов партии. Эти рабочие занимались низкоквалифицированным трудом в бюрократическом аппарате и не обладали ни политическим опытом, ни необходимым образованием. Сталин стал человеком, который смог объединить этих новых коммунистов вокруг себя и обеспечить их карьерный рост. Поэтому многие западные издания критиковали сталинскую политическую элиту за ее рабочее происхождение и необразованность.

Особое внимание западные периодические издания уделяли внешней политике Сталина. Как пишет газета «Таймс», с 1938 г. Советскому Союзу удалось уклониться от военной опасности со стороны Германии. Сталин был вынужден пойти на уступки Германии, что позволяло Гитлеру развязать войну не затрагивая СССР. Более того, Гитлер предложил Сталину присоединиться к Тройственному союзу, однако, ему пришлось отказаться, иначе Германия стала бы мощным игроком на международной арене. В то же время благодаря пакту о нейтралитете между Японией и СССР

1941 г. Сталин смог переориентировать военную агрессию Японии против США, и тем самым уменьшил угрозу войны между Японией и СССР [2, с. 34].

Таким образом, «Таймс» отмечает, что в тактическом плане внешнюю политику Сталина можно назвать успешной. Пока Британия и Франция воевали с Германией, Сталину удалось выиграть время на подготовку к войне с Гитлером, укрепить свою оборону и развить военную промышленность. Конечно же, Сталину было бы выгодно вступить в союз с западными странами, однако ситуация в мире не позволяла ему это сделать.

«Таймс» довольно часто сравнивает Сталина с Лениным. В отличие от своего приемника, Ленин был прекрасным агитатором и идеалистом. Сталин, наоборот, обладал организаторским талантом и был превосходным администратором. «Таймс» также отмечает, что Сталину в его проводимой политике не хватало гуманности, которой обычно придерживался Ленин.

В 1940 г. «Таймс» назвала Сталина «человеком года». Свой выбор издание объяснило огромным влиянием Сталина на мировые события. По мнению газеты «Таймс» мир стоял на пороге новой эпохи. И это связано с деятельностью Сталина, который изменил соотношение сил в Старом Свете. Главным событием 1939 г. стало подписание пакта Молотова – Риббентропа, предусматривающего раздел сфер влияния между СССР и Германией. Благодаря этому Сталину удалось заполучить часть территории Польши и присоединить прибалтийские государства. Итоговый вывод британского издания был негативный. Сталин выступал в роли антигероя и «партнера Гитлера по агрессии».

Однако к 1943 г. ситуация в мире сильно изменилась. СССР стал жертвой агрессии Германии, однако, Советскому Союзу удалось выдержать мощь немецкой армии и нанести ей ряд сокрушительных поражений. При этом СССР стал союзником США и Великобритании в войне с Германией [3, с. 5]. Поэтому отношение редакции «Таймс» к советскому лидеру заметно изменилось.

Теперь Сталин из «партнера Гитлера по агрессии» стал великим лидером своей страны, которого признавали все остальные государства. «Таймс» достаточно тепло писала о его трудолюбии и

силе воли. Вклад советского лидера в успехи на фронте был неоценим. Сталин сумел разрушить подозрения Запада относительно Советского Союза, сумел отстоять Сталинград и Москву и подготовить контрнаступление, тем самым изменив весь ход войны.

Кроме того, издание отмечало, что Сталин показал себя умелым игроком на международной арене и умело использовал зарубежную прессу для достижения своих целей. По мнению газеты «Таймс», Сталин раскрыл себя как настоящий государственный деятель. И если раньше мир издевался над большевиками, то 1942 г. показал, что Сталин создал мировую державу с мощной экономикой и военной силой.

Таким образом, представление Сталина в западных печатных СМИ остается весьма неоднозначным. Большинство западных изданий позиционировали Сталина как жестокого диктатора и тирана, не принимающего гуманистические ценности и готового решиться на многое для достижения своих целей. И даже сейчас большинство жителей Европы видят его именно таким. Однако многие издания отмечают успехи Сталина во внешней политике, связывая это с его талантом стратега и дальновидностью. Стоит отметить, что начиная с 1943 г. тон западных печатных СМИ заметно изменился. Западные издания перестали критиковать Сталина и отмечали его вклад в успех советской армии. Такое изменение отношения к советскому лидеру связано с неудачами Германии на Восточном фронте и созданием союза между СССР, Великобританией и США.

Список литературы

1. Печатнов, В. О. Американские образы СССР в 1945 г. / В. О. Печатнов // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 5. – С. 28–32.
2. Гуров, В. А. К вопросу о роли И.В. Сталина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / В. А. Гуров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 32–38.
3. Печатнов, В. О. Сталин. Рузвельт. Черчилль: «большая тройка» через призму переписки военных лет / В. О. Печатнов // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – № 5. – С. 1–11.

THE IMAGE OF STALIN IN WESTERN PRESS MEDIA IN THE SECOND WORLD WAR

Melnichenko Dmitri Vyacheslavovich

Student, Department of Political Science,
Volgograd State University
melnichenko-dmi@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the present work the analysis of the image of Stalin in Western press media in the Second world war. Analyzed the attitude of Western press media to Stalin in the pre-war and war period. It is concluded that the attitude of Western press media to Stalin ambiguous and possesses both positive and negative. Determined the causes of positive and negative attitudes of Western press media to Stalin.

Key words: image, Stalin, press media, “The Times”, Second world war, USSA.

УДК 327:94(100)

ББК 63.3(0)62

**НОВЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУЦИИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Циватый Вячеслав Григорьевич

Кандидат исторических наук, доцент,
Заслуженный работник образования Украины,
первый проректор по научно-педагогической и учебной работе
Дипломатической академии Украины при МИД Украины
tsivatyy@i.com.ua
ул. Большая Житомирская, 2, офис 219, 01001 г. Киев, Украина

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы создания новых международных и политико-дипломатических институций середины XX в., на примере институциональной модели Организации Объединенных Наций (ООН) в контексте достижений, задач и дилемм внешней политики и дипломатии государств накануне и в годы Второй мировой войны. Уделено внимание роли СССР в институциональном развитии ООН в условиях глобализированного мира, угроз и новых вызовов современности.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, институционализация, ООН, Вторая мировая война, СССР.

2015 г. является юбилейным годом многих важных всемирно-исторических событий, и прежде всего – годом 70-летия Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны. Но также в этом году мы отмечаем и 70-летие создания универсального форума межгосударственного общения и главного элемента современной многосторонней дипломатии – Организации Объединенных Наций (ООН).

ООН – международная организация, созданная в эпоху кардинальных мировых изменений, для поддержания и укрепления

международного мира и безопасности, развития сотрудничества между государствами на новом институциональном уровне. Процессы институционализации ООН как новой международной институции происходили в особенных международно-политических и дипломатических условиях периода Второй мировой войны, как ответ на новые вызовы и угрозы системе международных отношений середины XX века. Устав ООН был утвержден на Сан-Францисской конференции, проходившей с апреля по июнь 1945 г., и подписан 26 июня 1945 г. представителями 50 государств. Дата вступления Устава в силу (24 октября) отмечается как День Организации Объединенных Наций. В число государств-основателей, фундаторов ООН по праву были внесены две союзные республики – Белорусская ССР и Украинская ССР, сыгравшие в последующем важную роль в институциональном развитии новосозданной международной институции.

В год 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне особо актуализируются исторические и теоретико-методологические исследования этого направления. Особое внимание в них уделяется тем объективным и субъективным факторам (институциональным, дипломатическим, внешнеполитическим, военно-стратегическим, геополитическим, экономическим и т. д.), которые легли в основу достижения Великой Победы.

И в историческом прошлом, и в современном мире различные государства в формате международных организаций реализовали свои национальные интересы. Международная организация – это инструмент совместного решения международных проблем, которые касаются интересов нескольких государств или групп их граждан. Международные организации появились из практики работы международных конференций – формы международного сотрудничества, которое имеет древние традиции и исторически обусловленные институциональные основы. Наличие международных организаций придает международным отношениям стабильность, упорядоченность и институциональную завершенность. Поскольку, как свидетельствует исторический опыт, международные организации есть наиболее многочисленные из всех

международных институтов, то сам термин «международный институт» часто используется как синоним термина «международная организация», при этом не все ученые считают эти понятия абсолютно тождественными [10, с. 158–160].

В данной статье основное внимание сосредоточено на анализе международных институтов, которые появились во время Великой Отечественной войны как ответ на угрозы и новые вызовы военного времени.

Как только началась Вторая мировая война, почти все существовавшие к этому времени международные институты по обеспечению мира, безопасности и сотрудничества перестали функционировать. Начали складываться институты сотрудничества стран, входивших в противостоявшие друг другу блоки, – стран «Оси» и стран антигитлеровской коалиции. Естественно, что эти институты имели специфический характер, обусловленный экстремальными условиями, а потому все они являлись временными.

Это были, как правило, встречи глав государств и правительств стран-союзниц, конференции глав государств и правительств и министров иностранных дел. Учреждались комитеты и комиссии для вынесения рекомендаций по решению встававших перед союзниками проблем. На конференциях представителей стран антигитлеровской коалиции определялись: структура руководящих органов, а также цели, задачи и принципы деятельности универсальной организации в послевоенном мире.

На начальном этапе войны, когда круг ее участников оставался относительно узким (Англия и Франция с их доминионами и колониями, с одной стороны, и Германия и Италия, с другой), вся организационная работа сводилась к встречам глав правительств и министров иностранных дел этих государств, учреждаемым ими комитетам и комиссиям военного сотрудничества. В этом плане особый интерес представляют многочисленные посещения главой правительства Великобритании (с 10 мая 1940 г.) Уинстоном Черчиллем Парижа, его встречи с главой правительства Франции, многочисленные заявления и меморандумы этих деятелей. А после оккупации Парижа германскими войсками и выхода Франции из войны, в течение целого года Анг-

лия оставалась одна против фашистской Германии, и скольконибудь значительных международных встреч и действующих институтов в этот период не было.

Однако в это время родился очень важный в тот период специфический институт, сыгравший значительную роль в ходе войны. Это был институт *ленд-лиза*. 11 марта 1941 г. Конгресс США принял Ленд-лиз Акт, согласно которому США, в целях их собственной защиты, могли предоставлять дружественным странам в аренду военное оборудование и имущество для борьбы с общим врагом при условии оплаты стоимости арендованного имущества в долларах США или чистым золотом в период аренды и после окончания войны. Не подлежали оплате имущество и оборудование, утраченные во время войны. Оставшееся имущество подлежало возврату в США. Первой этой возможностью воспользовалась Великобритания, а затем Советский Союз (с 7 ноября 1941 г.) и другие страны антигитлеровской коалиции.

После агрессии гитлеровской Германии против Советского Союза, «ставшей актом самосохранения для Британии» [12, р. 6], война принимает истинно мировой характер. 12 июля 1941 г. между правительствами СССР и Великобритании было заключено Соглашение о совместных действиях в войне против Германии. Оно положило начало процессу формирования антигитлеровской коалиции. Вскоре аналогичные соглашения были подписаны СССР с находившимися в эмиграции в Лондоне правительствами Чехословакии (18 июля 1941 г.) и Польши (30 июля 1941 г.).

Период Второй мировой войны имеет огромное количество примеров деятельности различных форм международных институтов. Так, 24 сентября 1941 г. в Лондоне состоялась межсоюзная конференция с участием представителей СССР, Бельгии, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, Франции и Чехословакии. Однако долгое время и после этого скольконибудь тесной координации действий Великобритании и СССР в войне против общего врага не было. СССР отражал натиск основных сил фашистской Германии, Великобритания наносила точечные удары далеко от Европы. Более активным было сотрудничество между Великобританией и Соединенными Шта-

тами. США, будучи еще нейтральной страной, поставляли по ленд-лизу Великобритании и Советскому Союзу многое из необходимого для противостояния Германии. В августе 1941 г. в Канаде состоялась встреча президента США Ф.Д. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У.С. Черчилля, во время которой был составлен один из первых программных документов Второй мировой войны о принципах и целях двух стран и их возможных союзников в происходящей войне. Великобритания предложила США стать своего рода мировой полицейской силой (международной институцией) в послевоенном мире, с чем Рузвельт охотно согласился.

26 мая 1942 г. был подписан договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны, а 11 июня 1942 г. подписано соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии [6, с. 8]. Атлантическая хартия фактически завершила процесс договорного оформления ядра антигитлеровской коалиции и в ней нашли отражение главные цели, а также программа действий англо-американо-советской коалиции. Антигитлеровская коалиция – военно-политическая коалиция государств и народов, боровшихся против агрессивного блока Германии, Италии, Японии и их сателлитов. К окончанию войны в эту институцию входили более 50 государств, но главенствующие позиции занимали ее организаторы – СССР, США и Великобритания.

Государства, участвовавшие во Второй мировой войне, одним из своих приоритетов в геополитических планах стремились как можно точнее коррелировать экономический потенциал, военные и материальные запасы, пространственные резервы, мобилизационные силы и коммуникационные возможности своих противников. Отсюда вполне природно, что геополитический фактор и оценка потенциальных возможностей отдельных регионов в ходе политико-дипломатических переговоров и в ходе военных действий занимали особое место в расчетах стратегов как гитлеровского блока, так и антигитлеровской коалиции [4; 6].

Международные конференции как форма межгосударственного общения и международного сотрудничества стали нормой в дипломатической практике военного времени. 14–23 января 1943 г. состоялась очередная конференция с участием президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля в Касабланке. Для работы в этом международном институте были приглашены руководители «Сражающейся Франции» генералы Де Голль и Жиро. Еще одна конференция представителей США и Великобритании состоялась 12–25 мая 1943 г. в Вашингтоне. 24 августа 1943 г. в Квебеке завершила свою работу конференция четверки (США, Великобритания, Канада и Австралия). Вскоре началась высадка англо-американских войск под командованием генерала Александра в Италию. Фашистский режим в Италии был свергнут, и эта страна заявила о своем выходе из войны на стороне Германии. Однако после вторжения немецких войск на итальянскую территорию фашистский режим на севере Италии был воссоздан в виде так называемой «Республики Сало», во главе которой Гитлер поставил своего соратника Б. Муссолини.

Условия жесточайшей мировой войны с резко активизировавшейся агентурной работой и международным террором, провокациями и попытками рассорить союзников друг с другом путем предложения им сепаратного мира резко ограничили возможности непосредственных контактов между государственными деятелями, заставили их перейти от открытой дипломатии к дипломатии тайной [3; 9]. Говоря словами У. Черчилля, война потребовала сопровождать «правду эскортом лжи» [11, р. 342]. Правда, уже на Тегеранской конференции, в беседах с И. Сталиным, он несколько переиначил эту свою мысль: во время войны политические деятели должны быть окружены ложью в качестве телохранителя.

Основной институциональной формой координации стратегии и тактики действий союзников становится переписка глав государств и правительств Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, которые за весь период войны смогли встретиться непосредственно для обсуждения общестратегических задач только три раза: в ноябре – декабре 1943 г., в

феврале и в августе 1945 года. Наиболее мобильным из этих руководителей оказался У. Черчилль, который многократно побывал во время войны в Советском Союзе, США, Франции и других странах для оперативного решения проблем с личным участием.

Более активно работали внешнеполитические ведомства стран «Большой тройки». Для разработки и согласования предложений по вопросам всеобщей заинтересованности, вносимых на рассмотрение «Большой Тройки», была учреждена новая институция – *Совет министров иностранных дел*.

В конце сентября 1943 г. между союзниками была достигнута договоренность об учреждении военно-политической комиссии, состоявшей из представителей СССР, США, Великобритании и Французского комитета национального освобождения. Состав и компетенция этой комиссии, получившей в октябре 1943 г. название Консультативного совета по вопросам Италии, были определены на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

Конференция «Большой тройки» в Тегеране началась 28 ноября 1943 г. с общей оценки положения дел на фронтах мировой войны и обсуждения мероприятий по ее ускоренному завершению. Главным из них было открытие второго фронта в Европе. Руководители трех стран уделили значительное внимание в Тегеране будущей международной институции – универсальной организации мира и безопасности, речь о которой шла в декларации Московской конференции четырех держав.

В совместной Декларации, принятой 1 декабря 1943 г., руководители трех стран, информируя мир о состоявшейся конференции и принятых на ней решениях, выражали свою решимость в том, что их страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время. В ней говорилось о высокой ответственности, лежащей на их странах и на всех Объединенных Нациях за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения [8, с. 96–109]. Концепция международной организации безопасности была

конкретизирована на конференции в Думбартон-Оксе с 21 августа по 28 сентября 1944 года.

Важные для судеб мира решения о послевоенном устройстве мира были приняты на второй встрече «Большой Тройки» в г. Ялта. По своей значимости решения Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) могут быть сравнимы с решениями Вестфальского и Венского конгрессов, а также Версальской и Вашингтонской конференций вместе взятых, с которыми связывают новое институциональное развитие и установление качественно нового мирового порядка после крупнейших континентальных и мировых войн. Именно Ялтинская конференция считается самой знаменитой встречей, повлиявшей на дальнейший ход истории и во многом обусловившей особенности современной геополитики.

Конференция проходила еще во время войны, но уже всем было вполне ясно, что Германия геополитически обречена на поражение. Институционализация новой политико-дипломатической конфигурации биполярного мира требовала четкого раздела сфер влияния, именно поэтому встала острая необходимость заранее предопределить геополитические контуры нового мирового порядка второй половины XX века.

На конференции государств антигитлеровской коалиции и присоединившихся к ним стран в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.) был согласован, утвержден и подписан Устав Организации Объединенных Наций. Берлинская (Потсдамская) конференция «Большой тройки», состоявшаяся уже после капитуляции Германии (17 июля – 2 августа 1945 г.), по существу подтвердила все решения Ялтинской конференции [1; 5].

Сфера сотрудничества СССР, США, Великобритании и других держав антигитлеровской коалиции во время войны была весьма разноплановой: они нашли общую почву для организации и координации совместных действий против Германии, а затем и против Японии; выработали общую политику в отношении вывода из войны Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии – союзников гитлеровской Германии; договорились о поддержке национально-освободительной борьбы народов оккупированных гитлеровцами европейских стран; согласовали дипломатическую и разведыватель-

ную деятельность; сформулировали и одобрили основные принципы Организации Объединенных Наций как всемирного органа по обеспечению коллективной безопасности; пришли к соглашению об основных условиях послевоенного мирного урегулирования и институционального устройства, и т. д. [2; 7, с. 38; 9; 13].

Антигитлеровская коалиция сумела обеспечить победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, продемонстрировав тем самым свой потенциал и институциональные возможности демократического сотрудничества среди большинства государств мира. Но прекратила она свое существование с началом «холодной войны» под давлением новой волны геополитических проблем, не выдержав испытания миром.

Таким образом, пять великих держав тогдашнего мира договорились решать все проблемы мира и безопасности на планете путем их единогласия. Они согласились, что итогом работы таких международных институтов, как международные конференции военного периода, институциональным закреплением итогов Второй мировой войны станет создание Организации Объединенных Наций (ООН), которая призвана решать все проблемы мира и безопасности на планете путем их единогласия. Итоговая институциональная точка международного сотрудничества по итогам Второй мировой войны была успешно поставлена. Война закончилась, создав геополитический вакуум и институциональное пространство глобального масштаба.

Реалии послевоенного международного порядка, новой институционально-дипломатической и международно-политической системы неотлагательно требовали серьезного геополитического осмысления. В соответствии с политико-дипломатическими итогами Второй мировой войны – геополитическая карта и политическая картина мира были всецело изменены. Регулятором международно-политических и межгосударственных отношений должна была стать теперь новая институция – Организация Объединенных Наций (ООН).

Освобождение мира от фашизма ознаменовало новый этап мировой истории, исторический рубеж в судьбах всего человечества. Сохранение исторической памяти в условиях глобализованного современного мира является важным фактором укрепле-

нія міждержавних відносин і міжнародно-політичної стабільності.

Список літератури

1. Берлінська (Потсдамська) конференція керівників трьох союзних держав – СРСР, США і Великої Британії (17 липня – 2 серпня 1945 рр.). – М. : Політгиздат, 1984. – 511 с.
2. Боротьба за Україну в 1943–1944 рр.: влада, збройні сили, суспільство: Збірник наукових праць / за ред. В. А. Смоля, О. Є. Лисенка. – Київ : Інститут історії України, 2014. – 622 с.
3. Винокуров, В. И. История военной дипломатии. В 2 т. Т. 2. Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами (1891–1945) / В. И. Винокуров. – М. : Светлица, 2010. – 640 с.
4. Кондрашов, В. В. Военные разведки во Второй мировой войне / В. В. Кондрашов. – М. : Кучково поле, 2014. – 399 с.
5. Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война : док. и материалы / Ин-т всеобщей истории. – М. : Наука, 2002. – 677 с.
6. Московская конференция Министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). – М. : Політгиздат, 1984. – 384 с.
7. Мунтян, М. А. Антигитлеровская коалиция: достижения и проблемы союзнического партнерства / М. А. Мунтян // 65 лет Великой Победы. В 6 т. Т. 3. Победа. – М. : МГИМО-Университет, 2010. – С. 36–51.
8. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). – М. : Політгиздат, 1978. – 198 с.
9. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО України). – Ф. 62. – Оп. 1. – Спр. 47. – Арк. 7 ; Ф. 62. – Оп. 2. – Спр. 294. – Арк. 20–25.
10. Циватий, В. Г. ООН у системі координат глобалізованого світу XXI століття: інституціональні традиції, цивілізаційний вимір, сучасні виклики / В. Г. Циватий // Актуальні проблеми міжнародних відносин : збірник наукових праць : Інститут міжнародних відносин КНУ імені Тараса Шевченка. – Київ, 2005. – Вип. 58. – Ч. II. – С. 158–166.
11. Churchill, W. S. The Second World War / W. S. Churchill. – London, 1952. – Vol. V. – 609 p.
12. Feis Gerbert. Churchill, Rusevelt, Stalin. The War They Wayged and the Peace They Sought. A diplomatic History of World War II / Gerbert Feis. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1957. – 704 p.

13. Київ: війна, влада, суспільство. 1939–1945 рр.: За документами радянських спецслужб та нацистської окупаційної адміністрації / ред. кол. В. А. Смолій, О. Г. Бажан, та ін. – Київ : Темпора, 2014. – 864 с.

**THE NEW INTERNATIONAL POLICY
AND DIPLOMATIC INSTITUTIONS
OF THE SECOND WORLD WAR:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS**

Tsivatyi Viacheslav Grigorievich

Ph.D., Associate Professor,
Honored Worker of Education of Ukraine,
The First Vice-Rector for Scientific and Educational Work of the Diplomatic
Academy of Ukraine of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine
tsivatyy@i.com.ua
Velyka Zhytomyrska St., 2, office 219, 01001 Kyiv, Ukraine

Abstract. Topical issues of the creation of new international political and diplomatic institutions of the mid-twentieth century, for example, the institutional model of the United Nations (UN) in the context of the achievements, challenges and dilemmas of foreign policy and diplomacy of states before and during the Second World War in considered at the article. Attention is paid to the role of the USSR in the institutional development of the United Nations in a globalized world, threats and new challenges of modernity.

Key words: foreign policy, diplomacy, institutionalization, OUN, Second World War, URSS.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

УДК 364:93/94(07)
ББК 60.90я3я7

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Андрющенко Ольга Евгеньевна

Кандидат социологических наук, доцент
кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградского государственного университета
maimail@list.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются этапы формирования системы социальной реабилитации инвалидов в России. Особый акцент делается на анализе военного и послевоенного периодов, характеризующихся развитием медико-социального обслуживания инвалидов войны в процессе реабилитации. Изучение данного опыта приобретает большую актуальность в современных условиях формирования доступной среды жизнедеятельности для лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: социальная реабилитация, инвалидность, послевоенное время, социальная работа.

Становление отечественной системы социальной реабилитации инвалидов непосредственно обусловлено социально-эконо-

мическими условиями и историческими катаклизмами в стране. Так, трагические события определили потребности общества в защите граждан, потерявших свое здоровье на фронте, производстве, при ликвидации техногенных катастроф.

В настоящее время в научной социальной литературе принято выделять четыре основных этапа формирования системы социальной реабилитации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья [1]. Два из этих этапов приходятся на довоенное время: начальный этап, охватывающий период с начала XIX века до 1917 г., когда впервые социальная реабилитация приобретает современное понимание и является естественным продолжением медицинского восстановления здоровья человека. Развитие данного этапа связывают с созданием в конце XIX века в Петербурге приюта-школы для «увечных» под эгидой Комитета Красного Креста и приюта для взрослых инвалидов Общества опекунства бедных и больных.

Следующий этап формирования системы социальной реабилитации охватывает период с 1917 по 1940 гг. и его начало связано с изменениями системы социального страхования и пенсионного обеспечения. Кроме того, к 1940 г. в СССР было завершено формирование Врачебно-трудовых экспертных комиссий (ВТЭК) и системы социального обеспечения инвалидов, создана система трудоустройства инвалидов всех трех групп.

Особое внимание в рамках данной работы вызывает третий этап, начавшийся в 1941 г. вместе с Великой Отечественной войной (ВОВ) и продолжающийся вплоть до начала 90-х годов XX века. Следует подчеркнуть, что в целом Вторая мировая война существенно модифицировала подход к врачебно-трудовой экспертизе и реабилитации инвалидов.

Так, 6 мая 1942 г. Совнарком СССР принимает Постановление о квотировании рабочих мест для инвалидов, закреплявшее обязанность за руководителями предприятий и учреждений предоставлять им работу в соответствии с возможностями их физического и психического здоровья, медицинских рекомендаций, и сохраняющее пенсию на период работы. Более того, согласно данному нормативному акту органы социального обеспечения должны были организовывать переобучение инвалидов.

Безусловно, что в данный период существенно увеличились объемы экспертной деятельности ВТЭК (в начале 1944 г. в стране работали 2776 комиссий при военных госпиталях) и расширились категории обслуживаемых (была включена инвалидность, приобретенная на фронте) [2]. При этом большинство представителей категории «инвалиды Великой Отечественной войны» желали вести профессионально-трудовую деятельность, однако для I и II групп не предусматривались трудовые рекомендации, что категорически усложняло проведение с ними мероприятий по социальной реабилитации.

Решение данной проблемы было найдено в Наркомате социального обеспечения РСФСР, которое заключалось в возможности ВТЭК устанавливать III группу инвалидности лицам с «выраженным анатомическим дефектом». Окончательно данный вопрос решился в 1956 г., когда в Положение о ВТЭК было добавлено положение о возможности инвалидам I, II и III групп продолжать трудовую деятельность в зависимости от специфики условий труда.

В целом, большое количество раненых солдат и мирных граждан в период Великой Отечественной войны обусловили как экстенсивное, так и интенсивное развитие системы социальной реабилитации и помощи. Уже в декабре 1942 г. были созданы дома для инвалидов ВОВ, впоследствии реорганизованные в трудовые интернаты.

Необходимо отметить, что война дала особый толчок развитию медицинской реабилитации, которая включала в себя помощь больным с тяжелыми повреждениями черепа, головного и спинного мозга, позвоночника. Термин «реабилитация» окончательно входит в медицинские категории, а на практике начинают формироваться его главные направления: собственно медицинская, социальная и профессиональная реабилитация.

Следует подчеркнуть, что качество профессиональной экспертизы в то время значительно повысилось благодаря углубленной специализации ВТЭК (например, туберкулезные, психиатрические, подrostковые комиссии). Кроме того, были созданы высшие ВТЭК, а именно республиканские, краевые и областные, призванные исполнять руководящие, контролирующие и консультационные функции.

Окончательное положение о ВТЭК было утверждено постановлением Совета Министров СССР 5 ноября 1948 г. и, самое главное, в

таким виде эти учреждения осуществляли свою деятельность вплоть до назревшей реформы системы социальной защиты населения в 1996 году. Необходимо отметить, что деятельность структур экспертизы и реабилитации инвалидов в СССР того времени являлась передовым мировым опытом в данной области.

Очевидно, что такие успехи невозможны без научно-методических разработок в тот период. Так, в 1954 г. на основе результатов научных исследований, выводов и обобщения практического опыта работы в области врачебно-трудовой экспертизы и трудоустройства инвалидов была разработана Инструкция по определению групп инвалидности, утвержденная Министерством здравоохранения СССР. Данный нормативно-правовой акт закреплял кардинально новые критерии оценки трудоспособности лиц с ограниченными возможностями здоровья, базирующиеся на доскональном анализе медицинских и социальных факторов с учетом фактического состояния трудоспособности при выполнении профессиональных обязанностей рабочими и служащими гражданами.

Следует особо отметить, что одновременно с улучшением системы социального обеспечения в анализируемый период были приняты нормативно-правовые акты, отрицательно сказавшиеся на развитии общественного движения инвалидов. Так, в 1956 г. согласно решению коммунистической партии и Правительства РСФСР значительное количество предприятий Всероссийского союза кооперации инвалидов отходило в ведение органов государственной промышленности (полностью артели были ликвидированы в 1960 г., что положило конец самой влиятельной общественной организации инвалидов того времени).

Также в качестве отрицательного явления следует назвать господствующий в то время изоляционный подход по типу социальной групповой эксклюзии в отношении граждан с инвалидностью, что нашло свое выражение в значительном увеличении количества интернатных учреждений. Кроме того, отражение данного подхода на практике ярко проявляется в высоком уровне барьерности среды жизнедеятельности, транспортной недоступности, программно-методологических трудностях, связанных с обучением инвалидов.

Таким образом, формирование системы социальной реабилитации и медико-социальной экспертизы в военные и послевоенные годы, несмотря на свой передовой мировой опыт, характеризуется как положительными, так и отрицательными сторонами. История становления системы социальной реабилитации инвалидов находится в тесной взаимосвязи с такими явлениями, как война и послевоенное восстановление, рост промышленности и производства, поскольку в таких напряженных условиях человек кардинально утрачивает свое здоровье и возможность к самообеспечению.

Список литературы

1. Сергиенко, Л. Зарубежный опыт функционирования системы социальной защиты инвалидов / Л. Сергиенко // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. – 2014. – № 2. – С. 172–180.
2. Смирнов, Г. С. Врачебно-трудовая экспертиза в системе социальной защиты населения (на примере южного Урала) / Г. С. Смирнов // Социум и власть. – 2013. – № 6. – С. 113–117.

THE FORMATION OF SYSTEM OF SOCIAL REHABILITATION OF THE DISABLED IN WARTIME AND POST-WAR TIME

Andrucshenko Olga Evgenevna

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor
of Social Work and Pedagogy,
Volgograd state University
maimail@list.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstracts. The article discusses the stages of formation of the system of social rehabilitation of disabled people in Russia. Special emphasis is placed on the analysis of war and post-war periods, characterized by the development of medico-social care for disabled veterans in the rehabilitation process. The study of this experience is gaining increasing importance in modern conditions of creating an accessible environment for persons with disabilities.

Key words: social rehabilitation, disability, the post-war period, social work.

УДК 94 (476) «1943/1953»:614.2:364

ББК 63.3(4Бел)62.2+51.1 (4Бел)

ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ БССР ОБЩЕСТВОМ КРАСНОГО КРЕСТА В 1944–1950-е ГОДЫ

Бахир Юлия Николаевна

Аспирант кафедры истории Беларуси

Витебского государственного университета

им. П.М. Машерова

yu.bahir@yandex.ru

просп. Московский, 33, 210022 г. Витебск, Республика Беларусь

Аннотация. Для Общества Красного Креста (ОКК) БССР 1944–1950-е гг. стали периодом восстановления организационной структуры (во время войны она была полностью разрушена), расширения санитарно-оборонной работы и участия в решении медико-социальных проблем. В статье рассматриваются основные направления работы по оказанию медицинской и социальной помощи населению.

Ключевые слова: общественные организации, Красный Крест, шефская помощь, работа с населением.

Еще до полного освобождения республики в конце 1943 г. началось восстановление организационной структуры Красного Креста. Инициатива принадлежала Оргбюро Исполкома СОКК и КП по БССР. В итоге, уже в 1945 г. краснокрестной деятельностью были охвачены все 12 областей БССР, комитеты которых сосредоточили внимание на оказании шефской помощи, проведении противоэпидемических мероприятий, подготовке медкадров и санитарного актива, развитии донорского движения и расширении агитационно-массовой работы. Цель нашей работы – определить основные мероприятия Общества Красного Креста (ОКК) БССР по оказанию помощи населению в 1944–1950-е годы.

Несмотря на то, что часть районов БССР, население которых отселялось от линии фронта, находилась в 1944 г. в зоне военных действий, работа организаций КК по укреплению санитарной обороны

проводилась интенсивно. Были созданы сандружины и санпосты, которые оказывали действенную помощь органам здравоохранения при воздушном нападении противника и по ликвидации эпидемических заболеваний. Санэпидотряды были созданы согласно постановлению СНК СССР от 1 апреля 1944 года. Изначально Исполком СОКК и КП организовал 30 отрядов, 8 из которых работали в БССР [1, с. 119]. В их полномочия входили мероприятия по выявлению и госпитализации больных, санитарной обработке населения и вещей, проведение прививок. В целях ликвидации медико-санитарных последствий оккупации в БССР с 1945 г. работало уже 15 отрядов [2, л. 19; 3, л. 7]. Как правило, отряды из 16 человек во главе с врачом снабжались медикаментами, дезинфекционными средствами, имели санитарно-гигиеническую лабораторию и могли на месте развернуть небольшие стационары на 15 коек. По прибытии в район отряды совместно с здраводелами устраивали бани, прачечные, проводили профилактические прививки, дезинфицировали одежду, оказывали помощь пострадавшим от взрывов мин [1, с. 119]. Отряды отчитывались перед органами здравоохранения, комитетами Обществ, комиссиями здравоохранения исполкомов местных Советов депутатов трудящихся [4, с. 148]. Все это дает основание говорить о том, что работа санэпидотрядов в целях повышения ее эффективности контролировалась несколькими инстанциями.

После окончания войны отряды переключились на обслуживание пунктов, через которые проходило население, возвращавшееся на родину после немецкого плена, стали заниматься профилактикой туберкулеза и малярии трахомы [4, с. 120]. Усилилась борьба с заболеваниями рака. Так, в 1946 г. при ЦК ОКК БССР была создана противораковая комиссия [2, л. 8, 9]. Большое значение имела подготовка из числа наиболее активных членов Общества профилированного актива по профилактике болезней. В республике были созданы комитеты по профилактике рака, борьбе с туберкулезом, детским травматизмом. Отметим, что темы по профилактике и борьбе с онкологическими заболеваниями были включены также в программы подготовки медсестер, санитарных дружинниц и ГСО, что свидетельствовало о серьезном подходе Общества к противодействию заболеваниям в послевоенный период.

В соответствии с постановлением СМ БССР от 25 декабря 1947 г. «О мероприятиях по ликвидации эпидемических очагов заболевания паразитарными тифами в Белорусской ССР» организации предлагалось совместно с органами здравоохранения создать из активистов бригады и провести проверку санитарного состояния общественных мест. Необходимо было осуществить подворные обходы, задействовать в этом санитарный актив, а от райкомов требовалось выполнение постановлений с предоставлением цифровых данных [5, л. 1]. Выполняя подобные решения в 1949 г., в БССР 85 тыс. активистов принимали участие в санитарных обследованиях. Было осмотрено 236 тыс. объектов, выявленные недочеты были устранены в 103,8 тыс. случаев [1, с. 148]. Заметим, что общественные организации были зависимы от государственных решений, их деятельность проходила в рамках общереспубликанских кампаний.

В военный и послевоенный период Обществом особое внимание уделялось проведению шефской работы над эвакогоспиталями, детьми-сиротами, оказанию помощи семьям погибших солдат и офицеров, инвалидам войны. Уже в 1944 г. Обществом было взято шефство над 250 детскими домами, 42 эвакогоспиталями, 2 домами инвалидов войны. За 1944–48 гг. в помощь сиротам было собрано 7 млн рублей. В 1947 г. на шефские средства открыт санаторный пионерлагерь ЦК ОКК БССР, который функционировал до 1952 г., где ежегодно отдыхало до 600 сирот [6, л. 6]. Каждый районный комитет по указанию Исполкома СОКК и КП был обязан взять шефство не менее чем над одним детским учреждением [7, л. 3]. В 1945 г. шефской работой занималось 90 районных комитетов, 443 первичные организации осуществляли шефство над 155 детскими домами с 14 397 детьми [8, л. 5]. Шефская работа была крайне необходима. Например, в справке о состоянии детских домов Витебской области отмечались плохие условия, при группе 25 человек было обеспечено нижним бельем только 13 детей, а 9 % детских домов не были обеспечены дровами [9, л. 54–55]. На 20 ноября 1946 г. по республике было открыто 265 детских домов с 31 770 воспитанниками. В районных детских домах медобслуживание проводилось от случая к случаю, в отдельных

учреждениях была высокая смертность [9, л. 51, 66–75]. Все это требовало дополнительных усилий от Общества.

Поэтому каждый комитет старался организовать работу. Так, Могилевский горком взял шефство над городским Домом младенца, собрал более 13 тыс. руб., а для детей-сирот – 10,5 тыс. рублей. Всего по области было собрано 229 тыс. рублей. Оказывалась помощь одеждой, бельем, обувью. Были организованы концерты, специальные буфеты, проводились кружечные сборы, в которых активное участие приняли жены руководящих работников горкома [10, л. 368]. Но быстро исправить ситуацию не удавалось. Поэтому, ввиду нехватки средств, в областных и районных комитетах КК использовались такие формы работы, как проведение детских летних базаров, вещевых лотерей, дополнительных киносеансов, постановок в театрах [11, л. 1]. В результате за 1945 г. было собрано 5 млн рублей. В тот период, например, по Гродненской области шефство было развернуто над всеми имевшимися детдомами. Так, одна из фабрик, шефствуя, собрала к новогодней елке 600 руб. [2, л. 16; 12, л. 343 об.]. Случалось и так, что проводимые акции по сбору средств не приносили дохода [12, л. 343 об.]. Ситуацию старались исправить, для чего проводившаяся работа постоянно находилась под контролем вышестоящих организаций КК.

В первые послевоенные годы в некоторых городах открывались столовые санаторного типа, где могли питаться дети, организовывались лагеря и санатории (Минская, Молодеченская область). Дети имели пятиразовое питание, лагеря работали посменно в 35–40 дней. Было принято решение совместно с СМ БССР о постройке постоянно действовавшего Республиканского санатория для детей-сирот на 3 400 детей в год. Финансирование строительства предусматривалось за счет средств, собранных в фонд помощи детям [2, л. 16]. В Минске была открыта платная поликлиника КК с отчислением доходов в фонд помощи детям-сиротам, по состоянию на 1945 г. в нем имелось более 2 млн рублей [8, л. 5]. Таким образом, деятельность КК оказалась важным фактором по улучшению положения детей-сирот.

Шефская работа проводилась в нескольких направлениях, в том числе и над инвалидами Отечественной войны, семьями погибших воинов, которая проявлялась в оказании материальной либо трудовой

помощи. Так, комитеты ОКК Полесской и Полоцкой областей взяли шефство над домами инвалидов. Общественная помощь раненым в эвакогоспиталях охватывала 50 госпиталей и отдельных палат, но к концу 1945 г. в связи с реорганизацией госпиталей их число сократилось до 20. Учащиеся – члены краснокрестных организаций, устраивали дежурство у постели раненых и больных, а актив Могилевской краснокрестной организации смог организовать 13 палат КК [8, л. 6; 2, л. 11]. Большая работа была проведена по обследованию бытовых условий инвалидов войны и сирот, которые были взяты на учет и за которыми закрепили коллективы первичных организаций. Но она, в основном, сводилась к оказанию помощи за счет остатков дарственного фонда предыдущих лет [13, л. 32]. В итоге основная сложность шефской работы оказалась в поиске и сборе средств.

Таким образом, во 2-й пол. 1940-х – начале 1950-х гг. ОКК уделялось внимание ликвидации медико-социальных последствий войны, для чего в республику были направлены санитарно-эпидемиологические отряды для санитарной обработки местности и населения. Одним из направлений деятельности стала помощь детским домам и сиротам, где активно проявили себя комитеты помощи детям-сиротам, создававшиеся в ЦК и обкомах. Помощь оказывалась инвалидам войны, семьям погибших воинов. Всей работой руководили шефские комиссии. Нуждающиеся обеспечивались продуктами питания, одеждой. Комитеты организовывали сборы денежных средств. Но в отчетном докладе за 1944–47 гг. отмечалось, что шефская работа еще не стала повседневной задачей организации [2, л. 17; 14, л. 21]. Работе препятствовали материальные трудности, сказывался недостаток ресурсов, в самом Обществе продолжался восстановительный период его организационной структуры, внимание комитетов было сосредоточено на увеличении численности ОКК, подготовке населения по нормам ГСО и БГСО, в связи с чем социальная направленность работы уступала место оборонной.

Список литературы

1. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР: (Ист. очерк). – М. : Медгиз, 1955. – 156 с.

2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 254 – Оп. 3. – Д. 4.
3. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 605.
4. Сто (100) лет Красного Креста в нашей стране / Испол. ком. Союза о-в Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. – М. : Медицина, 1967. – 298 с.
5. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2889. – Оп. 1. – Д. 9.
6. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 605.
7. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 3
8. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 14.
9. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 17. – Д. 51.
10. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 15.
11. ГАГО. – Ф. 2881. – Оп. 1. – Д. 20.
12. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 15.
13. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 228.
14. ГАВО. – Ф. 2889. – Оп. 1. – Д. 7.

ASSISTANCE TO THE POPULATION OF THE BSSR BY THE RED CROSS SOCIETY IN 1944-1950-ies

Bahir Yulia Nikolaevna

Postgraduate of Historical Department,
Vitebsk State University of P.M. Masherov
yu.bahir@yandex.ru
Prosp. Moskovsky, 33, 210022 Vitebsk, Republic of Belarus

Abstract. For the Red Cross Society (RCS) of BSSR 1943-1950 became the restoration period of organizational structure, expansion of sanitary and defensive work and the solution of medico-social problems. This article deals with main actions of the RCS in elimination of medical and sanitary consequences of war, infectious diseases and clarification of settlements, on rendering financial and medical care to wounded fighters, disabled people, families of veterans, children, carrying out patronage work.

Key words: public organizations, Red Cross, the patronage help, social work.

УДК 9 (47)
ББК 66.4 (0) Б 56

МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ СССР И СОЮЗНЫХ СТРАН В ЗАЩИТУ ДЕТЕЙ ОТ ФАШИСТСКОГО ВАРВАРСТВА

Бецкова Людмила Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент
кафедры социально-гуманитарных наук
Южно-Уральского государственного медицинского университета
betskovala@mail.ru
ул. Воровского, 64, 454092 г. Челябинск, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет малоисследованный исторический эпизод периода Великой Отечественной войны, посвященный разностороннему участию молодежи СССР и государств-членов антифашистской коалиции, направленному на защиту детей от истребления и гитлеровского порабощения. В статье предпринята попытка научного обоснования актуальности и значимости проблемы, анализа форм и методов сотрудничества молодежных организаций в сфере защиты подрастающего поколения в сложных условиях военного времени, развития на данной основе солидарности и народной дипломатии, формирования крупных молодежных центров, внесших определенный вклад в охрану и поддержку детства. В статье использованы неопубликованные архивные источники.

Ключевые слова: защита детства, фашистское варварство, Антифашистский комитет молодежи СССР, интернациональные антифашистские центры союзных стран, гуманитарное сотрудничество, трудовой героизм зарубежных подростков, народная дипломатия в молодежном движении.

Исторический опыт Второй мировой и Великой Отечественной войны учит, насколько важную необходимость для человеческого сообщества представляет сохранение и упрочение мира. Опасность военных угроз региональных и локальных уровней порождается экономической нестабильностью, борьбой между глобализацией и национальной идентичностью, влекущей за собой экстремизм в идеологии и политике.

Подрастающее поколение во все времена представляло собой ценность для любого народа. Дети являлись наиболее оберегаемой частью общества. Сегодня в некоторых странах они становятся объектом нечистоплотной политики, использующей их беззащитность и уязвимость. Для определенных государств проблема вырождения нации становится реальностью. Поэтому актуальность темы не вызывает сомнений.

Ученые-исследователи молодежной проблематики периода Второй мировой войны фрагментарно касались отношения юношеского движения к защите детей от истребления и фашизации. Определенную работу в этом отношении проделали историки периода 50–80-х гг. прошлого века. Дань уважения автор статьи отдает Ф.Д. Волкову, А.П. Зиновьеву, Е.А. Мельникову, М.М. Мухамеджанову, В.В. Привалову и другим коллегам по данному сегменту исследований [1].

Молодое поколение СССР выступило в годы войны в качестве одного из самых активных, организованных и сплоченных потоков международного антифашистского юношеского движения. В 1939 г. молодежь до 19 лет составляла 45 % населения Советского Союза – 90 млн человек, что являлось равной сумме количества жителей Великобритании и Франции. Около 5 млн насчитывалось в рядах комсомола. Свыше 75 млн детей подрастало в нашей стране к началу Второй мировой войны [2, с. 4, 206]. СССР по возрастному составу был самым молодым среди всех государств.

Нескрываемое возмущение вызывали зверства фашистских агрессоров по отношению к детям. Свидетельства очевидцев, фотографии, кадры документальной кинохроники и другие источники говорили о том, что это была первая в истории человечества война, когда противник не только не щадил детей, но и изощренно издевался над ними.

С самого начала войны молодежь СССР обратила самое пристальное внимание на защиту детей от варварства фашистов. В период военных действий в Испании тысячи детей были вывезены в Советский Союз, где они нашли приют в детских учреждениях разных районов, более старшие из них продолжили учебу и

работу. В ряде городов нашей страны образовались коллективы-землячества, просуществовавшие вплоть до окончания Великой Отечественной и Второй мировой войны.

Прибывшие в Советский Союз юные испанцы нашли здесь свою вторую родину. Многие из них, несмотря на сложные условия адаптации, связанные с климатом, питанием, языковой, культурной средой и другими факторами, продолжали с энтузиазмом учиться в школах, ремесленных училищах, техникумах Барнаула, Батуми, Белорецка, Кирова, Самарканда, Уфы и других тыловых городов. Испанские подростки трудились на заводах и фабриках, изготавливавших продукцию для фронта вместе со своими советскими сверстниками. Источники свидетельствуют о зарубежных подростках-героях труда: Бенито Устиросе, Пинто, Франсиско Пираросе, Эскрибано и других. Группа юных испанцев под руководством лидера Объединенного союза молодежи Испании Диего Пастора работала также на одном из крупнейших промышленных гигантов СССР – Челябинском тракторном заводе [3, с. 21, л. 19].

Для детей испанских патриотов были созданы школы-интернаты. В Башкирии и Алтайском крае жили 1356 воспитанников от 7 до 15 лет. Советские юноши и девушки взяли над ними шефство. Они окружили их не только теплом и заботой, но и воспитывали в духе ненависти к фашизму. Маленькие испанские граждане могли переписываться с родителями, встречаться с соотечественниками. Такие вопросы решались на уровне ЦК комсомола и Антифашистского комитета молодежи СССР, созданного через несколько месяцев после начала Великой Отечественной войны под председательством Е.К. Федорова. На Челябинский тракторный завод неоднократно приезжал активист испанского молодежного движения Хозе Серана [4, л. 32, л. 44, л. 1–4].

21 марта 1942 г. в Московском городском банке был открыт специальный счет № 160180, на который перечислялись переводы в фонд помощи детям, в течение 1942–1943 гг. молодежи было внесено около 26 млн рублей. По инициативе комсомольцев и несоюзной молодежи было выделено 400 дет-

ских путевок в санатории и здравницы [5, л. 7]. В свою очередь, латиноамериканская молодежь внесла значительный вклад в помощь детям СССР. В Бразилии был создан «Русский комитет помощи жертвам войны», собиравший средства и передававший их по дипломатическим каналам. Аргентинская молодежь организовала массовое движение «Одеть и обуть 5 тысяч советских сирот». Из Аргентины отправились 2 торговых судна с детской одеждой и подарками на сумму более 2 млн песо [6].

После знаменательных побед под Москвой, Сталинградом и Курском развернулось широкое движение в поддержку детей среди молодежи государств-участниц антигитлеровской коалиции. Наиболее активно действовали Англо-советский комитет молодежной дружбы, Всемирный совет молодежи (Великобритания), Международная студенческая ассамблея (США), превратившиеся в интернациональные антифашистские центры. В союзных странах образовались и активно работали юношеские структуры «Russia today», «Youth for victory» (США), «Youth rally» (Великобритания). Под их эгидой объединились молодые домохозяйки, фермерши, женщины-работницы-члены профсоюзов, студентки. Представительница студенческой лиги США Сесиль Голлан выступила с инициативой проведения донорского движения для раненых советских детей. В результате Недели победы, проведенной студентами Нью-Йорка, более 2 тыс. юношей и девушек сдали свою кровь [7].

22 ноября 1944 г. исполнилась годовщина помощи английской молодежи детскому дому для детей погибших советских воинов недалеко от станции Правда под Москвой. По этому случаю в Лондоне по инициативе Англо-советского комитета молодежной дружбы состоялся митинг, на котором выступил писатель Джон-Бойнтон Пристли – патрон комитета. Члены различных юношеских организаций, школьники и школьницы Лондона передали супруге посла СССР в Великобритании Гусевой подарки и игрушки для детдомовцев [8, с. 669].

На средства организации «Russia today» города Кольрейна (Ирландия) была закуплена одежда для воспитанников детских

домов Советского Союза и отправлено 120 подарков: игрушек, книг, сувениров. Выручка от розыгрыша лотереи художественных работ учащихся кольерейской школы была передана в фонд содержания специальной койки в госпитале, строящемся в Сталинграде на средства английского народа. Молодежь американских городов в декабре 1944 г. провела месячник по сбору новой зимней одежды для детей разоренных войной районов нашей страны. Сотрудники Антифашистского комитета молодежи СССР ответили на более чем 2 тыс. запросов от юношей и девушек союзных государств об установлении шефства над советскими детьми-сиротами [9, с. 21, л. 127]. Антифашистский комитет молодежи организовал переписку среди школьников. За 1943–1945 гг. им было передано несколько тысяч писем и телеграмм. Показательно письмо, написанное 26-летней Агриппиной Морозовой, председателем Булаковского колхоза Московской области молодой американке, в котором сельская труженица выразила надежду на мирное послевоенное будущее для всех детей. Ее ровесница Этель Мак-Кол в своем ответе подчеркнула: «Считаем, что у нас может быть столько точек соприкосновения, что это привело бы к длительному миру для всего человечества» [10, л. 196].

В сложные годы войны получила развитие подлинно народная дипломатия, направленная на поддержку подрастающего поколения. Местные, региональные и интернациональные молодежные организации антифашистских стран провели в этом отношении большую работу, что привело к образованию влиятельных структур в юношеском движении – таких, как Всемирная федерация демократической молодежи, Международный союз студентов, специальный отдел по проблемам детского движения при ООН – ЮНИСЕФ, плотно и плодотворно сотрудничавших в правовом поле с правительствами ведущих государств мира. В первые послевоенные десятилетия они внесли неоценимый вклад в дальнейшее развитие и процветание молодежного и детского движения. Многогранный опыт их работы является особенно актуальным в преддверии 70-летия великой Победы.

Список литературы

1. Волков, Ф. Д. СССР – Англия (1929 – 1945 гг.) / Ф. Д. Волков. – М. : Изд-во ИМО, 1964. – 559 с. ; История международного молодежного и детского движения. – М. : Просвещение, 1983. – 223 с. ; Зиновьев, А. П. Роль ВЛКСМ в борьбе за единство международного коммунистического и демократического молодежного движения (1918–1945 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. – М. : МГПИ, 1981. – 427 с. ; Привалов В. В., Мельников Е. А. Страницы летописи солидарности // Вестник Комитета молодежных организаций СССР. – 1975. – № 10. – С. 18–28.
2. Подсчитано автором по: Боевые годы. Молодежь в Великой Отечественной войне. – М. : Молодая гвардия, 1948. – 170 с.; Освободительная борьба против фашизма 1939–1945. – М. : Наука, 1983. – 300 с.
3. Серна Роке. Испанцы в Великой Отечественной войне. Мемуары. – М. : Прогресс, 1986. – 352 с. ; РГАСПИ. – Ф. 533. – Оп. 4 – Д. 377 (неопубл.).
4. РГАСПИ. – Ф. 533. – Оп. 4. – Д. 390. – Д. 360. – Д. 377 (неопубл.).
5. ГАРФ. – Ф. 6903. – Оп. 22. – Д. 74 (неопубл.).
6. Комсомольская правда. Орган ЦК ВЛКСМ. – 1943. – 17 сент.
7. Review. Орган КСМ США. – 1942. – 5 мая.
8. Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение, против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и в Азии (1938–1945 гг.). – М. : Советская Россия, 1962. – 800 с.
9. Информационный бюллетень ЦК МОПР СССР. – 1944. – № 12. РГАСПИ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 576 (неопубл.).
10. ГАРФ. – Ф. 7928. – Оп. 2. – Д. 50.

**YOUTH MOVEMENT USSR
AND THE ALLIED COUNTRIES TO PROTECT CHILDREN
FROM FASCIST BARBARITY**

Betskova Liudmila Alekseevna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Associate Professor of Social Sciences and Humanities
of the South Ural State Medical University
betskovala@mail.ru
Vorovskiy St., 64, 454092 Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. Article is scantily explored historical episode of the Great Patriotic War. It is devoted versatile youth participation of the USSR and the Member States of the antifascist coalition aimed at protecting children from the fascist extermination and enslavement. Attempted to justify the relevance and scientific significance of the problem, analyzing the forms and methods of cooperation of youth organizations in the protection of the younger generation in difficult wartime conditions, development on this basis of solidarity and public diplomacy formation of large youth centers, who contributed to the protection and support childhood. Used unpublished archival sources.

Key words: youth protection, fascist barbarity, Antifascist Committee of Soviet youth, international anti-fascist centers of allied countries, humanitarian cooperation, labor heroism of foreign teenagers, public diplomacy of the youth movement.

УДК 94(47+57) «1941/1945»: 351.74

ББК 63.3(2)622 – 33

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Булахтина Оксана Валериевна

Преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Волгоградского государственного университета
naya84@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. С началом боевых действий жизнь и быт всей страны перешли на военные рельсы. В сложившейся обстановке изменились и функциональные задачи советской милиции, на правоохранительные органы были возложены многочисленные дополнительные обязанности: охрана государственного и общественного имущества, помощь эвакуированным с прифронтовой полосы людям, борьба с вражескими лазутчиками, распространителями ложной информации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, милиция, общественный порядок, мародерство, охрана имущества.

С начала войны все правоохранительные органы были переведены на двухсменный режим работы – по 12 часов, отпуска всем сотрудникам были отменены.

30 октября 1941 г. на заседании Сталинградского городского комитета обороны (СГКО) был обсужден вопрос «Об организации охраны общественного порядка в г. Сталинграде и области». Решением комитета были созданы круглосуточные посты-заслоны, которые несли патрульную службу, охраняя город. Под особую охрану были взяты водопровод, высоковольтные линии передал, охрана железнодорожного транспорта и путей сообщения, имевших на тот момент важнейшее значение.

СГКО, ставший основным органом управления на период войны и сосредоточивший в своих руках всю полноту власти, решал широкий круг военно-политических, оборонных и хозяйствен-

ных вопросов, в том числе и вопрос об охране общественного порядка. В распоряжение комитета обороны поступили войска Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), милиция, истребительные батальоны, отряды народного ополчения, а также формирования из гражданского населения.

В основе работы правоохранительных органов лежала борьба с преступными элементами, пресечение вражеской пропаганды, усиление паспортного контроля, борьба с мародерами, спекулянтами.

Борьба со спекуляцией, а также хищением социалистической собственности была одной из основных задач. В связи с этим, СГКО указал «провести решительную борьбу со спекулянтами, привлекая для этого широкие массы общественности» [1, с. 13].

В период с 1941 по 1942 г. советская милиция бросила все силы на проверку эвакуированных граждан, переправляемых через Сталинград на восток страны. При приближении боев работы у милиции прибавилось, в то время как число сотрудников сократилось.

Работа сотрудников милиции не прекратилась даже в конце августа при массированной атаке немецко-фашистских захватчиков. Продолжалась эвакуация мирного населения за Волгу, охрана имущества, складов и магазинов.

В связи с военным положением некоторые правонарушения, в мирное время ограничивающиеся административной или дисциплинарной ответственностью, в военное время карались уголовным наказанием. Введены новые составы преступлений, ранее не использовавшиеся: распространение тревожных слухов, ответственность за уклонение от трудовой и военной мобилизации [2, с. 79–80], самовольный уход с работы, опоздание или не выход на рабочее место [3, с. 2].

Борьба органов внутренних дел с преступностью в условиях Сталинградской битвы осуществлялась в чрезвычайно сложных условиях. Работа правоохранительных органов проходила во взаимодействии с органами СГКО, областного исполкома Совета депутатов трудящихся, партийных органов, подразделений Красной Армии.

Список литературы

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. 3319. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 13.
2. Ведомости Верховного совета СССР. 1942. № 6. Законодательные и административно правовые акты военного времени с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. – М. : 1942. – С. 79–80.
3. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1942. – № 2.

**ACTIVITIES OF MILITIA
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(ON EXAMPLE OF STALINGRAD REGION)**

Bulahtina Oksana Valerjevna

Lecturer of the Department of Theory and History of Law and State,
Volograd State University
narya84@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. With the outbreak of hostilities and everyday life of the whole country went on a war footing. Under the circumstances have changed and the functional tasks of the Soviet police, law enforcement agencies have been assigned numerous additional responsibilities: protection of state and public property, to help people evacuated from the front line, fighting with enemy spies, distributors false information.

Key words: the Great Patriotic War, he police, public order, looting, protection of property.

УДК 9(с)26

ББК 63.3(2) 72(2Р36)

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО УРАЛА)

Волошина Лариса Анатольевна

Кандидат исторических наук, преподаватель
отделения непрерывного и дополнительного образования
Оренбургского института (филиала) Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина
larisal2007@yandex.ru
ул. Комсомольская, 50, 460000 г. Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы социальной защиты семьи. Подробно проанализированы основные мероприятия государства по решению данной проблемы, которые привели к увеличению сети консультаций, родильных домов, детских дошкольных учреждений, материальной поддержке многодетных семей, увеличению рождаемости.

Ключевые слова: семья, социальная защита, материнство и детство, запрещение аборт, пособия многодетным семьям, развод.

К началу 1930-х годов страна добилась серьезных успехов в индустриализации, произошли существенные изменения в сельском хозяйстве – сплошная коллективизация деревни. Выполнение пятилетних народнохозяйственных планов меняло лицо страны. В то же время решение социальных проблем (в том числе социальной защиты семьи) рассматривалось правительством как второстепенное по отношению к вопросам развития народного хозяйства.

Многое изменилось к концу 1930-х годов. Нормы семейного права в рассматриваемый период были направлены на укрепление советской семьи, защиту интересов детей, здоровья матери, оказание материальной помощи многодетным. Социальная защита семьи являлась фундаментом для поддержания социальной стабильности в стране, в том числе и на Южном Урале.

Важнейшим направлением государственной политики в 1930-е гг. являлась социальная защита, прежде всего женщин и детей. Широкое привлечение женщин к экономической, политической и культурной жизни общества могло быть осуществлено только при условии постоянной заботы государства о женщине-матери, создании наилучших условий для выполнения ею материнских функций, для воспитания подрастающего поколения. Эта сфера деятельности правительства касалась политического, правового положения женщин, условий труда и быта, организации медицинской помощи, воспитания подрастающего поколения, укрепления основ семьи и т. д.

Создание системы охраны материнства и детства проходило в нескольких направлениях: во-первых, оказание социальной помощи женщине-матери, во-вторых, контроль за соблюдением законодательных актов, касающихся защиты интересов матери и ребенка; в-третьих, разработка мероприятий по организации и осуществлению лечебно-профилактической помощи женщинам и детям [1, с. 173]. На различных этапах жизни общества формы работы в этом направлении изменялись и совершенствовались в соответствии с новыми задачами и расширяющимися возможностями государства.

В январе 1929 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О семичасовом рабочем дне». Согласно п. 8 этого постановления на предприятиях, переведенных на 7-ми часовой рабочий день, не допускались к ночным работам беременные женщины, начиная с 6 месяца беременности, а также женщины, кормящие грудью, в течение 5 первых месяцев кормления.

Постановлением СНК СССР от 1929 г. устанавливались временные правила о применении подсобного наемного труда в трудовых крестьянских хозяйствах, по которым запрещалось применять труд беременных женщин на непосильных и вредных для здоровья работах. 17 мая 1930 г. появилось постановление Народного комиссариата труда СССР «О запрещении женского труда на особо тяжелых и вредных работах и профессиях» [2, с. 32–33].

Согласно кодексу законов о труде, женщин, начиная с 5 месяца беременности, не должны были отправлять в командировки

вне постоянного места работы без их на то согласия. Для матерей, кормящих грудью, устанавливались перерывы для кормления ребенка.

После принятия в 1936 г. Постановления ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» работа по охране материнства и детства получила особо широкий размах. В том же году вышло постановление ЦИК и СНК СССР «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности [3, с. 257].

Большое значение для развития семейного права имела Конституция СССР 1936 г., ст. 122 которой закрепляла равноправие женщины и мужчины.

Особенно пристальное внимание государство уделяло заботе об охране здоровья матери и ребенка. Целая система специальных медицинских учреждений ставила своей задачей всесторонне подготовить женщину к материнству и сохранить ее здоровье и здоровье ее будущего ребенка. Медицинские учреждения, занятые охраной материнства и детства, осуществляли последовательное и преемственное наблюдение за здоровьем матери и развитием ребенка. Первым звеном этой цепи учреждений являлись женские консультации, входившие в состав родильного дома или поликлиник. Накануне войны в Оренбургской области число женских, детских и объединенных консультаций увеличилось с 1934 г. по 1940 г. в 3 раза (с 15 до 46), в Челябинской – в 1,4 раза (с 53 до 72), в БАССР – в 1,8 раза (с 50 до 88) [4, л. 18, 20, 25–26; 5, л. 35; 6, л. 13; 7, л. 54; 8, л. 26; 9, с. 553, 557; 10, с. 192].

К концу 1930-х гг. постепенно увеличивалось число родильных домов. Если в Челябинской области в 1934 г. насчитывалось 7 родильных домов без учета колхозных, в 1937 г. – 10 родильных домов с количеством коек 434, то в 1940 г. – соответственно 15 и 667. Рост числа родильных домов наблюдался и в

Оренбургской области: в 1936 г. был 1 родильный дом на 110 мест, в 1937 г. – 3 на 145 мест, в 1940 г. – 9 на 315 место; в БАССР роддомов в 1934 г. – 2, в 1937 г. – 8, 1939 г. – 12 [4, л. 34–36; 6, л. 12; 11, л. 2–2об.; 12, л. 60об.; 13, л. 96; 14, л. 51; 15, л. 49; 16, л. 16; 17, л. 104; 18, л. 9об.; 19, л. 1; 20, с. 11; 21, с. 72; 22, с. 59; 23, с. 121; 24, с. 36–37].

При большинстве детских консультаций городов и рабочих поселков имелись молочные кухни – своеобразные аптеки, приготовляющие по указанию врачей различные смеси, необходимые для правильного прикорма грудных детей или питания заболевших детей более старшего возраста. Если в 1934 г. в Оренбургской области действовало 6 молочных кухонь, то в 1940 г. их было уже 12; в Челябинской области в период с 1937 по 1940 гг. их количество увеличилось с 18 до 26; в БАССР – с 9 в 1934 г. до 11 в 1939 г. [6, л. 16; 10, с. 176; 11, л. 7об.–9; 17, л. 14; 16, л. 14; 20, с. 69; 21, с. 73; 25, л. 7об.–8; 26, л. 7об.–9; 27, л. 126, 153; 28, л. 55–55об.; 29, л. 2, 18; 30, л. 68; 31, с. 221; 32, с. 195; 33, с. 9].

1930-е годы – время широкого вовлечения женщин в промышленное и сельскохозяйственное производство. Возникла необходимость освобождения их от домашнего быта и от детских забот. Для этого значительную помощь женщине в развитии и воспитании ребенка оказывала еще одна группа детских учреждений – детские ясли и детские сады. В начале 1930-х годов развернулось массовое общественное движение за расширение сети дошкольных учреждений, получившее название дошкольного похода. В Оренбургской области в 1937 г. насчитывалось 171 постоянные ясли с числом мест 4,9 тыс., а в 1940 г. уже – 177 и 6,3 тыс. В Башкирской АССР в 1938 г. – соответственно 132 и 4,6 тыс., в 1940 г. – 163 и 6 тыс. В Челябинской области с 1934 по 1936 гг. количество яслей постепенно возрастало – с 1 154 до 1 370 соответственно, но после того, как 6 районов отошли к Свердловской области, число яслей к 1938 г. резко сократилось и составило 772. К концу исследуемого периода количество яслей вновь возрастает до 1 264, увеличивается и контингент детей с 23,2 тыс. в 1938 г. до 29,8 тыс. в 1940 году. Количество постоянных яслей в разные годы уменьшилось главным образом за счет их укрупнения.

Значительный размах получила работа по развертыванию детских яслей на селе, особенно сезонных, которые создавались самими колхозами на период летних полевых работ. В Оренбургской области число таковых было в 1934 г. – 1329 с количеством мест – 41,6 тыс., в 1940 г. – 1748 и 55,1 тыс. соответственно. Как свидетельствуют архивные документы, число детских яслей и количество в них детей резко колебалось вследствие крайней неустойчивости этих учреждений и частичным переводом сезонных яслей в постоянные. Так, в БАССР в 1934 г. сезонных яслей было 3 617 на 113,4 тыс. мест, в 1935 г. – соответственно 3 885 и 115,4 тыс., в 1937 г. – 4 817 и 110 тыс. мест. Но особенно четко эти колебания прослеживались в Челябинской области, где в 1934 г. действовали 2 120 яслей с контингентом 39,3 тыс. человек, в 1936 г. – соответственно 1 822 и 32,3 тыс., в 1940 г. – 1 903 и 37,1 тыс. человек [24, с. 36–37]. В дни наиболее напряженных полевых работ довольно широко практиковалась организация яслей при полевых станах, а также передвижных яслей.

В тридцатые годы на селе создавались летние дошкольные детские площадки – сезонный вариант детского сада, но перед войной их число сократилось. Это было связано с тем, что увеличился охват детей яслями и детскими садами. Если в одной только Оренбургской области в 1935 г. работало 1 354 детских площадок с количеством детей в них 48,8 тыс., то к 1940 г. данные показатели сократились почти в 3 раза и составили соответственно 457 и 17,9 тыс. [20, с. 69; 15].

Большую роль в развитии системы дошкольного воспитания сыграли изменения порядка руководства и управления детскими учреждениями. В 30-е годы возникли так называемые ведомственные детские сады и ясли, которые комплектовались в основном детьми рабочих и служащих заводов, фабрик и учреждений. Расходы на содержание этих садов и яслей должны были нести обслуживаемые ими предприятия и учреждения, что способствовало укреплению материальной базы дошкольных детских учреждений и закреплению кадров на предприятиях.

После выхода июньского постановления ЦИК и СНК СССР 1936 г., в котором говорилось об увеличении материальной помо-

щи роженицам и многодетным семьям, государство более чем на 30 % увеличило размер пособия, выдаваемого из средств государственного социального страхования на обзаведение необходимыми предметами ухода за новорожденными с 32 до 45 рублей. Вдвое возрос размер пособия, выдаваемого матери на кормление ребенка – с 5 до 10 руб. в месяц.

Устанавливалось уголовное наказание за отказ в приеме на работу женщин по мотивам беременности, снижение им заработной платы по тем же мотивам, предусматривалась обязательность сохранения за беременной женщиной прежней заработной платы из расчета последних шести месяцев работы одновременно с переводом ее на более легкую работу.

Впервые была установлена выплата государственного пособия многодетным матерям, имеющим 6 детей, при рождении седьмого и каждого следующего ребенка. Размеры пособий определялись в 2 тыс. руб. ежегодно в течение 5 лет, а для матерей, имеющих 10 детей, при рождении каждого следующего ребенка единовременно 5 тыс. руб. и пособие в 3 тыс. руб., выдаваемое ежегодно в течение 4 лет со дня рождения десятого и каждого следующего ребенка.

С каждым годом увеличивалась сумма выплаченных пособий многодетным семьям. По Оренбургской области в 1936 г. она составила 2 720 тыс. руб., а в 1937 г. – уже 8 991,1 тыс. руб., то есть увеличилась более чем в 3,3 раза; по Челябинской области – соответственно – 4 269,8 тыс. руб. и 11 721,1 тыс. руб. (более чем в 2,7 раза); по Башкирской АССР – 5 255 тыс. руб. и 24 501 тыс. руб., то есть возросло почти в 4,7 раза. Если в 1936 г. выплаты на одну многодетную семью составляли в Башкирии 2 004 руб., то в 1937 г. – 2 812 руб. [34, с. 11].

Принятие постановления о запрещении абортов было принято по многочисленным причинам: резкое замедление темпов роста населения, увеличение смертности из-за голода в начале 1930-х гг. и активная политика раскулачивания и переселения значительных масс населения привели к расхождению между политическими декларациями и объективными демографическими данными.

Постановление 1936 г. сыграло значительную роль в сокращении количества аборт, проводимых в медицинских учреждениях, повышении рождаемости. За I квартал 1936 г. по г. Оренбургу было сделано 1 509 аборт, за II квартал – 1 333, за III квартал – 86, то есть количество аборт сократилось в III квартале по сравнению с I-м в 17,5 раза, по селу – соответственно 1 018, 471, 173, то есть в 5,9 раза. Анализ таблицы свидетельствует о том, что всего за период с 1934 по 1939 гг. количество аборт по городам Оренбургской области сократилось более чем в 2 раза, в Челябинской – в 1,5 раза, в БАССР – в 1,9 раза; по селу – соответственно в 1,7 раза, 2,7 раза, 2,8 раза. За этот же период количество родов по городам Оренбургской (Чкаловской) области, произведенных во всех медицинских учреждениях, увеличилось почти в 2,3 раза, в Челябинской – в 2,1, в БАССР – в 3,2 раза; по селу – соответственно почти в 4,5 раза, в 5 раз, в 4,6 раза.

**Количество принятых родов и произведенных аборт
на Южном Урале в 1930-е годы**

[4, л. 44, 46; 11, л. 60б. – 7; 18, л. 14; 25, л. 7]

		1934 г.	1939 г.
Количество родов, произведенных во всех учреждениях (город / село)	Оренбургская обл.	3 619 / 2 245	8 229 / 10 044
	Челябинская обл.	20 746 / 6 680	44 930 / 33 082
	БАССР	5 836 / 4 062	18 992 / 18 760
Количество аборт (город / село)	Оренбургская обл.	8 760 / 2 735	4 209 / 16 52
	Челябинская обл.	14 466 / 3 737	9 753 / 1 650
	БАССР	5 477 / 4 613	2 852 / 1 634

Согласно закону прервать беременность разрешалось в тех случаях, когда ее продолжение представляло угрозу жизни или грозило тяжелым ущербом здоровью беременной женщины, а также при наличии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей, и только в больницах и родильных домах. Принятие решения об абортах передавалось в ведение специальных абортных комиссий. При нарушении указанных условий устанавливались уголовные наказания: врачу, производящему аборт, –

от одного до двух лет тюремного заключения; за понуждение женщины к производству аборта – тюремное заключение до двух лет; в отношении беременных женщин, производящих аборт, – общественное порицание, а при повторном нарушении закона штраф до 300 рублей [3, с. 257–258].

Однако, наряду с уменьшением числа абортов, проводимых в медицинских учреждениях, развивается деятельность подпольных абортариев. И положение дел в этом направлении не только не улучшилось, а наоборот, количество подпольных абортов увеличилось, о чем свидетельствует рост числа женщин, поступивших в больницу с начавшимися абортами. За 1939 г. в Чкаловской (Оренбургской) области из общего числа абортов 5 861 был установлен криминальный характер в 406 случаях, из них передано дел в прокуратуру 253; в Челябинской – соответственно 11 403, 1 608 и 354, в БАССР – 4 486, 306, 281 [25, л. 7; 26, л. 7; 13, л. 7]. Сельчанкам легче было произвести аборт в домашних условиях у бабок или знахарок, чем ехать в район-центр или город и ждать решений абортных комиссий.

Принятые государством меры привели к увеличению рождаемости в семьях региона. С 1934 по 1939 гг. рождаемость в городах Оренбургской области увеличилась в 2,3 раза, Челябинской – в 2,2 раза, БАССР – в 3,3 раза, в сельской местности – соответственно в 4,5 раза, 5 раз, 4,6 раза [4, л. 18, 20; 5, л. 5, 21; 9, с. 549–551, 560–562; 10, с. 192; 11, л. 20; 16, л. 17; 6, л. 12–14; 20, с. 76; 21, с. 72; 22, с. 58; 26, л. 7; 31, с. 248; 32, с. 103; 34, с. 9; 35, л. 84; 36, с. 127; 37, с. 146; 38, с. 37; 39, с. 188, 278; 40].

В целях борьбы с несерьезным отношением к семье и семейным обязанностям в постановлении 1936 г. были четко прописаны изменения в законодательстве о разводах. Во-первых, повышалась оплата регистрации разводов: первый развод – 50 руб., второй – 150 руб., третий и последующие – 300 рублей. Во-вторых, при присуждении алиментов взыскивалось на содержание одного ребенка 1/4 получаемой зарплаты ответчика, на содержание двух детей – 1/3, трех и более – 1/2. При производстве развода требовалось присутствие в ЗАГСе обоих разводящихся супругов, а в паспорте ставилась отметка о разводе. При расторжении брака органы ЗАГС прежде всего были обязаны принять меры к примирению супругов. После того, как постановление

вступило в силу, резко уменьшилось количество разводов. За пять первых месяцев 1936 г. в г. Оренбурге зарегистрировано 223 развода, за тот же период 1937 г. – только 73, то есть их число сократилось в 3 раза [3, с. 249]. В Челябинской области за три первых квартала 1936 г. по сравнению с этим же периодом 1935 г. количество разводов на 100 браков сократилось в 1,3 раза – с 127 до 99 соответственно [41, с. 20].

Таким образом, накануне Великой Отечественной войны шла усиленная борьба с дореволюционными бытовыми пережитками. Необходимость использования женских трудовых ресурсов для развивающейся индустрии края привела к расширению не только сети медицинских учреждений, занятых охраной материнства и детства, но и сети детских дошкольных учреждений. Параллельно совершенствовались нормы трудового права, призванные сохранить женщине равные с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, охранять здоровье будущих матерей, женщин, имеющих маленьких детей. Кроме того, увеличилась материальная помощь роженицам и многодетным матерям, что привело к росту рождаемости.

Список литературы

1. Опыт КПСС в решении женского вопроса / ред. Н. И. Кондакова. – М. : Мысль, 1981. – 269 с.
2. Нечаева, А. М. Охрана материнства и детства в СССР / А. М. Нечаева. – М. : Моск. рабочий, 1988. – 92 с.
3. Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. (1925–1940) : сб. документов и материалов. – М. : Медицина, 1973. – 328 с.
4. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 18. – Д. 41. – Л. 18, 20, 25–26 (неопубл.).
5. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 18. – Д. 192. – Л. 35 (неопубл.).
6. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦГИА РБ). – Ф. 804. – Оп. 6. – Д. 457. – Л. 13 (неопубл.).
7. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). – Ф. 846. – Оп. 2. – Д. 357. – Л. 54 (неопубл.).
8. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). – Ф. 485. – Оп. 6. – Д. 802. – Л. 26 (неопубл.).
9. Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. – М. : Госстатиздат, 1960. – 600 с.

10. Челябинской области – 70 : стат. сб. – Челябинск : Челябинблком-стат, 2004. – 575 с.
11. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 8009. – Оп. 6. – Д. 67. – Л. 2–2 об. (неопубл.).
12. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 4. – Д. 5. – Л. 60 об. (неопубл.).
13. ГАОО. – Ф. 846. – Оп. 1. – Д. 341. – Л. 96 (неопубл.).
14. ГАОО. – Ф. 846. – Оп. 2. – Д. 362. – Л. 51 (неопубл.).
15. ГАОО. – Ф. 1465. – Оп. 1. – Д. 327. – Л. 49 (неопубл.).
16. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее – ЦДНННОО). – Ф. 371. – Оп. 2. – Д. 412. – Л. 16 (неопубл.).
17. ЦДНННОО. – Ф. 371. – Оп. 3. – Д. 416. – Л. 104 (неопубл.).
18. ОГАЧО. – Ф. 485. – Оп. 17. – Д. 22. – Л. 9 об. (неопубл.).
19. ОГАЧО. – Ф. 1595. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 1 (неопубл.).
20. Народно-хозяйственный план Оренбургской области на 1937 г. – Оренбург : Оренб. обл – ное изд – во, 1937. – 184 с.
21. Социалистическое строительство Чкаловской области : стат. сб. – Чкалов : Чкалов. кн. изд-во, 1940. – 76 с.
22. Челябинская область. (Краткий статистико-экономический справочник). – Челябинск : Челябинский рабочий, 1941. – 74 с.
23. Леонтьева, Л. А. Защита государством интересов матери и ребенка на Южном Урале во второй половине 30-х гг. XX в. / Л. А. Леонтьева // Исследования и исследователи юго-востока России (XIX–XX вв.). Вторые региональные историко-краеведческие чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. – С. 121–124.
24. Леонтьева, Л. А. Состояние жизненного уровня населения Южного Урала в 30-е годы XX века / Л. А. Леонтьева // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2009. – № 1 (67). – С. 35–40.
25. ГАРФ. – Ф. 8009. – Оп. 6. – Д. 110. – Л. 7 об. – 8 (неопубл.).
26. ГАРФ. – Ф. 8009. – Оп. 6. – Д. 113. – Л. 9 (неопубл.).
27. ОГАЧО. – Ф. 1000. – Оп. 1. – Д. 227. – Л. 126, 153 (неопубл.).
28. ЦГИА РБ. – Ф. 804. – Оп. 2. – Д. 880. – Л. 55 – 55 об. (неопубл.).
29. ГАОО. – Ф. 1003. – Оп. 2. – Д. 123. – Л. 2, 18 (неопубл.).
30. ГАОО. – Ф. 1465. – Оп. 1. – Д. 92. – Л. 68 (неопубл.).
31. Народное хозяйство Башкирской АССР за 70 лет : стат. сб. – Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1989. – 275 с.
32. Оренбургская область за 25 лет : стат. сб. – Оренбург : Оренбург. кн. изд-во, 1960. – 203 с.
33. Первый Всебашкирский съезд врачей 1–6 марта 1938 г. г. Уфа. – Уфа : Башгосиздат, 1939. – 143 с.

34. Айрепатов, В. Г. Подъем материального и культурного уровня жизни трудящихся Урала в годы третьей пятилетки (1937 – июнь 1941 гг.) / В. Г. Айрепатов // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975 гг.). – Свердловск : УрГУ, 1981. – С. 3–17.
35. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). – Ф. 122. – Оп. 14. – Д. 38. – Л. 84 (неопубл.).
36. Здоровье и здравоохранение трудящихся СССР : стат. сб. – М. : Союзоргучет, 1936. – 224 с.
37. Народное хозяйство Башкирской АССР за 60 лет : стат. сб. – Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1979. – 176 с.
38. Народное хозяйство РСФСР. – М. : Госстатиздат, 1957. – 371 с.
39. Челябинская область. 1917–1945 гг. : сб. док. и материалов / ред. А. Г. Агарышева. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1998.
40. Чкаловская коммуна. – 1939. – 17 апр.
41. Социалистическое строительство в Челябинской области в 1936 г. (краткие итоги). – Челябинск : Изд-е ОблУНХУ, 1936. – 22 с.

**SOCIAL PROTECTION OF THE FAMILY
ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
(ON MATERIALS OF THE SOUTH URALS)**

Voloshina Larisa Anatolyevna

Candidate of Historical Sciences, Lecturer,
Division of Continuing and Extended Education,
Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Juridical University
Named O.E. Kutafin
larisal2007@yandex.ru
Komsomolskaya St., 50, 460000 Orenburg, Russian Federation

Abstract. The article considers the issues of social protection of the family. Analyzed in detail the main activities of the state to solve this problem, which has led to increased network consultations, maternity hospitals, kindergartens, material support of families with many children, to increase the fertility rate.

Key words: family, social defense, motherhood and childhood, the prohibition of abortions, family benefits, divorce.

УДК 94(47+57)«1943/1947»:332

ББК 63.3(2)622-2

**«КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС» У РЕЧНИКОВ
СРЕДНЕЙ И НИЖНЕЙ ВОЛГИ
В 1945–1947 ГОДАХ ¹**

Гоманенко Олеся Александровна

Кандидат исторических наук, доцент
кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградского государственного университета
gomanenko.olesya@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. На волжском речном транспорте остро стояла жилищная проблема, усугубившаяся за годы Великой Отечественной войны. Восстановление жилищного фонда пароходств Средней и Нижней Волги происходило недостаточно интенсивно. Капиталовложения на жилищное строительство волжских пароходств были в разы меньше необходимого минимума. Недостаток жилфонда отрицательно отражался на кадровом составе предприятий речного флота. Профсоюзные организации старались контролировать «квартирный вопрос» речников.

Ключевые слова: волжский речной транспорт, Великая Отечественная война, восстановление, социальная защита, жилищная проблема.

На волжском речном транспорте всегда остро стояла жилищная проблема, которая усугубилась в годы Великой Отечественной войны. Еще в предвоенный период ежегодно в конце навигаций из-за неупорядоченности заработной платы и необеспеченности жильем увольнялось большое количество работников. Крупные пристани Нижневолжского речного пароходства (НВРП) и до войны не располагали достаточной жилищной площадью. Имевшиеся общежития зачастую не были обеспечены необходимым инвентарем [9, л. 86].

За годы войны, в частности за 1942 г., почти весь жилой фонд основных пристаней НВРП – Сталинград и Красноармейск

был уничтожен [3, л. 43; 4, л. 1; 11, л. 115, 135–135об.]. В 1945 г. береговое капстроительство Нижневолжского пароходства продолжалось не так интенсивно, как в 1943–1944 годах. За два с половиной года для Сталинградского порта (с Красноармейским участком) было построено и восстановлено 11 жилых домов, детский сад, клуб на 400 человек, баня, магазины и столовые [1, с. 82]. В целом, по итогам 1945 г. основные фонды портово-пристанского хозяйства НВРП составляли 84,4 % от уровня 1940 года. Восстановлено и заново построено было 17 840 м² жилой площади [10, л. 41].

Именно необеспеченность нормальными жилищными и материально-бытовыми условиями провоцировала дезертирство работников и большую текучесть кадров. Жилья не хватало не только для речников Сталинграда, но и Астрахани. Рабочие, в том числе поступающие по мобилизации, размещались в необорудованных общежитиях, палатках, дебаркадерах и даже коровниках, где не было не только постельных принадлежностей, но и топчанов [2, л. 47]. Проблема обеспечения жильем сохранялась постоянно. После завершения военных действий жилищный фонд Сталинградского узла не был полностью восстановлен. Многие работники так и жили в подвалах и помещениях, непригодных для проживания [6, л. 109].

В Средневолжском речном пароходстве (СВРП) дела обстояли немного лучше, но и там остро стояла жилищная проблема. В летний период 1946 г. на речном транспорте Средней Волги в среднем на одного человека приходилось 4,8 м² жилой площади: 4,3 м² в домах Средневолжского пароходства, 5 м² в личных и домах Горкомхоза, 4,6 м² в частновладельческих домах. В межнавигационный период в связи с размещением плавсостава на зимний отстой уплотнялось расселение водников, что составляло 2,8 м² жилой площади на одного человека: 3,1 м² в частновладельческих домах, 2,5 м² в домах пароходства, в общежитиях еще меньше [8, л. 71].

В зиму 1946/47 гг. для размещения 18 000 речников и их семей необходимо было 104 400 м² жилплощади (5,8 м² на одного человека). СВРП имело в 2,3 раза меньше необходимого жилищ-

ного фонда (46 375 м²), из которого 13 % (5 900 м²) приходилось на временные постройки 1918–1932 гг. и подлежали сносу. Кроме того, недостаток жилфонда отрицательно отражался на своевременной организации зимнего судоремонта, так как на размещение плавсостава уходило около двух недель [8, л. 71–72].

Пятилетним планом восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. и постановлением Совмина СССР № 3092 от 1 сентября 1947 г. «О мероприятиях по восстановлению и дальнейшему развитию речного транспорта» [7, с. 178, 181] предусматривалось дальнейшее возрождение речного транспорта и наращивание темпов перевозок, что требовало увеличения состава кадров. По СВРП предполагалось увеличить штат на 2 435 человек (с членами семей получалось приблизительно в два раза больше). Для размещения этого количества речников и их семей дополнительно требовалось еще 29 000 м² жилплощади. Таким образом, необходимо было 133 400 м² жилищного фонда для обеспечения всех сотрудников Средневожского пароходства жильем (фактически жилфонд составлял 35 % от необходимых квадратных метров) [8, л. 71]. На жилищное строительство по СВРП требовалось 33 400,0 тыс. руб., но Министерство речного флота (МРФ) выделило на 1947 г. лишь 4 090,0 тыс. рублей. Следует заметить, что на жилищное строительство по всем отраслям НВРП в 1943 г. выделялось 2 556,0 тыс. руб. (хотя требовалось в три раза больше), при том, что за период Сталинградской битвы жилфонд почти полностью погиб [5, л. 109об. – 110; 11, л. 146–148].

Профсоюзная организация СВРП Баскомреч (Бассейновый комитет профсоюза рабочих речного транспорта) обращалась в ЦК профсоюзов речников с просьбой поставить вопрос перед МРФ об увеличении капиталовложений на жилищное и культурно-бытовое строительство по СВРП. Около 30 профсоюзных организаций речного флота Средней Волги контролировали состояние жилых зданий, их своевременный и качественный ремонт, правильное использование (по прямому назначению). Можно отметить некоторое улучшение санитарного состояния общежитий рабочих (особенно молодежи), хотя не везде удалось избавиться от кло-

пов. В зиму 1946/47 г. общежития удовлетворительно отапливались, были снабжены мебелью, постельными принадлежностями (регулярно стиравшимися), проживающие обеспечивались кипятком. Однако не везде в достаточном количестве были тумбочки и стулья. Профактив СВРП неоднократно обследовал квартиры и бытовые условия рабочих, семей погибших воинов, инвалидов войны. Через хозяйственные организации семьям погибших воинов, инвалидам и демобилизованным было отремонтировано 251 квартира [8, л. 73а].

Помимо этого, профсоюз прикладывал усилия для максимального развития индивидуального жилищного строительства, которому не было уделено достаточного внимания, в том числе и со стороны председателей заводских местных комитетов Средневожского бассейна. Не всегда оказывалась помощь речникам в оформлении ссуд и отводе земельных участков. Так, в 1945 г. были оформлены ссуды только четырьмя работникам СВРП на сумму 20,0 тыс. рублей. В 1946 г. пароходством спущено в Промбанк для кредитования 400,0 тыс. руб. на 57 человек, подавших заявление. Оформили же ссуды 40 человек на 278,0 тыс. рублей [8, л. 73]. Однако и этим работникам не была своевременно оказана помощь в выделении строительных материалов, что затянуло строительство домов. На начало 1947 г. было вновь подано 55 заявлений на получение ссуд, 12 из которых сразу были удовлетворены. Остальные заявления рассматривались по мере поступления кредитов от МРФ. Всего за 1945 г. – начало 1947 г. выдано было ссуд на индивидуальное жилищное строительство на сумму 74 815 рублей [8, л. 74].

Таким образом, на волжском речном транспорте остро стояла жилищная проблема. За годы Великой Отечественной войны предприятия Средней Волги пострадали в меньшей степени, чем на Нижней. Почти весь жилой фонд НВРП был уничтожен. Восстановление происходило недостаточно интенсивно. Средства, отпускаемые Министерством речного флота волжским пароходствам на жилищное строительство, были в несколько раз меньше, чем требовалось. Недостаток жилфонда

отрицательно отражался на кадровом составе предприятий речного флота, увеличивая его текучесть. Профсоюзные организации старались контролировать состояние, в том числе санитарное, жилых зданий, их ремонт, а также поддерживать развитие индивидуального жилищного строительства. Однако этих усилий было недостаточно.

Примечание

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ); проект № 14-31-01003 «Волжский речной транспорт в 1934–1948 годы и его влияние на развитие народного хозяйства СССР».

Список литературы

1. Гоманенко, О. Нижневолжское речное пароходство в Великой Отечественной войне. 1940–1945 гг. / О. Гоманенко. – Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. – 256 с.
2. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). – Ф. 1340. – Оп. 1. – Д. 5 (неопubl.).
3. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). – Ф. 4372. – Оп. 42. – Д. 847 (неопubl.).
4. РГАЭ. – Ф. 4372. – Оп. 43. – Д. 775 (неопubl.).
5. РГАЭ. – Ф. 9469. – Оп. 1. – Д. 488 (неопubl.).
6. РГАЭ. – Ф. 9469. – Оп. 7. – Д. 9 (неопubl.).
7. Речной транспорт в директивах Коммунистической партии, законодательных актах и постановлениях советского правительства (1918–1959). – М. : Речной транспорт, 1959. – 230 с.
8. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). – Ф. 9425. – Оп. 1. – Д. 27 (неопubl.).
9. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). – Ф. 113. – Оп. 11. – Д. 95 (неопubl.).
10. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 20. – Д. 174 (неопubl.).
11. ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 2. – Д. 125 (неопubl.).

**"HOUSING PROBLEM"
OF RIVER TRANSPORT WORKERS
ON THE MIDDLE AND LOWER VOLGA IN 1945-1947**

Gomanenko Olesya Aleksandrovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of Social Work and Pedagogy,
Volgograd State University
gomanenko.olesya@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The housing problem was particularly acute on the Volga river transport. It was aggravated during the Great Patriotic War. The restoration of the housing stock of the Middle and Lower Volga Steamship Lines was not intensive enough. Capital investments in the housing construction in Volga Steamship Lines were many times less the necessary minimum. The lack of accommodation had a negative effect on the workforce of river transport enterprises. The trade-unions tried to control «housing problem» of river transport workers.

Key words: Volga river transport, Great Patriotic War, recovery, social care, housing problem.

УДК 355:94

ББК 63.3(2) 622-2

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ИХ СЕМЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кобзева Анастасия Михайловна

Студентка кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградского государственного университета
socialworker2012@mail.ru
ул. Серафимовича, 22, 403343 г. Михайловка,
Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье рассмотрено социальное обеспечение военнослужащих и их семей во время Великой Отечественной войны. Определены базисные виды социального обеспечения: освобождение от выплаты налогов или льготное налогообложение, пенсии военнослужащим и пособия членам их семей. Выделены основные особенности нормативных актов, улучшающих положение данной категории населения. Сделан вывод о том, что военнослужащие являлись одним из приоритетных объектов социальной политики СССР в военное время.

Ключевые слова: военнослужащие, социальное обеспечение, пенсия, инвалидность, Великая Отечественная война.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. легла тяжелым бременем на СССР и всех его жителей. Победа над врагом требовала перестройки экономики на военный лад и превращения страны в своего рода «единый механизм» для борьбы с врагом. Ведение военных действий вело к огромнейшим расходам, что, безусловно, поменяло структуру затрат государственного бюджета. Однако, даже в условиях военного времени, социальное обеспечение граждан занимало приоритетное место во внутренней политике Советского Союза.

Принятие нормативных актов, направленных на улучшение социального положения военнослужащих и их семей в 1941–1945 гг.,

лишь подчеркивает значимость и важность данной категории населения для государства. Это не является удивительным: именно военнослужащие в большей степени составляли боевую мощь страны и являлись «оплотом» сохранения существования СССР.

Необходимо определить термин «социальное обеспечение», поскольку в научной литературе он освещается неоднозначно. Так, один из исследователей вопросов социального обеспечения военнослужащих К.А. Насонов, рассматривая данный термин применительно к военной организации, понимал под ним «систему деятельности органов государственной власти и военного управления, командиров, начальников всех уровней, общественных организаций по реализации установленных для военнослужащих, а также лиц, приравненных к ним, граждан, уволенных с военной службы, и членам их семей правовых, политических, экономических и других мероприятий, проводимых в интересах гарантированного обеспечения материально-бытовых условий, льгот и законных интересов» [1, с. 66].

Этот же исследователь рассматривает органы государственной власти в сфере социального обеспечения: к ним он относит «Совет Народных Комиссаров (СНК) СССР, СНК союзных республик, Народные комиссариаты социального обеспечения союзных республик, краевые (областные) отделы социального обеспечения, районные отделы социального обеспечения»; выделяет и органы военного управления – «ГКО, Ставка ВГК, НК Оборона, военные советы фронтов и армий», которые помогали решать социальные проблемы военнослужащих и их семей.

Анализируя нормативно-правовую базу данного вопроса, можно выделить базисные виды социального обеспечения данной группы населения. Рассмотрим их подробнее.

1. Освобождение от выплаты налогов или льготное налогообложение.

Согласно пункту 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1941 г. «О военном налоге», военнослужащие состава Рабоче-крестьянской Красной Армии, Военно-Морского флота, пограничных и внутренних войск и члены семей военнослужащих, получающих пособие от государства, были освобождены

от уплаты военного налога, средний размер которого составлял 100 руб. в год. Позднее Президиум ввел льготу для военнослужащих, которые работали в 250-километровой зоне от линии фронта – они имели половинную льготу по уплате данного налога [4].

Кроме этого, государство минимизировало налогообложение и для семей военнослужащих, погибших при защите Родины. Так, Президиум Верховного Совета СССР принял Указ от 9 января 1943 г. «Об отмене налога с имущества, переходящих в порядке наследования и дарения, и предоставления льгот по государственной пошлине наследникам, погибшим при защите Родины», согласно которому был отменен налог с имущества при наследовании и дарении [5].

2. Пенсии военнослужащим и пособия членам их семей.

Необходимо подчеркнуть, что СНК СССР еще накануне войны принял Постановление от 5 июня 1941 г. № 1474 «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава, младшего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям», которое регулировало виды пенсий, размер их выплат, порядок их назначения, а также рассматривало пенсии семьям умерших лиц начальствующего состава и сверхсрочнослужащих. Данным документом выделялись пенсии за выслугу лет (не менее 25 лет выслуги – размер пенсии составлял 50 % от оклада содержания), пенсии по инвалидности – их размер определялся в зависимости от группы инвалидности (от 40 до 75 % от оклада содержания); отдельно рассматривались пенсии семьям умерших начальствующего состава и сверхсрочнослужащих – в данном случае размер пенсии зависел от количества нетрудоспособных в семье (от 30 до 60 % оклада содержания). Важную роль играла и причина получения пенсионной выплаты – так, лица, ставшие инвалидами вследствие ранений при защите Родины, имели пенсию на 15 % от оклада выше, чем те, кто получил инвалидность вследствие болезней, не связанных с военными действиями [2].

Сразу же после начала Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР принимает Указ, направленный на поддержание материального положения семей военнослужа-

щих – «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26 июня 1941 года. В нем определялись лица, которые считались нетрудоспособными и состоящими на иждивении у военнослужащего (дети моложе 16 лет, а учащиеся – моложе 18 лет; отец старше 60 лет и мать старше 55 лет; братья и сестры моложе 16 лет, а учащиеся моложе 18 лет, если они не имеют трудоспособных родителей; жена и родители-инвалиды первой и второй групп независимо от возраста); их количество влияло на размер ежемесячного пособия семье: так, согласно пункту 1 данного нормативно-правового акта, он мог составлять от 100 до 200 руб. (максимальный размер при трех и более нетрудоспособных лиц и отсутствия в семье трудоспособных). Кроме этого, размер выплат в городе и сельских местностях в некоторых случаях был различен – порой разница составляла 50 % [3].

После коренного перелома в Великой Отечественной войне Совет Народных Комиссаров принимает Постановление № 101 от 31 января 1944 г. «Об утверждении инструкции о порядке назначения и выплаты пенсий по инвалидности военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава». Тщательно и детально проработанный, этот нормативно-правовой акт определяет размеры пенсий по инвалидности, время назначения и период выплат, перечень необходимых документов и места обращения за данным видом пенсионной выплаты. Отличительной особенностью Постановления является дифференциация видов пенсий: 1) военнослужащим, работавшим до призыва на военную службу в качестве рабочих или служащих (и приравненных к ним) – пенсии назначаются в процентах к их заработку, 2) остальным военнослужащим – пенсии назначаются по твердым нормам; и установление минимальной границы выплаты [6].

Таким образом можно отметить, что социальное обеспечение военнослужащих и их семей в годы Великой Отечественной войны было расширено и осуществлялось по двум направлениям – денежные выплаты и льготное налогообложение. Данная категория населения стала одним из приоритетных объектов социальной политики СССР в военное время наравне с инвалидами.

Список литературы

1. Насонов, К. А. Социальное обеспечение военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны: сущность, содержание и современное значение / К. А. Насонов // Вестник Военного университета. – 2010. – № 3 (23). – С. 65–70.

2. Постановление СНК СССР от 5 июня 1941 г. № 1474 «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава, младшего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям» // libussr.ru: Интернет архив законодательства СССР. 2011–2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4317.htm (дата обращения: 01.04.2015). – Загл. с экрана.

3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» // libussr.ru: Интернет архив законодательства СССР. 2011–2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4321.htm (дата обращения: 01.04.2015). – Загл. с экрана.

4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1941 г. «О военном налоге» // libussr.ru: Интернет архив законодательства СССР. 2011–2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4337.htm (дата обращения: 01.04.2015). – Загл. с экрана.

5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1943 г. «Об отмене налога с имущества, переходящих в порядке наследования и дарения, и предоставления льгот по государственной пошлине наследникам, погибшим при защите Родины» // libussr.ru: Интернет архив законодательства СССР. 2011–2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4389.htm (дата обращения: 01.04.2015). – Загл. с экрана.

6. Постановление Совета Народных Комиссаров № 101 от 31 января 1944 г. «Об утверждении инструкции о порядке назначения и выплаты пенсий по инвалидности военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава» // libussr.ru: Интернет архив законодательства СССР. 2011–2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4476.htm (дата обращения: 01.04.2015). – Загл. с экрана.

**SOCIAL SECURITY
OF SERVICEMEN AND THEIR FAMILIES
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Kobzeva Anastasia Mikhailovna

Student of the Direction of Preparation “Social work”,
Department of Social Work and Pedagogy,
Volgograd State University
socialworker2012@mail.ru
Serafimovicha St., 22, apt. 3, 403343, Mikhailovka, Russian Federation

Abstract. In the present article social security of the military personnel and their families during the Great Patriotic War is considered. Basic types of social security are defined: deliverance from payment of taxes or preferential taxation, pensions to the military personnel and benefits to members of their families. The main features of the regulations improving the provision of this category of the population are marked out. We concluded that the military personnel was one of priority objects of social policy of the USSR in a wartime.

Key words: servicemen, social security, pension, disability, the Great Patriotic War.

УДК 94(100):350

ББК 63.3(0),7

**РАЗВИТИЕ ПРОМКООПЕРАЦИИ И ЕЕ РОЛЬ
В ПРОИЗВОДСТВЕ ТОВАРОВ
НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Коновалова Кристина Юрьевна

Кандидат экономических наук, старший преподаватель
кафедры экономики и управления
Северо-Кавказского института – филиала РАНХиГС
kris89.11@yandex.ru
ул. Февральская, 54, 357528 г. Пятигорск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития кооперативной промышленности Ставрополя на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Промкооперация продолжала успешно способствовать решению сложных социально-экономических проблем Ставропольского края посредством обеспечения населения необходимыми товарами, решению проблемы трудоустройства инвалидов войны и труда, подростков и членов семей военнослужащих. Являясь дополнительным материально-промышленным источником, кооперативная промышленность на деле способствовала укреплению экономики Ставропольского края и значительному улучшению благосостояния его населения.

Ключевые слова: устойчивое развитие региона, теория кластеров, кооперативный сектор промышленности, промысловая кооперация инвалидов, артель.

Ставропольский край (до 1943 г. Орджоникидзевский край) расположен в центре Предкавказья. В качестве самостоятельного административно-территориальной единицы в СССР появился в 1937 г., когда Северо-Кавказский край был переименован в Орджоникидзевский край, а его административный центр был перенесен из Пятигорска в Ворошиловск (с января 1943 г. – Ставро-

поль). Территория Ставропольского края к началу 40-х годов составляла 101,5 тыс. км² или около 0,5 % от всей площади СССР.

С точки зрения теории кластеров в контексте региональной экономики работу колхозов и совхозов Ставропольского края можно считать прообразом кластеров (то есть особого типа пространственной организации производства, который обеспечивает высокую плотность взаимодействия участников и, соответственно, эффективность экономической деятельности данной пространственной системы) [2, с.146; 3, с. 80; 7, с. 252]. Суть кластерного подхода заключается в том, чтобы относиться к развитию территории с позиций выстраивания на ней максимально высокой плотности экономической деятельности, что соответствует идее коллективной координации производства [4, с. 144; 5, с. 21; 6, с. 92].

В связи с тем, что многие предприятия государственной промышленности к этому времени были восстановлены и полностью удовлетворяли потребности Красной Армии, перед кооперацией ставилась задача обеспечения населения Ставропольского края необходимой продукцией. Кооперативный сектор местной промышленности Ставрополя должен был не только способствовать насыщению рынка, но и улучшить качество выпускаемой продукции. Для решения этой проблемы необходимо было усилить производственные мощности предприятий кооперативной промышленности.

Особенно большая работа по восстановлению производства предметов широкого потребления возлагалась на предприятия местной промышленности и промысловой кооперации. Предприятия промысловой кооперации раньше других были освобождены советским правительством от выпуска специальной продукции для фронта. Это делалось для того, чтобы в кратчайшие сроки наладить выпуск товаров широкого потребления, улучшить материальное положение населения страны, ускорить процесс перехода к мирной жизни [9, с. 17]. На 1 января 1945 г. промысловая кооперация Ставропольского края имела достаточно широкую сеть предприятий: 143 артели, 20 отраслей, 7 союзов, 680 ремонтно-починочных мастерских, 115 мастерских по бытовому обслуживанию населения [1, Ф. 2775. Оп. 3. Д. 570. Л. 23].

Высшее руководство кооперативных объединений неоднократно призывало работников артелей к соперничеству с предприятиями государственного сектора в плане качества и ассортимента выпускаемой продукции. Особенно это характерно для 1945 г., но конкуренция между государственным сектором местной промышленности Ставропольского края и кооперативным существовала еще до войны. Руководители кооперативных предприятий считали, что для составления государственным предприятиям достойной конкуренции необходимо провести ряд мероприятий по укреплению системы.

Для улучшения качества выпускаемой продукции на предприятиях кооперации была введена должность «бракер». Бракеры осуществляли контроль над качеством продукции. Для этого бракерам необходимо было иметь широкий спектр технических знаний. Только продукция высокого качества получала маркировку бракера. Клеймо для маркировки должно было быть зарегистрировано или утверждено Крайкоопинсоюзом. Изделия, не имеющие маркировки, не могли быть отпущены со склада. Задача бракеров заключалась в укреплении системы по средствам усиления контроля на предприятиях кооперации, перед руководителями кооперации Ставропольского края стояла задача восстановления или создания новой технической документации.

В 1945 г. производственная деятельность системы промкооперации Ставропольского края состояла из 20 отраслей: стройматериалов, металлической, химической, силикатно-керамической, кожевенной, меховой, прядильной, текстильной, трикотажной, художественной, швейной, бумажно-полиграфической, деревообрабатывающей, мебельной, лесохимической, сапоговаляльной, галантерейной, пищевкусовой, лесозаготовительной, культпромышленной. Всего предприятиями промкооперации выпускалось 113 видов изделий. План 1945 г. в целом по системе фактически был выполнен на 96 %, что в денежном эквиваленте соответствовало 79 тыс. 644 руб., и это при плане 83 тыс. рублей. Невыполнение плана наблюдалось по таким отраслям как: кожевенная, меховая, текстильная, швейная, трикотажная, химическая, металлическая.

Химическая отрасль промышленной системы удовлетворяла потребности населения в моющих средствах, красках и другой продукции. Химическая отрасль выполнила план по выпуску хозяйственного мыла на 132,7 %, красок сухих 267 % и т. д. [1, Ф. 2775. Оп. 3. Д. 570. Л. 25].

В течение года предприятиями промкооперации Ставропольского края велась работа по снижению себестоимости продукции. Управление промкооперации Ставропольского края получило задание по снижению себестоимости на 2,5 %. Фактически промышленной системе Ставропольского края удалось снизить ее на 6,9 % [1, Ф. 2775. Оп. 3. Д. 570. Л. 22]. Если промышленная кооперация выполняет производственный план на 96 % и в 1945 г. продолжает повышать производственные показатели, то в системе кооперации инвалидов Ставропольского края наблюдается снижение производственных показателей. В 1945 г. система кооперации инвалидов продолжила вести работу по организации новых видов производства. Это делалось с целью решения важной задачи обеспечения населения Ставропольского края товарами широкого потребления.

Особое внимание кооперативные предприятия уделяли повышению производительности труда. Производительность труда в 1945 г. по системе промышленной кооперации Ставропольского края составила 103,4 %, то есть среднегодовая выработка на одного работника составила 13 930 руб., вместо запланированных 13 480 рублей. По отдельным видам производства наблюдалась еще большая производительность труда: пищевкусовая отрасль – 130 %, химическая – 123 %, сапоговаляльная – 105 % [1, Ф. 2775. Оп. 3. Д. 570. Л. 29]. Но, в общем, по системе кооперации производительность труда была низкой. Причина заключалась в том, что на предприятиях работало много инвалидов войны и труда. Состояние их здоровья не всегда позволяло выполнять явно завышенный план, установленный государством. Несмотря на то, что руководство артелей систематически вело работу по улучшению условий труда, без финансовой поддержки со стороны государства это было сделать достаточно сложно. Переход Ставропольского края на рельсы мирного развития поставил перед

промышленной кооперацией и кооперацией инвалидов задачу развития товарооборота.

С целью решения проблемы улучшения обеспечения населения Ставропольского края товарами ширпотреба промышленная кооперация продолжала расширять торговую сеть. Так, в 1945 г. была проделана работа по увеличению количества магазинов, ларьков, скупочных пунктов и пунктов реализации готовой продукции. Если торговая сеть промкооперации Ставропольского края постоянно расширялась, то сокращение некоторых видов производства кооперацией инвалидов вело к ее уменьшению. Например, в 1944 г. в системе работало 88 торговых точек, а в 1945 г. только 71. Закрытие 16 торговых точек существенно затрудняло снабжение населения товарами первой необходимости. Большой популярностью у населения Ставропольского края пользовались развозки (машины-магазины). Пункты по реализации товаров, выпускаемых предприятиями кооперации инвалидов были вообще закрыты [9, с. 18].

Несмотря на то, что в системе кооперации инвалидов наблюдалось сокращение торговой сети, имеющиеся в наличии торговые точки все же способствовали улучшению снабжения населения.

На завершающем этапе войны на территории Ставрополья полным ходом шли восстановительные работы. После окончания войны значительно ускоряются темпы строительства новых предприятий, жилых домов, домов культуры и т. д. Предприятия промкооперации активно включились в процесс обеспечения Ставропольского края строительными материалами. Артели промышленной кооперации снабжали стройки края такими видами строительных материалов как: кирпич, черепица, известь, алебастр и т. д.

Основным производителем стройматериалов был Крайстройпромсоюз. В этой системе производства стройматериалов было объединено на начало 1945 г. 15 артелей: в сельской местности – 14, в городе Буденновске-1 («Красный кирпич») [1, Ф. 3395. Оп. 1. Д. 74. Л. 6]. Стройки Ставропольского края нуждались в такой необходимой продукции как кирпич. План по его производству удалось выполнить на 103,6 %, то есть кирпича было изготовлено

всего в количестве 6 215,9 тыс. штук. Если сравнивать показатели 1944 и 1945 гг., то в 1945 г. кирпича было выпущено на 1 600 тыс. штук больше [1, Ф. 2775. Оп. 3. Д. 570. Л. 21]. Артели Крайстройпромсоюза за 1945 г. выпустили продукции в неизменных ценах 1932 г. на сумму 1 411,2 тыс. руб. при плане 1 710,0 тыс. руб., что составило 82 %. План строительной отрасли промышленной кооперации Ставропольского края составлял на 1945 г. 1 161,3 тыс. руб., фактически же было выполнено на 64 %, что составило 1 710,0 тыс. рублей [1, Ф. 3395. Оп. 1. Д. 74. Л. 8].

В течение 1945 г. кооперативная промышленность Ставропольского края способствовала решению еще одной не менее важной задачи – трудоустройству инвалидов войны и членов семей военнослужащих. Советское правительство ввело план приема инвалидов войны на работу в кооперативные предприятия. В среднем кооперативные предприятия трудоустраивали 500–700 человек в год. Война породила много инвалидов 1 и 2 группы и кооперативные предприятия должны были способствовать решению важной социальной задачи – их трудоустройству. Всего за первое полугодие прибыло инвалидов в артели кооперации 872 человека, из них инвалидов Великой Отечественной войны 365 человек. В первом полугодии 1945 г. было трудоустроено 780 человек, из них инвалидов войны – 342. Наблюдался заметный рост числа инвалидов войны на предприятиях кооперации Ставропольского края. Так, на 1 января 1945 г. на предприятиях кооперации работало 603 человека, а на 1 июля того же года – 766 человек. Число работающих инвалидов войны к общему числу составило 20,5 % [8].

В 1945 г. в связи с большим количеством инвалидов, прибывших на работу в артели кооперации Ставропольского края, Крайкоопинсоюз принял решение о более широком использовании труда «надомников». Эта задача имела государственное и политическое значение, так как речь шла о приобщении к жизни общества инвалидов 1 группы. Эти люди не могли трудиться на предприятиях и поэтому требовали особого отношения к себе. Артели должны были специально для них создавать различные виды производств с учетом их физических возможностей. Необходимо признать, что руководство с этой задачей справилось достаточно успешно. Напри-

мер, артель «Победа» использовала труд «надомников» для того, чтобы раскрашивать открытки с видами Кавказа. Эта работа не требовала больших физических усилий, ее могли выполнять инвалиды в полулежачем состоянии. «Надомники» других артелей занимались склеиванием аптекарских папиросных коробочек из картона. Затруднения в поставке картона, не всегда давали возможность инвалидам трудиться без задержек.

В 1945 г. предприятия кооперации инвалидов продолжили работу по выполнению спецзаказов в небольших количествах. Заказы в основном связаны с выполнением починочных работ и стиркой обмундирования. В 1945 г. перед предприятиями кооперации инвалидов Ставропольского края был поставлен ряд задач: произвести выпуск продукции на 22 500,0 тыс. руб.; повысить производительность труда на 10 %; снизить себестоимость продукции на 3 %; значительно улучшить качество продукции. Это при том, что в течение года кооперация инвалидов должна была определить на работу не менее 1 400 человек, в том числе 500 инвалидов Великой Отечественной войны [1, Ф. 2521. Оп. 1. Д. 12. Л. 37]. Таким образом, к 1945 г. в артелях кооперации инвалидов работало значительное количество инвалидов войны, многие из которых не способны были выполнять явно завышенные планы производительности труда.

Чтобы объективно оценить всю сложность ситуации, в которой оказалась система кооперации инвалидов Ставропольского края, что, в конечном счете, привело к падению уровня производства, необходимо проанализировать личный состав артелей за период с 1 января 1941 г. по январь 1945 года.

Во-первых, число работающих к числу членов артелей на 1 января 1945 г. по отношению к довоенному периоду 1941 г. достигло 55,1 %, к 1 января 1942 г. – 62,0 %, к 1 января 1943 г. возросло до 117,9 %. Во-вторых, если число семей военнослужащих, работающих на предприятиях кооперации инвалидов, в 1941 г. составляло 0,3 %, то к 1945 г. это соотношение составило 30,2 %. Следовательно, численный состав членов семей военнослужащих резко возрос. В-третьих, число инвалидов войны в 1945 г., в сравнении с 1944 г., увеличилось на 375 человек и составило 603 чело-

века. В-четвертых, число подростков, работающих в артелях наравне со взрослыми, увеличилось до 203 человек. В-пятых, число наемных рабочих резко сократилось с 637 до 320 человек. Таким образом, данные по численному составу показывают, что в 1945 г. произошло увеличение на кооперативных предприятиях таких категорий работников, как «инвалиды войны», «члены семей военнослужащих», а также появилась новая группа работников – «подростки», и это при резком сокращении работников по найму. Все эти факторы являлись одной из причин падения производственных показателей системы кооперации инвалидов Ставропольского края [8].

Предприятия кооперации инвалидов и промкооперации способствовали также решению важной социальной задачи трудоустройства подростков. Особенно стоит отметить промысловую кооперацию. Анализ численного состава артелей промкооперации Ставропольского края показал, что число подростков, трудившихся на предприятиях кооперации во втором квартале 1945 г., составило 17 % от числа работников. Только на промысловых предприятиях трудилось 1 796 подростков. Кооперативная промышленность способствовала не только решению государственной проблемы трудоустройства подростков, но и готовила себе достойные кадры.

В 1945 г. работники артелей промкооперации Ставропольского края продолжали участвовать в соцсоревновании. Из 17 артелей системы Крайразнопромсоюз в соцсоревнование включились 14 артелей, то есть 649 человек. Особенно отличились артели «Металлокомбинат». Лучшими стахановцами были названы следующие работники: Мартыненко А., Троцкий Е., Любанский Д., Ишков К. Крайтекстильшвейпромсоюз объединял 17 артелей, из них 14 участвовали в соцсоревновании. Особенно отличились работники артелей «Разнопром», «им. Чкалова», «им. Сталинской конституции», «27 годовщины Октября», «им. Кирова» [1, Ф. 2775. Оп. 3. Д. 17. Л. 283]. В соцсоревновании принимали участие не только предприятия промкооперации, но и 40 артелей кооперации инвалидов [1, Ф. 2521. Оп. 1. Д. 754. Л. 11].

Одним из главных направлений работы промкооперации являлась забота о своих работниках, членах артелей и их детях.

Летом 1945 г. был организован отдых для подростков, работающих в артелях, а также для детей работников и членов артелей. В лагеря общего типа за счет системы были отправлены 95 подростков, работающих в системе. Они отдыхали в городе Пятигорске. 150 детей работников и членов артелей школьного возраста отдохнули в лагерях общего типа. В санаторно-курортных лагерях отдохнули 50 человек, прошли лечение 150 детей [1, Ф. 2775. Оп. 3. Д. 570. Л. 22].

Список литературы

1. ГАСК: Государственный архив Ставропольского края. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.stavarhiv.ru> (дата обращения: 03.04.2015). – Загл. с экрана.
2. Коновалова, К. Ю. Генерирование условий и источников экономического оживления и подъема региональной социально-экономической политики / К. Ю. Коновалова, Н. В. Данченко // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – № 3. – С. 144–146.
3. Коновалова, К. Ю. Изучение направлений обеспечения эффективного развития региональной социально-экономической политики / К. Ю. Коновалова // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 79–81.
4. Коновалова, К. Ю. Особенности управления устойчивым развитием экономики региона / К. Ю. Коновалова // Молодежь и наука: реальность и будущее : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Т. Н. Рябченко, Е. И. Бурьянова : в 2 т. Том II: Экономические науки. Юридические науки. – Невинномысск : НИЭУП, 2015. – С. 144–146.
5. Коновалова, К. Ю. Управление устойчивым развитием экономики региона на основе кластерного подхода (на материалах Ставропольского края) : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Коновалова Кристина Юрьевна. – Владикавказ, 2014. – 27 с.
6. Коновалова, К. Ю. Факторы устойчивого сбалансированного экономического развития на региональном уровне управления / К. Ю. Коновалова // Аспирантские чтения – 2014 : материалы Регион. конф. диплом. специалистов, работающих над канд. дис. 12 февр. 2014. – Пятигорск : Рекламно-информ. агентство на Кавминводах, 2014. – С. 88–95.
7. Новоселова, Н. Н. Повышение эффективности функционирования и развития региональных экономик на базе имеющихся ресурсов и

потенциалов с учетом возможных действий факторов внешней и внутренней среды / Н. Н. Новоселова // Экономика, статистика и информатика. – Вестник УМО. – 2012. – № 3 (2). – С. 250–253.

8. Печалова, Л. В. Кооперативная промышленность Ставрополя и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Печалова Лариса Викторовна. – Ставрополь, 2007. – 24 с.

9. Сухаревский, Б. Победа в Отечественной войне и советская экономика / Б. Сухаревский // Плановое хозяйство. – 1945. – № 3. – С. 12–19.

**PROMKOOPERATION'S DEVELOPMENT
AND ITS ROLE IN PRODUCTION
OF CONSUMER GOODS OF STAVROPOL KRAI
IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Konovalova Christina Yurevna

Candidate of Sciences (Economic),
Senior Lecturer, Department Economics and Management,
North Caucasian Institute – Branch of a RANEPА
kris89.11@yandex.ru
Fevralskaya St., 54, 357528 Pyatigorsk, Russian Federation

Abstract. In article features of development of the cooperative industry of Stavropol Territory at the final stage of the Great Patriotic War are considered. Promkooperation continued to promote successfully the solution of complex social and economic problems of Stavropol region by means of providing the population of the region with necessary goods, to a solution of the problem of employment of disabled veterans and work, teenagers, and members of families of the military personnel. Being an additional material and industrial source, the cooperative industry in practice promoted strengthening of economy of edge and considerable improvement of welfare of its population.

Key words: sustainable development of the region; cluster theory; cooperative sector; fishery cooperatives of persons with disabilities; artel.

УДК 94 (470.41): «1941-1945»

ББК 63.3 (2) 62

ОСОБЕННОСТИ ЭВАКУАЦИИ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ТАТАРСКУЮ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кривоножкина Екатерина Геннадьевна

Кандидат исторических наук, заместитель директора
Института международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета
katrin1972@yandex.ru
ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье представлены результаты комплексного исследования повседневной жизни и быта детских учреждений, которые были эвакуированы с началом Великой Отечественной войны (1941 г.) на территорию Татарской АССР, представлявшую многонациональный регион. На основе статистических данных, а также других типов источников, рассматриваются проблемы адаптации детей к условиям эвакуации, особенности их быта и повседневной жизни, показывается система ценностей советских детей во время войны, отношения между эвакуированными детьми и местным населением.

Ключевые слова: эвакуация, детские учреждения, адаптация, быт, труд, здоровье, население.

Со времени окончания Великой Отечественной войны прошло много лет. Но особенности пребывания детей в условиях войны и детского восприятия событий военного времени изучены современной наукой недостаточно. Данная тема до сих пор актуальна. Наше исследование основано на опубликованных и неопубликованных источниках, в том числе архивных документах и воспоминаниях свидетелей военного времени.

Спустя несколько дней после нападения фашистской Германии на Советский Союз, 27 июня 1941 г., вышло Постановление партии и Правительства СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Началась массо-

вая эвакуация людей и предприятий из приграничных районов в тыл, вглубь страны. Одним из главных тыловых регионов стала Татарская АССР. Уже к 1 января 1942 г. Татария приняла жителей Карело-Финской ССР, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Армении, Крымской АССР, Молдавии, Азербайджана, Воронежской, Калининской, Курской, Ленинградской, Московской, Мурманской, Орловской, Хабаровской, Читинской и других областей страны. Всего в годы войны в ТАССР проживали представители 50 национальностей.

Среди эвакуированных большой процент составляли дети. Их размещали в основном в сельской местности, в отличие от трудоспособных взрослых, которые должны были трудиться в городах на предприятиях оборонной промышленности.

К 1 декабря 1941 г. в 30 районах республики из 63 разместились 67 798 детей, 70 % которых были в возрасте до 12 лет. Сразу по несколько детских учреждений (детские дома, детские сады, пионерские лагеря, и т. д.) приняли в Бондюжском, Верхне-Услонском, Елабужском, Красноборском и Набережночелнинском районах Татарской АССР [13, л. 30; 6, л. 186].

До войны в Татарской АССР насчитывалось 19 детских домов, в связи с эвакуацией их стало 51 [2, л. 2 об.], а к началу 1945 г. функционировало уже 113 детских домов с контингентом 11 686 человек [14, с. 86–87]. Исследователи и очевидцы пишут, что татарстанцы встречали эвакуированных детей очень радушно, оказывали им теплый прием, помогали одеждой и продуктами, хотя сами испытывали нужду на протяжении многих лет, а война только усилила ее.

Дорога в эвакуацию для большинства детских учреждений не была простой. Ехали либо по воде, либо по железной дороге в вагонах-теплушках. Поезда по пути могли по несколько суток стоять на запасных путях, пропуская эшелоны, шедшие на фронт. Попадали под обстрелы или бомбежку.

Отсутствие квалифицированной медицинской помощи, недостаточное, как правило, питание и тяжелые бытовые условия во время пути следования приводили к тому, что часть эвакуированных детей, главным образом раннего возраста, заболели, в ре-

зультате чего в первые недели пребывания на местах эвакуации увеличивалось число случаев смертности. Например, в Набережных Челнах к концу сентября 1941 г. умерло 28 детей, большинство из которых были грудные, слабые дети, заболевшие в пути [10, л. 29].

Взаимоотношения эвакуированных детей с местным населением складывались добрые. В ходе работы с источниками и по результатам проведенного нами опроса детей военного времени, побывавших в эвакуации в Татарстане, нам не удалось выявить случаев вражды на межнациональной почве (хотя в исследованиях, проводимых в других регионах страны, упоминаются подобные факты). Татарстан всегда был многонациональным и поликонфессиональным регионом. Взаимоотношения здесь никогда не складывались по принципу «свой-чужой». В том числе нам не известны факты дискриминации евреев. По воспоминаниям профессора СПбГУ, С.А. Никольского, эвакуированного в годы войны в Елабугу, с которым автор встречалась весной 2013 г., разница между эвакуированными и местными детьми проявлялась в том, что местные дети, чьи родители имели подсобное хозяйство, во время школьных завтраков кроме хлеба ели овощи или мясо. С 1942 г. огородничеством занялись и эвакуированные.

С началом войны промышленные предприятия страны перешли с выпуска гражданской продукции на военную. Еще острее по сравнению с довоенным временем стала ощущаться нехватка предметов первой необходимости и личной гигиены (в том числе мыла), одежды и обуви. Материальное обеспечение от государства получали в первую очередь госпитали и оборонные предприятия, и детские учреждения испытывали большой недостаток в оборудовании и белье. К 1944 г. в целом по стране нехватка детского инвентаря достигала 40–50 %, а изношенность белья – 85–90 %. В ряде мест детям приходилось спать по два ребенка в одной кровати. На группу из 20 детей приходилось 1–2 ночных горшка [4, л. 22]. Особенно тяжелое положение сложилось с учебными пособиями и игрушками [4, л. 21]. Играть из-за отсутствия столов и стульев приходилось на полу, а в ряде мест – и кушать на полу [4, л. 22].

Хлеб выдавался по норме 500 г для взрослых, 400 г – для детей и иждивенцев [12, л. 9]. Но нормы не всегда соблюдались. В республике изыскивались возможности для питания детей молоком или молочными продуктами (после выполнения планов обязательной поставки молока государству), а также для выдачи эвакуированным крупы, сахара и других продуктов [12, л. 80 об.].

Трудно приходилось как эвакуированным, так и местным жителям, в холодное время года. Не хватало топлива, теплой одежды, обуви. Заготовкой дров для отопления жилищ нужно было заниматься самим. Готовые дрова стоили чрезвычайно дорого. Местные власти не могли оказать помощь всем нуждающимся.

Детдома и интернаты готовили топливо в основном силами своих воспитанников и сотрудников. При слабом питании и ветхой одежде заготовка дров давалась детям очень тяжело. Старшие дети с воспитателями рубили в лесу деревья, пилили длиной 1,5–2 м, чтобы суметь поднять и погрузить в сани. А уже на месте младшие дети пилили и рубили их на дрова. К сожалению, имели место и несчастные случаи [9, с. 70–71].

Летом при заготовке дров дети жили в лесу в шалашах. Шалаша строили сами, еду тоже готовили сами [1, с. 16, 63].

Неблагоприятные условия жизни приводили к частым болезням детей. В начале войны преобладали чесотка, туберкулез, к концу войны – инфекционные заболевания [7, л. 29]. Были и болезни, специфические именно для эвакуированных детей: реактивные состояния, острые психозы, временная декомпенсация (тики, ночные страхи, энурез, состояние разлитой тревоги). У дошкольников отмечены эпилептические реакции, расстройство речи, мозговые осложнения при соматических заболеваниях. Причинами этих заболеваний стали: отрыв от привычного образа жизни и перенос в чужую обстановку, разлука с близкими, массовое вовлечение детей в производство при максимальном напряжении и длительном рабочем дне, беспризорность и безнадзорность [3].

При этом детская смертность после ее пика в 1942 г. (28 %) благодаря самоотверженному труду медиков республики к 1944 г. достигла 11 % (что было намного ниже довоенного уровня 17–21 %), и в дальнейшем уже не поднималась [7, л. 29].

Неоднократно Правительством СССР в 1941–1942 гг. обсуждался вопрос об устройстве детей без родителей, но полностью решен так и не был [2, л. 20, 55, 65, 77, 85–90]. Имели место случаи бродяжничества и попрошайничества среди беспризорных детей и в Татарстане. 19 октября 1944 г. вышло Постановление Совнаркома ТАССР № 760/574с «О мероприятиях по борьбе с нищенством», которое к тому времени достигло огромных размеров, особенно в г. Казани. С 1 января 1945 г. в Казани открылся приемник-распределитель для нищих, рассчитанный на 30 человек [11, л. 118].

Остро чувствовалась в республике необходимость в квалифицированных воспитателях и учителях. За четыре военных года в целом по стране ушли на фронт и на оборонные предприятия около 170 тыс. учителей начальных, семилетних и средних школ. На 1 января 1945 г. более 50 % учителей 5–7 классов и почти 40 % 8–10 классов имели только среднее образование [8, л. 67]. Недостаток образования компенсировался у воспитателей и учителей военного времени чутким и заботливым отношением к детям. Воспитанники вспоминают их сейчас с глубокой благодарностью.

Сразу же после освобождения оккупированных территорий, еще в условиях войны, происходило восстановление разрушенных детских учреждений и их реэвакуация. Так, уже в 1943 г. из Татарской АССР был реэвакуирован 21 детский дом, вместо которых открылись 10 новых [5, л. 92]. Большую помощь в деле восстановления детских учреждений оказывали промышленные предприятия. Уже к лету 1945 г. сеть детских учреждений в стране была восстановлена практически полностью [4, л. 27].

Список литературы

1. Бондаренко, В. А. Вышневолоцкий-Тимбаевский детский дом / В. А. Бондаренко. – Казань, 1988. – 118 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 2306. – Оп. 70. – Д. 5512 (неопубл.).
3. ГАРФ. – Ф. 8009. – Оп. 21. – Д. 60 (неопубл.).
4. ГАРФ. – Ф. 8009. – Оп. 21. – Д. 66 (неопубл.).

5. ГАРФ. – Ф. 8009. – Оп. 21. – Д. 71 (неопубл.).
6. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). – Ф. Р-1296. – Оп. 18. – Д. 508 (неопубл.).
7. НАРТ. – Ф. Р-1296. – Оп. 18. – Д. 538 (неопубл.).
8. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 435 (неопубл.).
9. Хадиуллина, М. А. Невыдуманные истории детей блокады и тихоновцев. Сборник воспоминаний / М. А. Хадиуллина. – Менделеевск, 2009. – 168 с.
10. Центральный Государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГА ИПД РТ). – Ф. 15 – Оп. 5. – Д. 219а.
11. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15 – Оп. 5. – Д. 498 (неопубл.).
12. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15 – Оп. 5. – Д. 564 (неопубл.).
13. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 4034 – Оп. 2. – Д. 1053 (неопубл.).
14. 25 лет Татарской АССР. – Казань, 1945. – 125 с.

FEATURES OF THE EVACUATION OF CHILDREN'S INSTITUTION IN THE TATAR ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Krivonozhkina Ekatherina Gennadyewna

PhD of History, Deputy Director
of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies,
Kazan Federal University
katrin1972@yandex.ru
Kremlyovskaya St., 18, 420008 Kazan, Russian Federation

Abstract. This report presents the results of a comprehensive study of everyday life and everyday life of children who were evacuated from the beginning of the Great Patriotic War (1941) on the territory of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, representing the multinational region. The problems of adapting to the conditions of the evacuation of children, especially life and daily life of the evacuated children, the system of values of the soviet child during the war, relations between evacuees and local children are given the statistics of the child population during the war.

Key words: evacuation, child care, adaptation, everyday life work, health, population.

УДК 94(47+57) «1945/1952»

ББК 63.3.(2) 631

МЕРЫ ПО ОПТИМИЗАЦИИ СОСТАВА РАБОТНИКОВ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ В СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945–1952 ГОДАХ

Кузнецова Надежда Васильевна

Доктор исторических наук, профессор,
кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
histrus@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье отражен процесс восстановления системы государственных трудовых резервов после окончания Великой Отечественной войны. Проанализированы изменения в численности и составе работников школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ, выявлены основные принципы их подбора и расстановки. Показана высокая сменяемость кадров, в том числе вследствие «чистки» учебных заведений в 1950 году. Освещены меры по повышению образовательного и педагогического уровня работников. Раскрыты итоги функционирования школ и училищ, их экономическое и социальное значение. Данные по Сталинградской области сопоставлены с показателями по соседним областям и СССР в целом.

Ключевые слова: школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища, преподаватели, мастера производственного обучения, воспитатели, квалифицированные рабочие.

Огромные масштабы восстановительных работ и перестройка промышленности, с одной стороны, и тяжелые демографические последствия войны с другой диктовали необходимость широкого использования различных форм подготовки квалифицированных рабочих, в том числе системы государственных трудовых резервов (СГТР), оправдавшей свое предназначение в военный

период. Эффективность работы учебных заведений СГТР – школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных и железнодорожных училищ (РУ и ЖУ) напрямую зависела от общего уровня образования, специальной подготовки, педагогического опыта и нравственных качеств ее работников, что обусловило пристальное внимание центральных и местных органов власти к их подбору и профессиональному росту.

Острый дефицит рабочих кадров в Сталинградской области вызвал быстрое восстановление школ ФЗО и училищ в первые послевоенные годы (табл. 1).

Таблица 1

Количество учебных заведений и численность учащихся системы государственных трудовых резервов в Сталинградской области в 1941, 1945–1948, 1950 и 1952 гг.

	1941 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1950 г.	1952 г.
Численность школ ФЗО, РУ и ЖУ	26	24	27	34	34	22	23
Численность учащихся	7 870	4 507	3 540	9 429	6 910	4 029	4 063

Примечание. Составлено автором по: [1, л. 41; 9, л. 1; 10, л. 44].

Уже в 1945 г. число учебных заведений гострудрезервов в области приблизилось к предвоенному, а в 1947 г. существенно превзошло его. Численность учащихся в 1945–1946 гг. осталась вдвое меньшей, чем в 1941 г., но в 1947 г. превысила ее. В 1946–1947 гг. были достигнуты самые высокие темпы расширения СГТР в рамках всего исследуемого периода: количество учебных заведений в области выросло в 1,4, а контингент учеников в 2,1 раза. В масштабе СССР прирост по обоим показателям произошел в 1,7 раза (подсчитано автором по: [5, с. 94]).

Уже в 1945–1947 гг. Сталинградское областное управление трудовых резервов (ОУТР) и дирекции школ и училищ добились решения крайне трудной для них задачи – укомплектования шта-

та учебных заведений. Подбор кадров осложнялся ограниченным количеством претендентов на должности в СГТР, что отразилось на качественном составе всех категорий работников (табл. 2).

Таблица 2

**Состав работников РУ, ЖУ и школ ФЗО
Сталинградской области в 1946–1947 гг.
(на конец года, в %)**

Должность	Годы	Высшее образование	Среднее образование	Педагогический стаж	Стаж работы в СГТР свыше 3 лет
Директор	1946	11,0	8,3	15,3	73,0
	1947	26,0	6,2	26,0	44,0
Зам. директора по учебно-производственной части	1946	30,0	50,0	62,5	62,5
	1947	33,0	60,0	60,0	60,0
Помощник директора по культурно-воспитательной работе	1946	–	46,0	11,5	11,5
	1947	9,0	81,0	26,0	11,7
Старшие мастера	1946	10,0	50,0	0,7	50,0
	1947	14,0	56,0	35,0	50,0
Мастера	1946	0,9	25,0	7,5	44,0
	1947	1,4	33,0	5,5	27,7
Воспитатели	1946	2,0	46,0	22,3	22,0
	1947	2,0	65,0	32,5	31,0
Преподаватели	1946	28,0	60,0	100	39,9
	1947	37,0	51,0	100	40,5

Примечание. Составлено автором по: [6, л. 61].

В 1946 г. в школах ФЗО, РУ и ЖУ не доставало лиц с высшим образованием. Лишь среди преподавателей и заместителей директоров по учебно-производственной части они составляли около одной трети. Половина трудившихся в СГТР имела среднее образование. Самой квалифицированной частью коллективов школ ФЗО и училищ являлись преподаватели. 88 % из них имели дипломы и аттестаты об окончании высшей и средней школ. Все они обладали педагогическим стажем, в том числе около 40 % опытом работы в СГТР.

Наиболее низким уровнем общеобразовательной подготовки отличались директора учебных заведений. Только 19,3 % из них имели высшее или среднее образование. Значительная часть директоров начала трудиться в СГТР в годы войны и выделялась среди всех категорий кадров продолжительностью работы в данной системе. Однако нередко их опыт нивелировался узостью кругозора и недостаточностью педагогических навыков.

Оставлял желать лучшего и состав мастеров производственного обучения – самой массовой группы работников СГТР. Большинство из них являлись практиками, приглашенными в школы и училища, несмотря на начальное образование и отсутствие педагогического опыта. Низкий образовательный уровень многих мастеров приводил к тому, что теоретические занятия вели одни лица, а практические – другие.

Значительную роль в повседневной жизни учащихся должны были играть воспитатели. Причины этого состояли в возрастных особенностях учеников школ и училищ и их социальном составе: в преобладании подростков из неблагополучных семей; выходцев из сельской местности, попавших в городскую среду; в значительной доле детдомовцев. Однако в 1946 г. только половина воспитателей имела высшее или среднее образование, абсолютное большинство делало лишь первые шаги на воспитательном поприще. Еще менее образованными и опытными были их непосредственные руководители – помощники директоров по культурно-воспитательной работе.

Слабость кадрового потенциала системы гострудрезервов была свойственна не только Сталинградской области, но и другим регионам страны, что нашло отражение в постановлении секретариата ЦК ВКП (б) от 3 января 1947 г. «О мерах по обеспечению кадрами мастеров и преподавателей ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО». В соответствии с требованиями ЦК партийные органы и ОУТР Сталинградской области приняли меры по укреплению коллективов учебных заведений, обратив особое внимание на привлечение в школы ФЗО и РУ учительских кадров. Дополнительным стимулом стало новое постановление ЦК о состоянии политико-воспитательной работы в СГТР от

25 июля того же года. Часть работников, не способных к решению задач, стоявших перед гострудрезервами, была уволена, часть ушла по собственному желанию. По данным начальника Сталинградского ОУТР Л.В. Зрячих, за 1947 г. в области сменилось 158 занятых в СГТР или 24 %, в том числе 30 % директоров, 80 % их помощников по культурно-воспитательной работе, 42 % воспитателей, 17 % мастеров и т. д. В отношении половины из них использовалась формулировка «не справившийся с работой». В то же время остались на своих местах лучшие кадры – такие как директора школ ФЗО № 6 И.Ф. Барановский, № 10 – И.Г. Кузнецов и № 20 В.П. Медников, обеспечившие стабильность контингентов учеников, их качественное обучение и высокие производственные показатели [6, л. 61].

Аналогичная ситуация сложилась и в других регионах страны. В учебных заведениях СГТР Саратовской области за 1947–1948 учебный год было освобождено от занимаемых должностей 34 % номенклатурных работников, из них 24 % по названной выше причине. В числе замененных должностных лиц находились 43 % директоров школ ФЗО и училищ. Высокой была сменяемость работников СГТР, особенно мастеров и воспитателей, и в другой соседней области – Астраханской [2, л. 65; 3, л. 83].

Согласно данным табл. 2 результаты обновления кадров были положительными. Увеличилась прослойка дипломированных специалистов, особенно среди директоров и преподавателей. Прибавилось количество заместителей директоров, мастеров и воспитателей с высшим и средним образованием. По группе помощников директоров по культурно-воспитательной работе этот показатель вырос вдвое. В целом доля работников школ ФЗО, РУ и ЖУ с высшим и средним образованием повысилась с 48,7 % в 1946 г. до 56,7 % в 1947 г. (подсчитано по: [6, л. 61]). Но уровень их педагогического мастерства возрос незначительно. Заметно снизился удельный вес опытных кадров СГТР: директоров и мастеров при незначительных изменениях аналогичного показателя в других профессиональных группах.

Одним из результатов кадровой перестройки стал рост прослойки коммунистов в учебных заведениях. По сведениям Ста-

линградского горкома ВКП(б) на 16 августа 1947 г. почти все директора, их помощники по культурно-воспитательной работе, свыше половины воспитателей состояли в партии, то есть относились к числу дисциплинированных и легко управляемых [7, л. 31].

В соответствии с задачами, выдвинутыми ЦК ВКП(б), в области были приняты меры по повышению профессионального и педагогического уровня работников СГТР. Областное управление гострудрезервов организовало курсы по изучению педминимума для мастеров производственного обучения. В школах ФЗО, РУ и ЖУ начали действовать учебно-производственные советы и методические комиссии, стали практиковаться открытые и показательные уроки с их последующим обсуждением. Одновременно был усилен контроль за качеством обучения молодых рабочих инспекторами ОУТР и руководителями учебных заведений. Однако эффективность этих мер была невысокой. Проверка шести сталинградских училищ, осуществленная по заданию обкома ВКП(б), показала, что в 1948 г. изучали педагогический минимум 59 мастеров, из них сдали экзамен 39, а в РУ-11 проверочные испытания не были проведены [6, л. 5; 8, л. 48]. Не случайно основной причиной увольнения мастеров осталось их неумение справиться со своими обязанностями.

В конце 1940-х гг. усилилась потребность в повышении производственной квалификации работников СГТР. Анализ этой проблемы партийными органами и областным управлением гострудрезервов свидетельствовал о том, что многие мастера отстали от уровня техники на предприятиях, не изучали и не применяли модернизированные технологии и фактически обучали учеников устаревшим приемам работы.

Существенную помощь в решении проблемы оказало Министерство трудовых резервов. К началу 1950 г. оно направило в школы ФЗО, РУ и ЖУ Сталинградской области 63 молодых специалиста со средним и средним специальным образованием в качестве преподавателей, воспитателей и мастеров [10, л. 45].

С 1949 г. основными формами повышения квалификации работников СГТР стали центральные курсы, их филиалы, а также межобластные курсы. В свою очередь ОУТР организовало шес-

тимесячные курсы повышения квалификации мастеров без отрыва от производства по программе Министерства, перестроило работу краткосрочных семинаров, сделав их профильными. Главное внимание при этом уделялось ознакомлению с новейшими достижениями в отраслях, к которым относились школы ФЗО и РУ.

Кроме того, во всех учебных заведениях гострудрезервов стали проводиться занятия с мастерами по изучению практических приемов и методов труда передовиков производства базовых предприятий. Но эта работа имела ограниченный размах, не контролировалась ни ОУТР, ни директорами школ ФЗО и РУ.

О результатах мер по оптимизации кадрового состава СГТР позволяет судить табл. 2 и ее сопоставление с табл. 3.

Таблица 3

**Состав работников РУ, ЖУ и школ ФЗО
Сталинградской области в 1950–1951 гг.
(на 1 января, в %)**

Должность	Годы	Образование					Член и кандидат в члены ВКП(б)	Член ВЛКСМ
		Высшее и н/высшее	Среднее специальное	Общее среднее	Незачетное среднее	Начальное		
Директор	1950	14,8	59,3	18,5	7,4	–	100	–
	1951	13,0	56,5	21,8	8,7	–	100	–
Помощник директора по культвоспитательной работе	1950	–	46,2	53,8	–	–	100	–
	1951	26,1	30,4	43,5	–	–	100	–
Мастера	1950	–	20,9	4,0	50,7	24,4	30,0	17,8
	1951	–	19,9	5,9	56,5	17,7	34,4	15,6
Воспитатели	1950	1,7	22,4	55,2	20,7	–	62,1	17,2
	1951	6,4	25,5	23,4	44,7	–	57,4	21,3
Преподаватели	1950	35,2	63,4	–	1,4	–	28,2	23,9
	1951	36,8	47,1	13,2	2,9	–	25,0	14,7
Библиотекари	1950	–	13,3	33,3	46,7	6,7	6,7	26,7
	1951	7,1	14,3	35,7	42,9	–	7,1	35,7

Примечание. Составлено автором по: [10, л. 25–26].

В 1950 г. доля лиц с высшим образованием в школах ФЗО, РУ и ЖУ осталась незначительной, соответствовавшей показателю 1946 года. В то же время заметно увеличилась численность работников со средним образованием, в первую очередь директоров, их помощников по культурно-воспитательной работе и воспитателей. Удельный вес кадров с высшим и законченным средним образованием вырос с 48,7 % в 1946 г. до 54,5 % в 1950 г., но был ниже, чем в 1947 г. после кампании по выполнению постановления ЦК ВКП(б) от 3 января того же года [6, л. 61; 10, л. 25]. Рост образовательного уровня имел место во всех группах работников, перечисленных в табл. 3, кроме мастеров производственного обучения. Особо следует отметить прибавление в школах и училищах количества выпускников техникумов, что позволило выделить их в отдельную категорию. В 1950 г. специальное среднее образование имели более половины директоров, помощников по культурно-воспитательной работе и преподавателей, свыше 20 % мастеров и воспитателей. Вместе с тем медленно сокращалась доля работников без аттестатов об окончании полной средней школы. 32,2 % трудившихся в СГТР области имели незаконченное среднее, а 13,3 % начальное образование [10, л. 25]. Преобладающее большинство из них выполняло обязанности мастеров. Сравнительно низкий уровень общетеоретических знаний у лиц этой группы определялся характером и условиями их работы, ее непрестижностью, отсутствием материальных стимулов к совершенствованию, возможностью быстрого трудоустройства на «спокойное место» непосредственно на предприятиях.

В этой ситуации выросло значение морального фактора. В 1950 г. доля коммунистов в СГТР Сталинградской области достигла 41,9 %, а партийно-комсомольская прослойка в целом – 58,8 %. Удельный вес членов ВКП(б) среди директоров и их помощников по культурно-воспитательной работе возрос с 95,2 % в 1947 г. до 100 % в 1950 году. В том же году доля коммунистов среди воспитателей составила 62,1 % вместо 56,6 % в 1947 г., а комсомольцев 17,2 % вместо 5,7 % (подсчитано по: [7, л. 31; 10, л. 25]).

Данные табл. 3 за 1952 г. почти не отличаются от показателей 1951 г., что свидетельствует о сохранении общих тенденций в

кадровом вопросе. Исключением является только заметное сокращение числа воспитателей с высшим и средним образованием. Главной причиной этого было недовольство условиями труда в СГТР и переход в другие организации.

Дополнительным фактором, способствовавшим нестабильности кадрового состава СГРТ стало выполнение приказа Министерства трудовых резервов № 178 от 13 июля 1950 года. В соответствии с ним партийные органы и областное управление гострудрезервов провели проверку политической благонадежности работников, их деловых качеств и освободили от занимаемых должностей «...лиц, бывших в плену, в оккупации, явно не справляющихся с работой или не желающих добросовестно работать» [10, л. 26]. Согласно отчету Сталинградского ОУТР, направленному в обком ВКП(б) 20 января 1951 г., «по таким мотивам были освобождены от работы директора РУ № 4, 8, 12; ЖУ № 2, школ ФЗО № 4, 10; помощники директоров по культурно-воспитательной работе РУ № 1, 4, школ ФЗО № 10, 13, ЖУ № 1; воспитатели РУ № 4, 6, школ ФЗО № 1, 2, 5; мастера производственного обучения ЖУ № 2, РУ № 8, школы ФЗО № 1; преподаватели ЖУ № 2» [10, л. 26]. Аналогичные проверки осуществлялись в то время и в других учреждениях страны, в первую очередь в высших и средних специальных учебных заведениях, общеобразовательных школах и научно-исследовательских институтах. В итоге в СГТР Сталинградской области за вторую половину 1950 г. было заменено 13 из 27 директоров школ ФЗО, РУ и ЖУ, 13 из 26 помощников директоров по культурно-воспитательной работе, 117 из 225 мастеров производственного обучения, 36 из 58 воспитателей, 22 из 71 преподавателей, 7 из 15 библиотекарей, то есть 49,4 % общего состава. При этом было перемещено внутри СГТР 20,1 %; направлено в специальные ремесленные училища № 2 и № 3 (с детдомовским контингентом) – 9,6 %; повышено в должности 6,1 %; освобождено как не справившихся с работой – 9,2 %; уволено по сокращению штатов – 9,2 %, по другим причинам (призыв в армию, поступление в учебные заведения, по семейным обстоятельствам и т. д.) – 45,9 %. «Политически неблагонадежные» не выделялись отдельно и увольнялись по сокращению штатов, либо как не справившиеся с работой [10, л. 26].

Несмотря на принятые меры кадровый вопрос в СГТР остался актуальным. В 1951–1952 гг. ориентиром для местных органов власти стали приказ № 32 Министерства трудовых резервов «О крупных недостатках в работе Сталинградского областного управления Министерства трудовых резервов» от 8 февраля 1951 г. и постановление коллегии Министерства по отчету Сталинградского ОУТР от 19 мая 1952 г. [11, л. 36]. Возможности подбора кадров для СГТР возросли в связи с сокращением потребности в них, вызванным уменьшением числа учебных заведений и их учащихся по мере ослабления дефицита квалифицированных рабочих (табл. 1). Если в 1946 г. в школах ФЗО, РУ и ЖУ области трудились 682, то в 1950 г. – 422, а в 1952 г. – 371 человек [6, л. 61; 10, л. 25; 11, л. 36]. Наряду со свободным приемом кадров продолжилось пополнение учебных заведений дипломированными специалистами по линии Министерства трудовых резервов. В 1951–1952 учебном году оно направило в училища области трех инженеров и 31 техника, в школы ФЗО – трех мастеров, закончивших одногодичную школу мастеров в Ленинграде. ОУТР и директорам училищ удалось сохранить костяк высококвалифицированных преподавателей. По данным на 1 апреля 1952 г. доля лиц с высшим и средним специальным образованием в этой категории работников составила 98 %. В то же время удельный вес мастеров производственного обучения, окончивших техникумы, достиг в РУ и ЖУ 32,3 %. Остальные мастера повысили квалификацию на курсах и имели практический опыт работы от 3 до 10 лет. Состав мастеров школ ФЗО оставался менее профессиональным, но около 80 % из них прошли курсовую подготовку при ОУТР. Примечательным является и тот факт, что в 1951–1952 учебном году 57 из 371 работников школ и училищ (15,4 %) учились на вечерних и заочных отделениях вузов и техникумов. Кроме того, ОУТР добилось сдвигов в распространении педагогических знаний. В 1951–1952 гг. 76 % работников школ ФЗО, РУ и ЖУ сдали экзамены по педминимуму [11, л. 11, 36].

Серьезным тормозом в оптимизации состава кадров школ ФЗО и училищ оставалась высокая сменяемость. В Сталинградской области она составила в 1951 г. 46 %, в 1952 г. – 53 % [12, л. 164].

Нестабильность коллективов учебных заведений была типичной для всех российских регионов и вызывалась, на наш взгляд, несколькими причинами: трудностями перестройки работы СГТР; повышением требовательности к профессиональной и педагогической подготовке кадров; особенностями контингента учеников школ ФЗО, РУ и ЖУ; широким рынком труда для всех категорий работников системы гострудрезервов.

Несмотря на послевоенные трудности, недостаточную эффективность кадровой политики, СГТР внесла заметный вклад в восстановление экономики. За 1943–1952 гг. школы ФЗО, РУ и ЖУ Сталинградской области передали предприятиям и стройкам 46,7 тыс. квалифицированных молодых рабочих, в том числе 38,7 тыс. в исследуемый период (подсчитано по: [1, л. 6, 8, 25, 41; 4, л. 211; 9, л. 1; 11, л. 3; 12, л. 163]).

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. работники СГТР свели до минимума отсев учащихся. В 1950 г. он составил 1,8 %, а в 1952 г. – 0,8 %, в том числе 0,5 % по болезни, 0,1 % было исключено за грубое нарушение правил внутреннего распорядка и поведения, 0,2 % – ушло самовольно [12, л. 164]. Наряду с повышением квалификации кадров этому способствовали укрепление материальной базы учебных заведений и переход от «призывного» к добровольному принципу набора учеников. По тем же причинам удалось увеличить количество выпускников, аттестованных на 4–6 разряды. Фактически с помощью работников СГТР государство восстанавливало социальную справедливость для многих детей-сирот и выходцев из неблагополучных семей, обеспечив их профессией и шансом на материальное благополучие.

Список литературы

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. 686. – Оп. 19. – Д. 227.
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). – Ф. 594. – Оп. 2. – Д. 1939.
3. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО) – Ф. 325. – Оп. 4. – Д. 97.

4. Народное хозяйство Сталинградской области : стат. сб. – Саратов : Госстатиздат, Сарат. отд-ние, 1957. – 319 с.
5. Хлусов, М. И. Развитие советской индустрии (1946–1958 гг.) / М. И. Хлусов. – М. : Наука, 1977. – 280 с.
6. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). – Ф. 71. – Оп. 7. – Д. 37.
7. ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 7. – Д. 47.
8. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 25. – Д. 156.
9. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 30. – Д. 51.
10. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 35. – Д. 354.
11. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 39. – Д. 424.
12. ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 42. – Д. 64.

**THE MEASURES
FOR OPTIMAL WORKERMEN COMPOSITION
INTO THE STATE TOIL RESERVE'S SYSTEME
IN STALINGRAD REGION IN 1945-1952**

Kuznetsova Nadezhda Vasilyevna

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Russian History,
Volgograd State University,
histrus@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article is reflecting to the tuition recovery of state's workmen reserves system after finishing of Great Patriotic War. It's parsing the changes in number and structure of fellow-workers in factory and plant's schools, in industrial and railways schools; exposing main principles in their selection and arrangement. It's denoting cadre's high rotation among after the clean-out of education institutions in 1950. It's irradiating measures for the raising of educational and pedagogical level of different schools, their economical and social significance. The facts for Stalingrad region are contrasting against the results in other sides and whole USSR.

Key words: factory and plant's instruct schools, industrial and railways schools, teachers, promotion training artisans, educators, qualified workmen.

УДК 9(с)29

ББК 63.3(2)723(2Р36)

**СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ
В 50–60-е ГОДЫ XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО УРАЛА)**

Леонтьева Евгения Анатольевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания
Оренбургского государственного педагогического университета
ea-leonteva@mail.ru
ул. Советская, 19, 460014 г. Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. В Советском Союзе с 1950-х гг. социальное обеспечение населения становится одним из важных направлений государственной социальной политики. В работе рассмотрен комплекс проводимых мероприятий, который способствовал повышению жизненного уровня и социального благополучия людей.

Ключевые слова: социальная политика, социальная защита, пенсии, заработная плата, жизненный уровень, материальное положение, Южный Урал.

Социальное обеспечение занимает одно из главных мест в жизни государства и общества. Оно связано с проводимой государством политикой и социальным благополучием людей и зависит от развития экономики.

В условиях послевоенного развития страны десятки миллионов людей (пенсионеры, инвалиды, дети-сироты и др.) нуждались в срочной социальной помощи и защите.

Право человека на социальное обеспечение нашло широкое отражение в Конституции СССР 1936 года. Материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца гарантируется социальным страхованием трудящихся, пособиями по временной нетрудоспособности, оплачиваемыми отпусками по беременности и материнству и др. [1, с. 41–42].

В 30–40-е гг. XX в. решение социальных проблем хоть и гарантировалось Конституцией, но рассматривалось правительством как второстепенное по отношению к вопросам развития народного хозяйства, то есть осуществлялся так называемый остаточный подход к проблемам социальной сферы и уровня жизни. С середины 1950-х гг. социальная политика советского государства начинает постепенно меняться. Индустриализация, оборонное строительство, восстановление разрушенной войной страны – все это осуществлялось за счет жизненного уровня населения. Отставание социальной сферы стало тормозить дальнейшее развитие страны, поэтому определенное повышение благосостояния населения становилось очевидной необходимостью. Постепенно менялись приоритеты, определявшие функционирование и развитие экономики. Вопросы повышения благосостояния, если не становились на деле «высшей целью экономической стратегии партии», то провозглашались таковыми на всех уровнях. В то же время необходимый уровень потребностей населения определялся государством, строившим свою социальную политику, исходя из этого уровня. Критерием для его определения были по-прежнему вопросы развития индустрии – сам жизненный уровень населения рассматривался лишь как необходимое условие, инструмент для успешного развития производства [2, с. 130].

Улучшать условия жизни советских людей по всем параметрам власть пока еще не имела возможности. Поэтому она выбирала те секторы социальной жизни, где положение признавалось наиболее вопиющим, и предпринимала довольно решительные шаги для его исправления.

В 1950–1960-е гг. основные направления социальной политики были определены пятым, шестым пятилетними планами и седьмым семилетним планом, которые предусматривали: на основе непрерывного роста производства и повышения производительности общественного труда увеличить национальный доход и в связи с этим обеспечить дальнейший рост доходов рабочих, служащих и крестьян; на основе роста промышленного и сельскохозяйственного производства увеличить розничный товарооборот на

70 % в пятой и 50 % в шестой пятилетках, на 62 % в седьмой семилетке; проводить снижение розничных цен на предметы массового потребления; для улучшения жилищных условий рабочих и служащих предполагалось расширить жилищное строительство, содействовать строительству индивидуальных жилых домов; осуществить гарантии конституционных прав граждан на отдых; улучшение пенсионного обеспечения; условий труда и быта женщин и др. [3, с. 463–470].

Одним из важных факторов улучшения материального благосостояния населения являлась постоянно совершенствуемая система пенсионного обеспечения трудящихся. Государственное социальное страхование являлось основной гарантией конституционного права граждан на материальное обеспечение в старости и в случае нетрудоспособности и иными видами обеспечения и обслуживания за счет фонда, образуемого из взносов предприятий, учреждений, организаций, размер которых соизмерялся суммой выплаченной заработной платы.

Отдел социального обеспечения в 1953–1964 гг. свою работу по пенсионному обеспечению проводил в соответствии со статьями Конституции СССР 1936 г. (ст. 120), указаниями директив Министерства социального обеспечения РСФСР от 26 сентября 1952 г. «Об ответственности и усилении контроля за назначением и выплатой пенсий». В соответствии с решениями XX съезда КПСС 28 июля 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил закон «О государственных пенсиях», который явился новым этапом в развитии пенсионного обеспечения в СССР. Он существенно расширил круг лиц, пользующихся правом на государственную пенсию; повысил нормы пенсионного обеспечения, предусмотрев льготы низкооплачиваемым рабочим и служащим; установил дифференциацию пенсионного обеспечения в зависимости от условий труда [4, с. 2]. Пенсионное обеспечение в СССР осуществлялось полностью за счет государственных средств.

Согласно принятому закону право на государственные пенсии имели: рабочие и служащие; военнослужащие; учащиеся высших, средних специальных учебных заведений, училищ, школ и курсов по подготовке кадров; другие граждане, если они стали

инвалидами в связи с выполнением государственных или общественных обязанностей; члены семей граждан, указанных выше, в случае потери кормильца. Пенсии назначались по старости, по инвалидности и в случае потери кормильца.

Согласно ст. 8 закона «О государственных пенсиях» в СССР мужчины приобретали право на пенсии по старости, достигнув 60 лет при стаже работы не менее 25 лет, а женщины – 55 лет, при стаже 20 лет. Этот возраст был одним из самых низких в мире. В стаж, кроме работы в качестве рабочего и служащего, включалось время учебы в средних и высших учебных заведениях, на курсах по подготовке кадров и переподготовки, а также службы в вооруженных силах.

На льготных условиях имели право на пенсии по старости рабочие и служащие на подземных работах, на работах с вредными условиями труда и горячих цехах, женщины, родившие пять и более детей и воспитывавшие их до восьмилетнего возраста и др. Гарантировались пенсии рабочим и служащим по инвалидности.

К середине 60-х гг. государство начало заботиться о социальном страховании колхозников. По принятому Верховным Советом СССР 15 июля 1964 г. закону «О пенсиях и пособиях членам колхозов» социальное страхование распространялось только на членов колхозов и их семьи. Социальное страхование осуществлялось за счет колхозов без каких-либо вычетов из заработка колхозников. Центральный союзный фонд социального страхования колхозников образовывался за счет взносов колхозов в размере 2,4 % к сумме фактических расходов на оплату труда членов колхозов [5, с. 14].

С 1953 по 1964 гг. капиталовложения на социальное обеспечение населения Южного Урала значительно возросли. Если в 1953 г. они составляли 24 393 тыс. руб. (в Оренбургской области – 6 572 тыс. руб., в Челябинской – 9 799 тыс. руб., в БАССР – 8 022 тыс. руб.), то в 1964 г. (с учетом денежной реформы 1961 г.) 14 949 тыс. руб., то есть увеличились в 6,1 раза (в Оренбургской области – 3 558 тыс. руб., в Челябинской области – 5 911 тыс. руб., в БАССР – 5 480 тыс. руб.) [6].

Возросла численность пенсионеров. Если в 1953 г. на Южном Урале их насчитывалось 168 832 человека (по всем категориям пенсионеров), то в 1960 г. это число увеличилось в 4,1 раза и составило 690 100 человек, в том числе в Оренбургской области – почти в 3 раза (с 49 088 до 144 900 чел.), в Челябинской – в 3,8 раза (с 268 200 до 70 659 чел.), в БАССР – в 5,6 раза (с 49 088 до 277 000 чел.) [7, л. 9; 8, л. 1].

Расходы на выплату пенсий также увеличивались. Если до нового закона ассигнования на выплату пенсий в Челябинской области составляли 306 млн руб., то в 1957 г. – 700 млн рублей. За 2 года с 1953 по 1954 гг. пенсионерам г. Челябинска было выплачено 50,4 млн руб. пенсий и пособий. От профсоюзных и хозяйственных организаций города около 4 тыс. пенсионеров получили единовременное пособие в сумме 800 тыс. рублей [9, с. 11; 10, с. 83]. В Башкирии сумма выплаченных пенсий с 1955 по 1959 гг. увеличилась в 3,4 раза (с 24,8 млн руб. до 83,8 млн руб.) [11, с. 95]. В органах социального обеспечения Оренбургской области в 1960 г. 150 тыс. пенсионеров получили около 400 млн рублей [12, л. 1]. Новый закон о пенсиях значительно повысил материальное благосостояние людей. Так, пенсионерка Артищева получала 192 руб., после пересчета ей была начислена пенсия в размере 575 руб., инвалид Отечественной войны Волик получал 96 руб., после пересчета – 396 руб. [13].

Работникам социального обеспечения предстояло пересмотреть дела пенсионеров, произвести перерасчет пенсий, вручить гражданам новые пенсионные удостоверения. Своевременно провести эту работу помогали партийные, комсомольские и профсоюзные организации, учреждения и сельские советы, а также сами пенсионеры. С каждым годом органы социального обеспечения улучшали свою работу в обслуживании трудящихся, повышали знания работников. Усилен контроль за оформлением документов о трудовом стаже и заработке предприятиями и организациями. Так, в Оренбургской области в 1960 г. из общего количества принятых документов для назначения пенсий в 890 случаях они были проверены выходом на место работниками органов социального обеспечения; на 127 предприятиях и организациях области были проведе-

ны проверки состояния и хранения архивных документов о трудовом стаже и заработке. Это позволило в 63 случаях предотвратить незаконное назначение пенсий [12, л. 1].

Однако, наряду с положительными фактами работы, органы социального обеспечения имели и серьезные недостатки. Так, в 1953 г. в ходе проверки было установлено, что Оренбургский областной отдел социального обеспечения слабо контролировал работу райгорсо, допустивших многочисленные нарушения пенсионного законодательства, что привело к крупным переплатам государственных средств. Выборочной проверкой выявлена переплата по пенсиям на сумму 63 тыс. рублей. В 1962 г. из 54 колхозов Бузулукского района пенсиями обеспечивались в 52. К 1963 г. в ряде колхозов назначение пенсии колхозникам производилось за фактически проработанные годы без учета заработка, что приводило к уравниловке [14, л. 1].

За 1953 г. в БАССР было выявлено 179 случаев выплаты пенсии с нарушениями законодательства, по которым переплата государственных средств составляла 484 тыс. руб., за 1 полугодие 1954 г. – 121 случай на сумму 73 тыс. рублей. Проведенные в 1961 г. ревизии Челябинского областного отдела социального обеспечения выявили 228 случаев переплат на сумму 3,3 тыс. руб. и недоплат 195 случаев на 1,6 тыс. рублей. Много таких ошибок допускалось в Каменском, Красноармейском, Чебаркульском районных отделах, в Златоустовском, Троицком и Магнитогорском горотделах. Так, в Златоустовском отделе Карепиной М.П. пенсия по старости при полном стаже работы назначена незаконно, ей переплачено 743 руб. 40 копеек. В Магнитогорском горсо допущена переплата по трем пенсионным делам на общую сумму 525 руб. 80 копеек. По халатности работников Аргаминского райсо восьми пенсионерам пенсия была выплачена дважды и переплачено 294 руб. 88 коп. государственных средств [15, л. 49; 16, л. 27–28].

Наряду с пенсионным обеспечением, трудовое устройство инвалидов и престарелых являлось одной из основных форм государственного социального обеспечения, улучшения их материального положения и имело своей целью сохранение кадров на произ-

водстве. Был утвержден примерный перечень должностей и профессий, на которые принимались инвалиды. К таким относились: профессии интеллектуального труда (библиотекари, лаборанты, переводчики и др.), административно-хозяйственные должности (кладовщики, паспортисты, работники бюро пропусков и др.), квалифицированные рабочие профессии (слесари-сборщики на мелких деталях, штамповщики, ювелиры, часовщики, фотографы, швеи, повара, парикмахеры и др.). Так, план трудоустройства инвалидов войны в 1953 г. в Оренбургской области был выполнен на 110 %. Наряду с данной категорией граждан приоритетным объектом адресной социальной помощи являлись инвалиды труда и члены семей погибших воинов. План устройства инвалидов труда выполнен на 114,7 % (237 человек по плану, против 272 трудоустроенных). Планом предусматривалось трудоустроить 288 человек членов семей погибших воинов, трудоустроено – 375, то есть план выполнен на 130 %. В этом же году в БАССР было трудоустроено 1 264 человека вместо 840 запланированных [15, л. 56; 17, л. 13–15].

Руководители предприятий, организаций в большинстве своем добросовестно относились к вопросу обеспечения инвалидов работой, предоставляли ее, создавали нормальные производственные условия. Так, например, в Кагановичском районе г. Оренбурга директор Комбикормового завода Вялых при годовом плане в 6 человек, трудоустроил 10; председатель артели «Надомник» Гуменский – вместо 30 человек взял на работу 50. Абсолютное большинство устроенных на работу добросовестно к ней относились, выполняли и перевыполняли нормы выработки, повышали свою квалификацию за счет государственных средств [17, л. 16].

Выплатой пенсий и трудоустройством пенсионеров, желающих работать, не исчерпывалась забота государства о пенсионере. Он получал бесплатное медицинское обслуживание, санаторно-курортное лечение. Следует отметить, что органы власти не забывали и о тех инвалидах и престарелых, за которыми некому было ухаживать, для них создавались дома престарелых и инвалидов. Это были учреждения, призванные осуществлять полное государственное обеспечение престарелых и нетрудоспособных.

На Южном Урале в 1953 г. имелось 17 домов для инвалидов на 2 077 мест (в Оренбургской области – 6, в Челябинской области – 7, в БАССР – 4). К 1964 г. их число увеличилось до 25 единиц (6 в Оренбургской области, 10 в Челябинской области, 9 в БАССР) с количеством мест – 5 211 [16, л. 44; 18, л. 5; 19, л. 5].

Отделы социального обеспечения прodelьывали определенную работу по улучшению состояния специальных учреждений, однако вместе с тем имелись серьезные недостатки. В первую очередь имеющаяся сеть учреждений была недостаточной. Так, по состоянию на 1 января 1958 г., в учреждениях Оренбургской области находилось на обеспечении 1 057 человек при плане 1 030. Все еще существовали проблемы с обеспечением мягким инвентарем, а также питанием [20, л. 1–2].

С середины 50-х гг. правительство приступило к разработке мер, направленных на повышение жизненного уровня советского народа. Периодически снижались цены на продовольственные товары: на 10 % были снижены цены на хлеб и макаронные изделия, рыбу, яйца, сахар, сапоги резиновые, одеколоны, папиросы, швейные машины; на 15 % – на мясо и мясопродукты, шляпы, меховые изделия, линолеум; на 20 % – на холодильники и стиральные машины; на 50 % – картофель, капусту, фрукты [21]. В связи с этим в 1953 г. по региону средние цены были следующими: хлеб белый стоил 3 руб., черный – 1 руб., мясо – 12,5 руб., молоко (1 л) – 3 руб. 24 коп., яйца (десяток) – 8 руб. 35 коп., обувь – 188 руб., ситец (м) – 6 руб. 10 копеек [22, л. 8–11]. Однако в июне 1962 г. были повышены розничные цены на мясо и мясопродукты в среднем на 30 %, масло животное в среднем на 25 %, на яйца – на 16 %. Это была вынужденная мера. В связи с выполнением лозунга Н.С. Хрущева «Догнать и перегнать США по производству мяса и молока», руководители ряда областей (Рязанской, Свердловской и др.) приняли повышенные обязательства по сдаче мяса государству и выполнили их за счет массового забоя скота. Это привело к резкому падению его поголовья и усугубило кризис сельского хозяйства.

Неурожайный год, быстрое истощение плодородия целинных земель, «кукурузная эпопея», все это привело к тому, что в 1963 г. возникли перебои с хлебом. Пришлось ввести закрытое рационирование.

рование продуктов: прикрепление к магазинам, хлебные карточки; раскрыть закрома государственных хлебных резервов, которые сохранялись даже в годы войны; приступить к импорту зерна из Канады, США, муки из ФРГ [23, с. 260].

Снижение цен главным образом ликвидировало диспропорции, сложившиеся в ходе войны и послевоенного восстановления экономики. В системе же организации заработной платы накопилось огромное количество проблем. Тарифная система, действовавшая в стране, была разработана в 1931 – 1932 гг. и к середине 1950-х гг. полностью устарела. XX съезд КПСС поставил задачи повышения заработной платы [24, с. 3].

С 1 января 1957 г. повышался минимальный размер заработной платы для сельской местности 27 руб. в месяц, для городов – 30 руб. (расчет в масштабе цен 1961 года). В результате заработная плата низкооплачиваемых групп населения возросла в среднем на одну треть. С 1 января 1965 г. во всех отраслях народного хозяйства было завершено введение минимума заработной платы в 40–45 руб. в месяц [2, с. 132; 25, с. 13].

В производственных отраслях заработная плата рабочих и служащих в 1962 г. по сравнению с 1955 г. выросла в промышленности на 23 %, в строительстве – на 34 %, в совхозах – на 41 %. Плата повышалась в просвещении в среднем на 26 %, в здравоохранении – на 24 %, в ЖКХ – на 15 %. По отдельным отраслям промышленности рост составил: в угольной промышленности – 56 %, в черной металлургии – 48 %, в химической промышленности – 64 % и др. Среднемесячная заработная плата работников промышленности увеличилась с 92 руб. в 1956 г. до 103 руб. в 1960 г.; транспорта – с 79 до 86 руб., здравоохранения, социального обеспечения – с 57 до 58, науки – с 91 до 106 руб. [26, с. 26–27].

Государство многое сделало для повышения материальной заинтересованности колхозников. Денежная оплата трудодня была невысокой, хотя она росла быстрее, чем натуральная. Так в Оренбургской области с 1953 по 1958 гг. денежная оплата трудодня возросла с 1,6 до 3,2 руб., в Челябинской области – с 2,5 до 2,68 рублей. С 1957–1958 гг. начался постепенный переход колхозников на

новую форму оплаты труда без трудовой – гарантированный заработок [27, с. 76; 28, с. 44].

Повышение денежных средств населения вызвало соответствующий рост спроса на разнообразные товары и услуги. Так, объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли в БАССР с 1950 по 1960 гг. увеличился в 2,5 раза (с 378 до 934 млн руб.), в Челябинской области – в 2 раза (с 657 до 1 274 млн руб.), в Оренбургской – в 2,2 раза (с 268 до 596 млн рублей) [2, с. 141].

Среди мероприятий государства, направленных на дальнейшее последовательное повышение благосостояние людей, важное место занимал курс на постепенное снижение налогов с населения. Это было серьезное мероприятие, имеющее большое экономическое и политическое значение. В 1953 г. Верховный совет СССР принял закон, согласно которому размер сельскохозяйственного налога с колхозников был уменьшен в 2,5 раза. В 1958 г. отменены обязательные поставки сельскохозяйственной продукции с личных хозяйств. Все это увеличило доходы населения. В 1960 г. Верховный Совет принял закон «Об отмене налогов с рабочих и служащих», по которому с 1 января 1961 г. прекращалось взимание налога с рабочих и служащих с заработной платы менее 60 руб., подоходного налога и налога с холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Окончательная отмена налога по всем зарплатам до 200 руб. в месяц предусматривалась к 1965 году [29, с. 3; 30, с. 127; 31, с. 8].

Благодаря достигнутому уровню производительности труда, подъему всех отраслей экономики была создана возможность сократить рабочий день. В марте 1956 г. рабочий день у рабочих и служащих, работавших по 8 часов в день, сокращен в предпраздничные и праздничные дни на 2 часа. С конца 1956 г. по 1960 гг. во всем народном хозяйстве осуществлен переход на семичасовой, а на подземных работах – на шестичасовой рабочий день. Сокращение рабочего дня было осуществлено при сохранении размера заработной платы [32; 33, с. 50].

Таким образом, государство в 50–60-е гг. XX в. направило основные силы на социальную помощь населению. Органы госу-

дарственной власти осуществили ряд мероприятий, направленных на повышение жизненного уровня граждан. Капиталовложения на социальное обеспечение граждан Южного Урала за весь рассматриваемый период увеличивались, за счет чего росли и расходы на выплату пенсий. Значительно возросла численность пенсионеров. Через систему пенсионного обеспечения, трудового устройства были созданы благоприятные условия проживания малообеспеченных граждан. Начинает улучшаться материальное положение сельских тружеников в связи с тем, что были снижены размеры сельскохозяйственного налога, начался постепенный переход колхозников на новую форму оплаты труда без трудовой – гарантированный заработок, впервые с середины 1960-х годов государством были назначены пенсии колхозникам.

Проводимые мероприятия по упорядочению заработной платы усилили материальную заинтересованность трудящихся, повысили размер оплаты. Для дальнейшего улучшения жизни малообеспеченных рабочих и служащих были отменены налоги с минимальной заработной платы, а также осуществлен переход на семичасовой рабочий день.

Список литературы

1. Конституция (Основной закон) СССР. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. – 54 с.
2. Мартюшов, Л. Н. Промышленные рабочие Урала в 1955–1985 гг. (Историко-экономический аспект) / Л. Н. Мартюшов. – Екатеринбург : Пресса, 1999. – 213 с.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). – М. : Политиздат, 1968. – Т. 3. – 471 с.
4. Ведомости Верховного Совета. – 1956. – 28 июля (№ 15).
5. Бабкин, В. А. Комментарии к положению о порядке назначения и выплаты государственных пенсий / В. А. Бабкин, О. В. Виноградова, Г. Б. Смирнова. – М. : Юрид. лит., 1964. – 600 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 411. – Оп. 3. – Д. 1803. – Л. 62–149 ; Д. 1868. – Л. 18–61 ; Д. 1870. – Л. 199–264 ; Д. 7226. – Л. 3–65 ; Д. 7356. – Л. 16 об. – 151 ; Д. 7372. – Л. 2–16 (неопubl.).

7. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). – Ф. 7733. – Оп. 46. – Д. 577 (неопубл.).
8. ГАРФ. – Ф. 347. – Оп. 30. – Д. 3402 (неопубл.).
9. Цифры и факты о работе промышленности, жилищном строительстве, коммунальном хозяйстве, торговле, народном образовании и культурном обслуживании трудящихся г. Челябинска за 1953–1964 гг. – Челябинск : Челябин. кн. изд-во, 1955. – 313 с.
10. Челябинская область от XX к XXI съезду КПСС (цифры и факты). – Челябинск : Челябин. кн. изд-во, 1958. – 109 с.
11. Бикбулатов, М. Т. Финансы и хозяйственно-культурное строительство в БАССР. 1917–1967 гг. / М. Т. Бикбулатов. – Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1968. – 103 с.
12. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). – Ф. 1014. – Оп. 7. – Д. 511 (неопубл.).
13. Знамя социализма. – 1956. – 30 сент.
14. ГАОО. – Ф. 1014. – Оп. 7. – Д. 508 (неопубл.).
15. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). – Ф. 169. – Оп. 4. – Д. 182 (неопубл.).
16. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. 274. – Оп. 10. – Д. 289 (неопубл.).
17. ГАОО. – Ф. 631. – Оп. 2. – Д. 14 (неопубл.).
18. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 18. – Д. 827 (неопубл.).
19. ГАРФ. – Ф. 374. – Оп. 35. – Д. 3194 (неопубл.).
20. ГАОО. – Ф. 1014. – Оп. 7. – Д. 510 (неопубл.).
21. Известия Советов депутатов трудящихся ССРСР. – 1953. – 1 апр.
22. РГАЭ. – Ф. 7733. – Оп. 46. – Д. 543 (неопубл.).
23. Соколов, А. К. Курс советской истории 1941–1991 / А. К. Соколов, В. С. Тяжельникова. – М. : Наука, 1999. – 617 с.
24. Аганбегян, А. Г. Заработная плата в СССР / А. Г. Аганбегян, В. Ф. Майер. – М. : Госпланиздат, 1959. – 240 с.
25. Лагугин, Н. Бюджет советской семьи. – М. : Политиздат, 1967. – 64 с.
26. Леонтьева, Е. А. Социальная политика на Южном Урале в период правления Н.С. Хрущева (1953–1964 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Леонтьева. – Казань, 2013.
27. Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни 1917–1985 гг. : сб. науч. тр. – Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1988. – 145 с.
28. Вербицкая, О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов / О. М. Вербицкая. – М. : Наука, 1992. – 222 с.

29. Налоги и сборы с населения. – М. : Финансы, 1964. – 128 с.
30. Ванюков, Д. А. Хрущевская оттепель / Д. А. Ванюков. – М. : Мир книги, 2007. – 240 с.
31. Майер, В. Ф. Великий Октябрь и рост материального благосостояния трудящихся СССР / В. Ф. Майер. – М. : Знание, 1967. – 32 с.
32. Известия. – 1956. – 15 июля.
33. Максимов, А. Л. Перевод рабочих и служащих промышленных предприятий СССР на сокращенный рабочий день / А. Л. Максимов. – М. : Наука, 1965. – 183 с.

**SOCIAL PROTECTION OF THE POPULATION
IN THE 50-60th OF THE XX CENTURY
(ON MATERIALS OF SOUTH URAL)**

Leontyeva Evgeniya Anatolyevna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of General History and Technique of Teaching History and Social Science
of the Orenburg State Pedagogical University
ea-leonteva@mail.ru
Sovetskaya St., 19, 460014, Orenburg, Russian Federation

Abstract. In the Soviet Union from 1950th social security of the population becomes one of the important directions of the state social policy. In work the complex of the held events which promoted increase of a standard of living and social wellbeing of people is considered.

Key words: Social policy, social protection, pensions, salary, standard of living, financial position, South Ural.

УДК 94(470.45)«1918/1920»

ББК 63.3(2Р-4Вор)612

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ЦАРИЦЫНЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Лепкова Елена Александровна

Аспирант кафедры истории и культурологии
Волгоградского государственного медицинского университета,
старший научный сотрудник
ФГБУК «Государственного историко-мемориального музея-заповедника
«Сталинградская битва»,
mim1937@rambler.ru
ул. Гоголя, 10, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается деятельность медицинских учреждений г. Царицына Саратовской губернии в период Гражданской войны. Статья дает представление о количестве медицинских учреждений города и об организации работы госпиталей и лазаретов Царицына в период войны. Автор подчеркивает, что значительные трудности в организации работы медицинских учреждений города были связаны с обеспечением города медикаментами и квалифицированными кадрами, независимо от того в чьих руках находился Царицын. Меры, принимаемые административными учреждениями Царицына для борьбы с инфекционными заболеваниями, не носили систематический характер, что привело к росту смертности среди раненых красноармейцев и горожан. Статья написана на основе архивных материалов, дающих представление о работе больниц г. Царицына, помощи раненым и жителям Царицына в 1918–1919 годы.

Ключевые слова: Царицын, Гражданская война, медицинские учреждения, раненые, эпидемии.

Последствия Первой мировой войны и революции 1917 г., хозяйственная разруха и голод нанесли колоссальный ущерб сети медицинских учреждений Нижнего Поволжья, дали толчок к резкому росту эпидемий. Поэтому главными задачами советских органов здравоохранения стали организация и расширение сети медицинских учреждений и вообще лечебной помощи в городе и селе, а также борьба с эпидемиями. Работа по организации советских органов здравоохранения на местах проводилась на основе изданных в

декабре 1917 г. и в январе 1918 г. правительственных распоряжений и инструкций НКВД. 8 декабря 1917 г. был издан приказ НКВД об учреждении Управления медицинской частью комиссариата [14]. В «Инструкции об организации Советов рабочих и солдатских депутатов», утвержденной 9 января 1918 г., было указано, что в числе 11 отделов или комиссариатов организуется «врачебно-санитарный отдел, осуществляющий гигиенический надзор, организацию доступной всем медицинской помощи, рациональное устройство городов и сельских поселений и т. п.» [2, с. 24]. В городах Нижнего Поволжья после установления Советской власти были образованы комиссариаты здравоохранения, которые затем были переименованы в медико-санитарные отделы, в составе заведующего, коллегии, подотделов и секций, количество и наименование которых неоднократно изменялось.

Царицын был уездным городом Саратовской губернии, где на 135 тыс. население приходилось 11 больниц на 1 020 коек и 22 врача, а полагалось не менее 64. Больница в поселке металлургического завода с 15 тыс. населения обслуживалась одним врачом. В городе имелось 15 амбулаторий, некоторыми из-за отсутствия врачей заведовали фельдшеры [2, с. 25].

Хирургическое отделение городской больницы работало без специалиста-хирурга, не было санитарного врача, санитарным делом заведовал школьный фельдшер. Недоставало инвентаря, оборудования, медикаментов, что ставило под угрозу существование некоторых медицинских учреждений, например единственной в Царицыне бактериологической лаборатории, которая в условия обострения холерных заболеваний была жизненно необходима городу.

В связи с ухудшением военной обстановки на юго-востоке страны, в Царицыне с весны 1918 г. проводилась большая работа по организации регулярной Красной Армии, а так же реорганизации и оснащению медицинской службы. Принимаются экстренные меры по созданию единой системы медицинского обеспечения как в военных, так и в гражданских медицинских учреждениях. 4 марта 1918 г. Царицынским губисполкомом был разработан проект Медико-санитарного совета Царицынского Совета Рабочих Крестьянских и Казачьих депутатов. По проекту Медико-санитарный со-

вет определял комиссию и его членов, основной задачей которых было решать вопросы оказания медицинской помощи госпиталям Красной Армии и аптекам. «Исполнительный комитет совета считает необходимым для правильной постановки медико-санитарного дела и прочих медицинских мероприятий г. Царицына утвердить Комиссию, для того чтобы все вопросы, связанные с наилучшей постановкой оказания медицинской помощи и санитарного состояния Красной Армии, национальных аптек и прочих учреждений, объединяемых Советом, разрабатывались в специальной комиссии» [10, л. 1]. Несмотря на все старания Совета, ситуация с медицинским обеспечением г. Царицына была достаточно напряженная. В воспоминаниях сестры милосердия Е. Мельниковой содержится следующая информация: «На 100–120 больных было по одному градуснику, температуру мы определяли на ощупь. На 120 человек нас было 2 сестры, работали в 2 смены. Плохо было с питанием, а теплой водой обмывали редкого больного и то только по особому разрешению начальника отделения» [4, л. 1–2].

Летом 1918 г. в Царицын прибыли остатки 3 и 5 Украинских армий с санитарным поездом № 108, где главным врачом была Рахиль Моисеевна Гладштейн. Санитарные части в армии испытывали не меньшие сложности с обеспечением, чем медицинские учреждения в городе. Из воспоминаний Р.М. Гладштейн: «Воинские части оставались почти без всякой медицинской помощи. Только некоторые части обслуживались небольшими санитарными летучками без врачей, помощь в которых оказывали медицинские сестры и «выборные» врачи из числа ротных фельдшеров. Таких летучек насчитывалось 5–6. Эта ситуация не позволяла создать необходимое количество перевязочных пунктов, типовых лазаретов. Эвакуационных средств не было. Раненые доставлялись в Царицын беспорядочным образом, в необорудованных теплушках, нередко на соломе с неперевязанными открытыми ранами» [3, л. 17]. В связи с этим проводились меры по реорганизации Царицынского губернского военно-санитарного отдела и объединения его с Северо-Кавказским окружным военно-санитарным управлением. Поставив себе целью использование всех местных ресурсов, находящихся в ведении царицынских организаций, для создания обслуживания фронта, она перефор-

мировала санитарное управление, уволив врачей, крайне критически относившихся к происходившим в городе событиям.

Военный Совет округа объявил мобилизацию врачей г. Царицына и направил их в распоряжение санитарного управления. Врачи, получившие назначения в части войск, далеко не все и не сразу выполнили его, считая, что работа их нужна для обслуживания населения города. В отношении таких лиц применялись принудительные меры для отправки на фронт, то есть в сопровождении красноармейцев. Особые методы применялись в отношении тех, кто был замечен в укрывательстве дезертиров. «...Способных к работе женщин, замеченных в укрывательстве дезертиров, принудительно привлекать, с красноармейским жалованием и довольствием, на работу в санитарные и прочие военные учреждения, в которых может быть применен женский труд» [15]. По приказу санитарного управления все мобилизованные врачи были распределены по дивизиям и полкам. Но сами врачи без среднего медперсонала, без оборудования и медикаментов работать не могли. Санитарное управление организовало краткосрочные месячные курсы медицинских сестер из тех работниц, которые находились при воинских частях или в госпиталях. На курсах обучались 30 человек. В программу занятий входили: краткие сведения по анатомии и физиологии, общие понятия о гигиене и санитарии, перевязки и лечения ран, уход за больными и ранеными.

В октябре 1918 г. в числе других воинских соединений Южного фронта была сформирована 10-я армия. Приказом Реввоенсовета 10-й армии от 4 ноября 1918 г. Санитарное управление Северо-Кавказского военного округа было переименовано в Санитарное управление 10-й Армии, в задачи которого входило: мобилизация хозяйственных ресурсов для нужд фронта, организация хозяйственной части со своими мастерскими по изготовлению оборудования и различных предметов ухода за ранеными и больными, создание складов медикаментов и перевязочных материалов в Царицыне. Управление Начальника Санитарной части 10-й армии состояло из следующих отделов:

1. Административно-хозяйственный – снабжение вещевым и денежным довольствием.

2. Врачебно-гигиенический – разработка мероприятий для лечебных заведений, снабжение медикаментами.

3. Эвакуационный – распределение, перемещение, открытие питательных пунктов, формирование транспортов, распоряжение по эвакуации.

4. Журнальный – делопроизводство.

Все фронтовые лечебные учреждения, обслуживающие 10-ю армию, были достаточно мобильны и организованы в поездах, только 3 фронтовых госпиталя находились стационарно в помещениях. Эвакуационными средствами служили летучки-поезда и небольшое количество санитарных поездов. После организации Народного комиссариата здравоохранения Царицын получил некоторую помощь. Народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко направил в Царицын 3 передвижных госпиталя и группу врачей, среди которых находились Ведров Николай Семенович, который был назначен врачом 20-го Южно-Донского стрелкового полка; Брук Семен Генрихович, старший врач I-го сводного рабоче-крестьянского полка и другие. Вместе с царицынскими врачами ими была проведена огромная работа по организации медицинской службы. Эвакуация раненых и больных становится плановым организованным процессом. Организуется эвакуация раненых в г. Саратов и г. Астрахань санитарными пароходами и поездами. Принимаются экстренные меры по укреплению войсковой службы. Создаются 6 дивизионных лазаретов и 3 вспомогательных эвакуопункта, которые оборудуются в поездах. Таким образом, за 6 месяцев 1918 г. количество лечебных учреждений выросло до 30. Рядом приказов по Медико-санитарному отделу были проведены меры по борьбе с инфекционными заболеваниями, по усилению контроля за деятельностью медицинских учреждений. Санитарное бюро при Царицынском Комиссариате Здравоохранения занималось изданием еженедельных бюллетеней, регистрационных карточек на умерших, сбором еженедельной информации о количестве больных инфекционными заболеваниями. Все сведения печатались в газетах. По данным санитарного бюро за 2 недели ноября 1918 г., с 1 по 16 ноября, заболело разными инфекционными заболеваниями: среди гражданских – 238 человек, а среди военных – 21 человек. Такая тенденция наблюдалась осенью 1918 – зимой 1919 годов [5, л. 231]. Осенью 1918 г., с приходом в Царицын новой формы гриппа – испанки, органы местного здравоохранения стали вести более строгий учет по

заболеваемости и смертности. «Комиссариат здравоохранения Царицынского Совета Рабочих Крестьянских и Казачьих депутатов предлагает всем лечебным учреждениям присылать в Санитарное бюро еженедельные сведения о ходе испанской болезни, за периоды времени с 1 по 7, с 8 по 15 по конец каждого месяца... Все врачи и фельдшера обязаны регистрировать на инфекционных карточках все случаи тяжелой формы испанки и пересылать таковые по почте» [11, л. 181]. По статистическим данным, заболеваемость разными видами инфекционных болезней среди гражданского населения была значительно выше по сравнению с военными. Среди последних была высокая смертность от полученных ранений. «Городская Советская Усыпальница свидетельствует, что большее количество красноармейцев умирает от ран... Исполком предлагает устранить это» [12, л. 93]. Среди инфекционных больных больше всего было больных тифом и испанкой. Местные органы здравоохранения ежедневно отдавали приказы и распоряжения для улучшения ситуации в городе. «Всем врачам, фельдшерам, братьям и сестрам милосердия, находящимся в Царицыне и его районах, предлагается с 15 января по 17-е с.г., то есть в трехдневный срок, зарегистрироваться в Отделе» [6, л. 89]. «Ввиду острой нужды в термометрах, Отдел Здравоохранения ходатайствует о немедленном издании обязательного постановления, чтобы все граждане представили имеющиеся у них термометры в отдел» [13, л. 79]. Так как все меры по борьбе с инфекционными заболеваниями осенью 1918 г. – зимой 1919 г. не носили систематический характер, больших результатов достичь не удалось. В связи с тем, что в 1918 г. Военно-Санитарным управлением были осуществлены мобилизации из числа царицынских врачей, весной 1919 г. Царицын оказался не готов к начавшимся эпидемиям: сыпно-тифозной, холеры и испанки. В приказе № 28 по Медико-санитарному отделу Царицынского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов от 6 марта 1919 г. говорилось:

«– оставление службы без уважительных причин приравнивается к саботажу;

– лица медицинского персонала заболевшие при исполнении своих обязанностей одной из остро-заразных болезней (сыпной и возвратный тифы, «испанская» болезнь, холера, чума) пользуются медицинской помощью бесплатно;

– заболевшему персоналу во все время болезни выдается полностью получаемого перед заболеванием содержания за счет социального обеспечения.

– всем больным перенесшим сыпной тиф не выписываться ранее 10 дней нормальной температуры после разрешения болезни...» [9, л. 3].

На совещаниях Медико-санитарного отдела врачи говорили, что основная причина высокой смертности среди населения: голод, ненадлежащий санитарный уход, переполненность больниц, отсутствие руководящей организации для борьбы с эпидемиями. Вот, как вспоминала эти события Е. Мельникова: «Город находился в тяжелом положении. Царицын – центр хлебного района, экономический и политический форпост революции на юге – фактически голодал: ржавые миноги, селедка, кислая капуста, дохлая кошка – были основным питанием населения города. Царицын был без дров, в городе шла упорная борьба с тифом» [4, л. 2]. Отсутствовали в городе бани, санитарный надзор по городу осуществлялся врачом и тремя фельдшерами. Врачи к больным ходили пешком.

6 февраля 1919 г. в Исполком Царицынского Совдепа из Комиссариата здравоохранения Совета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих депутатов было отправлено письмо, в котором говорилось, что 28 ноября 1918 г. на медико-санитарный съезд в г. Саратов был делегирован тов. Иванов с заявлением о нуждах Царицына в медицинском персонале и о необходимости срочного проведения трудовой повинности врачей в связи с нараставшими эпидемиями (тиф и испанка). Но, как отмечалось в письме «Саратовская комиссия отнеслась к нашей делегации и к своим задачам в высшей степени недобросовестно» [7, л. 44]. Все меры, предпринятые Медико-санитарным отделом по налаживанию медицины в городе, оказались тщетны и 10 марта 1919 г. отдел заявил о своем бессилии в борьбе с эпидемиями.

К весне 1919 г. военная обстановка на юге страны резко ухудшилась. 21 мая 1919 г. в составе вооруженных сил юга России была сформирована Кавказская армия генерала П.Н. Врангеля, перед которой ставилась задача взятия г. Царицына. 1 июня 1919 г. на заседании РВС 10 армии принято постановление: «В городе Царицыне и

его окрестностях объявляется Осадное положение. В соответствии с этим, учреждениям в Царицыне, губернскому Военному Комиссариату, комендатуре... предлагается немедленно принять надлежащие меры» [8, л. 1]. Руководством города были предприняты срочные меры по эвакуации раненых и больных красноармейцев. Было создано 3 эвакуопункта, находившихся в поездах. Масштабная эвакуация медицинских учреждений, проводимая кораблями и баржами Волжско-Каспийской военной флотилии, завершилась к 20 июня 1919 г. Раненых вывозили сначала в Камышин, а потом в Саратов. Санитарно-эпидемический отдел и милиция г. Камышина напряженно работали по сортировке и транспортировке красноармейцев, организации курсов сестер милосердия из жительниц Камышина.

В то время, пока в Камышине усиленными темпами шло размещение госпиталей 10-й армии, в Царицыне с июля 1919 г. шло размещение госпиталей Кавказской армии генерала П.Н. Врангеля. В здании Царицынского губвоенкомата – комендатура и канцелярия гарнизонного врача. В бывшем Доме науки и искусств, где размещался Исполком Царицынского Совета Рабочих Солдатских и Крестьянских депутатов, находился головной эвакуационный пункт. Как и в 1918 г., в Царицыне летом 1919 г. вспыхивали эпидемии холеры, холерины, сыпного, брюшного тифа. Борьба с заболеваемостью и антисанитарией стала одной из забот командующего Кавказской армией генерала П.Н. Врангеля. Жара, наступившая в июле, повлекла за собой эпидемию холеры. Начальник военных сообщений Кавказской армии генерал П.С. Махров вспоминал, что среди заболевших было много пленных красноармейцев. По сведениям того же городского санитарного бюро, с 8(21) по 15(28) июля заболело холерой в Царицыне – 21 человек, холериной – 13, подозреваемых на заболеваемость – 16 человек. Газета «Неделимая Россия» от 3(16) августа 1919 г. сообщала: «На днях под председательством г-на саратовского губернатора генерала Ермолова в присутствии городского главы Н.С. Розанова состоялось совещание врачей по выработке мер борьбы с холерой» [1, с. 64]. Были предложены следующие меры: 1. дезинфицирующие средства для обеззараживания воды; 2. запрещение купаний на пра-

вом берегу Волги; 3. в местах скопления публики – установление кадок с кипяченой водой и ряд других мер.

Только начала затихать холера, вновь усилилась заболеваемость всеми видами тифа. Сам генерал П.Н. Врангель весной 1919 г. перенес тяжелейший тиф. В Царицыне от болезни умер бывший начальник контрразведки ротмистр Маньковский.

Таким образом, медицинские учреждения города, испытывавшие большие трудности в качественном предоставлении медицинских услуг населению в мирное время, оказались в крайне тяжелом положении во время Гражданской войны. Значительные трудности возникали в обеспечении медицинских учреждений города медикаментами и квалифицированными кадрами, независимо от того в чьих руках находился Царицын. Меры, принимаемые административными учреждениями Царицына, для борьбы с инфекционными заболеваниями не носили систематический характер, что привело к массовому распространению среди населения различных форм тифа, «испанской» болезни, холеры, чумы. Однако, надо отдать должное самоотверженной работе местных врачей и общественных организаций, которые в этих условиях пытались достичь положительных результатов.

Список литературы

1. Агеева, Т. Г. Кавказская армия П.Н. Врангеля в Царицыне / Т. Г. Агеева. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2009. – 224 с.
2. Булюлина, Е. В. Санитарно-эпидемическое состояние и работа органов здравоохранения Нижнего Поволжья в 1919–1922 гг. / Е. В. Булюлина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 4. – Ч. 3. – С. 23–27.
3. Воспоминания Гладштейн Р.М. // Фонды Музея-заповедника «Сталинградская битва». – КП 2717. – П. 37. – Л. 17 (неопубл.).
4. Воспоминания Мельниковой Е. – сестры милосердия 59 полевого эвакуационного госпиталя 10 армии, л. 2 // Фонды Музея-заповедника «Сталинградская битва». – НВФ 9392. – П. 161. – Л. 1–2 (неопубл.).
5. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 231 (неопубл.).

6. ГАВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 89 (неопубл.).
7. ГАВО. – Ф. 71 – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 44 (неопубл.).
8. ГАВО. – Ф. Р-342. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1 (неопубл.).
9. ГАВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 78. – Л. 3 (неопубл.).
10. ГАВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 78. – Л. 1 (неопубл.).
11. ГАВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 181 (неопубл.).
12. ГАВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 93 (неопубл.).
13. ГАВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 79 (неопубл.).
14. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1917–1918. Переиздание Издание управления делами Совнаркома СССР (ДСП) Москва, 1942 год. № 6. Ст. 99.
15. «Солдат революции», № 3, 9 августа 1918 г. (неопубл.).

ACTIVITIES OF MEDICAL INSTITUTIONS IN TSARITSYN DURING THE CIVIL WAR

Lepkova Elena Aleksandrovna

Postgraduate Department of History and Cultural Studies
Volgograd State Medical University
Senior Researcher
FGBUK “State Historical and Memorial Museum” “Stalingrad Battle”
mim1937@rambler.ru
Gogolja St., 10, 400131 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article discusses the activities of medical institutions of Tsaritsyn Saratov province during the Civil War. Article gives an idea of the number of medical institutions in the city and on the organization of hospitals and infirmaries of Tsaritsyn during the war. The author emphasizes that considerable difficulties in the organization of medical institutions in the city have been associated with the city providing medical supplies and qualified personnel, regardless of in whose hands was Tsaritsyn. Measures taken by the administrative institutions of Tsaritsyn, to fight infectious diseases were not systematic, which led to an increase in mortality among the wounded soldiers and citizens. The article is written on the basis of archival materials, which give an idea of the Tsaritsyns hospitals, care for the wounded and the people of Tsaritsyn in 1918-1919.

Key words: Tsaritsyn, the Civil War, medical institutions, wounded, epidemics.

УДК 364.01

ББК 60.93

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА
СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ
И РАНеным ВОИНАМ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
НА ПРИМЕРЕ г. ЦАРИЦЫНА ¹**

Литвинова Ирина Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент,
кафедры социальной педагогики
Волгоградского государственного университета
irina-litvinova2010@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена благотворительной деятельности гражданского общества Царицына в годы Первой мировой войны. Благотворительность рассматривается как форма социальной помощи населению, раненым воинам, а также как одна из форм проявлений патриотических и нравственных чувств соотечественников. Благотворительностью занимались представители всех сословий – частные лица и общественные организации, открывавшие приюты для детей, собиравшие пожертвования для лазаретов, для семей воинов и сирот.

Ключевые слова: благотворительность, общественные организации, Первая мировая война, Царицын, патриотизм, пожертвования.

Социальная защита населения в условиях военного времени тесно связана с благотворительной деятельностью различных общественных организаций и частных лиц. В уездном Царицыне в период Первой мировой войны действовали образовательные, просветительские, попечительные, здравоохранительные общественные ассоциации. Данный фактор способствовал активному развитию различных институтов общественной самоорганизации и способствовал формированию и сплочению про-

винциального гражданского общества в годы великих испытаний Первой мировой войны.

В благотворительности общественные и частные формы деятельности успешно сосуществовали с общественно-государственным призрением. В частности, накануне Первой мировой войны общественно-государственное призрение было представлено такими учреждениями, как Царицынский Комитет попечительства о народной трезвости, Уездное отделение Комитета общества попечительного о тюрьмах, Городской родильный приют, Городской ночлежный приют. В структуру благотворительных заведений направления социальной помощи населению города входили 6 приютов для призрения и воспитания малолетних и несовершеннолетних, 4 заведения дешевого и бесплатного образования для детей, из них 4 приюта содержались на купеческие средства, а 2 приюта – на общественные пожертвования. К заведениям по призрению взрослых относились 5 богаделен и 4 ночлежных дома, действовали 2 бесплатные столовые (подсчитано по: [1, с. 70, 88]).

В отличие от общественных организаций, деятельность приютов и названных комитетов регулировалась государственными структурами, но финансировалась в основном за счет частной и общественной форм благотворительности и попечительства.

Наряду с общественными благотворительными структурами в крае широко был развит институт учреждения именных стипендионных фондов, количество которых заметно возросло в 1914–1917 годы. Средства от этих фондов шли как на образовательные, так и на медицинские цели – содержание койко-мест в лазаретах города. Неимущие гимназисты и учащиеся реального, коммерческого училищ, а также ученики, отцы которых находились на фронте, получали пособия от попечительных советов учебных заведений. Например, пособия шли на пошив или покупку формы для учащихся (известно, что в каждом учебном учреждении имела своя форма), приобретались учебники, сиротам и детям воинов из глубинки оплачивались съемные квартиры для проживания и лекарства для болевших детей.

С началом военных действий общественные организации стали играть ведущую роль в благотворительном движении и под-

держке семей призванных на войну нижних чинов, а также заботе о больных и раненых воинах. В 1914–1915 гг. в Царицыне образуются новые благотворительные организации – «Общество в помощь воинам, семьям погибших, беженцам», «Общество по призрению и попечению детей воинов, пострадавших от войны» и другие [2, с. 65]. Вплоть до февральской революции организовывались благотворительные акции. Например, в январе 1917 г. Совет Царицынского Общества по призрению и попечению детей, председателем которого являлся И. Пятаков, ставил спектакли для раненых в лазаретах, устраивал лотереи-аллегри, доходы от которых шли в помощь нуждающимся детям.

Активно проявил себя Дамский Комитет, в состав которого входили жены представителей делового мира Царицына. Женская общественная организация не ограничивалась каким-то одним видом деятельности, а старалась максимально помочь различным категориям горожан и жителей окрестностей Царицына, наиболее нуждавшимся в помощи и социальной защите – семьям призванных на войну солдат, вдовам и сиротам, раненым, находившимся на излечении в лазаретах Царицына и Сарепты, а также демобилизованным по ранению солдатам. В 1915 г. благодаря усилиям Дамского Комитета в доме председателя общества «Охраны материнства и младенчества» Н.С. Розанова был открыт еще один приют на 25 детей-сирот.

Общественные активисты, волонтеры принимали активное участие в перестройке экономики и социальной сферы города. Они занимались сборами денежных средств на нужды фронта, городских лазаретов, семьям воинов. Следует отметить, что добровольные пожертвования организаций и частных лиц в пользу фронтовиков, раненых и семей военнослужащих, а также вдовам и сиротам стали одной из форм проявлений патриотических и нравственных чувств соотечественников. Пожертвования осуществляли многие религиозные, профессиональные, частные организации и простые обыватели. Все же в Царицыне времен Первой мировой войны пожертвования шли главным образом на устройство лазаретов. Так, Царицынским отделением общества «Красный Крест» при участии жителей города в 1914 г. было открыто

13 лазаретов на 632 койки [3]. Жертвователями средств являлись представители всех сословий и возрастов – от купечества до чистильщиков обуви, учащиеся, приказчики и, конечно же, прихожане в храмах.

Многие представители делового мира Царицына и его пригорода посада Дубовка являлись членами местного отделения общества «Красный Крест», причем активно работали. В годы войны они перечисляли крупные пожертвования на нужды действующей армии и для лечения раненых. В частности, Г.Г. Серебряков, А.А. Репников, Ю.Д. Репникова, Т.А. Каменщиков и некоторые другие члены Общества за счет собственных средств приобретали медикаменты, содержали койки в военном городском лазарете, предназначенные для солдат [4].

В это время владельцы торгово-промышленных фирм участвовали в благотворительных акциях по сбору средств для раненых, находившихся на излечении, а также выплачивали жалование семьям мобилизованных на фронт бывших рабочих предприятий. Среди гласных думы постоянно собирались средства для отправки подарков на фронт. Особенно активно шли сборы денег перед Рождеством и Пасхой. Например, купец Я.И. Пирогов в 1916 г. пожертвовал 500 руб. на пасхальные подарки солдатам [4].

Под руководством Общественного собрания в Царицыне в праздничные дни для раненых, находившихся на излечении, устраивались благотворительные концерты и спектакли с раздачей всевозможных подарков. Владельцы предприятий в таких случаях предоставляли продукцию собственных фирм: вяленую рыбу, пряники, конфеты, фруктовые воды, мыло, табак.

Царицын в составе Саратовской губернии входил во Всероссийский земский союз (ВЗС). Данная организация сыграла большую роль в военных усилиях страны в 1914–1917 гг., а также в судьбе беженцев, хлынувших в глубь страны. В частности, создавались общественные пункты питания, пункты регистрации, приюты для детей, принимались пожертвования для действующей армии и лазаретов, отправлялись посылки и письма военнопленным.

Провинциальное общество тылового Царицына было вынуждено приспособляться к потребностям нового военного времени, которое диктовало свои условия. В то же время, несмотря на неоднородность и принадлежность к разным сословиям в сословно-иерархической системе России, соотечественники, принадлежавшие к деловому сообществу и миру простых обывателей, эффективно реализовывали свою социальную активность в благотворительной деятельности, которая консолидировала общественность вокруг интересов военных нужд государства. Изучение опыта данного феномена – общественной благотворительности и патриотизма жителей Царицына и его уезда в годы Первой мировой войны – имеет существенное значение для социально-культурного развития и консолидации гражданского общества Волгоградского региона на современном этапе.

Примечание

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Волгоградской области, проект № 15-13-34004 а(р) «Гражданское общество Царицына в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.)».

Список литературы

1. Весь Царицын : Справочник по гор. Царицыну и Царицынскому уезду. – Царицын, 1911. – 114 с.
2. Васильева, Е. Г. Феномен благотворительности в провинциальном социуме на рубеже XIX–XX и XX–XXI столетий : [монография] / Е. Г. Васильева, И. Н. Литвинова, О. А. Карагодина. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – 308 с. – Гл. «Общественные и благотворительные организации г. Царицына».
3. Лепкова, Е. Всегда вне политики / Е. Лепкова // Крестьянская жизнь. – 2008. – 22–28 авг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.stalingrad-battle.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=488:-qq-22-28-2008-&catid=5:2009-05-14-19-24-09 (дата обращения: 10.04.2015). – Загл. с экрана.
4. Царицынский вестник. – 1916. – 19 марта.

**CHARITY AS A FORM OF SOCIAL ASSISTANCE
TO THE POPULATION AND THE WOUNDED SOLDIERS
DURING WORLD WAR I:
ON THE EXAMPLE OF TSARITSYN**

Litvinova Irina Nikolaevna

Candidate of Historical Sciences, the Senior Lecturer,
Associate Professor of the Department of Social Pedagogy,
Volgograd State University
irina-litvinova2010@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Article is devoted to the charitable activities of the civil society of Tsaritsyn during World War I. Charity is regarded as a form of social assistance to the population and the wounded soldiers, as well as a form of manifestation of patriotic and moral feelings of compatriots.

The charity had representatives in all social classes – individuals and community service organizations were opening shelters for children, collecting donations for clinics, for the families of soldiers and orphans.

Key words: charity, social organizations, the World War I, Tsaritsyn, patriotism, donations.

УДК 94(47+57) «1941/1945»: 2 – 446

ББК 63.3(2)622,1

**МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТЕАТРА
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Шкарин Владимир Вячеславович

Кандидат медицинских наук,
председатель Комитета по здравоохранению Волгоградской области
oblzdrav@volganet.ru
ул. Рабоче-Крестьянская, 16, 400001 г. Волгоград, Российская Федерация

Покатилов Алексей Борисович

Кандидат медицинских наук, доцент, главный врач
Волгоградского областного центра медицинской профилактики
vosmp@votiac.ru
ул. Политрука Тимофеева, 5, 400081 г. Волгоград, Российская Федерация

Погасий Лидия Ивановна

Заведующая Музеем истории здравоохранения
Волгоградской области
lidada09@gmail.com
ул. Ангарская, 13, корп. 18, 400081 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены сведения о роли многотысячной армии гражданских и военных медицинских работников (в том числе и Сталинградских) – всех тех, кто своим самоотверженным трудом спасал раненых воинов на поле боя, возвращал им здоровье, помогал вновь встать в строй, продолжать борьбу с фашистскими захватчиками; оказывал помощь гражданскому населению; сохранял жизнь детям; предотвращал развитие эпидемий. Все это находит, в частности, отражение в фондах Музея истории здравоохранения Волгоградской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, спасение раненых на поле боя, Музей истории здравоохранения Волгоградской области, тактика оказания медицинской помощи в условиях боевых действий.

С момента окончания Великой Отечественной войны прошла жизнь целого поколения. Немногие события в мировой истории могут сравниться по своему значению с подвигом великого народа-освободителя. Но если роль нашего народа в год 30-летия окончания войны была однозначно ведущей и героической, то к 70-летию Великой Победы появился временной простор для домыслов, догадок, интерпретаций ретроспективных документов военного времени, выгодных определенному кругу лиц и нивелирующих роль советского народа.

Музей истории здравоохранения Волгоградской области хранит более 1 000 музейных экспонатов-свидетельств медицинских работников – современников страшных военных лет борьбы с фашистскими захватчиками: фотографии, автобиографии, воспоминания, написанные рукой участников войны, их награды, документы, которые демонстрируют патриотизм, единство, самоотверженность и бесстрашие советского народа.

Во время войны в армии и на флоте находилось более 200 тысяч врачей и свыше 500 тысяч фельдшеров, медицинских сестер, санинструкторов, санитаров, санитаров-носильщиков, многие из которых погибли в огне боев. Усилиями и заботой советских медиков оказана помощь десяткам миллионов защитников Родины, возвращены в строй 72,3 % раненых и 90,6 % больных [2, с. 5, 6]. Впервые в мире в нашей стране не сработал обязательный, казалось бы, закон о связи войн и эпидемий [1, ч. 1].

Первый год войны оказался наиболее трудным по масштабам задач. Нужно было научиться рациональному расположению госпиталей и медсанбатов, правильному выбору путей эвакуации, применению обоснованных методов лечения, научиться маневрировать силами и средствами военной медицины, вовремя направлять их к местам предстоящих сражений или, наоборот, эвакуировать в тыл, что подтвердило выводы Н.И. Пирогова: «Не медицина, а администрация играет главную роль в деле помощи раненым и больным на театре войны» [1, ч. 4.1].

Своевременная первая медицинская помощь раненым, быстрый сбор и вынос их с поля боя были осложнены неблагоп-

приятной обстановкой, сложившейся на советско-германском фронте летом 1941 г. (вынужденный отход войск прикрытия и стремительное продвижение превосходящих сил противника с темпом 25–35 км в сутки). Вот почему Е.И. Смирнов (начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии) в телеграфном распоряжении от 10.07.1941 № 452320 указывал: «Приказываю главное внимание обратить на четкую организацию работы санитарной службы роты, батальона и стрелкового полка. Своевременный вынос раненых с поля боя – главное звено в этой работе».

К сожалению, почти повсеместно практиковалось пополнение строевых частей и подразделений за счет санитаров рот, санитаров-носильщиков и даже фельдшеров, что не способствовало своевременному выносу и эвакуации раненых [1, ч. 2.1].

В целях облегчения нелегкого труда санитаров использовались розыскные собаки и упряжки ездовых санитарных собак [1, ч. 2.1]. Розыскные собаки экипировались санитарными сумками для оказания самопомощи в труднодоступных местах, а также оснащались подвешенным к шее собаки на уровне лежащего человека свистком, звук которого позволял определить местонахождение тяжело раненного, но находящегося в сознании бойца. Такой свисток экспонируется в Музее истории здравоохранения Волгоградской области и вызывает интерес у посетителей [6].

Чтобы стимулировать, поощрить далеко не безопасную работу младшего звена медицинской службы на поле боя, Народный комиссариат обороны издал приказ от 23.08.1941 № 281 «О порядке представления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу». Впервые труд медицинского состава на поле боя официально приравнивали к свершению ратного подвига: за вынос определенного числа раненых с их винтовками или ручными пулеметами санитары и носильщики могли быть представлены к награде медалями «За боевые заслуги» или «За отвагу», орденами Красной Звезды, Красного Знамени и орденом Ленина [1, ч. 2.1].

Одними из ярких представителей когорты санитаров, сведения о которых находятся в Музее истории здравоохранения Волгоградской области, можно назвать санинструктора М.П. Кухарскую и командира взвода санитаров-носильщиков А.В. Зубкова. Оба награждены высокими наградами. М.П. Кухарская – участница Сталинградской битвы, лучший санинструктор Донского фронта, за отвагу и вынос 480 раненых (из них 421 – у стен Волжской твердыни) награждена орденами Ленина, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу» [3, с. 113; 6, с. 29].

Наш земляк Зубков Александр Владимирович – командир взвода санитаров-носильщиков – Герой Советского Союза, награжден орденом Красного Знамени.

Все принятые меры в конечном итоге способствовали более быстрой доставке раненых на батальонные и полковые медицинские пункты. Так, в контрнаступлении под Сталинградом работавшие на поле боя санитары Сталинградского фронта доставляли до 80 % тяжелораненых на полковые медицинские пункты в сроки, не превышавшие 5–6 часов с момента ранения. Этому способствовал и приказ командующего фронтом А.И. Еременко от 14 декабря 1942 г. о запрещении использования санитаров не по прямому назначению и о выделении в период напряженного боя бойцов в качестве санитаров-носильщиков [4, с. 115].

С наименьшими трудностями в Великой Отечественной войне пришлось столкнуться и госпитальной службе.

В самом начале войны в стране появились эвакуогоспитали (далее – ЭГ). А 7 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны по ходатайству медиков принял решение о создании дополнительных госпиталей: предстояло в самые короткие сроки сформировать примерно 1 600 госпиталей для лечения 750 тыс. раненых. В частности, решено было развернуть ЭГ в профсоюзных санаториях и домах отдыха [1, ч. 2.2].

Однако вследствие отступления наших войск с запада на восток нужно было переместить около 2 000 только ЭГ, и перемещенные госпитали были в последующем использованы в меди-

цинском обеспечении наступательных операций Красной Армии [1, ч. 1].

Количество коек в ЭГ постоянно возрастало: к 1 октября 1941 г. в них насчитывался уже 1 млн мест, а к 1 ноября 1944 г. – почти 2 млн. По постановлению Государственного Комитета Обороны от 22 сентября 1941 г., обслуживание раненых в тылу возлагалось на гражданских медиков, а на фронте – на военных медиков. Тыловые ЭГ переходили в полное подчинение Наркомздрава СССР, забота о лечении находящихся в них раненых была возложена на гражданских медиков [1, ч. 2.2].

В начале 1942 г. были созданы специализированные ЭГ – нейрохирургические, челюстно-лицевые, для лечения ранений органов грудной и брюшной полостей, глазные, ушные. Затем уже появились сортировочные госпитали, и система специализированных ЭГ приобрела законченный вид.

Подвижнический труд медиков ЭГ помог добиться уникальных результатов: в 1942, 1943 и 1944 годах из тыловых госпиталей было возвращено в строй соответственно 56,6, 60,8 и 47,7 % раненых. Общий итог деятельности ЭГ таков: 57,6 % раненых возвращены в строй, 4,4 % – отправлены в отпуск, 36,5 % – уволены в запас и демобилизованы, 1,5 % – умерли [1]. Сталинградская госпитальная база за июль 1941 г. – июль 1942 г. приняла 225 736 раненых и больных; возвращены в строй 185 тыс. человек, то есть 81,9 % [4, с. 129].

Вместе с тем в начальном периоде Великой Отечественной войны наибольшие трудности при формировании ЭГ возникали с хирургическими кадрами, о чем пишет в своих воспоминаниях С.Л. Тыдман – начмед и старший хирург Сталинградского госпиталя 1584: «Трудности заключались еще в том, что в госпитале работали в основном врачи, совершенно не владеющие хирургической техникой, – терапевты, венерологи, некоторые пришли к нам после эвакуации с запада» [8].

Если общий недостаток врачей можно было в какой-то степени восполнить путем ускоренных выпусков студентов старших курсов мединституты, что только в 1941 г. дало более 30 000 врачей, то для устранения некомплекта в хирургических кадрах нуж-

на была еще и их подготовка на практической работе, которая была организована в широких масштабах и которую прошли тысячи врачей [1, ч. 4.1]. И в действующих госпиталях в периоды кратких затиший или при переформировании шла постоянная учеба врачей и медсестер. Отрабатывались хирургические приемы и уход за ранеными [2, с. 101, 141].

Благодаря этому к концу второго года Великой Отечественной войны, несмотря на боевые потери среди хирургов, обеспеченность хирургическими кадрами по всем фронтам составила 63,8 %, причем в учреждениях войскового и армейского районов, где решалась судьба сотен тысяч раненых, укомплектованность хирургическими кадрами была равна 72–74 %, женщины-хирурги в этих учреждениях составляли всего лишь около 30 %, в то время как в ЭГ укомплектованность хирургами составляла только 58,5 %, 50 % из них были женщины.

В первый год войны хирурги некоторых фронтов нередко прибегали к различной тактике и методам лечения огнестрельных ран в зависимости от предыдущей научной школы, что недопустимо в военной медицине.

Для исправления настоящего положения начальник Главного военно-санитарного управления Е.И. Смирнов в декабре 1942 г. дал жесткие специальные указания начальникам управлений фронтов. «Имею сведения, – говорилось в директиве, – что главные хирурги применяют методы лечения раненых, которые не предусмотрены нашими указаниями. Предлагаю: 1. Запретить отсебятину в военно-полевой хирургии. 2. Всякое нововведение должно проводиться только с разрешения Главвоенсанупра» [2, с. 102].

Вместе с жесткими установками по ведению раненых вводились и новые, ранее не применявшиеся, методы восстановления здоровья. В армиях 4-го Украинского фронта в течение полутора лет применялась свежая бычья кровь (гемокостол). Прием ее по 100–200 г 2–3 раза в день улучшал общее состояние, быстро очищал раны, ускорял заживление. 16 мая 1944 г. был издан приказ № 220 Главного военно-санитарного управления и военно-ветеринарного управления об организации в армейских и фронто-

вых районах пунктов получения свежей крови от животных-доноров [2, с. 184].

На заключительном этапе Великой Отечественной войны квалифицированная хирургическая помощь почти 90 % раненым оказывалась в первые 8 часов после ранения, тогда как в зарубежных армиях этот показатель был в среднем 12 часов [1, ч. 4.1].

В ходе войны получила широкое развитие и четко оформилась организационно-специализированная помощь по 18–24 различным медицинским специальностям, в том числе и для легкораненых [3, с. 16]. Госпитали для легкораненых (ГЛР) были организованы как военная часть (роты, взводы) с чисто военными командирами. В них легкораненые не только лечились, но и продолжали совершенствовать свой военный опыт (стрельба, изучение военной техники, строевая подготовка, политзанятия и т. д.). Раненые и больные, направляемые в ГЛР, имели предназначение вернуться опять в войска своей армии либо своего фронта, в зависимости от подчиненности госпиталя [1, ч. 5].

Таким образом, во Вторую мировую войну медицинская служба стала ощутимым поставщиком резервов воюющих армий. При этом поставщиком опытных, хорошо знающих военное дело, обстрелянных кадров. Так, в первом полугодии 1944 г. медицинская служба 1-го Украинского фронта возвратила в строй после окончания лечения столько личного состава, что его было достаточно для укомплектования 50 дивизий того времени [1, ч. 5].

На протяжении всей войны исключительное значение придавалось противоэпидемической работе. Гигиенисты и эпидемиологи защитили армию и прифронтовые районы от вспышек эпидемических болезней и помогли гражданскому здравоохранению в противоэпидемической защите населения. Так, против брюшного тифа в 1941 г. привили почти 15 млн человек, в 1942 г. – 19 млн человек, в 1944 г. – почти 20 млн человек. Тем, кто находился в контакте с больными, давали использовавшийся тогда брюшнотифозный бактериофаг. Делались комбинированные прививки против брюшного тифа и столбняка поливакциной НИИ-

СИ, разработанной в нашей стране [1, ч. 3]. В 1942 г. были получены первые образцы советского пенициллина в лаборатории З.В. Ермольевой, испытанные в госпиталях 1-го Прибалтийского фронта и впоследствии предотвратившие послераневые осложнения у многих бойцов. Полученный ею холерный бактериофаг помог остановить развитие холерной эпидемии, которая грозила и фронту, и тылу в Сталинградской области и других опасных районах [9, с. 235].

Серьезный экзамен в годы войны держала лечебно-профилактическая служба. В результате эвакуации миллионов людей население тыловых городов и сел во втором полугодии 1941 г. значительно возросло. Как следствие – на медиков городских больниц и поликлиник восточных районов страны легла двойная и даже тройная нагрузка.

Многое было сделано для медицинского обслуживания рабочих промышленных предприятий, прежде всего оборонных, где работали, как правило, мужчины непризывного возраста, чаще всего подростки, и женщины.

Именно в годы войны медсанчасти сформировались не просто как прикрепленные к предприятию медицинские учреждения, а как органичная составная часть предприятия, своеобразный «цех здоровья». Во многом благодаря деятельности медсанчастей с середины 1942 г. заболеваемость рабочих на крупнейших предприятиях стала снижаться [3, с. 13, 14].

Особую остроту приобрели вопросы организации помощи детям. Во время эвакуации из прифронтовых городов в первую очередь были вывезены воспитанники яслей, детских садов и детских домов, домов ребенка, младшие школьники. В январе 1942 г. правительство страны разработало меры по устройству детей, оставшихся без родителей. В различных районах страны были созданы в необходимом количестве дома ребенка, ясли, молочные кухни, «пищевые станции», появилась новая форма помощи детям – так называемые ясли на дому [3, с. 14]. Уже в октябре 1942 г. правительство в специально принятом постановлении обязало Наркомздрав СССР в кратчайший срок восстановить существовавшую до войны систему медицинской помощи детям, преж-

де всего участковый принцип деятельности детских консультаций и поликлиник. Были приняты и другие меры, в частности по улучшению детского питания, по витаминизации пищи [1, ч. 4.2]. Все, что делалось в годы войны для охраны здоровья детей, позволило сохранить целое поколение.

Большую помощь медицинской службе оказывали комитеты Красного Креста (подготовка помещений под госпитали, донорство, организация санитарных постов на участках массовых работ, транспортировка раненых, их сопровождение, подготовка медицинских кадров). Только Сталинградский обком Красного Креста во главе с К.С. Козинцевой за 1941–1942 гг. подготовил 5 тысяч медсестер, 6 700 сандружинниц, 830 санитаров [10].

Мы можем гордиться тем, что в Великой Отечественной войне и в ее самый тяжелый начальный период медицинская служба оказалась на высоте своего призвания и в лечении раненых, и в непосредственных боях с фашистами.

Однако нельзя забывать, что итоги, которыми мы законно гордимся, были достигнуты ценой огромных усилий и потерь. В годы Великой Отечественной войны общие потери нашей медицинской службы составили 210 601 человек, при этом их 88,2 % приходится на рядовой и сержантский состав, то есть на передовое звено медицинской службы, действовавшее на поле боя [1].

Подвиги медицинских работников в Великой Отечественной войне были высоко оценены Родиной: за героизм и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, 53 медицинским работникам было присвоено звание Героя Советского Союза [4, с. 171]. Во время войны 285 человек были награждены орденом Ленина, 3 500 – орденом Красного Знамени, 15 000 – орденом Отечественной войны I степени, 86 500 – орденом Красной Звезды, около 10 000 – орденом Славы. Более 20 руководителей медицинской службы и главных хирургов фронтов были награждены полководческими орденами Советского Союза [1]. К слову сказать, в знаменитой портретной галерее Отечественной войны 1812 года нет ни одного портрета медика.

Время сглаживает остроту событий. После окончания войны прошло семь десятилетий, но и сейчас Вторая мировая все еще не стала далекой историей. К сожалению, наступило время, когда на ныне живущее поколение легла колоссальная ответственность за недопущение развязывания новой войны – войны, где победителей не будет.

Список литературы

1. Медицина в годы Великой Отечественной войны // MedicPort.ru : [сайт]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: medicport.ru>...nevs...medicina v gody velikoj...vojny. – Загл. с экрана.
2. Кованов, В. В. Солдаты бессмертия / В. В. Кованов. – М. : Политиздат, 1985. – 368 с.
3. здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 : Документы и материалы. – М. : Медицина, 1977. – 576 с.
4. Щучкин, В. В. Медицинские работники Сталинграда и области в годы Великой Отечественной войны / В. В. Щучкин, А. Ф. Воробьев. – Волгоград : Комитет по печати, 1995. – 416 с.
5. Музей истории здравоохранения Волгоградской области. – Ф. О. – Д. 6851.
6. Знаменитые медицинские сестры XX века. – Камышин : Изд-во Камышин. мед. училища № 2, 2006. – 36 с.
7. Музей истории здравоохранения Волгоградской области. – Ф. НВ. – Д. 4009.
8. Музей истории здравоохранения Волгоградской области. – Ф. НВ. – Д. 109.
9. Мельникова, Г. И. Во благо людям / Г. И. Мельникова // Отчий край. – 2003. – № 2 (38).
10. Музей истории здравоохранения Волгоградской области. – Ф. НВ. – Кн. 16. – Д. 11.

THE GREAT PATRIOTIC WAR MEDICAL SUPPORT IN THE THEATER OF OPERATIONS

Shkarin Vladimir Vyacheslavovich

PhD Medicine, Docent, Chairman
of Volgograd Region Health Care Committee
oblzdrav@volganet.ru
Raboche-Krestianskaia St., 16, 400001 Volgograd, Russian Federation

Pokatilov Aleksei Borisovich

PhD Medicine, Docent, Chief Medical Officer
of Volgograd Region Medical Prophylaxis Center
vocmp@vomiac.ru
Politruka Timofeeva St., 5, 400081 Volgograd, Russian Federation

Pogasii Lidia Ivanovna

Director of the Volgograd Region Healthcare History Museum
lidada09@gmail.com
Angarskaia St., 13/18, 400081 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article contains information about the role of several thousand strong army of civil and military health care workers, including Stalingrad medical workers, and all the others who selflessly saved wounded soldiers on the battlefield, recovered their health, helped them to join the ranks and to continue struggle with the fascist invaders, saved children's lives, prevented epidemics from spreading. All of these facts are represented in the holdings of Volgograd region Healthcare History Museum.

Key words: the Great Patriotic War, saving wounded soldiers on the battlefield, Volgograd region Healthcare History Museum, tactics of medical care in combat.

УДК 94 (470.45): 338.246.88

ББК 63.3(2 Р-4 Вог),12

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
МОЛОДЫХ РАБОЧИХ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
ВОССТАНОВЛЕНИЯ СТАЛИНГРАДА
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СТРОИТЕЛЬНОГО ТРЕСТА № 14
«СТАЛИНГРАДТРАКТОРОСТРОЙ»)**

Пищулина Светлана Юрьевна

Кандидат исторических наук, заведующая кафедрой
теории и истории государства и права
Волжского филиала Международного юридического института
supishulina@mail.ru
ул. Большевикская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация

Аннотация. Начальный период восстановительно-строительных работ в Сталинграде отличался тяжелыми социально-бытовыми условиями. Прибывающая в город молодежь сталкивалась с отсутствием жилья, бытового инвентаря, плохой организацией снабжения и труда. Героический подвиг молодых рабочих по возрождению города-героя одновременно был преодолением самого себя. Негативные моменты, к которым нужно отнести скученность проживания, кражи, дезертирство, равнодушие и пр., ликвидировались совместными усилиями хозяйственных и общественных структур. Использовалась совокупность материального и морального воздействия на молодежь, что позволило к лету 1944 г. частично решить насущные социально-бытовые проблемы.

Ключевые слова: восстановление Сталинграда, молодежь, социально-бытовое обеспечение, строительные тресты.

Организация восстановительно-строительных работ в Сталинграде условно подразделяется исследователями на несколько хронологических этапов. Особое внимание уделяется начальному периоду, датируемому весной 1943-го – весной 1944 года.

Важным остается вопрос кадрового обеспечения процесса восстановления в условиях продолжающихся боевых действий на освобождаемой территории Советского Союза.

Источники поступления рабочей силы в Сталинград были многообразны: от военнопленных и интернированных до специалистов промышленного сектора и строительных организаций. Массовый характер приобрела мобилизация и призывы молодежи из всех регионов СССР.

Большую работу в данном направлении проводили ЦК ВЛКСМ и Сталинградский обком ВЛКСМ. В мае 1943 г. ими было направлено в Сталинград 2 050 молодых рабочих [1, л. 394]. Процедура была согласована с бюро обкома ВКП(б), который своим решением обязал управляющего ОСМЧ № 14 «Сталинградтракторострой» Я.И. Салтыковского обеспечить прибывающих жильем и подготовить бытовые условия для их жизни и работы.

Сталинградский тракторный завод являлся одним из ведущих промышленных предприятий не только города, но и всей страны. Потеря его производственных мощностей в ходе битвы на Волге стала существенным уроном для военной экономики Советского Союза. Танкостроение нуждалось в быстрейшем вводе СТЗ в перечень действующих заводов. Именно для восстановления Сталинградского тракторного была образована приказом № 86 НКС СССР от 2 февраля 1943 г. особая строительно-монтажная часть № 14. В задачи также включалось возведение жилых зданий и культурно-бытовое строительство в Тракторозаводском районе г. Сталинграда [2, л. 3–4].

Восстановительные работы велись в крайне тяжелых условиях. В Тракторозаводском районе Сталинграда было частично повреждено 108 кирпичных многоэтажных жилых зданий (из 108 существовавших до войны), 3 больницы и амбулатории (из 3), 7 зданий детских учреждений (из 7), 1 здание цирка (из 1), 1 здание бани-прачечной (из 1); полностью разрушено 10 кирпичных одноэтажных жилых зданий (из 10), 274 деревянных двухэтажных жилых здания (из 274), 13 школ (из 13), 1 здание летнего театра (из 1), 2 здания клубов (из 2), 1 хлебозавод (из 1), а также сети

водопровода и канализации. Общий ущерб по социально-бытовой инфраструктуре района составил 228 303,559 тыс. рублей [3, с. 1214–1217]. Как видно из приведенных выше данных областной Комиссии по установлению ущерба, в районе не осталось пригодных для жилья построек.

Трест приступил к работам практически сразу после своего образования. За 1943 г. план по генподряду выполнен на 128,1 %, по собственным работам на 113,8 %. Обеспеченность кадрами составила 110,1 % (1 622 человека), из них 47,1 % трудилось на неосновном производстве, то есть на строительстве и оборудовании жилых помещений, столовых, подсобного хозяйства и пр. Рабочие жили в палаточном городке и постепенно обустроивавшихся общежитиях [2].

Из-за участившихся фактов самовольного отъезда с места работы молодежи и данных об их критическом настроении 25 мая 1943 г. аппарат обкома ВЛКСМ совместно с выездной редакцией газеты «Комсомольская правда в Сталинграде» провел проверку социально-бытовых условий молодежи на СТЗ и в ОСМЧ № 14. Были выявлены серьезные проблемы, которые обсуждались 1 июня на бюро обкома партии. К ним относились:

- организация проживания в комнатах/палатках на 200 человек без камер для хранения личных вещей, что влекло за собой складывание ненормальных взаимоотношений, формировало «половую распущенность», способствовало кражам, хулиганству;

- отсутствие кипяченой воды и света провоцировали рост заболевания сыпным и брюшным тифом;

- невозможность полноценного отдыха после работы [1, л. 394].

Помимо проблем бытового характера были вскрыты факты неудовлетворительной организации встречи и размещения вновь прибывающих, обеспечения продуктами и питанием. В. Левкин, первый секретарь обкома ВЛКСМ, и А. Шейнин, сотрудник редакции «Комсомольской правды», выявили, что 180 человек, прибывших 25 мая из Пензы, двое суток находились на улицах [1, л. 395].

Организация питания и выдача хлеба по карточкам приводили к простоям рабочей силы, так как «в очереди за хлебом нужно было провести от 3 до 5 часов, при этом рабочий мог получить меньше положенной правительством нормы, например 25 мая было выдано на карточку только по 300 г хлеба» [1, л. 395].

Обсуждались на заседании бюро обкома ВКП(б) и принятые руководством ОСМЧ № 14 меры для ликвидации недостатков: введение института дежурных на каждые 15–20 человек в общежитиях; распоряжение управляющего Я.И. Салтыковского выдавать дважды в день горячее питание перевыполнявшим нормы выработки. Последнее мероприятие, по мнению проверявших, результатов не давало, так как из-за отсутствия стройматериалов и не налаженного учета труда существовали простои. В качестве примера приводился день проверки, когда перевыполнение плана бригадами первого участка под руководством Максименко и Петровой не было учтено отделом рабочего снабжения из-за поздней передачи сведений о дневных показателях выработки, бригады получили одноразовое питание [1, л. 396].

Усилия местных органов оказались безрезультатными, были подключены возможности Наркомстроя СССР. 13 декабря 1943 г. принят приказ за № 786 об улучшении жилищных условий для молодых рабочих в ОСМЧ № 14 и № 25. Стройтресту «Сталинградтракторострой» передавалось дополнительно к лимитированным фондам через Главприволжстрой и Главстройснаб 2 000 пар обуви, 1 000 пар валенок, 5 т ваты, 20 000 дцм хрома и 4 000 постельных принадлежностей [4], оборудование для общежитий (столы, тумбочки, умывальники, бачки для питьевой воды, корыта, тазы, мыло хозяйственное). ЦК Союза строителей отправил библиотеку и культинвентарь. На управляющего трестом возлагалась обязанность три раза в месяц организовывать баню, открыть диетическую столовую, пункты ремонта одежды и обуви, пошивочные мастерские, парикмахерские, ларьки.

Несмотря на постоянно оказываемую помощь со стороны и местных органов управления и власти, и центральных струк-

тур ситуация в Сталинграде продолжала оставаться напряженной. Так, согласно постановлению ГКО № 3230с от 22 апреля по линии ВЛКСМ в 1943 г. на стройки города должно было поступить 10 000 молодых рабочих [8, с. 116–119], однако прибыло 6 028 человек, или 60 % от ожидавшихся. При этом, встретив в городе исключительно трудные бытовые и жилищные условия, часть молодежи самовольно покинула место работы, часть была освобождена по болезни. Всего на 1 января 1944 г. осталось 4 200 человек [5].

С 1 января по 15 апреля 1944 г. по мобилизации ЦК ВЛКСМ на СТЗ и в ОСМЧ № 14 прибыло 3 420 человек в возрасте от 15 до 18 лет [6, л. 198].

К этому времени в эксплуатацию были введены три общежития – дома № 605, 614, 603; часть кадров обеспечена квартирами. В среднем на одного рабочего «Сталинградтракторостроя» приходилось 2,18 м² жилой площади, из них в общежитии 1,91 м², в квартире – 3,27 м² [7, л. 25–26]. Тем не менее руководство СТЗ и стройтреста оказались не готовы к приему нового потока трудящихся: например, прибывшие из Красноярского края 170 человек в пути истратили личные запасы финансов и продовольствия, но в Сталинграде они целый день не могли получить продукты, остались голодными, аванс им выдали только через несколько дней [6, л. 198]. С проблемой длительного ожидания распределения по жилплощади (главным образом в палатки) столкнулись и поступающие из других регионов СССР.

На 15 апреля 1944 г. в палатках проживало 753 человека, работающих в «Сталинградтракторострое» [6, л. 199]. Помимо трудностей производственного характера, этой категории трудящихся приходилось самостоятельно решать бытовые проблемы, которые должны были устранить при их поступлении на работу должностные лица: спали приехавшие на голых досках, укрывались верхней одеждой, так как матрасы и постельные принадлежности им не выдавались. Отсутствовала кипяченая горячая вода, прачечная. Появился педикулез.

Вопросы санитарного состояния общежитий молодых рабочих находились под постоянным контролем обкома ВЛКСМ. Про-

верки выявляли те же проблемы, которые отмечались и в 1943 г.: комнаты на 100–130 человек, одна койка использовалась двумя посменно работающими людьми, отсутствовало постельное белье, мебель, стены были не оштукатурены и становились мокрыми при дождливой и холодной погоде [6, л. 199].

Бытовая неустроенность, тяжелые условия труда не всегда вызывали у молодежи желание бороться с трудностями начального восстановительного этапа. При значительном количестве примеров героического труда известны и факты дезертирства: с января по 15 апреля из «Сталинградтракторостроя» самовольно ушли 840 человек. При этом нужно указать, что документы фиксировали бездушное отношение как внутри коллектива тракторостроителей, так и со стороны руководства. Работницы Ильяшевская, Коновалова, Сливинская, заболев, в течение нескольких дней не получали медицинскую и социальную помощь, их продовольственные карточки не отоваривались. Сестры Добрушкины умерли от истощения, объявив голодовку в знак протеста из-за того, что их не отпускали из Сталинграда домой в Саратовскую область [6, л. 200–201].

По мнению обкома ВЛКСМ, отсутствие разъяснительно-агитационной работы, воспитателей в общежитиях стимулировало в молодежном коллективе рост негативных явлений. Возрастная психология молодых рабочих, даже прошедших школу военного лихолетья, не позволяла изменить ситуацию только применявшимися в ОСМЧ № 14 репрессивными мерами. На СТЗ и в стройтресте в основном в борьбе с дезертирами и прогульщиками использовалась передача материалов в суд военного трибунала НКВД, к компетенции которого данные составы преступлений были отнесены. Только в 1944 г. на 15 апреля возбуждено 1 780 уголовных дел, количество прогульщиков составило 556 человек, самовольно ушедших – 1 080 человек. Военный трибунал осуждал за подобные преступления сроком от 5 до 8 лет. По СТЗ прислано 195 исполнительных листов [6, л. 201; 7, л. 31].

Обком ВЛКСМ подготовил для утверждения на заседании бюро обкома ВКП(б) перечень мероприятий по улучшению бы-

товых условий и политико-массовой работы на СТЗ и в «Сталинградтракторострое» среди молодых рабочих. Мероприятия можно было разделить на практический блок и воспитательный. К первому относились регулярный осмотр общежитий и ликвидация выявленных недостатков силами тракторного завода и стройтреста, организация декадников по уборке общежитий как формы социалистического соревнования бригад, укрепление подсобных хозяйств с помощью специальных комсомольско-молодежных бригад, бригад по ловле рыб; введение рабочего контроля в столовых, формирование с целью ограничения спекуляции (особенно продовольственными карточками) группы активистов в помощь райотделу милиции в количестве 60 человек для дежурства на базаре. Ко второй группе – открытие за Волгой двух домов отдыха для молодежи на 100 мест каждый; выделение для общежитий стройтреста 50 человек воспитателей; создание красных уголков с настольными играми (шашки, домино); проведение на районном радиоузле молодежных радиопередач, в здании механического института молодежного лектория, районных вечеров встреч трех поколений «Царицын – Сталинград – пионеры» со знатными людьми производства, Героями Советского Союза; экскурсии по героическим местам защиты Сталинграда; вывешивание на при заводской территории и площади им. Ф.Э. Дзержинского наглядной агитации с призывами преодолевать трудности; организация библиотеки, передвижных библиотек в общежитиях; использование комсомольскими организациями три дня в неделю клуба «Комсомолец» для молодежных мероприятий (массовых гуляний, просмотров кинокартин, в том числе по четвергам бесплатных, самодеятельных кружков конкурсов на лучшего плясуна, лучшую танцующую пару на площади им. Ф.Э. Дзержинского; курсов массовиков-затейников), спортивных соревнований, физкультурных праздников; коллективные выезды за Волгу [6, л. 203–209].

Осуществляя контроль над ходом выполнения данного списка мероприятий, 1 июля 1944 г. обком ВКП(б) направил в ОСМЧ № 14 специальный вопросник. Заместитель начальника треста – главный инженер т. Букштейн и начальник планового

отдела т. Князьков отрапортовали, что организованы самодеятельные кружки – духовой оркестр из 16 человек, четыре драматических в составе 37 человек, пять хоровых в составе 75 человек, три танцевальных в составе 28 человек. Также на 1 июля 1944 г. было проведено 10 выступлений самодеятельности перед рабочими, духовой оркестр играл через выходные в клубе, проводились танцевальные вечера, в общежитиях организовывались танцы под баян. Была осуществлена поездка для 600 человек для отдыха за Волгу, 20 просмотров кинокартин и 3 посещения концертов. Действовала библиотека, обслуживающая около 500 читателей, с читальным залом на 15–20 человек ежедневно [7, л. 33]. Следовательно, воспитательный блок предложенных обкомом ВЛКСМ мероприятий начал успешно осуществляться.

Активизировалось собственное строительство «Сталинградтракторостроя»: для организации подсобного сельского хозяйства тресту был передан местными властями совхоз «Донской», до 1 сентября 1944 г. сдано и запланировано к сдаче в эксплуатацию 13 домов, одно общежитие, диспансер с использованием части здания под общежитие, кинотеатр «Ударник», больница, водопроводные линии, ливневая и факельная канализация [7, л. 24–33].

Начальный период восстановительно-строительных работ в Сталинграде отличался тяжелыми социально-бытовыми условиями. Прибывающая в город молодежь сталкивалась с отсутствием жилья, бытового инвентаря, плохой организацией снабжения и труда. Героический подвиг молодых рабочих по возрождению города-героя одновременно был преодолением самого себя. Негативные моменты, к которым нужно отнести скученность проживания, кражи, дезертирство, равнодушие и пр., ликвидировались совместными усилиями хозяйственных и общественных структур. Использовалась совокупность материального и морального воздействия на молодежь, что позволило к лету 1944 г. частично решить насущные социально-бытовые проблемы.

Список литературы

1. Справка секретаря обкома ВКЛКСМ В. Левкина и сотрудника «Комсомольской правды» А. Шейнина о состоянии социально-бытового обеспечения молодых рабочих СТЗ и ОСМЧ № 14 // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). – Ф. 113. – Оп. 14. – Д. 14. – Л. 394–396 (неопubl.).
2. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). – Ф. 8590. – Оп. 2. – Д. 498. – Л. 3–21 (неопubl.).
3. Обобщенные сведения по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками предприятиям и сооружениям Тракторозаводского района // Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области : документы. – Волгоград : Панорама, 2008. – 1360 с.
4. РГАЭ. – Ф. 8590. – Оп. 2. – Д. 460. – Л. 212.
5. Из объяснительной записки к годовому отчету ОСМЧ № 14 за 1943 г. // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. 4535. – Оп. 2. – Д. 51. – Л. 54 (неопubl.).
6. Докладная записка секретаря ОК ВЛКСМ В. Левкина на имя первого секретаря обкома ВКП(б) А.С. Чуянова и секретаря И.И. Бондаря по вопросу социально-бытового обслуживания молодежи на СТЗ и в ОСМЧ «Сталинградстракторострой» в период с 1 января по 15 апреля 1944 г. : Материал к протоколу заседания бюро ОК ВКП(б) № 269 от мая 1944 г. // ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 18. – Д. 13. – Л. 198–209 (неопubl.).
7. Из ответа зам. начальника ОСМЧ «Сталинградтракторострой» – главного инженера т. Букштейна и начальника планового отдела т. Князькова на вопросник Сталинградского обкома ВКП(б) о состоянии дел в стройтресте от 01 июля 1944 г. // ГАВО. – Ф. 4535. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 24–33 (неопubl.).
8. Постановление ГКО № 3230 «О восстановлении Сталинградского тракторного завода и завода № 264 НКТП» от 22 апреля 1943 г., п. 37 // Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны (1943–1945) : док. и материалы. Т. 9 (2). – Волгоград : Издатель, 2011. – 788 с.

**THE ISSUES OF SOCIAL SUPPORT
OF YOUNG WORKERS AT THE INITIAL STAGE
OF THE RECONSTRUCTION OF STALINGRAD
(BY THE EXAMPLE OF CONSTRUCTION TRUST
COMPANY NO. 14 "STALINGRADTRAKTOROSTROY")**

Pishchulina Svetlana Yurevna

Candidate of Science (History), Head of the Chair
of Theory and History of State and Law,
Volzhsky Branch of the International Law Institute
supishulina@mail.ru
Bolshevistskaya St., 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation

Abstract. The initial stage of the reconstruction works in Stalingrad is characterized by severe social conditions. The youth arriving in the city faced housing and housekeeping equipment shortage, bad supply and labour management. The heroic efforts of the young workers to reconstruct the hero city were very challenging. Some adverse circumstances, such as congestion of population, thefts, desertion, indifference and so forth, were overcome by the joint efforts of the economic and public structures. The set of material and moral incentives for the youth had relieved a number of social problems by the summer of 1944.

Key words: the reconstruction of Stalingrad, the youth, social welfare services, construction trust companies.

УДК 94 (470.45): 341.341

ББК 63.3 (2Р – 4Вор), 7

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СТАЛИНГРАДЕ

Руссу Оксана Дмитриевна

Кандидат философских наук, доцент
кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Волжского филиала Международного юридического института
od_russu@mail.ru
ул. Большевикская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется положение и социальная защита пленных военнослужащих армий вермахта и его союзников на территории Сталинграда и области в годы Сталинградской битвы, а также после ее окончания. На основе архивных документов и материалов, воспоминаний пленных солдат рассматриваются условия содержания, медицинское обслуживание, питание, быт и досуг пленных солдат противника. Раскрывается отношение к военнопленным со стороны работников лагерей, простых граждан.

Ключевые слова: военнопленные, лагерь, продовольственное снабжение военнопленных, медицинское обслуживание военнопленных, быт и досуг военнопленных.

Зимой 1943 г. после капитуляции большинство солдат вермахта оказались в плену, пережив голод и холод «котла». Следует отметить, что руководство области и страны в целом оказалось неподготовленным к приему такого большого количества пленных (ориентировочно 239 775 человек было взято в плен за весь период Сталинградской битвы). Приходилось перестраиваться достаточно быстро с учетом особенностей военного времени. Необходимо учитывать также, что до начала боевых действий на территории области работники Управления наркомата внутренних дел по Сталинградской области не имели опыта работы с военнопленными [1, с. 8]. В этих условиях, начиная с августа 1942 г. по июнь 1943 г., на территории области стали создаваться лагеря

для военнопленных. Приходилось тяжело как самим военнопленным, так и работникам лагерей. Трудности были с размещением (пленные первое время располагались под открытым небом, в разрушенных помещениях, в подвалах домов), медицинским обслуживанием (нехватка медицинского персонала, медикаментов, необходимого оборудования и специализированных помещений), питанием, вещевым довольствием. В условиях разрухи руководство лагерей должно было в кратчайшие сроки решить обозначенные проблемы. И все это на фоне довольно бедственного положения гражданского населения.

Несмотря на все трудности, положение лагерей для военнопленных постепенно улучшалось. Решался вопрос с размещением. Хозяйство области медленно восстанавливалось. Пленных размещали в кирпичных, каменных зданиях, деревянных бараках, оборудованных землянках. Все зависело от места дислокации лагеря. Поскольку большая часть военнопленных размещалась в сильно разрушенном г. Сталинграде, то приходилось использовать все подходящие помещения. Только к 1946 г. лагерям удалось разместить всех военнопленных либо в бараках, либо в землянках. Каждое помещение оборудовалось сушилкой для одежды и обуви.

На территории лагерей, как правило, располагались кухни-столовые, бани с дезокамерами. Санитарное состояние помещений можно назвать удовлетворительным: наблюдается регулярное мытье полов, влажная дезинфекция помещений хлорной известью. В зимнее время администрация лагерей следила за тем, чтобы температура в помещениях не опускалась ниже 16 °С.

Для оказания медицинской помощи и лечения ряда заболеваний в лагерях предусматривались лазареты, амбулатории и медицинские пункты. Однако подобные структуры не всегда имелись в лагерях, а если и были, то нередко находились в плачевном состоянии. Так, согласно докладной записке начальника лагеря № 123 майора госбезопасности Н.Б. Батенкова в УПВИ НКВД СССР и УНКВД по Сталинградской области о состоянии лагеря на 25 марта 1943 г., «при лагере развернут лазарет на 150 коек». Однако «лазарет не имеет простыней, халатов, тапо-

чек и нательного белья. Зубной кабинет и клиническая лаборатория при лагере не организованы из-за отсутствия медоборудования. Аптечного склада из-за отсутствия медикаментов нет. Амбулатория тоже почти не оборудована» [1, с. 101]. Остро ощущалась нехватка медицинского персонала. Часто врачи отказывались работать с военнопленными из-за боязни заразиться. К лечению больных привлекались врачи из числа военнопленных. Аналогичная ситуация наблюдается и в других лагерях.

Тем не менее для оказания медицинской помощи военнопленным использовались все возможные ресурсы, которыми обладали лагерь, приемные пункты и госпитали, как в военное время, так и после окончания войны.

Одной из самых сложных проблем была проблема с продовольственным обеспечением военнопленных. 5 декабря 1942 г. было принято постановление о нормах снабжения военнопленных продуктами. Ежедневная раскладка включала в себя: хлеб ржаной, муку, крупы и макароны, мясо и рыбу, жиры, сахар, соль, овощи. [2, с. 277]. Была введена отдельная норма для питания военнопленных, больных дистрофией. Безусловно, эти нормы полностью не соблюдались. Отмечалась нехватка овощей, молочных продуктов, масла. Однако пленные имели возможность получать горячую пищу, качество которой проверялось дежурным врачом. В ряде случаев для восполнения недостатка витаминов пленным выдавали хвойный настой. Зачастую снабжение военнопленных продуктами питания было намного лучше, чем снабжение жителей Сталинграда.

К марту 1945 г. рацион питания пленного увеличился на 524 ккал, а для занятых на тяжелых работах – на 775 ккал. Чтобы избежать авитаминоза, от управления лагерей требовалось более полно использовать местные ресурсы (дикорастущую зелень, мясо ракушек и пр.), а также подсобные хозяйства лагерей [1, с. 22]. Особенно тяжелыми были осень – зима 1946–1947 годов. Засуха и неурожай привели к голоду, в результате были ликвидированы надбавки к нормам овощей, хлеба, крупы. Отменялось дополнительное питание для всех военнопленных. Ситуация стабилизировалась лишь к концу 1947 года. Начиная с 1948 г., в лагерях были

открыты специальные ларьки, в которых военнопленные могли приобрести дополнительные продукты питания.

С 1943 г. в Сталинграде начались восстановительные работы, в связи с чем увеличивался спрос на труд военнопленных. Привлечение военнопленных к труду осуществлялось в соответствии с «Положением о военнопленных» (1941 г.) и приказом НКВД СССР № 00675 (1943 г.), которые определяли порядок трудового использования военнопленных [5, с. 79]. После войны к обозначенным документам добавилось «Положение о трудовом использовании военнопленных» (1945 г.). На военнопленных, привлекаемых к работам, распространялись законы по охране труда и о рабочем времени, применяемые к советским гражданам. Привлечение военнопленных к труду на каком-либо предприятии осуществлялось в соответствии с договором между предприятием и руководством лагеря. Для военнопленных устанавливался 8-часовой рабочий день, с 4 выходными днями в месяц. Труд военнопленных оплачивался по тем же нормам выработки и расценкам, что и для вольнонаемных рабочих [5, с. 80]. В целях повышения производительности труда к военнопленным применялись различные системы поощрения, среди которых особо стоит отметить: улучшение условий быта, дополнительная норма хлеба, махорки и пр. Справедливости ради следует отметить, что далеко не все эти положения выполнялись, особенно в военное время.

Организацию трудового использования военнопленных, контроль за соблюдением рабочих норм, режима охраны санитарных условий на производстве, а также решение иных вопросов, связанных с использованием трудовых ресурсов военнопленных, осуществлял отдел по делам военнопленных и интернированных в УМВД по Сталинградской области. Постоянно проводились проверки трудового использования военнопленных в лагерях. Среди самых распространенных нарушений можно назвать следующие: использование больных на тяжелых работах, самовольное увеличение рабочего дня до 10 часов, отмена дней отдыха, отсутствие надлежащего медицинского обслуживания, замена свежего хлеба сухарями.

Вместе с тем положение военнопленных в ряде случаев было значительно лучше, чем положение жителей разрушенного Сталинграда.

Из воспоминаний немецких военнопленных офицеров о боевых действиях и окружении немецких войск под Сталинградом: «После тяжелых, полных лишений дней и недель мы прибыли в лагерь № 97, в котором мы видели возможность постепенно подкрепить свой изголодавшийся организм. Пропагандированные немцами ужасы русского плена оказались обманом, не имеющим себе равного. Хорошее питание, приличное помещение и все, что нас могло сделать здоровыми, нам здесь предоставляется... Сегодня мы все ясно признаем, что Сталинград и плен отличаются друг от друга как день и ночь, там голод и смерть, здесь начало новой жизни» (обер-лейтенант Готфрид Келлер) [1, с. 935]. Действительно, находясь в кольце, солдаты немецкой армии иногда по нескольку дней не получали довольствия, да и нормы продовольственных пайков были значительно сокращены. «Вследствие падения Питомника с его аэродромом положение со снабжением становилось все более катастрофическим. Нам была установлена ежедневная норма, состоявшая из 50 грамм мяса или жира и 50 грамм хлеба... Положение становилось все более безнадежным и стало ясно, что попытка сдаться в плен делает возможным спасти жизнь... В лагере я нашел такие условия, которые могут поставить больного на ноги, я болел сыпным тифом и очень сильно похудел. Я надеюсь, что получаемая мною ежедневная норма в лагере 750 г хлеба, 50 г масла, 65 г сахара, утром суп или каша, в обед суп и каша, вечером суп или каша – снова поставят меня на ноги. При этом хочется указать, что жилищные и прочие условия жизни здесь, в лагере № 97, способствуют укреплению моей надежды» (военный инспектор интендантства арм. стр. ед. 112 Шваб Вильгельм) [1, с. 936]. «Каждую неделю баня с переменной белья, белое постельное белье, подушка, матрац, одеяло, топчан. Свободное время заполняет утренний спорт, библиотека, вечера бесед. Регулярная дезинфекция, врачебное наблюдение, выдача медикаментов в случаях тяжелых заболеваний заставляют почти за-

быть, что мы находимся в русском плену...» (лейтенант 14-го танкового корпуса Ганс Крюгер) [1, с. 937].

Для сравнения давайте посмотрим, в каких условиях содержались советские военнопленные. На оккупированной немецкими войсками территории Сталинградской области располагалось 47 лагерей советских военнопленных [4, с. 252]. На привилегированном положении находились лишь те, кто соглашался сотрудничать с немцами. Таким военнопленным разрешалось, например, свободно передвигаться по населенному пункту, получать продовольственный паек, медицинскую помощь. Условия содержания тех, кто оставался верен Родине, с полным правом можно назвать бесчеловечными. Медицинская помощь не оказывалась (при этом большинство солдат, попавших в плен, были ранеными, контуженными); рацион питания был довольно скудным, в ряде случаев пленным даже не выдавали воды, обрекая людей на смерть от голода и жажды. Большинство узников ежедневно работали на строительстве оборонительных укреплений и иных объектов. Рабочий день составлял примерно 12–14 часов в сутки, иногда и более. При этом размещались военнопленные в помещениях, не пригодных для жизни с точки зрения санитарно-гигиенических условий. Военнопленных размещали на летних скотных базах (солному стелить запрещали, люди спали на земляном полу в таком виде, в каком он остался после угона оттуда скота), в старых амбарах, коровниках, землянках. Все это сопровождалось зверским отношением к узникам со стороны немецких конвоиров (избиение; изъятие с наступлением морозов обуви и одежды, не случайно наибольшая смертность приходится на зимние месяцы; массовые расстрелы и пр.). Многие узники заслуживают не только нашего сострадания, но и восхищения за стойкость, мужество, за верность присяге и Родине.

Отношение к военнопленным гитлеровцам со стороны гражданского населения было неоднозначным. Большинство людей относилось к ним довольно сдержанно. Были те, кто испытывал к тяжело больным немецким солдатам сострадание и оказывал посильную помощь: кормил, убирал, лечил. «Некоторые советские граждане видели в нас своих, возможно павших, сыновей.

Исключая отдельных случаев, нигде ни одного взгляда ненависти... У людей младшего возраста – ненамеренное равнодушие» (в/п Улеман, Манфред) [1, с. 954]. По замечанию одного из военнопленных, «русские оказались людьми с неожиданно порядочным характером. Русский народ ничего больше не требовал от военнопленных, как только восстановления части разрушенного» [1, с. 955]. Хотя, несомненно, встречалось и иное отношение. Согласно донесению начальника приемного пункта № 48 (Воронежский фронт) в Управление МВД СССР по делам военнопленных: «Положение с питанием крайне тяжелое... Отчасти из-за удаленности складов, а главным образом из-за нежелания кормить военнопленных...» Далее в рапорте указывается, что «эвакуация военнопленных с передовой производится отвратительно. По дороге военнопленных раздевают все кому не лень... 75 % военнопленных пребывают босые, 25–30 % – раздетые. Продовольствия нет, помещений тоже» [1, с. 76].

Россия – удивительная страна. Страна, где на первое место всегда выдвигались идеалы сострадания, добра, нравственной чистоты. Страна, которая в стремлении к милосердию забывала о своем собственном народе, обрекая его на страдания и боль. Ибо война легла тяжелым бременем на измученный голодом, холодом, кровопролитием народ, нашедший в себе силы понять и простить тех, кто лишил их дома, семьи, любви.

Список литературы

1. Военнопленные в СССР, 1939–1956 гг. : Документы и материалы / под ред. М. М. Загорюлько. – Волгоград : ГУ «Издатель», 2003. – 1160 с.
2. Крылова, Н. Б. Между жизнью и смертью: состояние военнопленных 6-й немецкой армии / Н. Б. Крылова // Сталинградская битва: материалы научных конференций. – Волгоград : СТ «Вале», 1994.
3. Кузнецов, Н. В. Обеспечение населения Сталинграда продовольствием в 1943–1945 гг. / Н. В. Кузнецов // Окончание войны в Сталинграде и Кельне, 1943–1945 гг. : материалы науч. конф, Волгоград, апр. 1995 г. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997.

4. Поздин, С. В. Советские военнопленные на Сталинградской земле / С. В. Поздин // Сталинградская битва : материалы науч. конф. – Волгоград : СТ «Вале», 1994.

5. Сидоров, С. Г. Использование труда военнопленных на восстановлении Сталинграда в 1943–1949 гг. / С. Г. Сидоров // Окончание войны в Сталинграде и Кельне, 1943–1945 гг. : материалы науч. конф., Волгоград, апр. 1995 г. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997.

THE SOCIAL ISSUES OF TREATMENT OF PRISONERS OF WAR IN STALINGRAD

Russu Oksana Dmitriyevna

Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor
of the Chair of Humanities and Science Education
of the International Law Institute (Volzhsky affiliate)
od_russu@mail.ru
Bolshevistskaya St., 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation

Abstract. The paper focuses on the situation and social protection of the prisoners of war of the Wehrmacht and its allies in Stalingrad and its region during and after the Battle of Stalingrad. On the basis of the archival documents and records, memories of the captured soldiers the article reveals the conditions, medical care, food, life and leisure activities of the prisoners of war of the opponents, shows the attitude of the camp workers and ordinary people to the prisoners of war.

Key words: prisoners of war, camp, food supply of prisoners of war, medical care of prisoners of war, life and leisure activities of prisoners of war.

УДК 94(470.5)

ББК 63.3(235.55)622

**«СТИСНУТЬ ЗУБЫ, ДА ТЕРПЕТЬ...»
МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ТРУДЯЩИХСЯ УРАЛА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Сперанский Андрей Владимирович

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий сектором политической и социокультурной истории
Института истории и археологии Уральского отделения РАН
avspersky@mail.ru
ул. Софьи Ковалевской, 16, 620990 г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье показано, что достижения уральской промышленности военной поры во многом определялись самоотверженным трудом рабочих и инженерно-технических работников, их героическим терпением и умением преодолевать материально-бытовые неурядицы. Проанализированы формы централизованного планирования и командно-административного распределения продовольственных ресурсов, промышленных товаров и предметов культурного назначения. Отражен процесс развития источников децентрализованного снабжения трудящихся. Сделан вывод, что их умелое сочетание в совокупности с трудовым подъемом населения в значительной мере способствовали индустриальному рывку Уральского региона в военный период.

Ключевые слова: промышленность, рабочие, инженерно-технические работники, заработная плата, продовольствие, карточная система, отдел рабочего снабжения, торговля, спецраспределитель.

Великая Победа была достигнута колоссальным напряжением сил всей Советской страны, называвшейся СССР. Каждый ее регион внес свой конкретный вклад в общее дело отражения смертельной опасности. Однако Урал, сыгравший в годы суровых испытаний решающую роль «опорного края державы», по праву занимает особое место в истории Великой Отечественной

войны. Будучи в первую очередь мощной индустриальной базой, он на протяжении всех военных лет представлял собой «становой хребет» государства, победившего «коричневую чуму».

В годы войны на заводах и фабриках края трудилась 1/5 всех промышленных рабочих страны, обеспечивших превышение довоенного уровня выпуска промышленной продукции в 3,6 раза. Доля Урала в производстве электроэнергии СССР в 1945 г. составила 28,3 % против 12,8 % от уровня 1940 года. Добыча угля увеличилась в 2,2 раза, нефти – в 1,2 раза, газа – в 8,8 раз, торфа – в 1,5 раза. Металлурги выплавляли 58 % чугуна и свыше 50 % стали, производившихся в стране. Урал был единственным поставщиком магнетита, многих легких металлов. Он стал основным арсеналом армии. За годы войны выпуск оборонной промышленности увеличился здесь в 6 раз. На долю региона приходилось до 40 % военного производства страны. Промышленность Урала давала 2/3 выпускавшихся в СССР танков, что превышало производство этого вида вооружений всей Германией [1, с. 41, 49, 50, 77, 109, 110; 6, с. 274; 9, с. 143, 149, 240].

Все обозначенные выше достижения уральской промышленности в условиях военного лихолетья базируются в первую очередь на самоотверженном труде рабочих и инженерно-технических работников, их героическом терпении и умении преодолевать материально-бытовые неурядицы. Основопологающим фактором, определявшим мотивацию трудовой деятельности, выработавшим нормы поведения миллионов уральцев в экстремальных условиях, было неистребимое желание сделать все возможное и невозможное для достижения Победы. Лозунг «В тылу, как на фронте!» стал прочным фундаментом героического труда и самопожертвования жителей Урала в годы войны.

В целях обороны Советское государство стремилось максимально использовать народный энтузиазм, замешанный на предельной самоотдаче и творческой инициативе, активно используя при этом и административно-репрессивные меры ужесточения производственной дисциплины. Поэтому в военный период произошло существенное усиление государственной эксплуатации

всех производящих социальных групп, значительное удешевление стоимости рабочей силы. Не располагая экономическими рычагами регулирования производственными и социальными процессами, сталинский режим расточительно расходовал рабочий потенциал, способствовал его повышенному изнашиванию. Обозначенная тенденция напрямую проявлялась в сфере материально-бытового обеспечения трудящихся.

В течение войны заработная плата номинально росла. К 1944 г. среднемесячный оклад рабочих в промышленности вырос по сравнению с 1940 г. с 375 до 573 руб., то есть на 53 %. На Урале, где сосредоточился значительный контингент квалифицированной, высокооплачиваемой рабочей силы, прирост был еще больше и составлял 65 % [1, с. 117, 118]. Однако, стремясь получить дополнительные средства на финансирование военных расходов и уменьшить платежные суммы, не имеющие товарного покрытия, государство параллельно с повышением заработной платы многократно увеличило налоги и другие отчисления с граждан. В результате к 1944 г. объем налоговых поступлений от населения Урала вырос по сравнению с довоенным периодом в 3,7 раза. Если прибавить к этому обязательные безвозвратные изъятия в виде госзаймов и денежно-вещевых лотерей, а также взлет рыночных цен, то получится, что реальная заработная плата в уральской промышленности к концу войны не выросла, а наоборот – сократилась почти на 60 % [4, с. 235].

Явно недостаточная оплата труда дополнялась общим сокращением потребительских ресурсов, что определяло возникновение острых социальных противоречий. Чрезвычайный характер приобрела в военный период продовольственная проблема. Производство и потребление продуктов питания в уральских областях и республиках за годы войны по сравнению с 1940 г. уменьшилось почти в 2 раза. Для удовлетворения жизненных потребностей людей, занятых в промышленности, была введена карточная система. Норма рабочих I категории, трудившихся на оборонных заводах, составляла 2 кг мяса, 600 г жиров, 1,5 кг крупы или макаронных изделий в месяц и 700 г хлеба в сутки. Работники всех остальных промышленных предприятий, отнесенные ко II ка-

тегории, получали 1,8 кг мяса, 400 г жиров, 1,2 кг крупы или макаронных изделий в месяц и 600 г хлеба в сутки. Суточная хлебная карточка для детей и иждивенцев составляла 400 г. Нормированное распределение продуктов питания осуществлялось через государственную торговлю, однако из-за нехватки продовольствия карточки почти постоянно не отоваривались полностью. Кроме того, на большинство видов продовольствия фонды ежегодно снижались. Уже к концу 1941 г. из системы государственной торговли полностью исчезли овощи, картофель, фрукты, ягоды, молочные продукты.

Чтобы как-то улучшить ситуацию с продовольствием, на предприятиях создавались отделы рабочего снабжения, при которых организовывались подсобные хозяйства, магазины и столовые. К концу войны практически все уральские предприятия и многие организации имели свои ОРСы, превратившиеся, по сути дела, в крупные заводские цеха по производству продуктов питания. Наиболее весомым был удельный вес ОРСов в поставках рабочим и служащим картофеля и овощей. К примеру, в Удмуртии он составлял соответственно 45 % и 70 % от их общего потребления. Через отделы рабочего снабжения шло распределение и централизованных фондов. Так, ОРСы Челябинской области имели в своем распоряжении 413 магазинов, 346 столовых, что составляло 1/3 торговой сети и 1/2 сети общепита всей этой территории. Через эту систему в области проходило 70 % всех товарных ресурсов. По уральскому региону эта цифра составляла 45 %, в то время как по СССР она не превышала 28 %.

Деятельность ОРСов как формы закрытого ведомственного снабжения имела и ряд негативных моментов. Очень часто они становились инструментом незаконного перераспределения потребительских товаров. Практика недоснабжения рабочих и переснабжения «командиров производства» хоть и осуждалась партийно-государственными органами в различных постановлениях, но имела самое широкое распространение во всех областях и республиках Урала. Серьезным упреком в адрес ОРСов является и то, что многие из них занимались лишь перераспределени-

ем централизованных поставок, игнорируя свою главную функцию – создание и использование децентрализованных источников снабжения [5, с. 89, 91; 8, л. 5].

Недостаток продовольствия в какой-то мере можно было компенсировать через коммерческую и рыночную торговлю. Сеть коммерческих магазинов и ресторанов, созданная в 1944–1945 гг. в крупных городах Урала, легализовала нерегламентированный потребительский стандарт, отвлекала часть платежеспособного спроса из сферы нормированного снабжения, но была недоступна основной массе трудящихся, имевших низкие доходы. Рыночная торговля развивалась с использованием разных экономических рычагов. Колхозная торговля оставалась способом административно-командной перекачки сельхозпродукции, альтернативу государственному распределению обеспечивал «черный» рынок. Цены на нем по сравнению с довоенными к 1943 г. в среднем выросли в 13 раз. При среднемесячной зарплате квалифицированного рабочего оборонного предприятия в 573 руб. на уральских рынках 1 кг масла в среднем стоил 793 руб., 1 кг говядины – 314 руб., булка пшеничного хлеба (0,7 кг) – 400 руб., десяток яиц – 198 руб., 1 кг ржаной муки – 158 руб., 1 л молока – 87 руб., 1 кг картофеля – 45 руб., 1 кг капусты – 43 руб. Самый высокий взлет цен в годы войны отмечался на базарах Свердловска, где стоимость ржаной муки по сравнению с июнем 1941 г. увеличилась в 125 раз, пшеничной – в 29, картофеля – в 71, говядины – в 18, сливочного масла – в 29, молока – в 40, яиц – в 25 раз. Дороговизна заставляла большую часть населения попросту отказываться от многих продуктов. К примеру, покупка овощей, фруктов, ягод, молока, масла, мяса, сала сократилась по сравнению с 1940 г. в 15–20 раз. В основном на рынке приобретались дополнительно к карточным пайкам, отоваренным по твердым государственным ценам, хлеб, масло, сахар, что «съедало» до 85 % бюджета семьи.

Поскольку потребности населения путем централизованного снабжения продуктами обеспечивались не полностью, а рынок для большинства был просто недоступен, на Урале в годы войны активно развивались источники децентрализованного снабжения:

подсобное хозяйство и индивидуальное огородничество. За военный период посевные площади личных хозяйств населения региона увеличились на 44,8 % (с 301,2 тыс. до 436,4 тыс. га). Наиболее высокие темпы их прироста наблюдались в Челябинской (в 2,1 раза), Свердловской (в 1,9 раза), Курганской (в 1,8 раза) областях. Индивидуальное выращивание картофеля и овощей для многих семей часто было единственным способом выживания [2, с. 87–89 ; 5, с. 108; 7, с. 170, 171].

Несмотря на то, что структура питания населения Урала значительно ухудшилась, общее количество потребляемых продуктов все же позволяло минимально удовлетворить жизненные потребности людей и исключало возможность массового голода в регионе. Однако его локальные очаги повсеместно наблюдались в северных районах края с традиционно сложными географо-климатическими условиями, отдаленных от промышленных центров, чье развитие во многом зависело от централизованного продовольственного снабжения. Замкнутость, нарушение транспортных коммуникаций, высокие сельскохозяйственные налоги привели к вспышкам голода в Буткинском, Манчажском, Алапаевском районах Свердловской области и ряде территорий Башкирии и Удмуртии. Голод коснулся прежде всего наиболее незащищенных и уязвимых социальных слоев общества: детей, престарелых, рабочих, прибывших по оргнабору из Средней Азии и Казахстана [3, с. 91, 92].

В тяжелые дни войны в Уральском регионе имело место заметное сокращение производства промышленных товаров и предметов культурного назначения. Следствием этого было то, что многократно уменьшилось и приобретение уральцами непродовольственных товаров. За годы войны, в сравнении с довоенным периодом, покупка тканей снизилась в 10–12 раз; обуви – в 3–4 раза; керосина – в 40–120 раз; дров, хозяйственного мыла – в 2–3 раза. Даже на самых важных военных заводах работники не были в достатке обеспечены предметами повседневного обихода. До жителей сельской местности промтовары практически не доходили. Особенно наглядно проявлялась нехватка обуви. Это приводило к тому, что на ряде предприятий

создавались мастерские по производству лаптей. К примеру, на Ижевском машиностроительном заводе ежемесячно выпускалось до 10 тыс. пар этой необычной продукции. В то же время те социальные слои, которые реально контролировали товарные ресурсы (партийно-государственная номенклатура и небольшой круг деятелей культуры, ее обслуживающих) могли в полной мере удовлетворить свои потребности через систему закрытых магазинов, столовых и спецраспределителей. На фоне общих лишений и тотального дефицита их высокий жизненный уровень выглядел аномалией.

Резкое понижение уровня материально-бытового обеспечения населения Урала сочеталось в годы войны с увеличением трудовой нагрузки, регулируемой целым рядом чрезвычайных законов. На их основе вводились обязательные сверхурочные работы от 1 до 3 часов, отменялись очередные отпуска. Рабочие оборонных предприятий переводились на положение мобилизованных. Самовольный уход с работы или опоздание более чем на 20 минут рассматривались как дезертирство и решением военных трибуналов карались тюремным заключением в соответствии с Указом от 26 декабря 1941 года. За годы войны на Урале в «указники» попали несколько тысяч человек, в том числе большое количество подростков 14–16 лет. Различного рода административные и общественные взыскания предусматривались также за мелкие нарушения производственной дисциплины, невыполнение плановых заданий, срыв графика работ и т. п. [6, с. 278, 279].

Значительная интенсификация трудовых затрат в условиях массового обнищания и государственного прессинга крайне неблагоприятно воздействовала на психику тружеников тыла, порой порождала факты социального пессимизма, попытки уклониться от обязанностей, стремление пьянством ослабить негативное воздействие реальной действительности, обуславливала антиобщественное поведение, осложняла криминогенную ситуацию. Однако отрицательные явления общественной жизни, объективно порожденные условиями войны, не становились необратимой тенденцией. Подавляющее большинство уральцев, выполняя свой

долг перед Родиной, проявляли удивительную выносливость и самоотдачу, жертвовали собой без остатка для достижения общей победы.

Обозначенные процессы, проходившие в уральской промышленности в годину суровых испытаний, конечно, не сломали утвердившихся еще в довоенный период форм командно-административного руководства, полностью сохранив централизованное планирование и распределение. Их умелое использование в экстремальных условиях военного времени в сочетании с трудовым подъемом населения дало положительный эффект, обеспечив индустриальный подъем Урала и превращение его в «становой хребет» обороны СССР.

Список литературы

1. Вознесенский, Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. – М. : Госполитиздат, 1947. – 192 с.
2. Денисевич, М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале / М. Н. Денисевич. – Екатеринбург : УрО АН СССР, 1991. – 196 с.
3. Денисевич, М. Н. Война и голод / М. Н. Денисевич // Урал в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. – Екатеринбург : УрО РАН, 1995. – С. 89–93.
4. Малафеев, А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.) / А. Н. Малафеев. – М. : Мысль, 1964. – 439 с.
5. Палецких, Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких. – Челябинск : ЧГАУ, 1995. – 242 с.
6. Сперанский, А. В. Опорный край державы / А. В. Сперанский // Урал в панораме XX века. – Екатеринбург : СВ-96, 2000. – С. 264–288.
7. Сперанский, А. В. Работник и воин / А. В. Сперанский // Екатеринбург : Исторические очерки. – Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 1998. – С. 165–177.
8. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГАУР). – Ф.Р-1497. – Оп. 1. – Д. 27 (неопубл.).
9. Чадаев, Я. Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Я. Е. Чадаев. – М. : Мысль, 1965. – 390 с.

**"GRIT TEETH AND SUFFER..."
MATERIAL AND SOCIAL SECURITY OF WORKERS
IN THE URALS DURING GREAT PATRIOTIC WAR**

Speransky Andrey Vladimirovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Head of Department of Political and Socio-Cultural History,
Institute of History and Archaeology, Ural Branch
of Russian Academy of Sciences
avsperansky@mail.ru
Sofia Kovalevskaya St., 16, 620990 Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The paper shows that achievements of Ural industry during wartime were largely determined by selfless labour of workers and engineers as well as their heroic patience and skill to overcome lack of money and common household hardship. The paper analyzes forms of central planning and command-administrative distribution of food resources, industrial goods, and cultural goods. The paper also reflects development of decentralized sources of supply for workers. It is concluded that skillful combination of these factors, coupled with rise of labour enthusiasm, had contributed significantly to the industrial breakthrough of Ural region during the war.

Key words: industry, workers, engineers and technical workers, wages, food rationing system, supply department for workers, trade, *spetsraspredelitel'* (special distribution center).

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Клепиков В.М. «АМАЗОНКИ» РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ.....	3
Скрипкин А.С. ИЗ ИСТОРИИ САРМАТСКОГО КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ	10
Дьяченко А.Ю. ГВАРДИЯ ОКТАВИАНА АВГУСТА И ЕЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ.....	18
Куликова Ю.В. КТО РАЗГРОМИЛ ЮТУНГОВ? К СОБЫТИЯМ СЕРЕДИНЫ III ВЕКА.....	28
Кривошеев М.В., Балабанова М.А., Перерва Е.В. К ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ СТОЛКНОВЕНИЯХ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В III – IV ВВ. Н. Э.	38
Кириченко Д.А. ВОЕННОЕ ДЕЛО КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ	50
Стельник Е.В. СИМВОЛИКА ОРУЖИЯ В АКРИТСКИХ ПЕСНЯХ X – XII ВЕКОВ	57
Лысиков П.И. К ПРОБЛЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ И РОЛИ НАЕМНЫХ ВОЙСК В СОСТАВЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ДВУХ АНДРОНИКОВ В ПЕРИОД «МЕЖДОУСОБИЦЫ» (1321 – 1328 ГГ.)	67
Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ И ВРЕМЕНИ ЗАХВАТА ЗОЛОТООРДЫНЦАМИ ЧУФУТ-КАЛЕ	79

Золотовский В.А.

ВОЕННО-ТАКТИЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
РАННЕПАЛЕОЛОГОВСКОГО ПЕРИОДА 89

Лещева Я.И.

НЕБЕСНОЕ ВОИНСТВО. ОСОБЕННОСТИ
ИКОНОГРАФИИ АРХАНГЕЛОВ С ЗЕРЦАЛОМ
В ВИЗАНТИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЖИВОПИСИ
(VI – XVI вв.) 104

Рыбалко Н.В.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА
КАК ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В РОССИИ ПЕРИОДА МЕЖДУЦАРСТВИЯ 113

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Кузнецов О.В.

ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
КОНСЕРВАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ
РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 123

Иванюк С.А.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫЙ РЕЙД
В ИСТОРИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА
РУССКОЙ АРМИИ 136

Кочуков С.А.

«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»
В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
В ОТНОШЕНИИ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
1877 – 1878 ГОДОВ 152

Вахрушева И.В.

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ
В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 159

Луночкин А.В.

У ИСТОКОВ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ:
ГАЗЕТА «ГОЛОС» И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА
1877 – 1878 ГОДОВ 167

Гребенкин А.Н.	
ЗНАМЕНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	174
Годовова Е.В.	
СТРАНИЦЫ КАЗАЧЬЕЙ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ОСНОВЕ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДОНСКОГО КАЗАКА В. БАХТУРОВА)	187
Кулегин А.М.	
ЖЕНСКИЕ БАТАЛЬОНЫ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 ГОДУ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	193
Маркарян Г.Г.	
САРЫКАМЫШСКОЕ СРАЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМА ГЕНОЦИДА АРМЯН	205
Рябая С.А.	
ПОМОЩЬ БЕЖЕНЦАМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)	211
Станков К.Н.	
БРИТАНСКАЯ АРМИЯ ПРИ ЯКОВЕ II (1685–1688 гг.)	221
Гордиенко Д.О.	
«ХРАБРОСТЬ ЯВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛЬНОЮ»: СТЮАРТЫ XVII ВЕКА НА ПОЛЕ БОЯ	234
Соков И.А.	
К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ КАНАДСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	243

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Аронова О.В.	
ОБРАЗ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ В ФИЛЬМЕ РЕЖИССЕРА ЙОЗЕФА ВИЛЬСМАЙЕРА «СТАЛИНГРАД»	253
Арпентьева М.Р.	
СОВРЕМЕННЫЙ ФАШИЗМ И РОССИЯ: 70 ЛЕТ СПУСТЯ	259

Архипова Е.В.

ТРУДНОСТИ И РАДОСТИ
ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕТСТВА
В СТАЛИНГРАДЕ 270

Веригин С.Г.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ
НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ (ЛЕТО 1941 г. – ОСЕНЬ 1944 г.) ... 279

Воронцова Е.А.

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА
В СРЕДЕ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ XXI ВЕКА 292

Губаненкова С.М., Сорока И.А.

К ВОПРОСУ О РОЛИ РОССИИ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ:
СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ... 297

Иванова М.С.

УРОВЕНЬ ЗНАНИЙ ПЕРВОКУРСНИКОВ
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ) 305

Коршунов Э.А., Михайлов А.А.

РУЖЕЙНЫЕ МОРТИРКИ ДЛЯ МЕТАНИЯ БУТЫЛОК
С ЗАЖИГАТЕЛЬНОЙ СМЕСЬЮ И АМПУЛОМЕТЫ
НА ВООРУЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ АРМИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 311

Сидоров С.Г.

ОТНОШЕНИЕ РУКОВОДСТВА СССР
К ИНОСТРАННЫМ ВОЕННОПЛЕННЫМ 322

Синицын Ф.А.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СССР
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ
В ПЕРИОД КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
(НОЯБРЬ 1942 г. – ДЕКАБРЬ 1943 г.) 333

Стрелец М.В.

ТЕАТРЫ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
К ВОПРОСУ О РОЛИ МАРШАЛА А.М. ВАСИЛЕВСКОГО 344

Филоненко В.И., Никулина М.А.	
СЕМЬЯ И ШКОЛА КАК АГЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	356
Цыплин В.Г.	
КАК ЭТО БЫЛО. О МАЛОИЗВЕСТНЫХ ЛИКАХ ВОЙНЫ И ЛЮДСКОМ ЗАБВЕНИИ	365
Юркевич К.Ю., Синицын В.Д.	
ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЗВОЗВРАТНЫХ И САНИТАРНЫХ ПОТЕРЬ СССР И ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	373
Якунин В.Н.	
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1989 – 2014 гг.)	386
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	
Бирюков Д.М.	
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВОЕННЫЕ УГРОЗЫ И РИСКИ	396
Быстрова И.В.	
«ЧУДО ВОЙНЫ СТАЛИНГРАД» (СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА ГЛАЗАМИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ СОЮЗНИКОВ)	401
Голуб Ю.Г.	
ПЕРЕГОВОРЫ И.В. СТАЛИНА С С. КРИППСОМ, ИЮЛЬ 1941 ГОДА. НОВЫЕ АКЦЕНТЫ	411
Колесников Б.В.	
М.Р. ШТЕФАНИК В РОССИИ В 1916 – 1917 ГОДАХ: НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА	423
Макаренко К.М.	
ЛОБИЗМ КАК ФАКТОР «РАЗЖИГАНИЯ» МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ	428

Мустафаева Ситара Орудж гызы ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПАКТЕ МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА	433
Парубочая Е.Ф. МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	445
Самохина Г.А. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1920 – 1930-х ГОДОВ О РОЛИ РОССИИ В АНТАНТЕ	452
Sachin N. Pardhe THE ARITHMATIC OF WAR: UNDERSTANDING THE THEORY OF INTERNATIONAL MILITARY CONFLICTS	462
Хармоко Монток ПУТЬ ИНДОНЕЗИИ К НЕЗАВИСИМОСТИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	476
Нелин Т.В. «ГОВОРЯЩИЕ С ВЕТРОМ»: ИНДЕЙЦЫ-ШИФРОВАЛЬЩИКИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	482
Мельниченко Д.В. ОБРАЗ И.В. СТАЛИНА В ЗАПАДНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	489
Циватый В.Г. НОВЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУЦИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	494
СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ	
Андрющенко О.Е. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ	505
Бахир Ю.Н. ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ БССР ОБЩЕСТВОМ КРАСНОГО КРЕСТА В 1944 – 1950-е ГОДЫ	510

Бецкова Л.А.

МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ СССР
И СОЮЗНЫХ СТРАН В ЗАЩИТУ ДЕТЕЙ
ОТ ФАШИСТСКОГО ВАРВАРСТВА 516

Булахтина О.В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ) 523

Волошина Л.А.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО УРАЛА) 526

Гоманенко О.А.

«КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС» У РЕЧНИКОВ
СРЕДНЕЙ И НИЖНЕЙ ВОЛГИ В 1945 – 1947 ГОДАХ 537

Кобзева А.М.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ИХ СЕМЕЙ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 543

Коновалова К.Ю.

РАЗВИТИЕ ПРОМКООПЕРАЦИИ И ЕЕ РОЛЬ
В ПРОИЗВОДСТВЕ ТОВАРОВ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 549

Кривоножкина Е.Г.

ОСОБЕННОСТИ ЭВАКУАЦИИ
ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ТАТАРСКУЮ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 559

Кузнецова Н.В.

МЕРЫ ПО ОПТИМИЗАЦИИ
СОСТАВА РАБОТНИКОВ СИСТЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ
В СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945 – 1952 ГОДАХ 565

Леонтьева Е.А.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ
В 50 – 60-е ГОДЫ XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО УРАЛА) 577

Лепкова Е.А.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ
В ЦАРИЦЫНЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 590

Содержание

Литвинова И.Н.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА
СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ
И РАНеным ВОИНАМ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
НА ПРИМЕРЕ г. ЦАРИЦЫНА 600

Шкарин В.В., Покатилов А.Б., Погасий Л.И.

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТЕАТРА
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 606

Пищулина С.Ю.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
МОЛОДЫХ РАБОЧИХ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
ВОССТАНОВЛЕНИЯ СТАЛИНГРАДА
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СТРОИТЕЛЬНОГО ТРЕСТА № 14
«СТАЛИНГРАДТРАКТОРОСТРОЙ») 617

Руссу О.Д.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ
ВОННОПЛЕННЫХ В СТАЛИНГРАДЕ 627

Сперанский А.В.

«СТИСНУТЬ ЗУБЫ, ДА ТЕРПЕТЬ...»
МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ТРУДЯЩИХСЯ УРАЛА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 635

Научное издание

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

*Материалы
Международной научной конференции,
посвященной 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне*

Волгоград, 25–26 сентября 2015 года

В 2 частях

Часть 2

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редакторы: *С.А. Астахова, Н.В. Горева,
Д.Н. Сафонова, И.В. Сметанина*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*
Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 16.06 2015 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 38,0.
Уч.-изд. л. 40,8. Тираж 100 экз. Заказ . «С» 56.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.
E-mail: izvolgu@volsu.ru